Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея,
Господи, и поля Твоя исполнятся тука.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LV.

ВРЕМЕННИКЪ

Ставропигійскаго Института

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

НА ГОДЪ

1925

ЛЬВОВЪ, 1924.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

2174

Содержаніе Временника.

		Стр
1.	Табель календарь	3
2.	Мѣры	4
3.	Всеобщая хроника	5
4.	Русская лѣтопись	6
5.	Астрономическія указанія	13
6.	Церковный указатель	14
7.	Календаріумъ	16
8.	Ставропигійскій Институтъ	40
9.	Исторія Ставропигійскаго Института	41
10.	Безъ Великаго говѣнія	62
11.	Русскія церкви во Львовѣ	64

Часть литературная.

		Стр
12.	Съ Новымъ Годомъ 1925, стих.	67
13.	Пушкинъ	69
14.	350 лѣтняя годовщина (Ѳедорова)	71
15.	Роковая пѣсенка	89
16.	Прощаюсь ангелъ, стих. съ нотами	93
17.	Златокузнецъ	94
18.	Приголубь, стих.	135
19.	Звонарь Матвѣй	135
20.	Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ	140
21.	Настанетъ черный годъ, стих.	200
22.	Кто началъ русскую революцію	205
23.	Сколько крови пролито въ Міровую войну	258
24.	Подъ шумъ Салгира	259
25.	Навѣкъ одна Русская пѣсня стих.	287
26.	Какъ мы воевали	288
27.	Впередъ герои молодые, стих.	337
28.	Русская тройка, стих. съ нотами	338
29.	Новый великанскій телескопъ	339
30.	Марсъ	340
31.	Документы къ исторіи Ставроп. Института	345
32.	Коль славенъ	
33.	Списокъ книгъ Ставроп. Института	350

Годъ изданія LV.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

на обыкновенный годъ

1925

числящій 365 дней.

ЛЬВОВЪ, 1924.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института.
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

1459

РК III
40.118

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 136314

ЛБ АН УРСР
№ 6200

Табель-календарь на 1925 годъ.

(Новый стиль).

Дни недѣли	I. Январь	II. Февраль	III. Мартъ
Понедѣльн.	5 12 **19** 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30
Вторникъ	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31
Среда	**7** **14** 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25
Четвергъ	1 **8** 15 22 29	5 **12** 19 26	5 12 19 26
Пятница	2 **9** 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27
Суббота	3 10 17 24 31	7 **14** 21 28	7 14 21 28
Воскресеніе	**4** **11** **18** **25**	1 **8** 15 **22**	1 **8** **15** **22** **29**

Дни недѣли	IV. Апрѣль	V. Май	VI. Іюнь
Понедѣльн.	6 13 **20** 27	4 11 18 25	1 **8** 15 22 29
Вторникъ	**7** 14 **21** 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Среда	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Четвергъ	2 9 16 23 30	7 14 21 **28**	4 11 18 25
Пятница	3 10 17 24	1 8 15 22 29	**5** 12 19 26
Суббота	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Воскресеніе	**5** **12** **19** **26**	3 **10** **17** **24** 31	**7** **14** **21** **28**

Дни недѣли	VII. Іюль	VIII. Августъ	IX. Сентябрь
Понедѣльн.	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 **21** 28
Вторникъ	**7** 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Среда	1 8 15 22 29	5 12 **19** 26	2 9 16 23 30
Четвергъ	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
Пятница	3 10 17 24 31	7 14 21 **28**	4 **11** 18 25
Суббота	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Воскресеніе	**5** **12** **19** **26**	**2** **9** **16** **23** **30**	**6** **13** **20** **27**

Дни недѣли	X. Октябрь	XI. Ноябрь	XII. Декабрь
Понедѣльн.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Вторникъ	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Среда	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Четвергъ	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Пятница	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Суббота	3 10 17 24 31	7 14 **21** 28	5 12 **19** 26
Воскресеніе	**4** **11** **18** **25**	1 **8** **15** **22** **29**	**6** **13** **20** **27**

Праздничные дни обозначены жирными цифрами.
Цифры, обведенныя черной линіей, посты.

Мѣры.

Мѣры линейныя или погонныя:

1 метръ = 10 деним. = 100 сантим. = 1000 милим.
1 километръ = 1000 метрамъ.
1 футъ = 12 дюймовъ = 0,30480 метра.
1 аршинъ = 16 вершковъ = 28 дюймовъ = 0,71120 метра.
1 сажень (русская) = 3 аршина = 7 футовъ = 2,13360 метра.
1 сажень (нѣмецкая) = 1,896485 метра.
1 верста = 500 саженъ = 1,06680 километра.
1 миля (австр.) = 7585,94 метровъ = 7,586 км. = 4.000 саж.
1 миля (нѣм.) = 7,50 км.
1 миля (анг.) = 1,61 км.
1 миля (морск.) = 1,8532 км. = 1,7362 версты.
1 узелъ = 1 морск. милѣ = 1,8532 км. = (длина пути, проходимая судномъ въ 1 часъ).
1 миля (геогр.) = 7,420 км. = 6,9569 версты.
1 ярдъ (yard) = 0,9140 метра.

Мѣры квадратныя:

1 моргъ = 1600 квадр. саж. нѣм. = 5585,31 квадр. метр. = 0,510 десятины.
1 десятина = 1,95609 морга = 1,09254 гектара = 2400 квадр. саж. русскихъ.
1 гектаръ = 1,79041 морга = 0,915299 десятины.

Мѣры вѣса:

1 килограмъ = 100 декамъ = 1000 граммамъ = 2,442 фунтамъ русскимъ.
1 фунтъ (австр.) = 0,5 килог.
1 фунтъ (русскій) = 0,40951241 килограма = 32 лотамъ = 96 золотникамъ.
1 пудъ = 40 фунт. русс. = 16,380 килограма.
1 тонна (корабельн.) = 1015,59 килограм. = 4 800 фунт.

Мѣры объема:

1 литръ = 1 кубическому дециметру = 1000 куб. сантим.
1 бутылка русск. = 0,615 куб. сантим.
1 ведро = 12.299 литрамъ = кружкамъ.
1 кружка = 1,230 литра.
1 гарнецъ = 3,280 литра.
1 бочка = 40 ведр. = 491.957 литр. = 4,91957 гектолитр.

ВСЕОБЩАЯ ХРОНИКА.

	въ 1925 году
Отъ созданія міра	7433 лѣтъ
— всемірнаго потопа	4320 „
— введенія юліанскаго календаря	1969 „
— Рождества Христова	1925 „
— основанія магометанской религіи	1303 „
— основанія Русской державы	1063 „
— крещенія Руси	937 „
— изобрѣтенія бумаги	766 „
— начала Московскаго государства	597 „
— изобрѣтенія типографскаго искусства . .	475 „
— завоеванія Цареграда турками	472 „
— открытія Америки	433 „
— основанія лютеранскаго вѣроисповѣданія .	408 „
— введенія григоріанскаго календаря . . .	343 „
— вступленія на русскій престолъ Романовыхъ	312 „
— возсоединенія Малороссіи съ Россіею . .	271 „
— изобрѣтенія паровой машины	220 „
— присоединенія Галичины къ Австріи . .	153 „
— „ Буковины „ „ . .	148 „
— изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ	100 „
— „ телеграфа	92 „
— „ швейныхъ машинъ	79 „
— „ телефона	40 „
— „ аэроплановъ	16 „
— освободительной Балканской войны . .	13 „
— начала Всемірной Войны . . .	11 „
— начала Русской революціи и паденія Россійской Имперіи	8 „
— паденія Австро-Венгріи, Германской Имперіи и окончаніи Всемірной войны	7 „

Русская лѣтопись.

Годъ 862. Первый русскій князь Рюрикъ основалъ Русское государство. Свв. равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій изборѣли славянскую азбуку, начали свою проповѣдь въ Болгаріи и занялись переводомъ св. Писанія на славянскій языкъ.

— 865. Крещеніе польскаго князя Земовита учениками свв. Кирилла и Меѳодія по восточному обряду.

— 869. Кончина св. Кирилла.

— 882. Перенесеніе столицы въ Кіевъ.

— 885. Кончина св. Меѳодія.

— 958. Русская княгиня Ольга приняла въ Цареградѣ крещеніе.

— 965. Крещеніе польскаго народа по восточному обряду.

— 988. Крещеніе вел. князя Владиміра и русскаго народа.

— 992. Учрежденіе епархій въ западной Руси: Черниговской и Владимірско-Волынской, куда входила Червонная Русь.

— 1015. Кончина св. Владиміра.

— 1036. Учрежденіе Кіевской митрополіи.

— 1051. Начало Кіевопечерскаго монастыря.

— 1054. Смерть Ярослава Мудраго и утвержденіе удѣльной системы княженія.

— 1056—1114. Преподобный Несторъ.

— 1057 Остромирово Евангеліе.

— 1097. Любеческій съѣздъ князей.

— 1100. Витичевскій съѣздъ.

— 1140. Кн. Владиміромъ, сыномъ кн. Володаря Перемышльскаго, основанъ городъ Галичъ.

— 1145. Учреждено русское епископство въ Галичинѣ.

— 1147. Первое упоминаніе о Москвѣ.

— 1179. Взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.

— 1185 Походъ сѣверскихъ князей на половцевъ.

— 1198. Соединеніе Галицкаго княжества съ Волынью.

— 1220. Учрежденіе Перемышльской епархіи.

— 1224. Первое нападеніе татаръ на Русь и битва на Калкѣ-р.

— 1236. Нашествіе Батыя.

— 1240. Взятіе Кіева татарами. Битва Александра Невскаго со шведами.

— 1240. Учрежденіе Холмско-Белзской епархіи.

— 1259. Первое упоминаніе въ лѣтописяхъ о Львовѣ, основанномъ русскимъ княземъ Даніиломъ во имя сына Льва.

— 1289. Учрежденіе Луцкой епархіи.

— 1299. Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ.

— 1308. Учрежденіе Галицкой митрополіи.

— 1328. Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра на Клязьмѣ въ Москву.

Годъ 1337. Смерть послѣдняго галицко-русскаго князя Юрія II. Андреевича.
— 1340. Переходъ Галицко-русскаго княжества во владѣніе Польши.
— 1353. Моровая язва въ Россіи.
— 1370. Смерть польскаго короля Казимира, который принялъ въ свою державу жидовъ и забралъ подъ свою власть Галицкую Русь.
— 1375. Основано латинское епископство въ Галичѣ.
— 1377. Основано латинское епископство въ Перемышлѣ.
— 1380. Побѣда надъ татарами вел. кн. Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ.
— 1382. Нашествіе Тохтамыша и разореніе Москвы.
— 1387. Королева Ядвига захватила окончательно Галицкую Русь во власть Польши.
— 1409. Закрытіе русской митрополіи въ Галичѣ.
— 1412. Литовскій православный князь Яковъ-Ягайло, женившійся 1386 г. на польской королевѣ Ядвигѣ, перешелъ въ латинство и принявъ имя Владыславъ, отобралъ православнымъ перемышльскую владычью церковь и отдалъ ее латинянамъ, вслѣдствіе чего русскій епископъ съ крылошанами должны были переселиться въ Старый Самборъ.
— 1413. Городельскій сеймъ.
— 1414. Перенесеніе латин. епископства изъ Галича во Львовъ.
— 1431. Притѣсненный панами русскій народъ въ Галичинѣ возсталъ противъ польскаго короля Ягайла, за что Ягайло сжегъ много городовъ и селъ и наложилъ на православныхъ десятину для латинскихъ костеловъ.
— 1439. **Основаніе львовскаго Ставропигійскаго Братства.**
— 1458. Раздѣлъ русской митрополіи на сѣверную (Московскую) и южную (Кіевскую). Послѣднюю составили енархіи: Кіевская, Владиміро-Брестская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Галицкая.
— 1471. Соединеніе княжества Кіевскаго съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Походъ Іоанна III на Новгородъ.
— 1472. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ.
— 1478. Присоединеніе Новгорода къ Москвѣ.
— 1480. Московскій царь Иванъ III Великій отказался платить дань татарамъ, прогналъ татарскихъ пословъ изъ Москвы и разъ на всегда освободилъ сѣверную Русь отъ власти татаръ.
— 1491. Для ополяченія русскихъ закрыта Галицкая епископія. Напечатана въ Краковѣ кириллицею первая славянская книга „Часословъ“.
— 1487. Изданіе перваго Судебника.
— 1504. Осужденіе ереси жидовствующихъ.
— 1510. Присоединеніе Пскова къ Москвѣ.
— 1514. Взятіе Смоленска Москвою.

Годъ 1520. Присоединеніе Рязани къ Москвѣ.

— 1522. Польскіе паны отказали въ участіи въ сеймѣ князю Константину Острожскому потому, что онъ былъ русскій, несмотря на то, что Острожскій, какъ воевода польскаго короля, выигралъ въ своей жизни 33 сраженія, а проигралъ всего лишь два.

— 1539. Основаніе русскаго епископства во Львовѣ на мѣсто закрытаго Галицкаго.

— 1547. Вѣнчаніе Іоанна IV Грознаго и принятіе имъ царскаго титула.

— 1550. Первый земскій соборъ.

— 1551. Стоглавый соборъ.

— 1552. Покореніе Казани.

— 1556. Покореніе Астрахани.

— 1558—1582. Ливонская война.

— 1563. Книгопечатаніе въ Москвѣ.

— 1565. Опричнина.

— 1569. Люблинская унія. Окончательное соединеніе Литовской Руси въ одну державу съ Польшею и образованіе Польской Рѣчи Посполитой.

— 1572. Король Зигизмундъ Августъ издалъ грамоту, которою позволилъ львовскимъ русскимъ пользоваться равными правами съ поляками и загрозилъ подъ пенею 20.000 угорскихъ золотыхъ угнетать русскихъ и ихъ духовенство.

— 1573. Заведеніе русской типографіи вообще первой во Львовѣ, москвичемъ Иваномъ Федоровымъ.

— 1582. Покореніе Сибири.

— 1586. Цареградскій патріархъ, Іеремія, подтвердилъ школьный уставъ братства Успенской церкви во Львовѣ и далъ этой церкви названіе Ставропигіи.

— 1589. Учрежденіе патріаршества въ Россіи.

— 1590. Всѣ православныя братства Кіевской митрополіи подчиняются львовскому братству.

— 1591. Убіеніе Царевича Димитрія, сына царя Ивана IV Васильевича Грознаго въ Угличѣ.

— 1593. Козацкій гетманъ, Косинскій, выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ противъ Польши въ защитѣ православной вѣры и русской народности и загнался даже подъ Тернополь. Воевода польскій, князь Константинъ Острожскій (сынъ перваго Константина Острожскаго), вдался съ нимъ въ борьбу подъ Пяткою, гдѣ Косинскій и 400 козаковъ положили свои головы на полѣ брани.

— 1596. (6 октября). Брестская церковная унія.

— 1596. Гетманъ козацкій, Павелъ Наливайко, собралъ около 20.000 козаковъ, прогналъ польское войско изъ Украины и объявилъ войну Польшѣ.

Годъ 1597. Наливайка сожгли живьемъ въ мѣдномъ быку на рынкѣ въ Варшавѣ.
— 1598. Прекращеніе Московской династіи Рюриковичей.
— 1598—1605. Царствованіе Бориса Годунова.
— 1601—1604. Голодные года въ Россіи.
— 1604. Вступленіе Лжедмитрія въ предѣлы Московскаго государства.
— 1605—1606. Лжедмитрій I.
— 1606—1610. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
— 1608—1610. Осада Троицкой лавры поляками.
— 1613. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.
— 1628. Гетманъ Тарасъ Трясило побилъ воеводу Конецпольскаго подъ Переяславлемъ. Сраженіе это называется „Тарасова Ночь".
— 1632. (1 ноября). Списана на сеймѣ въ Варшавѣ, а подписана и заприсяжена королемъ Владиславомъ 18 февр. 1633 г., грамота примиренія поляковъ съ русскими.
— 1633. Основаніе Кіевской Академіи.
— 1637. Взятіе Азова козаками.
— 1637. Козацкій гетманъ, Павлюкъ, выведши войско противъ Польши, былъ побить подъ Кумейками и заключилъ съ воеводою Потоцкимъ миръ. Но Потоцкій приказалъ вѣроломно поймать Павлюка и другихъ старшинъ и отвезти въ цѣпяхъ въ Варшаву, гдѣ имъ отрубили головы, а тѣла ихъ выслали на Украину на показъ и пострахъ казакамъ.
— 1649. Начало военъ съ Польшею казацкаго гетмана Хмельницкаго за русскую вѣру и народность.
— 1646. Принятіе уніи въ Ужгородѣ (Унгварѣ).
— 1652—1666. Патріаршество Никона.
— 1654. Исправленіе богослужебныхъ книгъ и расколъ.
— 1654. Соединеніе Малой Руси съ Россіею.
— 1657. (15 авг.) Смерть гетмана Богдана Хмельницкаго.
— 1666. Учрежденіе почтъ.
— 1667—1676. Соловецкое возмущеніе.
— 1668—1671. Возстаніе Стеньки Разина.
— 1682. Первый стрѣлецкій бунтъ.
— 1689. Начало самодержавія Петра Великаго.
— 1691. Перемышльскій епископъ, Иннокентій Винницкій, принялъ унію (23 іюня).
— 1695. Введеніе флота въ Россіи.
— 1697—1698. Первое путешествіе Петра Вел. за границу.
— 1698. Начало преобразовательной дѣятельности Петра Вел.
— 1699. Перенесеніе начала года съ 1-го сентября на 1-го января.
— 1700. Смерть послѣдняго патріарха Адріана.
— 1700—1721. Сѣверная война.
— 1700. Львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій, принялъ унію.
— 1703. Основаніе Петрограда.

Годъ 1705. Начало печатанія гражданскимъ шрифтомъ.
— 1709. Полтавская битва.
— 1710. Львовская Ставропигія приняла унію.
— 1713. Перенесеніе столицы въ Петроградъ.
— 1721. Учрежденіе святѣйшаго Синода. Указъ о престолонаслѣдіи. Принятіе Петромъ Вел. императорскаго титула
— 1726. Открытіе академіи наукъ.
— 1755. Основаніе Московскаго университета.
— 1756. Основаніе публичнаго театра въ Петроградѣ.
— 1757. Основаніе академіи художествъ.
— 1768. Принятіе Польши подъ покровительство Россіи.
— 1772. Первый раздѣлъ Польши. Галичина пришла подъ владѣніе Австріи, а Бѣлая Русь подъ владѣніе Россіи.
— 1773—1775. Пугачевскій бунтъ.
— 1777. Буковина пришла подъ владѣніе Австріи.
— — Перенесеніе русской епископіи изъ Мункачева въ Ужгородъ.
— 1782. Императоръ Іосифъ II отмѣнилъ тѣлесное подданство.
— 1783. Присоединеніе Крыма.
— 1788. Закрытіе послѣдняго православнаго монастыря въ Галичинѣ, Скита Манявскаго.
— 1793. Второй раздѣлъ Польши.
— 1795. Третій раздѣлъ Польши.
— 1799. Походъ Суворова въ Италію.
— 1805. Война Россіи и Австріи съ Наполеономъ.
— 1806—1807. Война Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ.
— 1807. Возстановленіе Галицкой митрополіи во Львовѣ.
— 1808—1809. Война съ Швеціей.
— 1812. Отечественная война.
— 1815 Священный Союзъ. Присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго.
— 1816. Основаніе русской Пряшевской епархіи.
— 1819. Основаніе Петроградскаго университета.
— 1824. Наводненіе въ Петроградѣ.
— 1825. Заговоръ декабристовъ.
— 1834. Учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ.
— 1834. Въ Перемышлѣ вышла первая галицко-русская грамматика Іосифа Левицкаго.
— 1836. Начало желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.
— 1839. Присоединеніе уніатовъ къ православной церкви въ Россіи.
— 1846. Въ Галичинѣ появилась первая русская газета п. з. „Зоря Галицкая“.
— 1848. (3 мая). Отмѣна панщины. Осенью того-же года вступилъ на престолъ Францъ Іосифъ I.
— 1848. Основаніе литературнаго Общества „Галицко-русская Матица“ и политическаго Общества „Русская Рада“ во Львовѣ.

Годъ 1851. (Въ іюнѣ). Началъ строиться русскій „Народный Домъ“ во Львовѣ. 18 окт. импер. Францъ Іосифъ I положилъ краеугольный камень подъ „Народный Домъ“ въ присутствіи русскихъ владыкъ Яхимовича и Бохенскаго.

— 1853—1856. Крымская война и осада Севастополя.

— 1858. Присоединеніе Амурскаго края.

— 1659. Покореніе Восточнаго Кавказа.

— 1861. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи (19 февраля).

— 1861. (26 янв.) Начала выходить руская газета „Слово“.

— 1861. (29 апр.) Первое засѣданіе галицкаго сейма во Львовѣ.

— 1862. Изданіе папою конкордіи, по которой вѣрнымъ греко-каѳолическаго обряда не свободно переходить на латинскій обрядъ и наоборотъ. Римскій престолъ подтвердилъ русскіе капитулы во Львовѣ и въ Перемышлѣ.

— 1863 (29 апр.) Умеръ митрополитъ Григорій Яхимовичъ.

— 1864. Покореніе Западнаго Кавказа.

— 1867. Уступка россійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ

— 1867. Введеніе польскаго языка въ среднихъ школахъ Галичины.

— 1868. Взятіе Самарканда и Бухары.

— 1869. Издано министерское распоряженіе, которымъ во всѣхъ галицкихъ правительственныхъ вѣдомствахъ вводится польскій языкъ какъ офиціальный.

— 1870. Вторичное основаніе полит. Общества „Русская Рада“.

— 1874. Всеобщая воинская повинность въ Россіи.

— 1874. Основаніе Общества им. Михаила Качковскаго.

— 1877—1878. Турецкая война. Берлинскій Конгресъ.

— 1878. С. Стефанскій договоръ.

— 1879. Устроеніе первой русской хозяйственно-промышленной выставки въ Станиславовѣ стараніемъ Общества им. Михаила Качковскаго.

— 1880. Первое всенародное вѣче во Львовѣ.

— 1882. Учрежденіе въ Россіи крестьянскаго поземельнаго банка.

— 1882. Великій русскій политическій процесъ противъ о. Наумовича, Площанскаго, Маркова и тов.

— — Уступленіе митрополита Іосифа Сембратовича.

— 1885. (27 марта). Введено епископство въ Станиславовѣ.

— 1887 (24 іюня). Освященіе обновленной русской каѳедральной церкви въ Перемышлѣ.

— 1890. Объявленіе деп. Романчукомъ „новой эры“.

— 1893. Закрытіе вѣнской русской духовной семинаріи.

— 1895. Массовая русская депутація къ императору съ жалобою на незнаконные выборы въ сеймъ.

— 1897 1898. Взятіе русскими Портъ-Артура и договоръ съ Китаемъ о Квантунскомъ полуостровѣ.

Годъ 1897. Кровавые („баденіевскіе“) выборы въ державную думу.
— 1899. Созывъ въ Гаагѣ международной конференціи по разоруженію по почину имп. Николая II.
— 1902. Первая крестьянская забастовка въ Галичинѣ.
— 1904. Русско-японская война.
— — Введеніе въ жизнь литературной фондаціи Михаила Качковскаго. — Конецъ русско-японской войны.
— 1905 Введеніе конституціи въ Россіи 17 (30) октября).
— 1906. Освященіе Преображенской церкви „Народнаго Дома“ во Львовѣ 16 (30) апрѣля.
— 1907. Первые выборы въ австрійскій парламентъ на основаніи всеобщаго и прямого права голосованія обагрились въ Галичинѣ русскою крестьянскою кровью.
— 1908. Убіеніе украинофиломъ Сѣчинскимъ намѣстника Галичины гр. А. Потоцкаго. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ, на которомъ представители Державной Руси и Червонороссіи составляли одну групу. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ и пребываніе въ Галичинѣ русскихъ гостей изъ Россіи.
— 1909. Открытіе во Львовѣ „Русскаго Торговаго Дома“ и „Русскаго ревизійнаго Союза“.
— 1910. Закрытіе въ Черновцахъ русскихъ обществъ краевымъ буковинскимъ правительствомъ. — Основаніе во Львовѣ общ. „Рольничій Союзъ“ — Открытіе общ. „Союзъ русскихъ Дружинъ“ и общ. „Центральный молочный Союзъ“.
— 1911. Убійство русскаго премьера Петра А. Столыпина евреемъ Багровымъ. — Смерть Льва Н. Толстого — Введеніе земствъ въ юго-западной Россіи.
— 1912. Выдѣленіе Холмщины изъ Царства польск. — Сотая годовщина похода Наполеона на Россію.
— 1913. Празднованіе 300 лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.
— 1914. 15 (28) іюля. Начало Всемірной войны. Ужасныя гоненія Австрійцевъ на русскихъ галичанъ. Занятіе Галичины россійскнми войсками.
— 1915. Отступленіе Русскихъ изъ Галичины.
— 1917. 27 февр. (12.III.) отреченіе царя Николая II отъ престола. Временное правительство (Керенщина). Начало Русской революціи и захватъ большевиками власти въ Россіи.
— 1918. Убійство большевиками царя и царской семьи. Развалъ Австро Венгріи. Захватъ австрійскими украинцами, а затѣмъ поляками восточной русской Галичины.
— 1919. Гражданская война „Добровольцевъ“ съ большевиками.
— 1923. Признаніе Антантой Галицкой, Холмской и Бѣлой Руси Польшѣ.

Астрономическія указанія.

Годъ 1925-ый есть годъ обыкновенный, въ которомъ имѣется 365 дней.

Астрономическая весна начинается на сѣверномъ полушаріи 8 (21) марта (въ 2 ч. 21 м. утра), когда солнце повидимому проходитъ надъ экваторомъ по направленію къ сѣверному полюсу. Этого числа на экваторѣ, на открытомъ морѣ, день и ночь равны. У насъ этотъ день называется весеннимъ равноденствіемъ.

Астр. лѣто начинается у насъ 9 (22) іюня, въ 10 ч. утра, когда солнце находится прямо надъ тропикомъ „Рака“, т. е. на 23 1/2 градусѣ къ сѣверу отъ экватора. На нашемъ полушаріи этого числа день самый длинный, а ночь самая короткая.

Астр. осень начинается у насъ 10 (23) сентября, въ 6 ч. когда солнце повидимому проходитъ надъ экваторомъ по направленію къ южному полюсу. Этого числа на экваторѣ, на открытомъ морѣ, опять день и ночь равны. У насъ этотъ день называется осеннимъ равноденствіемъ.

Астр. зима начинается у насъ 9 (22) декабря въ 19 ч. когда солнце находится прямо надъ тропикомъ „Козерога“, т, е. на 23 1/2 градусѣ къ югу отъ экватора. На нашемъ полушаріи этого числа день самый короткій, а ночь самая длинная,

Владѣющею планетою (небеснымъ тѣломъ какъ наша земля) въ 1925 году есть звѣзда Марсъ.

Затмѣнія въ 1925 году.

Въ 1925 мъ году будутъ три затмѣнія солнца и два затмѣнія луны. Затмѣнія луны будетъ въ Европѣ видно (при погодномъ небѣ) только одно первое, а затмѣніе солнца только второе.

Первое частичное затмѣніе луны послѣдуетъ 9 февраля н. ст. въ 7 ч 27 м. утра и кончится въ 10 ч. 6 м. Это затмѣніе при погодномъ небѣ будетъ отчасти и у насъ видно.

Первое кольцообразное затмѣніе солнца послѣдуетъ 23-го февр. н. ст. въ 7 ч. 31 м. утра и кончится въ 11 ч. 2. м. дня. Это затмѣніе будетъ видно только на южномъ полушаріи въ Новой Зеландіи, Австраліи и въ восточной части Южнаго ледовитаго океана.

Второе полное затмѣніе луны послѣдуетъ 4 августа н. ст. въ 12 ч. 44 м. дня и кончится въ 4 ч. 23 м. Это затмѣніе при погодномъ небѣ будетъ видно въ сѣверной Америкѣ и на Тихомъ океанѣ. — (У насъ это затмѣніе не будетъ видно).

Второе полное затмѣніе солнца послѣдуетъ 11 (24) іюля. Его начало въ 13 ч. 22. м. дня: При погодномъ небѣ это затмѣніе солнца будетъ видно въ южной части Атлантическаго океана и въ южной Америкѣ. У насъ не будетъ видно.

Третье затмѣніе солнца будетъ 7 (20) августа, но у насъ тоже не будетъ видно, только около сѣвернаго полюса.

ФАЗЫ ЛУНЫ:

🌑 Новолуніе. ☽ Первая четверть. 🌕 Полнолуніе. ☾ Послѣдняя четверть.

Церковный указатель.

I. ПАСХАЛІЯ.

Ключъ границъ ◊.
Мясоѣдъ 6 недѣль и 5 дней.
Мясопустъ 9 (22) февр.
Сыропустъ 16 февр. (1 марта).
Благовѣщеніе на 6-ой нед. Вел. Поста (во вторникъ).
Вруцѣлѣто ѧ, отъ 1 марта ѣ.
Пасха 6 (19) апрѣля.
(Лат. Пасха, недѣлю раньше).
Св. Георгія (Юра) на третей нед. послѣ Пасхи (въ среду, 7 мая н. ст).
Вознесеніе 15 (28) мая.
Сош. св. Духа 25 мая (7 іюня).
Петровъ Постъ 27 дней.

II. ПОСТЫ.

1. Въ Навечеріе Богоявленія 5 (18) янв.
2. Великій Постъ съ понед. 17 февр. (2 марта) по Свѣтл. Воскр. 6 (19) апр.
3. Петровъ Постъ съ понед. 2 (15) іюня по 29-ого іюня, (12 іюля).
4. Маккавеевка или Спасовка съ пятницы 1 (14) авг. по 15 (28) авг.
5. На Усѣкновеніе 29 авг. (11 сент.)
6. На Воздвиженіе 14 (27) сент.

Филипповка съ пятницы 14 (27) ноября по 25 декабря (7 января).

8. Въ каждую среду и пятницу за исключеніемъ недѣль послѣ Рождества и до Навечерія Богоявленія, послѣ нед. о мытарѣ и фарисеѣ, послѣ Пасхи и послѣ Сош. св. Духа.

III. ВРЕМЯ,

запрещенное церквою на забавы съ музыкой и танцами:

1. Всѣ среды и пятницы.
2 Отъ начала Филипповки до Богоявленія.
3. Отъ Мясопуста до Ѳоминой недѣли.
4. Въ Петровку.
5. Въ Спасовку.
6. На Усѣкновеніе.
7. На Воздвиженіе.

IV. РУССКО-НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ:

15 (28) іюля, св. Владиміра, Крестителя Руси.
1 (14) августа, Крещеніе Руси.

1925 ЯНВАРЬ (31 день). 1925

Дн. дед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны	
С.	1	**Н. Годъ. 1925. В. В.**	14	Енфросиніи	7 15	3 47		Въ 21 ч. 54 м.
Ч.	2	Сильвестра папы Р.	15	Маура	7 14	3 49		
П.	3	Малахіи, Гордія	16	Маркилла, Оттона	7 13	3 50		
С.	4	Соборъ 70 ап. Ѳеокт.	17	Антонія В.	7 12	3 52		
В	5	**Нед. пр. Пр.** Нав. Бог.	18	**2 по Еп.** Приски	7 11	3 53	☽	
П	6	⊕ **Бог. (Крещ.) Госп.**	19	Генрика	7 10	3 54		Въ 18 ч. 15 м.
В.	7	† *С. І. Крестителя*	20	Фердинандз	7 09	3 56		
С.	8	Георг., Емил., Домин.	21	Агнесы	7 08	3 58		
Ч.	9	Поліевкта мч.	22	Викентія	7 07	3 59		
П.	10	Григорія Нисс. Марк.	23	Обр. П. Д. М.	7 06	4 00		
С.	11	† *Прп. Ѳеодосія*	24	Тимофея	7 05	4 02		
В.	12	**Н. по Просв.** Татіяны	25	**3 по Еп.** Обращ. св. П.	7 04	4 05	●	
П.	13	Ермила, Стратоника	26	Поликарпа	7 03	4 07		
В.	14	О. П. Б.	27	Іоан. Злат.	7 02	4 08		
С.	15	Павла, Іоанна	28	Карла Вел.	7 02	4 10		
Ч.	16	Покл. вер. св. Петр.	29	Франца Салез.	7 01	4 12		
П.	17	† *Прп. Антонія Вел.*	30	Мартина	7 01	4 14		
С.	18	Аѳанасія и Кирилла	31	Петра изъ Н.	7 00	4 15		
В.	19	**Н. 32 по С.** Макар. еп.	1	**Февраль. 5 по Еп.**	6 59	4 16		
П.	20	† *Прп. Евѳимія В.*	2	⊕ **Маріи Громничн.**	6 57	4 18	☾	Въ 1 ч. 36 м.
В.	21	Максима	3	Блажея	6 52	4 23		
С.	22	Тимофея, Анастасія	4	Вероники	6 50	4 25		
Ч.	23	Климента еп. Анк.	5	Агаты	6 49	4 27		
П	24	Ксеніи, Македонія	6	Дороты	6 47	4 29		
С.	25	† *Григорія Богосл.*	7	Ромуальда	6 45	4 30		
В.	26	**Н. 33 по С.** Мит. Фар.	8	**6 Старо. зап.** Іоанна	6 44	4 32		
П.	27	Пер. мощ. Іоан. Злат.	9	Аполлоніи	6 43	4 34		Въ 8 ч. 51 м.
В.	28	Ефрема	10	Схоластики	6 41	4 35	○	
С.	29	Игнатія, Романа, Іак.	11	Евфроз., Дезид, Луц.	6 39	4 37		
Ч.	30	⊕ **Трехъ Святит.**	12	Модеста, Евлаліи	6 37	4 38		
П.	31	Кира и Іоан. Безср.	13	Юліана, Катерины	6 35	4 40		

Еврейскій календарь:

Годъ 5685. 13 (26) янв. = 1. Шебатъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени, которое отъ Львовскаго отстаетъ, на 36 мин. отъ Тернопольскаго на 40 мин., отъ Перемышльскаго на 32 мин.

Январь.

Бѣло, бѣло. Все снѣгомъ занесло.
Блестятъ алмазами поля — пустыни.
Бѣло, бѣло, а куполъ ярко синій.
Гляжу на садъ сквозь потное стекло:

Мальчишки на дворѣ изъ снѣга турка
Слѣпили. Шумъ и рѣзвый смѣхъ до слезъ.
„Эй, вы! Не холодно?“ Что за вопросъ!
А въ сказочномъ бору сигаетъ юрко
Косой бѣлякъ, и бродитъ Дѣдъ Морозъ.
И о веснѣ задумалась Снѣгурка.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 ФЕВРАЛЬ (28 дней) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зах. солнца	Фазы луны
С.	1	Трифона, Петра	14	Валентина	6 34	4 42	
В.	2	**Н. 0 блуд. С. ⊕ Ср. Г.**	15	**Нед. Предзап.**	6 32	4 44	
П.	3	Симеона и Анны	16	† Юліанны	6 30	4 45	
В.	4	Исидора преп.	17	Константіи	6 28	4 46	☾ Въ 5. ч. 28 м.
С.	5	Агаѳіи	18	Флавіана	6 27	4 48	
Ч.	6	Вукола, Юліяна	19	Конрада	6 25	4 50	
П.	7	Парѳенія, Луки	20	Леона, Никифора	6 23	4 52	
С.	8	Ѳеодора Страт. Зах.	21	Елеоноры	6 21	4 53	
В.	9	**Н. Мясопуст.** Никиф.	22	**Нед. Запустна.** П. К.	6 19	4 55	
П.	10	Харлампія, Порфирія	23	Петра Даміана Ром.	6 17	4 57	
В.	11	Власія Свмч	24	Матея Ап.	6 16	4 58	♒ Въ 9 ч. 03 м.
С.	12	Мелетія, Марины	25	† *Попелецъ* Анастасіи	6 15	4 59	
Ч.	13	Мартиніяна, Зои. Сим.	26	Виктора	6 13	5 00	
П.	14	Кирилла Слав., Авкс.	27	Александра	6 12	5 01	
С.	15	Онисима, Пафнутія	28	Романа	6 11	5 02	
В.	16	**Н. Сыропуст.** П., П.	1	**Мартъ. Нед. Вступ.**	6 10	5 03	
П.	17	Ѳеодора Т. Нач. Поста	2	Симпл.	6 09	5 04	
В.	18	Льва п. Р.	3	Кунегунды	6 07	5 05	☽ Въ 10 ч. 34 м.
С.	19	Архиппа, Филимона	4	Казимира	6 05	5 07	
Ч.	20	Льва еп. Катанскаго	5	† Фридр.	6 02	5 09	
П.	21	Тимоѳея и Евстафія	6	Колеты	6 00	5 11	
С.	22	Аѳанасія и Петра	7	Ѳомы изъ Акв.	6 57	5 13	
В.	23	**1 Н. Поста. (Прав.)**	8	**1. Н. Суха,** Іоанна б.	5 54	5 15	
П.	24	† *Орѣт гл. Іоан Кр.*	9	Франциски	5 52	5 17	
В.	25	Тарасія Святит.	10	40 мучениковъ	5 50	5 19	
С.	26	Порфирія.	11	Анели, Констанціы	5 48	5 20	♓ Въ 21 ч. 23 м.
Ч.	27	Прокопія, Тита	12	Григорія Вел.	5 46	5 21	
П.	28	Василія[1]) исп. Марины	13	Эрнста, Христ.	5 44	5 23	

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.
12 (25) февр. = 1 Адар = Ришенъ.
19 февр. (3 марта) = 7 Адаръ. Смерть Моисея.
24 февр. (9 марта) = 13 Адаръ. Эстеры (постъ)
25 февр. (10 марта) = 14 Адаръ. Пуримъ (Гаманъ)
26 февр. (11 марта) = 15 Адаръ Шушанъ Пуримъ (Гаманъ)

Восходъ и закатъ солнца по средне европейскому времени.

[1]) Капельника, потому что вода начинаетъ капать съ крышъ.

Февраль.

Взметаетъ, вихритъ, мчитъ, взъерошиваетъ снѣгъ,
Разбушевалась — ухъ! крутитъ ночная вьюга,
Нахмуренной зимы февральская подруга.
И чудится, метель не прекратится ввѣкъ.

Въ угрюмыхъ пустыряхъ, надъ гладью бѣлыхъ рѣкъ
Снуетъ и воетъ волкъ и, торопя другъ друга,
Не зная выхода изъ заклятого круга,
Храпить усталый конь и стонетъ человѣкъ.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

Львівська державна наукова бібліотека
№ 13634

1925 МАРТЪ (31 день) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
С.	1	*Евдокіи* [1]) Нестора	14	Матильды,	5 42	5 25	
В.	2	**2 Н. Поста**, Ѳеодота.	15	**3 Нед. Глуха**, Иларія,	5 39	5 26	
П.	3	Евтропія мч.	16	Любина	5 37	5 27	Въ 23 ч. 03 м.
В.	4	*Герасима* [2]) Пав., Юл.	17	Гертруды	5 35	5 29	
С.	5	Конона, Марка	18	Эдуарда	5 33	5 31	
Ч.	6	42 мучен въ Амор.	19	† *Іосифа Обручн.*	5 31	5 33	☾
П.	7	Евгенія, Ефр., Вас.,	20	Іоакима	5 28	5 34	
С.	8	Ѳеофил. Никомид.	21	Венедикта	5 26	5 35	
В.	9	**3 Крестоп.** † *40 муч.* [3])	22	**4 Нед. Средоп.** Катер,	5 24	5 37	
П.	10	Кондрата мч.	23	Оттона	5 22	5 39	Въ 24 ч. 25 м.
В.	11	Софронія патр. Іерус.	24	Гавріила	5 20	5 40	
С.	12	Ѳеофана Исп., *Средоп.*	25	**Благовѣщ Пр. Д. М.**	5 18	5 41	☽
Ч.	13	Перен. мощ. Никифора	26	Эммануила	5 16	5 43	
П.	14	Венедикта, Алексан.	27	Іоанна Дамаск.	5 14	5 44	
С.	15	Агапія, Пуплія	28	Сикста папы	5 12	5 45	
В.	16	**4 Н. Пост.** Іоанна Л.	29	**5 Нед. Чорна** Евст.	5 10	5 47	
П.	17	Алексѣя преп.	30	Квирина	5 08	5 49	Въ 5 ч. 07 м.
В.	18	Кирилла арх. Іер.	31	Бальбины	5 06	5 50	
С.	19	Хризанфа Поклони	1	**Апрѣль.** Гугона	5 04	5 52	
Ч.	20	Пр. От. Іоан. Сер Кл.	2	Франца	5 01	5 53	☽
П.	21	Іакова Ѳомы	3	Ришарда	4 59	5 55	
С.	22	Василія, Исаакія	4	Исидора	4 57	5 57	
В.	23	**5 Н. Поста** Маріи Ег.	5	**Нед. Цвѣтная** Вик.	4 55	5 58	
П.	24	Предпр. Благов. Зах.	6	Целестина	4 53	5 59	В 7 ч. 18 м.
В.	25	⊕ **Благов. Пр. Бог.**	7	Германа	4 51	6 01	
С.	26	Соб. Архан. Гавріила	8	Діонисія	4 49	6 02	
Ч.	27	Матроны	9	Маріи К. Вел. четв.	4 47	6 04	☽
П.	28	Иларіона, Стефана	10	Езекіила Вел. Пят.	4 45	6 05	
С.	29	Марка еп. Аѳеѳ,	11	Льва п. Рим.	4 43	6 07	
В.	30	⊕ **Цвѣтон.** Іоанна	12	⊕ **Воскрес. Христ.**	3 41	6 09	
П.	31	Вел. Ипатія Пр. В. П.	13	⊕ **Свѣтл. Понед.**	4 38	6 10	

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.
13 (2) марта = 1 Низанъ.
27 марта (9 апр.) = 15 Низанъ. Пайсахъ = первый день Пасхи.
28 „ (10 „) = 16 „ „ = второй „ „

Восходъ и закатъ солнца по средне европейскому времени.

---

[1]) „Евдокія Плющиха подмочи пирогъ". Евдокія весну снаражаетъ. На Евдоху свиснетъ бобачокъ (байбакъ или сурокъ будто бы въ этотъ день вылѣзаетъ изъ норы). [2]) Герасима Гречевника, потому что въ этотъ день ждутъ прилета грачей. [3]) Пекутъ изъ тѣста жаворонковъ въ ожиданіи прилета настоящихъ.

Мартъ

На мартовскомъ снѣгу еще хрустящій настъ,
А съ крышъ веселыя забрызгали капели,
И шапки бѣлыя въ саду стряхнули ели.
Воркуетъ голубь, смѣлъ, нахохленъ и грудастъ.

Весна. Пасхальный звонъ въ ея волшебномъ хмѣлѣ!
Ужели? Но мечтать кто въ Мартѣ не гораздъ?
И воздухъ млѣющій такимъ тепломъ обдастъ,
Что слышатся, поютъ весеннія свирѣли.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 АПРѢЛЬ (30 дней) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
В.	1	Геронтія Стр. Втор.	14	Валеріана	4 36	6 12	Въ 21 ч. 42 м.
С.	2	Тита Пр. Стр. Среда	15	Анастасіи	4 34	6 15	
Ч.	3	Страстный Четвергъ	16	Ламберта	4 32	6 16	☾
П.	4	⊕ **Страсн. Пятница**	17	Рудольфа	4 30	6 17	
С.	5	Артемона (*Вел. Суб.*)	18	Аполлонія	4 28	6 18	
В.	6	⊕ **Свѣт. Вос. Христ.**	19	**1 Нед. Бѣлая.** Пер.	4 26	6 20	
П.	7	⊕ **Свѣтлый Понед.**	20	Агнеты	4 24	6 21	Въ 17 ч. 12 м.
В.	8	⊕ **Свѣтлый Вторн.**	21	Анзельма	4 22	6 23	
С.	9	Евпсихія, Вадима	22	Сотера, Каія	4 20	6 24	
Ч.	10	Терентія, Зенона	23	Войтѣха	4 18	6 26	
П.	11	Антипа	24	Юрія	4 16	6 27	
С.	12	Василія исп.	25	Марка евангг.	4 14	6 29	
В.	13	**2 Нед.** Антипасхи	26	**2 Нед.** Клита, Марц.	4 12	6 30	
П.	14	Мартина Исп.	27	Перегрина	4 10	6 32	Въ 20 ч 12 м.
В.	15	Аристарха, Пуда, Тр.	28	Павла, Виталія	4 08	6 34	
С.	16	Агапіи, Ир. Хіоніи	29	Петра	4 07	6 36	
Ч.	17	Симеона	30	Екатерины	4 05	6 37	
П.	18	Іоанна, Космы	1	**Маѣ.** Филиппа	4 03	6 38	☽
С.	19	Іоан. Ветхоп.	2	Зигмунта	4 01	6 40	
В.	20	**3 Нед.** Мироносицъ	3	**3 Нед.** Обрѣт. Ч. Кр.	4 00	6 42	
П.	21	Ѳеодора и Іануарія	4	Флоріана	3 58	6 43	Въ. 15 ч. 15 м.
В.	22	Ѳеодора Сикеота	5	Пія папы	3 56	6 44	
С.	23	† *Георгія* (*Юра*)	6	Іоанна	3 55	6 46	
Ч.	24	Саввы	7	Домицеллы	3 53	6 47	
П	25	† *Марка Еванг.*	8	Станислава	3 51	6 49	●
С.	26	Василія, Стефана	9	Григорія	3 49	6 50	
В.	27	**4 Нед.** О Рослаблен.	10	**4 Нед.** Изидора.	3 48	6 52	
П.	28	Іасона и Сосипатра	11	Мамерта	3 46	6 53	
В.	29	9 мучен. въ Киз.	12	Панкрат.	3 44	6 54	
С.	30	† *Ап. Іакова Зевед.*	13	Серватія	3 43	6 56	

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.

2 (15) апр. = 21 Низанъ. Пайсахъ = содьмой день Пасхи.
2 (16) апр. = 22 „ „ послѣдн. „ „
11 (25) апр. = 1 Іаръ
29 (12) мая = 18 Іаръ, Лагъ Бомеръ (шк. пр.)

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Апрѣль.

Набухли почки вербъ, и перелѣски
Въ проталинахъ давнымъ-давно цвѣтутъ.
Озябшихъ травъ подснѣжный изумрудъ
Цѣлуютъ ручейковъ журчащихъ вплески.

Теплѣетъ солнце. Гуще занавѣски
Сквозныхъ дубравъ. И лютикъ тутъ какъ тутъ.
И надъ черемухой пчелиный гулъ,
И вьется жаворонокъ въ горномъ блескѣ.

С. Маковскій

Для замѣтокъ:

1925 МАЙ (31 день) 1925

Дн. нед	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
Ч.	1	Іереміи прор.	14	Бонифатія	3 42	6 58	Въ 8 ч. 8 м.
П.	2	† *Бориса и Гльба*	15	Софіи	3 40	6 59	
С.	3	† *Преп. Θеод. Печер.*	16	Іоанна Непом.	3 39	7 00	
В.	4	**5 О Самарянинѣ**	17	**5 Нед.** Пасхалиса	3 38	7 02	
П.	5	Ирины	18	Феликса	3 37	7 03	Въ 9 ч. 6 м.
В.	6	Іова Многостр.	19	Петра Целест.	3 36	7 04	
С.	7	Знаменіе Честн. Кр.	20	Бернарда	3 35	7 06	
Ч.	8	† *Іоан. Богосл.*	21	⊕ **Вознесеніе Госп.**	3 34	7 07	
П.	9	† *Пер. м. св. Николая*	22	Юліи	3 33	7 08	
С.	10	† *ап. Симона-Зилота*	23	Дезидерія	3 32	7 09	
В.	11	**6 О Слѣпорожд.**	24	**6 Нед.** Іоанны	3 31	7 11	
П.	12	Епифанія и Герм.	25	Урбана	3 30	7 12	Въ 7 ч. 29 м.
В.	13	Гликеріи, Александра	26	Филиппа	3 28	7 13	
С.	14	Исидора	27	Іоанна	3 27	7 14	
Ч	15	⊕ **Вознесеніе Госп.**	28	Вильгельма	3 26	7 15	
П	16	Θеодора, Ефрема	29	Максимиліяна	3 25	7 16	
С.	17	Андроника	30	Феликса	3 24	7 17	
В.	18	**7 Нед. Св. Отецъ**	31	**Сош. св. Духа**	3 23	7 18	
П.	19	Патрикія свмч.	1	**Іюнь. П. С. св. Д.**	3 22	7 20	Въ 20 ч. 17 м.
В.	20	Θалалея	2	Ерасма	3 22	7 21	
С.	21	† *равн. Конст. и Елен.*	3	Клотильды	3 21	7 21	
Ч.	22	Василиска	4	Квирина	3 21	7 22	
П.	23	Отд. Воз., Михаила	5	Бонифатія	3 20	7 23	
С.	24	Єимеона Столпника	6	Норберта	3 20	7 24	
В.	25	⊕ **Сошествіе с. Духа**	7	**1 Пр. Троицы** Роб.	3 19	7 25	
П.	26	⊕ **Пон. св. Д. (Пр. Тр.)**	8	Медарда	3 19	7 26	
В.	27	Θерапонта	9	Фелиціана	3 19	7 27	
С.	28	Никиты, Игнатія	10	Маргариты	3 18	7 27	
Ч.	29	Θеодосіи	11	⊕ **Божье Тѣло**	3 18	7 28	
П.	30	Исаакія	12	Онуфрія	3 18	7 28	
С.	31	Ермія	13	Антонія Пад.	3 18	7 29	

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.
11 (24) мая = 1 Сиванъ.
16 (29) мая = 6 Сиванъ. Зеленыя святки
17 (30) мая = 7 Сиванъ. Второй день Зел. святокъ

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Май.

Русь родная! Ей,
Какъ ты хороша въ весеннюю погоду
Утромъ, днемъ иль въ ночь, когда по небосводу
Тучечки плывутъ и веселитъ природу
Соловей.
Что за красота!
На сады какъ будто тучки пали.
На поляхъ, лугахъ, степяхъ, въ лѣсахъ и въ дали
Милiоны яркихъ красокъ засiяли —
Пестрота!
Разпрелестный май!
Пчелъ жужжанье. Нивы пахнутъ ароматомъ.
Лѣсъ гудитъ птицъ говоромъ богатымъ.
Плещетъ водопадъ за горнымъ скатомъ —
Земной рай!

В. Ваврикъ.

Для замѣтокъ:

1925 ІЮНЬ (30 дней) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фази луны
В.	1	**1. Всѣхъ Святыхъ**	14	**2 Н.** по Сошест.	3 18	8 30	☾ 20 ч. 40 м.
П.	2	Никиф. Нач. Поста	15	Вита и Мод.,	3 18	7 30	
В.	3	Лукилліана мч.	16	Франца, Бенона	3 17	7 31	
С.	4	Митрофана	17	Адольфа	3 17	7 31	
Ч.	5	Дороѳея, † Свят. Евх.	18	Марка	3 17	7 32	
П.	6	Виссаріона, Илларіона	19	Сердце І. Хр.	3 17	7 32	
С.	7	Ѳеодота, Кириакіи	20	Сильверія	3 17	7 33	
В.	8	**2 Н. по Сош.** Св. Евх.	21	**3 Н. по Сош.** Алойсія	3 18	7 33	
П.	9	Кирилла	22	Павлина	3 18	7 33	● Въ 24 ч. 1 м.
В.	10	Тимофея	23	Зенона, Агрип.	3 18	7 33	
С.	11	*Варѳоломея и Варнав.*	24	Рожд. св. Іоан. Крест.	3 19	7 33	
Ч.	12	*Пр. Онуфрія*	25	Проспера	3 19	7 33	
П.	13	† *Сострад. Пр. Богор.*	26	Іоанна и Павла	3 19	7 33	
С.	14	Елисея Меѳодія	27	† Владислава	3 20	7 33	
В.	15	**3 Н.** Аммоса Агрип.	28	**4 Н.** Леона П. Р.	3 20	7 33	
П.	16	Тихона чудотв.	29	⊕ **Петра и Павла**	3 21	7 33	☽ Въ 15 ч. 24 м.
В.	17	Мануила, Исм. Сав.	30	Емиліи, Лукіи	3 21	7 33	
С.	18	Леонтія, Ипатія	1	**Іюль.** Теобальда	3 22	7 33	
Ч.	19	† *Іуды брата Господ.*	2	Посѣщ. П. Д. М.	3 23	7 33	
П.	20	Меѳодія	3	Иліодора, Анаталія	3 24	7 33	
С.	21	Іуліана	4	Іосифа Кал.	3 24	7 32	
В.	22	**4 Н.** Евсевія, Юліаніи	5	**5 Н.** Филомены	3 25	7 31	
П.	23	Агриппины мч.	6	Исаіи	3 25	7 31	○ Въ 5 ч. 18 м.
В.	24	⊕ **Рож. Іоан. Крест.**	7	Пульхеріи	3 27	7 31	
С.	25	Февроніи	8	Елисаветы	3 28	7 30	
Ч.	26	Давида	9	Кирилла	3 29	7 30	
П.	27	Самсона	10	7 мучениковъ	3 29	7 29	
С.	28	Кира и Іоанна	11	Пелагіи, Яна Дукл.	3 30	7 29	
В.	29	**5. Н. ⊕ Петра и Павла**	12	**6 Н.** Генриха	3 31	7 28	
П.	30	Соборъ 12 Апп.	13	Маргариты	3 32	7 28	☾ 11 ч. 18 м.

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.
10 (23) іюня = 1. Тамузъ.
26 іюня (9 іюля) = 17 Тамузъ Разруш. Іерусалима (постъ)

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Іюнь.

Слѣпительно пригожъ іюньскій день.
Цвѣтутъ луга. Медвяно пахнутъ травы.
Кленовыя чуть шелестятъ дубравы.
Чуть зыблется березовая тѣнь.

Не думать, не желать. Лежать бы сонно,
Внимая шелесты родныхъ дубравъ,
Среди густыхъ, среди медвяныхъ травъ,
И синевѣ и вышинѣ бездонной
Довѣрчиво себя всего отдавъ, —
Уйти, не быть. Безсмертно. Упоенно!

С. Маковскій

Для замѣтокъ:

1925 ИЮЛЬ (31 день) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
В.	1	Космы и Даміяна	14	Бонавентуры	3 33	7 27	
С.	2	† *Пол. Р. Пр. Богор.*	15	Разосланіе апостол.	3 34	7 26	
Ч.	3	Іакинѳа, Анатолія	16	Матери Б. Шкапл.	3 35	7 25	
П.	4	Андрея Крит.. Марты	17	Алексѣя	3 36	7 24	
С.	5	† *Кирилла и Меѳодія*	18	Симеона	3 37	7 23	
В.	6	**6 Нед.** Аѳанасія Аѳон.	19	**7 Нед** Викентія	3 38	7 21	
П.	7	Ѳомы и Акакіа	20	Чеслава	3 39	7 22	
В.	8	Прокопія	21	Пракседы	3 41	7 20	
С.	9	Панкратія	22	Маріи Магдалины	3 42	7 19	
Ч.	10	† *Антонія Печерск.*	23	Аполинарія	3 43	7 18	
П.	11	† *Ольги нар., Елены*	24	Кристины	3 44	7 16	
С.	12	Прокла и Иларіона	25	Якова ап.	3 46	7 15	
В.	13	**7 Нед.** Св. О. 6-ти С.	26	**8 Нед.** Анны м. Б.	3 47	7 14	Въ 14 ч. 5 м.
П.	14	Акилъ. Кирика и Юл.	27	Пантелеймона	3 48	7 13	
В.	15	† *Равноап. кн. Влад.*	28	Инокентія	3 50	7 12	
С.	16	Юліи, Аѳиногена	29	Марты	3 51	7 10	
Ч	17	Марины	30	Абдона	3 53	7 09	
П.	18	Емиліяна, Іакинта	31	Игнатія Лойолы	3 54	7 07	
С.	19	Макрины	1	**Августъ.** Петра	3 56	7 06	
В.	20	**8 Нед.** Иліи прор.	2	**9 Нед.** М. Бож Ангел.	3 57	7 04	Въ 21 ч. 2 м.
П.	21	Симеона и Іонна	3	Обр. Св. Стефана	3 58	7 02	
В	22	Маріи Магдалины	4	Доминика	4 00	7 01	
С.	23	Трофима, Ѳеофила	5	Мат. Бож. Снѣжн.	4 01	6 59	
Ч.	24	† *Бориса и Гліба*	6	Преобр. Господне	4 02	6 57	
П.	25	† *Усп. св. Анны*	7	Каетана	4 03	6 55	
С.	26	Ермолая Моисея	8	Кіріака	4 04	6 54	
В.	27	**9 Нед.** Пантелеймона	9	**10 Нед.** Романа	4 06	6 53	Въ 14 ч. 5 м.
П.	28	Прохора, Никано а	10	Романа	4 08	6 52	
В.	29	Калиника, Серафимы	11	Сузанны	4 10	6 50	
С.	30	Силы, Силуана	12	Клары	4 11	6 48	
Ч.	31	Евдокима, Іулиты	13	Ипполита	4 12	6 46	Въ 3 ч. 53 м.

Еврейскій календарь:

Годъ 5685.

9 (22) іюля = 1. Аб. (читай Уфъ.) Р. Ходъ. (постъ)

17 (30) іюля = 9. „ „ „ Сожженіе святыни (постъ).

22 іюля (9 авг.) = Аб. День радости.

Восходъ и закатъ солнца по средне-еврейскому времени.

Іюль.

Идутъ косцы вразбродъ. Веселье, шутки.
И бѣдные ложатся подъ косой,
Обрызганы холодною росой,
И колокольчики и незабудки,

Ромашки, волчій зубъ, дрема и сонъ,
Фіалки бѣлыя и синій ленъ.
Мнѣ жаль цвѣтовъ, загубленныхъ такъ рано.
Собравъ большой пучекъ, въ цвѣты влюбленъ,
Спѣшу домой отъ вражескаго стана.
А небеса горятъ, горятъ багряно.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 АВГУСТЪ (31 день) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	† *Пр. Ч. Кр. Мч. Мак.*	14	Евсевія	4 14	6 44	
С.	2	Пер. мощ. Стеф. папы Р	15	⊕ **Успеніе Пр. Д. М.**	4 15	6 42	
В.	3	**10 Н.** Исаакія, Далм.,	16	**11 Н.** Роха	4 17	6 40	
П.	4	Отроковъ въ Ефесѣ	17	Анастасіи	4 19	6 39	
В.	5	Евсигнія	18	Елены	4 20	6 37	
С.	6	⊕**Преображ. Господ.**	19	Людовика, Бенигны	4 22	6 35	Въ 2 ч. 33 м.
Ч.	7	Дометія, Нимена	20	Стефана	4 23	6 33	◍
П.	8	Емиліяна, Леонида	21	Іоанны	4 24	6 31	
С.	9	† *Матѳія ап.*, Антонія	22	Тимотея	4 26	6 29	
В.	10	**11 Н.** Лаврентія	23	**12 Н.** Филиппа	4 27	6 27	
П.	11	Евпла мч.	24	Вартоломея	4 28	6 25	
В.	12	Фотія, Аникиты	25	Людовика	4 30	6 23	
С.	13	Максима испов.	26	Зефирина	4 32	6 21	
Ч.	14	Прор. Михея	27	Прес. св. Креста	4 33	6 19	Въ 1 ч. 48 м.
П.	15	⊕**Успеніе Пр. Богор.**	28	Августина	4 34	6 17	☽
С.	16	† *Нерукотв. обр. Хр.*	29	Усѣкнов. гл. Іоан. Кр.	4 36	6 15	
В.	17	**12** Н. Мирона, Кипр.	30	**13** Н. Розы, Іоахима	4 37	6 13	
П.	18	Флора и Лавра	31	Раймунда	4 38	6 11	
В.	19	Андрея Страт., Тим.	1	**Сентябрь.** Игида	4 40	6 09	
С.	20	Самуила, Севира	2	Стефана, Юста	4 42	6 07	
Ч.	21	Ѳаддея, Вассы	3	Бронислявы	4 44	6 04	Въ 3 ч. 43 м.
П.	22	Агаѳоника, Евлалія	4	Розаліи	4 46	6 02	◉
С.	23	Луппа, Иринея	5	Лаврент., Викторіи	4 47	6 00	
В.	24	**13** Н. Евтихія, Георгія	6	**14** Н. Захаріи	4 48	5 58	
П.	25	Варѳоломея и Тита	7	Регины	4 49	5 56	
В.	26	Адріана, Наталіи	8	⊕**Рожд. Пр. Д. Маріи**	4 51	5 54	
С.	27	Пимена, Анисы	9	Горгонія	4 52	5 52	
Ч.	28	Моисея, Анны	10	Николая	4 54	5 50	Въ 21 ч. 45 м.
П.	29	† *У. гл. І. Кр. (Посѣ)*	11	Яцка, Протія	4 55	5 47	☾
С.	30	Александра, Іоанна	12	Гвидона	4 56	5 45	
В.	31	**14** Н. *Пол. пояса П. Б.*	13	**15** Н. **Имени Маріи**	4 58	5 43	

Еврейскій календарь:

Год 5685
8 (21) авг = 1 Элюль.

Восходъ и закатъ солнца по средне европейскому времени.

Августъ.

Люблю тебя, мой Августъ, не взыщи! —
Твоихъ плодовъ душистые наливы,
Въ лѣсу березъ и тополей завивы,
И розсыпи падучихъ звѣздъ въ ночи.

Люблю тебя, радушный, тароватый,
Съ охотами, съ аукяньемъ, съ груздемъ.
Люблю зайти далеко, въ борь косматый,
Грозой любуясь, мокнуть подъ дождемъ,
Всѣ мысли погрузить въ твои закаты,
И вспоминать невѣдомо о чемъ.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 СЕНТЯБРЬ (30 дней) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	† Новое лѣто, Сим.	14	Воздв. Ч. Кр.	5 00	5 41	Въ 13 ч. 39 м.
В.	2	Маманта, Теодота	15	Никодима	5 01	5 38	
С.	3	Анфила, Доротея	16	Людмилы	5 02	5 36	
Ч.	4	Вавилы, Моисея	17	Ламберта	5 04	5 34	
П.	5	Захаріи пр., Елисав.	18	Ѳомы	5 05	5 32	
С.	6	† *Чуд. св. Михаила*	19	Іануарія	5 07	5 30	
В.	7	**15** Н. Созонта	20	**16 Н. по С.** Евстахія	5 09	5 2	
П.	8	⊕ **Рожд. Нр. Д. М.**	21	Матѳея	5 10	5 25	Въ 7 ч. 17 м.
В.	9	Іоакима и Анны	22	Маврикія	5 12	5 23	
С.	10	Минодоры	23	Ѳеклы	5 13	5 22	
Ч.	11	Ѳеодоры	24	Герарда	5 15	5 19	
П.	12	Автонома	25	Клеопы	5 17	5 16	
С.	13	Корнилія	26	Кипріана	5 18	5 14	
В.	14	**16** ⊕ **Возд. Ч. К.** (Постъ)	27	**17** Н. Кос. и Дамяна	5 19	5 12	
П.	15	Никиты	28	Вячеслава	5 21	5 10	Въ 13 ч. 54 м.
В.	16	Евфиміи, Викторіи	29	⊕ **Михаила Арх.**	5 22	5 08	
С.	17	Соф„ Вѣры, Над., Люб	30	Іеронима	5 24	5 06	
Ч.	18	Евменія	1	**Октябрь.** Ремигія	5 25	5 04	
П.	19	Троф., Савват., Зос.	2	Оттона	5 26	5 02	
С.	20	Евстаѳія, Агапія	3	Кандида	5 28	5 00	
В.	21	**17** Н. От. Воз.	4	**18 Н. М. Б. Рожанц.**	5 29	4 57	
П.	22	Фоки, Іоны	5	Плакида	5 31	4 55	Въ 16 ч. 45 м.
В.	23	† *Зач. Іоан. Крест.*	6	Брунона	5 33	4 53	
С.	24	Первомучц. Ѳеклы	7	Юстина	5 34	4 51	
Ч.	25	Евфросиніи	8	Бригиды	5 36	4 49	
П.	26	† *Іоанна Богослова*	9	Діонисія	5 37	4 47	
С.	27	Каллистрата, Игнатія	10	Франца	5 39	4 45	
В.	28	**18** Н. † Харитона Ис.	11	**19** Н. Германа	5 40	4 43	
П.	29	Киріяка преп.	12	Максимиліана	5 41	4 41	
В.	30	Григорія Арм.	13	Эдуарда	5 43	4 38	

Еврейскій календарь:

Годъ 5686.

6 (19) сент. = 1 Тишри. Новый Годъ 1686. (Трубки)
7 (20) сент. = 2 „ „ „ „ „
8 (11) сент. = 3 „ Постъ = Гедайли.
15 (28) сент. = 10 „ Судний день.
20 сент. (3 окт.) = 15 „ Цикесъ. Кучки (перв. день)
21 сент. (4 окт.) = 16 „ „ „ (втор. „
26 сент. (9 окт.) = 21 „ Шанѳ Рабе. (Пальмовый день)
27 сент. (10 окт.) = 22 „ Шмина Цересъ (конецъ кучокъ)
18 сент. (11 окт.) = 23 „ Симхасъ Тора (Радость о Законѣ).

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Сентябрь.

Повѣялъ холодокъ, ужъ и ледокъ во рвѣ.
Озимыя поля чернѣютъ благодатно.
Вдоль придорожныхъ межъ растутъ безароматно
Послѣдніе цвѣты въ нескошенной травѣ.

Гвоздика липкая пестритъ еще долины
И верескъ розовый все медлитъ отцвѣсти.
Въ прозрачномъ воздухѣ тончайшей паутины
Повисли трепетно чуть видные пути.
Съ небесъ прощальный крикъ несется жувлиный.
О, лѣто милое, осеннее, прости!

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 ОКТЯБРЬ (31 день) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ Солнца	Фазы луны	
С.	1	⊕ Покровъ Пр. Д. М.	14	Каликста папы	5 45	4 36		Въ 23 ч. 48 м.
Ч.	2	Кипріана, Юстины	15	Ядвиги, Терезы	5 47	4 34		
П.	3	Діонисія свмч.	16	Гавла, Людмилы	5 49	4 32		
С.	4	Іероѳея свмч.	17	Лукіи	5 50	4 30		
В.	5	**19 Н.** Харитины	18	**20 Н. Освя. Хр.**	5 51	4 28	●	
П.	6	† Ѳомы Апостола	19	Луки	5 53	4 26		Въ 14 ч. 45 м.
В.	7	Сергія, Вакха, Іуліана	20	Фелиціана	5 55	4 24		
С.	8	Пелагіи, Таисіи	21	Урсули	5 56	4 22		
Ч.	9	† *ап. Іакова Алфеева*	22	Кордули	5 58	4 20		
П.	10	Евлампія, Евлампіи	23	Іоанна Капистр.	5 59	4 18		
С	11	Филиппа, Ѳеофана	24	Рафаила	6 01	4 17	☽	
В.	12	**20 Н. Св. Отець** 7 Соб.	25	**21 Н.** Криспина	6 03	4 15		
П.	13	Карпа Папилы Никиты	26	Эвариста	6 04	4 13		Въ 5 ч. 51 м.
В.	14	Параскевіи матери	27	Савины	6 06	4 12		
С.	15	Евтимія, Луківна	28	Симеона, Іуды	6 08	4 10		
Ч.	16	Лонгина сотника	29	Наркиса	6 09	4 08		
П.	17	Осіи, Андрея Кр.	30	Клавдія	6 11	4 06		
С.	18	† *ап. еванг Луки*	31	† Вольфганга	6 13	4 04		
В.	19	**21 Н.** Іоиля, Уара	1	**Ноябрь. 22 Н. В. Св.**	6 15	4 03	☿	
П.	20	Артемія	2	День Задушний.	6 16	4 01		
В.	21	Иларіона Вел.,	3	Губерта	6 18	3 59		
С.	22	Аверкія	4	Карла Бор.	6 20	3 58		
Ч.	23	Іакова брата Госп.	5	Елисаветы	6 21	3 56		
П.	24	Ареѳы. Аѳанасія	6	Леонарда	6 23	3 54		
С.	25	Маркіяна, Мартирія	7	Геркулана	6 24	3 52		
В.	26	**22 Н.** ⊕ **Димитрія**	8	**23 Н.** 4 Коронатовъ	6 26	3 51		
П.	27	Нестора мч.	9	Ѳеодора	6 27	3 49	☾	Въ 10 ч. 50 м.
В.	28	† Муч. Параск.-Пятн.	10	Андрея	6 29	3 48		
С.	29	Анастасіи, Авраамія	11	Мартина	6 31	3 47		
Ч	30	Зиновія, Зиновіи	12	Станислава К.	6 32	3 45		
П.	31	Стихія, Спиридона	13	Евгенія	6 34	3 44		

Еврейскій календарь:

Годъ 5686.

9 (22) окт. = 1. Мархешвинъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Октябрь.

Теперь садъ пустъ. Теперь его не нужно.
Въ алеяхъ сирыхъ только вѣтра всхлипъ,
Совиный крикъ, да старыхъ кленовъ скрипъ,
Да ты печаль моя по дали южной.

Умолкла жизнь. Далече племена
Болтливыхъ птицъ. Кроты заснули въ норахъ,
Лишь воронье: кра-кра! И тишина.
Куда ни глянь — поблекшихъ листьевъ ворохъ.
Безлюдье, грусть. Сухой, предзимній шорохъ,
И первыхъ заморозковъ сѣдина.

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

1925 НОЯБРЬ (30 дней) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
С.	1	† *Космы и Даміана*	14	Іосафата, Серафины	6 38	3 42	Въ 9 ч. 42 м.
В.	2	**23 Н.** Акиндина, Пиг.	15	**24** Н. Леопольда	6 39	3 41	●
П.	3	Акепсимы, Георгія	16	Отмара	6 39	3 39	
В.	4	Іоанникія, Никандра	17	Саломіи	6 41	3 38	
С.	5	Галактіонна, Григорія	18	Оттона	6 42	3 37	
Ч.	6	Павла Исп., Луки	19	Елисаветы, Ирины	6 44	3 36	
П.	7	Іерона, Лазаря	20	Феликса	6 46	3 35	
С.	8	⊕ **Соб. Арх. Мих.**	21	Введ. Пр. Богород.	6 47	3 34	
В.	9	**24 Н.** Онисифора	22	**24** Н. Цециліи	6 49	3 33	
П.	10	Ераста, Олимпа	23	Климента	6 50	3 32	☽ Въ 13 ч. 45 м.
В.	11	Мины, Виктора	24	Іоанна отъ Креста	6 51	3 31	
С.	12	Іосафата	25	Катерины	6 53	3 31	
Ч.	13	† *Іоанна Златоуста*	26	Конрада	6 54	3 30	
П.	14	† *Фил. ап.* (Нач. поста)	27	Валеріяна	6 56	3 29	
С.	15	Гурія, Самона	28	Кресцентія	6 57	3 28	
В.	16	**25 Н.** † *Матея Еван.*	29	**1** Н. **адв.** Сатурнина	6 58	3 27	
П.	17	Григорія Лазаря	30	Андрея ап.	7 00	3 26	Въ 1 ч. 13 м.
В.	18	Платона, Романа	1	**Декабрь.** Елигія	7 01	3 25	♍
С.	19	Авдія, Варлаама	2	Бабіоны	7 03	3 25	
Ч.	20	Григорія Прокла	3	Франца, Ксаверія	7 04	3 25	
П.	21	⊕ **Введ. во хр. Пр. Б.**	4	Варвары	7 06	3 24	
С.	22	Филимона, Архиппа	5	Саввы	7 07	3 24	
В.	23	**26 Н.** Амфилохія, Григ.	6	**2 Н. адв.** † *Николая*	7 08	3 23	
П.	24	Екатерины. Меркурія	7	Амвросія	7 09	3 23	Въ 2 ч. 51 м.
В.	25	Климента, Петра	8	⊕ **Неп. Зач. Пр. Д. М.**	7 10	3 23	
С.	26	Алипія Столпн.	9	Леокадія	7 11	3 23	☾
Ч.	27	Якова Персіанина	10	Мат. Бож. Лорет.	7 12	3 23	
П.	28	Стефана, Иринарха	11	Дамазія	7 13	3 23	
С.	29	Парамона	12	Александра	7 14	3 23	
В.	30	**27 Н.** † *Андрея Первозв.*	13	**3 Н. Адв.** Лукіи	7 15	3 23	

Еврейскій календаръ:

Годъ 5686.
8 (21) ноябрь = 1 Кислейфъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Ноябрь.

Пошелъ снѣжокъ. Запорошило путь.
Въ саняхъ — бѣда, а не берутъ колеса.
Того гляди, раскатишся съ откоса.
Но милостивъ Господь. Ужъ какъ-нибудь!

Мелькаютъ дни въ заботахъ тамъ да сямъ,
А сумерки спѣшатъ туманны сизы.
Взойдетъ луна. Въ серебряныя ризы
Одѣнетъ садъ и тронетъ по стѣнамъ,
Въ окно взглянувъ, узоръ старинныхъ рамъ,
Рояль въ углу, паркеты и карнизы

С. Маковскій.

Для замѣтокъ.

1925 ДЕКАБРЬ (31 день) 1925

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
П.	1	Наума проп.	14	Никифора	7 16	3 22	
В.	2	Аввакума, Аѳанасія	15	Фортуната	7 16	3 22	
С.	3	Софонія, Саввы	16	Аделяйды	7 17	3 22	
Ч.	4	† *Вмч. Варв., Іуліан.*	17	Лазаря	7 18	3 23	
П.	5	† *Саввы Осв.*	18	Граціана	7 18	3 23	
С.	6	✠ **Никол я Чуд.**	19	Немезія	7 19	3 23	
	7	**28** Амвр Нила.	20	**4 Нед. адв.** Теофила	7 20	3 24	Въ 16 ч. 9 м.
П.	8	Пятапія Епафрод.	21	Ѳомы	7 20	3 24	
В.	9	✠ **Испор. Зач. Пр. Б.**	22	Зенона	7 21	3 24	
С.	10	Мины, Ермогена	23	Викторіи	7 21	3 25	
Ч.	11	Даніила и Луки Стол.	24	† *Адама и Евы*	7 22	3 25	
П.	12	Спиридіона	25	✠ **Рожд. Христово**	7 22	3 26	
С.	13	† *Евстратія, Евгенія*	26	✠ **Стефана Первом.**	7 22	3 27	
	14	**Прот.** Ѳирса, Левкія	27	**Нед. по Р.** Іоанна Ев.	7 22	3 28	Въ 20 ч. 0 м.
П.	15	Елевѳерія свмч.	28	Младенцевъ	7 23	3 28	
В.	16	Аггея, Марина	29	Ѳомы	7 23	3 29	
С.	17	Даніила и 3 отрок.	30	Давида	7 23	3 30	
Ч.	18	Севастіяна	31	Сильвестра	7 23	3 31	
П.	19	Бонифатія	1	**Январь. 1925 Н. Г.**	7 23	3 32	
С.	20	Игнатія Богоносца	2	Макарія	7 23	3 33	
	21	**Нед. св. От.** Юліянны	3	**Нед. по Обр.** Генов.	7 23	3 34	Въ 1 ч. 0 м.
П.	22	Анастасіи	4	Тита	7 22	3 35	
В.	23	10 мучен. Критск.	5	Телесфора	7 21	3 36	
С.	24	† *Навеч. Рожд Христ.*	6	✠ **Трехъ царей.**	7 21	3 38	
Ч.	25	✠ **Р жество Христ.**	7	Валентія	7 20	3 39	
П.	26	✠ **Соб. Пр. Богород.**	8	Северина	7 19	3 40	
С.	27	✠ **Стефана Перв.**	9	Мартіяны	7 19	3 41	
	28	**П. по Р. св. Бог.**	10	**1. Н. по Епиф. Им. Іис.**	7 18	3 42	Въ 6 ч. 6 м.
П.	29	14000 Младенцевъ М.	11	Гонораты	7 18	3 43	
В	30	Анисіи, Теодоры	12	Аркадія	7 17	3 44	
С.	31	Меланіи	13	Иларія, Верон.	7 16	3 45	

Еврейскій календарь:

Годъ 5686.

2 (15) дек. 25 Кислейфъ. Освященіе Святыни (Коляда)

8 (21) дек. = 1. Тебетъ (читай Тейвесъ)

15 (31) дек = 10. „ „ „ Осада Іерусалима (*постъ*).

Восходъ и закатъ солнця по средне европейскому времени.

Декабрь.

Сегодня Рождество. Сегодня елка.
Сегодня въ дѣтской съ самаго утра
Такой Содомъ и бѣготня, игра,
Что сбилась набокъ нянина наколка.

А подъ-вечеръ столпилась дѣтвора
И сказки слушаетъ про сѣра-волка.
Но передъ сномъ не жди отъ сказокъ толка,
И я гоню ребятъ: „Брысь! Спать пора“!

Не тутъ то было. „Сказку“ — молятъ слёзно,
„Еще одну, пожалуйста, одну“!
„Нѣтъ, дѣти, спать!“ — я повторяю грозно.
И въ теплую, живую тишину
Все погрузилось...

С. Маковскій.

Для замѣтокъ:

Ставропигійскій Институтъ

во Львовѣ.

Старѣйшины Ставропигійскаго Института

съ 1773 по 1925 гг.

Въ 1773—1780 гг. старѣйшиною былъ Дзиковскій. По его смерти въ 1780 г. были избраны старѣйшинами Михаилъ Слонскій и Григорій Урановичъ.

Въ 1795 г. Антоній Чапье на Погорцахъ Погорецкій и Яковъ Березницкій.

По утвержденіи братства императоромъ Іосифомъ II въ 1788 г. подъ названіемъ **„Ставропигійскій Институтъ“**, начинаются ежегодно правильные выборы старѣйшинъ, т. е. сеніора, его товарища и другихъ членовъ правленія. И такъ:

Въ 1789 г. были избраны старѣйшинами Яковъ Березницкій и Іоанъ Бачинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1790 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Мановарда.

Въ 1891 г. Іоаннъ Мановарда и Павелъ Урмовскій.

Въ 1792 г. Павелъ Урмовскій и Степанъ Завалкевичъ.

Въ 1793 г. Степанъ Завалкевичъ и Николай Литвиновичъ.

Въ 1794 г. Константинъ Погорецкій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1795 г. Тѣ-же

Въ 1796 г. Павелъ Урмовскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1797 г. Тѣ-же

Въ 1798 г. Іоаннъ Зарицкій и Іоаннъ Бачинскій.

Въ 1799 г. Тѣ-же.

Въ 1800 г. Николай Литвиновичъ и Михаилъ Онышкевичъ.

Въ 1801 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1802—1806 гг. Тѣ-же.

Въ 1807—1808 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Бѣлорусскій.

Въ 1809—1810 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1811—1813 гг. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1814—1815 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1816 г. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, а по смерти Бачинскаго — Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1817 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1818 г. Степанъ Кульчицкій, совѣтникъ апеляціоннаго суда, и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1819 г. Степанъ Кульчицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1820 г. Степанъ Кульчицкій и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1821 г. Тѣ-же.

Въ 1822—1824 гг. Іоаннъ Зарицкій и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1825 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій, по смерти же Ильяшевича — Іоаннъ Зарицкій и Степанъ Рогаля-Левицкій.

Въ 1826 г. Іоаннъ Сѣтницкій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1827—1832 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1833 г. Степанъ Левицкій и Степанъ Киричинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1834 г. Степанъ Левицкій и гр. Владиславъ Ельскій помѣщикъ.

Въ 1835 г. Степанъ Левицкій и Денисъ Зубрицкій.

1836—1845 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1846—1849 гг. Степанъ Киричинскій и Іоаннъ Сасъ-Товарницкій.

Въ 1850 г. Степанъ Киричинскій, Іоаннъ Товарницкій и Левъ Сосновскій.

Въ 1851 г. Левъ Сосновскій, Климентій Рачинскій, адвокатъ и помѣщикъ, и Іоаннъ Товарницкій.

Въ 1852—1854 гг. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Кириллъ Вѣнковскій

Въ 1855—1859 гг. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Валерій Хоминскій.

Въ 1860 г. Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Лешковичъ-Бачинскій, адвокатъ.

Въ 1861 г. Іоахимъ Хоминскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.

Въ 1862—1863 гг. Іоахимъ Хоминскій, Юліанъ Лавровскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.

Въ 1864—1866 гг. Іоахимъ Хоминскій и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1867 г. Константинъ Кмицикевичъ, Климентій Меруновичъ и Василій Ковальскій.

Въ 1868 г. Константинъ Кмицикевичъ, Андрей Шушкевичъ и Василій Ковальскій.

Въ 1869—1870 гг. Константинъ Кмицикевичъ и Василій Ковальскій

Въ 1871—1873 гг. Василій Ковальскій, Іоаннъ Литынскій и д-ръ Амвросій Яновскій.

Въ 1874—1875 гг. Василій Ковальскій, Сильвестръ Гавришкевичъ и Яковъ Савчинскій.

Въ 1876—1882 гг. Василій Ковальскій, Романъ Децыкевичъ и Сильвестръ Гавришкевичъ.

Въ 1883—1884 гг. Василій Ковальскій, д-ръ Исидоръ Шараневичъ и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1885—1886 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и д-ръ Иванъ Добрянскій.

Въ 1887—1888 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ Михаилъ Полянскій и Θеофилъ Бережницкій.

Въ 1888—1892 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Θеофилъ Савчинскій.

Въ 1893 г. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Θеофилъ Бережницкій.

Въ 1894—1897. гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ Михаилъ Полянскій и Леонтинъ Голинскій.

Въ 1898—1899 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Николай Герасимовичъ.

Въ 1890—1901 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Николай Герасимовичъ и Романъ Яминскій.

Въ 1902—1906 гг. Николай Герасимовичъ, Романъ Яминскій и Николай Сивулякъ.

Въ 1907—1908 гг. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и Венедиктъ Мѣйскій.

Въ 1909 г. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и д-ръ Владимиръ Ивасечко.

Въ 1910—1914 гг. Д-ръ Владимиръ Ивасечко, Николай Сивулякъ и д-ръ Θедосій Заяцъ.

Въ 1914—1915 г. И. О. Цыбикъ, Н. Н. Сивулякъ и Н. Г. Третьякъ.

Въ 1915-году австрійскій комисаръ А. Смулка.

Въ 1916—1921 году поставленые австрійцами украинофилы: Въ 1916 г. сеніоръ Г. Кузьма а его замѣстители Ю. Сѣчинскій и И. Кивелюкъ. Послѣ смерти Кузьмы сеніоромъ былъ Л. Шеховичъ. Съ 1917—1922 г. сеніоромъ былъ д-ръ С. Федакъ.

Въ 1922—1924 г. правительственный комиссаръ Н. Г. Третьякъ, а его замѣстители Ю. Я. Луцыкъ и д-ръ В. Г. Лагола.

Въ 1924/25 г. сеніоръ Н. Г. Третьякъ, и его замѣстители: д-ръ Θ. С. Заяцъ и А. Н. Сивулякъ.

Списокъ членовъ Ставропигійскаго Института.

(Согласно времени ихъ поступленія).

1. Юліанъ Романчукъ, отст преподаватель гимназіи.
2. Николай Сивулякъ, отст. професоръ гимназіи.
3. Д-ръ Иванъ Литынскій, адвокатъ во Львовѣ.
4. Дръ Михаилъ Король, адвокатъ
5. Андрей Чабанъ, отст. сов фин. дир. во Львовѣ
6. Ѳеофилъ Ѳеод. Джулинскій, инжинеръ.
7. Д-ръ Владиміръ Шараневичъ, адвокатъ.
8. Д-ръ Василій Гр. Лагола, дир. „Нар Дома“ во Львовѣ.
9. Дръ Владиміръ Павловичъ Ясеницкій, адвокатъ.
10. Д-ръ Ѳеодосій Семеновичъ Заяцъ, адвокатъ во Львовѣ.
11. Иванъ Дуткевичъ, купецъ во Львовѣ.
12. Иванъ Григорьевичъ Сасъ-Лѣсковацкій, ст. сов. фин. дир. во Львовѣ.
13. Степанъ Ивановичъ Томасевичъ, живописецъ.
14. Аѳоалъ Ясеницкій, отст. судья.
15. Онуфрій Ѳеоф. Гудзъ, инжинеръ во Львовѣ.
16. Константинъ Ѳеоф. Павликовъ, сов. суда.
17. Владиміръ Вас. Головацкій, почт. тел комисаръ.
18. Аѳанасій Менцинскій, податной директоръ.
19. Я. О. Лепкій, сов. с., дир. о ва „Защита зем.“ во Львовѣ.
20. Северинъ Куровецкій, отст. почт.-тел конгрол.
21. Юліанъ Яковлевичъ Луцыкъ, сов. фин. дирекціи.
22. Дръ Юліанъ Сем. Заяцъ, ком. фин. прок. во Львовѣ.
23. Андрей Кіякъ, бухгалтеръ о ва „Днѣстеръ“.
24. Алексѣй Н. Сивулякъ, прокурат. суд. пал. во Львовѣ.
25. Николай Григорьев. Третьякъ, сов. суда во Львовѣ.
26. Дръ Михаилъ Емельян. Сохоцкій, адвокатъ.
27. Д-ръ Богданъ Ѳеофил. Глушкевичъ, преп. гим.
28. Илья Ивановичъ Цьорохъ, журналистъ.
29. Г. С. Малецъ, дир о-ва М. Качковскаго во Львовѣ.
30. Дръ Юліанъ Андреевичъ Яворскій, проф. унив.
31. Иларіонъ Николаевичъ Липецкій.
32. Владиміръ Ивановичъ Костецкій, судья во Львовѣ.
33. Д-ръ Михаилъ Р. Крыжановскій, адв. во Львовѣ.
34. Михаилъ Андреевичъ Татухъ, нотаріусъ во Львовѣ.
35. Ангонъ Алексѣевичъ Павенцкій, учит. во Львовѣ.
36. Дмитрій Ивановичъ Ключникъ, преп. гим. во Львовѣ.
37. Иванъ Андр. Сметанскій, преп. гимн. во Львовѣ.
38. Романъ И. Давидовичъ, чин. краев. бан. во Львовѣ.
39. Сильв. И. Пеллехъ-Лычковскій, судья. во Львовѣ.
40. Иванъ А. Габрусевичъ, судья въ Станислововѣ.
41. Владиміръ Я. Трушъ, преп. гимн. въ Станиславовѣ.
42. Д-ръ Адріанъ В. Копыстянскій, преп. гимн. въ Станиславовѣ.

43. Мих. Мих. Березскій, чин. банка въ Станиславовѣ.
44. Михаилъ Иван. Гумецкій, домовладѣлецъ, секретарь Ставроп. Институт. во Львовѣ.
45. Данилъ Петровичъ Свищъ, купецъ во Львовѣ.
46. Осипъ Ивановичъ Денисюкъ, купецъ во Львовѣ.
47. Петръ Ивановичъ Хоркавый, столяръ во Львовѣ.
48. Ѳеофилъ Семеновичъ Заяцъ, секретарь „Нар. Дома“ во Львовѣ.
49. Евгеній Николаевичъ Пернаровскій, сов. счетовод. Палаты во Львовѣ.
50. Алексѣй Пурій, почт. чин. во Львовѣ.
51 Романъ Дамьяновичъ Шкирпанъ, домовладѣлецъ, дир. о-ва „Самопомощь“ во Львовѣ.
52. Ю. Н. Кисѣлевскій, ст. контр. почт. въ Коломыѣ.
53. Лука С. Спольскій, учитель въ Коломыѣ.
54. Ф. В. Кмицикевичъ, ст упр. под. во Львовѣ.
55. В. И. Эліасевичъ, чиновникъ банка во Львовѣ.
56. К. А. Даниловичъ, чиновникъ банка во Львовѣ.
57. В. М. Якса-Ладыжинскій, чиновникъ банка во Львовѣ.
58. Д-ръ Б. К. Монцѣбовичъ, совѣтникъ суда въ Станиславовѣ.
59. Владиміръ Михайловичъ Куриловичъ, совѣтникъ суда во Львовѣ.
60. Зиновій Ю. Копыстянскій, судья апеляційный во Львовѣ.
61. Дръ Яковъ И. Поврозникъ тов. прокуратора въ Станиславовѣ.
62. Дръ И. М. Гумецкій, секретарь каз. палаты во Львовѣ.
63. Филлимонъ Мих. Метелля, предсѣдатель суда въ Станиславовѣ.
64. С. Ѳ. Шанковскій, судья въ Станиславовѣ.

Артистъ - живописецъ

Степанъ Ивановичъ

ТОМАСЕВИЧЪ

Львовъ, ЛЫЧАКОВСКАЯ ул., д. № **60**

Принимаетъ всякіе заказы на церковную живопись, иконы и украшенія.

Н. Третьякъ.

Исторія Ставропигійскаго Института въ послѣднемъ десятилѣтіи. 1915 — 1925.

I.

(Отъ мобилизаціи по выѣздъ правленія въ Россію).

Мобилизація застала правленіе Ставропигійскаго Института на каникулахъ, когда почти всѣ члены правленія уѣхали на отдыхъ. Такъ напримѣръ сеніоръ Ивасечко уѣхалъ въ Закопанэ, замѣститель сеніора д-ръ Ѳеодосій Заяцъ къ своей семьи, такъ что изъ правленія остались только замѣст. сеніора, Николай Сивулякъ и члены: Иванъ Сасъ-Лѣсковацкій и Николай Третьякъ.

За нѣсколько дней до мобилизаціи скончался многолѣтній членъ Ставропигіи: Иванъ Никитичъ Пелехъ, который былъ похороненъ на счетъ Института; его попрощалъ при выносѣ гроба изъ дома членъ правленія Н. Г. Третьякъ. Эта рѣчь была напечатана въ послѣднемъ н-рѣ газ. „Русское Слово“, которое сейчасъ послѣ объявленія мобилизаціи было закрыто.

Въ виду того, что на военную службу былъ призванъ почти весь типографскій и переплетный персоналъ, оба эти заведенія были закрыты.

Оставшіеся во Львовѣ члены правленія послѣ объявленія войны постановили открыть въ помѣщеніяхъ бурсы Ставроп. Института лазаретъ, тѣмъ больше, что помѣщеніе бурсы „Народнаго Дома“ военныя власти реквизировали на больницу. Но пока удалось устроить все необходимое для военнаго лазарета, австрійскіе войска оставили Львовъ, а пришли русскіе войска, которыя этотъ лазаретъ приняли въ свое вѣдѣніе. Когда позже не оказалось нужды въ лазаретѣ, въ помѣщеніяхъ бурсы былъ открытъ пріютъ для молодежи, особенно дѣтей жертвъ войны, родители которыхъ были или арестованы или погибли на войнѣ.

Пріютъ этотъ удержался вплоть до оставленія русскими войсками Львова, а затѣмъ ушелъ вмѣстѣ съ ними. Изъ него вышла теперѣшняя русская молодежь.

Правленіе Института перешло въ руки тов. сеніора Н. Сивуляка. Засѣданія правленія отбывались правильно по средамъ. Открыта была наново печатня, въ которой печатались русскія газеты, а кромѣ того бланкеты, нужныя русскимъ властямъ. Типографія существовала до оставленія русскими войсками Львова.

Въ Ѳоминое воскресеніе, 11 апрѣля 1915 г., состоялось очередное собраніе членовъ Ставропигійскаго Института по старинному обычаю.

Тогда было избрано слѣдующее новое правленіе: сеніоромъ—Иванъ Цыбикъ, тов. сеньора Н. Сивулякъ и Н. Третьякъ.

членами совѣта: д ръ Богданъ Глушкевичъ, В. Клосевичъ, С. Куровецкій, д-ръ В. Лагола, д-ръ И. Литынскій, В. Лельо, Ю. Луцыкъ, В. Паславскій, Алексѣй Сивулякъ, К. Тыховскій, И. Цьорохъ и д-ръ Ю. Яворскій; членами контрольной комиссіи: О. Волинскій, Г. Малецъ и И. Липецкій. Новое правленіе успѣло управлять Институтомъ только шесть недѣль. Наближалась военная гроза на Львовъ. По порученію русскихъ властей былъ вывезенъ музей Института въ началѣ въ Кіевъ, а когда была эвакуація и этого города, въ Ростовъ-на-Дону.

Вслѣдъ за тѣмъ уѣхало тоже правленіе. Были вывезены книги Института, цѣнные бумаги, и главная книга членовъ „Альбомъ“, въ которомъ вписаны всѣ грамоты и привиллегіи Ставропигіи.

II.

Правленіе комиссара полиціи А. Смулки.

Послѣ отступленія русскихъ войскъ изъ Львова, веденіе дѣлъ Ставропигійскаго Института хотѣлъ взять на себя многолѣтній членъ правленія Иванъ Сасъ-Лѣсковацкій. Но въ іюлѣ м., 1915 г., львовская дирекція полиціи назначила Адама Смулку надкомисара полиціи завѣдующимъ дѣлами Института; завѣдываніе обмеживалось до взиманія квартирнаго отъ домовъ и покрытія текущихъ расходовъ. Типографія, бурса, переплетная и книжная лавка были закрыты. Австрійское намѣстничество рескриптомъ отъ 14 декабря, 1915 года, н-ръ 36774 пр. поручило Смулкѣ принять новыхъ членовъ изъ среды галицкихъ украинофиловъ, завѣдомо раболѣпствующихъ передъ австрійскимъ правительствомъ. Это распоряженіе послѣдовало на предложеніе „Загальной Украинської Ради“ въ Вѣнѣ. Текстъ украинскаго предложенія, собственно денунціаціи, былъ напечатанъ въ свое время въ брошюрѣ, „Годы великой войны“.

Согласно намѣстническаго рескрипта полицейскій комиссаръ объявилъ въ газ. „Діло“ и „Українское Слово“ конкурсъ на принятіе въ члены Института людей, извѣстныхъ изъ своей преданности Габсбургской династіи и австрійскому правительству. На призывъ откликнулось 116 человѣкъ, которыхъ полицейскій комиссаръ принялъ въ члены и разослалъ имъ для подписи формулу братскаго обѣта, такъ какъ по уставу каждый новопринятый членъ долженъ принести обѣтъ-присягу и вписаться въ книгу членовъ. (Альбома тогда не было).

Украинофилы намѣриваясь чѣмъ скорѣе захватить правленіе Институтомъ въ свои руки, сдѣлали это при помощи полиціи, хотя могли очень легко сдѣлать это формально законнымъ образомъ, т. е. попросту созвать собраніе имѣющихся законныхъ членовъ и подъ угрозой штыковъ избрать новыхъ членовъ-украинофиловъ, которые уже избрали бы свое правленіе. Но они внося свой Denkschrift не додумались до этого и обратились къ помощи полиціи, посредствомъ которой потребовали назначенія

новыхъ членовъ безъ соблюденія какихъ либо формъ законности, или хотя бы приличія.

Комиссаръ полиціи принялъ въ члены 116 однихъ ревностныхъ украинофиловъ, которые были созваны на общее собраніе 2 февраля, 1916 года.

На собраніе явилось всего 76 членовъ, изъ того 74 новопринятыхъ и 2 старыхъ (Аполлонъ Ничай и д-ръ Владиміръ Шараневичъ). Сеніоромъ былъ избранъ Г. Кузьма, товарищами сеніора Иванъ Кивелюкъ и Юліянъ Сѣчинскій.

Сеніоръ Кузьма принимая выборъ, изливалъ слова благодарности и сыновней привязанности къ Габсбургской династіи и къ австрійскому правительству, министрамъ Штирку и Гогенлоге и намѣстнику ген. К о л ь р д у, которымъ, на предложеніе Остапа Макарушки, были отправлены благодарственныя телеграммы, а кромѣ того, на предложеніе Остапа Макарушки, д-ру Костю Левицкому и украинской парламентарной репрезентаціи за ихъ Denkschrift.

III.

Правленіе украинофиловъ.

(2. II 1916 — 24. II 1922.)

а) Общія дѣла.

Первымъ дѣломъ новоизбраннаго украинскаго правленія было выслать опять телеграммы австрійскому императору и правительству согласно рѣшенія на засѣданіи 5 февраля, 1916, по предложенію дир. Саевича. Затѣмъ правленіе занялось дѣломъ назначенія управляющаго канцеляріей. Г. Стефановскій сдѣлалъ предложеніе принять прежняго управляющаго, Михаила Гумецкого. Но на засѣданіи 22 февраля, 1916 г., было рѣшено принять на его мѣсто Ярослава Витошинскаго, а договоръ съ Гумецкимъ считать расторженнымъ будто по его винѣ, и это рѣшеніе довести до его свѣдѣнія. М. Гумецкій внесъ противъ этого рѣшенія правящаго совѣта откликъ къ общему собранію, которое однако на засѣданіи 26 декабря, 1916, согласно предложенія докладчика д-ра Голубовича, постановило откликъ отклонить. Слѣдуетъ отмѣтить, что члены Кузьма, д-ръ Богданъ Барвинскій, Левъ Гузаръ и д-ръ Левъ Кульчицкій были другого мнѣнія, но превозмогло мнѣніе д-ра Федака, тогда еще вице-сеніора. *)

До переведенія инвентаціи книгъ въ книжномъ магазинѣ былъ принятъ на засѣданіи 25/II, 1916, депутатъ Будзыновскій за ежемѣсячнымъ вознагражденіемъ 200 кронъ.

Синдикомъ Института былъ назначенъ д-ръ Голубовичъ,

*) Ввиду того утвержденіе Федака, высказанное передъ ред. Вальницкимъ, будто къ принятію Гумецкаго не было никакихъ препятствій и будто дѣло произошло въ его отсутствіи, является невѣрнымъ.

которому поручено отобрать бумаги отъ д-ра Заяца, который однако отказалъ въ выдачѣ.

Назначеніе Витошинскаго завѣдующимъ канцеляріей встрѣтилось съ протестомъ газ. „Украинське Слово“. Объ этомъ докладываетъ д-ръ Щуратъ на засѣданіи 29/III, 1916, и добавляетъ, что совѣщанія и рѣшенія совѣта доходятъ до свѣдѣнія постороннихъ лицъ, такъ что даже въ Вѣнѣ объ этомъ голосно говорятъ. Къ помощи Витошинскому былъ принятъ Семенъ Щетинскій. Съ Витошинскимъ вышло дѣло какъ то не ладно. На засѣданіи 26/XI, 1919, предлагаетъ сеніоръ Федакъ признать его служебный договоръ расторженнымъ по поводу, что съ нимъ служебныя отношенія сдѣлались невыносимы, а кромѣ того пріостановить выплату жалованя съ днемъ 1/XI, 1919. Принято. Несмотря на то Витошинскій на службу явился, но сов. Сосновскій не допустилъ его. Причины невыносимаго отношенія, протоколы не подаютъ. Какъ-бы тамъ ни было, но на засѣданіи 31/XII, 1919, на предложенье д-ра Студинскаго, постановлено дать Витошинскому ренумерацію въ суммѣ 5000 кронъ. Ввиду этого неизвѣстно, кто правъ, Федакъ или Витошинскій, такъ какъ провинившемуся ренумераціи не признается.

На засѣданіи 3/I, 1920, принято на управляющаго канцеляріей Зигфрида Турянскаго, который и до сихъ поръ исполняетъ должность счетовода.

Подобнымъ образомъ, какъ Гумецкій, былъ лишенъ службы завѣдующаго книжнымъ магазиномъ, Романъ Шкирпанъ, на засѣданіи 19/IX, 1917, хотя на его мѣсто не было кандидата.

Правленіе Института старалось на каждомъ шагу оказывать свою преданность габсбурской династіи и австрійскому правительству. Кондоленціи по поводу смерти имп. Францъ-Іосифа, депутаціи къ намѣстнику и въ Вѣну на очереди дня; на засѣданіи 29 марта, 1916, даже рѣшено поручить сов. Кмицикевичу вбить гвоздь отъ имени Института въ желѣзнаго рыцаря, воздвинутаго во Львовѣ и признать на эту цѣль 100 кронъ. Этотъ гвоздь вбилъ сов. Кмицикевичъ 2/IV, 1916, очемъ доложилъ на засѣданіи 5/IV, 916. (Этого рыцаря вмѣстѣ съ гвоздями бросили поляки въ Полтву).

Члены правленія не очень то интересовались дѣлами Института и на засѣданія не являлись. Такъ напр., 17/IV, 1916, на засѣданіи явилось всего 2 члена. Потому на засѣданіи отъ 25/IV, 1917, постановлено отбывать полныя засѣданія только двукратно въ мѣсяцъ, въ среду послѣ 1 го и въ среду послѣ 15-го, хотя довольно часто и въ этотъ срокъ члены на засѣданіе не являлись. Даже самъ сеніоръ Федакъ долгое время не принималъ участія въ засѣданіяхъ и вконцѣ сложилъ достоинство сеніора 8 мая, 1921, такъ что не хотѣлъ открыть общаго собранія; это сдѣлалъ замѣститель сеніора, Барвинскій. Между членами бывали довольно часто какіе-то конфликты, вслѣдствіе чего сложилъ достоинство и выбылъ изъ правленія сов. Кмицикевичъ, а позже гофратъ Барвинскій.

Правленіе старалось всѣми силами уничтожить слѣды всего русскаго. Такъ напр., на засѣданіи отъ 28/III, 1918, рѣшено истребить и продать на макулатуру этимологическіе церковные бланкеты на метрическія свидѣтельства и напечатать новые фонетическіе, а на засѣданіи отъ 3/IV, 1918, рѣшено устранить русскія надписи на зданіяхъ Института и замѣнить ихъ украинскими. Конечно, всѣ печати были замѣнены сейчасъ украинскими.

Правленіе дѣлало старанія для полученія имущества „Народнаго Дома“ и О-ва им. Михаила Качковскаго. Потому посредствомъ деп. д-ра Костя Левицкаго дѣлало старанія, чтобы правительство окончательно эти общества розвязало, ибо, какъ извѣстно, ихъ дѣятельность была только пріостановлена. На засѣданіи 27/IX, 1916, д-ръ Кость Левицкій ставитъ на очередь дня дѣло „Народнаго Дома“ и О-ва им. Мих. Качковскаго. Д-ръ Баранъ подаетъ къ свѣдѣнію ходатайства, какія члены правленія Ставроп. Института сдѣлали у сов. нам. Вавравша въ іюлѣ, 1916 г. Д-ръ Кость Левицкій докладываетъ, что д-ръ Голубовичъ пріѣхавъ 1/IX, 1916, въ Вѣну, затронулъ тамъ дѣло „Нар. Дома“. Онъ имѣлъ конференцію съ намѣстникомъ, который сказалъ, что это дѣло украинцевъ, и они сами могутъ его поладить. Кромѣ того, говорилъ съ реф. Децыкевичемъ, который рѣшилъ окончательно развязать эти общества; нужно только было раздѣлить имущество фондаціи отъ имущества О-ва. На засѣданіи 12/XII, 1917, д-ръ Кость Левицкій опять откладываетъ о своихъ стараніяхъ по дѣламъ „Нар. Дома“ и О-ва им. М. Качковскаго. Рѣшено выслать депутацію къ вице-презид. Децыкевичу для ускоренія дѣла Но, правительство не очень то спѣшило отдать Нар. Домъ и О-во им. М. Качковскаго въ руки украинцевъ. Враждебное отношеніе украинскаго правленія ко всему русскому объявилось не только въ истребленіи русскихъ бланкетовъ. Извѣстно, что русскій патріотъ Михаилъ Ясеницкій сдѣлалъ фондацію въ пользу О-ва русскихъ студентовъ „Другъ“. На засѣданіи 3/X, 1917, рѣшено отнестись въ намѣстничество, какъ фондаційной власти, съ запросомъ, считаетъ-ли оно возможнымъ, соблюдать постановленіе фондаційнаго акта, что первенство въ пользованіи фондаціей имѣютъ члены руссофильскихъ студенческихъ обществъ „Другъ“ и „Политехникумъ“.

Когда настали польскія времена и былъ выдвинутъ пресловутый „единый фронтъ“, о-во Качковскаго обратилось къ правленію Ставропигійскаго Института съ письмомъ, дабы оно помѣстило въ календарѣ об-ва Качковскаго на 1921 годъ, объявленіе Ставропигійскаго Института, но на засѣданіи отъ 20. X, 1920, рѣшено перейти надъ этимъ письмомъ къ очереди дня.

Правленіе Ставропигійскаго Института, намѣривалось устроить преподаваніе такъ наз. вольныхъ наукъ (artium liberalium). На засѣданіи отъ 3 марта, 1920, рѣшено на предложеніе гофр. А. Барвинскаго открыть такія преподаванія 9-го марта, 1920 г., въ залѣ Ставропигійскаго Музея на основаніи истори-

ческой традиціи высшей школы Ставропигійскаго братства, надѣленнаго привилегіями Царьгородскихъ патріарховъ въ 1586, 1587, 1589 и 1590 годахъ и согласно правъ и привилегій, признанныхъ Кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою въ 1590 году, и Брестскимъ Синодомъ въ 1591 году, привилегій, подтвержденныхъ письмомъ польского короля Сигизмунда III, данныхъ въ Варшавѣ 15/X; 1525 года, pro tractandis liberis artibus. Но полиція запретила эти преподаванія, о чемъ доложилъ сеніоръ на засѣданіи 10. III, 1920 г., а собравшихся 9 марта слушателей силой разогнала. Барвинскій доложилъ, что былъ у митрополита по этому дѣлу, но онъ совѣтовалъ поддаться распоряженію властей. Въ виду того Барвинскій совѣтуетъ возбудить дѣло въ заграничныхъ газетахъ.

Въ засѣданіяхъ правленія послѣдовалъ въ 1918 году большой перерывъ. Числа 30. X, 1918, состоялось очень короткое засѣданіе, кажется въ виду приготовляющихся военныхъ событій, а слѣдующее засѣданіе состоялось только 8 августа, 1919 года, по поводу невозможности отбывать засѣданія. Въ то время дѣйствительнымъ управляющимъ Института былъ Витошинскій.

(б) Члены.

Назначенный полиціею комиссаръ Смулка именовалъ 116 членовъ, часть которыхъ прислала ему подписаьную формулу обѣта. На собраніи отъ 30. IV, 1916, принято 15 членовъ; на собраніи 26. XII, 3 члена, между ними д-ра С. Федака, который сейчасъ сложилъ братскій обѣтъ и былъ избранъ вице-сеніоромъ Конечно, это не очень было правильно; засѣданіе совѣта состоялось во время общаго собранія, того-же дня; безъ захваленія членами и безъ балотировки, предписанной уставомъ, принятъ былъ предварительно д-ръ Федакъ, сейчасъ и балотированъ; обѣтъ сложилъ онъ не на засѣданіи Совѣта, а на общемъ собраніи членовъ, которое сейчасъ избрали его вице-сеніоромъ.

На общемъ собраніи отъ 22. IV, 1917, былъ избранъ только 1 членъ Спиридіонъ Баньковскій, старшій совѣтникъ магистрата во Львовѣ. На собраніи 12 мая, 1918 года, были избраны 14 членовъ, между прочимъ д ръ Иванъ Куровецъ вторично, такъ какъ онъ былъ уже разъ принятъ, 30. IV., 1917 г. На собраніи 18. IV, 1919-го, были приняты 32 члена, а 8 мая 1921 – 26 членовъ, итого за время отъ 2. II, 1916 по 8. V, 1921 г. — 207 членовъ.

Новопринятые члены не очень интересовались дѣлами Института. Самъ сеніоръ д-ръ Федакъ не принималъ участія въ засѣданіяхъ съ 8. IX, 1920, по 18 мая, 1921, а даже, по поводу какихъ то личныхъ причинъ, отказался отъ вице-сеніорства, мотивируя свой отказъ недостаткомъ времени и занятіями въ гражданскомъ комитетѣ.

При принятіи новыхъ членовъ захваленія старыхъ членовъ вовсе не было. Принятіе новыхъ членовъ дѣлалось такъ, что на послѣднемъ засѣданіи Совѣта передъ общимъ собраніемъ

членовъ рѣшалось предложить общему собранію нѣсколько человѣкъ въ члены. Не соблюдалась формула устава, требующая присутствія 10 членовъ правленія для принятія кандидатовъ и 2/3 членовъ большинства. Отъ членовъ не требовалось сложенія братскаго обѣта, предписаннаго уставомъ. На засѣданіи 10 мая, 1916 г., на предложеніе Барвинскаго, рѣшено требовать отъ новопринятыхъ членовъ, живущихъ во Львовѣ, принесенія братскаго обѣта на руки сеніора, а отъ замѣстныхъ только подписанія формулы обѣта. Но и это не помогло. Въ протоколахъ не видно записокъ, чтобы члены приносили братскій обѣтъ. Только нѣсколько удовлетворило этому уставному, требованію И такъ на засѣданіи 20. XII, 1916 г., сложили обѣтъ 2 члена, на собраніи 26. XII, 1916, 3 члена, на засѣданіи 3. I, 1917, 2, на засѣданіи 15, 1918, 6, на засѣданіи 21. IV, 1920, 23, а 18. V, 1921 – 21, 3 VII. 1918 – 1, всего принесли обѣтъ 62 члена; прочіе не удовлетворили никакой формальности. Для того, на засѣданіи 14, III. 1917, рѣшено вызвать новопринятыхъ членовъ. чтобы по крайней мѣрѣ прислали подписанную ими формулу обѣта, иначе не будутъ считаться дефинитивно принятыми.

Между членами случаются частые конфликты, ввиду чего, послѣ конфликта съ Щуратомъ, уступаетъ сначала Кмицикевичъ, а позже Барвинскій, Студинскій, преф. бурсы Яценьо, а въ концѣ (8. IX. 1920) и самъ сеніоръ Федакъ.

в) Церковныя дѣла.

Нѣкоторые члены старались поднести престижъ Ставропигіи посредствомъ забиранія голоса въ дѣлахъ церковныхъ. Время было бурное; русской церкви угрожала полная латинизація, бывшая на полномъ ходу. Прежде всего пришла перемѣна календаря, введенная еп. Хомишинымъ.

Въ засѣданіи отъ 8 марта, 1916 г., на предложенія д-ра Озаркевича, принято рѣшеніе созвать общее собраніе въ цѣляхъ внесенія протеста противъ этого распоряженія.

Въ засѣданіи отъ 10. III, 1916, во время преній по этому дѣлу д-ръ Баранъ указалъ на вредъ, какой приноситъ эта реформа еп. Хомышина не только церковному, но и національно-политическому дѣламъ, такъ какъ отталкиваетъ отъ церкви православныхъ украинцевъ. Д-ръ Щуратъ исторически представилъ пробы перемѣны календаря и выразилъ мнѣніе, что еп. Хомишинъ приготовилъ дѣло въ Вѣнѣ и получилъ согласіе правительства, военныхъ властей и нунція.

О. А. Стефановичъ совѣтовалъ принять энергичныя мѣры противъ атакъ на нашу церковную автономію. Такого-же мнѣнія были Голубовичъ, Шеховичъ и Бачинскій. Въ концѣ рѣшено выслать пропамятное письмо, которое долженъ былъ составить д-ръ Щуратъ, съ прошеніемъ пріостановить исполненіе рѣшенія еп. Хомишина. Но это дѣло съ паденіемъ Австріи само собой упало.

Другимъ дѣломъ было введеніе целибата.

На засѣданіи отъ 18/IX, 1918, на предложеніе проф. Студинскаго, рѣшено внести меморіалъ противъ введеннаго митрополитомъ Шептыцкимъ целибата нашего духовенства. Въ меморіалѣ отмѣченъ рѣшительный протестъ Ставропигіи противъ нарушенія нашихъ церковно-національныхъ правъ. Этотъ меморіалъ вручила депутація, сложенная изъ сеніората, митрополиту, который заявилъ, что послѣ его прочтенія дасть отвѣтъ, а пока что сказалъ въ частной бесѣдѣ, что не намѣренъ вводить целибата разъ на всегда. Дѣло это кончилось неудачно, такъ какъ въ настоящее время целибатъ дѣйствительно введенъ, ибо епископы отказываются рукополагать въ священники женатыхъ ѳеологовъ.

Третье дѣло — это назначеніе перемышльскаго епископа. Конечно, украинофилы хотѣли видѣть на этомъ престолѣ своего избранника, поэтому старались возобновить давнее право Ставропигіи забирать голосъ при назначеніи епископовъ. На засѣданіи отъ 22 марта, 1916, произнесъ д-ръ Щуратъ основательную рѣчь о незадавненіи права Ставропигіи забирать голосъ въ церковныхъ дѣлахъ. Ставропигія исполняла эти права въ продолженіи 16 и 17 столѣтій. Права эти сохранили силу на основаніи папскаго бреве изъ 16 вѣка, послѣ принятія Ставропигіей уніи въ 1710 году, о чемъ можно убѣдиться на основаніи контрольной книги комиссіи изъ 1732 года, которая подаетъ акты отъ 1520 г. по 1732 годъ. Ставропигія принимала участіе въ Замостьскомъ соборѣ въ 1720 году посредствомъ своихъ представителей Лясковскаго и Чесниковскаго. Правъ своихъ не потеряла Ставропигія и послѣ присоединенія Галичины къ Австріи въ 1772 году, ибо во время владѣнія Австріи предъявила правительству списокъ кандидатовъ на епископскій престолъ, какъ напр. это было съ епископомъ Скородынскимъ. Ввиду того докладчикъ ставитъ предложеніе приготовить пропамятное письмо по этому дѣлу и назначить кандидатовъ на епископскій престолъ въ Перемышлѣ.

Д-ръ Баранъ подалъ засѣданію болѣе точныя свѣдѣнія относительно кандидатовъ, но въ протоколѣ не отмѣчено, какія это были свѣдѣнія.

Д-ръ Голубовичъ и Озаркевичъ сопротивляются предложенію конкретной пропозиціи безъ соглашенія съ митрополитомъ и высказываются особенно противъ Филяса, съ которымъ митрополитъ стоитъ на военномъ положеніи, вслѣдствіе чего поставленіе его кандидатуры unico loco было-бы нелояльностью ввиду митрополита. На этомъ засѣданіи, на предложеніе Барвинскаго и Щурата, постановлено (пятью голосами противъ пяти) рѣшеніемъ голоса сеніора объявится за единственнымъ кандидатомъ Филясомъ.

На засѣданіи 27/IX, 1916, гофратъ Барвинскій заявляетъ, что ему извѣстна пропозиція „Загальної Украинської Ради“, (но какая, не сказалъ), и ввиду того, что дѣло уже опоздало, ибо правительство уже рѣшило дѣло замѣщенія перемышльскаго

престола, онъ не соглашается съ предложеніемъ кандидатовъ черезъ „Заг. Укр. Раду“, считая этихъ кандидатовъ несоотвѣтственными, и потому онъ не будетъ принимать дальнѣйшаго участія въ совѣщаніяхъ, послѣ чего оставилъ залъ засѣданій.

Д-ръ Щуратъ подаетъ историческій очеркъ предложенія императору пропозицій относительно кандидатовъ на епископскій престолъ въ Галичинѣ отъ имени Ставропигіи во Львовѣ, и предлагаетъ, чтобы при замѣщеніи епископскаго престола въ Перемышлѣ Ставропигія забрала голосъ и подала императору кандидатовъ. На его предложеніе поставлено терно: о. И. Чапельскій, о. Алексѣй Базюкъ и о. Климъ Шептыцкій.

На слѣдующемъ засѣданіи, послѣ прочтенія протокола, гофратъ Барвинскій удивляется, что въ пропозицію на епископскій престолъ принятъ вдовецъ о. Чапельскій, и о. Климъ Шептыцкій, не окончившій до сихъ поръ ѳеологическихъ студій. Д-ръ Щуратъ поясняетъ, что еще не запало дефинитивное рѣшеніе относительно кандидатовъ

Д-ръ Кость Левицкій заявляетъ, что на конференціи съ намѣстникомъ 18/1X, 1916 г., спросилъ, какъ дѣло обстоитъ съ замѣщеніемъ епископскаго престола. Намѣстникъ отвѣтилъ, что у него есть своя пропозиція, которой, однако, правительство не приняло, и поэтому онъ больше этого дѣла не затронетъ. На конференціи съ министромъ просвѣщенія дня 1/X, 1916, онъ затронулъ это дѣло и получилъ отвѣтъ, что какъ долго нунціемъ стоитъ Скатинелли, дѣло тяжело рѣшить. Нунцій состоитъ въ тайной перепискѣ съ митрополитомъ Шептицкимъ и отъ него хочетъ получить новую пропозицію. Д-ръ Олесницкій спрашивалъ прежде министра относительно лицъ, но министръ отвѣтилъ, что ни о. Базюкъ, ни о. д-ръ Жукъ въ счетъ входить не могутъ, а о. д-ръ Василь Левицкій есть двовъ. Д-ръ Кость Левицкій предложилъ кандидатуру о. Клима Шептыцкаго, а министръ отвѣтилъ, что эту кандидатуру приметъ во вниманіе. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣло еще не рѣшено, поэтому слѣдуетъ выслать напамятное письмо и вмѣсто о. Чапельскаго поставить о. Яремко или графа Теодора Volpre de Bonno. Д-ръ Щуратъ прочиталъ на этомъ засѣданіи текстъ меморіала къ правительству о привилегіи Ставропигіи и предлагаетъ кандидатовъ на епископскій престолъ. Меморіалъ былъ принятъ съ тѣмъ, что его слѣдуетъ внести въ президіумъ совѣта министровъ, къ министру просвѣщенія, намѣстнику, нунцію, и предлагаетъ терно кандидатовъ: о. Базюка, о. д-ра Яремко и Клима Шептыцкаго. На засѣданіи отъ 1/XI, 1916, рѣшено, чтобы этотъ меморіалъ вручили: д-ръ Кульчицкій, Громницкій и Карановичъ. На засѣданіи 15/XI, 1916, рѣшено, на мѣсто умершаго о. Яремко, поставить кандидатуру о. Стефана Юрика. На засѣданіи 29/XII, 1916, д-ръ Баранъ прочелъ телеграмму деп. Влад. Сингалевича въ дѣлѣ посылки протеста относительно замѣщенія перемышльскаго епископскаго престола Копыловскимъ и письмо „Народнаго Комитета“ отъ 28/XII, 1916, съ прошеніемъ,

чтобы правленіе Института занялось этимъ дѣломъ, и предложилъ не посылать протеста, а послать только копіи пропамятнаго письма Романчуку и Сингалевичу.

И такъ, дѣло это кончилось, неудачно.

Во время польскаго владычества, въ засѣданіи отъ 15/VI, 1921, на предложеніе д-ровъ Щурата и Брыка рѣшено выслать, согласно традиційнаго обычая съ сылкой на права и привилегіи Ставр. Инст., меморіалъ польскому правительству въ Варшавѣ съ протестомъ противъ реквизиціи церквей на Холмщинѣ и Волыни, и собора въ Холмѣ, гдѣ находятся мощи короля Даніила. Меморіалъ долженъ былъ быть посланъ также въ Римъ, папскому нунцію, украинской репрезентаціи заграницей и митрополиту Шептыцкому.

г) Церковь.

Украинскому правленію достались давніе труды, относящіеся къ обновленію церкви, и у него было намѣреніе продолжать работы, но опять безуспѣшно.

На засѣданіи 29/III, 1916, гофратъ Барвинскій затронулъ это дѣло, при чемъ по совѣту консерватора Піотровскаго предложилъ внести прошеніе въ министерство о пособіи. Но дѣло было отложено на $1^1/_2$ года, ибо только на засѣданіи отъ 19/IX, 1917, гофратъ Барвинскій снова докладываетъ, что 22 августа, 1917 года, состоялся осмотръ комиссіей церкви и часовни, въ которомъ приняли участіе гр Карлъ Ланцкоронскій, гр. Левъ Пининскій, гр. Павелъ Дѣдушицкій и ректоръ политехникума Обминскій. Письменный отчетъ этого осмотра приложилъ Барвинскій къ актамъ Но дѣло опять лежало $1^1/_2$ года и только на засѣданіи отъ 20/III, 1918, гофратъ Барвинскій опять предлагаетъ созвать конференцію съ участіемъ митрополита. Такая конференція состоялась 1/VI, 1918, на которой высказано особенно митрополитомъ Шептыцкимъ и о. игуменомъ Березовскимъ очень цѣнныя примѣчанія относительно обновленія церкви и возстановленія въ ней стиля, отвѣчающаго духу восточной церкви. Относительный рефератъ гоф. Барвинскаго помѣщенъ въ актахъ. Дѣло, однако не тронулось впередъ и гофратъ Барвинскій на засѣданіи отъ 21/IV, 1920, окончательно отказался отъ префектуры церкви.

На его мѣсто былъ избранъ врачъ, д-ръ Иванъ Бережницкій, у котораго повидимому было больше счастья, чѣмъ у его предшественника. И такъ на его предложеніе рѣшено въ засѣданіи отъ 2/VII, 1920, продолжать начатыя до войны работы по возобновленію часовни, именно, согласно рѣшенія анкеты, рѣшено возстановить прежній видъ стѣнъ въ часовни и положить новый полъ. Дѣло тормозилось, но д ръ Бережницкій не уставая работалъ. Замѣтивъ, что нѣтъ колокольчика (сигнатурки), перевелъ на засѣданіи отъ 14/VII 1920, рѣшеніе, чтобы его купили.

На засѣданіи 29/IX, 1920, д-ръ Бережницкій прочиталъ письмо львовскаго консерватора отъ 25/IX, 1920, № 84, относи-

тельно обновленія часовни, и предложилъ срочно приступить къ работѣ. Тогда было рѣшено поручить Траверзѣ снять мраморъ со стѣнъ часовни.

На засѣданіи отъ 10/XI, 1920, поручено д-ру Бережницкому покупить каменныя плиты на полъ часовни; на засѣданіи 17/XI. 1920, докладываетъ д-ръ Бережницкій о покупкѣ плитъ и предъявляетъ проектъ заведенія сада возлѣ церкви. Дальше, на предложеніе неутомимаго префекта церкви, д-ра Бережницкаго въ засѣданіи отъ 12/I, 1921, рѣшено ввести инсталяцію электрическаго освѣщенія въ церкви. Но окончательно освѣщенія не переведено изъ за недостатка средствъ. Въ концѣ на засѣданіи 8/VI, 1921, рѣшено было положить полъ въ часовнѣ изъ теребовельскаго камня и передать дѣло каменьщику, который поздней осенью началъ работы, а кончилъ только въ мѣсяцѣ мартѣ, когда украинцы были устранены. На этомъ кончились всѣ заботы и работы украинофиловъ по возобновленію церкви.

Слѣдуетъ отмѣтить, что правленіе стараясь пріобрѣсти фонды на обновленіе церкви, рѣшило на засѣданіи 2/XI, 1921, такъ наз. „Правильник церковних збірок“, принятый на основаніи реферата Децыкевича. Правленіе стало на принципѣ, что Институтъ состоитъ владѣльцемъ церкви и все имущество церкви есть имуществомъ Института, ввиду чего пожертвованія, складаемыя въ церкви, должны быть въ вѣдѣніи Института. Въ томъ духѣ былъ рѣшенъ „Правильник“.

Военная разруха больно отразилась на имуществѣ церкви. Военныя власти реквизировали два колокола, а кромѣ того, мѣдную крышу церкви. Слѣдуетъ отмѣтить, что правленіе, во главѣ съ гофратомъ Барвинскимъ, усиленно старалося защищать имущество Ставропигіи, однако безуспѣшно.

На засѣданіи отъ 3/I, 1917, были взяты 4 колокола вѣсомъ 122 кл. за уплатой 488 кронъ. На засѣданіи отъ 15/II, 1916, сеніоръ Кузьма доводитъ до свѣдѣнія, что о. Давидякъ доложилъ о явившейся реквизиціонной комиссіи для снятія мѣдной крыши изъ церкви. На засѣданіи 17/I, 1917, гофратъ Барвинскій доложилъ, что выдача опиніи о крышѣ принадлежитъ проф. Абрагаму, а о колоколахъ проф. Бадецкому, ибо нельзя реквизировать колоколовъ старше XVII столѣтія, къ которымъ принадлежатъ Кириллъ и Иванъ. На его предложеніе выслано телеграмму въ центральную комиссію для охраны памятниковъ въ Вѣнѣ, и дѣйствительно снятіе крыши было пріостановлено. Дальше гофратъ Барвинскій обратился къ консерватору Шидловскому, о чемъ доложилъ на засѣданіи 21/II, 1917. Но окончательно не удалось отстоять ни колоколовъ ни крыши. Остался только большой колоколъ Кириллъ, котораго австрійскія военныя власти не успѣли стащить. За Ивана уплочено 2172 кроны.

д) Книжная лавка.

До войны завѣдующимъ книжной лавкой былъ Романъ Шкирпанъ. Въ началѣ войны онъ былъ арестованъ и вывезенъ въ Талергофъ. Украинское правленіе отрѣшило его отъ занимаемой имъ должности, но на его мѣсто не нашелся охотникъ. Правленіе поручило деп. Будзыновскому привести въ порядокъ книжный магазинъ.

На засѣданіи отъ 3/V, 1916, было затронуто дѣло управляющаго книжной лавкой, но потомъ отложено. Референтъ дѣла сов. Кмицикевичъ по поводу какого то инцидента съ д-ромъ Щуратомъ выбылъ изъ состава правленія и дѣло заглохло, тѣмъ болѣе, что явилась угроза новаго занятія Львова русскими войсками, и всѣ готовились къ эвакуаціи, о чемъ много говорилось на засѣданіяхъ. Несмотря на то, на засѣданіи 9/VII, 1916 г., поручено заняться книжной лавкой м-мъ Кандякъ при содѣйствіи дир. канцеляріи Витошинскаго. Членъ правленія Зубикъ требовалъ на засѣданіи 20 марта, 1918 года, принять мужскую силу.

Ввиду угрозы отнятія правленія украинофиламъ рѣшено 4/I, 1922, отдать въ аренду книжную лавку Украинскому Педагогическому О-ву во Львовѣ на 17 лѣтъ начиная съ 1/I, 1922, за годичнымъ „выповѣдженьемъ“ съ тѣмъ, что Пед. О-во должно продавать церковныя книги Института, какъ ровно же взятыя на комиссію церковныя изданія по означенной цѣнѣ безъ заработка.

Издательское дѣло было очень слабо. Не издано даже календаря Ставропигіи, напротивъ истреблено много товару. На основаніи рѣшенія отъ 28/III, 1917 г., продано на макулатуру старые этимологическіе бланкеты, а издано новые, фонетическіе, по украински и латински.

На основаніи рѣшенія отъ 22/V, 1918, продано на макулатуру русскія книги, покупленныя довоеннымъ правленіемъ.

Долго носились съ мыслью объ изданіи Требника и Трефологіона, но дѣло неприведено въ исполненіе. Кромѣ того рѣшено напечатать украинскій молитвословъ подъ редакціей о. Дзеровича, хотя въ магазинахъ Института есть еще до сихъ поръ громадный запасъ молитвослововъ. Но и это рѣшеніе не приведено въ исполненіе. Напечатано только „Збірник церковних пісень“ композиціи д-ра Людкевича.

На книжный магазинъ не обращено надлежащаго вниманія не смотря на то, что въ немъ до сихъ поръ находятся громадные запасы книгъ миліардной стоимости. Деп. Будзыновскій перевелъ инвентуру по 1917 г., но изъ того ничего не вышло.

е) Типографія.

Украинское правленіе переняло типографію недѣйствующей, но доложило стараній пустить ее въ движеніе. Префектомъ былъ избранъ дир. Громницкій, который вложилъ много труда около

поднесенія типографіи. Почти на каждомъ засѣданіи правленія даетъ отчетъ о ходѣ дѣлъ. Уже на засѣданіи 15/II, 1916, предлагаетъ избрать управляющаго типографіей, а на засѣданіи отъ I/III, 1916 г., приходитъ съ конкретнымъ предложеніемъ назначить временнымъ управляющимъ метрампажа „Діла“ Юрія Сидорака за еженедѣльнымъ вознагражденіемъ. Чтобы обезпечить типографію отъ потеръ, онъ предлагаетъ на засѣданіи 8/III, 1916 г., потребовать отъ Сидорака кавціи, которую слѣдуетъ обезпечить на его недвижимомъ имуществѣ. На засѣданіи 29 марта, 1916 г., рѣшено на требованіе военныхъ властей, отдать имъ 50 кл. мѣди. Вообще, война больно задѣла типографію, по поводу требованія военныхъ властей отдать имъ мѣдь и свинецъ. Потерпѣли клише и шрифтъ особенно этимологическій.

Сколько продано, относительно отдано шрифта, нельзя изъ протокола узнать, во всякомъ случаѣ очень много, ибо довольно часто находятся объ этомъ доклады. Итакъ, на засѣданіи 14/VI, 1916 г., выдано неизвѣстное количество забракованнаго шрифта. Подсчетъ послѣдовалъ при помощи довоеннаго управляющаго типографіей Рефця, котораго не только не приняли на службу, но добавочно рѣшили на засѣданіи отъ 1/III 1916 г., выбросить его изъ занимаемой имъ квартиры въ домѣ Ставропигіи.

Дня 16/VIII, 1916 г., было взято 6 мѣдныхъ клише стоимостью 130 кронъ, 30/V, 1917 г., 2700 кл. шрифта, а 6/VI 1917, 2090 кл. свинцового матеріала.

Типографія медленно розвивалась; въ ноябрѣ 1917 г., было всего 8 наборщиковъ, но и съ тѣми дѣло не шло. На засѣданіи 1 мая, 1918 г., докладываетъ префектъ Громницкій, что наборщики отказались отъ условій, а половина ихъ ушла. Въ концѣ-концовъ дѣло кончилось тѣмъ, что плата наборщикамъ была повышена, но отъ типографіи дохода не было по недостатку типографской работы. Усиленныя старанія префекта Громницкаго надъ поднесеніемъ типографіи остались безъ успѣха ввиду крайней неповоротливости управляющаго Сидорака Кромѣ того, въ 1919 году польскія военныя власти реквизировали моторы, которые, спустя немного времени, были возвращены безъ вознагражденія.

з) Бурса.

Украинское правленіе рѣшило открыть бурсу Ставропигійскаго Института съ началомъ 1917/18 школьнаго года. На засѣданіи 5/IV, 1917 г., принято 13 воспитанниковъ. Префектуру бурсы поручено Яценьо, а настоятельство Гринику. Но такъ-же и съ бурсой, по поводу конфликтовъ между Яценьо и сеніоромъ Федакомъ, какъ то не везло. Конфликтъ принялъ такую острую форму, что между ними пришло къ мировому суду.

Позже былъ принятъ на настоятеля бурсы препод. Стесловичъ. Съ нимъ также пришло до такъ острыхъ конфликтовъ, что сеніоръ Федакъ на засѣданіи 8/IX, 1929, письменно отказался отъ достоинства сеніора, именно по поводу атакъ Сте-

словича, взведенныхъ въ комиссійныхъ изслѣдованіяхъ хозяйства и въ бурсѣ, какъ противъ сеніора Федака, такъ и его дочери. Дѣйствительно, д-ръ Федакъ не исполнялъ должности до новаго общаго собранія.

Въ школьномъ 1921/22 году, приходитъ къ острому конфликту между преф. бурсы Яценьо, и настоятелемъ Букоемскимъ, который оканчивается уступленіемъ Яценьо и оставленіемъ Букоемскаго.

ж) Переплетная.

На засѣданіи 18/X, 1916, рѣшено перевести инвентуру переплетной, а управленіе ею поручено Голубцеви; магистратъ, какъ промышленная власть, письмомъ отъ 23/I, 1918, н-ръ 131851/47, разрѣшилъ на веденіе переплетной. 8 мая, 1918, былъ принятъ помощникъ Подолюкъ, которому позже поручено управленіе.

Слѣдуетъ еще прибавить старанія правленія въ цѣли созданія эмблемовъ и отличій для членовъ, около реституціи „Альбома“ и музея, основанія библіотеки, а все это осталось неисполнено по поводу недостатка средствъ, самое же главное людей, способныхъ, привести эти рѣшенія въ исполненіе.

Правленіе украинофиловъ въ Ставропигіи кончилось 24 февраля, 1922 г.

IV: Правленіе правительственнаго комиссара.

Сейчасъ послѣ уступленія украинофиловъ изъ Львова начала русско-народная организація дѣлать старанія въ цѣли перенятія захваченныхъ ними русско-народныхъ институцій, главнымъ образомъ Ставропигіи, „Народнаго Дома“ и о-ва им. М. Качковскаго. Благодаря неутомимыхъ стараній б. деп. В. Курыловича перешло о-во им. Качковскаго очень скоро въ руки правленія, избраннаго общимъ собраніемъ членовъ о-ва. Относительно Ставропигіи дѣйствовали главнымъ образомъ, кромѣ сов. Курыловича, судія Пелехъ-Лычковскій, прок. Алексѣй Сивулякъ и сегодня уже покойный Михаилъ Иануса. Они составили первый меморьялъ въ намѣстничество и въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ. Въ меморіалѣ была представлена незаконность рѣшенія б. австрійскаго намѣстничества, поручающаго назначенному комиссару полиціи набрать новыхъ членовъ. Позже отъ имену Р. И. К. выѣхала въ Варшаву депутація, состоявшая изъ о. сов. І. Костецкаго и Ивана Сасъ-Лѣсковацкаго.

Дѣло замедлялось вслѣдствіе неприклоннаго становища генеральнаго делегата правительства, Галецкаго, ревнаго сторонника украинофиловъ Послѣ введенія воеводствъ были начаты поновныя старанія въ цѣли отобранія Ставропигійскаго Института. Вслѣдствіе этихъ стараній Львовское воеводство рескриптомъ отъ 16 февр. 1922 г. №8094/1921 признало неважнымъ выборъ членовъ Ставроп. Института, переведенный комиссаромъ полиціи

Смулкою, какъ тоже выборъ, произведенный тѣми же членами новыхъ членовъ, и назначила для Ставропигійскаго Института правит. комиссара въ лицѣ сов. Николая Третьяка, а его замѣстителями г. Юліяна Луцыка и д-ра Василія Лаголу, причемъ правит. комиссару поручено въ 14-дневномъ срокѣ представить свои предложенія въ цѣли введенія правильнаго Совѣта.

Правит. комиссаръ въ назначенномъ срокѣ предложилъ созвать немедленно общее собраніе давнихъ законныхъ членовъ, избранныхъ по предписаніямъ устава и вписанныхъ въ книгу „Альбомъ“. Кромѣ того комиссаръ лично просилъ какъ у воеводы такъ и относительныхъ референтовъ о разрѣшеніи созвать общее собраніе членовъ. Но д-ръ Федакъ, какъ бывшій сеніоръ, и часть членовъ, назначенныхъ комиссаромъ полиціи Смулкою, внесли противъ рѣшенія воеводства откликъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ, а кромѣ того, посредствомъ польскихъ соціалистическихъ депутатовъ старались задержать введеніе законнаго Совѣта въ Ставропигіи. Ввиду того, что ни управляющій Совѣтъ, ни общее собраніе членовъ, назначенныхъ комиссаромъ полиціи Смулкою не постановило вносить протеста противъ рѣшенія воеводства, онъ долженъ былъ остаться безъ вниманія, но несмотря на то, Львовское воеводство воздержалось съ разрѣшеніемъ на созывъ общаго собранія законныхъ членовъ и предложило дѣло на рѣшеніе министерству внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ.

Между тѣмъ, члены, назначенные комиссаромъ полиціи Смулкою отбыли общее собраніе въ Θомино воскресеніе, о чемъ былъ пространный докладъ въ газ. „Діло“. Правительственный комиссаръ Третьякъ не уставалъ въ стараніяхъ привернуть Ставропигіи правильную дѣятельность Института. По его стараніямъ въ Варшаву отправлялись много разъ депутаціи, дабы двинуть дѣло впередъ. Въ томъ направленіи неутомимо дѣйствовалъ д-ръ Θеодосій Заяцъ, не только ѣздившій неоднократно въ Варшаву, но составлявшій многочисленныя письма и меморіялы, высланныя правительственнымъ комиссаромъ по назначенію. Послѣ назначенія львовскимъ воеводою г. Зимнаго, правительственный комиссаръ явился у него и поновилъ свое прошеніе о созваніи общаго собранія законныхъ членовъ. Воевода предложилъ представить новое прошеніе, которое было правит. комиссаромъ немедленно внесено какъ въ воеводство, такъ и въ львовскую дирекцію полиціи, безъ мнѣнія которой въ такихъ случаяхъ обойтись не можетъ. Послѣ многихъ стараній предпринятыхъ лично правит комиссаромъ, какъ у директора полиціи, такъ и у референтовъ воеводства, было послано предложен е въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ о разрѣшеніи на собраніе общаго собранія. Когда отвѣтъ замедлялся, правит. комиссаръ выслалъ 25 апрѣля телеграммы въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Варшаву и другимъ, съ прошеніемъ о немедленномъ рѣшеніи дѣла. И вотъ 28 апрѣля, 1924, пришло желательное согласіе, а въ Θомино воскресенье, (4 мая

1924 г.), созвано было собраніе. Тѣмъ кончилось правленіе правительственнаго комиссара и началась нормальная дѣятельность.

Относительно дѣлъ Ставропигійскаго Института, то правительственный комиссаръ засталъ ихъ крайне расшатанными. До войны дома Института приносили хорошую прибыль и были главнымъ жереломъ доходовъ. Въ настоящее время, ввиду предписаній закона о защитѣ локаторовъ, дома приносили убытокъ, такъ что главнымъ источникомъ доходовъ могли быть только большіе запасы книгъ, накопленныхъ еще до войны. Но магазины съ книгами находились въ ужасномъ состояніи; книги были разбросаны въ пяти мѣстахъ, не инвентованы, не было извѣстно, что и гдѣ находится. Потому главнымъ дѣломъ правительственнаго комиссара было привести въ порядокъ книги, которыхъ часть пала жертвою мышей, вслѣдствіе чего Институтъ понесъ громадный убытокъ. Всѣ книги зъинвентовано точно и передано въ одинъ главный магазинъ, зложено ихъ въ порядкѣ, послѣ чего поступили они въ продажу и они составляютъ сегодня главное жерело доходовъ. Книгъ есть на нѣсколько сотъ милліардовъ. Цѣны книгъ низкія, но въ мѣру девальваціи они повышены согласно книжнаго прейскуранта. Въ настоящее время цѣны поданы въ золотыхъ.

При составленіи инвентаря оказалось, что поодинокимъ книгамъ не хватаетъ поодинокихъ листовъ, навѣрно кѣмъ то вырванныхъ. Ввиду того, этотъ недостатокъ пополнено напечатаніемъ нехватающихъ листовъ. Кромѣ того за это время напечатано: „Збірник церковних і літургічних пісень“ д ра Людкевича, для употребленія школы и церковныхъ хоровъ; 2) „Малый молитвословъ для мірянъ“. 3) Книгу „Чинъ погребенія и парастаса“; 4) Коляды (этимологіей); 5) Помянникъ усопшихъ; 6—7) Временникъ за 1923 - 1924 гг; 8) Указаніе изъ церковнаго устава за 1923—1924 гг.; 10) Открытки на Воскресеніе Христово; 11) сверхъ того началось печатать Евангеліе средняго формата, (до августа мѣс., 1924 г. напечатано 26 листовъ).

Относительно церкви и церковныхъ дѣлъ, то, пользуясь присутствіемъ во Львовѣ папскаго делегата о. Джинокки, составлено и внесено на его руки меморьялъ, подписанный многими членами, которые предложили делегату быв мѣсто-сеніоры Николай Сивулякъ, и д-ръ Ѳеодосій Заяцъ.

Въ февралѣ 1912 г., скончался настоятель прихода Успенской церкви, владѣльцемъ и патрономъ которой состоитъ Ставропигійскій Институтъ. Митрополичій ординаріатъ росписалъ конкурсъ на упразднившійся приходъ, но не предложилъ правленію Института списка внесшихъ прошеніе кандидатовъ въ цѣли выбора приходника, а запрезентовалъ его самъ. Вслѣдствіе внесеннаго правительственнымъ комиссаромъ въ воеводство сопротивленія, Воеводство отказало на каноничную институцію назначеннаго вышеупомянутымъ образомъ приходника, а высланный ординаріатомъ рекурсъ въ министерство народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій въ Варшавѣ остался

безъ послѣдствій. Всежъ таки митрополичій ординаріатъ не росписываетъ новаго конкурса. Кромѣ того нѣтъ до сихъ поръ законноустановленнаго завѣдывателя прихода и мимо нѣсколькократныхъ ургенсовъ не передано никому имущества церкви. Дѣло обновленія церкви трогается медленно впередъ. За время правленія правительственнаго комиссара кончено класть въ часовнѣ каменный полъ, устроено электрическое освѣщеніе какъ въ часовнѣ такъ и въ церкви а кромѣ того въ ходу исполненіе артистическихъ дверей въ часовню изъ закупленнаго дубоваго матеріала по проекту архитектора Равского, утвержденнаго львовскимъ консерваторскимъ управленіемъ. Работу исполняетъ ваятель Комиссарукъ въ Станиславовѣ и возможно, что въ продолженіи тек. года работа будетъ исполнена.

Кромѣ того дано къ обновленію извѣстный старинный образъ, „Триптиконъ“, имѣющій громадную стоимость. Работу по порученіи консерватора исполняетъ художникъ Гарландъ.

Управителемъ типографіи, послѣ освобожденія очень непредпріимчиваго Сидорака, назначено г. А. Яськова, б. управителя госуд. типографіи въ Ростовѣ-на-Дону, при чемъ обезпечено minimum въ прибыли поставленной безъ взгляда на оборотъ. Отъ года типографія приноситъ постоянную прибыль. Книжная лавка находится въ отданной прежнимъ украинскимъ правленіемъ арендѣ „Т-ва Педагогичного“. Д-ръ Федакъ старался перевести интабульціи права найма этого на 12 лѣтъ на домахъ Инст, но правит. комиссаръ отъ такого рѣшенія внесъ рекурсъ въ судъ апеляціонный, который отказалъ въ интабульціи, а Верховный судъ въ Варшавѣ рекурсъ этотъ утвердилъ.

Домы не приносили доходовъ, но изъ общихъ приходовъ сплачено цѣликомъ заемъ въ австро-угорскомъ банкѣ въ Вѣнѣ и выэкстабульовано его, такъ что въ настоящее время домы Института свободны отъ всякихъ долговъ.

Фонды и цѣнныя бумаги, какъ равноже и цѣнную книгу „Альбомъ“ привезено изъ Ростова на-Дону. Фонды ввиду полной девальваціи не даютъ никакого дохода, ввиду того стипендій не давано, ибо проценты отъ стипендійныхъ капиталовъ не хватили бы даже на корреспонденцію.

Бурса существовала оба года и отбывались обязательныя преподаванія русскаго языка. Переплетная обмежается большею частею до исполненія собственныхъ работъ.

Въ прошломъ году благодаря стараніямъ правит. комиссара и сов. Сасъ-Лѣсковацкаго получено печатаніе школьныхъ книгъ а съ тѣмъ и переплетъ таковыхъ; есть надежда что и переплетная разовьется. Правительственный комиссаръ принялъ обратно на службу давняго секретаря канцеляріи г. Михаила Гумецкаго, а другихъ, прогнанныхъ украинцами служащихъ не удалось принять, такъ какъ упр. типографіи Рефцьо умеръ, а книжную лавка сдана украинцамъ въ аренду, потому Институтъ лишенъ возможности имѣть вліяніе на принятіе служащихъ, ввиду чего нельзя было принять и г. Шкирпана.

Безъ Великаго говѣнія, нѣтъ радостнаго Воскресенія!

Помните друзья. что бѣса нельзя изгнать хлыстомъ только молитвой и твердымъ постомъ.

Кто не держитъ поста,
тотъ не любитъ Христа.
Кто Христа не уважаетъ,
того Господь забываетъ.
А кого Богъ забываетъ,
тотъ свою жизнь проклинаетъ.
(*Старая истина*).

Великій постъ, или св. четыредесятница, установленъ апостолами, въ подражаніе сорокадневному посту Моисея, Иліи, а главнымъ образомъ, по примѣру Іисуса Христа, постившагося 40 дней. Во время этого поста пріурочено ко времени воспоминанія. крестныхъ страданій Спасителя, чтобы, посильно подражая Его самоотреченію и самоотверженію, этими своими подвигами проявить свое живѣйшее участіе и любовь къ Спасителю, пострадавшему за міръ.

Въ богослуженіи Великаго поста нѣтъ пышности и торжественности; царскія врата отверзаются рѣдко, свѣчи возжигаются немногія, священнослужители облачаются въ ризы траурныя, пѣснопѣній бываетъ мало, а слышится болѣе чтеніе; многія молитвы сопровождаются наземными поклонами. Самая служба измѣняется такъ: вечернее богослуженіе состоитъ изъ великаго повечерія, утреннее—изъ утрени и часа перваго, полуденное—изъ часовъ 2, 6. 9 и вечерни; по средамъ же и пятницамъ къ этому присоединяется еще литургія Преждеосвященныхъ Даровъ. По субботамъ же, днямъ воскреснымъ, въ великій четвертокъ и въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы совершается полная литургія. Сверхъ этого каждая недѣля св. четыредесятницы имѣетъ свой особенный характеръ.

Первая седм. отличается отъ прочихъ особенно строгимъ постомъ и продолжительностію богослуженія. Въ понед., вторн., среду и четвергъ на повечеріяхъ читается покаянный канонъ Андрея Критскаго, въ среду и четвергъ, кромѣ того, канонъ Маріи Египетской; въ субботу св. церковь творитъ память св. влмч. Ѳеодора Тирона, а въ воскресенье, которое называется *недѣлей Православія*, совершается торжество Православія, въ память возстановленія почитанія святыхъ иконъ.

На 2 седм. св. церковь продолжаетъ побуждать насъ къ посту, молитвѣ, покаянію и къ прочимъ подвигамъ благочестія.

На 3 седм. въ субботу, на всенощной (или въ воскресенье на утрени), выносится на середину церкви св. крестъ и полагается на аналой для поклоненія вѣрующимъ, чтобы напомнить имъ о страданіяхъ и смерти Господа для духовнаго подкрѣпленія проходящихъ подвигъ великаго поста. Поклоненіе Кресту

продолжается въ понедѣльникъ, среду и пятницу 4-й нед., почему и вся недѣля назыв. *крестопоклонною.*

На 4 седм. предметомъ церковныхъ пѣснопѣній служитъ прославленіе св Креста и, потому, эта седмица назыв. крестопоклонною.

На 5 седм. въ четвергъ на утреннемъ богослуженіи, читается единственный разъ въ году весь канонъ Андрея Критскаго, а по каѳизмѣ—житіе преп. Маріи Египетской; въ субботу же совершается акаѳистъ или молебное стояніе Пресвятой Богородицѣ, и потому, этотъ день носитъ названіе похвалы.

6 я седм. Въ эту седмицу какъ и въ предшествующія, св. церковь призываетъ насъ къ подвигамъ благочестія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашаетъ всѣхъ насъ принести „предпраздненственное пѣніе вайій Христу грядущему", „воскресшу отъ гроба Лазаря" и внѣкши на окребать осли. Поэтому, 6 седмица называется седмицей *„Вайй"*, и *„Цвѣтною"*. Въ пятокъ 6 седмицы оканчивается св. Четыредесятница. Въ службѣ этого дня св. церковь приготовляетъ своихъ чадъ къ празднованію воскрешенія Лазаря и, особенно, Входа Господня въ Іерусалимъ; въ субботу же воспоминается чудо воскрешенія Лазаря, совершенное Спасителемъ прежде 6 дней чудесной пасхи, въ которую Онъ пострадалъ.

7-я или страстная седмица вся посвящена воспоминанію послѣднихъ дней земной жизни Спасителя, Его страданій, смерти и погребенія, почему и получила такое названіе. Въ первые три дня богослуженіе состоитъ изъ великаго повечерія, утрени и литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ и отличается своею продолжительностію. Въ великій четвергъ Церковь на литургіи воспоминаетъ омовеніе ногъ, установленіе Евхаристіи, прощальную бесѣду Іисуса Христа съ учениками и взятіе Его на страданія и смерть. Въ каѳедральныхъ соборахъ въ этотъ день совершается умовеніе ногъ. Вмѣсто литургіи въ великую пятницу читаются царскіе часы, нарочно для сего дня составленные св. Кирилломъ, а около 3 хъ часовъ пополудни совершается вечерня, выносъ плащаницы и чтеніе канона о распятіи. Богослуженіе великой субботу есть благоговѣйное бдѣніе надъ гробомъ Господнимъ. На утрени великой субботы плащаница обносится вокругъ храма съ хоругвями и свѣтильниками; литургія же великой субботы совершается позже всѣхъ другихъ дней года и соединяется съ вечерней. Въ этотъ день св. Церковь воспоминаетъ пребываніе Іисуса Христа тѣломъ во гробѣ, сошествіе душею во адъ, введеніе разбойника въ рай, пребываніе на престолѣ съ Отцемъ и Духомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предуказываетъ наступленіе Воскресенія Христова.

Русскія церкви во Львовѣ.

1) Церковь Успенія Пресв. Богородицы (Ставрогійскаго Ииститута) по Русской ул. 3.

2) Церковь св. Георгія (св. Юра) на пл. св. Юра 5 Архикаѳедральный соборъ галицкихъ гр-кат. митрополитовъ.

3) Церковь св. Георгія (православная) по Францисканской ул. 3.

4) Церковь Преображенія Господня (Народнаго Дома) по Краковской ул. 19.

5) Церковь св. Петра и Павла по Лычаковской ул 82.

6) Церковь Сошествія св. Духа (при Духовной семинаріи) по ул. Коперника 36.

7) Церковь св. Параскевіи-Пятницы по Жолковской ул. 67.

8) Церковь св. Николая по Жолковской ул. 26.

9) Церковь св. Онуфрія (При монастирѣ Ч. св. Василія В.) по Жолковской ул. 36.

10) Церковь Непор. Зачатія Пресв. Богородицы (собств. Народнаго Дома) по ул. Зыбликевича 30.

Часть литературная.

1925.

Съ Новымъ Годомъ поздравляемъ
Всѣхъ добрыхъ людей!
Счастья, доли имъ желаемъ,
Лучшихъ, красшихъ дней,
Чѣмъ тѣ черные бывали
На горе бѣду;
Чтобы свѣтлые настали
Въ грядущемъ году!

Съ Новымъ Годомъ поздравляемъ
Васъ, отцы, дѣды!
Здравія и силъ желаемъ
Для новой борьбы
За жизнь, вѣру, за свободу
Родной стороны!
Слѣдомъ вашимъ въ родъ отъ роду
Да идутъ сыны!
Пускай родина любима
И несчастный нашъ народъ
Въ нихъ борцовъ непоколебимыхъ
За права свои найдетъ!

Съ Новымъ Годомъ поздравляемъ
Тебя, молодежь!
Пусть онъ будетъ тебѣ раемъ,
Куда ни пойдешь:
Въ храмъ труда, иль въ чисто поле,
Въ дальніе края,
Пусть сіяетъ твоей долѣ
Свѣтлая заря!

Ред.

Что. когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
Это — врагъ гордыни грязной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный, — враждой
Словно терніемъ повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...
Поэтическій мессія,
На Руси — онъ, какъ Россія,
Это — грандіозный ликъ
Всеобъемлющъ и великъ! .

Я. Полонскій.

350-лѣтняя годовщина

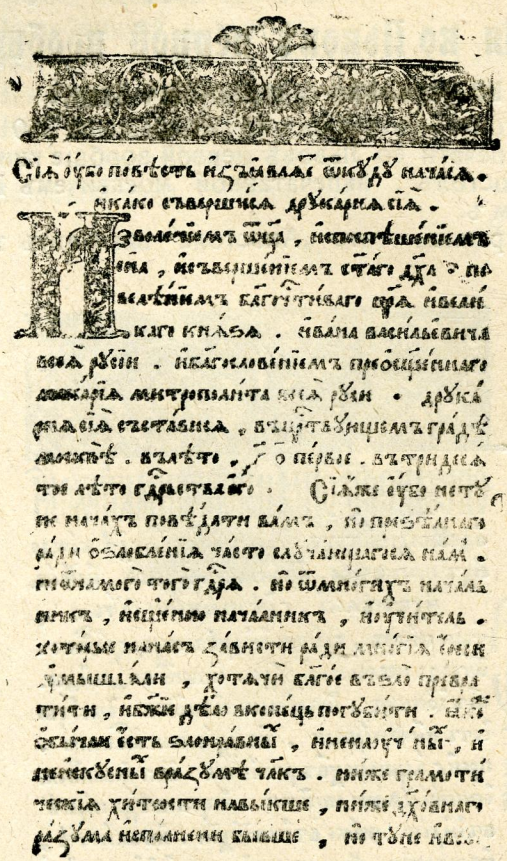
напечатанія во Львовѣ первой вообще книги

на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ 1924 году исполнилось 15 (28) февраля 350 лѣтъ со дня появленія изъ печати во Львовѣ первой вообще книги, такъ называемой „Апостолъ“, напечатанной москвичемъ И в а н о м ъ Ѳ е д о р о в ы м ъ.

Первая страница этого „Апостола“ виглядитъ такъ:

Слѣдующій за тѣмъ въ „Послѣсловіи“ къ „Апостолу“ (стр. 260—264) разсказъ Ѳедорова подаетъ исторію возникновенія его книгопечатни и первой напечатанной имъ во Львовѣ книги. Приводимъ здѣсь копію первой страницы „Послѣсловія“,



а затѣмъ переводъ его изъ церковно-славянскаго на настоящій русскій языкъ:

„Настоящій разсказъ поясняетъ, откуда началась и какъ возникла эта книгопечатня.

Волею Отца и помощью Сына и довершеніемъ святаго Духа, по повелѣнію благочестиваго царя и великаго князя, Ивана Васильевича, всей Руси и благословеніемъ преосвященнаго Макарія, митрополита всея Руси, возникла эта книгопечатня въ престольномъ городѣ Москвѣ, 7071 (1563) г., въ тридцатомъ году его царствованія. Это я не понапрасно началъ разсказывать вамъ, но ради превеликой злобы, случавшейся намъ часто, не

отъ самого этого государя, а отъ многихъ начальниковъ, священно-начальниковъ и учителей, которые на насъ изъ зависти измышляли многія ереси, хотячи благо превратить во зло, и божіе дѣло совсѣмъ погубить, какъ это есть въ обычаѣ злонравныхъ, необразованныхъ и нерозумныхъ людей, которые не привыкли къ грамотности, ни не имѣютъ духовнаго разума; ибо напрасно и тщетно разспускали они злословіе. Но такова уже завистъ и ненависть, что испускаетъ клевету сама изъ себя и не знаетъ, что дѣлаетъ и зачѣмъ заводитъ споры. И вотъ она то изгнала насъ изъ отечества и родины и переселила въ чужіе, неизвѣстные края.

А когда оттуда перешли мы сюда, то по милости Богоначальнаго Господа нашего Іисуса Христа, который судитъ міръ будетъ по справедливости, принялъ насъ милостиво благочестивый государь Сигизмундъ Августъ, король польскій и великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій и прч. съ всѣми панами своей Ради. Тогда усердно попросилъ короля вельможный панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, панъ виленскій, верховный гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, староста гродненскій и могилевскій; онъ принялъ насъ милостиво съ искренней радостью и любовью. И мы поживали у него не мало времени, а онъ удовлетворялъ насъ всякими житейскими потребностями. И этого было ему не достаточно, что такъ обезпечилъ насъ; онъ въ добавокъ подарилъ мнѣ не малую деревню для упокоенія послѣ трудовъ. И мы работали по волѣ Господа нашего Іисуса Христа и сѣяли Его слова по міру.

Когда Ходкевичъ сильно состарѣлся и его начала очень часто болѣть голова, то велѣлъ намъ прекратить ту работу и низвести на нѣтъ искусство рукъ нашихъ и вести въ деревнѣ жизнь хлѣбопашескую. Да неспоручно было для меня проводить вѣкъ свой за раломъ или сѣять сѣмена, ибо вмѣсто сохи у меня искусство рукъ и снарядовъ, а вмѣсто ржаныхъ сѣменъ я долженъ сѣять по міру сѣмена духовныя и всѣмъ по очереди роздавать пищу духовную. Всего болѣе опасался я суда своего Владыки Христа, который неустанно взывалъ ко мнѣ: „Рабе лукавый и лѣнивый! Почему не далъ ты моего серебра купцамъ? Тогда я прійдя былъ бы взялъ свое съ прибылью.“ А когда я былъ самъ съ собою на самотѣ, тогда обильными слезами орошалъ я свое ложе, разсуждая все то въ сердцѣ своемъ, чтобы не зарыть въ землю таланта, дарованнаго мнѣ Богомъ. И съ тоской въ душѣ я говорилъ слѣдующее: „На вѣкъ ли отвратится отъ меня Господь, не возвратится ли милость Его, на всегда ли возметъ Онъ милость свою, подобно какъ въ притчѣ про безплодную смоковницу, которая только даромъ занимала землю?“ Поэтому я долженъ былъ уйти отсюда. А во время путешествія зазналъ я много хлопотъ и бѣды не только вслѣдствіе длительнаго странствованія, но также вслѣдствіе моровой язвы, которая тогда свирѣпствовала и затрудняла мое путешествіе. Скажу вкратцѣ: все было злое и злыхъ злѣе.

И такъ по Божей милости прибылъ я въ богоспасаемый городъ, такъ называемый городъ Львовъ. А все, что случалось мнѣ по пути, я считалъ ничѣмъ, чтобы только достичъ моего Христа. Ибо все на этомъ свѣтѣ похоже на сонъ и тѣнь — все проходитъ; какъ этотъ дымъ въ воздухѣ, такъ добро и зло расплываются. Какъ похваляется горемъ апостолъ! Ибо горе приноситъ терпѣніе, терпѣніе надежду, а надежда не посрамитъ. Почему? Ибо въ сердцѣ моемъ вспыхнула любовь Бога, отъ даннаго мнѣ Духа святого. И когда я разсудилъ это и поселился въ славномъ городѣ Львовѣ, какъ будто слѣдуя протоптанною тропой за этимъ, Богомъ избраннымъ мужемъ, началъ я читать себѣ слѣдующую молитву: „Господи Всемогущій, Боже Вѣчный и Безначальный! Ты однимъ милосердіемъ привелъ все изъ небытія къ бытію словомъ Своимъ всетворческимъ, духомъ устъ Своихъ животворящимъ. Ты всегда заботишься и всему даешь порядокъ. Ты перечисляешь Свои созданія и зовешь ихъ по имени. Ты въ послѣднихъ годахъ неизреченною милостію Своею двигнулъ павшее существо наше,ославъ единороднаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, который принесъ себя въ жертву за грѣхи наши и воскресъ для нашего оправданія; ранами Его мы спаслись, ибо Ты милостиво пожелалъ этого на хвалу славы милости Твоея. Ты усыновилъ насъ Себѣ посредствомъ Іисуса Христа, чтобы мы были святыми и непорочными предъ Тобою, Ты объявилъ намъ тайну воли Своей, чтобы мы были первыми среди Твоихъ созданій. Укрѣпи, Боже, это, что сдѣлалъ Ты для насъ неизмѣримой глубиной Твоихъ постановленій. Ты далъ христіанамъ истинную мудрость. Пошли-же и мнѣ разумъ, пусть и я уразумѣю законъ Твой. Не отнимай до конца отъ устъ моихъ словесъ правды братьевъ моихъ и ближнихъ моихъ ради! Услыши молитву мою, Господи, и моленіямъ моимъ внемли, слезъ моихъ не оставь безъ вниманія, ибо я ушелъ отъ Тебя и возвратился къ Тебѣ, какъ и всѣ отцы мои. Избавь меня отъ моихъ страстей, чтобы я воспрянулъ дѣломъ и отдохнулъ со смиреніемъ. Ты бо, Владыко, и раньше прощалъ прогрѣшенія сердца моего молитвами Святыхъ Твоихъ, прежде вѣкъ угодившихъ Тебѣ и нынѣ еще служащихъ праведностью и правдою. Аминь".

И помолившись я началъ устроивать это Богомъ избранное дѣло, какимъ бы образомъ проповѣдывать Богомъ вдохновенныя вѣроученія. И приходилъ я много разъ къ богатымъ и благороднымъ мірскимъ людямъ и просилъ у нихъ помощи. Я кланялся имъ и колѣна преклонялъ и падалъ предъ ними ницъ къ землѣ, горячими слезами ноги ихъ обмывалъ. И дѣлалъ я это не разъ и не два, а много разъ. Даже въ церкви устами священника я велѣлъ оповѣстить всѣхъ объ этомъ. Однако не вымолилъ я никакой милости трогательными словами, ни вымолилъ полнымъ слезъ рыданіемъ, ни не выхлопоталъ посредствомъ священника. И плакалъ я горькими слезами, что не нашелъ я милости, ни пощады не только у русскихъ людей, но даже среди

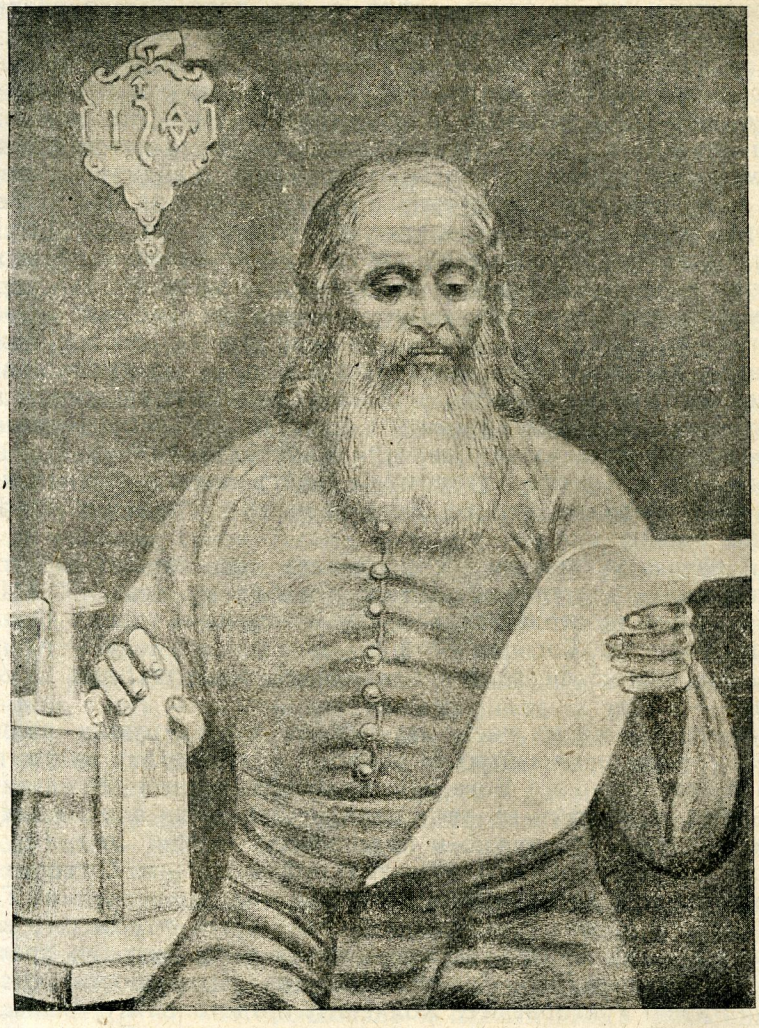
грековъ я не нашелъ милости. Вмѣсто того нашлись нѣкоторые простые личности среди духовенства и другіе незначительные мірскіе люди, подавшіе помощь. Не думаю, чтобы они дѣлали это изъ состоятельности, но, какъ эта бѣдная вдова, подали двѣ лепты отъ скудости своей. Но я знаю, что кредитъ ихъ возвратиться имъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ благоподатель Господь возвратитъ имъ его сторицею.

Затѣмъ благаю васъ: не гнѣвайтесь на меня грѣшнаго, который это пишетъ. Не думайте, что я говорю это и пишу изъ какого-либо корыстолюбія. Пусть будетъ извѣстно каждому, кто прочиталъ съ начала кратко написанную эту исторію, какъ его милость господинъ Григорій Ходкевичъ снабдилъ меня всякими матеріальными средствами, пищей и одеждой. Но я счелъ все это ничѣмъ. Я не покладался на неправду, не хотѣлъ наживы, богатства я не желалъ, хотя и достаточно собралось. Поэтому я не льнулъ къ нему сердцемъ, но предпочиталъ скорѣй переносить всякаго рода выше упомянутыя лишенія, горе и бѣдствіе, чтобы только, умножаючи, поширить слово Божее и правду Христову. Ибо человѣческое дѣло — съ кроткой мудростію просить и начинать, а Божее — миловать и совершать. Поэтому надѣюсь унаслѣдовать и царство небесное, котораго пусть всѣ достигнемъ по милости и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому да будетъ честь, слава и поклоненіе съ Отцомъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

А начала печататься эта книга такъ называемая Апостолъ и содержащая апостольскія Дѣянія, и соборныя посланія, и Посланія святаго апостола Павла, въ богоспасаемомъ городѣ Львовѣ послѣ Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1573 года, дня 25 февраля, и окончилась 1574 года, дня 15 сего мѣсяца.

И вотъ благаемъ васъ на любовь духа Господа нашего Іисуса Христа, принесшаго въ жертву себя за грѣхи наши, всѣ рабы благословеннаго Бога нашего, чтобы, если когда случится кому-либо углубиться въ эту полезную для души апостольскую книгу и понять, что нужно и полезно для души, тотъ пусть прежде всего благодарить Подателя всѣхъ благъ и Сотворителя нашего Бога. А на вѣчную память Его милости господина Григорія Александровича Ходкевича пусть молится, чтобы онъ водворился и жилъ вмѣстѣ съ равноапостольными святыми, прежде вѣкъ угодившими Богу. А затѣмъ сынамъ: Его милости, господину Андрею Григорьевичу Ходкевичу, подстольнику Великого Княжества Литовскаго, старостѣ могилевскому, и Его милости господину Александру Григорьевичу Ходкевичу, старостѣ гродненскому, самодержцу аинскому, пусть молитъ о спасеніе души и о здравіе на многая лѣта. Ибо это они способствали такъ полезному дѣлу. А для насъ недостойныхъ, начавшихъ дѣло, пусть просятъ прощенія и отпущенія грѣховъ. Да и сами доступите того-же благословенія и отпущенія грѣховъ. А когда слу-

чится какая либо ошибка, ради Бога исправляйте, благословите, но не клените. Ибо не писалъ этого ни Духъ Святой ни ангелъ, только рука грѣшная и тлѣнная, какъ и другія неразумная.



Русскій первопечатникъ **Иванъ Ѳедоровъ.**
Копія портрета, находящагося въ типографіи Ставропигійскаго Института во Львовѣ.

Напечаталъ я эту полезную для души апостольскую книгу въ славномъ городѣ Львовѣ во славу Всемогущей и Животворящей Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь".

Столько сказалъ намъ русскій первопечатникъ, Иванъ Федоровъ, о себѣ и о своей книгѣ, напечатанной имъ во Львовѣ. Какъ видимъ изъ этаго разсказа, главной и единственной цѣлью Федорова было проповѣдываніе и распространеніе посредствомъ печати слова Божьяго. Во имя этой идеи онъ пожертвовалъ всѣми благами земными, отказался отъ большого, подоходнаго помѣстья, подареннаго ему магнатомъ Ходкевичемъ, и поспѣшилъ во Львовъ предаться любимому имъ печатному искусству, ибо онъ не желалъ быть „лѣнивымъ и лукавымъ рабомъ", не хотѣлъ зарывать даннаго ему Богомъ „таланта", такъ какъ у него было призваніе свыше сѣять, вмѣсто ржи и гречихи, слово Божее. Какъ видимъ, Иванъ федоровъ былъ книгопечатникъ „Божею Милостію", и упорный сѣятель слова на всю тогдашнюю Русь: Московскую, Литовскую и Червонную. Другой Руси тогда не было; не было еще никакой Украины, и потому непонятно, на какомъ основаніи украиноманы считаютъ Федорова украинскимъ первопечатникомъ, а напечатанный нимъ во Львовѣ „Апостолъ", первой украинской книгой, единственно на томъ основаніи, что она напечатана во Львовѣ.

Не будемъ спорить о томъ, какой Львовъ городъ: русскій польскій или украинскій, и на какой находится онъ территоріи. Мы говоримъ только, что Львовъ ни тогда, ни теперь, ни никогда, не былъ ни на украинской землѣ, ни на территоріи Украйны. Вѣдь на томъ основаніи, что въ немъ живутъ въ настоящее время украйноманы, смѣшно утверждать, что это городъ украинскій. Во Львовѣ и въ другихъ Червенскихъ городахъ и селахъ, еще съ XIV вѣка, со времени короля Казимира Вел., когда о никакой Украйнѣ никому еще не снилось, живутъ евреи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта территорія была еврейская, хотя у евреевъ было бы болѣе основанія, чѣмъ у украиноманомановъ, считать ее своею. Говоримъ это по слѣдующему поводу:

Въ 1924 году галицкіе украиноманы торжественно праздновали 350 лѣтнюю годовщину напечатанія во Львовѣ Ѳедоровымъ вообще первой книги, которою былъ „Апостолъ". Кромѣ того издали нѣсколько сочиненій о Ѳедоровѣ. а между прочимъ тоже и журналъ подъ заглавіемъ „Стара Україна", посвященный цѣликомъ памяти Ивана Ѳедорова, котораго они называютъ Федоровичемъ или Хведоровичемъ. Въ этомъ журналѣ находятся статьи важныхъ людей, имѣющихъ всѣ виды на ученость, но посмотримъ что они пишутъ.

Такъ напр. въ передовицѣ, не имѣющей подписи, но за редакцію которой принялъ на себя отвѣтственность Ів. Кревецький сказано:

Проходитъ 350 лѣтъ, какъ на Украинѣ имѣло мѣсто событіе, которое здѣлало эпоху въ исторіи украинской культуры.*)

*) До сихъ поръ эпохой украинской культуры считалось выступленіе Котляревскаго со своей „Энеидой".

Числа 15 ст. ст.[1]) февраля 1574 г книгопечатникъ Иванъ Федоровичъ окончилъ во Львовѣ печатаніе своего „Апостола“ — первой книжки, которая напечатана на украинской землѣ. Надо сразу подчеркнуть съ цѣлымъ удареніемъ: Книжка Федоровича — первая книжка, которая напечатана на территоріи Украины. Споминая сегодня, 350-ую годовщину, это переломное происшествіе въ исторіи Украины, слѣдуетъ обратить особенное вниманіи на нѣсколько связаныхъ съ этимъ моментовъ. Прежде всего: является Федоровичъ на Украинѣ, бѣжавшій изъ своего отечества Москвы, а затѣмъ изъ Бѣлой Руси. А на Украинѣ приходитъ во Львовѣ и тутъ находитъ поддержку для своего дѣла среди украинскаго общества. Во Львовѣ Федоровичъ напечаталь въ 1573/74 гг. свой „Апостолъ“ — первую книжку, которая вышла въ нашемъ городѣ и на Украинѣ вообще“. и т. д. и т. д.

Затѣмъ Ил. Свѣнціцький [2]), въ статьи под загл. „Памяти першого друкаря України“, между прочимъ пишетъ: „Вспоминая его (Ѳедорова ред.) въ 350 ую годовщину первой напечатанной книжки на земляхъ Украины—въ центрѣ культурно-національной жизни ея западныхъ окраинъ— во Львовѣ, Украина можетъ не безъ удовольствія установить, что печатаніе свое она по почину своего сѣвернаго брата создала сама на собственной свой капиталъ...“ [3]) и т. д. и т. д.

Но Свенцицкій пишетъ еще не совсѣмъ безъ зазрѣнія совѣсти. За то слѣдующій украинскій ученый, Ів. Огіенко, ну! тотъ по просту „друкуе“, напр.: Украинскій народъ можетъ смѣло и открыто похвалиться собственнимъ книгопечатаніемъ, какъ наикрасшимъ цвѣтомъ своей давней культуры. *Доля судила, чтобы Украинцы первые занялись книгопечатнымъ дѣломъ въ Восточной Европѣ. И дѣйствиеельно, — первѣйшія печатныя изданія на Востокѣ*—Октоихъ и Часословъ 1491-го года *были напечатаны для украинскаго народа и сами книги вышли съ выразительными признаками украинскаго языка. Печаталъ намъ эти книги прадѣдъ нашего*[4]) *книгопечатанія — нѣмецъ Швейпольтъ Фіоль“ въ Краковѣ, гдѣ его книгопечатня была чуть-ли не первѣйшей книгопечатней“* [5]). . . . . .

. . . . . .

15 февраля 1574 года Хведоровичъ выпустилъ въ свѣтъ своего „Апостола“. И эта дата, день появленія первой печатной на украинской землѣ книжки, сдѣлалась великою въ исторіи украинской культуры. Если не считать заблудовскихъ изданій, „Апостолъ“ львовскій былъ первой печатной книгой не только во Львовѣ, но и на цѣлой Украинской Землѣ. Вотъ по чему 350-тую годовщину етой книжки такъ торжественно празнуетъ нетолько Львовъ, но и цѣлая Украина“.

---

[1]) Тогда еще не было ни стараго ни новаго стиля; былъ только Юліянскій календарь, а Григоріянскій введенъ въ 1581 году. Въ настоящей статьи даты поданы — по Юліянскому календарю, что въ настоящее время отвѣчаетъ старому стилю.

[2]) Д-ръ Иларіонъ Свенцицкій.

[3]) Разсказывайте сказки! Вѣдь это тайна полишинеля, что капиталъ этотъ доставили Вѣна и Берлинъ и только тогда „Украина“ создала свое книгопечатаніе во Львовѣ и на провинціи — ред.

[4]) Понимай украинскаго.

[5]) Недосказано только „украинской“. Но это само собой разумѣется.

Въ такомъ духѣ пишутъ про Ѳедорова всѣ остальные украинскіе ученые. Но, Богъ съ ними! Пустъ украиноманы потѣшаютъ себя и другихъ, что Ѳедоровъ былъ украинецъ Хведоровичъ, что его „Апостолъ", напечатанный во Львовѣ, былъ первой украинской книжкой на территоріи Украины, пусть даже утверждаютъ, что самъ Гутенбергъ былъ украинецъ на томъ основаніи, что нѣмцы живутъ на Украинѣ а украинцы въ Германіи, это ничуть не измѣнитъ сущности вещей. Намъ не въ томъ дѣло, чтобы разубѣждать украинскихъ самодуровъ и беззастѣнчивыхъ ученыхъ, извращающихъ сознательно истину, которую проповѣдывалъ и за которую страдалъ Ѳедоровъ. Ѳедоровъ „не покладался на неправду" — какъ говоритъ въ послѣсловіи — но молилъ Бога, чтобы до конца жизни не отнималъ отъ его устъ словъ правды Этотъ Ѳедоровъ въ своемъ послѣсловіи нигдѣ не упоминаетъ объ Украинѣ, натомѣсть вездѣ говоритъ о всей Руссіи, о всей Руси, о Зигизмундѣ Августѣ, какъ о великомъ князѣ литовскомъ и русскомъ, а ничуть украинскомъ, о томъ, *что во Львовѣ не нашелъ помочи „въ русскомъ народѣ"*, а о томъ, чтобы нашелъ ея въ украинскомъ народѣ ничего не говоритъ. Слѣдовательно для никакихъ украинцевъ онъ не печаталъ „Апостола". Жалко, что украйноманы, чествуя годовщину рожденія на Украинѣ „первой украинской книжки" и считая Ѳедорова своимъ первопечатникомъ, ничутъ не вступаютъ въ его слѣды, только сильно отклоняются отъ проповѣдуемаго имъ слова истины. Но не въ томъ, какъ уже сказано, дѣло!

Нашимъ дѣломъ является — по случаю 350 ой годовщины появленія во Львовѣ первой печатной книжки — почтить память великаго русскаго сѣятеля слова, первопечатника **Ивана Ѳедорова**, духовнаго родоначальника нашихъ львовскихъ и всѣхъ русскихъ типографовъ, а кромѣ того основателя той книгопечатни, наслѣдницей которой является Ставропигійская типографія.

Изобрѣтателемъ книгопечатанія былъ — какъ извѣстно — нѣмецъ, Іоганнъ Гутенбергъ (въ половинѣ 15 вѣка). До того времени книги переписывались, что сильно затрудняло ихъ распространеніе, а кромѣ того было источникомъ всевозможныхъ ошибокъ и извращенія въ текстѣ

Скоро книгопечатаніе распространилось на другіе культурные центры, между прочимъ дошло и до Кракова. Тамъ въ 1491 году напечаталъ нѣмецъ Швейпольтъ Фіоль первыя книги на церковно-славянскомъ, относительно русско-славянскомъ языкѣ, „Октоихъ" и „Часословъ". Швейпольта постигла такая же судьба, какая постигла многихъ новаторовъ: его обвинили въ ереси, печатню разорили, а книги сожгли. Это происходило вездѣ: въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Польщѣ и на Руси. Фіоль былъ принужденъ бѣжать изъ Кракова и искать существованія въ другихъ странахъ.

Затѣмъ Францъ Скорина (бѣлороссъ) напечаталъ въ 1517—1519 гг. въ Прагѣ извѣстную пражскую Библію на цер-

ковно славянскомъ языкѣ, а въ 1525 году въ Вильнѣ Псалтирь и Апостолъ.

Кромѣ этого послѣдователи греко-славянскаго вѣроисповѣданія имѣли церковныя книги изъ Венеціи отъ серба Божидара Вуковича изъ XVI. вѣка, такъ что до Ѳедорова были уже печатныя церковно-славянскія, относительно церковно-русскія книги. Но эти книги были мало доступны для русскаго народа, потому что были напечатаны за предѣлами Руси. Ввиду того проницательный царь Иванъ Васильевичъ постановилъ завести книгопечатаніе въ своемъ государствѣ и основалъ при помощи нѣмецкихъ и итальянскихъ типографовъ въ 1563 году книгопечатаню, управителемъ которой назначенъ былъ діаконъ церкви Николы Гостунскаго въ Москвѣ, Иванъ Ѳедоровъ. Это былъ человѣкъ „хитръ, разуменъ и смышленъ", какъ сказано въ старыхъ бумагахъ, книгопечатникъ „божею милостію". Типографскаго искусства научился Ѳедоровъ отъ пребывавшихъ въ Москвѣ иностранныхъ типографовъ и полюбилъ его всѣмъ сердцемъ и всею душею, такъ что без него жить не могъ.

Помощникомъ и товарищемъ (клевретомъ) Ѳедовова былъ Петръ Мстиславецъ, родомъ изъ г. Мстиславля на Литвѣ. Съ нимъ то Ѳедоровъ началъ набирать 19 апр., 1563 г., „Апостолъ", который выпустилъ изъ печати въ началѣ марта 1564 года. Это была первая книга, напечатанная въ Московской Руси. Царь благосклонно встрѣтилъ изданіе первой печатной книжки въ Москѣ и щедро вознаградилъ книгопечатниковъ. Въ слѣдующемъ 1565 году Ѳедоровъ выпустилъ изъ печати вторую книгу, Часословъ, и, живя беззаботно и по душѣ, началъ готовиться къ издательству другихъ книгъ. Но тутъ встрѣтилъ онъ непреодолимыя препятствія.

Введеніе книгопечатнія угрожало многочисленнымъ переписчикамъ книгъ лишеніемъ заработка. А такихъ переписчиковъ въ Москвѣ было много. Они стали роптать на Ѳедорова. Но это бы еще ничего. Главное, что многіе начальники, священнослужители и учители были имъ недовольны по просту изъ зависти, что царь милуетъ простого діакона и типографа. И вотъ недовольные сочинили, будто книгопечатніе — это „діавольское дѣло", и обвинили Ѳедорова въ ереси. Противъ такого аргумента даже самъ царь не могъ въ то суевѣрное время ничего сдѣлать и книгопечатникамъ пришлось плохо. Подстрекнутая и возмущенная чернь напала и разорила новопостроенную книгопечатню. Этого Ѳедоровъ не могъ перенести. Въ Москвѣ онъ не могъ больше заниматся книгопечатніемъ, безъ котораго жить не могъ, поэтому переселился съ Мстиславцемъ (по всей вѣроятности по его совѣту) и съ семьей на Литовскую Русь, гдѣ представился гетману Григорію Александровичу Ходкевичу. Ходкевичъ принялъ книгопечатниковъ любезно и предложилъ имъ завести книгопечатню въ его городѣ Заблудовѣ на Бѣлой Руси. Ѳедоровъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и въ 1567—1568 годахъ устроилъ въ Заблудовѣ печатню. Ходкевичъ былъ пра-

вославный и ему расходилось о то, чтобы слово Божее распространялось какъ наишире.

Въ 1569 году, въ мартѣ, Ѳедоровъ выпустилъ изъ печати „Евангеліе Учительное". Старый гетманъ Ходкевичъ былъ необыкновенно радъ, вознаградилъ Ѳедорова щедро, а кромѣ того подарилъ ему „на упокоеніе" большое помѣстье. Заохоченный Ходкевичемъ Ѳедоровъ напечаталъ въ слѣдующемъ году, 1570, еще одну книжку, именно Псалтирь съ Часословомъ, но на томъ и кончилось. Старый гетманъ потерялъ охоту къ дальнѣйшему книгопечатнію, потому что сильно былъ подавленъ Люблинской Уніей 1569 года, на основаніи которой Литва была соединена съ Польшей и потеряла свою самостоятельность. Гордый магнатъ былъ этимъ прибитъ, сталъ занепадать на здоровью и терпѣть на сильную боль головы.

Ѳедоровъ очутился въ трагическомъ положеніи. Онъ долженъ былъ бросить любимое имъ дѣло: сѣяніе слова божьяго, а занятся сѣяніемъ ржи или гречихи. Съ этимъ онъ никакъ не могъ помириться, ибо ему всегда слышался голосъ Христа: „Лукавый рабе и лѣнивый, для чего ты не отдалъ даннаго мной тебѣ таланта торговцамъ, чтобы я могъ получитъ его обратно съ прибылью?" Поэтому Ѳедоровъ боялся зарыть данный ему Богомъ талантъ въ землю. Тѣмъ онъ и мучился и не могучи дольше переносить мученій, бросилъ Заблудовъ и помѣстье и всѣ блага, какими осыпалъ его Ходкевичъ, и вмѣстѣ съ семьей пошелъ искать другой нивы, на которой могъ бы сѣять слово Истины.

II.

Русскій первопечатникъ, Иванъ Ѳедоровъ, потерявъ возможность книгопечатанія въ Заблудовѣ отправился въ „богоспасаемый" и „славный" городъ Львовъ въ надеждѣ, что тутъ найдетъ благопріятную почву для „сѣянія" слова Божьяго. Сколько невзгодъ пришлось ему перенести въ пути, объ этомъ говоритъ онъ въ своемъ послѣсловіи къ „Апостолу"; коротко говоря: „вся злая и злыхъ злѣе". Однако вконцѣ-концовъ добрался онъ съ семьей и книгопечатными приборами въ началѣ 1570-тыхъ годовъ во Львовъ, и поселился sub castro Leopoliensi, т. е. гдѣ-то на Подзамчьи. Горемычный! Не зналъ онъ, какая судьба злая ждетъ его во Львовѣ. Чтобы начать свое богоспасаемое дѣло, нужны были матеріальныя средства, которыхъ у Ѳедорова не было, какъ это обыкновенно бываетъ у идеалистовъ. Поэтому началъ искать онъ людей состоятельныхъ, которые дали бы средства на книгопечатаніе. Но такихъ людей не нашелъ онъ ни среди богатой аристократіи, ни въ русскомъ народѣ, ни даже у единовѣрныхъ грековъ львовскихъ, несмотря на то, что „крестомъ лежалъ" предъ ними. На счастье однако нашлись нѣкоторые люди изъ простого сословія среди духовенства и мірянъ, которые пришли съ помощью, такъ что Ѳедоровъ могъ взяться за дѣло 25 февраля 1573 года. Гдѣ устроилъ Ѳедоровъ

свою книгопечатню? — неизвѣстно; по всей вѣроятности въ свято-Онуфріевскомъ монастырѣ, или возлѣ него, такъ какъ гдѣ-же ему, какъ лицу духовнаго званія, больше было устроиться?

Ѳедоровъ печаталъ во Львовѣ тотъ же самъ „Апостолъ“, который напечаталъ 10 лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ. Ввиду того совсѣмъ непонятно, почему Львовскій „Апостолъ“, а не Московскій, является первой украинской печатной книгой. Если считать, что книга, напечатанная на „територіи Украйны“, тѣмъ самымъ уже украинская, то почему-же и „талмуда“ не считать украинской книгой, вѣдь его не мало напечаталось на „територіи Украины“! Если же украиноманы немножко образумились и пришли къ убѣжденію, что „украинское“, въ общемъ, все таки то же самое, что и „московское“, а по крайнѣй мѣрѣ частичка „русскаго“, въ чемъ сознаться сразу и откровенно у нихъ нѣтъ гражданскаго мужества, — тогда это другое дѣло. Тогда слѣдовало бы исповѣдникамъ обще русской идеи только порадоваться, какъ порадовался отецъ возвращенію блуднаго сына. Но едва ли украиноманы, — предавшіе безъ зазрѣнія совѣсти десятки тисячъ галицко и угро-русскаго народа, который они считаютъ украинскимъ, на избіеніе австро-мадьярскимъ палачамъ, мало того, предавшіе нѣмцамъ во время послѣдней войны на съѣденіе даже „настоящую“ Украину, — всѣ такъ думаютъ, что „украинское“, „русское“, „московское“ это въ общемъ одно и то же! Поэтому нѣчего ломаться и кривить душой! Горбатого и могила не выпрямитъ! Украиноманы своими кривотолками развѣ посмѣятся хотятъ серіозно надъ „москалемъ“ „Хведоровичемъ“! Но еще разъ говорю: Богъ съ ними!

Ѳедоровъ выпустилъ изъ печати львовскій „Апостолъ“ 15 февраля, 1574 года, и это есть начало галицко-русскаго книгопечатанія. Надежды однако Ѳедорова на Львовъ не оправдались. Черезъ своего львовскаго „Апостола“ Ѳедоровъ залѣзъ въ такіе долги, изъ которыхъ не выбрнулъ до конца своей жизни. Вслѣдствіе того не оставалось ему ничего другого, какъ оглянуться за какимъ-либо состоятельнымъ и щедрымъ покровителемъ книгопечатанія, какого онъ нашелъ въ князѣ Василіи Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ.

Князь Константинъ Острожскій горячій исповѣдникъ и подвижникъ Православія, задумалъ въ то время издать на церковно славянскомъ, относительно церковно русскомъ, языкѣ Библію и нуждался въ хорошихъ книгопечатникахъ Тутъ-то такъ разъ открывалось хорошее поле къ дѣйствію для Ѳедорова. Онъ, узнавъ о намѣреніяхъ князя, отправился въ Острогъ и предложилъ Острожскому свои услуги. Князь принялъ предложеніе знаменитого уже книгопечатника. Тогда Ѳедоровъ возвращается во Львовъ привести въ порядокъ свои денежныя дѣла, которыя находились въ печальномъ состояніи. На изданіе „Апостола“ Ѳедоровъ занялъ у львовскаго мѣщанина, Сенька Сѣдляра, 700 золотыхъ польскихъ, огромную на тѣ времена сумму, такъ какъ на нихъ можна было тогда покупить 350 го-

ловъ крупнаго рогатого скота. Вотъ на какія средства напечаталъ Ѳедоровъ „Апостола", а никакъ на „украинскій" капиталъ. Конечно, Сѣдляръ занялъ Ѳедорову деньги расчитывая на то, что они будутъ покрыты изъ продажи „Апостола". Между тѣмъ расчетъ не оправдался, такъ что Ѳедоровъ былъ принужденъ дать Сѣдляру въ залогъ книгопечатню съ книгами вмѣсто денегъ. Относительный актъ былъ заключенъ въ Львовской городской думѣ въ началѣ мая мѣсяца, 1574 г., съ тѣмъ, что, если Ѳедоровъ не отдасть Сѣдляру долга до Рождества Христова т. г., тогда Сѣдляръ можетъ книгопечатню со всѣмъ устройствомъ и книгами продать въ свою пользу.

Послѣ того Ѳедоровъ лѣтомъ 1574 года переселился въ Острогъ. Но тамъ не оказалось для неутомимаго книгопечатника пока что дѣла, потому что не было хорошаго текста Библіи, а тѣ, которые были, напр. присланный изъ Москвы Геннадіевскій списокъ Библіи, оказались ошибочными и недостаточными. Ввиду того князь послалъ за новыми текстами въ Молдавію, Сербію и Цареградъ и въ ожиданіи полученія таковыхъ предложилъ Ѳедорову заняться хозяйственными дѣлами Дерманскаго монастыря, находившагося въ 20 верстахъ отъ Острога. Буйная голова Ѳедорова и тугъ показала себя мастеромъ, который умѣлъ не только хорошо печатать книги, но также людскую шкуру. Дѣло именно въ слѣдующемъ:

Къ Дерманскому монастырю принадлежало между прочимъ имѣніе Кунино, на которое часто нападали изъ сосѣдняго села, Спасова, подданые Григорія Ходкевича, и вотъ, когда управляющимъ имѣніями Дерманскаго монастыря сталъ Ѳедоровъ онъ во главѣ Куниицевъ такъ хорошо распечаталъ Спасовцамъ шкуру, что тѣ жаловались: „Служащій князя, Иванъ Друкарь, управляющій Дерманскимъ монастыремъ, сдѣлавъ со слугами насильственное нападеніе, всѣхъ ихъ поколотилъ, избилъ и еле съ душой пустилъ".

Во время того какъ Ѳедоровъ управлялъ въ Дерманѣ имѣніями монастыря, въ Острогѣ основывалась „Академія", занявшая ся исправленіемъ и приготовленіемъ вѣрнаго Библійнаго текста. Во главѣ этого дѣла стоялъ ректоръ Острожской Академіи, Герасимъ Смотрицкій Приготовленіе текста Библіи закончилось въ декабрѣ 1576 года и послѣ того началось устройство книгопечатни. Помѣщеніе для нея было отведено возлѣ замка при школѣ Львовскимъ шрифтомъ Ѳедоровъ не могъ воспользоваться, такъ какъ онъ былъ слишкомъ крупный, а для Библіи требовался болѣе мелкій. Ѳедоровъ принялся за изготовленіе шрифта. Въ этомъ дѣлѣ помагалъ ему прибывшій изъ Заблудова Григорій Ивановичъ. Наконецъ въ 1577 году книгопечатня была устроена и Ѳедоровъ приступилъ къ печатанію знаменитой въ послѣдствіи Острожской Библіи, отрывокъ изъ которой приводилъ на слѣдующей страницѣ.

Печатаніе Библіи замедлялось вслѣдствіе того, что комисія, провѣрявшая рукописи, недоставляла Ѳедорову во время скри-

пта, такъ что въ книгопечатаніи послѣдовали большіе перерывы. Этимъ пользовался Ѳедоровъ для приведенія въ порядокъ своихъ львовскихъ дѣлъ. Самое главное было — заспокоеніе долговъ, напр. Сѣдляру, который, видно, не нашелъ покупателя на

взятое въ залогъ имущество Ѳедорова. Поэтому Ѳедоровъ принужденъ былъ ѣздить во Львовъ, гдѣ оставался его сынъ, занимавшійся переплетомъ и продажею напечатанныхъ отцомъ книгъ. Отдать однако долгъ Сѣдляру полностью Ѳедоровъ не былъ въ состояніи, ибо явился другой заимодавецъ, нѣкій Иванъ изъ г. Сочавы въ Молдавіи, съ требованіемъ отдачи долга. Чтобы

заспокоить вѣрителей, Ѳедоровъ заложилъ свою львовскую книгопечатню со всѣмъ имуществомъ львовскому еврею Израилу Якубовичу за 411 золотыхъ и послѣ того Иванъ Сочавскій отказался (22. X, 1579 г.) въ городскомъ управленіи отъ своихъ притязаній на Ѳедорова. Но Сѣдляра таки не заспокоилъ полностью. Послѣ отдачи печатни и книгъ въ залогъ Якубовичу для сына Ѳедорова не оставалось дѣла, и тогда вся семья Ѳедоровыхъ переселилась изъ Львова въ Острогъ.

Печатаніе Библіи все затягивалось и замедлялось. Печатники не имѣя работы взялись за наборъ другой книги и выпустили въ 1580 году „Новый завѣтъ съ Псалтырью“ и „Хронологію“ Андрея Римши. Библія вышла изъ печати только въ слѣдующемъ, 1581 году, числа 12 августа. Это была первая, полная, строго провѣренная печатная Библія на весь славянскій міръ православный. Тѣмъ она и знаменита. Но это былъ послѣдній трудъ Ѳедорова. Въ Острогѣ болѣе ничего серіознаго не печаталось и Ѳедоровъ оказался опять безъ дѣла. Онъ остался жить въ Острогѣ и занимался продажею Библіи а кромѣ этого началъ при помочи своего ученика Гриня заготовлять для себя новую книгопечатню. Во время того вышли между Ѳедоровымъ и княземъ Острожскимъ недоразумѣнія, по всей вѣроятности изъ-за того, что Ѳедоровъ не отдавалъ князю за взятые книги денегъ, ибо по смерти Ѳедорова Острожскій наложилъ на его имущество арестъ (specialiter super libros ruthenicos). Ввиду того всего Ѳедоровъ опять переселился во Львовъ и поселился уже не на Подзамчьи а у львовскаго купца, Ивана Бѣлдаги, по Бляхарской улицѣ, въ домѣ въ настоящее время не существующемъ, который однако до недавна находился между „Ставропигіей“ и Доминиканскимъ костеломъ. Но тутъ-то не довелось ему жить долго. Изнуренный житейскими невзгодами и лишеніями Ѳедоровъ попалъ въ болѣзнь, изъ которой ему не суждено было болѣе поднятся. Тогда начали со всѣхъ сторонъ донимать его кредиторы: 3-го декабря на имущество Ѳедорова наложилъ арестъ Даніилъ Пушкаръ на сумму 150 зол., слѣдующаго дня сдѣлалъ то же самое сынъ Сѣдляра, Сачко, на сумму 500 зол., а на третій день, 6 декабря, 1583 года, Ѳедоровъ отдалъ Богу духа.

Тлѣнныя останки упорнаго сѣятеля слова Божьяго были похоронены въ оградѣ Онуфріевской церкви на Жолковскомъ предмѣстьи во Львовѣ. Послѣ Ѳедорова осталось, правда, имущество, но остались также громадные долги, безъ которыхъ онъ не могъ бы былъ совершить великого дѣла. Неуплоченныхъ долговъ Ѳедоровъ лишилъ болѣе чѣмъ на 1560 зол. польскихъ. Уже послѣ смерти Ѳедорова Семенъ Корунка наложилъ арестъ на его имущество на сумму 500 зл., а князь Острожскій, какъ сказано выше, на книги. При описи имущества нашлось въ новоустроенной Ѳедоровымъ печатнѣ 120 Библій полныхъ и 80 неполныхъ. Часть этихъ книгъ вмѣстѣ съ этой печатней купилъ позже Кузьма Мамоничъ въ Вильну, а первая печатня, въ кото-

рой печатался „Апостолъ“, и 140 книгъ, находившихся подъ залогомъ у еврея Израила Якубовича, были признаны львовскимъ судомъ Якубовичу.

И вотъ эту-то книгопечатню Ѳедорова, которая досталась за долги Израилу Якубовичу, купилъ львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ вмѣстѣ съ мѣщанами въ 1585 году отъ Якубовича за 1500 зол. поль. Епископъ Гедеонъ по недостатку наличныхъ далъ Якубовичу долговой скриптъ, а печатню передалъ Львовскому Ставропигійскому Братству. Еп. Гедеонъ обращался два раза къ населенію всей епархіи съ посланіемъ о сборъ пожертвованій на выкупъ печатни, а когда это оказалось недостаточнымъ, тогда самъ цареградскій патріархъ Еремія обратился въ 1589 году къ русскоправославному народу съ пастырскимъ посланіемъ о сборъ пожертвованій на выше упомянутую цѣль, и въ концѣ-концовъ долговой скриптъ былъ покрытъ наличными, такъ что *Ставропигійское Братство пріобрѣло въ 1590 году книгопечатню Ѳедорова въ свою собственность, а въ 1591 году выпустило изъ печати первую книжку подъ заглавіемъ: „Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка“.* Съ тѣхъ поръ ведетъ свое начало **знаменитая типографія Ставропигійскаго Института во Львовѣ.**

А что-же случилось съ могилой великаго сѣятеля на все Славянство слова Божьяго? На его могилѣ положилъ сынъ Ѳедорова, Иванъ Переплетчикъ съ друзьями нагробный камень съ надписью, которая однако не сохранилась въ полнотѣ до нашего времени. Наистаршая копія о. М. Гриневецкаго изъ 1817 года подаетъ слѣдующую надпись:

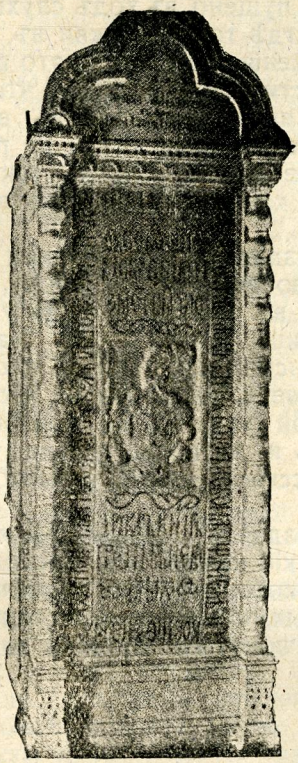
І РУКРЬ МОСКВИ.. Ь, КОТОРЬН СВОИМЬ ТЩАНѢМЬ ДРУКОВАНІЄ ЗАНѢДБАННОЄ ОБНМЬ ГРЄСТАВИСѦ ВЪ... 1011 НВІ ИЗ МЄРБОІ ЧАЮ... І Ѳ... КГЬ КНІГЬ ПЄЛТЬКЬ НЄ ВИДЛЬІХЬ т. е. друкарь Москвы, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбанное обновилъ. Представися въ.. о... ннія изъ мертвыхъ чаю. І. Ѳ... книгъ предъ тымъ не виданыхъ.

До какихъ поръ камень находился на могилѣ Ѳедорова, не извѣстно, ибо всѣ ученые, которые тѣмъ интересовались, не подаютъ, гдѣ его видѣли. Только Я. Головацкій пишетъ въ 1860 году, что видѣлъ его съ правой стороны при входѣ въ церковь, вложенымъ въ полъ. Второй о. А. Петрушевичъ потверждаетъ въ 1883 году, что камень Ѳедорова находился въ притворѣ церкви съ правой стороны возлѣ главнаго входа. Копія этого камня, сдѣланная въ 1875 году пріѣхавшимъ спеціально въ той цѣли во Львовъ гр. А. С. Уваровымъ, находится въ Археологическомъ музеѣ въ Москвѣ. Но куда дѣвался подлинный камень, неизвѣстно. Есть основательное предположеніе, что онъ уничтоженъ и то нарочно.

Дѣло въ слѣдующемъ: Надгробнымъ камнемъ Ѳедорова, какъ цѣннѣйшимъ памятникомъ старинной русской культуры въ Червонной Руси, поинтересовался ученый міръ и приготовлялся къ торжественному почтенію въ 1883 году памяти великаго подвижника русской культуры по случаю 300 лѣтія со дня его

смерти. Но этимъ подвижникомъ былъ великороссъ, москвичъ, иначе москвитинъ, или какъ у насъ тривіально называютъ „москаль“. А надо помнить, что въ 1882 году состоялся великій политическій процесъ противъ о. Наумовича, Площанскаго, Маркова и тов., обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ за то, что были руссофилами. Слѣдовательно въ это время было большое гоненіе на руссофиловъ и на все что русское.

Копія о. М. Гриневецкаго.



Копія камня, снятая гр Уваровымъ.

Возстановленная надпись на надгробномъ камнѣ Ѳедорова.

Камень Ѳееорова видѣлъ о. А. Петрушевичъ въ 1883 году еще въ августѣ мѣсяцѣ. Юбилей Ѳедорова долженъ былъ состояться въ декабрѣ того же года. Но незадолго до того времени пронеслось извѣстіе, что камень Ѳедорова совершенно уничтоженъ во время ремонта Онуфріевской церкви. Это обстоятельство, что камень изникъ съ лица земли передъ самымъ юбилеемъ, заставило людей думать и утверждать, что камень уничтоженъ нарочно руссофобами. Ввиду этого протоигуменъ оо. Василіянъ св. Онуфріевскаго монастиря, о. Климентій Сарницкій, заявилъ 9 декабря, 1883 года, въ протоколѣ, списанномъ

въ присутствіи комиссіи, сложеной изъ Р. Пилята, Т. Войцеховскаго, К. Млодницкаго, Л. Цвиклинскаго, К. Видмана и В. Белзы, что онъ протестуетъ противъ утвержденія, будто бы камень Ѳедорова уничтоженъ нарочно, ибо камень разсыпался отъ старости лѣтъ во время того, когда рабочіе хотѣли его добыть чтобы на томъ мѣстѣ положить другой полъ. Когда-же этотъ протестъ о. игумена никого не убѣдилъ въ томь, чтобы камень разсыпался такъ, что и слѣда по немъ не осталось безъ вины оо. Василіанъ, тогда пущено въ ходъ слухи, что камень не уничтоженъ, а спрятанъ гдѣ-то въ церкви въ стѣнѣ, чтобы сохранить его отъ уничтоженія. Но едва ли это вѣрно, и слухи пущены по всей вѣроятности только для того, чтобы успокоить общественное возмущеніе противъ вандаловъ, все равно вольныхъ или невольныхъ. Конечно, вина здѣсь не рабочихъ, только оо. Василіянъ, которые не умѣли сберечь такъ драгоцѣнный памятникъ и память, на какомъ мѣстѣ почиваютъ кости русскаго первопечатника.

Въ 1909 году воздвигнутъ въ Москвѣ великолѣпный бронзовый памятникъ первопечатнику Ѳедорову, Николы Чудотворца Гостинскаго діакону, въ центрѣ города у „Китайской“ стѣны при многолюдной улицѣ, по такъ наз. Театральному проѣзду, что ведетъ изъ Лубянской площади на площадь Театральную. Памятникъ представляетъ Ѳедорова во весь богатырскій ростъ, какъ онъ, лѣвой рукой опираясь на книгопечатную доску, въ правой рукѣ держитъ и читаетъ только что сдѣланный имъ оттискъ. На лицѣ русскаго первопечатника пробивается необыкновенная энергія.

Но Ѳедоровъ воздвигъ себѣ лучшій и болѣе прочный памятникъ чѣмъ львовскій камень или московскій бронзъ — это тѣ листа бумаги, на которыхъ онъ напечаталъ Божественныя слова и тѣ культурныя, благодарныя сердца, въ которыхъ онъ на вѣки запечатлѣлъ золотыми буквами свое великое имя.

В. Крудишинъ.

В. Ваврикъ.

Роковая пѣсенка.

Разпрекрасный май. Поетъ, заливается соловей очаровательной пѣсней на вишенкѣ въ саду. А въ этомъ саду на быстрой рѣчкѣ Быстрицѣ бѣленькій домикъ стоитъ. Въ немъ въ свѣтлой комнаткѣ, у рояля, сидитъ прелестная красавица Лена. Она только что на дняхъ пріѣхала изъ Львова, изъ гимназіи. На ея молодомъ лицѣ играетъ розовый цвѣтъ молодости. Сквозь открытое окно сверкаетъ серебрянная лента горной рѣки. Въ ея хрустальныхъ волнахъ купаются бѣлыя тучки. А тамъ, за рѣкой вдали, синѣютъ горныя цѣпи Карпатъ, покрытыхъ вѣчнозеленымъ боромъ ялицъ и смерекъ. Они такъ тянутъ, такъ и влекутъ къ себѣ. „Бескиде зеленый въ три ряды саженый, пошла-бъ я тобою, боюся розбою, — подумала дѣвушка и пригорюнилась, закручинилась, такъ какъ не съ кѣмъ итти. Ночь опять минула, развѣтало, но другъ любимый не бывалъ. А она къ нему какъ голубка летѣла на свиданье въ родное гнѣздышко. Изъ тоски по миломъ дѣвушка рѣшила излить свои чувства въ игрѣ и въ пѣсни. Забѣгали по клавишамъ пальчики, дрогнули звонкія струны и стройные акорды понеслись изъ комнаты по садку, по лужку, по быстрой рѣчкѣ Быстрицѣ. Подъ акомпаніаментъ фортепіана Лена запѣла:

У дубровы жито
Копытами сбито;
Въ чистомъ полѣ, край дороги,
Козака убито.

Дѣвушка такъ увлеклась игрой и пѣніемъ, что и не замѣтила, какъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ ея „другъ любимый, Владиміръ Г***, молодой смуглолицый, чернокудрый, широкоплечій, рослый студентъ. Очарованъ красотой и пѣсней дѣвушки онъ подошелъ немножко и остановился тихонько въ комнатѣ боясь подойти ближе къ пѣвунѣ, чтобы не спугнуть эту райскую птичку, мечту души своей. Вдругъ Лена оглянулась и вскрикнула:

— Володя! Ухъ, какъ напугалъ меня!

Не устоялъ Владиміръ передъ волшебницей и, чтобы согнать переполохъ, схватилъ дѣвушку въ свои объятія и молвилъ:

— Не бойся, Леночка, это я, твой другъ сердечный.

Лена забилась и заметалась, какъ пойманная рыба въ рукахъ рыбака. Но крѣпко держалъ ее Владиміръ покрывая поцѣлуями щечки, глазки, ушка, шейку трепечущей дѣвушки.

— Да пусти меня, отчаянный! — охъ, задушишь, раздавишь, какъ удавъ проглотишь!

— Не пущу, миленькая, не пущу; не задушу, не раздавлю, не съѣмъ, а зацѣлую на смерть!

— Да пусти-же меня, Володя, не то, разсержусь! —

— Не сердись, не сердись, мое серденько! Пущу, если сыграешь и споешь мнѣ еще разъ эту пѣсенку.

— Да будетъ-же тебѣ цѣловаться! Ну-ну, сыграю, спою, только пусти. Ухъ, замучилъ неистовый! — говорила раскраснѣвшая, но довольная Лена присаживаясь къ роялю. Она ударила по струнамъ и вновь запѣла:

— У дубровы жито
Копытами сбито;
Въ чистомъ полѣ, край дороги
Козака убито.

Какъ колокольчикъ серебрянный звучалъ ея голосокъ чистый и нѣжно ласкалъ душевныя струны Владиміра. Не стерпѣлъ молодецъ и подхвативъ слѣдующую строфу, спѣлъ ее бархатнымъ баритономъ;

Козака убито,
Въ могилу зарыто
Въ чистомъ полѣ край дороги...

. . . . . .

Тутъ Лена урвала, опустила руки и сказала:

— Не надо, Володя, не надо больше!

Почему не надо? — спросилъ улыбаясь Владиміръ. — Я эту пѣсенку очень люблю, особенно когда ты ее поешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый не надо; она такая грустная и я боюсь....

— Чего дорогая? Ну, оставь грустныя мысли! Отъ судьбы своей не уйдешь, не уѣдешь, не улетишь. Это написано уже намъ на роду. Человѣкъ только до извѣстной степени воленъ располагать собою, но не больше. Воть лучше радуймось жизнью, пока сердца бютъ, срываймо розы пока цвѣтутъ!

На грустномъ личикѣ Лены блеснули слезы, какъ двѣ росинки на цвѣтку розы въ лучахъ утренняго солнца. Она всѣми мыслями, всѣми чувствами, всѣмъ сердцемъ прильнула къ сердцу вѣрнаго друга и замерла на его юношеской груди. Два любящія сердца соединились въ нѣжныхъ, горячихъ и чистыхъ объятіяхъ, а ангелъ любви осѣнялъ ихъ крыломъ своимъ.

Чудно сіяло майское солнце. Сладко пѣлъ соловейко. Нѣжно клонили свои головки цвѣты. Привѣтливо махали вѣтки, осыпанныя цвѣтомъ яблони, а сквозь распахнутое окно вливался въ комнату упоительный ароматъ сирени и наполнялъ юныя сердца радостью и роскошью.

* * *

Сладокъ сонъ, да горька дѣйствительность! Прошла весна, пришло лѣто, настало бурное время. Владиміръ былъ взятъ въ австрійскую армію и отправленъ на галицкій фронтъ противъ русскихъ. Волей-неволей учавствовалъ онъ въ бояхъ возлѣ Бережанъ и Перемышлянъ. Затѣмъ возлѣ Винникъ былъ раненъ осколкомъ шрапнели такъ сильно, что лишился чувствъ и въ безсознательномъ состояніи былъ оставленъ на полѣ сраженія убѣжавшими австрійцами. Его подняли наступающія русскія

войска и перевезли во Львовъ, въ больницу. Тамъ пролежалъ онъ довольно много времени борясь съ жизнью и смертью. Но вконцѣ-концовъ Владиміръ выздоровѣлъ, послѣ чего съ разрѣшенія русскихъ властей оставилъ больницу и поспѣшилъ въ родныя стороны. Тамъ узналъ онъ отъ своей матери, что австрійцы арестовали и увели съ собою его отца, Лену и ея родителей. Владиміръ выходилъ вонъ изъ себя отъ бѣшенства: „Такъ онъ своей грудью защищалъ Австрію, а эта мерзавка арестуетъ и гноитъ даже отца родного?!“ — Отчаяніе и злоба закрались въ сердце и душу Владиміра. Онъ, не сказавъ о своихъ намѣреніяхъ никому слова, только, расцѣловавъ мать, оставилъ отцовскій домъ и поступилъ добровольцемъ въ ряды русской арміи которая за время его болѣзни заняла большую часть Галичины и стала переходить Карпатскіе перевалы. Всю зиму провелъ онъ на передовыхъ позиціяхъ сражаясь то у Козевы на горѣ Звининъ, то возлѣ Ужока или у Дукли съ врагами своего русскаго народа. Такъ провелъ онъ всю зиму 1914/15 года.

Началась весна. Вспомнился Владиміру прошлогодній май и сердце затрепетало, заныло, сжалось: „Леночка ненаглядная! Гдѣ ты?“ Австро германцы приготовивъ за зиму огромное количество снарядовъ, пополнивъ убыль новымъ человѣческимъ матеріяломъ и переведя группировку своихъ силъ начали съ весной наступленіе. Подъ ихъ ураганнымъ, убійственнымъ огнемъ Русскіе принуждены были отступать. Вмѣстѣ съ ними отступалъ и Владиміръ. Окончательно Русскіе остановились и окопались на р. Стрыпѣ. Началась позиціонная война. Владиміръ не выпуская изъ рукъ винтовки спокойно ожидалъ приближающагося врага, который опять засыпалъ Русскихъ градомъ пуль и снарядовъ. Но Русскіе выдержали бѣшенный прибой и сами перешли въ контратаку. Пошли русскія цѣпи и пустились въ перебѣжку впередъ. Вмѣстѣ съ ними бѣжалъ Владиміръ съ винтовкой и нагороѣженымъ штыкомъ. Первая линія непріятеля была смята, переколота; пустились на вторую линію. Пули противника сыпались кругомъ, свистѣли, юлили, жужжали; ядра разрывались надъ головой и подъ ногами. Дрогнули русскія цѣпи, остановились. „Впередъ, товарищи ! — крикнулъ Владиміръ и рванулся впередъ. Но пробѣжавъ нѣскольконадцать шаговъ онъ развелъ руками и во весь ростъ упалъ на землю лицомъ внизъ. Русскіе однако пошли дальше и остановили наступленіе противника. Явились санитары и стали подбирать раненыхъ. Подошли и до Владиміра и подняли его. Подъ нимъ оказалась лужа крови, струившаяся съ его груди. Онъ самъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Ввиду того санитары положили его опять на землю, но лицомъ въ верхъ и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну, этотъ кажется готовъ.

— Да-а! — прибавилъ другой и оба пошли дальше.

Возвращаются изъ передовой линіи легче раненые и наткнулись на Владиміра·

— Кто это? — спросилъ одинъ раненый, по фамиліи Рубакинъ — и воскликнулъ:

— Ахъ, это нашъ галичанинъ! Володя!... другъ милый!... ты слышишь?

Владиміръ лежалъ неподвижный, блѣдный, съ закрытыми глазами не подавая признаковъ жизни.

— Бѣдный! — сказалъ Рубакинъ, задушевный другъ Владиміра, — что-то скажетъ его Леночка?!

При этихъ словахъ губы Владиміра зашевелились, глаза открылись.

— Онъ живъ! — возрадовался Рубакинъ. — Володя дружокъ, ты раненъ?... гдѣ?.. Очень?.. — объ этомъ нѣчего и спрашивать, это видно было; но что-же было другого дѣлать? — поэтому Рубакинъ продолжалъ:

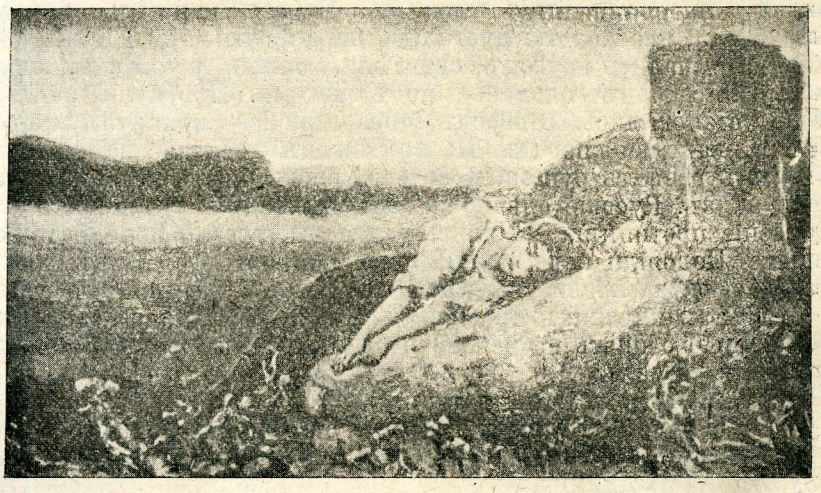
— Охъ! Въ грудь лѣвую. Володя! скажи хоть слово! Если... если... Ну, нѣтъ-нѣтъ, ты будешь живъ-здоровъ, но на всякій случай, если я останусь въ живыхъ, что передать твоей матушкѣ .. что сказать Леночкѣ?

Губы Владиміра зашевелились и онъ еле еле слышно прошепталъ:

— У дубровы жито
Копытами сбито;
Въ чистомъ полѣ, край дороги
Козака убито — сказалъ и замолкъ на вѣки.

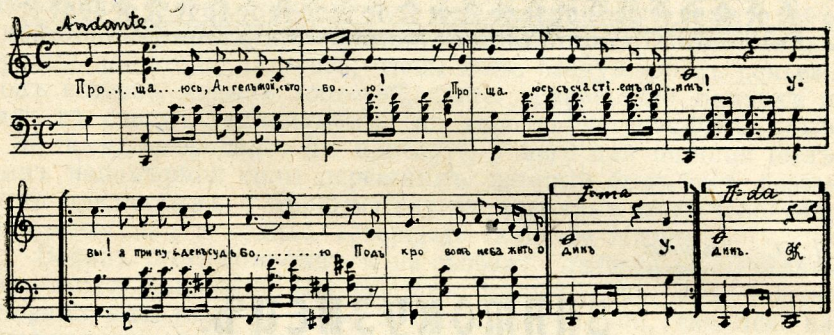
Друзя закрыли ему глаза и тутъ же, въ чистомъ полѣ край дороги, схоронили въ ямку.

Летитъ воронъ понадъ полемъ,
Жалобненько крачетъ,
А дѣвчина сиротина
Безутѣшно плачетъ.



В. Котарбинскій.

Прощаюсь ангелъ!



1.

Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою,
Прощаюсь съ счастіемъ моимъ!
Увы! я принужденъ судьбою
Подъ кровомъ неба жить одинъ.

2.

Насталъ послѣдній часъ разлуки,
Прости, душа моя, прости!
Въ печали, горести и скукѣ
Я долженъ дни свои вести.

3.

Заря меня не нарумянитъ,
Роса меня не освѣжитъ;
Лучъ солнца грѣть меня не станетъ
И ночь меня не усыпитъ.

4.

На что-же намъ слюбиться дали?
Зачѣмъ увидѣлъ я тебя?
На то-ль, чтобъ дни текли въ печали,
Чтобъ вѣчно мучилъ я себя?

5.

Ахъ, нѣтъ! Прости, я не жалѣю,
Что дни свои съ тобой гублю.
Пускай я отъ любви истлѣю,
Умру съ словами: „Я люблю“.

6.

Люблю, тебя любить я буду,
Въ какой бы не былъ я средѣ.
Тебя во вѣки не забуду,
Съ тобою здѣсь я и вездѣ.

Н. С. Лѣсковъ.

ЗЛАТОКУЗНЕЦЪ.

(Въ сокращеніи)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очень давно въ Александріи жилъ знаменитый и славный художникъ, по имени Зенонъ. Онъ съ необыкновеннымъ, тонкимъ искусствомъ дѣлалъ изъ серебра и золота роскошную утварь и художественныя вещи для женскихъ уборовъ. По роду своихъ занятій онъ назывался „златокузнецъ“. Происходило это въ то время, когда въ Александріи, въ тѣсномъ другъ съ другомъ сосѣдствѣ и въ близкомъ общеніи по дѣламъ, жило много людей разныхъ вѣръ, и всякій почиталъ свою вѣру за самую лучшую, а чужую вѣру не уважалъ и порицалъ. Были также и такіе, которые, чтобы жить въ мирѣ и тишинѣ, не оказывали свою вѣру, а держали ее въ себѣ тайно и ни въ какіе споры не вступали.

Зенонъ златокузнецъ былъ потаенный христіанинъ, но община александрійскихъ христіанъ его своимъ не считала, и самъ онъ держался отъ нея въ отдаленіи. Ему было удобнѣе не сообщаться, потому что Зенонъ не о всемъ мыслилъ совершенно такъ, какъ принято было безъ разсужденія другими христіанами въ Александріи. И жилъ самъ по себѣ въ отдаленіи, въ тихомъ, прохладномъ загородномъ урочищѣ за палестрою, на дынныхъ огородахъ.

По художеству, которое тогда называлось „златокузнею“, Зенону не было равнаго—не только въ Александріи и въ Θивахъ но и въ цѣломъ Египтѣ. Браслеты, стяжки и головные уборы работы Зенона славны были даже въ Антіохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антіохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его „златокузню“, увозили его художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ провадили по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Зенонъ былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не

успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто ему некогда было даже о себѣ обдумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьею, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроенномъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персіянинъ, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человѣкъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинство Митры.

Зенонъ былъ домосѣдъ и на свободѣ любилъ размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколистнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за купы деревьевъ, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркой подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всѣмъ домашнимъ дѣламъ Зенона въ городъ ходилъ и справлялъ ихъ персіянинъ, однако въ Александріи всѣ знали Зенона, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ, — но Зенонъ былъ скроменъ и отъ почета всегда удалялся. Богатыя щеголихи Александріи шли наперебой одна передъ другою, чтобы имѣть Зенона себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а Зенонъ одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ Зенонъ не могъ услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Александрію пріѣхала изъ Антіохіи одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорисъ или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея, по пріѣздѣ въ Александрію, прежде всего, заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Нефора не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антіохія знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмѣвала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ рощѣ Дафны. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы

сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучшій выкованный изъ золота уборъ, какой носили щеголихи въ Александріи, но только непремѣнно, чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобные уборы, какіе до сихъ поръ были сдѣланы. Она послала за Зенономъ, но Зенонъ отказался прійти сказавъ, что ему недосужно. Нефора послала за нимъ второго посла и велѣла ему обѣщать Зенону такую плату, какую, самъ онъ захочетъ, но Зенонъ отвѣтилъ послу: „Скажи твоей госпожѣ что я работаю, сколько могу и сверхъ силы моей не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не успѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не можетъ предложить мнѣ ничто такого что̀ заставило бы меня отступить отъ справедливаго порядка“.

Когда посланные къ Зенону во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Нефорѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть безжалостному наказанію рабовъ, которыхъ посылала къ Зенону, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлать бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Нефорисъ рѣшилась сама отправиться къ Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Нефоры были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ, съ уздою изъ переплетенной широкой, зеленой и желтой тесьмы, съ золотистою сѣткой на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сиріецъ изъ Тира, въ ярко-красной, до пятъ его достигавшей, длинной одеждѣ.

Нефора сѣла на своего мула, и красный сиріецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распутьяхъ и слѣдовалъ мановенію ея опахала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ сказано выше, Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движеніе. Нефорѣ встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, ее съ грохотомъ обгоняли парныя колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами а потомъ путь становился безлюднѣй и тише. Тутъ Нефора по-

чувствовала свою неосторожность; она не знала дальше дороги къ жилищу Зенона.

Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удолья, утонувшія въ платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню. Нефора спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я не здѣшній, — отвѣчалъ амаликитянинъ: — но поѣзжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ, — та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ, — она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Нефора дала знакъ сирійцу и тотъ повелъ ея мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Нефора спросила ее о Зенонѣ.

Босоногая дѣвочка тряхнула своими синими кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Зенонъ, потому что ношу ему молоко отъ нашихъ козъ. Поверни вправо по третьей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрой крышей, — это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направленіе, но опять скоро смѣшалась въ извивахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастію ей встрѣтился человѣкъ, съ большою корзиной, въ которой видны были плоды и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зенонѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я служитель Зенона, но не могу возвратиться проводить тебя къ нему, потому что я поспѣшаю справлять таинство Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обогни тотъ большой кустъ розъ и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣхать черезъ поляну, и Нефора, проѣхавъ межи сирени, жасминовъ и розъ, увидала влади бѣлый домикъ. Вокругъ дома было множество лилій и розъ, а у самыхъ стѣнъ и у бѣлаго мраморнаго порога лежали цѣлые пласты зеленаго діарита. Здѣсь было свѣжо, тихо и цѣломудренно: здѣсь жилъ художникъ.

Усталая отъ далекаго переѣзда и отъ жара, Нефора сошла съ сѣдла и отослала мула и провожатаго вдаль подъ дерево а сама осталась передъ открытою дверью Зенона, сквозь которую могла видѣть всю его мастерскую. Это была большая и высокая квадратная комната безъ оконъ; мягкій свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какъ будто эѳирною дымкой. Посереди

комнаты на полированномъ красномъ порфирѣ красовался бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; стѣны окружены были колоннами и ровно окрашены красновато коричневою краской, на которой рѣзко выдѣлялись бѣлыя мраморныя и лѣпныя фигуры, изображавшія людей и животныхъ. Зенонъ какъ большинство художниковъ того давняго времени, зналъ не одну златокузню. Зенонъ былъ и архитекторъ, и плавильщикъ и лѣпщикъ, и во всемъ онъ былъ мастеръ и знатокъ, и любитель всякаго изящества. Посреди всѣхъ художественныхъ произведеній искусства, наполнявшихъ покой, стоялъ самъ художникъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Напомнимъ, что Зенону шелъ тридцать первый годъ. Онъ родился въ Милетѣ отъ красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный станъ, сильныя руки, огромную массу бѣлокурыхъ волосъ и огненные черные глаза, въ которыхъ свѣтилась самая плѣнительная доброта и благородная твердость. Онъ былъ въ длинномъ хитонѣ изъ мягкой шелковой матеріи сѣраго цвѣта, съ блѣднорозовыми кружками по краю; ноги его были обуты въ легкія желтыя сандаліи, а буйные русые волосы схвачены тонкимъ золотымъ обручикомъ съ бирюзою на лбу.

Онъ стоялъ спиной къ двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лѣпки, и разсматривалъ съ сосредоточенностью деталь своей модели.

— Зенонъ! — позвала Нефора.

Онъ вздрогнулъ и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила къ нему за порогъ въ его мастерскую.

— Ты не долженъ сердиться, что я прихожу къ тебѣ, художникъ. Меня привлекла къ тебѣ твоя слава. Женщинъ влечетъ къ себѣ слава, а ты славный художникъ. Я не здѣсь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мнѣ извѣстна. У меня есть тоже слава моя, которая не стоитъ твоей: въ Антіохіи меня называли „звѣздою между красавицъ“, но я прихожу тъ тебѣ за совѣтомъ; помоги мнѣ, художникъ!

— Въ чемъ нужна тебѣ моя помощь?

— Прежде всего, позволъ мнѣ быть твоею гостьей и дай отдохнуть мнѣ у тебя отъ несноснаго зноя.

— Входи и будь моею гостей.

Нефора вошла, сняла покрывало и сѣла въ широкое кресло покрытое кожей пантеры.

Застигнутый такъ внезапно врасплохъ, „златокузнецъ“ сразу ощутилъ себя какъ бы во власти посѣтившей его бойкой и настойчивой гостьи. Онъ подалъ воды ей и положилъ къ ея ногамъ мягкую подушку, а самъ сталъ передъ нею и смотрѣлъ на нее, сложивъ свои руки на груди среди мягкихъ складокъ хитона. Его поразила замѣчательная красота Нефорисы, которая, спустивъ покрывало, явилась одѣтой такъ изящно къ лицу, что

природная прелесть ея лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой шеѣ головка Нефоры была покрыта широкимъ и тонкимъ кефье въ голубыхъ и бѣлыхъ полосахъ: мягкія складки этой искусно положенной, изящной повязки облегали, какъ воздухъ, ея лицо и черно-синіе кудри. Кефье было перевязано желтымъ шнуромъ Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шеѣ лежало золотое ожерелье изъ множества мелкихъ пѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы Нефоры были подведены по египетской модѣ, концы пальцевъ слегка подрумянены, а тонкіе ногти напудрены розовымъ перламутромъ. Гибкій станъ Нефоры охватывала легкая туника полосатой матеріи — розовой съ бѣлымъ, а вмѣсто пояса ей служилъ золотистый шелковый шнуръ, у одной изъ кистей котораго висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сверленый изъ самоцвѣтнаго камня флаконъ съ пахучею индійскою эссенціей. Но всего больше поражало необыкновенно живое и измѣнчивое выраженіе ея нѣжнаго и страстнаго лица, линіи котораго такъ часто мѣнялись, что, казалось, ихъ совсѣмъ уловить невозможно.

Усѣвшись небрежно въ кресло, Нефора, не ожидая разпросовъ хозяина, сама разсказала ему, въ чемъ ея надобность. Она сказала, что желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть къ предстоящей палестрѣ самую изящную діадему работы Зенона, а онъ ей отвѣчалъ, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распредѣлено имъ для исполненія другихъ, ранѣе полученыхъ заказовъ.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мнѣ сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я въ правѣ сказать, — отвѣчалъ неосторожно художникъ и назвалъ Родописъ и Сефору, тѣхъ самыхъ, которыхъ всѣхъ сильнѣе Нефора желала превзойти своею красотой, появясь въ первый разъ на александрійской палестрѣ.

— Родописъ и Сефора! — воскликнула Нефора. — Неужто же я меньше ихъ стою въ очахъ человѣка, который способенъ цѣнить изящное въ мірѣ?

— Человѣкъ прежде всего долженъ исполнять то, что составляетъ его долгъ.

— Долгъ художника служить красотѣ, и я тебѣ даю къ тому наилучшее средство. Зачѣмъ ты будешь напрасно тратить талантъ свой для Родописъ и Сефоры? Имъ все равно искусство твое не поможетъ и онѣ въ діадемахъ твоихъ не станутъ изящнѣй; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора къ ея красотѣ — и палестра забудетъ ристанье, а заплещетъ моей красотѣ и твоему искусству, художникъ.

И когда Нефора увидѣла, что художникъ ей внимаетъ, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнѣе преклонить его на свою сторону, рѣшилась не выйти отъ него безъ того, чтобы не принудить Зенона измѣнить даннаму слову и тѣмъ болѣе возторжествовать надъ Родописъ и Сефорой. Нефора рѣ-

шила не только умолять Зенона и льстить ему вниманіемъ и лаской, но даже прямо прельщать его своею кра отой съ тѣмъ, чтобы довести его до страстнаго увлеченія и купить у него предпочтеніе себѣ хотя бы даже цѣною своей чести.

„Тогда, — думала она: онъ перестанетъ отказываться, и чего не хочетъ сдѣлать мнѣ за большія деньги, то сдѣлаетъ изъ-за моей любви. Я этого желаю . У меня будетъ уборъ всѣхъ изящнѣе, а вреда чести моей отъ этого никакаго не будетъ, потому что, навѣрное, никому даже и на мысль не придетъ, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорисъ, брака съ которой искало и ищетъ столько знаменитыхъ людей, отдалась уроженцу Милета... Никто не повѣритъ, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы имѣть его златокузню... чтобъ унизить ею соперницъ... Да, этому никто не повѣритъ, и я тѣмъ смѣлѣе на это рѣшаюсь".

Къ тому же .. Зенонъ былъ красивъ и...

Нефора вдругъ ощутила надъ собой его обаяніе.

Всѣ до сихъ поръ искали вниманія ея, – и вотъ человѣкъ, кого *она ищетъ*... Она предлагаетъ себя.. Она себя *отдаетъ*...

Это ей ново, и дико, и страстно желательно.

Нефора не размышляла, или ея разсудокъ былъ слишкомъ сговорчивъ и велъ ее къ достиженію всего того, чего ей хотѣлось.

„Все равно я должна буду выйти замужъ за какого нибудь вельможу, котораго я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой, какъ хочу? Я хочу, я могу, я желаю здѣсь, въ этой тиши, внезапно купить себѣ цѣною своей красоты услуги красавца Зенона. Такъ мой художникъ! Тебя ничто не спасетъ отъ соблазна моей красоты, и торжество мое надъ тобой неизбѣжно .

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться къ тому, чтобы осуществить свое намѣреніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портилъ твой честный обычай, но ты можешь помочь мнѣ, оставаясь господиномъ своихъ обѣщаній, которыя далъ Родописъ и Сефорѣ.

— Я не вижу, какъ я могу это сдѣлать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться, сказала съ улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готовъ тебя слушать, — отвѣчалъ, также слегка улыбаясь, Зенонъ.

— Сядь со мною рядомъ и слушай.

Зенонъ сѣлъ на стоявшее рядомъ другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты вѣдь далъ слово не дѣлать лишь новыхъ уборовъ и не имѣешь досуга на это. Я и просить тебя больше объ этомъ

не стану; но что ты скажешь на то, если можешь здѣлать мнѣ удовольствіе, не нарушая своего слова?

— Тогда я сдѣлаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасно.

Я не хочу ничего больше: здѣсь со мной мой пестрый персидскій ларецъ, въ которомъ лежатъ мои драгоцѣнности. Тамъ много есть разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ здѣсь, въ Александріи, на мнѣ не видали. Я привезла ихъ для того, что бы ты ихъ разсмотрѣлъ и обдумалъ: не возможно ли ихъ смѣшать и привести ихъ въ такое соединеніе, чтобы изъ нихъ, по изящному вкусу Зенона, вышелъ не худшій уборъ для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала! — воскликнулъ златокузнецъ.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и съ своей стороны награжу тебя всѣмъ, чего только захочешь.

Зенонъ понялъ смыслъ этихъ словъ о наградѣ, и вставъ съ мѣста сказалъ:

За простой совѣтъ и за легкую помощь по силамъ моимъ никакой мнѣ награды не нужно.

— Отчего же?.. Проси!.. Или... если ты гордъ, то довѣрь мнѣ самой оцѣнить, чѣмъ съ тобой расплачусь.

— Нѣтъ, оставь это!.. Мнѣ довольно будетъ того, что я могу доставить тебѣ радость...

— Хорошо пусть будетъ по твоему! Выйди же теперь къ моему рабу, возьми у него мой ларецъ и принеси его сюда.

Зенонъ вышелъ, а Нефора поглядѣлась въ свое ручное зеркальце, которое было у кистей ея пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенонъ возвратился съ ларцемъ, который былъ невеликъ, но изящен и довольно тяжелъ.

— Благодарю, — сказала Нефора. — Теперь дай мнѣ сюда на колѣни подушку и станемъ на ней раскладывать вещи.

Зенонъ исполнилъ и это, и когда золотые уборы и самоцвѣтные камни въ оправахъ были вынуты маленькой ручкой Нефоры изъ ея узорнаго ларца и разложены ею по темной ковровой подушкѣ, Зенонъ наклонился лицомъ къ колѣньямъ гостьи и сталъ серьезно разсматривать амулеты, шпильки, браслеты и цѣпи, а Нефора межъ тѣмъ разсматривала самого Зенона и любовалась граціозностью его движеній и нѣжною прелестью его свѣтлорусыхъ кудрей, подстриженыхъ и завитыхъ на лбу по греческой модѣ

Долго Зенонъ не могъ ничего выбрать, но, наконецъ, взявъ въ руки одинъ золотой амулетъ, изображающій солнечный дискъ съ прямыми лучами, онъ задумался и потомъ соединилъ это съ меньшимъ дискомъ, на которомъ было изображеніе сладострастной богини Ма, съ ея закрытыми глазами. Зенонъ весело взглянулъ на Нефору и сказалъ ей:

— Ты совершенно права: изъ этихъ вещей можно соста-

вить такой прекрасный уборъ, который способенъ будетъ затмить всѣ другіе уборы. Ты надѣнь эти браслеты змѣями на голыя руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что онѣ хороши?

— О, да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слѣпилъ ихъ изъ воска.

— Что же, слѣпи. Я рада, что мое тѣло вдохновляетъ тебя.

— Положи діадему съ маленькимъ дискомъ и богинею Ма на лобъ, а большой дискъ укрѣпи на груди, чтобы лучи его утопали и мѣстами бы вырывались изъ подъ складокъ туники. Надѣнь свѣтло-зеленаго цвѣта тунику, или цвѣта зрѣющей вишни на солнцѣ... Вишневый цвѣтъ тебѣ, кажется, больше будетъ идти въ этомъ уборѣ... Жрецъ Ма всегда имѣетъ посохъ изъ вишни...

— Какъ ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, какъ богиня.

— Сейчасъ мы все кончимъ: я тебѣ все разсказалъ, что надо сдѣлать. Ты понимаешь: надо тончайшія рясны цѣпочекъ спустить съ діадемы къ лучамъ большого диска на груди и ими тебя, какъ богиню, броней опоясать... И ты будешь сама, какъ богиня Ма прекрасна.

— И ты мнѣ все это сдѣлаешь, Зенонъ?

— Нѣтъ, и тебѣ это не нужно. То, что нужно тебѣ, всякій другой сдѣлаетъ такъ же, какъ я, но я болѣе не господинъ моего времени, — я далъ слово не брать никакой другой работы и мнѣ жаль, что я долженъ тебя огорчить.

— Ты не хочешь, такъ прощай же Зенонъ.

Съ этимъ Нефора такъ быстро встала, что подушка соскользнула съ ея колѣнъ и всѣ драгоцѣнности ея упали на коверъ и разсыпались къ ея ногамъ.

— Какъ ты не осторожна, — сказалъ Зенонъ и нагнулся къ полу, чтобы подобрать разсыпанныя вещи: но едва онъ началъ распутывать изъ покрывала маленькую, стройную ножку Нефоры, обутую въ темную кожаную сандалію съ золотымъ тисненіемъ по краю подошвы, какъ нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенонъ всклонился и, къ удивленію своему, увидалъ, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною блѣдностью, а прекрасные глаза ея меркли.

— Что съ тобою? — вскричалъ онъ.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвѣчала ему ослабѣвшимъ голосомъ Нефора Я ѣхала слишкомъ долго въ сѣдлѣ... я слишкомъ устала. меня черезчуръ долго жгло палящее солнце а здѣсь прохладно, я теперь вдругъ себя чувствую дурно.. Помоги мнѣ, Зенонъ! Я задыхаюсь..

Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться и заговорила еще скорѣе и тревожнѣе:

— Уведи меня! Здѣсь мускусъ... розы.. жасминъ... Всѣ деревья здѣсь такъ сильно пахнутъ... Этотъ свѣтъ сквозь лиловую слюду раздражаетъ меня... я его не сношу.. я не привыкла

къ Египту... Свѣта мнѣ!.. воздуха! чистаго воздуха дай мнѣ скорѣе!

Вскрикнувъ это, она поднялась, взмахнула, какъ будто впотьмахъ чего-то искала руками и съ меркнущимъ взоромъ тотчасъ же упала на руки Зенона.

Зенонъ подхватилъ ее, какъ дитя, на одну руку, а другою рукой дернулъ за шелковый шнуръ, и отъ движенія этого шнура одна панель въ красной стѣнѣ его мастерской сейчасъ же раздвинулась. За нею открылся входъ въ высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенонъ и пошелъ, держа на своихъ рукахъ сомлѣвшую Нефору. Глаза ея были совершенно закрыты, голова опустилась и все тѣло ослабло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Комната, въ которую Зенонъ внесъ Нефору, была совсѣмъ не похожа на ту, изъ которой онъ ее вынесъ. Это была большая, высокая столовая, стѣны которой были гладко отдѣланы кедромъ, издававшимъ самый тонкій и едва замѣтный, здоровый, смолистый запахъ; въ ней были четыре большія окна, изъ которыхъ открывался широкій видъ на меланхолическій Нилъ, а по ту сторону водъ въ отдаленіи темнѣли спаржевыя поля.

Зенонъ бережно опустилъ Нефору на одинъ изъ диванов до котораго свободнѣе доходила струя воздуха, подложилъ ей подъ голову и подъ плечи подушки, разтегнулъ тунику на ея груди и выбѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ была его спальня. Отсюда онъ принесъ флаконъ съ индійскою ессенціей и, капнувъ одну каплю этой ессенціи на предсердіе Нефоры, провелъ тихо рукою и подулъ, чтобъ эѳирная жидкость быстрѣе испарялась. Потомъ онъ облегчилъ голову гостьи и ослабилъ цвѣтные ремни у ея сандалій.

Попеченія его были успѣшы: едва онъ облегчилъ стяжки, стѣснявшія тѣло Нефоры, и сталъ повѣвать на нее ея же большимъ опахаломъ, къ ней начали возвращаться ея чувства и сознаніе, — вскорѣ длинныя рѣсницы ея стали шевелиться, а тонкія ноздри вздыматься дыханіемъ, и, наконецъ, оба ея измѣнчивые глаза неуловимаго цвѣта открылись. Она обвела въ недоумѣніи незнакомый покой и спросила:

— Гдѣ я? — и, получивъ отъ Зенона отвѣтъ о томъ, гдѣ она и какимъ случаемъ попала въ эту комнату, Нефора начала сожалѣть, что надѣлала Зенону столько хлопотъ. Она укоряла себя, зачѣмъ пустилась въ непривычный ей путь на мулѣ, а не въ носилкахъ, и, протягнувъ руку художнику, заключила:

— Прости мнѣ то безпокойство, которое я тебѣ сдѣлала.

Онъ просилъ ее, чтобъ она объ этомъ не думала, а она отвѣчала:

— Я не могу объ этомъ не думать потому, что въ этотъ несносный жаръ, мнѣ кажется, я буду не въ силахъ сдѣлать обратно далекій путь на сѣдлѣ.

— И это тоже пусть тебя не безпокоитъ, — отвѣчалъ ей Зенонъ. — Тебѣ нѣтъ нужды терзать себя въ такой жаръ на сѣдлѣ. Отдохни здѣсь у меня въ прохладѣ, сколько тебѣ угодно, а когда тѣни на землѣ станутъ длиннѣе, я самъ отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской баркѣ, которая стоитъ сдѣсь же у берега подъ моимъ садомъ.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мнѣ это и совѣстно, — сказала она — но ты самъ видишь, какъ я ослабѣла. Я не могу ѣхать на своемъ мулѣ и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этимъ многихъ напрасныхъ толковъ.

— Я все это понимаю, — отвѣчалъ Зенонъ — и ты не безпокойся, ты не будешь предметомъ никакихъ толковъ. Моя пестрая барка со всѣхъ сторонъ окрыта густыми занавѣсами и тебя никто не увидитъ, а я самъ буду ею управлять.

— Это прекрасно, — отвѣчала Нефора: — но, въ такомъ случаѣ, пожалѣй и моего бѣднаго мула, и невольника, которые будутъ напрасно ждать меня у твоего дома.

— Это правда, — отвѣчалъ Зенонъ: — и если ты позволишъ, я сейчасъ же отпушу домой и человѣка, и бѣдное животное.

— Не откажи мнѣ въ этомъ, я прошу тебя.

— Охотно, — отвѣчалъ Зенонъ, и сейчасъ же вишелъ, а Нефора приподнялась съ дивана и подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ. Передъ нею открылся на пологомъ скатѣ къ рѣкѣ прекрасно содержаный садъ, разбитый поегипетски радіусами отъ центра, который обозначался фонтаномъ у небольшого обелиска изъ краснаго гранита, а въ концѣ одной изъ дорожекъ была такая же гранитная лѣстница. Къ одному изъ столбовъ этой лѣстницы была прикована бронзовою цѣпью роскошная, очень пестро, по-египетски, раскрашенная нильская барка Зенона.

Онъ самъ и все, что при немъ есть, — все это было прекрасно и все плѣняло Нефору, и она все болѣе и болѣе волновалась отъ прилива страстныхъ ощущеній.

Придя просто съ тѣмъ, чтобы заставить художника сдѣлать себѣ уборъ и въ немъ превзойти на палестрѣ такихъ-то соперницъ, Нефора сама для себя непримѣтно увлеклась вспыхнувшимъ чувствомъ любви къ красавцу Зенону и, никого до сихъ поръ не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, — говорила она, глядя на Нилъ, совершится судьба... Пусть, пусть это будетъ... Я собой не владѣю и не желаю владѣть... Всѣ, кто искалъ улыбки Нефоры, — судьба за всѣхъ нынче мнѣ отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай можетъ не быть: я останусь здѣсь одна съ нимъ и хочу здѣсь сгорѣть и сгорю въ объятіяхъ Зенона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Нефора разсуждала такимъ образомъ, глядя въ открытое окно на картину, которая застилалась отъ нея ея влюбленною мечтой, возвратился Зенонъ; онъ сказалъ ей, что и мулъ и проводникъ имъ уже отправлены домой, а самой Нефорѣ Зенонъ предложилъ сѣсть за столъ и подкрѣпить себя пищей и прохладнымъ напиткомъ изъ воды и вина, приготовленными ушедшимъ на праздненства служителемъ.

— Затѣмъ, — сказалъ онъ: — ты отдыхай здѣсь, въ покоѣ, пока спадетъ жара, а я буду рабовать.

Нефора на все согласилась, и когда они сѣли съ Зенономъ къ столу и онъ просилъ ее испробовать мясо, фрукты и прохладное смѣшеніе изъ антильскаго вина съ водой и ягоднымъ сокомъ, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать отъ нея, кто она и откуда и зачѣмъ появилась въ Египтѣ.

Зенонъ отъ этого не смѣлъ отказаться, и чтобы не показать себя невѣжливымъ перед гостьей, отвѣчалъ ей:

— Повѣсть твоя усладить слухъ мой: говори, а я принесу воскъ и буду съ него лѣпить то, что мнѣ нужно. — и онъ принесъ воскъ и началъ его мять на дощечкѣ, а Нефора близко сѣла съ нимъ рядомъ и начала говорить о себѣ.

Она упомянула Зенону сначала о своей родинѣ въ далекой Θракіи, откуда она была увезена въ дѣтствѣ въ Антіохію, и выросла тамъ при безпрестранныхъ тревогахъ по поводу быстрыхъ и частыхъ перемѣнъ въ положеніи ея родителей, а потомъ она разсказала, какъ была отдана замужъ за стараго и очень безнравственнаго византійскаго вельможу, который понуждалъ ее къ постыднымъ для женщины поступкахъ въ угоду высшаго вельможи, отъ котораго зависѣло его служебное повышеніе, и какъ она воспротивилась этому и много за то претерпѣла, а потомъ, когда мужъ ея умеръ, оставивъ ей большое состояніе, она, по любви къ независимости и свободѣ, не захотѣла вернутся въ свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласныхъ въ семьѣ эллинскихъ женщинъ, а переселилась изъ Антіохіи въ Египетъ, гдѣ женщины не находятся въ такомъ порабощеніи, какъ у эллиновъ. Здѣсь она хочетъ быть госпожею своихъ поступковъ и сама надѣется выбрать себѣ достойнаго мужа.

— Ты хорошо сдѣлала, какъ цѣломудренная богиня, что соблюла свою непорочность, — отвѣчалъ ей уклончиво Зенонъ.

Она молчала.

Зенонъ взглянулъ на нее и удивился, какъ цвѣтъ ея глазъ то разгорался, то гасъ, обозначая быстроту душевныхъ движеній.

Она еще колебалась, но страсть одолѣла и стыдъ, и разсудокъ.

— Да, — сказала она: — но этихъ похвалъ я впередъ не желаю, я молода и не хочу быть „богиней“, какъ ты меня на-

звалъ: теперь я хочу быть любима такъ просто, какъ смертную женщину можетъ любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю въ тотъ же мигъ, какъ только увижу того, который можетъ быть милъ мнѣ.

— Что же, ты, вѣрно, его и найдешь.

Нефора опять замолчала: ноздри ея изящно выгнутаго носа быстро двигались, а уста открывали бѣлые зубки, но, наконецъ, она не видержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенонъ.

— Вотъ и прекрасно: если онъ любитъ тебя, ты вступишь въ супружество, и я желаю тебѣ быть счастливой.

— Благодарю за желаніе, — живо сказала Нефора: — но я слишкомъ много страдала и слишкомъ долго ждала этого, чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желаніемъ скорѣе, въ мгновенье, забыть мое горе въ объятіяхъ того, чьихъ лобзаній уста мои ждутъ.

Она встала и съ дѣтскою, избалованною улыбкой бросилась къ Зеноу и закричала:

— Къ тебѣ, Зенонъ, къ тебѣ, мой художникъ, влечетъ меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаешь? Куда ты отходишь? Дай мнѣ любви, дай мнѣ лобзаній, забвенья и счастья, или я потеряю разсудокъ!

Но Зенонъ ея не слушалъ; онъ отступилъ отъ нея и даже самый звукъ ея словъ удалялъ отъ своего слуха, устраняя рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись, Нефора!..

— Я и знать не хочу ничего кромѣ того, что я тебя люблю!

Зенонъ вздвинулъ плечима и сказалъ:

Несчастная женщина! ты въ себѣ разумъ и стыдъ затмила!

— Возврати же скорѣе мнѣ мой разумъ! — прошептала Нефора и, положивъ на плечи ему свои обнаженныя руки, судорожно вздрогнула и замерла въ поцѣлуѣ.

Зенонъ хотѣлъ ее отстранить, но въ очахъ его помутилось, сердце упало, и онъ едва простоналъ:

— Нефора! Нефора!

А она межь поцѣлуевъ ему отвѣчала:

— Я не богиня, Зенонъ... Я страстная смертная женщина, Зенонъ... Цѣлуй же меня и дай мнѣ скорѣй мигъ блаженства!

— Мигъ! — воскликнулъ Зенонъ. — Мигъ в мѣсто союза на цѣлую жизнь — это нечестное дѣло, Нефора... Отбрось этотъ мигъ и не дай мнѣ несчастья унизить себя и тебя съ собой вмѣстѣ!

Нефора взглянула на него съ гнѣвомъ и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Нѣтъ, я тебя возвышаю. Я чту въ тебѣ женщину больше, чѣмъ эллинъ и сынъ Мицраима.

— Я не хочу слушать ничьихъ разсужденій, когда мнѣ ихъ не надо!

— Нельзя жить безъ разсужденія.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нѣтъ, я уже все поняла... Ты любишь другую.

— Ты ошибаешься; я не люблю никого такъ, какъ ты хочешь.

— Такъ ты, значитъ, глупецъ!

— Нѣтъ, я — христіанинъ.

— Христіанинъ!... Ахъ, ты христіанинъ! Такъ вотъ что!... Христіане, это тѣ, которыхъ всѣ презираютъ и гонятъ!... Это тѣ, которыхъ учитель хотѣлъ, чтобы люди отрекались отъ счастья любить; но вѣдь это, Зенонъ, безразсудно бороться съ природой. Ее одолѣть невозможно, да и зачѣмъ это нужно?... Ты мой, Зенонъ, да? Ты пылаешь любовью ко мнѣ, ты не въ силахъ противиться мнѣ, я люблю тебя, Зенонъ, я тебя призываю! — и съ этимъ она рванулась къ нему, и уста ея соединились съ его устами.

Зенонъ почувствовалъ словно море зашумѣло въ его ушахъ и будто пламя блеснуло у него передъ глазами; его клонило въ ея объятія, какъ клонитъ трость подъ дыханіемъ бури, но вдругъ на кормѣ пробудился певелѣвающій волнамъ и бурѣ. Зенонъ увидалъ Его, отстранилъ отъ себя страстныя руки Нефоры, рванулся къ столу, — и теперь Нефорѣ какъ будто блеснуло между нею и Зеномъ... что-то какъ ножъ и кровавое пламя, а Зенонъ уже стоялъ и шатался, держась сзади руками за столъ. По лицу его струилась кровь, а въ глазу его стремѣла рукоятка ножа. Лезвіе было въ глазѣ, а другой глазъ глядѣлъ на Нефору съ тихимъ укоромъ, а уста, блѣднѣя, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю Тебя, что Ты не погнушался мной и явилъ Свою власть надъ моей страстной природой. Мой глазъ едва не соблазнилъ меня, но я сдѣлалъ то, что Ты повелѣлъ, и... теперь нѣтъ этого глаза.

Проговоривъ это, Зенонъ зашатался и упалъ, и ножъ вывалился изъ его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на полъ.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ея, устремленные на Зенона, остолбенѣли въ безмолвномъ ужасѣ, и она выбѣжала отсюда, оставивъ здѣсь и свое покрывало, и всѣ свои драгоцѣнности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вышеописанное происшествіе было дѣломъ самаго коротказо времени и случилось такъ неожиданно и было столь противоположно настроенію Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумѣла. Когда она опомнилась на воздухѣ, то увидѣла, что теперешнее собственное ея положеніе было очень затруднительно. О своихъ драгоцѣнностяхъ Нефора не вспомнила,

но къ ужасу, который охватилъ ее при видѣ того, что съ ужасною твердостію сдѣлалъ надъ собою Зенонъ, сейчасъ же присоединилась забота: какъ бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамѣченною? Она была далеко отъ своего дома, а проводникъ и мулъ были отпущены; слуги Зенона не было дома; пѣшкомъ къ себѣ Нефора не могла возвращаться потому, что ноги ея дрожали и подкашивались: кромѣ того, она стыдалась идти по улицамъ безъ покрывала въ своемъ слишкомъ красивомъ уборѣ.

Безотчетно, или, можетъ быть, только съ однимъ желаніемъ избѣжать встрѣчъ на улицахъ, она бросилась черезъ садъ къ берегу Нила, гдѣ стояла у пристани барка Зенона.

Здѣсь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазомъ берегъ, Нефора замѣтила невдалекѣ низкую хижину, сбитую изъ топтаннаго тростника, смѣшаннаго съ нильскою глиной. Она направилась къ этому убогому жилищу и постучала рукой въ окно. Оттуда выглянулъ человѣкъ, весь измаранный въ угольной пыли. Онъ былъ египтянинъ.

Нефора дала ему золотой браслетъ съ своей руки и сказала, чтобъ онъ нашелъ какое нибудь средство отвезти ее незамѣтно въ городъ.

— Пожалуй, я могу это сдѣлать, — отвѣчалъ египтянинъ, принимая ея даръ: — если только ты согласишься плыть со мною въ моей угольной баркѣ.

— Хорошо, если нѣтъ другого способа, я согласна плыть въ угольной баркѣ, но я не хочу, чтобы меня въ ней видѣли, а я потеряла мое покрывало.

— Тамъ есть угольный мѣшокъ: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, онъ грязненекъ, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку и ты можешь согнуться и скрыть подъ нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщикъ исполнилъ все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвиженіе по Нилу въ тяжелой и грязной баркѣ. Едва лишь къ вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемаранная грязью и угольною пылью. Нефора, разумѣется, удивила всѣхъ рабовъ и рабынь своимъ возвращеніемъ въ такомъ плачевно-бѣдственномъ видѣ и была въ ужасномъ разстройствѣ; она сейчасъ же вымылась и слегла въ постель, а ночью у нея началась горячка: она срывалась съ кровати и начинала неистово бѣгать и плакать, рвала на себѣ свои прекрасные черные кудри, царапала щеки, и, забывъ осторожность, кричала:

Мщенье Зенону! мщенье всѣмъ христіанамъ!

Испуганныя рабыни сочли ее за одержимую злымъ духомъ и призвали къ ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрѣла въ лицо ей и слушала ея безумные крики, а потомъ сказала Нефорѣ:

— Я вижу, какой-то змѣй уязвилъ твое сердце... Скажи мнѣ, кто смѣлъ пренебречь твоею красотой?

— О, да, я пренебрежена, — отвѣчала Нефора: — и я должна раздавить этого змѣя.

— Такъ и будетъ. Царь Амазисъ мудро изрекъ, что ядъ обиженной женщины острѣе змѣинаго яда. Кому хочешь мстить?

— Христіанскому Богу и всѣмъ христіанамъ въ Египтѣ

— Хорошо. Я сама горю мщеніемъ всѣмъ пришельцамъ въ Египтѣ. Мое имя — баба Бубаста, а нынѣче старуха, лѣкарка; но я была молода и любила; мой мужъ томится давно въ каменоломняхъ Пилака, и сердце мое каждый день слышитъ, какъ онъ двигаетъ гранитныя глыбы въ цѣпяхъ, которыя наложилъ на него жестокій правитель... О, я ненавижу пришельцевъ и новую вѣру, я рада имъ мстить: я пойду искать ядъ и приду къ тебѣ, госпожа, когда ядъ мой поспѣетъ.

Происшествіе съ Зенономъ имѣло послѣдствіемъ то, что ни одна изъ женщинъ, для которыхъ онъ спѣшилъ окончить заказы, не получила ожидаемыхъ уборовъ къ палестрѣ. Это была первая неисправность съ его стороны, и служитель Зенона, персъ, отнесъ щеголихамъ ихъ камни и золото, объявивъ, что его господинъ, славный художникъ Зенонъ, имѣлъ большое несчастіе потерять глазъ и теперь долго не надѣется возвратить себѣ способность къ работѣ. Потомъ персъ явился также къ Нефорѣ и доставилъ ей ея покрывало и ларецъ съ ея драгоцѣнностями.

Нефора была не рада возвращенію своихъ вещей, потому, что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ея участіе въ ослѣпленіи глаза Зенона, но персъ не сказалъ ей ни слова, и она больше ни откуда не слыхала ничего о Зенонѣ.

И художникъ, и слуга его хранили о всемъ происшедшемъ молчаніе. Слуга, по всей вѣроятности, и вовсе не зналъ, какъ это несчастіе случилось съ Зенономъ. Нефора никуда не выходила изъ своего дома, но въ душѣ ея попрежнему горѣли въ темномъ смѣшеніи обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщеніе. Она не разъ вспоминала о той египетской знахаркѣ, бабѣ Бубастѣ, которая обѣщала ей дать страшное средство отомстить ненавистнымъ для нихъ христіанамъ, но думала, що Бубаста сказала это слово ей просто въ утѣху и потомъ позабыла о своемъ обѣщаніи. Но это было не такъ: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться имъ, какъ только къ тому представилась возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прошелъ годъ. Было забыто, какъ къ прошлымъ палестрамъ некстати и неизвѣстно отъ какого несчастія окривѣлъ всѣмъ въ Александріи извѣстный красавецъ художникъ, Зенонъ

златокузнецъ. Онъ долго болѣлъ, но потомъ поправился, и теперь носилъ черезъ голову на одномъ глазѣ голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую привлекательность. Зенонъ и при одномъ глазѣ работалъ такъ же изящно, какъ прежде, и опять все съ тою же неизмѣнною добросовѣстностью, которою дорожилъ ранѣе. Теперь онъ бы могъ успѣть сдѣлать желанный уборъ для Нефоры, но антіохійка, разумѣется, не обращалась ни съ какимъ заказомъ къ Зенону.

Съ нею съ тѣхъ поръ тоже кое что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее въ затменіи, и старый правитель Александріи, человѣкъ жадный и исполненный многихъ низкихъ страстей, пожелалъ соединить Нефору бракомъ со своимъ старшимъ сыномъ, который имѣлъ столь малый умъ, что, побывавъ во многихъ отдаленныхъ странахъ и истративъ на это путешествіе большое богатство, по возвращеніи своемъ не умѣлъ разсказать ни о чемъ имъ видѣнномъ, кромѣ какъ о величинѣ яйца птицы строфокомила. Отецъ, не жалая второй разъ награждать глупаго сына, искалъ обезпечить его огромнымъ богатствомъ Нефоры посредствомъ брака съ нею, и Нефора, къ совершенному удивленію многихъ, отвѣчала согласіемъ на это искательство; но вскорѣ затѣмъ, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день, и не только сказывалась нездоровою, но и въ самомъ дѣлѣ сильно разнемоглась и ни одинъ изъ лѣкарей, которыхъ присылалъ къ ней правитель, не могъ узнать, что у нея за болѣзнь и какими лѣкарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно въ своемъ здоровлѣ не жаловалась, но вся изнемагала, лицо ея худѣло, глаза блекли, — она не занималась ни нарядами, ни плетеніемъ волосъ, не надѣвала драгоцѣнностей и не посѣщала знакомыхъ, и даже мало была въ своихъ комнатахъ. Ей было несносно подъ крышей, и она искала уединенія въ саду, гдѣ все подъ стать ея расположенію было грустно и какъ бы дремало: фонтанъ билъ лѣниво, пестрыя бабочки перелѣтали съ одного цвѣтка на другой тоже лѣниво; но скоро и это начало безпокоить Нефору. Но вотъ настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтыя мимозы, живыя ограды изъ разноцвѣтной сирени, жасмина и розъ, высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревя, все цвѣло, благоухало и жужжало, наполненное кипучей жизнью насѣкомыхъ. Этотъ приливъ жизни сталъ иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотыя рыбки въ каменномъ басейнѣ фонтана слишкомъ живо и громко плескались. Нефора удалялась къ обширному огороду и тамъ, часто останавливаясь надъ грядами махроваго мака, срывала съ него пышные цвѣты и, обрывая лепестки ихъ, клала ихъ на ладонь, дула на нихъ и ударяла другою ладонью, шепча тихо устами: „полюбитъ“ или „нѣтъ“? И если маковый лепестокъ разрывался съ трескомъ, она улыбалась и расцвѣтала душою, была весела, ѣла, спала и дарила наряды служанкамъ, но жениха своего къ

себѣ не пускала; если же лепестокъ вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала съ рукъ и тутъ же сама садилась на землю и долго, и горько плакала навзрыдъ, какъ ребенокъ. Служанки не разъ находили Нефору лежащею на чорной землѣ между большихъ янтарныхъ шаровъ, какими казались созрѣвшія ароматныя дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой въ безчувственномъ состояніи. Сначала онѣ давали знать о тяжкихъ припадкахъ Нефоры правителю, и тотъ тотчасъ же присилалъ врачей и своего сына, но какъ искуство врачей оказывалось безсильнымъ, а сына правителя Нефора совсѣмъ не желала видѣть и даже тяготилась его приближеніемъ къ ней издалека, то женщины, по суевѣрію своему, при новомъ жестокомъ припадкѣ Нефоры опять призвали къ ней бородатую бабу Бабусту.

Баба омыла лицо ей нильскою водой и сказала:

— Ядъ, который змѣй излилъ въ твое сердце, жестокъ, но ты должна быть сильна, чтобъ отомстить и ему, и всѣмъ христіанамъ. Приближается время отомщенія: старые боги Египта приходятъ на помощь, чтобы сгубить ненавистную новую вѣру. Мщеніе пришельцамъ пришло, близокъ конецъ для всѣхъ христіанъ въ Александріи.

— Всѣхъ? — задумчиво переспросила Нефора.

— А что, ты одного, можетъ-быть, хотѣла-бъ оставить на свѣтѣ?

— Да, — отвѣчала Нефора: — я бы хотѣла оставить одного изъ христіанъ дольше другихъ на землѣ для того, чтобы онъ видѣлъ посрамленіе и гибель другихъ, и только тогда бы погибъ, когда я наслажусь надъ нимъ моимъ мщеніемъ.

— Разскажи мнѣ, чѣмъ онъ оскорбилъ тебя, и я пойду къ тайнымъ жрецамъ и мы тогда изберемъ ему страшное мщеніе, а твоимъ словомъ дорожитъ правитель.

Нефора находилась въ такомъ страшномъ разстройствѣ, что какъ бы въ забытьи разсказала бабѣ Бубастѣ все, что было у ней годъ назадъ въ жилищѣ Зенона.

Баба Бубаста, выслушавъ повѣсть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенѣли, болтаясь по щекамъ.

— Боги! — воскликнула баба: — виданное ли дѣло, чтобы человѣкъ-чужевѣрецъ смѣлъ бы такъ дерзко отвергнуть любовь, которую подала ему такая красивая женщина? Отказаться отъ этого для какого-то учителя, котрый отнимаетъ у людей лучшія сладости жизни! Это безуміе! Ты отмщена будешь страшно, Нефора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баба Бубаста простилась съ Нефорой и, опираясь на палку, прошла черезъ Ворота Луны и Хептастаду на островъ Фарросъ, гдѣ на сѣверномъ берегу у пристани Морскихъ Разбойниковъ жили звѣздочеты – любители всякой мудрости. Здѣсь, на этомъ

Фарросѣ жили тѣ, которые переводили на греческій языкъ священныя книги евреевъ. И вотъ тутъ-то, у самаго сѣвернаго берега жилъ одиноко, въ пещерѣ, темнолицый мемфистъ, по имени Пеохъ. Современные египтяне изъ черни считали Пеоха за большого ревнителя вѣры и ходили къ нему за совѣтами. Пеохъ одинаково непримиримо ненавидѣлъ всѣ вѣры, которыя были несогласны съ вѣрой древнихъ египтянъ, но какъ въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, охотнѣе всѣхъ прочихъ преслѣдовали христіанъ, то Пеохъ изощрилъ себя на то, какъ можно на всякомъ шагу сдѣлать досаду и зло христіанамъ. Это же тогда было и не трудно, ибо поводы къ тому, чтобы нападать на христіанъ и грабить ихъ, находились ежечасно. Какія бы гдѣ ни случились общественныя бѣдствія: пожары или землетрясенія, потопленіе судовъ и обвалы путей, неурожаи или повальныя болѣзни, — все это считали случившимся по винѣ христіанъ. Къ ихъ обвиненію равно удобно служили и сильные разливы Тибра въ Римѣ, и недостаточный подъемъ водъ на Нилѣ, въ Египтѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

То самое было и теперь, въ пору нашей повѣсти. Теперь было прекрасное время играть на этихъ страстяхъ.

Баба Бубаста пошла къ мемфиту Пеоху за тѣмъ, чтобы возвѣстить ему, что народъ въ негодованіи и что у нея есть лицо, которое пылаетъ местью противъ христіанина и можетъ поставить правителя въ такое благопріятное положеніе, что тотъ вынужденъ будетъ мирволить народнимъ безчинствамъ. Пеохъ выслушивалъ то, что говорила ему Бубаста. Онъ, впрочемъ, и самъ уже зналъ о всеобщемъ унынiи отъ того, что долго не начинается разливъ Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содѣйствіемъ Нефоры, которая можетъ обезоружить правителя и всякія издѣвки надъ христіанами сойдутъ у египтянъ съ рукъ, не причиня имъ никакихъ жестокихъ возмездій.

— Ты умная женщина, — отвѣчалъ Пеохъ. — Эти люди должны пострадасть за наши несчастія.

— Да; но какъ это начать? Научи насъ, что надобно дѣлать, чтобы христіане получили всесвѣтный позоръ и безвозвратную гибель? Скажи намъ, что такое мы могли требовать отъ христіанъ, чтобы это было въ ихъ же законѣ и что бы могло показать всѣмъ безсиліе ихъ вѣры и посрамить ихъ?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Пеохъ сказалъ бабѣ Бубастѣ:

— Я знаю и свою правую вѣру, и всѣ суевѣрія чужія, и всѣхъ боговъ суевѣрныхъ. Я могу судить и объ эллинскомъ Зевсѣ, и объ Ормуздѣ и Ориманѣ фарсійскихъ, и объ Еговѣ, мстительномъ Богѣ бывшихъ рабовъ нашихъ—евреевъ, а также

и о Томъ бѣднякѣ, Который былъ распятъ и Котораго почитаютъ за Бога себѣ христіане. Мы ихъ уловимъ на Его же словахъ: Онъ говорилъ, что кто будетъ вѣрить, какъ *Онъ училъ, то такой человѣкъ, если скажетъ горѣ: „сдвинься", то будто гора тронется съ мѣста и бросится въ воду.* Съ кровли правителя вашего по направленію къ закату видна гора Адеръ. Если христіане добры, то пусть они для спасенія всѣхъ умолятъ своего Бога, чтобы Адеръ сошла съ своего мѣста и, погрузившись въ Нилъ, стала плотиной теченію. Тогда воды Нила подымутся вверхъ и оросятъ изгорѣвшія нивы. Если же христіане не сдѣлаютъ такъ, чтобы стронулась гора Адеръ и загородила теченіе Нила, это имъ будетъ вина. Тогда всякому видно станетъ, что или вѣра ихъ — ложь, или они не хотятъ отвратить общаго бѣдствія, и тогда пусть пронесуться въ Александріи римскіе крики: christianos ad leones!

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеохъ, — отвѣчала баба Бубаста. — Народъ нашъ завтра же пойдетъ къ правителю требовать, чтобы онъ заставилъ христіанъ сдвинуть гору.

И съ этими словами баба Бубаста простилась съ мемфитомъ Пеохомъ и побѣжала къ тѣмъ изъ египтянъ, кого знала за самыхъ большихъ коноводовъ народныхъ, и подбивала ихъ, чтобы они внушали народу, что въ неразлитіи Нила виновны христіане.

Скоро отъ этого сдѣлалось всеобщее волненіе, о которомъ тотчасъ же узналъ правитель, и оно его очень обезпокоило, такъ какъ онъ не зналъ, чѣмъ его утишить. Баба же Бубаста побѣжала къ Нефорѣ и, распаливъ въ ней хитрыми словами оскорбленіе и ревность, убѣдила ее итти къ правителю и просить его, чтобы онъ снизошелъ къ горю народа и къ его надеждѣ получить облегченіе черезъ молитву христіанъ, которая можетъ двинуть гору и запрудить ею Нилъ, чтобы вода поднялась и оросила пажити.

Нефора, въ которой быстро воспламенялись страсти и смѣнялись движенія, легко поддалась этимъ словамъ и, скоро одѣвшись съ большою пышностью, поспѣшила въ домъ правителя, чтобы исполнить то, чему ее научила баба Бубаста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Правитель въ это время находился въ смущеніи отъ дошедшихъ до него слуховъ о волненіи въ народѣ. Бубаста успѣла взбунтовать всю александрійскую чернь разсказами о винѣ христіанъ, и многіе, по ея наученію, побѣжали на Фаросъ къ мемфиту Пеоху, чтобы услыхать отъ него подтвержденіе словъ Бубасты, а другіе собрались въ огромномъ числѣ и двинулись къ дому правителя.

Когда Нефора приблизилась къ дому этого вельможи, она увидѣла густую толпу людей, окружившихъ плотною массой его

палаты. Это были люди страшные своею рѣшимостью и тѣмъ, что имъ терять ничего.

Все это волненіе покрывалось общимъ воплемъ, въ которомъ только иногда можно было уловить отдѣльныя слова:

— Нилъ не поднимаетъ водъ!. Мы погибаемъ отъ голода... Христіане перебиваютъ работы .. Хорошо имъ дешевить, когда они живутъ подаяніемъ!.. Пускай же они за насъ молятся... Пошли ихъ сдвинуть въ Нилъ гору, чтобы рѣка разлилась!

Нефора съ величайшимъ трудомъ едва могла проникнуть въ своихъ носилкахъ черезъ эту толпу. Главный входъ въ домъ былъ закрытъ, и она вошла въ чертоги правителя черезъ извѣстную ей потаемную дверь, которую открылъ ей хорошо знавшій ее привратникъ, послѣ чего и эта дверь опять тотчасъ же была заперта. Стража со всѣхъ сторонъ охраняла всѣ входы.

Правитель находился въ большомъ смущеніи и перепугѣ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: отражать народъ силою онъ не могъ, а снизойти къ неблагоразумному требованію черни считалъ за недостойное. Правителя окружала вся его семья и тутъ же въ среднемъ покоѣ былъ его глупый сынъ толстоносый Дуназъ, и его ближайшія подначальныя лица: всѣ они подавали ему различные совѣты, но онъ всѣ ихъ мнѣнія слушалъ, но ни на что не рѣшался. Увидѣвъ же входящую Нефору, онъ обрадовался ея приходу и живо воскликнулъ:

— Вотъ дорогая, нежданная гостья, чей пріятный приходъ приноситъ мнѣ радость! О, какъ я тебѣ благодаренъ, Нефора, что ты рѣшилась навѣстить домъ мой въ такую тревожную и досадительную минуту! Я прошу тебя сказать мнѣ: что ты думаешь обо всемъ происходящемъ? я даю тебѣ мое слово, что рѣшусь только на то, что ты мнѣ присовѣтуешь.

Нефора отвѣчала, что ей извѣстно все, что происходитъ, и что она не находитъ въ этомъ положеніи ничего безвыходнаго.

— Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я бы ихъ всѣхъ обманула.

— Прекрасно; но какъ это сдѣлать?

— Исполни ихъ желаніе: вопроси христіанъ, могутъ ли они своей вѣрой сдвинуть гору и положить ее въ Нилъ, пока онъ разольется отъ Филэ и до моря?

— А если христіане не сдвинутъ горы?

— Что жъ за бѣда? Народъ надъ ними слегка посмѣется, можетъ-быть ихъ даже немножко и поколотитъ. Имъ это будетъ урокъ, чтобы они не кичились... Предотврати же малою уступкой и малою жертвой очень великія бѣды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять даннаго слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Разсужденіе Нефоры было согласно съ тѣмъ, что думалъ и самъ правитель. Онъ и самъ не видалъ никакого другого выхода и готовъ былъ на уступку, но еще продолжалъ немножко колебатся, какъ вдругъ случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушеніямъ Нефоры. Въ то

самое время, какъ Нефора съ нимъ говорила, на площади, со стороны Иглъ Клеопатры, показались три замѣчательныя фигуры, которыхъ и видъ, и движенія, — все было необыкновенно.

Это были три человѣка, изъ которыхъ двое очень высокаго роста, а третій толстякъ. Это были жрецы, „столпы нерушимой вѣры народной.“

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Толпа, увидѣвъ жрецовъ, тотчасъ же разступилась передъ ними, и они прошли черезъ нее совершенно свободно. Чего никакими усиліями не могли достичь правительскіе биченосцы, то вдругъ сдѣлалось само собою при появленіи длинноволосыхъ париковъ и костыля съ разинутою пастью крокодила. Жрецы шли черезъ толпу, какъ по улицѣ, ни до кого не касаясь; жрецы точно не входили, а вплыли на широкое мраморное крыльцо правительскихъ палатъ и прямо приткнулись вплотную тѣломъ и лицами къ его тяжелымъ бронзовымъ дверямъ. Всѣ трое въ-разъ они ударили въ эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влипли въ мѣдь и какъ будто знали, что они должны вскорѣ ее проникнуть на какой-то всенизвергающей волнѣ. Волна эта неслась за ними и несла ихъ. Народъ хлынулъ за своими жрецами и наперъ такъ сильно, что мгновенно сдавилъ и себя, и жрецовъ. Раздались страшные крики однихъ, которые наступали, другихъ, которыхъ въ толпѣ давили.

Дуназъ и его отецъ, и всѣ остолбѣли, а Нефора махнула изъ окна своимъ голубымъ покрываломъ, и когда послѣ этого знака крикъ на мгновеніе затихъ, она сказала народу:

— Отступите съ крыльца! Правитель сейчасъ приметъ вашихъ жрецовъ и сдѣлаетъ все, что можно сдѣлать, чтобы Нилъ скорѣе разлился.

Народъ отступилъ отъ крыльца, а жрецы вошли въ открытыя для нихъ двери и черезъ малое время вышли изъ дома правителя и объявили собравшимся людямъ, что правитель сейчасъ же пошлетъ къ христіанскому патріарху и повелитъ ему исполнить то, о чемъ проситъ встревоженый народъ, т. е. сдѣлать общее моленіе о томъ, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецовъ. Площадь опустѣла, и толпы отодвинулись къ окраинамъ.

Возбужденіе въ Александріи только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находилъ за самое лучшее дѣйствовать не прямо, а съ хитростью: онъ, въ одно и то же время, послалъ императору донесеніе о безпорядкахъ, и просилъ поддержать его присылкою вспомогательной военной силы, а въ ожиданіе этого пособія рѣшился мирволить народнымъ требованіямъ настолько,

чтобы пожертвовать имъ спокойствіемъ и жизнью нѣсколькихъ христіанъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чтобы дать удовлетвореніе взбунтовавшейся черни и здѣлать затруднительнымъ положеніе патріарха, правитель тотчасъ же позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, велѣлъ ему взять въ руки букетъ цвѣтовъ и идти къ христіанскому патріарху съ порученіемъ разсказать ему все, что случилось, и попросить его: дѣйствительно ли есть въ ученіи христіанъ такое увѣреніе, что по вѣрѣ ихъ гора можетъ сдвинуться и идти въ воду? Если же патріархъ скажетъ, что это есть, то просить патріарха, чтобы онъ для всеобщаго блага всѣхъ жителей Египетской страны, повелѣлъ своимъ пресвитерамъ начать объ этомъ общее моленіе и самъ приняль въ томъ участіе.

Патріархъ же еще ранѣе зналъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ, и, имѣя въ свитѣ правителя людей, постоянно былъ ими обо всемъ извѣщаемъ. Такъ извѣстился онъ также заранѣе и о наряженномъ къ нему посольствѣ.

Патріархъ еще раньше обмыслилъ, что затѣю, которую выдумалъ хитрый Пеохъ, прямо отклонить невозможно, и длятого послу онъ отвѣчалъ, что для вѣры нѣтъ ничего невозможнаго, но онъ, патріархъ, имѣетъ только общее, высшее попеченіе, а въ Александріи имъ поставленъ отдѣльный епископъ и поэтому пусть къ тому и идутъ, и ему пусть скажутъ, чтобы онъ сдѣлалъ все, что нужно

Епископъ жилъ далеко на окраинѣ и не зналъ, что сдѣлалъ патріархъ.

Когда воины пришли за епископомъ не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его къ правителю, который прямо и безцеремонно вопросилъ его, дѣйствительно ли въ ученіи христіанскомъ сказано, что съ христіанскою вѣрой возможно здвинуть гору? И когда правитель получилъ въ отвѣтъ, что упоминаніе объ этомъ дѣйствительно есть, то онъ не захотѣлъ ничего больше слушать, а сказалъ:

— Вотъ я тебѣ назначаю сроку три дня. Собери всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ людей, и явитесь рано утромъ отнынѣ на третій день. Смотрите, чтобы гора непремѣнно сошла съ своего мѣста и опустилась въ воду; а если вы этого не сдѣлаете, вамъ будетъ худо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Епископъ оробѣлъ и сталъ плакать.

Правитель сжалился надъ епископомъ и отпустилъ его, строго сказавъ:

— Не рыдай. Оставъ здѣсь списокъ твоихъ христіанъ и иди собирай ихъ. Я сейчасъ пошлю во всѣ концы города гла-

шателевъ объявить всему народу, что общее желаніе будетъ исполнено и пусть никто не унываетъ, а всѣ пусть собираются итти къ горѣ Адеръ смотрѣть, какъ она сойдетъ съ своего мѣста и запрудитъ Нилъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Епископъ поклонился и вышелъ. Нефора, давъ ему отдалиться отъ прочихъ, нагнала его у двери и сказала:

— Старикъ! я должна тебя предупредить.

— Въ чемъ?

— Ты поименовалъ не всѣхъ надежныхъ и достойныхъ вниманія людей твоей вѣры!

Епископъ подумалъ, стараясь припомнить, и отвѣтилъ:

— Ручаюсь тебѣ, что я никого съ умысломъ не скрывалъ и другихъ христіанъ не помню.

— Нѣтъ, ты одного укрываешь!

— Скажи мнѣ, какъ его имя?

— Его имя Зенонъ.

— Нѣтъ мы его своимъ не считаемъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Утро слѣдующаго дня, который предшествовалъ сдвиганію горы христіанами и вступленію войскъ для усмиренія жителей, было пасмурное, что рѣдко случается въ эту пору года въ Египтѣ. Дулъ вѣтерокъ и по небу слегка обозначались зачатки перистыхъ облачковъ. Людямъ, которые собирались къ Адеру, было легко и удобно отправляться туда и тамъ устраиваться.

Отъ города до Адера, по направленію къ Канопскому гирлу Нила, было день пути Путь этотъ совершался какъ прогулку для большого удовольствія. Въ огромной толпѣ чисто египетскаго народа было множество заѣзжихъ разностранцевъ и осѣлыхъ чужеземныхъ нашельцевъ По дорогѣ люди подвигались безконечною вереницей; одни ѣхали на ослахъ, другіе на верблюдахъ, третьи въ колесницахъ, запряженныхъ мулами, но всего болѣе было пѣшеходовъ. Шли старцы и взрослые мужчины и женщины Послѣднія тащили съ собою нагихъ дѣтей. Торговцы несли или везли на ручныхъ телѣжкахъ тяжелыя корзины съ рыбами, съ пряным, испеченнымъ мясомъ съ душистыми пряничными орѣхами и съ овощами, состоявшими большею частью изъ огромнѣйшихъ огурцовъ до фута длиною и изъ громадныхъ дынь, достигавшихъ до пуда вѣсомъ. Плоды эти были переложены листьями крапивы величиною въ двѣ человѣческія ладони. Другіе несли на головахъ огромные поливные сосуды почти въ ростъ человѣка. Узкія горла этихъ сосудовъ были заткнуты тоже свѣжими листьями крапивы и обвязаны пузыремъ. Въ этихъ сосудахъ содержалось сирійское вино, которое хотя было и грубо, но на простой вкусъ нравилось

не хуже, чѣмъ людямъ высшаго класа нравилось вино изъ Хіоса или отъ подошвы Везувія. Пекаря двигали передъ собою длинныя ручныя телѣжки съ хлѣбами, и у иныхъ наверху были привязаны таганы и котлы, и мѣшки съ рисомъ и чеснокомъ, чтобы варить на мѣстѣ похлебку. Все собиралось пить и веселиться, и торопилось на мѣсто, чтобы занять лучшую позицію. Съ нѣкоторыми были легкіе переносные шатры. Для богачей шатры были уже устроены ранѣе высланою къ Адеру прислугой, а большинство тащило свои легкіе шатры на ослахъ за собою. Особенно выдѣлялись группы, состоявшія изъ полунагихъ плясуновъ на канатѣ и фокусниковъ, которые тутъ же на ходу глотали живыхъ змѣй и дѣлали мимоходомъ другія удобныя представленія; но всѣхъ больше интересовали собою нарядныя цвѣточницы, кокругъ которыхъ неотступно вилась рѣзвая молодежь, увлекаясь прелестями и весельемъ этихъ нестрогихъ и прелестныхъ красавицъ. Самые знатные юноши, вырвавшись изъ города, гдѣ ихъ стѣсняли приличія, здѣсь чувствовали себя на свободѣ и не хотѣли уже ничѣмъ стѣсняться, а, напротивъ, предавались самымъ необузданнымъ увлеченіямъ своего возраста и темперамента. Цвѣточницы всѣ были молодыя женщины египетскаго типа, съ плосковатыми лбами, но живыя, веселыя, иногда остроумныя, красивыя, съ стройнымъ станомъ, пріятно округленными формами и замѣчательно упругимъ тѣломъ. Всѣ онѣ, какъ жрицы одного сладострастнаго культа, были въ бѣлыхъ, полупрозрачныхъ одеждахъ съ яркими цвѣтными каймами, и одежды эти держались у нихъ только на одномъ лѣвомъ плечѣ, оставляя всѣ руки и правую грудь вовсе открытыми. Но, впрочемъ, и все остальное ихъ тѣло сквозило изъ-подъ легкой прозрачной матеріи и раздражало взглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ панонскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсинныхъ цвѣтовъ и фіялокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты, и старались поймать и разломить брошенное имъ квитовое яблоко. Цвѣточницы подвигались впередъ не спѣша, останавливались, разбивали наскоро маленькіе и очень легкіе шелковые шатры, изъ которыхъ каждый могъ укрыть только двухъ человѣкъ. Подъ этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съѣсть вдвоемъ квитовое яблоко.

Потомъ маленькій шагеръ снова свертывали и клали на спину осла, юноша отъѣзжалъ въ сторону на своемъ панонскомъ конѣ съ остриженною гривой, а цвѣточница присоединялась къ своему табору, гдѣ подруги ее встрѣчали рукоплесканіями и снабжали ее новыми цвѣтами и новымъ цѣлымъ квитовымъ яблокомъ.

Такъ весело шли, подвигаясь къ горѣ Адеръ, несмѣтныя толпы всякаго рода жителей Алаксандріи, поспѣшавшія стать у Канопскаго гирла Нила наканунѣ дня, за которымъ должна была наступить послѣдняя водная ночь. Это люди хотѣли притти заблаговременно, устроиться табором и пропировать долгій вечеръ въ свѣжей атмосферѣ рѣки и вкусить здѣсь все, что имъ могли предоставить свобода и покровъ темной ночи.

Знатные люди, которымъ ихъ положеніе не дозволяло смѣшаться съ толпою въ этомъ веселомъ канунѣ, должны были выѣхать сюда только вечеромъ, чтобы прибыть на зарѣ и прямо занять мѣста на огромномъ амфитеатрѣ, построенномъ изъ бревенъ и досокъ, обитыхъ пестрыми тканями и коврами. Христіанъ же предположено было выслать подъ прикрытіемъ воиновъ и биченосцевъ въ полдень, такъ чтобы они прибыли къ горѣ Адеръ ранѣе правителя и знатныхъ особъ и не имѣли возможности устроить какой нибудь фальши, а равно не имѣли бы основанія и жаловаться на то, что имъ недостаточно дано времени помолится.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

По возвращеніи домой послѣ пира у правителя, гдѣ Нефора видѣлась и говорила съ епископомъ, она бросилась въ постель, но, несмотря на поздній часъ ночи, не могла заснуть: извѣстіе о томъ, что отвергшаго ее художника Зенона нѣтъ въ числѣ христіанъ, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всѣмъ вѣроятіямъ, всеобщему посмѣянію, поразило Нефору и отогнало отъ нея покой. Значитъ, все, что она затѣяла и устроила для отмщенія Зенону, сдѣлано напрасно; Зенона это ничо не коснется, а причинитъ тревогу и гибель только другимъ людямъ, совсѣмъ постороннимъ, которые лично передъ Нефорою ни въ чемъ не виноваты, а художникъ Зенонъ останется живъ въ прежнемъ покоѣ!.. И Пеохъ, и Бубаста своего достигнутъ, но Нефора ничего не достигнетъ, — она кругомъ обманута и все черезъ свою собственную необстоятельность. Проклятіе!

Это портитъ весь планъ Нефоры. Зенонъ ускользаетъ.. Завтра послѣдній день. Завтра подъ вечеръ надо ѣхать къ Адеру. Нефора отдала уже приказаніе своему домоправителю изготовить ей колесницы и ея рабыни разостлали на широкихъ коврахъ роскошный нарядъ, который будетъ украшать ее на одномъ изъ переднихъ мѣстъ амфитеатра. Нефора хотѣла перехитрить всѣхъ: и Пеоха, и Дуназа, и Бубасту, и самого правителя. Увѣренная въ томъ, что гора не сойдетъ съ своего мѣста и не пойдетъ въ воду, она была, несомнѣнно, увѣрена и въ томъ, что когда вѣра христіанъ будетъ этимъ унижена, то раздраженный и отчаянный народъ бросится на христіанъ и станетъ бросать ихъ въ Нилъ. Пеохъ и Бубаста дадутъ къ этому знакъ, и дѣло будетъ сдѣлано, а въ то самое время, какъ эти

погибнутъ, Зенонъ будетъ спасенъ, потому, что Нефора купила для него тайную охрану и помочь главы биченосцевъ. Его увезутъ къ ней въ имѣніе, дальше Пелузы, и она его найдетъ тамъ. Вѣдь она его любитъ, она хочетъ только унизить его вѣру, для которой онъ оскорбилъ ее, отвергнувъ предложенную ему любовь. У нея никто не отыщетъ Зенона; она его утаитъ отъ всѣхъ; онъ будетъ ея невольникъ, ея рабъ и... ея любовникъ... Или она будетъ его томить, терзать, мучить и... Она не знаетъ сама, чѣмъ это кончится, но это дасть цѣну всей ея жизни... И вотъ вдругъ и совершенно неожиданно послѣ того, что она узнала отъ епископа, все это выйдетъ не такъ. Напрасно утопятъ много людей, а Зенонъ останется съ своею особенною вѣрой, которая, по увѣренію епископа, совсѣмъ даже и не то, что ихъ настоящая христіанская вѣра. И эта ошибка непоправима, — времени нѣтъ...

Но Нефора постановила еще разъ попытаться сдѣлать Зенона причастнымъ и тому, что ожидалось. Она позвала служанку, быстро одѣлась и велѣла, какъ можно скорѣе, подвести ей къ крыльцу осѣдланнаго мула.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Нефора покрылась темнымъ покрываломъ и велѣла проводнику вести мула по дорогѣ къ Мареотидскому озеру, гдѣ на берегу жилъ христіанскій епископъ.

На одномъ поворотѣ мимо глазъ Нефоры что-то мелькнуло и въ то же время проводникъ на нее оглянулся значительнымъ взглядомъ.

— Что это? — спросила Нефора.

— Это нильскія ласточки.

— Такъ что же?

— Онѣ поспѣшаютъ.. и держатся близко къ землѣ...

— Что жъ это значитъ?

— Это бываетъ когда.. Но позволь, госпожа, я слышу большое движеніе... Позволь переждать здѣсь минуту... Народъ нынче ночью принесъ въ жертву чернаго ягненка у фарроской пещеры Пеоха и теперь провожаетъ старца.. Народъ ночевалъ у пещеры Пеоха и теперь сопровождаетъ его толпою: тебя могутъ обидѣть, если ты не повелишь мнѣ остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человѣку.

Остановись и пропусти ихъ

И Нефора видѣла, какъ передъ нею прослѣдовалъ на бѣломъ верблюдѣ темнолицый, исхудалый, лобастый мемфитъ, окруженый несмѣтною толпой самой набожной черни.

Пеоха провожала фанатическая толпа мрачно глядѣвшихъ полунагихъ мужчинъ и женщинъ, которыя безпрестанно поднимали надъ своими головами грудныхъ дѣтей, чтобы они могли видѣть Пеоха.

Нефора видѣла и изнеможденное тѣло нагого мемфита, и страшный взглядъ его глазъ съ больными вѣками и сверкавшими бѣлками.

Въ этой толпѣ сзади всѣхъ, верхомъ на старомъ верблюдѣ, сидѣла баба Бубаста; передъ нею на сѣдлѣ былъ взвязанъ еще живой черный баранъ съ вызолоченными рогами, среди которыхъ сверкалъ привязанный жертвенный ножъ.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда месть совершится у Канопскаго гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на ножъ и сказала:

— Мсти за себя, а въ каменоломѣ услышатъ о мщеніи Бубасты.

Глядя на бабу Бубасту, всякій могъ бы признать справедливое замѣчаніе египетскаго царя Амазиса: „жены Египта мстивы и смѣлы; легче имѣть дѣло съ раздраженною львицей, чѣмъ съ обиженной египтянкой".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Нефора, пропустивъ шествіе, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имѣвшіе приказаніе отъ правителя: впускать только тѣхъ, кто самъ назоветъ себя христіаниномъ.

Чтобы пройти на дворъ епископа, Нефорѣ оставалось одно средство — назвать себя христіанкой, что она и сдѣлала, и воины, сторожившіе входъ во дворъ, тотчасъ же ее пропустили, оставивъ снаружи подъ деревомъ ея мула и провожатаго.

Пробиваясь черезъ толпу людей, тѣснившихся въ неопредѣленномъ состояніи на дворѣ, Нефора видѣла множество плачущихъ женщинъ и дѣтей, и сердце ея сжалось; но когда она съ усиліемъ достигла въ покои епископа, увидала его окаменѣлое равнодушіе. Увидѣвъ Нефору, онъ не выразилъ никакого особеннаго движенія и тотчасъ же перевелъ глаза на другой предметъ.

Я пришла къ тебѣ по важному дѣлу, — заговорила, нѣсколько поспѣшая и оглядываясь по сторонамъ Нефора.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что съ вами случится, если вы не здвинете гору.

Окружавшіе епископа пресвитеры, услыхавъ такія сердобольныя слова, тихо толкнули другъ друга и прошептали:

— Ее надо выслушать.

— Говори же при нихъ; они всѣ хотятъ тебя слушать! — отозвался епископъ.

Нефора, увидавъ, что епископъ не избѣгаетъ присутствующихъ, и сама не стала таиться, и заговорила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами человѣка, который вамъ могъ бы оказать всего болѣе пользы въ эту пору.

— Кто же онъ такой? Вѣроятно, онъ не нашъ, или онъ теперь отрекся?

— Нѣтъ, онъ преданъ христіанскому ученію и онъ не таковъ, чтобы отречься.

— Назови же скорѣй его имя.

— Художникъ Зенонъ.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, какъ всѣ заговорѣли наперебой:

— Какъ?,. знаменитый Зенонъ—златокузнецъ?

— Зенонъ, пріятель знатныхъ людей?

— Первый мастеръ въ Египтѣ? Зенонъ, въ которомъ живетъ душа Ѳеодора, скульптора царя Амазиса?

— Зенонъ, кривой, съ повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ потерялъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины?

— Да, да, да; это онъ, тотъ самый Зенонъ, — Зенонъ златокузнецъ, котораго знаетъ и привѣчаетъ вся знать, въ которомъ воскресло искусство скульптора паря Амазиса; это Зенонъ съ голубою повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ утратилъ вдругъ и отъ никому неизвѣстной причины. Онъ скрываетъ эту причину...

Да, да; онъ не говоритъ о ней никому.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Одъ долженъ ее скрывать... А я ее знаю! сказала Нефора.

— Она знаетъ причину, которую отъ всѣхъ скрываетъ Зенонъ' Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идетъ теперь къ нашему положенію и къ нашему дѣлу.

— Нѣтъ, именно это идетъ теперь къ вашему дѣлу. Зенонъ—тотъ человѣкъ, который вамъ нуженъ.. Зенонъ васъ можетъ спасти!

— Что она говоритъ? Что говоритъ вамъ госпожа? — закричали на дворѣ люди, толпившіеся у веранды.

Нефора мгновенно встала на кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшеніе его спинки, подняла другую свою руку кверху и громко сказала:

Молчите!

Гулъ народа утихъ и всѣ замолчали.

— Хороша я? — спросила Нефора.

Ей никто ничего не отвѣтилъ.

— Я не прельщать васъ пришла, но хочу разсказывать вамъ о дѣлѣ.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь! — раздались голоса изъ народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страхъ въ виду неминуемой смерти, — произнесъ голосъ вблизи самаго кресла, на которомъ стояла Нефора.

— Но все это безсильно было надъ тѣмъ, кого я назову вамъ: Зенонъ художникъ пренебрегъ моею красотой для словъ вашего Бога... Онъ оттолкнулъ меня и, чтобы не видѣть моей красоты, которую я ему отдавала, онъ вонзилъ при мнѣ ножъ себѣ въ глазъ. Вотъ отчего окривѣлъ вашъ Зенонъ—златокузнецъ, вотъ какъ сильна его вѣра! Зовите скорѣе его, и если не ложно, что человѣкъ съ вѣрою можетъ сдвинуть гору, то Зенонъ сдвинетъ гору.

Да, да кто такъ твердъ, какъ Зенонъ, тотъ сдвинетъ гору!.. Гдѣ же онъ, гдѣ? Мы призываемъ Зенона!

Тогда Нефора сказала дьякону:

Напиши поскорѣе извѣстіе Зенону и брось свитокъ со стѣны моему рабу, который стоитъ съ осѣдланнымъ муломъ подъ деревомъ по ту сторону запертыхъ воротъ. Пусть онъ спѣшитъ къ Зенону, не жалѣя мула, и вы увидите, что прежде чѣмъ придутъ биченосцы, чтобы гнать васъ оцѣпленными веревкою къ Адеру, Зенонъ будетъ здѣсь, и сердца ваши утѣшатся, а я остаюсь съ вами залогомъ моего обѣщанія.

Все такъ и сдѣлалось, какъ сказала Нефора. Волненіе народа было такъ велико, что ни епископъ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались и надъ всѣмъ положеніемъ царила Нефора, на которую всѣ хотѣли смотрѣть и ее слушали. Дьяконъ нашелъ трость и папирусъ и написалъ дрожащею рукой: „Зенонъ! Люди въ смертной бѣдѣ тебя призываютъ. Приди, облегчи или раздѣли съ ними ихъ участь.“ Рабъ Нефоры съ этою запиской поѣхалъ къ Зенону, и всѣ стали ждать: придетъ ли художникъ и будетъ ли приходъ его во-время, прежде чѣмъ прибудетъ отрядъ биченосцевъ, которые выгонятъ ихъ къ горѣ Адеръ?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Встревоженные люди безпрестанно мѣняли свое настроеніе, переходя отъ надежды къ отчаянію; то они вѣрили, что Зенонъ придетъ, и при немъ, какъ при человѣкѣ, который хорошо знакомъ всѣмъ знатнымъ людямъ, суровость правителя измѣнится, то говорили: „Что можетъ заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбѣ?“ Епископъ и его приближенные люди тоже считали это совсѣмъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что они и не считали Зенона за христіанина.

— Онъ, — разсуждали они: — знаетъ, что мы съ нимъ не согласны Ему нѣтъ дѣла до чуда, котораго отъ насъ требуютъ. Онъ не пойдетъ съ нами на муки.

Въ этихъ сомнѣніяхъ прошло довольно времени и унынie усиливалось, а за часъ до полудня люди, глядѣвшіе въ городъ со стѣни, замахали руками и закричали:

— Идутъ биченосцы!.. — и многіе упали въ страхѣ на землю.

Но одинъ человѣкъ, который не успѣлъ соскочить вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ, что съ другой стороны во весь скокъ несся верхомъ на красногнѣдомъ конѣ молодой статный всадникъ съ непокрытою головой, остриженною по греческой модѣ, и съ повязкой черезъ лѣвое око.

— Братя! — воскликнулъ увидѣвшій всадника человѣкъ: — мы спасены: къ намъ скачетъ Зенонъ - златокузнецъ.

И Зенонъ въ самомъ дѣлѣ опередилъ биченосцевъ, бросилъ поводья коня, соскочилъ и вскричалъ громко стражѣ:

— Откройте двери и впустите меня: я христіанинъ; я хочу быть съ тѣми, которые будутъ страдать!

Ворота раскрылись и стража впустила Зенона.

Толпа христіанъ мгновенно его окружила и всѣ старались ему наперерывъ говорить, а онъ не могъ никому отвѣчать и шелъ между ними спокойно и тихо всѣмъ повторялъ:

— Не бойтесь!.. Христосъ посреди насъ... Почтимъ слова Его послушаніемъ.. Умремъ за нашего Учителя!

— Умремъ, если нужно, умремъ! — прокатило въ народѣ.

Зенонъ сталъ обнимать и цѣловать людей направо и налѣво.

Нефора смотрѣла на Зенона съ высоты террасы и любовалась спокойствіемъ его походки и движеній его рукъ, которыми онъ то обнималъ, то ласкалъ людей, бросавшихся къ нему со стенаньемъ и воплями.

Душа этого человѣка точно не знала страха и Нефорѣ казалось, что она видитъ не мученика, который готовится встрѣтить скоро униженіе и смерть, а актера. — такъ всякое движеніе Зенона было красиво и нѣжно, а въ то же время исполнено достоинства и силы.

Увидѣвъ Нефору, Зенонъ на мгновенье остановился. Присутствіе ея здѣсь удивило его, но онъ тотчасъ же оправился поднялъ руку къ своему выколотому глазу, поправилъ повязку и пошелъ безостановочно дальше въ покои, гдѣ былъ епископъ. Тамъ Зенонъ оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказалъ:

— Братья и сестры! если силенъ и бодръ духъ, въ васъ живущій, пусть насъ не ведутъ, — пойдемъ лучше сами. Я извѣстенъ правителю и сейчасъ пойду къ нему и упрошу его, чтобы онъ дозволилъ намъ идти къ горѣ Адеру однимъ, безъ надзора его биченосцевъ.

— Это зачѣмъ же? проговорило нѣсколько голосовъ

— Для того, чтобы всѣ видѣли, что мы идемъ доброю волей, а не по принужденію.

Люди молчали, но изъ толпы вышелъ одинъ шерстобитъ, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши въ лицо Зенона, сказалъ:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись что мы пойдемъ сами.

— Я не знаю, какъ ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Намъ не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизимъ имени Христова.

Тогда всѣ закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, братъ Зенонъ, иди и давай за насъ слово, что мы не посрамимъ имени Христова.

— Но только вернешься ли ты самъ къ намъ? — спросилъ Малафей шерстобитъ

Зенонъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ бы я могъ вамъ оставить заложниками; но я не лгу: я—христіанинъ.

— Страхъ дѣйствуетъ на всякаго, и было бы лучше, если бы ты оставилъ заложника.

— Я остаюсь залогомъ, что Зенонъ вернется! — вскричала Нефора.

Зенонъ на нее оглянулся и молвилъ:

— Благодарю тебя. Мнѣ нуженъ всего только одинъ часъ времени. Но если случится...

— Елси ты черезъ часъ не вернешься, пусть они растерзаютъ меня на этомъ помостѣ, — досказала Нефора.

Зенонъ протянулъ ей руку и пожалъ ее сердечнымъ пожатіемъ.

Стража выпустила Зенона съ однимъ изъ биченосцевъ, но еще до истеченія часа художникъ вернулся одинъ, имѣя въ рукахъ папирусъ, на которомъ для христіанъ написанъ былъ пропускъ къ горѣ безъ всякаго караула.

Биченосцы предъ нимъ раскрыли ворота, и они вышли свободно. Впереди шелъ больной епископъ, а его подъ руки поддерживали Зенонъ и женщина въ темномъ покровѣ.

Это была Нефора.

Пока они шли городомъ, она не поднимала съ голови своего покрывала, и многіе спрашивали: кто это такая? Христіане же, проходя, отвѣчали: это новая христіанка! Но потомъ сами себя спрашивали: гдѣ и когда эта женщина крестилась? Какъ ея христіанское имя? Зенонъ долженъ знать о ней все, но неизвѣстно и то, гдѣ принялъ вѣру Зенонъ... Только теперь неудобно было ихъ разспрашивать, такъ какъ они идутъ впереди бодрѣе всѣхъ и на ихъ плечи опирается ослабѣвшій епископъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Межъ тѣмъ какъ свободно вышедшіе христіане пошли къ горѣ Адеру, передъ вечеромъ изъ Александріи выступала въ томъ же направленіи къ Канопскому гирлу третья група путешественниковъ. Эта опять представляла собою совсѣмъ не то, что шумный таборъ ткачей и шерстобитовъ и веселыхъ зрителей съ фокусниками, плясунами и цвѣточницами, и не то, что представляла собою вышедшая вторая кучка пріунывшихъ хри-

стіанъ. Теперешняя группа отличалась важностью; это были знатныя лица и ихъ свита.

Впереди всѣхъ показались изъ воротъ на канопской дорогѣ египетскіе и греческіе воины, взаимно ненавидѣвшіе другъ друга; за ними куцы; затѣмъ жрецы въ широкихъ шейныхъ украшеніяхъ, въ повязкахъ и съ фальшивыми черными локонами, ниспадавшими на ихъ шеи и на спины. За длинноволосыми жрецами, также въ строгомъ порядкѣ, шли другіе жрецы, у которыхъ головы были тщательно выбриты За этими, отступя, шелъ старшій жрецъ, у котораго сіялъ на груди сафирный амулетъ.

За этою чрезвычайно большою вереницей пѣшихъ людей слѣдовалъ самъ правитель на прекрасномъ низейскомъ конѣ, у котораго хвостъ и грива были подстрижены, а самъ конь весь искусно выкрашенъ голубой краской.

Самъ правитель былъ въ красномъ съ золотомъ широкомъ и длинномъ плащѣ, а сѣдло, и узда, и поводья его коня всѣ тиснены золотомъ и съ золотою бахромой.

За нимъ слѣдовала его колесница изъ чернаго дерева съ слоновою костью, съ серебрянымъ дышломъ и такою же серебряною оковкой колесъ. Въ эту колесницу была впряжена четверка вороныхъ коней — прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ коней фараоновъ. Ихъ сбруя была изъ золотистаго шелка, а ихъ остриженныя гривы и челки покрыты тончайшими золотыми сѣтками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не могъ отыскать передъ выѣздомъ, и ея внезапное исчезновеніе смущало правителя, и было предметомъ толковъ у знати. За пустою колесницей Нефоры слѣдовало множество другихъ, также парадныхъ закрытыхъ колесницъ, въ которыхъ ѣхали женщины, и потомъ музыканты и барабанщики, и сзади всѣхъ опять въ высокихъ колпакахъ биченосцы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Толпы народа, выступившія раньше, чѣмъ вышелъ великолѣпный дворъ правителя, пришли къ назначенной горѣ не одновременно и расположились различно. Веселая толпа, имѣвшая среди себя цвѣточницъ, музыкантовъ, продавцовъ рыбы и фокусниковъ, пришла не первая. Ее опередили люди приплывшіе сюда на судахъ, которыя стояли уже на рѣкѣ въ виду горы Адеръ. Богатые люди, приплывшіе на ярко-раскрашенныхъ судахъ, съ крокодилами на носахъ и подъ парусами пурпурнаго и голубого цвѣта, размѣстились въ амфитеатрѣ; а бѣдные люди, приплывшіе на толстодонныхъ ладьяхъ подъ парусами изъ сѣраго или коричневаго полотна, расположились прямо на землѣ. Это былъ огромный чернорабочій лагерь, въ сторонѣ отъ обитыхъ коврами деревянныхъ скамей и навѣсовъ, устроенныхъ для ожидаемой большой публики. Чернь и гуляки, которые дошли

сюда таборомъ, не искали сближенія со знатью. Они находили въ самыхъ себѣ довольно всего, что нужно было для ихъ забавы и радости. Таборъ ихъ теперь представлялъ чрезвычайно большое оживленіе: здѣсь пылали костры, кипѣли котлы съ рыбой, пили вино и плясали; фокусники лили изъ одного сосуда воду и кровь, пускали изъ рукава лебедей, а когда народъ слишкомъ надвигалъ на нихъ и стѣснялъ ихъ арену, они бросали на землю вишневые жезлы, собранные изъ мелкихъ штучекъ, искусно нанизанныхъ на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конецъ, то жезлы изгибались и вертѣлись какъ змѣи. Народъ разбѣгался съ крикомъ и хохотомъ. Два или три эѳіопа изъ „дряннаго народа Кушъ“ водили красивыхъ и проворныхъ верблюдовъ изъ породы „мегари“ и заставляли ихъ танцовать. На тѣхъ, кто не умѣлъ оцѣнить искусства верблюдовъ, эти ученыя животныя умѣли плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщій хохотъ. Но танцы мегари больше всего привлекали только дѣтей и женщинъ. Мужчины всякаго возраста наперебой рвались къ палаткамъ цвѣточницъ. Въ широко раскинувшемся таборѣ слышались самые разнообразные музыкальные звуки: здѣсь гудѣли сильныя мидійскія трубы, тамъ раздавалась нѣжная фригійская флейта; въ третьемъ мѣстѣ бряцали іудейскіе кимвалы и рокотали арфы; можно было отличать также звуки пафлагонскихъ тамбуриновъ, сирійскихъ бубновъ, индійскихъ раковинъ и арійскихъ барабановъ. Среди пришлыхъ горожанъ ходили крестьяне изъ ближнихъ мѣстъ; эти были одѣты въ неподпоясанныя длинныя рубашки, и носили въ кувшинахъ на продажу свѣжую воду. Появились также, какъ на ристалищѣ, закладчики: они тихо разъѣзжали на старыхъ ослахъ съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ спорщики, державшіе пари за ту или другую сторону, записывали предлагаемые заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; всѣ они были совершенно равнодушны къ тому, что случится, и предлагали идти объ закладъ и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другіе заклады: за то, напримѣръ, разрѣшитъ ли правитель избить всѣхъ христіанъ, когда гора не пойдетъ, или онъ велитъ бросить въ Нилъ только одного изъ нихъ — самаго главнаго, а остальныхъ всѣхъ пошлетъ съ приговорами за поясами въ гранитныя каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другіе — за другое. Портовый, международный городъ выдвинулъ весь свой пестрый сбродъ, и все это, вмѣстѣ съ сверканіемъ огней, конскимъ ржаніемъ и съ криками разгулявшагося на просторѣ народа, производило опьяняющее впечатлѣніе. Все это поднималось и рдѣло, какъ воспаленный нарывъ, которому нужно гдѣ то прорваться. Ночь улетала въ дикомъ разгулѣ; многіе, упившись виномъ, спали у догоравшихъ костровъ; другіе еще не спали, но и не замѣчали, какъ на небѣ нѣсколько разъ скралась луна. Надо было еще что-нибудь, чтобы совсѣмъ отвести глаза въ темный уголъ. И вотъ это случилось.

Подъ шелковою палаткой одной изъ цвѣточницъ послышался раздирающій вопль и вслѣдъ за тѣмъ что то тяжелое рухнуло между палатокъ. Это одинъ человѣкъ могучею рукою убилъ другого и вибросилъ на землю его мертвое тѣло. Послышался крикъ: „убиваютъ эллины!“ другимъ показалось, будто „убиваютъ эллиновъ“. Мгновенно призывные крики покрыли всѣ музыкальные звуки, сверкнули ножи, люди бросились другъ на друга; биченосцы спросонья напрасно старались возстановить покой и порядокъ. Безпощадно убиваемые люди падали подъ ударами эллинскихъ ножей и еще больше подъ ударами тупыхъ египетскихъ кольевъ. И все это произошло въ густой тьмѣ, при сильномъ шумѣ налетѣвшей внезапно бури и при ужасномъ, не обыкновенномъ трескѣ, который раздался съ рѣки, гдѣ стояли прибывшія плоскодонныя суда съ ибисовыми носами и длинными рыбьими хвостами вмѣсто кормы. Страшный вѣтеръ развелъ большое волненіе, и суда взметались, ударяясь одно о другое; ихъ ибисовые носы и рыбьи хвосы ломались, а высокія мачты, качаясь, махали неубранными парусами, какъ сражающіеся великаны. Наконецъ зарѣяли молоньи, загремѣлъ громъ и ударилъ ливень, какъ будто цѣлый океанъ упалъ съ неба на землю. Съ горъ помчались сокрушительные потоки, въ долинахъ все обхватило и залило водою.

Пеохъ и его узувѣры, которые обошли общее мѣсто и удалились въ ровъ, гдѣ хотѣли быть скрыты до времени, когда христіане примутъ тотъ срамъ, для котораго Пеохъ научилъ ихъ вывести, подверглись самой большой опасности. Ихъ черный ягненокъ съ жертвеннымъ ножомъ между рогами былъ у нихъ отнятъ мутными волнами, и самимъ имъ угрожала смерть въ тѣхъ же волнахъ хлынувшихъ со всей горы Адеръ.

Знатные путники още не достигли горы, когда разразилась буря. Ливень засталъ ихъ на открытомъ полѣ, гдѣ они были облиты и лежали въ водѣ, не чая конца наводненію.

Въ положеніи христіанъ было нѣчто гораздо болѣе сложное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Отрядъ христіанъ шелъ, такъ сказать, истаевая. Отъ самыхъ Канопскихъ воротъ, черезъ которыя они вышли изъ города, число слѣдующихъ за епископомъ все уменьшалось, а число отстающихъ увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могутъ дальше идти отъ болей въ ногахъ или отъ рѣзи въ желудкѣ, а другіе просто садились и плакали. Не было никакой возможности заставить ихъ идти далѣе. Шерстобитъ Малафей подалъ мнѣніе, чтобы для страха другимъ пришибить притворщиковъ камнемъ, но Зенонъ за нихъ заступался и говорилъ, что никого не надо неволить.

Тогда Малафей шерстобитъ повернулся и пошелъ назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ то же самое сдѣлали и другіе, незадолго передъ этимъ стремившіеся побивать камнями тѣхъ, которые, о-

слабѣвая отъ страха, отставали ранѣе. Остальные же христіане въ небольшомъ числѣ шли цѣлый день и къ ночи достигли Канопскаго гирла. Тутъ и стоитъ гора Адеръ. Она съ одной стороны возвышается холмистымъ плоскогорьемъ, а съ другой, обращенной къ рѣкѣ, у нея крутой гребень, выступы, рвы и обрывы.

Съ пологой стороны она покрыта рѣдкою порослью по песку, а сторона, обращенная къ рѣкѣ, вся совершенно безжизненна.

Когда христіане пришли, Зенонъ тихо отдѣлился отъ толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошелъ къ вершинѣ горы.

Отойдя такъ далеко, какъ можно сильною рукой два раза перебросить швырковый камень, онъ сѣлъ на землю и сталъ призывать въ свою душу необходимое въ рѣшительную минуту спокойствіе. Онъ вспоминалъ Христа, Петра, Стефана и своего Учителя, какъ они проводили свои предсмертныя минуты, и укрѣплялъ себя въ рѣшимости завтра ранѣе всѣхъ взойти одному на гребень горы, призвать мужество въ душу свою, стать на виду собравшагося народа и ожидать, что будетъ.

Вдругъ Зенонъ, погруженный въ глубокую думу, вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія нѣжной руки къ его волосамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Зенонъ поднялъ голову и увидалъ возлѣ себя Нефору.

— Что тебѣ опять отъ меня нужно? — спросилъ ее Зенонъ.

— Раньше мнѣ нужна была твоя любовь, а съ той поры, когда ты отвергъ меня, мнѣ стала нужна твоя гибель.

— Да проститъ тебѣ Небо злое желаніе; но если тебѣ нужна была моя гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество другихъ людей?

— Я ненавижу всѣхъ людей твоей вѣры; я хочу, чтобы всѣ вы сразу были осмѣяны въ томъ, во что вы вѣрите, и это уже достигнуто.

— Увидимъ.

— Ну, оставь вздоръ! Развѣ всѣ самые лучшіе люди ваши не сомнѣваются? Развѣ они не разбѣжались, а остальные не ищутъ возможности скрыться? И ты самъ теперь отдалился развѣ не съ тою же цѣлью, чтобы скрыться отъ прочихъ и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю, ты долженъ сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своихъ единовѣрцевъ, и я рада, что дождалась этого и могу спасти тебя; слѣдуй скорѣе за мною. Я приготовила все, чтобы спасти тебя отъ позора и смерти.

— А тебѣ развѣ извѣстно, что насъ непремѣнно ждетъ смерть и позоръ?

— Безъ сомнѣнія! — отвѣчала Нефора; — вѣдь гора не пойдетъ съ своего мѣста и не загородитъ Нила, чтобы поднять

его воды, а разгнѣванный народъ побьетъ васъ камнями или побросаетъ въ рѣку. Бѣжимъ, слѣдуй за мною; любовь моя скроетъ тебя и будетъ твоимъ утѣшеніемъ!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намѣренъ бѣжать! — отвѣтилъ Зенонъ, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Я исполню мой долгъ и умру, если нужно.

Нефора опустилась и сѣла возлѣ него на землю и проговорила:

— Тогда и я здѣсь останусь съ тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь безъ тебя мнѣ незносна. Знай: я въ отчаяніи обѣщала правителю выйти замужъ за его сына, а между тѣмъ, я не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Умереть съ тобою мнѣ отраднѣе, чѣмъ жить съ ненавистнымъ Дуназомъ. Пусть берутъ мое богатство, но себя я не отдамъ и умру вмѣстѣ съ тобою.

Зенонъ взялъ ея руку и тихо сказалъ:

— Я долженъ бы благодарить тебя за такія чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сдѣлать другое.

— Говори, я все для тебя сдѣлаю!

Въ голосѣ Нефоры стали слышаться слезы.

— Если Небу угодно, чтóбы черезъ часъ мы погибли, то умоляю тебя не губи себя вмѣстѣ со мною и не выходи замужъ за человѣка, въ которомъ нѣтъ ни разсудка, ни добраго сердца. Сдѣлай другое.

— Что же я должна сдѣлать?

— Послѣ насъ останется много сиротъ и старцевъ, которыхъ пошлютъ въ цѣпяхъ въ каменоломни, — останься жить и живи долго для нихъ. Подай мнѣ эту милостыню... обѣщай мнѣ это, Нефора, и я счастливо умру, передавъ тебѣ любовь мою къ страдающимъ людямъ!

При словѣ „любовь“ Нефора вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Еще разъ повтори это слово. О, Зенонъ! Еслибъ ты зналъ, какъ для меня сильно слово „любовь“!

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимаетъ всѣхъ въ одномъ сердцѣ.

— Отчего же ты не любишь меня, Зенонъ?

— Я не могъ принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушаніемъ къ словамъ моего Учителя и забыть Его просьбы для удовольствій плоти; но теперь, когда ты не та, какою была, а иная, когда ты укрѣпляешь, а не разслабляешь духъ мой, и обѣщаешь отдать себя дѣламъ любви, — теперь я люблю тебя, Нефора.

Нефора схватила обѣими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взялъ мое сердце... Я сдѣлаю все, чего ты желаешь, я стану жить съ тобой для добра... но лучше всего, все-таки, бѣжимъ отсюда: въ толпѣ есть люди, которые насъ укроютъ, мы уйдемъ и я буду твоей рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей безъ различія ихъ породы и вѣры; ты готова служить имъ, ты одного со мной духа, ты сестра мнѣ, мой другъ... Если хочешь, будь моя невѣста... Я счастливъ, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоимъ чуднымъ порывомъ, но я не побѣгу, я не скроюсь отъ тѣхъ, кто несчастливъ, и... я скажу тебѣ больше: я не дамъ унизить насмѣшкой Его... Того, Кого я зову моимъ Учителемъ и моимъ Господиномъ... Довольно Его унижали! Если я даже останусь одинъ — что, быть можетъ, случится, я одинъ взойду на гребень горы: пусть видятъ, кто Его любитъ.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно *для счастья людей*, потому что въ ученіи Его сокрытъ путь ко всеобщему счастію, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрить, Нефора, — *надо сдвинуть въ жизни что тяжелѣе и крѣпче горы*, и для того надо быть готовымъ на все, не считая, сколько насъ: одинъ или много.

— Ты не будешь одинъ, отвѣчала Нефора, и въ ея голосѣ почувствовалось волненіе и слезы.

Зенонъ опять взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Но отчего ты смутна и зачѣмъ грусть въ твоемъ голосѣ?

— Я боюсь отвѣчать тебѣ правду.

— Не бойся, отвѣть.

— Онъ... этотъ твой Учитель сталъ и стоитъ между мною и тобою... Ты Его любишь больше меня... Онъ меня отъ тебя отстраняетъ...

Зенонъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Нефора, — сказалъ онъ: — Тотъ, Кого я люблю, Тотъ, Кто могъ быть знатенъ и предпочелъ быть нищимъ, могъ уничтожить своихъ враговъ и вмѣсто того молился за нихъ, — Онъ никого не разлучаетъ, — Онъ соединитъ насъ и научитъ любви, возвышающей душу и сердце.

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не можетъ удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпѣливо. Мы съ тобою въ землѣ фараоновъ. Ночь сокрываетъ отъ насъ мѣста, на которыя я могъ бы тебѣ указать и сказать: тамъ городъ Онъ, тамъ пирамиды Гизеха, которыя видѣли Юзуфъ и Зулейка *). Зулейка любила Юзуфа мятежною страстью, такою же, какой ты дала надъ собою волю однажды. Она не боялась уронить себя

---

*) Зенонъ разсказываетъ исторію Іосифа и жены Понтифара такъ, какъ она передается въ египетскихъ преданіяхъ и въ „Коранѣ“ Магомета (Коранъ, гл. XII, стр. 21—111).

и своего мужа этою любовью. Юзуфъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ, конечно, красивѣй меня. Объ этомъ дошла до насъ ихъ чудесная повѣсть. Когда знатныя женщины укоряли Зулейку за то, что она любитъ Юзуфа, она дала этимъ женщинамъ по ножу и по апельсину, и когда онѣ стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего „раба". Юзуфъ вошелъ, и всѣ женщины обрѣзали себѣ руки и уронили свои апельсины... Но Юзуфъ тогда не любилъ прекрасную Зулейку и его не влекло къ ней потому, что Юзуфъ не любилъ лжи и обмана. Зулейка отмстила ему. Ему это пришло болѣе глаза. Юзуфа сокрыла темница, а Зулейка стала томиться и плакать, и когда умеръ ея мужъ, она бросила домъ свой и жила въ шалашѣ, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда объ этомъ услышалъ Юзуфъ, тогда согрѣлось сердце его и онъ пришелъ къ Зулейкѣ въ ея тростниковый шалашъ и сказалъ: „Ты добра, голубка моя, и будь мнѣ женой". Неужто такая любовь, по-твоему, хуже угарнаго чада туманящей страсти, которая быстро пройдетъ и оставитъ одно сожалѣніе? Любовь же того, кто можетъ сказать: „всѣмъ ты добра, моя голубка", — обѣщаетъ разумную жизнь, а не пылъ.. Суди же что лучше? вотъ и ты теперь... кротка и добра... ты не мятешься о томъ, чтобы всѣхъ превзойти на собраніи уборомъ; ты меня слушаешь тихо и, можетъ быть... скажешь: „Другъ мой, Зенонъ! я въ себѣ чувствую новое сердце. Будь силенъ и ничѣмъ не смущайся. Пусть будетъ, что будетъ: иди, куда тебя повлекутъ — на смерть или въ каменоломни, — Нефора твой другъ: она останется жить, она будетъ матерью всѣхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ оставятъ погубленные христіане..."

Оставь! о, оставь! я все это сдѣлаю и все для тебя.

— Нѣтъ, для Того, Кого я люблю больше себя и Кому я хочу быть послушенъ во всемъ что мнѣ ясно и что непонятно.

— Пусть будетъ и такъ! Твой другъ я и раба твоего Господина!

Зенонъ привсталъ, тихо поцѣловалъ Нефору въ голову и сказалъ:

— *Теперь все совершилось, гора тронулась съ мѣста*

— Да, — отвѣчала Нефора: — и мнѣ показалось, что земля подъ ногами какъ будто качнулась...

— Ты очень устала, намъ время разстаться. Разсвѣтъ долженъ быть близко. Сѣрѣетъ, и я замѣчаю вдали крестьянина на спаржевомъ полѣ. Прощай, другъ мой, Нефора, — возвратись скорѣй въ городъ и обо мнѣ не заботься: я дѣлаю то, что я долженъ дѣлать; я не боюсь каменоломенъ; я художникъ, и меня не заставятъ катать гранитъ, а я буду выдѣлывать гатоновы головы... и я буду счасливъ тамъ, далеко въ изгнаніи, я буду вспоминать о тебѣ и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живешь для того, чтобы дѣлать добро людямъ. Еще разъ прощай и не слѣдуй за мною...

Но что это такое?.. Теперь вдругъ и мнѣ показалось, что вправду земля подъ ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясется земля!

— И я слышу гулъ... что-то трещитъ въ глубинѣ подъ горою... И когда собрались эти тучи! Огонь и вода падаютъ съ неба!..

Это была гроза, — столь рѣдкое явленіе подъ безоблачнымъ небомъ Египта, что Нефора ее даже не могла представить. Да и размышлять ни о чемъ не оставалось времени, потому, что на нихъ полилъ такой сплошной ливень, подъ которымъ только и осталось скорѣе упасть ницъ. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цѣльнымъ потокомъ, молніи рѣяли, громъ грохоталъ и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудѣла.

Зенонъ, поверженный ницъ, помышлялъ только о томъ: если таково здѣсь на горѣ, что нельзя встать и нельзя сдѣлать шага, то что же теперь должно происходить въ долинахъ, куда должны устремиться сбѣгающія съ горъ воды!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Болѣе часа водный океанъ изъ воздуха переливался страшнымъ потокомъ на землю; но едва стало тише, Зенонъ всталъ, поднялъ подъ локти безчувственную Нефору, прислонилъ ее къ камню и самъ бросился на гребень горы. Онъ опасался, чтобы не опоздать и не придти послѣднимъ туда, гдѣ всѣмъ было должно собраться; но когда онъ взбѣжалъ, то увидалъ, что никого изъ христіанъ еще не было, а самъ онъ не узналъ внизу знакомой картины: земля вся исчезла, а Нилъ былъ необъятенъ, какъ безбрежное море. По мутнымъ волнамъ неслись опрокинутые челноки, плыли хижины и цѣлыя пальмы, вывороченныя съ корнями, а у самой подошвы горы множество человѣческихъ существъ боролись и лѣзли одинъ на плечи другому, какъ раки въ гливяномъ горшкѣ.

Зенонъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Небесный Отецъ! пощади всѣхъ живущихъ! Ты далъ имъ понять, что Тебѣ все возможно, низведи же въ сердца ихъ любовь къ другимъ людямъ!

И когда онъ молился, онъ почувствовалъ, что гора взбухала, какъ губка, кремнистыя ребра ея впадали, а мягкая осыпь выпячивалась и покрывавшія ее плиты лопались и крошились... И вдругъ все всколебалось, оскретки мелкихъ камней брызнули, какъ изъ пращи, и сыпучіе оползни сунулися и поползли внизъ цѣлыми пластами.

— Зенонъ, гора движется, — услыхалъ Зенонъ у себя за плечами, и на руки его съ высоты упала Нефора.

Зенонъ оглянулся и увидалъ, что огромный отломокъ горы, на которомъ стоялъ онъ, отдѣлился и летитъ по скользкому склону въ воду.

— Будь Твоя воля надъ нами! — прошепталъ Зенонъ и прижалъ къ своей груди сомлѣвшую Нефору.

И глыба съ обоими съ ними катилась, а изъ волнъ и изъ разщелинъ горы люди кричали:

— Гора идетъ!... Гора идетъ! Великъ Богъ христіанскій! Сдвинулъ гору Зенонъ златокузнецъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Тогда всѣ хрустіане устремились на верхъ горы, откуда раньше спустились Зенонъ и Нефора, и увидѣли удивительную и совершенно новую картину, вовсе не ту, которую видѣлъ правитель, а иную: гора съ водой встрѣтились.. глинистый оползень, на которомъ спустились Зенонъ и Нефора, сталъ надъ самою поверхностью воды.. Къ нимъ подплыла барка съ шелковымъ парусомъ, на которой стоялъ персіанинъ, служитель Зенона. Онъ взялъ къ барку Зенона и Нефору, и барка снова отплыла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Нефора измѣнила свое рѣшеніе и не пошла за Дуназа замужъ, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство ея истощилось: она отпустила всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все свое состояніе, которое было нужно Дуназу, она раздала тѣмъ, которые обѣднѣли и не могли содержать свои семьи. Дуназъ сталъ искать другую невѣсту съ большимъ состояніемъ и нашелъ ее. Нефора же жила въ скромной долѣ, благотворя бѣднымъ и учреждая школы для дѣтей, гдѣ ихъ учили полезнымъ наукамъ и ремесламъ. Слухъ о поступкахъ ея скоро достигъ до Зенона и тогда художникъ снова пришелъ къ ней и сказалъ:

— Съ тобой миръ Божій, который превыше всего: ты возлюбила добро; зачѣмъ намъ быть розно? Иди въ домъ мой и будемъ вмѣстѣ жить для пользы тѣхъ, кому можемъ оказать помощь. Будь женою моей, Нефора!

И это такъ сдѣлалось. Зенонъ и Нефора стали супругами и жили долго и были людямъ полезны и Богу любезны.

В. Ваврикъ.

Приголубь!

Надъ полями, надъ садами
Цѣлыя громады стай;
Солнце блещетъ, пахнетъ май, —
Забросай меня цвѣтами,
Забросай!

Въ тихій вечеръ нашей встрѣчи
Тише и затишье лозъ;
Въ вѣнчикѣ волшебныхъ розъ
Пряди косъ спущу на плечи,
Пряди косъ.

Соловей поетъ въ черешнѣ,
Машетъ гривой старый дубъ,
Земляникой дышитъ срубъ,—
Приголубь меня сердечнѣй,
Приголубь!

И. Билинкевичъ.

Звонарь Матвѣй.

„Дзень дили-бамъ! дзень-дили бамъ!“ — звонитъ Матвѣй въ божій храмъ Богу помолиться, Христу поклониться и помянуть тѣхъ страдальцевъ, которые изъ любви къ своей вѣрѣ, къ своей народности и родинѣ душу свою положили.

Ей, друзья-товарищи! Живы ли вы еще, здоровы? Помните ли вы, какъ лѣтъ десять тому назадъ мы въ страхѣ уже не о свое жалкое имущество, а о свою жизнь и жизнь своихъ женъ и дѣтей, Богу духа винныхъ, день и ночь трепетали передъ нашими палачами и здѣсь — на родинѣ, и тамъ — на чужбинѣ? Былъ это черный годъ несмотря на то, что солнышко такъ-же ярко сіяло какъ и теперь, отъ поры до времени шелъ дробенъ дождикъ, а на поляхъ золотилась пшеничка, серебрилось жито, поспѣвалъ зеленъ ячмень, овесъ. Самъ Богъ

посылалъ намъ благодать свою на радость, на здоровье, на многая лѣта. Дьяволъ однако позавидовалъ намъ божьей милости и вмѣсто рая водворилъ на землѣ адъ. Сдѣлалъ онъ это не лично самъ, а посредствомъ своихъ слугъ вѣрныхъ, тевтоновъ, взбившихся въ надменность, въ гордость, въ алчность пріобрѣсти весь міръ и подвергнуть его своему владычеству. Для достиженія этой цѣли тевтоны выдвинули впередъ австрійскихъ нѣмцевъ, а тѣ, уповая на свою силу и на поддержку прочихъ германцевъ, стали провоцировать и обижать маленькую Сербію, а вмѣстѣ съ ней и весь славянскій міръ.

Послѣ анексіи Босніи и Герцеговины, населенной сербами, австрійскіе нѣмцы съ мадьярами на каждомъ шагу давали сербамъ чувствовать свою власть, что больно задѣвало сербовъ. Нахальство нѣмцевъ дошло до того, что нѣмецъ Францъ Фердинандъ, австрійскій престолонаслѣдникъ Францъ Іосифа, отправляется въ Боснію, какъ будто въ свою нѣмецкую вотчину въ которой можетъ произвольно распоряжаться по своему усмотрѣнію. Не стерпѣли нѣмецкаго нахальства свободолюбивые славяне-сербы и посредствомъ своего сокола, Принчича, убили нѣмецкаго коршуна Габсбурга. Это было поводомъ къ такъ желательной для нѣмцевъ войнѣ, въ которой они думали стереть сербовъ съ лица земли, а прочимъ европейскимъ народамъ, особенно славянскимъ, навязать свою гегемонію. Но въ защитѣ родственныхъ сербовъ станула покровительница славянъ, Россія, потому злоба нѣмцевъ направилась прежде всего противъ русскаго народа. Не будучи однако въ состояніи выместить своей злобы на русскихъ Россіи, они обрушились на австрійскихъ карпатороссовъ, потому что на нихъ легко было выместить злобу, такъ какъ карпатороссы, имѣвшіе несчастье принадлежать къ Австро-Венгріи, были безоружны и беззащитны. Ввиду того въ началѣ Міровой войны нѣмцы въ первую линію обрушились на несчастныхъ карпатороссовъ. Ихъ арестовали, ихъ избивали, ихъ вѣшали, ихъ кололи штыками, ихъ рубили саблями, ихъ убивали прикладами, ихъ гноили по кошмарнымъ тюрьмамъ и концентраціоннымъ лагерямъ.

Предателями карпатороссовъ были — къ сожалѣнію — „братья славяне“ и жиды, но главнымъ образомъ австрійскіе украйноманы, а палачами нѣмцы и мадьяры. Но знаете ли вы, други милые, кто былъ генеральнымъ палачомъ карпатороссовъ? Это ни болѣе, ни менѣе только членъ австрійскаго императорскаго дома, эрцгерцогъ Фридрихъ, герой на безоружныхъ и беззащитныхъ людей, по повелѣнію котораго было казнено около 100 тысячъ человѣкъ.

Кто изъ карпатороссовъ не переживалъ тогда ужасныхъ минутъ жизни! Люди прятались по домамъ, по лѣсамъ, по пропастямъ передъ тѣми, кто долженъ былъ защищать ихъ жизнь и имущество, но вездѣ находили ихъ кровожадные звѣри въ людскомъ тѣлѣ и или сейчасъ отправляли свои жертвы на тотъ свѣтъ, илѝ дѣлали какъ будто большую „милость“, что въ кан-

далахъ, среди ужасныхъ истязаній, вели въ мрачныя тюрьмы и гнали въ ужасный Талергофъ.

Талергофъ, о Талергофъ! какой тебя не знаетъ карпаторосс, побывавшій въ этой юдоли слезъ, въ этомъ аду страданій?! А для тѣхъ, кто Талергофа не видѣлъ, скажемъ кратко на память потомкамъ нашимъ: Талергофъ — это просторный, каменистый сѣнокосъ въ нѣсколькихъ километрахъ на югъ отъ Стирійскаго города Граца, который лежитъ на сѣверъ, подъ горою. Этотъ сѣнокосъ окруженъ съ востока, юга и запада горами Альпами. Когда-то въ этомъ мѣстѣ было альпійское озеро длиной въ 15 километровъ, а шириной 5—6 кл. Но позже вода сдѣлала себѣ въ берегу прорывъ и ушла, такъ что осталось только дно озера, черезъ которое теперь протекаетъ рѣка Муръ. На томъ мѣстѣ, гдѣ раньше было озеро, теперь находятся поля и сѣнокосы, принадлежавшіе австрійскому императорскому — дому. Тамъ, возлѣ селенія Абтизендорфъ, пригнали въ сентябрѣ 1914 года нѣсколько тысячъ галицко-русскихъ узниковъ и оставили подъ голымъ небомъ. Кругомъ нихъ была проведена колючая проволока и поставлены салдаты-швабы. Нужно знать, что въ Талергофѣ въ то время днемъ была жара, а ночью приморозки. Изъ арестованныхъ мало кто имѣлъ теплую одёжу, ибо людей ловили въ августѣ, въ лѣтней одежѣ, и такъ ихъ привели въ Талергофъ. Вслѣдствіе того люди простуживались, заболѣвали и покотомъ умирали, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было малѣйшей лѣкарской помощи. Только поздней осенью были построены бараки, въ которыхъ помѣстили „интернированныхъ“. Но они все равно массами заболѣвали и умирали главнымъ образомъ отъ дезинтеріи и тифа. Въ бараки, въ которыхъ находились больные, никого не пускали, вслѣдствіе чего были случаи, что больные лежали рядомъ съ умершими. Отъ болѣзней умерло въ Талергофѣ сверхъ 4000 человѣкъ, лучшихъ галицко-русскихъ людей. Умершихъ хоронили въ началѣ безъ гробовъ и клали въ могилу по нѣсколько человѣкъ. Такихъ братскихъ могилъ насчитывается три ряда, но сколько въ нихъ лежитъ усопшихъ неизвѣстно. Когда въ маѣ 1915 года въ Талергофъ привели изъ Терезина въ Чехіи другую партію арестованныхъ галичанъ въ числѣ около 1000 человѣкъ, то въ Талергофѣ было въ живыхъ только около 7000 человѣкъ, а прочіе въ немного меньшемъ числѣ уже лежали на кладбищѣ.

Нашъ землякъ, гофратъ Т. А. Билинкевичъ изъ Вѣны, осмотривалъ недавно Талергофское кладбище и снялъ изъ него набросокъ. Кладбище представляетъ шесть большихъ квадратовъ. Въ трехъ первыхъ лежатъ страдальцы безъ гробовъ, по нѣскольконадцать въ одной могилѣ. Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ квадратахъ должно почивать по 21 человѣкъ, а среди нихъ Богачевскій, о. К Литвиновичъ, Лелетъ и Маслякъ, которые лежатъ въ шестомъ ряду.

Среди Талергофскихъ покойниковъ, пострадавшихъ за рус-

скую идею, есть и настоящіе мученики за Русь святую и вѣру. Къ такимъ принадлежитъ между прочимъ звонарь Матвѣй изъ села Болотни возлѣ Перемышлянъ въ Галичинѣ, который стоитъ того, чтобы имя его было передано на добрую память потомкамъ.

Есть на широкой Руси великій праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, который празднуется съ большой торжественностью 15 (28) августа. Въ тотъ день 1914 года вышелъ пономаръ Матвѣй на Болотнинскую колокольню зазвонить на вечерню, дабы созвать благочестивый народъ Богу помолиться, Христу поклонится и воздать честь, хвалу Пречистой Матери русскаго края. Долгія лѣта звонилъ Матвѣй по воскресеніямъ и праздникамъ на хвалу божью и считалъ бы для себя непростительнымъ грѣхомъ, если бы пропустилъ эту свою обязанность, тѣмъ паче во время войны, когда повсюду носится ужасный призракъ разрушенія и смерти, когда все село наполнено воинами, которые быть можетъ черезъ минуту станутъ до бою, отдадутъ Богу душу, а свои молодыя тѣла сложатъ въ сырую землю. „О, какъ радо — думалъ Матвѣй — поспѣшатъ они въ храмъ божій подъ покровъ Богоматери, дабы она избавили ихъ отъ всѣхъ бѣдъ, золъ и лютой смерти“. Неразумный! не зналъ онъ, что дьяволы швабы, котрыхъ русскій народъ не даромъ считаетъ чортами, жестоко его за это накажутъ.

Прежде чѣмъ ударить въ колокола звонарь Матвѣй затянулъ вполголоса пѣсню:

— Царице неба и русского края,
Пречиста дѣво, Мати преблагая,
Мы къ омофору Твому прибѣгаемъ
Помощи Твоей, милости благаемъ!

и послѣ того потянулъ за язычекъ маленькій колоколъ, потомъ средній, затѣмъ большій, наконецъ ударилъ въ великій. По далекой долинѣ пронесся звонъ: Дзень дили-бамъ! дзень-дили-бамъ!, созывающій вѣрныхъ въ церковь на вечерню. Во время звона Матвѣй читалъ себѣ молитву „Помилуй мя, Боже“. Но не успѣлъ онъ еще договорить до половины псалома, какъ изъ всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться салдаты. „О, благочестивый народъ салдатики“ — думалъ себѣ Матвѣй — еле я только зазвонилъ, а они уже тутъ, какъ тутъ“. Салдаты однако не йдуть въ церковь, а лѣзутъ на колокольню. „Агаа! — думаетъ Матвѣй — навѣрно хотятъ посмотрѣть на здѣшніе колокала“. Не тутъ-то было! Ворвавшіеся на колокольню салдаты съ винтовками начали галдѣть на непонятномъ для Матвѣя языкѣ, а одинъ изъ нихъ, по всей вѣроятности старшій, прискочилъ къ звонарю съ крикомъ „шпіонъ“ и ударилъ его прикладомъ ружья. Остолбенѣлъ Матвѣй отъ удивленія, за что его бьютъ, и сталъ пояснять напастнику, что онъ звонитъ на вечерню, такъ какъ сегодня большой праздникъ Успенія Пр. Богородицы; но салдаты и слушать его не хотѣли, только колотили бѣдного звонаря прикладами среди несмолкаемыхъ криковъ: „Шпіонъ, шпіонъ!

Русишеръ шпіонъ!“ — пока онъ приголомшеный и окровавленный не повалился безъ чувствъ на землю.

Когда Матвѣй послѣ обморока пришелъ къ сознанію, онъ почувствовалъ, что онъ по рукамъ и ногамъ скованъ цѣпями такъ, что даже руки не можетъ поднести къ устамъ, чтобы увлажить водою запекшіеся губы. Въ такомъ состояніи доставили его австрійскіе издѣватели въ львовскую тюрьму, Бригидки.

Въ Бригидкахъ подвергся Матвѣй новымъ издѣвательствамъ, которыя онъ выдержалъ только потому, что былъ „хлопъ“ здоровый и крѣпкій несмотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ. Въ то время Львовъ переживалъ тревожные дни по поводу приближенія къ нему русской арміи. Ввиду того австрійцы поспѣшно эвакуировались изъ Львова и потащили съ собой Матвѣя все также закованого въ цѣпяхъ. По пути слѣдованія конвоировавшіе его салдаты передавали несчастного своимъ преемникамъ съ предостереженіемъ, что, это „опасный, русскій шпіонъ“ и при каждой перемѣнѣ конвоя преемники опять издѣвались надъ Богу духа виннымъ Матвѣемъ и избивали его прикладами не давая ни кушать ни даже воды напиться. Только товарищи недоли украдкою его кормили и поили какъ маленького ребенка, ибо онъ самъ не могъ питаться, такъ какъ у него были руки скованы. А онъ, первый силачъ въ своей деревнѣ, съеженый и сгорбленый въ трое, облѣпленный кровью, грязью и насѣкомыми, какъ муравями, шепталъ тихонько:

— Царице неба и русского края,
Пречиста Дѣво, Мати преблагая,
Мы къ омофору Твому прибѣгаемъ,
Помощи Твоей, милости благаемъ!

Такъ избитаго и измученнаго страдальца привезли въ кандалахъ въ Талергофъ, гдѣ его ждали новыя пытки. Болѣе мѣсяца колотили австрійскіе изувѣры прикладами несчастнаго Матвѣя, пока въ одну ночь, въ полночь, не прибили до смерти. Не выдержалъ многострадальный Матвѣй австрійскихъ прикладовъ и на слѣдующій день утромъ, на рукахъ своего товарища недоли, Ивана Хрипяка изъ Грибовичъ, отдалъ Богу духа.

Послѣ смерти Матвѣя вскорѣ пришли его мучители, завернули бездыханное тѣло въ солому, выволокли изъ гангара на дворъ и зарыли на пастбищѣ. Никто его не провожалъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія, никто не пѣлъ ему „вѣчная память“, никто не звонилъ въ погребальные колокола. Помянемъ хоть мы имя многострадальнаго звонаря Матвѣя и скажемъ потомкамъ: Вѣчная ему память!

Протоколы

Сіонскихъ Мудрецовъ.

Имѣяй очи видѣти — да видитъ!
Имѣяй уши слышати — да слышитъ!
Имѣяй умъ-разумъ — да разумѣетъ!

Предлагаемъ читателямъ „Временника“ знаменитые „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“. Пусть это твореніе еврейскаго ума будетъ для тѣхъ, кто съ „Протоколами“ знакомъ, постоянно наглядным доказательствомъ, что́ такое евреи и чѣмъ они являются для людей неіудейскаго вѣроисповѣданія. Для тѣхъ-же, кто съ „Протоколами“ не знакомъ, пусть будетъ извѣстно, что эти „Протоколы“ облегѣли уже весь земной шаръ и потрясли человѣческіе умы.

Тутъ останавливаемъ читалелей, чтобы они обратили вниманіе на то обстоягельство, когда „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“ были впервые объявлены печатно, а когда они обратили на себя общее вниманіе широкихъ массъ читателей.

Оговариваемые „Протоколы“ были впервые напечатаны въ 1902-мъ году, а обратили на себя общее вниманіе только послѣ ужасной Русской революціи 1917 го года.

Если бы „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“ были объявлены только послѣ Всемірной войны и Русской революціи, съ которой стоятъ въ тѣсной связи, то можно было бы предполагать, и утверждать, какъ это дѣлаютъ евреи и ихъ прислужники, что „Протоколы“ являются не чѣмъ другимъ, какъ вымысломъ, поддѣлкой и обобщеніемъ совершившихся фактовъ, созданныхъ и вызванныхъ будто въ ничемъ неповинными евреями

Но въ томъ-то и дѣло, что оговариваемые „Протоколы“ были опубликованы задолго до Всемірной войны и Русской революціи и то не одинъ, а нѣсколько разъ. Впервые „Протоколы“ были опубликованы въ 1902 году, въ книгѣ подъ заглавіемъ

„Великое въ маломъ и близъ грядущій Антихристъ“. Второй разъ „Протоколы“ были напечатаны въ 1905 году подъ тѣмъ самымъ заглавіемъ. Третій разъ „Протоколы“ были напечатаны въ 1911 году подъ заглавіемъ „Близъ грядущій Антихристъ и Царство діавола на землѣ“. Четвертый разъ „Протоколы“ были приготовлены къ печати при концѣ августа 1916 года, а появились въ началѣ 1917-таго года подъ тѣмъ же заглавіемъ, что и въ 1911 году.

Второе и четвертое изданія „Протоколовъ“ пишущій настоящія строки имѣлъ въ рукахъ и читалъ ихъ въ Россіи, но не сохранилъ у себя, такъ какъ за обнаруженіе этой книги въ Совѣтской Республикѣ угрожала смертная казнь тому, у кого была бы найдена, по обвиненію въ контрреволюціонности.

Несмотря на то, что „Протоколы“ были оглашены своевременно, они не удостоились надлежащаго вниманія не только со стороны либерализмничавшей — собственно говоря революціонизовавшей — русской интелигенціи, но даже ширшихъ правительственныхъ круговъ, и хоть кой-кому были извѣстны, но были приняты съ пренебреженіемъ какъ плодъ фантастическаго ума Только грянувшій громъ Всемірной войны и разразившаяся Русская революція заставили русскихъ людей вспомнить, что „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“ и предостереженія Нилуса это не фантазія кокого-то мистическаго сумаброда, а твореніе адской работы еврейскаго ума, предначертанной и зафиксированной въ „Протоколахъ“.

Послѣ государственнаго переворота въ Россіи въ началѣ 1917 года книга Нилуса сразу пріобрѣла значеніе, была пріобрѣтаемая на расхватъ и переходила изъ рукъ въ руки Тогда всѣ экземпляры Нилусовой книги, находившіеся на складахъ въ типографіи и въ книжныхъ магазинахъ, были по распоряженію главаря Временнаго Правительства, Керенскаго, конфискованы и уничтожены. Оставшіеся экземпляры у частныхъ лицъ выславливались за баснословную, какъ на это время, цѣну, доходившую до 600 рублей, жидами и жидовствующими агентами и тоже уничтожались.

Когда — послѣ Керенскаго — настала въ Россіи Совѣтская власть, лица, у которыхъ была обнаружена книга Нилуса, подвергались со стороны большевиковъ смертной казни. Но все-таки нашлись люди, имѣвшіе дерзновеніе и при большевикскомъ режимѣ хранить „Сіонскіе Протоколы“, которые имѣли большой ходъ на теренѣ господства Добровольческой арміи.

Послѣ паденія Добровольческаго господства уцѣлившіе случайно экземпляры „Протоколовъ“ попали вмѣстѣ съ русскими эмигрантами за границу и появились въ 1920—1921 годахъ въ переводѣ на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, чешскомъ, польскомъ и другихъ языкахъ. Заграничныя изданія „Протоколовъ“ сразу приковали къ себѣ вниманіе широкихъ массъ публики и, ввиду совершившихся фактовъ на глазахъ всего міра, пріобрѣли необыкновенно доказательную силу, что Всемірная

война и Русская революція — не исключая германской, венгерской и италіанской — это главнымъ образомъ плодъ еврейскаго ума, воздѣланный руками „гоевъ".

Что-же такое представляютъ изъ себя знаменитые „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ"? По словамъ, сказаннымъ въ IV. изданіи книги „Близъ грядущій Антихристъ", гл. II., слѣдуетъ, что это своего рода сводъ законовъ, выработанныхъ мудрецами и вождями еврейскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, и доложенный „Совѣту Старѣйшинъ" „княземъ изгнанія" Θеодоромъ Герцлемъ *) во дни 1-го Сіонскаго конгреса, созваннаго нимъ въ Базелѣ, въ августѣ 1897 года. Но, какъ оказывается изъ книги, напечатанной въ 1922 году въ Берлинѣ, въ которой приведены „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ" подъ заглавіемъ „Всемірный тайный заговоръ" — Герцль не былъ творцемъ „Протоколовъ", такъ какъ первоначальные протоколы были составлены на древнееврейскомъ языкѣ, котораго Герцль не зналъ. Вмѣсто того кодификаторомъ выработанныхъ въ продолженіи вѣковъ Сіонскими мудрецами мнѣній былъ русскій еврей изъ Одессы, Ашеръ Гинцбергъ, извѣстный среди евреевъ подъ названіемъ Ахадъ Хамъ, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „Единый среди народа". И вотъ этотъ Ахадъ Хамъ на основаніи ученія предшествовавшихъ ему еврейскихъ мудрецовъ и теорій нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ напр Дарвина, Ницше и др., составилъ на древнееврейскомъ языкѣ конспектъ, который является подъ названіемъ „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ". Но такъ какъ на Базельскомъ конгресѣ 1897 года были евреи, незнавшіе древнееврейскаго языка, какъ напр. даже самъ Герцль, то конспектъ Гинцберга былъ переведенъ на французскій языкъ и въ такомъ видѣ доложенъ Герцлемъ на первомъ Базельскомъ конгресѣ. Копія этого документа попала въ руки Нилуса, который перевелъ ее на русскій языкъ и опубликовалъ въ своей книгѣ.

Какимъ-же образомъ „Протоколы" попали въ руки Нилуса? Онъ — какъ сказано въ II гой главѣ, стр. 86, книги IV-го изданія — получилъ ихъ отъ Ставропольскаго вицегубернатора, Алексѣя Николаевича Сухотина, а послѣдній поучилъ ихъ отъ Чернской помѣщицы. Откуда Чернская помѣщица взяла „Протоколы", въ книгѣ Нилуса не сказано. Но это поясняется въ книгѣ, изданной въ Берлинѣ, въ 1922 г. подъ заглавіемъ: „Всемірный тайный заговоръ", въ которой говорится слѣдующее:

Русское правительство, имѣя ясное представленіе о томъ, что Сіонизмъ, выступая какъ открытое національное движеніе, въ сущности является только прикрытіемъ для обсужденія и разработки революціоннаго заговора, установило въ лицѣ опытнаго агента наблюденіе за ходомъ Базельскаго съѣзда и, при посредствѣ подкупа, этому агенту удалось склонить одого изъ

*) Состоявшимъ парижскимъ корреспондентомъ вѣнской газеты Neue freie Presse, субсидированной Ротшильдомъ.

видныхъ участниковъ съѣзда дать возможность снять копіи съ протоколовъ съѣзда (изъ которыхъ одинъ экземпляръ былъ отправленъ въ Парижскій „Всемірный Израильскій Союзъ“, Alliance Israélite Universalle, а другой во Франкфуртъ). Когда этому лицу было поручено доставить матеріалы съѣзда изъ Базеля въ Франкфуръ, въ еврейско-масонскую ложу къ „Занимающейся Зарѣ“, онъ заночевалъ по пути въ маленькомъ городѣ, гдѣ агентъ Русскаго правительства поджидалъ его съ нѣсколькими переписчиками, которые за ночь сняли съ документовъ копіи“.

И вотъ такую-то копію получилъ Нилусъ отъ Сухотина, а Сухотинъ отъ Чернской помѣщицы. Отъ кого Чернская взяла копію, неизвѣстно. Быть можетъ, сама помѣщица была агентомъ Русскаго правительства? Но это не важно отъ кого, а важно то, дѣйствительно ли „Протоколы“ являются копіей ученія Сіонскихъ мудрецовъ?

Совершившіеся на нашихъ глазахъ факты вполнѣ это подтверждаютъ. Если бы „Протоколы“ были твореніемъ не еврейскаго ума, только Нилуса, или кого-либо другого, то тогда совершенно было бы непонятнымъ, какъ люди, написавшіе „Протоколы“, могли за нѣскольконадцать лѣтъ предвидѣть то, что евреи будутъ творить во время Всемірной войны и Русской революціи. А если предвидѣли, такъ у нихъ обязательно должны были быть какія то основанія, безразлично отъ кого и какимъ образомъ получены. Иначе пришлось бы предположить, что тотъ, кто сдѣлалъ подлогъ „Протоколовъ“, прямо влѣзъ въ еврейскія мозги и узналъ, какія у нихъ мысли и намѣренія. Но чтобы такъ думать, надо быть круглой простофилей.

Но положимъ, что на Базельскомъ конгресѣ Сіонистовъ не было оговариваемыхъ „Протоколовъ“, что это подлогъ, а не твореніе еврейскаго ума. Но факты!... совершившіеся на нашихъ глазахъ факты... о которыхъ заранѣе сказано въ „Протоколахъ“, это также подлогъ?

Возмемъ напр. такой фактъ:

Иксъ Ипсилонъ пишетъ, что евреи сговорились изнасиловать, или прельстить русскую женщину. Этому никто не вѣритъ. Но вотъ... эта русская женщина родила еврея... выкапаннаго еврея. И что же?.. Развѣ можно утверждать, что это плодъ не еврейскій?.. Да, утверждать то можно... можно даже доказывать!.. Но доказать... доказать то можно?... когда фактъ на лицо, что это еврей?...

Такъ вотъ, видите... что-то подобное вышло и съ Россіей... Жиды утверждаютъ, что у нихъ не было „Протоколовъ“... не было заговора... что это подлогъ... Но въ Россіи произошла революція... а отъ революціи родилось въ Россіи на верховныхъ мѣстахъ столько жидовъ, какъ грибовъ послѣ дождя... и что же?.. развѣ это тоже подлогъ?.. что молъ жиды не помышляли... не думали... не желали революціи?.. Развѣ отъ помышленій... идей... отъ сѣмени русскихъ мужей могли родиться жиды?..

Въ Берлинѣ вышла въ 1923 г. книжка Ю. Делевскаго подъ заглавіемъ: „Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ (исторія одного подлога)". Вышла годъ спустя послѣ книжки „Всемірный Тайный Заговоръ" съ „Протоколами Сіонскихъ Мудрецовъ". Авторъ „Исторіи одного подлога", Ю. Делевскій, старается многогласгольствованіемъ доказать, что „Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ" — это одинъ подлогъ.

Изъ всего имъ сказаннаго самымъ вѣскимъ аргументомъ доказательства должно быть слѣдующее: „Въ „American Hebrew" (№№ 15 и 16, 1921 г.) по поводу „Сіонскихъ Протоколовъ" были напечатаны бесѣды съ княгинею Радзивиллъ и съ г жею Генріеттою Херблетъ. Кромѣ того, княгиня Радзивиллъ выступила въ Бруклинѣ съ публичнымъ докладомъ о происхожденіи „Протоколовъ". Кн. Радзивиллъ видѣла рукопись „Сіонскихъ Протоковъ" тогда, когда надъ нею производились операціи въ Парижѣ агентами русской Охраны. Вотъ что говоритъ по этому кн. Радзивиллъ: „Уже послѣ убійства Александра II, сынъ и наслѣдникъ его Александръ III, былъ крайне огорченъ тѣмъ, что убійство отца всецѣло было подготовлено и осуществлено русскими. Вожди консервативной партіи всячески старались убѣдить Александра III въ томъ, что убійство его отца вызвано еврейскими интригами. Задачу убѣдить государя взялъ на себя генералъ Оржевскій, игравшій тогда въ департаментѣ политической полиціи большую роль. Были посланы агенты въ Парижъ и поручено имъ изготовленіе всякихъ документовъ Они перерыли старыя книги и использовали выдержки изъ сочиненій еврейскихъ философовъ. Одинъ изъ парижскихъ докладовъ остался въ „Архивѣ Третьяго Отдѣленія".

„Послѣ японской войны и первой русской революціи агенты русской тайной полиціи снова задались цѣлью вліять въ томъ же смыслѣ на царя. Кто-то вспомнилъ о документѣ Ржевскаго, хранившемся въ архивѣ „Третьяго отдѣленія". Документъ этотъ разыскали и подвергли разсмотрѣнію. Его признали годнымъ для пользованія. Въ Парижъ послали агентовъ, поручивъ имъ дополнить и переработать рукопись съ цѣлью придать ей болѣе современный характеръ. Лица, на которыхъ возложено было порученіе, были: прежде всего знаменитый начальникъ русской тайной полиціи въ Парижѣ — Рачковскій, затѣмъ любимецъ будущаго премьеръ министра Штюрмера — Манусевичъ-Мануйловъ, и, наконецъ, Матвѣй Головинскій, мать котораго была крупной помѣщицей въ Уфимской губерніи, гдѣ у нея было имѣніе".

„Рѣчь идетъ о періодѣ 1904—1905 г. „Я жила тогда, говоритъ кн. Радзивиллъ, въ Парижѣ. Головинскій явился ко мнѣ съ визитомъ. Я приняла его какъ человѣка, съ матерью котораго я была хорошо знакома; но мнѣ не было тогда извѣстно, что онъ служилъ въ тайной полиціи. Однажды онъ показалъ мнѣ и нѣсколькимъ пріятелямъ сочиненіе, надъ которымъ онъ работалъ съ Рачковскимъ и Мануйловымъ. Онъ сказалъ, что

книга эта имѣетъ цѣлью установить существованіе обширнаго еврейскаго заговора противъ общаго мира. Мнѣ неоднократно пришлось видѣть эту рукопись; видѣли ее и нѣкогорые мои друзья, среди которыхъ была одна американка, — находящаяся сейчасъ въ Нью-Іоркѣ. Рукопись эта была составлена на французскомъ языкѣ и писана рукой, но разными почерками, на желтоватой бумагѣ. Помню отчетливо, что на первой страницѣ было огромное синее чернильное пятно Позднѣе я узнала, что рукопись эта цѣликомъ включена Сергѣемъ Нилусомъ въ знаменитую книгу, напечатанную въ типографіи Краснаго Креста въ Царскомъ Селѣ" (въ 1905 г.—ред.).

Упоминаемая княгинею Радзивиллъ американка, г-жа Генріетта Херблетъ, имѣла бесѣду съ сотрудникомъ „American Hebrew" (№ 16, 4 марта 1921 г.), которая объ этомъ пишетъ слѣдующее: „Я могу потвердить заявленіе кн. Радзивиллъ о томъ, что „Протоколы" сочинены агентами тайной русской полиціи Рачковскимъ, Манусевичемъ-Мануйловымъ и Головинскимъ, съ цѣлью сдѣлать евреевъ козломъ отпущенія за революцію. Не подлежитъ сомнѣнію, что документъ Головинскаго и „Протоколы" — одно и то же" — сказала г-жа Херблетъ.

„Свидѣтельства этихъ двухъ дамъ относятъ окончательную переработку „Сіонскихъ Протоколовъ" охранниками въ Парижѣ къ 1904—1905 годамъ, въ эпохѣ японской войны" — пишетъ Ю. Делевскій въ „Исторіи одного подлога".

Но мы спросимъ автора „Исторіи одного подлога", чѣмъ это у него доказано, что „Протоколы" подлогъ?.. Если вѣрить княгинѣ Радзивиллъ, что она видѣла у агентовъ русской тайной полиціи документъ, вошедшій въ книгу Нилуса подъ названіемъ „Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ", такъ это еще не доказательство. Надо было доказать, что агенты русской тайной полиціи выссали себѣ „Протоколы" изъ пальца, а не говорить, что *„они перерыли старыя книги и использовали выдержки изъ сочиненій еврейскихъ философовъ"*. А если они использовали выдержки изъ сочиненій еврейскихъ философовъ, такъ это является только потвержденіемъ и доказательствомъ того, что „Протоколы" не подлогъ, а сборникъ мнѣній еврейскихъ философовъ, иначе говоря „Сіонскихъ мудрецовъ". Затѣмъ — агенты показывая кн. Радзивиллъ документъ, не говорили, что это ихнее сочиненіе „выссаное — такъ сказать — изъ пальца", но какъ разъ напротивъ, они на основаніи того, что нашли въ сочиненіяхъ „еврейскихъ философовъ" старались доказать княгинѣ Радзивиллъ „существованіе обширнаго еврейскаго заговора противъ общаго мира". И какой-же здѣсь подлогъ?... Не это ли, что о документъ постарались агенты русской тайной полиціи?.. А кто же долженъ былъ постарается о доказательства, какъ не агенты полиціи?..

Впрочемъ... впрочемъ... авторъ „Исторіи одного подлога" говоритъ, что свидѣтельства кн. Радзивиллъ и г-жѣ Херблетъ относятся къ документу 1904—1905 годовъ, между тѣмъ на страницѣ 13 говоритъ онъ дословно: „Первое изданіе „Сіонскихъ

Протоколовъ“ было выпущено Сергѣемъ Нилусомъ въ 1902 г., въ качествѣ приложенія къ его книжкѣ „Великое въ маломъ и Антихристъ“. Слѣдовательно, какъ-же документъ изъ 1904—1905 годовъ могъ попасть съ книгу, которая появилась въ 1902 г., то есть раньше того документа, который только сочинялся на глазахъ кн. Радзивиллъ?... и какъ этотъ документъ „на желтой бумагѣ и съ большимъ синимъ чернильнымъ пятномъ“ изъ 1904—1905 годовъ могъ попасть въ 1902 годъ въ видѣ „Протоколовъ“? Слѣдовательно всѣ потуги И. Делевскаго доказать, что „Протоколы одинъ подлогъ“ пошли на смарку.

Евреи всѣми силами стараются опровергнуть подлинность оглашенныхъ Нилусомъ „Протоколовъ“, но напрасно, ибо цѣлый рядъ свидѣтельствъ и свидѣтелей устанавливаетъ существованіе „Протоколовъ Сіонскихъ мудрецовъ“ задолго до Всемірной войны и Русской революціи. Это могли бы между прочимъ потвердить нѣкоторые выдающіеся поляки, которымъ „Протоколы“ были извѣстны раньше, чѣмъ были опубликованы Нилусомъ. Такъ напр. въ изданной въ Берлинѣ, 1922 г., книгѣ подъ заглавіемъ „Всемірный тайный заговоръ“, сказано (стр. 50):

„Во время Базельскаго конгресса (1897 г.) еврей Альфредъ Носсигъ, отъявленный сіонистъ, работавшій въ то время надъ либретто для оперы Падеревскаго „Manru“, представленной въ 1901 г., **разсказалъ о „Протоколахъ“ своему сотруднику. И. Падеревскій немедленно же сообщилъ эту исторію многимъ полякамъ.** Альфредъ Носсигъ живетъ въ настоящее время въ Берлинѣ; Падеревскій и хотя бы часть его друзей 1897 г. находится еще въ живыхъ.“*)

Кому интересно узнать, кто такой былъ Нилусъ, и почему опубликованные нимъ „Протоколы“ не обратили до Всемірной войны на себя надлежащаго вниманія, тому можемъ сказать слѣдующее: Сергѣй Александровичъ Нилусъ былъ обѣднѣвшій помѣщикъ Орловской губерніи. Онъ былъ потомкомъ шведа, который переселился въ Россію при Петрѣ В. С. А. Нилусъ женился на бывшей фрейлинѣ императрицы Александры Ѳеодоровны, Е. А. Озеровой, дочери гофмейстера Озерова. Обѣднѣвъ С. А. Нилусъ сталъ „церковнымъ писателемъ“ и жилъ съ семьей въ монастыряхъ, сначала въ Валдайскомъ, а позже при Оп-

*) Это, что Падеревскій былъ посвященъ въ тайны „Сіонскихъ мудрецовъ“, а посредствомъ Падеревскаго были посвящены въ эти-же тайны многіе поляки, поясняетъ намъ многое. Прежде всего, что Падеревскій пользовался довѣріемъ отъявленныхъ Сіонистовъ. Затѣмъ, что поляки были посвящены въ тайны „Сіонскихъ мудрецовъ“. Послѣ того, почему музыкантъ, а не политикъ, Падеревскій, былъ въ свое время главой польскаго правительства. Неизвѣстно только, почему онъ такъ скоро сошелъ съ политической сцены, для того ли, что плохо игралъ въ дуду Сіонистамъ, или полякамъ? Кажется, однимъ и другимъ. Затѣмъ... да еще многое можно бы себѣ пояснить, но на это здѣсь не мѣсто. Только еще то скажемъ, что, когда пишущій настоящія строки спросилъ знакомыхъ поляковъ, извѣстны ли имъ „Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ“, то получилъ отвѣтъ: „Panie, to są rzeczy dawno znane.“

тиной Пустыни и тамъ онъ составилъ свои книги, въ которыхъ помѣстилъ „Протоколы“. Къ изданію 1911 г. Нилусъ пріурочилъ проповѣдь о скоромъ пришествіи Антихриста и обратился къ Св. Синоду, къ восточнымъ патріархамъ и къ папѣ Римскому съ посланіемъ о необходимости созвать 8-ой вселенскій соборъ для принятія мѣръ противъ грядущаго Антихриста, появленіе котораго опредѣлилъ на 1920 годъ. *)

Но почти всѣ довоенныя изданія „Протоколовъ“ прошли какъ-то незамѣтно по слѣдующей причинѣ: Во первыхъ они были написаны человѣкомъ, считавшимся духовнымъ лицомъ, а духовенство въ Россіи не было въ модѣ Этого уже одного было достаточно, чтобы книга Нилуса была принята съ пренебреженіемъ. Во вторыхъ, книга была преподнесена въ своеобразной формѣ, окрашенной въ мистицизмъ. Такъ напр. въ изданіи 1917 года, гл. VI., стр. 43, сказано: „Цѣль настоящаго труда не научно богословское изслѣдованіе даннаго предмета, а скромная попытка рядового христіанина и вѣрнаго сына Православной Церкви представить возможно подробный и полный отчетъ въ всемъ томъ, что о ясныхъ признакахъ возможности близкаго явленія Антихриста и конца міра стало ему достовѣрно извѣстнымъ“. Въ третьихъ, книга сильно затрагивала еврейскій вопросъ, а касатся еврейскаго вопроса, а тѣмъ болѣе выступать съ обличеніями противъ евреей считалось нелиберальнымъ и недопустимымъ. Вдобавокъ Нилусъ сдѣлалъ изъ „Сіонскихъ Протоколовъ“ выводъ о скоромъ появленіи Антихриста, что носило чисто мистическій характеръ. Все это сложилось на то, что разоблаченія и предсказанія Нилуса были приняты съ пренебреженіемъ.

Сознаюсь, что даже я, незараженный „духомъ нашего времени“, прочитавъ въ 1917 году книгу Нилуса, отнесся къ ней скептически, особенно послѣ прочтенія розсужденій о скоромъ пришествіи Антихриста, къ которымъ даже было приложено изображеніе печати, какой будутъ наклеймены служители Антихриста. Этимъ изображеніемъ была звѣзда, которую служители Антихриста должны носить на лбу. „Какой такой Антихристъ и какъ это его служители будутъ носить клеймо на лбу?“ — думалъ я себѣ тогда. Теперь для меня ясно и просто: Антихристъ — это гонители на христіанскую церковь, а служители его — это Совѣтскіе служащіе, носящіе на шапкахъ, на лбу, красную, пятиконечную, лапидарную звѣзду. Такъ просто, ясно и поразительно!

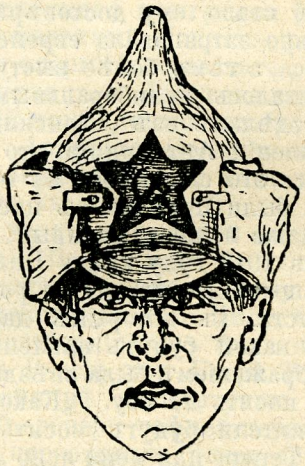
Помѣщенные нами „Протоколы“ печатаемъ по тексту С. А. Нилуса изъ книги, изданной въ Берлинѣ въ 1922 г., подъ заглавіемъ „Всемірный тайный заговоръ“. Мы не перепечатываемъ этой книги полностью, а только „Протоколы“, поэтому, кто подробнѣе желаетъ узнать про „Сіонскихъ мудрецовъ“ и ихъ дѣ-

*) Знаменательно, что послѣ добровольческаго движенія въ 1919 году, водворилась во всей Россіи въ 1920 году Совѣтская власть и тогда началось гоненіе на православную церковь.

ятельность и про движеніе Сіонистовъ, того отсылаемъ къ упомянутой книгѣ. Примѣчанія въ низу текста редакція прибавляетъ отъ себя, дабы обратить на нѣкоторые мѣста вящшее вниманіе читателей.

Печатаемъ „Протоколы“ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто ихъ не знаетъ, а желаетъ заниматься политикой и не на однихъ словахъ а на самомъ дѣлѣ хочетъ служить прежде всего своему народу, а не его врагамъ, или Богъ знаетъ кому другому, не подозрѣвая даже, кому онъ служитъ, дабы у нихъ была подъ рукой и на глазахъ настольная книга, говорящая ясно, кто ихъ другъ, а кто врагъ, и съ кѣмъ бороться, а съ кѣмъ мириться.

ДИК.



Клеймо
на лбу у служителей
Антихриста.

ПРОТОКОЛЫ СІОНСКИХЪ МУДРЕЦОВЪ

(*по тексту С. А. Нилуса*).

ПРОТОКОЛЪ № I.

Отложивъ фразерство, будемъ говорить о значеніи каждой мысли сравненіями и выводами, освѣтимъ обстоятельства. И такъ, я формулирую нашу систему съ нашей и гоевской точекъ зрѣнія.

Надо отмѣтить, что люди съ дурными инстинктами многочисленнѣе добрыхъ, поэтому лучшіе результаты въ управленіи ими достигаются насиліемъ и устрашеніемъ, а не разсужденіями[1]). Каждый человѣкъ стремится къ власти, каждому хотѣлось бы сдѣлаться диктаторомъ, если бы только онъ могъ. Но при этомъ рѣдкій не былъ бы готовъ жертвовать благами всѣхъ ради достиженія благъ своихъ.

Право — въ силѣ. Что сдерживало хищныхъ животныхъ, которыхъ зовутъ людьми, что ими руководило до сего времени?

Въ началѣ общественнаго строя они подчинялись грубой силѣ, потомъ закону, который есть та же сила, только замаскированная, слѣдовательно, по закону естества — право въ силѣ.

Свобода — идея, либерализмъ. Политическая свобода есть идея, а не фактъ. Эту идею надо умѣть примѣнять, когда является нужнымъ идейной приманкой привлечь народныя силы къ своей партіи, если таковая задумала сломить другую, у власти находящуюся. Задача эта облегчается, если противникъ заразится самъ идеей свободы, такъ называемымъ либерализмомъ, и ради идеи поступится своею мощью[2]) Тутъ то и проявится торжество нашей теоріи: распущенныя бразды правленія тотъ часъ же по закону бытія подхватываются и подбираются новой рукой, потому что слѣпая сила народа не можетъ пробыть дня безъ руководителя, и новая власть заступаетъ мѣсто старой, ослабѣвшей отъ либерализма.

---

[1]) Это правило примѣняется со всей безпощадностью въ настоящее время къ населенію Россіи.

[2]) Этой идеей заразилась русская интелигенція эта идея, послужила приманкой привлечь народныя массы къ либеральной партіи, которая задумала сломить партію, находившуюся у власти. Добившись власти либеральная партія поступилась своей властью въ пользу Керенскаго, представителя соціалистической партіи, а Керенскій поступился своей властью въ пользу большевикской партіи. Тутъ то и проявилось торжество теоріи „Сіонскихъ мудрецовъ".

Золото, вѣра, самоуправленіе. Въ наше время замѣстительницей либераловъ-правителей явилась власть золота. Было время, когда правила вѣра. Идея свободы неосуществима потому, что ею не умѣютъ пользоваться въ мѣру*). Стоитъ только на нѣкоторое время предоставить самоуправленіе народу, какъ оно превратится въ распущенность. Съ этого момента возникаютъ междоусобицы, скоро переходящія въ соціальныя битвы въ которыхъ государства горятъ и ихъ значеніе превращется въ пепелъ.

Деспотизмъ капитала. Истощается ли государство въ собственныхъ конвульсіяхъ, или же внутреннія распри отдаютъ его во власть внѣшнимъ врагамъ, во всякомъ случаѣ, оно можетъ считаться безвозвратно погибшимъ: оно въ нашей власти. Деспотизмъ капитала, который весь въ нашихъ рукахъ, протягиваетъ ему соломинку, за которую государству приходится держаться поневолѣ, въ противномъ случаѣ оно катится въ пропасть.

Внутренній врагъ. Того, который отъ либеральной души сказалъ бы, что разсужденія такого рода безнравственны я спрошу: если у каждого государства два врага и если по отношенію къ внѣшнему врагу ему дозволено и не почитается

---

*) Особенно „широкая“ русская натура не умѣетъ пользоваться свободою, потому попадаетъ изъ одной крайности въ другую: или въ деспотизмъ, или въ анархію. Стоило только на время Керенщины предоставить самоуправленіе народу, какъ оно превратилось въ распущенность и съ того момента возникли на Руси междоусобицы, доведшія до гораздо большего деспотизма, чѣмъ это было во время царизма. Какъ ни печально, но это фактъ, что русскій народъ во время государственнаго переворота не дорось до самоуправленія. Да и раньше то онъ не умѣлъ править собою. Вспомнимъ исторію. Въ началѣ Русичи правили сами собою. Потомъ власть захватили варяги. Русичи прогнали варяговъ и думали сами управлять собою. Не тутъ то было. Потому Русичи посылаютъ пословъ къ варягамъ съ прошеніемъ: „Великая и богатая наша земля, да порядка въ ней нѣтъ. Приходите княжить и владѣть нами“. Варяги пришли и владѣли до Владиміра В. Отъ Владиміра В. до Іоанна Грознаго владѣли обрусевшіе варяги. Потомъ настало смутное время, царствованіе Лжедимитрія и польское засилье. Затѣмъ пришли русскіе князя варяжской крови, которые княжили до Петра В. Съ Петра В. началось правленіе родственниковъ варяговъ, обрусевшихъ нѣмцевъ, которыми русскій народъ былъ сильно недоволенъ и потому низвергъ царя, думая, что самъ въ состояніи править собою. Не тутъ то было. Но тутъ удивительно повторилась исторія: Русскіе, какъ во время оно, такъ и на нашихъ глазахъ оказались неспособными управлять сами собою. Во время кратковременнаго „Временнаго правительства“, такъ называемой vulgo „Керенщины“, послѣдовала совершенная растущенность. Тутъ-то явились исповѣдники ученія „Сіонскихъ мудрецовъ“, подхватили растущенныя бразды правленія и съ тѣхъ поръ крѣпко держатъ ихъ въ своихъ рукахъ. И что-же мы изъ того всего видимъ? Видимъ то, что русскій народъ до сихъ поръ не былъ въ состояніи править самъ собою по своей волѣ, натомѣсть имъ правили всегда поодинокія личности. А сильнѣе всѣхъ умѣли имъ править: Іоаннъ Грозный, Петръ В. и Бронштейнъ-Троцкій. А все изъ-за того, что „широкая“ русская натура не умѣетъ въ мѣру пользоваться политической свободой. И пусть, какъ ни хотятъ, люди сѣтуютъ, но фактъ фактомъ, что: Jede Nation hat solche Regirung, derer wert ist какъ, говоритъ историкъ Ротэкъ.

безнравственнымъ употреблять всякія мѣры борьбы, какъ напримѣръ: не ознакомлять врага съ планами нападенія, защиты, нападать на него ночью или неравнымъ числомъ людей, то почему же такія же мѣры въ отношеніи худшаго врага, нарушителя общественнаго строя и благоденствія, можно назвать не дозволенными и безнравственными?

Толпа, анархія. Можетъ ли здравый логическій умъ надѣяться успѣшно руководить толпами, при помощи разумныхъ увѣщаній или уговоровъ, при возможности противорѣчія, хотя и безсмысленнаго, но которое можетъ показаться поверхностно разумѣющему народу болѣе пріятнымъ? Руководясь исключительно мелкими страстями, повѣріями, обычаями, традиціями и сентиментальными теоріями, — люди въ толпѣ и люди толпы поддаются партійному расколу, мѣшающему всякому соглашенію, даже на почвѣ вполнѣ разумнаго увѣщеванія. Всякое рѣшеніе толпы зависитъ отъ случайнаго или подстроеннаго большинства, которое, по невѣдѣнію политическихъ тайнъ, произноситъ абсурдное рѣшеніе*), кладущее зародышъ анархіи въ управленіи.

Политика и мораль. Политика не имѣетъ ничего общаго съ моралью. Правитель, руководящійся моралью, не политиченъ, а потому не проченъ на своемъ престолѣ. Кто хочетъ править, долженъ прибѣгать и къ хитрости, и къ лицемѣрію**). Великія народныя качества — откровенность и честность — суть пороки въ политикѣ, потому что они свергаютъ съ престола лучше и вѣрнѣе сильнѣйшаго врага***). Эти качества должны быть аттрибутами гоевскихъ царствъ, мы же отнюдь не должны руководствоваться ими.

Право сильнаго. Наше право — въ силѣ. Слово право

---

*) Пустъ это хорошенько себѣ запомятъ наши патріоты и политики которые на всякого рода собраніяхъ, вѣчахъ или митингахъ надѣются при помощи разумныхъ увѣщаній или уговоровъ успѣшно руководить толпами! Тѣ, которые желаютъ добра для участниковъ собранія и ихъ уполномочившихъ, должны заблаговременно все обдумать, сговориться раньше между собою, а на общихъ собраніяхъ выступить единодушно и не допускать до случайнаго или подстроеннаго большинства, которое, быть можетъ, не по злой-волѣ, а по невѣдѣнію политическихъ тайнъ, которыя на собраніяхъ не могутъ буть открыты, произносятъ абсурдныя рѣшенія. Безъ этого пусть никто не надѣется какого-либо проку отъ собраній. На собранія организаторы должны являтся съ готовыми предложеніями, которыя безъ всякихъ преній должны или приниматься или отклоняться. Кто хочетъ забирать голосъ въ преніяхъ, пусть является на предварительныя собранія организаторовъ и если его мнѣніе на предварительномъ собраніи перепало, долженъ на общемъ собраніи молчать, если онъ дѣйствительно желаетъ добра участникамъ общаго собранія.

**) Это особенно продѣлываютъ евреи и ихъ приверженцы.

***) Яркимъ прѣмѣромъ того является знаменитый Аристидъ котораго Греки изгнали только за то, что былъ настолько честенъ, что народъ при жизни назвалъ его справедливымъ. Подобная судьба постигла также Перикла и многихъ другихъ честныхъ политиковъ. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, чтобы политикъ не былъ честный, но откровеннымъ онъ не всегда быть можетъ.

естъ отвлеченная и ничѣмъ не доказанная мысль. Слово это означаетъ: дай мнѣ то, чего я хочу, чтобы я тѣмъ самымъ получилъ доказательство, что я сильнѣе васъ.

Въ государствѣ съ плохой организаціей власти, ослабленіемъ законовъ и правителя, обезличенныхъ разложившимися отъ либерализма правами, я черпаю новое право — броситься по праву сильнаго и разнести всѣ существующіе порядки и установленія, наложить руки на законы, перестроить всѣ учрежденія, и сдѣлаться владыкою тѣхъ, кто предоставилъ намъ права своей силы, отказавшись отъ нихъ добровольно, либерально.

Непреоборимость масонско-еврейской власти. Наша власть, при современномъ шатаніи всѣхъ властей, будетъ непреоборимѣе всякой другой, потому что она будетъ незримой до тѣхъ поръ, пока не укрѣпится настолько, что ея уже никакая хитрость не подточитъ*).

Цѣль оправдываетъ средства. Изъ временнаго зла, которое мы вынуждены теперь совершить, произойдетъ доброе, непоколебимое правленіе которое возстановитъ правильный ходъ механизма народнаго бытія, нарушеннаго либерализмомъ. Результаты оправдываютъ средства. Обратимъ же вниманіе въ нашихъ планахъ не столько на доброе и нравственное, сколько на нужное и полезное.

Передъ нами планъ, въ которомъ стратегически изложена линія, отъ которой намъ отступать нельзя безъ риска, видѣть разрушеніе многовѣковыхъ работъ.

Толпа слѣпецъ. Чтобы выработать цѣлесообразныя дѣйствія, надо принять во вниманіе подлость, неустойчивость, непостоянство толпы, ея неспособность понимають и уважать условія собственной жизни, собственнаго благополучія. Надо понять, что мощь толпы слѣпая, неразумная, неразсуждающая, прислушивающаяся направо и налѣво. Слѣпой не можетъ водить слѣпыхъ безъ того, чтобы не довести ихъ до пропасти. Слѣдовательно, члены толпы, выскочки изъ народа, хотя бы и геніально умные, но въ политикѣ не разумѣющіе, не могутъ выступать въ качествѣ руководителей толпы безъ того, чтобы не погубить всей націи**). Только съ дѣтства подготовляемое въ самодержавію лицо можетъ вѣдать слова, составляемыя политическими буквами.

Партійные раздоры. Народъ, предоставленный самому

---

*) Почти всѣ евреи и ихъ сторонники были до укрѣпленія Совѣтской власти въ Россіи незримы, т. е. они скрывались за псевдонимами, а даже гримировали себя во время гражданской войны, особенно комиссары. За псевдонимами же скрывались даже главари напр. Троцкій, настоящая фамилія котораго Бронштэйнъ, Зиновьевъ — Апфельбаумъ, Ленинъ — Ульяновъ и т. д.

**) Лучшій примѣръ этого видимъ на выскочкѣ Керенскомъ и это хорошенько должны бы себѣ запомнить всѣ выскочки, сунущіеся въ предводители народа, но не понимающіе въ политикѣ „ни папы ни мамы“.

себѣ, т. е. выскочкамъ изъ его среды, саморазрушается партійными раздорами, возбуждаемыми погоней за властю и почестями происходящими отъ того безпорядками. Возможно ли народнымъ массамъ спокойно, безъ соревнованія, разсудить, управиться съ дѣлами страны, которыя не могутъ смѣшиватся съ личными интересами? Могутъ ли онѣ защищаться отъ внѣшныхъ враговъ? Это немыслимо, ибо планъ, разбитый на столько частей, сколько головъ въ толпѣ, теряетъ цѣльность, а потому становится непонятнымъ и неисполнимымъ.

Наиболѣе цѣлесообразный образъ правленія — самодержавіе. Только у самодержавнаго лица планы могутъ вырабатываться обширно ясными, въ порядкѣ, распредѣляющемъ все въ механизмѣ государственной машины, изъ чего надо заключить, что цѣлесообразное для пользы страны управленіе должно сосредоточиваться въ рукахъ одного отвѣтственнаго лица. Безъ абсолютнаго деспотизма не можетъ существовать цивилизація, проводимая не массами, а руководителями ихъ, кто бы онъ ни былъ. Толпа — варваръ, проявляющій свое варварство при всякомъ случаѣ. Какъ только толпа захватываетъ въ свои руки свободу, она вскорѣ превращаетъ ее въ анархію, которая сама по себѣ есть высшая степень варварства.

Спиртъ, классицизмъ, развратъ. Взгляните на наспиртованныхъ животныхъ, одурманенныхъ виномъ, право на безмѣрное употребленіе котораго дано вмѣстѣ со свободой. Не допускать же намъ и нашимъ дойти до того же. Народы гоевъ одурманены спиртными напитками, а молодежь ихъ одурѣла отъ классицизма и ранняго разврата, на который ее подбиваетъ наша агентура — гувернеры, лакеи, гувернантки въ богатыхъ домахъ и наши женщины въ мѣстахъ гоевскихъ увеселеній. Къ числу этихъ послѣднихъ можно причислить и, такъ называемыхъ, „дамъ изъ общества", добровольныхъ послѣдовательницъ ихъ по разврату и роскоши.

Принципъ и правила еврейско-масонскаго правительства. Нашъ пароль сила и лицемѣріе. Только сила побѣждаетъ въ дѣлахъ политическихъ, особенно если она скрыта въ талантахъ, необходимыхъ государственнымъ людямъ. Насиліе должно быть принципомъ, а хитрость и лицемѣріе — правиломъ для правительствъ, которыя не желаютъ сложить свою корону къ ногамъ агентовъ какой либо новой силы. Это зло есть единственное средство, добраться до цѣли — добра; поэтому мы не должны останавливаться передъ подкупомъ, обманомъ и предательствомъ, когда они должны послужить къ достиженію нашей цѣли. Въ политикѣ надо умѣть брать чужую собственность безъ колебаній, если ею мы добъемся покорности и власти.

Терроръ. Наше государство, шествуя путемъ мирнаго завоеванія всего міра, имѣетъ право замѣнить ужасы войны менѣе замѣтными и болѣе цѣлесообразными казнями, которыми надо поддерживать терроръ, располагающій къ слѣпому послушанію.

Справедливая, но неумолимая строгость есть величайшій факторъ государсвенной силы. Не только ради выгоды, но и во имя долга, ради побѣды, намъ должно держаться программы насилія и лицемѣрія. Доктрина расчета на столько же сильна, насколько и средства, ею употребляемыя. Поэтому, не столько самыми средствами, сколько доктриной строгости, мы восторжествуемъ и закрѣпостимъ всѣ правительства своему сверхъправительству. Достаточно, чтобы знали, что мы неумолимы, чтобы прекратилось ослушаніе.

Свобода, равенство, братство. Еще въ древнія времена мы, среди народовъ, крикнули слова: „свобода, равенство, братство", слова, столь много разъ повторенныя съ тѣхъ поръ безсознательными попугаями, отовсюду налетѣвшими на эти приманки, съ которыми они унесли благосостояніе мира, истинную свободу личности, прежде такъ огражденную отъ давленія толпы. Якобы умные, интеллигентные гои не разобрались въ отвлеченности произнесенныхъ словъ, не замѣтили противорѣчія ихъ значенія и соотвѣтствія ихъ между собой, не увидѣли, что въ природѣ нѣтъ равенства, не можетъ быть свободы, что сама природа установила неравенство умовъ, характеровъ и способностей, равно и подвластность ея законамъ *), не разсудили, что толпа слѣпая, что выскочки, избранные изъ нея для управленія, въ отношеніи политики такіе же слѣпцы, какъ и она сама, что посвященный, хотя бы и дуракъ, можетъ править, а не посвященный, будь даже геній, ничего не пойметъ въ политикѣ. Все это гоями упущено было изъ виду. А между тѣмъ, на этомъ зиждилось династическое правленіе: отецъ передавалъ сыну знаніе хода политическихъ дѣлъ такъ, чтобы никто ничего не вѣдалъ, кромѣ членовъ династіи и не могъ выдать тайны управляемому народу. Со временемъ, смыслъ династической передачи истиннаго положенія дѣлъ политики былъ утраченъ, что послужило къ успѣху нашего дѣла.

Уничтоженіе привилегій гоевской аристократіи. Во всѣхъ концахъ міра слова **„свобода, равенство, братство"** становили при посредствѣ нашихъ слѣпыхъ агентовъ цѣлые легіоны людей, которые съ восторгомъ несли наши знамена. Между тѣмъ эти слова, были червяками, которые подтачивали благосостояніе гоевъ, уничтожая всюду миръ, спокойствіе, солидарность, разрушая всѣ основы ихъ государствъ. Вы увидите впослѣдствіи, что это послужило къ нашему торжеству: это дало намъ возможность добиться козыря—уничтоженія привилегій, иначе говоря, самой сущности аристократіи гоевъ, которая была единственной противъ насъ защитой народовъ и странъ.

---

*) это должно бы себѣ запомнить якобы умные и интелегентные „гои", лѣзущіе въ обманчивый „союзъ братства, равенства, любви и свободы", которыхъ въ дѣйствительности нигдѣ нѣтъ въ природѣ и быть не можетъ, потому что уже сама природа создала людей неравныхъ по физическимъ и психологическимъ силамъ.

Новая аристократія. На развалинахъ природной и родовой аристократіи мы ставимъ во главѣ всего аристократію нашей денежной интеллигенціи. Цензъ этой новой аристократіи мы установили въ богатствѣ, отъ насъ зависимомъ и въ наукѣ, двигаемой нашими мудрецами.

Психологическій разсчетъ. Наше торжество облегчилось еще тѣмъ, что въ сношеніяхъ съ нужными намъ людьми мы всегда дѣйствуемъ на самыя чувствительныя струны человѣческаго ума — на разсчетъ, на ненасытность матеріальныхъ потребностей человѣка. А каждая изъ перечисленныхъ человѣческихъ слабостей, взятая въ отдѣльности, способна убить иниціативу, отдавая волю людей въ распоряженіе покупателя ихъ дѣятельности.

Абстракція свободы. Абстракція свободы дала возможность убѣдить толпы, что правительство ничто иное, какъ управляющій собственника страны — народа, и что его можно смѣнять, какъ изношенныя перчатки.

Смѣняемость народныхъ представителей. Смѣняемость представителей народа отдавала ихъ въ наше распоряженіе и какъ бы нашему назначенію.

ПРОТОКОЛЪ № 2.

Экономическія войны — основаніе еврейскаго преобладанія. Намъ необходимо, чтобы войны, по возможности не давали территоріальныхъ выгодъ. Это перенесетъ войну на экономическую почву, въ которой націи въ нашей помощи усмотрятъ силу нашего преобладанія, а такое положеніе вещей отдастъ обѣ стороны въ распоряженіе нашей интернаціональной агентуры, обладающей милліонами глазъ взоровъ, непрегражденныхъ никакими границами. Тогда наши международныя права сотрутъ народныя въ собственномъ смыслѣ права и будутъ править народами такъ же, какъ гражданское право государствъ правитъ отношеніями своихъ подданныхъ между собой.

Показная администрація и тайные совѣтники. Администраторы, выбираемые нами изъ публики, зъ зависимости отъ ихъ рабскихъ способностей, не будутъ лицами, приготовленными для управленія*), и потому они легко сдѣлаются пѣшками въ нашей игрѣ, въ рукахъ нашихъ ученыхъ и геніальныхъ совѣтчиковъ, спеціалистовъ, воспитанныхъ съ ранняго дѣтства для управленія дѣлами всего міра. Какъ вамъ извѣстно, эти спеціалисты наши черпаютъ нужныя для управленія свѣ-

*) Напр. Керенскій и другіе члены Временнаго Правительства, избранные депутатами изъ среды населенія Россіи, не были совершенно подготовлены для управленія государствомъ, но ихъ главари большевиковъ, прошедшіе школу „Сіонскихъ мудрецовъ“, были вполнѣ приготовлены.

дѣнія изъ нашихъ политическихъ плановъ, изъ опытовъ исторіи,*) изъ наблюденія надъ каждымъ текущимъ моментомъ. Гои не руководятся практикой безпристрастныхъ историческихъ наблюденій, а теоретической рутиной, безъ всякаго критическаго отношенія къ результатамъ. Поэтому намъ нечего съ ними считаться, пусть они себѣ до времени веселятся или живутъ надеждами на новыя увеселенія или воспоминаніями о пережитомъ. Пусть для нихъ играетъ главнѣйшую роль то, что мы внушили признавать за велѣнія науки (т. е. теорію). Для этой цѣли мы постоянно, путемъ нашей прессы, возбуждаемъ слѣпое довѣріе къ нимъ. Интеллигенты гоевъ будутъ кичиться знаніями и безъ логической ихъ провѣрки, проведутъ въ дѣйствіе всѣ почерпнутыя изъ науки свѣдѣнія, скомбинированныя нашими агентами съ цѣлью воспитанія умовъ въ нужномъ для насъ направленіи.

Успѣхи разрушительныхъ ученій. Вы не думайте, что утвержденія наши голословны. Обратите вниманіе на подстроенныя нами успѣхи Дарвинизма, Марксизма, Ницшеизма. Растлѣвающее значеніе этихъ направленій для гоевскихъ умовъ болѣе чѣмъ очевидно.

Приспособляемость къ политикѣ. Намъ необходимо считаться съ современными мыслями, характерами, тенденціями народовъ, чтобы не дѣлать промаховъ въ политикѣ

---

*) Такъ! — мы учимся исторіи, но ея опытовъ совершенно не примѣняемъ на практикѣ. Для насъ исторія является только или развлеченіемъ или баластомъ, къ ничему негоднымъ пустословіемъ, служащимъ только для полученія хорошей или плохой ноты на свидѣтельствѣ, а не тѣмъ, чѣмъ исторія должна быть въ дѣйствительности, т. е. magistra vitae. Но „гои не руководятся практикой безпристрастныхъ историческихъ наблюденій". Кто посѣщалъ Ростовскія курсы для галицкихъ бѣженцевъ, тотъ долженъ помнитъ, какъ тамъ професоръ исторіи П.. по ученому оплевывалъ всѣхъ русскихъ правителей. Выведенный изъ терпѣнія студ. З. Мохнацкій однажды спросилъ професора: Такъ-то такъ, но откуда взялось такъ великое русское государство, если всѣ правители были дурны?

Характерно также мнѣніе другого историка, правда не професора только преподавателя, С. И. Виноградова, съ которымъ пишущій настоящія строки служилъ въ одной русской гимназіи въ Россіи: Въ началѣ государственнаго переворота въ 1917 году среди преподавателей гимназіи послѣдовала всеобщая радость и ликованіе. Преподаватели поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались и восклицали: „Свобода, свобода!" Только я держался въ сторонкѣ. Но меня не оставили въ покоѣ, а начали приставать и спрашивать, почему я не радуюсь. Меня лихо дернуло сказать: „Потому, что отъ переворота въ военное время не ожидаю ничего хорошаго." Ухъ, какъ набросились на меня!: „Что каркаете какъ ворона?! Увидите, что все хорошо будетъ!" „Ну, это мы увидимъ, кто правъ" — сказалъ я въ сердцахъ. Тогда приступилъ ко мнѣ выше упомянутый преподаватель исторіи, Сергѣй Ивановичъ В., и сталъ увѣрять меня, что все хорошо будетъ. Я возразилъ: „И вы, вы Сергѣй Ивановичъ, какъ историкъ, можете такъ утверждать!? Развѣ не знаете изъ опытовъ исторіи, что перевороты, т. е. революціи, никогда не довели до добра, только до бѣдствій?" — На это я получилъ отвѣтъ: „Чужой опытъ не унитъ". И такого мнѣнія была почти вся русская интелигенція. Теперь эта интелигенція имѣетъ **хорошій опытъ** но зато не имѣетъ **ничего другого хорошаго**.

и въ управленіи административными дѣлами. Торжество нашей системы, части механизма которой можно располагать разно, смотря по темпераменту народовъ, встрѣчаемыхъ нами на пути, не можетъ имѣть успѣха, если практическое ея примѣненіе не будетъ основываться на итогахъ прошлаго въ связи съ настоящимъ.

Роль прессы. Въ рукахъ современныхъ государствъ имѣется великая сила, создающая движеніе мысли въ народѣ — это пресса. Роль прессы — указывать, якобы, необходимыя требованія, передавать жалобы народнаго голоса, выражать и создавать неудовольствія. Въ прессѣ воплощается торжество словоговоренія. Но государства не умѣли воспользоваться этой силой и она очутилась въ нашихъ рукахъ. Черезъ нее мы добились вліянія, сами оставаясь въ тѣни. Благодаря ей мы собрали въ свои руки золото, не взирая на то, что намъ приходилось его брать изъ потоковъ крови и слезъ. Но мы откупились, жертвуя многими изъ нашего народа. Каждая жертва съ нашей стороны стоитъ тысячи гоевъ передъ Богомъ.

ПРОТОКОЛЪ № 3.

Неустойчивость конституціонныхъ вѣсовъ, терроръ во дворцахъ. Современные конституціонные вѣсы скоро опрокинутся, потому что мы установили ихъ не съ точностью, для того, чтобы они не переставали колебаться, пока не перетреться ихъ держатель. Гои предполагали, что они его достаточно крѣпко сковали и все ожидали, что вѣсы придутъ въ равновѣсіе. Но держатель — Царствующіе — заслонены своими представителями, которые дурятъ, увлекаясь своей безконтрольностью и безотвѣтственной властью. Властью же этой они обязаны навѣянному во творцы террору. Не имѣя доступа къ своему народу, въ самую его среду, Царствующіе уже не могутъ сговориться съ нимъ и укрѣпиться противъ властолюбцевъ. Раздѣленныя нами зрячая царская сила и слѣпая сила народа потеряли всякое значеніе, ибо отдѣльно, какъ слѣпецъ безъ палки, онѣ немощны.

Власть и честолюбіе. Чтобы побудить властолюбцевъ къ злоупотребленію властью, мы противопоставили другъ другу всѣ силы, развивъ ихъ либеральныя тенденціи къ независимости. Мы въ этомъ направленіи возбудили всякую предпріимчивость, мы вооружили всѣ партіи, мы поставили власть мишенью всѣхъ амбицій Изъ государства мы сдѣлали арены, на которыхъ разыгрываются смуты... Еще немного и безпорядки, банкротства появятся всюду.

Парламентскія говорильни; памфлеты, злоупотребленія властью. Неистощимые говоруны превратили въ ораторскія состязанія парламенты и административныя собранія. Смѣлые журналисты, безцеремонные памфлетисты ежедневно нападаютъ

на административный персоналъ; злоупотребленія властью окончательно подготовятъ всѣ учрежденія къ паденію и все полетитъ вверхъ ногами подъ ударами обезумѣвшей толпы.

Экономическое рабство, „права народа“. Народы прикованы къ тяжелому труду бѣдностью больше, чѣмъ ихъ приковывало рабство и крѣпостное право. Отъ тѣхъ такъ или иначе могли освободиться, могли съ ними считаться, а отъ нужды они не оторвутся. Мы включили въ конституціи такія права, которыя для массъ являются фиктивными, а не дѣйствительными правами. Всѣ эти, такъ называемыя „права народа“, могутъ существовать только въ идеѣ, на приктикѣ никога неосуществимой. Что для пролетарія труженника, согнутаго въ дугу надъ тяжелымъ трудомъ, придавленнаго своей участью, полученіе говорунами права болтать, журналистами права писать всякую чепуху наряду съ дѣломъ, разъ пролетаріатъ не имѣетъ иной выгоды отъ конституціи, кромѣ тѣхъ жалкихъ крохъ, которыя мы имъ бросаемъ съ нашего стола за подачу ими голосовъ въ пользу нашихъ предписаній, ставленниковъ нашихъ, нашихъ агентовъ?

Республиканскія права для бѣдняка — горькая иронія, ибо необходимость чуть не поденнаго труда не даетъ имъ настоящаго пользованія ими, но зато отнимаетъ у нихъ гарантію постояннаго и вѣрнаго заработка, ставя его въ зависимость отъ стачекъ хозяевъ или товарищей.

Кулачество и аристакратія. Народъ подъ нашимъ руководствомъ уничтожаетъ аристократію, которая есть его настоящая защита и кормилица ради собственныхъ выгодъ, неразрывно связанныхъ съ народнымъ благосостояніемъ. Съ уничтоженіемъ же аристократіи онъ подпадаетъ подъ гнетъ кулачества, разжившихся пройдохъ, насѣшихъ на рабочихъ безжалостнымь ярмомъ.

Армія масоно-еврейства. Вотъ тогда мы должны явиться, якобы, спасителями рабочаго отъ этого гнета и предложить ему вступить въ ряды нашихъ войскъ-соціалистовъ, анархистовъ, коммунистовъ, которымъ мы всегда оказываемъ поддержку изъ, якобы, братскаго правила общечеловѣческой солидарности нашего соціальнаго масонства. Аристократія, пользовавшаяся по праву трудомъ рабочихъ, была заинтересована въ томъ, чтобы рабочіе были сыты, здоровы и крѣпки.

Вырожденіе гоевъ. Мы же заитересованы въ обратномъ, въ вырожденіи гоевъ. Наша власть — въ хроническомъ недоѣданіи и слабости рабочаго, потому что онъ всѣмъ этимъ закрѣпощается нашей волѣ, а въ своихъ властяхъ онъ не найдетъ ни силъ, ни энергіи для противодѣйствія ей.

Голодъ и права капитала. Голодъ создаетъ права капитала на рабочаго вѣрнѣе, чѣмъ аристократіи давала это право законная царская власть.

Нуждою и происходящей отъ нея завистливой ненавистью

мы двигаемъ толпами, и ихъ руками стираемъ тѣхъ, кто намъ мѣшаетъ на пути нашемъ.

Толпа и коронація „всемірнаго владыки“. Когда придетъ время короноваться нашему Всемірному Владыкѣ, то тѣ же руки сметутъ могущее быть тому препятствіемъ.

Основной предметъ программы будущихъ масонскихъ народныхъ школъ. Гои отвыкли думать безъ нашихъ лучшихъ совѣтовъ науки, поэтому они не видятъ настоятельной необходимости въ томъ, что, мы, когда наступитъ наше царство, будемъ неукоснительно придерживаться а именно: что въ народныхъ школахъ надо преподавать единую истинную первую изъ всѣхъ науку о строѣ человѣческой жизни, соціальнаго быта*), требующаго раздѣленія труда, а слѣдовательно раздѣленія людей на классы и сословія. Необходимо чтобы всѣ знали, что равенства быть не можетъ, вслѣдствіе различія назначеній дѣятельности, что не могутъ равно отвѣчать передъ закономъ тотъ, кто поступкомъ своимъ компрометируетъ цѣлое сословіе и тотъ, кто не затрагиваетъ имъ никого кромѣ своей чести.

Тайна науки соціальнаго строя. Правильная наука соціальнаго строя, въ тайны которой мы не допускаемъ гоевъ, показала бы всѣмъ, что мѣсто и трудъ должны сохраняться въ опредѣленномъ кругу, чтобы не быть источникомъ человѣческихъ мукъ отъ несоотвѣтствія воспитанія съ работой. При изученіи этой науки, народы станутъ добровольно повиноваться еврейскимъ властямъ, и распредѣленному ими строю въ государствѣ. При теперешнемъ же состояніи науки и нами созданномъ ея направленіи народъ, слѣпо вѣрящій печатному слову, питаетъ, во внушенныхъ ему заблужденіяхъ, въ невѣдѣніи своемъ, вражду ко всѣмъ сословіямъ, которыя онъ считаетъ выше себя, ибо не понимаетъ значенія каждаго сословія.

Общій экономическій кризисъ. Указанная вражда еще больше увеличивается на почвѣ общаго экономическаго кризиса, который остановитъ биржевыя сдѣлки и ходъ промышленности. Создавъ всѣми доступными намъ подпольными путями, съ помощью золота, которое все въ нашихъ рукахъ, общій экономическій кризисъ, мы бросимъ на улицы цѣлыя толпы рабо-

---

*) Такія школы именно введены въ Совѣтской псевдо - Республикѣ. Въ нихъ вся наука, каждый урокъ, будь это по литературѣ, по исторіи, географіи, физикѣ, природѣ и т. д., долженъ сводиться къ восхваливанію соціализма, марксизма и матеріализма, какъ единственно благоспасаемой наукѣ. Не знаю только, какъ обстоитъ дѣло съ математикой. Въ то время, когда я тамъ былъ, повелѣнія проповѣдывать экономическій матеріализмъ математикамъ еще не было. Не смотря на такую „единую, истинную, первую изъ всѣхъ науку“ экономическое положеніе въ Россіи ничуть не улучшилось, ибо согласно теоріи матеріализма каждый послѣдователь экономическаго матеріализма старается взять для себя какъ наиболѣе, а для „товарищей“ дать какъ наименѣе. Самопонятно, что такая политика должна вконцѣ-концовъ привести до совершеннаго разоренія страны и населенія.

чихъ одновременно во всѣхъ странахъ Европы. Эти толпы съ наслажденіемъ бросятся проливать кровь тѣхъ, кому они въ простотѣ своего невѣдѣнія, завидуютъ съ дѣтства и чьи имущества имъ можно будетъ тогда грабить.

Безопасность „нашихъ“. Нашихъ они не тронутъ, по тому что моментъ нападенія будетъ намъ извѣстенъ и нами будутъ приняты мѣры къ огражденію своихъ.

Деспотизмъ масонства — царство разума. Мы убѣдили, что прогрессъ приведетъ всѣхъ къ царству разума. Нашъ деспотизмъ и будетъ таковъ, онъ съумѣетъ разными строгостями замирить всѣ волненія, вытравить либерализмъ изъ всѣхъ учрежденій.

Утрата руководителей масонства и „великая“ французская революція Когда народъ видитъ, что ему во имя свободы дѣлаютъ всякія уступки и послабленія, онъ воображаетъ, что онъ владыка и кидается къ власти, но конечно, какъ и всякій слѣпецъ, натыкается на массу препятствій: бросается искать руководителей, не догадывается вернуться къ прежнему и слагаетъ покорно свои полномочія у нашихъ ногъ. Вспомните французскую революцію, которой мы дали имя „Великой“: тайны ея подготовленія намъ хорошо извѣстны, ибо она вся — дѣло нашихъ рукъ. Съ тѣхъ поръ мы водимъ народъ отъ одного разочарованія къ другому, чтобы онъ и отъ насъ отказался въ пользу того **Великаго Царя Деспота Сіонской крови, котораго мы готовимъ для міра.** Въ настоящее время мы какъ международная сила неуязвимы, потому что, при нападеніи на насъ однихъ, насъ поддерживаютъ другія государства. Неистощимая подлость гоевскихъ народовъ, ползающихъ передъ силой, безжалостныхъ къ слабости, безпощадныхъ къ проступкамъ и снисходительныхъ къ преступленіямъ не желающихъ выносить противорѣчій свободнаго строя, терпѣливыхъ до мученичества передъ насиліемъ смѣлаго деспотизма — вотъ что способствуетъ нашей независимости.

Отъ современныхъ президентовъ и премьеровъ диктаторовъ они терпятъ и выносятъ такія злоупотребленія, за меньшее изъ которыхъ они обезглавили бы двадцать королей.

Роль тайныхъ масонскихъ агентовъ. Чѣмъ же объяснить такое явленіе, такую непослѣдовательность народныхъ массъ въ отношеніи своемъ къ событіямъ, казалось бы, одного порядка? Объясняется явленіе это тѣмъ, что диктаторы эти шепчутъ народу черезъ своихъ агентовъ, что они тѣми злоупотребленіями наносятъ ущербъ государствамъ для высшихъ цѣлей — достиженія блага народовъ, ихъ международнаго братства, солидарности и равноправія. Конечно, имъ не говорятъ, что такое соединеніе должно совершиться только подъ нашей державой.

И вотъ народъ осуждаетъ правыхъ и оправдываетъ виновныхъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что онъ можетъ творить

все, что ни пожелаетъ. Благодаря такому положенію народъ разрушаетъ всякую устойчивость и создаетъ безпорядки на каждомъ шагу.

Свобода. Слово „свобода" выставляетъ людскія общества на борьбу противъ всякой власти, даже Божеской и природной. Вотъ почему при нашемъ воцареніи мы должны будемъ это слово исключить изъ человѣческаго лексикона, какъ принципъ животной силы, превращающей толпы въ кровожадныхъ звѣрей. Правда звѣри засыпаютъ каждый разъ, какъ напьются крови, и въ это время ихъ легко заковать въ цѣпи, но если имъ не дать крови, то они не спятъ и борются.

ПРОТОКОЛЪ № 4.

Стадіи республики. Всякая республика проходитъ нѣсколько стадій. Первая изъ нихъ залючена въ первыхъ дняхъ безумствованія слѣпца, мятущагося направо и налѣво, вторая въ демагогіи, отъ которой родится анархія, приводящая неизбѣжно къ деспотизму, но уже незаконному, открытому, а потому отвѣтственному, а къ невидимому и невѣдомому, и тѣмъ не менѣе чувствительному деспотизму, какой бы то ни было тайной организаціи, тѣмъ безцеремоннѣе дѣйствующей, что она дѣйствуетъ прикрыто, за спиною разныхъ агентовъ, смѣна которыхъ не только не вредитъ, но **воспособляетъ** тайной силѣ, избавляющейся, благодаря этой смѣнѣ, отъ необходимости тратить свои средства на вознагражденіе долгосрочныхъ прослужившихъ.

Внѣшнее масонство. Кто и что можетъ свергнуть незримую силу? А сила наша такова. Внѣшнее масонство служитъ слѣпымъ прикрытіемъ ее и ея цѣлей, но планъ дѣйствія этой силы, даже самое мѣстопребываніе ея для народа всегда останется неизвѣстнымъ.

Свобода и вѣра. Но свобода могла бы быть безвредной и просуществовать въ государственномъ обиходѣ безъ ущерба для благоденствія народовъ, если бы она держалась на принципахъ вѣры въ Бога, на братствѣ человѣчества, мысли о равенствѣ, которому противорѣчатъ сами законы творенія, установившіе подвластность. При такой вѣрѣ народъ былъ бы управляемъ опекой приходовъ и шелъ бы смиренно и кротко подъ рукой своего духовнаго пастыря, повинуясь Божьему распредѣленію на землѣ. Вотъ почему намъ необходимо подорвать вѣру, вырвать изъ ума гоевъ самый принципъ Божества и духа и замѣнить все ариѳметическими разсчетами и матеріальными потребностями.

Международная торговопромышленная конкуренція, роль спекуляціи. Чтобы умы гоевъ не успѣвали думать и замѣчать, надо ихъ отвлечь на промышленность и торговлю. Такимъ образомъ всѣ націи будутъ искать своей выгоды, и въ борьбѣ за нее не замѣтятъ своего общаго врага. Но для того, чтобы свобода окончательно разложила и разорила гоевскія

общества, надо промышленность поставить на спекулятивную почву; это послужитъ къ тому, чтобы отнятое промышленностью отъ земли не удержалось въ рукахъ и перешло къ спекуляціи, т. е. въ наши кассы.*)

Культъ золота. Напряженная борьба за превосходство, толчки въ экономической жизни создадутъ, да и создали уже, разочарованныя, холодныя и безсердечныя общества. Эти общества получатъ полное отвращеніе къ высшей политикѣ и къ религіи. Руководителемъ ихъ будетъ только разсчетъ, т. е. золото, къ которому они будутъ имѣть настоящій культъ, за тѣ матеріальныя наслажденія, которое оно можетъ дать..: Тогда то не для служенія добру, даже не ради богатства, а изъ одной ненависти къ привилигированнымъ, низшіе классы гоевъ пойдутъ за нами противъ нашихъ конкурентовъ на власть интеллигентовъ гоевъ.

ПРОТОКОЛЪ № 5.

Созданіе усиленной централизаціи управленія. Какую форму административнаго правленія можно дать обществамъ, въ которыхъ подкупность проникла всюду, гдѣ богатства достигаются только ловкими сюрпризами полумошенническихъ продѣлокъ, гдѣ царствуетъ распущенность, гдѣ нравственность поддерживается карательными мѣрами и суровыми законами, а не добровольно воспринятыми принципами, гдѣ чувства къ родинѣ и къ религіи затерты космополитическими убѣжденіями. Какую форму правленія дать этимъ обществамъ, какъ не ту деспотическую, которую я вамъ опишу далѣе? Мы создадимъ усиленную централизацію управленія, чтобы всѣ общественныя силы забрать въ руки. Мы урегулируемъ механически всѣ дѣйствія политической жизни нашихъ подданыхъ новыми законами. Законы эти отберутъ одно за другимъ всѣ послабленія и вольности, которыя были допущены гоями и наше царство ознаменуется такимъ величественнымъ деспотизмомъ, что онъ съ состояніи будетъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ прихлопнуть противодѣйствующихъ и протестующихъ гоевъ.

Намъ скажутъ, что тотъ деспотизмъ, о которомъ я говорю, не согласуется съ современнымъ прогрессомъ, но я вамъ докажу обратное.

Пути захвата власти масонствомъ. Въ тѣ времена, когда народы глядѣли на царствовавшихъ, какъ на чистое проявленіе Божьей Воли, гои безропотно покорялись самодержавію царей, но съ того дня, какъ мы имъ внушили мысль о собственныхъ правахъ, они стали считать царствующихъ

---

*) Для этого по всей вѣроятности и созданъ въ Совѣтской Республикѣ „Н. Э. П.“ т. е. новая эвономическая политика, почивающая на спекуляціи.

лицъ простыми смертными. Помазаніе Божественнымъ избраніемъ ниспало съ главы царей въ глазахъ народа, а когда мы отняли отъ него вѣру въ Бога, то мощь власти была выброшена на улицу, какъ публичная собственность и захвачена нами.

Кромѣ того, искусство управлять массами и лицами посредствомъ ловко подстроенной теоріи и фразеологіи, правилами общежитія и всякими другими уловками, въ которыхъ гои ничего не смыслятъ, принадлежитъ также къ спеціальностямъ нашего административнаго ума, воспитаннаго на анализѣ, наблюденіи, на такихъ тонкихъ соображеніяхъ, въ которыхъ у насъ нѣтъ соперниковъ, какъ нѣтъ и въ составленіи плановъ политическаго дѣйствія и солидарности. Одни іезуиты могли бы въ этомъ съ нами сравняться, но мы ихъ съумѣли дискредитировать въ глазахъ безсмысленой толпы, какъ организацію явную, сами со своей организаціей тайной, оставшись въ тѣни. Впрочемъ, не все ли равно для міра, кто будетъ его Владыкой — глава ли католичества или нашъ Царь Сіонской крови, намъ же, избранному народу, это далеко не все равно.

Причина невозможности соглашенія между государствами. Временно съ нами могла бы справиться вымірная коалиція гоевъ. Но съ этой стороны мы обезпечены тѣми глубокими корнями разлада между ними, который уже вырвать нельзя. Мы противопоставили другъ другу личные и національные интересы гоевъ, религіозныя и племенныя ненависти, выращенныя нами въ ихъ сердцахъ въ продолженіи двадцати вѣковъ. Благодаря всему этому ни одно государство не встрѣтитъ ни откуда поддержи своей протянутой рукѣ, ибо каждый долженъ думать, что соглашеніе противъ насъ не выгодно ему самому. Мы слишкомъ сильны, съ нами приходится считаться. Державы даже небольшого частнаго соглашенія не могутъ составить безъ того, чтобы тайно къ нему не были причастны мы.

Предизбранничество евреевъ. Пророками намъ сказано, что мы избраны самимъ Богомъ на царство надъ всей землей. Богъ наградилъ насъ геніемъ, чтобы мы могли справиться со своей задачей: Будь геній у противнаго лагеря, онъ бы еще справился съ нами, но пришлецъ не стоитъ стараго обывателя: борьба была бы между нами безпощадна, какой не видывалъ еще свѣтъ.

Золото двигатель государственныхъ механизмовъ. Да и опоздалъ бы геній ихъ. Всѣ колеса государственныхъ механизмовъ ходятъ воздѣйствіемъ двигателя, находящагося въ нашихъ рукахъ, а двигатель этотъ — золото. Измышленная нашими мудрецами наука политической экономіи давно указываетъ царскій престижъ за капиталомъ.

Монополія въ торговлѣ и промышленности. Капиталъ для дѣйствія безъ стѣсненій, долженъ добиться свободы для монополіи промышленности и торговли, что уже проводится въ исполненіе незримой рукой во всѣхъ частяхъ свѣта. Такая свобода даетъ политическую силу промышленникамъ, а это послу-

житъ къ стѣсненію народа. Нынѣ важнѣе обезоруживать народы, чѣмъ ихъ вести на войну, важнѣе пользоваться разгорѣвшимися страстями въ нашу пользу, чѣмъ ихъ изгонять.

Значеніе критики. Главная задача нашего правленія состоитъ въ томъ, чтобы ослабить общественный умъ критикой, отучить отъ размышленія, вызывающаго отпоръ, отвлечь силы ума на перестрѣлку пустымъ краснорѣчіемъ. Во всѣ времена народы, какъ и отдѣльныя лица, принимали слово за дѣло, ибо они удовлетворяются показнымъ, рѣдко замѣчая, послѣдовало ли на общественной почвѣ за обѣщаніемъ исполненіе. Поэтому мы установимъ показныя учрежденія, которыя будутъ краснорѣчиво доказывать свои благодѣянія прогрессу.

Мы присваиваемъ себѣ либеральную физіономію всѣхъ партій, всѣхъ направленій и снабжаемъ ею же ораторовъ, которые бы столько говорили, что привели бы въ концѣ концовъ къ переутомленію людей отъ рѣчей, къ отвращенію отъ ораторовъ.

Какъ взять въ руки общественное мнѣніе. Чтобы взять общественное мнѣніе въ руки, надо его поставить въ недоумѣніе, высказывая съ разныхъ сторонъ столько противорѣчивыхъ мнѣній и до тѣхъ поръ, пока гои не зате яются въ лабиринтѣ ихъ и не поймутъ, что лучше всего не имѣть никакого мнѣнія въ вопросахъ политики, которыхъ обществу не дано вѣдать, потому что вѣдаетъ ихъ лишь только тотъ, кто руководитъ обществомъ. Это первая тайна,

Вторая тайна, потребная для успѣха управленія, заключается въ томъ, чтобы настолько размножить народные недостатки привычки, страсти, правила общежитія, чтобы никто въ этомъ хаосѣ не могъ разобраться, и люди вслѣдствіе этого, перестали бы понимать другъ друга. Эта мѣра намъ еще послужитъ къ тому, чтобы посѣять раздоръ во всѣхъ партіяхъ, разобщить всѣ коллективныя силы, которыя не хотятъ намъ еще покориться, обезкуражить всякую личную иниціативу, могущую сколько нибудь мѣшать нашему дѣлу.

Значеніе личной иниціативы... Нѣтъ ничего опаснѣе личной иниціативы: если она геніальна, она можетъ сдѣлать болѣе того, что могутъ сдѣлать милліоны людей, среди которыхъ мы посѣяли раздоръ. Намъ надо направить воспитаніе гоевскихъ обществъ такъ, чтобы передъ каждымъ дѣломъ, гдѣ нужна иниціатива, у нихъ опускались бы въ безнадежномъ безсиліи руки. Напряженіе, происходящее отъ свободы дѣйствій разслабляетъ силы, встрѣчаясь съ чужой свободой. Отъ этого происходятъ тяжелые нравственные толчки, разочарованія, неудачи.

Сверхправительство. Всѣмъ этимъ мы такъ утомимъ гоевъ, что вынудимъ ихъ согласиться на международную власть могущую безъ ломки всосать въ себя всѣ государственныя силы міра и образовать Сверхправительство. На мѣсто современныхъ правителей мы поставимъ страшилище, которое будетъ называться сверхправительственной администраціей. Руки

его будувъ протянуты во всѣ стороны, какъ клещи, при такой колоссальной организаціи, что она не можетъ не покорить всѣ народы.

ПРОТОКОЛЪ № 6.

Монополіи; зависимость отъ нихъ „гоевскихъ состояній". Скоро мы начнемъ учреждать громадныя монополіи резервуары огромныхъ богатствъ, отъ которыхъ будутъ зависѣть даже крупныя гоевскія состоянія настолько, что они потонутъ вмѣстѣ съ кредитомъ государства на другой день послѣ политической катастрофы.

Господа экономисты, здѣсь присутствующіе взвѣсьте-ка значеніе этой комбинаціи!..

Всѣми путями намъ надо развить значеніе нашего Сверхпрительства, представляя его покровителемъ и вознаградителемъ свѣхъ намъ добровольно покоряющихся.

Обезземеленіе аристократіи. Аристократія гоевъ, какъ политическая сила, кончается: съ ней намъ можно не считаться, но какъ территоріальная владѣлица, она намъ вредна тѣмъ, что можетъ быть самостоятельна въ источникахъ своей жизни. Намъ надо ее поэтому во что бы то ни стало обезземелить. Для этого лучшій способъ заключается въ увеличеніи земельныхъ повинностей, въ задолженности земли. Эти мѣры задержатъ землевладѣніе въ состояніи безусловной приниженности. Наслѣдственно не умѣющіе довольствоваться малымъ, аристократы гоевъ, несомнѣнно, скоро прогорятъ.

Торговля, промышленность и спекуляція. Въ то же время надо усиленно покровительствовать торговлѣ и промышленности, а главное спекуляціи, роль которой заключается въ противовѣсѣ промышленности: безъ спекуляціи промышленность умножаетъ частные капиталы и служитъ къ поднятію земледѣлія, освободивъ землю отъ задолженности, установленной ссудами земельныхъ банковъ. Надо, чтобы промышленность высосала изъ земли и руки и капиталы и, черезъ спекуляцію передала бы въ наши руки всѣ міровыя деньги и тѣмъ самымъ выбросила бы всѣхъ гоевъ въ ряды пролетаріевъ. Тогда гои преклонятся передъ нами, чтобы только получить право на существованіе.

Роскошь. Для разоренія гоевской промышленности мы допускаемъ въ подмогу спекуляціи, развитую нами среди гоевъ сильную потребность къ роскоши.

Подъемъ заработной платы и вздорожаніе предметовъ первой необходимости. Поднимаемъ заработную плату, которая, однако, не приноситъ никакой пользы рабочимъ, ибо одновременно мы проводимъ вздорожаніе предметовъ первой необходимости, якобы, отъ паденія земледѣлія и скотоводства. Да кромѣ того мы искусно и глубоко подкапываемъ источники производства, пріучая рабочихъ къ анархіи и спиртнымъ напит-

камъ и принявъ вмѣстѣ съ этимъ мѣры къ изгнанію съ земли всѣхъ интеллигентныхъ силъ.

Тайный смыслъ пропаганды экономическихъ теорій. Чтобы истинная подкладка вещей не стала извѣстна гоямъ раньше времени, мы ее прикрываемъ якобы, стремленіемъ послужить рабочимъ классамъ и великимъ экономическимъ принципамъ, о которыхъ ведутъ дѣятельную пропаганду наши экономическія теоріи.

ПРОТОКОЛЪ № 7.

Цѣль напряженія вооруженій. Напряженіе вооруженій, увеличеніе полицейскаго штата — это все суть необходимыя пополненія вышеуказанныхъ плановъ. Необходимо достичь того, чтобы кромѣ насъ во всѣхъ государствахъ были только массы пролетаріата*), нѣсколько преданныхъ намъ милліонеровъ, полицейскіе и солдаты.

Броженіе, раздоры и вражды во всемъ мірѣ. Во всей Европѣ, а съ помощью ея отношеній и на другихъ континентахъ, мы должны создать броженіе, раздоры и вражду. Въ этомъ двоякая польза: во первыхъ этимъ мы держимъ въ подчиненіи всѣ страны, хорошо вѣдающія, что мы по желанію властны произвести безпорядки или водворить порядокъ. Всѣ эти страны привыкли видѣть въ насъ необходимое давленіе, во вторыхъ, интригами мы запутаемъ всѣ нити протянутыя нами во всѣ государственные кабинеты политикой, экономическими договорами или долговыми обязательствами. Для достиженія этого намъ надо вооружиться большой хитростью и пронырливостью во время переговоровъ и соглашеній, но въ томъ, что называется „официальнымъ языкомъ“ мы будемъ держаться противоположной тактики и будемъ казаться честными и сговорчивыми. Такимъ образомъ народы и правительства гоевъ, которыхъ мы пріучили смотрѣть только на показную сторону того, что мы имъ представляемъ, примутъ насъ еще за благодѣтелей и спасителей рода человѣческаго.

Тайна — успѣхъ политики. Главный успѣхъ въ политикѣ заключается въ тайнѣ ея предпріятій:**) слово не должно согласоваться съ дѣйствіями дипломата.

Пресса и общественное мнѣніе. Къ дѣйствіямъ широко задуманнаго нами плана уже близящагося къ вожделѣнному концу, мы должны вынуждать гоевскія правительства, якобы общественнымъ мнѣніемъ, втайнѣ подстроеннымъ нами, при помощи, такъ называемой **„великой державы“ — печати, которая почти вся уже въ нашихъ рукахъ.**

Американскія, китайскія и японскія пушки сотрудники масонскаго правленія. Однимъ словомъ, чтобы резюмировать

---

*) Въ Россіи это уже достигнено.

**) Это должевъ бы хорошенько себѣ запомнить каждый, кто хочетъ успѣшно заниматься политикой.

нашу систему обузданія гоевскихъ правительствъ въ Европѣ, мы одному изъ нихъ покажемъ*) свою силу покушеніями, т. е. терроромъ, а всѣмъ, если они возстанутъ противъ насъ, мы отвѣтимъ американскими, японскими, китайскими пушками.

ПРОТОКОЛЪ № 8.

Двусмысленное пользованіе юридическимъ правомъ. Мы должны заручиться для себя всѣми орудіями, которыми наши противники могли бы воспользоваться противъ насъ. Мы должны будемъ выискивать съ самыхъ тонкихъ выраженіяхъ и загвоздкахъ правового словаря оправданія для тѣхъ случаевъ, когда намъ приходится произносить рѣшенія, могущія показаться непомѣрно смѣлыми и несправедливыми, ибо эти рѣшенія важно выразить въ такихъ выраженіяхъ, которыя казались бы высшими нравственными правилами правового характера.

Сотрудники масонскаго правленія. Наше правленіе должно окружать себя всѣми силами цивилизаціи, среди которыхъ ему придется дѣйствовать. Оно окружитъ себя публицистами, юристами практиками, администраторами, дипломатами и наконецъ, людьми подготовленными особымъ сверхъобразовательнымъ воспитаніемъ въ нашихъ особыхъ школахъ.

Особыя школы и сверхъобразовательное воспитаніе. Эти люди будутъ вѣдать всѣ тайны соціальнаго быта, они будутъ знать всѣ языки, составленные политическими буквами и словами. Они будутъ ознакомлены со всей подкладочной стороной человѣческой натуры, со всѣми ея чувствительными струнами, на которыхъ имъ надо будетъ умѣть играть. Струны эти — строеніе умовъ гоевъ, ихъ тенденціи, недостатки, пороки и качества, особенности классовъ и сословій. Понятно, что геніальные сотрудники нашей власти, о которыхъ я веду рѣчь, будутъ взяты не изъ числа гоевъ, которые привыкли исполнять свою административную работу, не задаваясь мыслью, чего ею надо достигнуть, но думая о томъ, что она нужна. Администраторы гоевъ подписываютъ бумаги, не читая ихъ, служатъ же изъ корысти или изъ-за честолюбія.

Экономисты и милліонеры. Мы окружимъ свое правительство цѣлымъ міромъ экономистовъ. Вотъ отчего экономическія науки составляютъ главный предметъ преподаванія евреямъ.

Насъ будетъ окружать цѣлая плеяда банкировъ, промышленниковъ, капиталистовъ, а главное милліонеровъ, потому что все будетъ разрѣшаться вопросомъ цифръ.

Кому поручить отвѣтственные посты въ правительствѣ. На время, когда еще будетъ опасно поручать отвѣтственные посты въ государствахъ нашимъ братьямъ евреямъ, мы ихъ будемъ поручать лицамъ, прошлое и характеръ которыхъ таковы, что между ними и народомъ легла пропасть, такимъ

*) Это именно евреи и показали Россіи.

людямъ, которымъ, въ случаѣ непослушанія нашимъ предписаніямъ, остается ждать или суда или ссылки.*) Это для того, чтобы они защищали наши интересы до послѣдняго своего издыханія.

ПРОТОКОЛЪ № 9.

Примѣненіе масонскихъ принциповъ въ дѣлѣ воспитанія народовъ. Примѣняя наши принципы, обращайте вниманіе на характеръ народа, въ странѣ котораго вы будете находиться и дѣйствовать; общее одинаковое ихъ примѣненіе, ранѣе перевоспитанія народа на нашъ ладъ не можетъ имѣть успѣха. Но шествуйте въ примѣненіи ихъ осторожно. Вы увидите, что не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ самый упорный характеръ измѣнится, и мы зачислимъ новый народъ въ ряды уже покорившихся намъ.

Масонскій пароль. Слова либеральнаго нашего масонскаго пароля — **свобода, равенство и братство,** когда мы воцаримся, мы замѣнимъ идеей его: „право свободы, долгъ равенства, идеалъ братства", скажемъ мы, и... поймаемъ быка за рога. Въ сущности мы стерли уже всякое правленіе, кромѣ нашего; нынѣ же, если какія либо государства поднимаютъ протестъ противъ насъ, то это для формы и по нашему усмотрѣнію и распоряженію, ибо ихъ антисемитизмъ намъ нуженъ для управленія нашими меньшими братьями.**)

Диктатура масонства. Въ дѣйствительности для насъ нѣтъ препятствій. Наше Сверхправительство находится въ такихъ условіяхъ, которыя принято называть диктатурой. Я могу по совѣсти сказать, что въ даное время мы — законодатели, мы творимъ судъ и расправу, мы казнимъ и милуемъ, мы, какъ начальникъ всѣхъ нашихъ войскъ, сидимъ на предводительскомъ конѣ. Въ нашихъ рукахъ неудержимыя честолюбія, жгучія жадности, бозпощадныя мести, злобныя ненависти. Отъ насъ исходитъ всеохватывающій терроръ. У насъ въ услуженіи люди всѣхъ мнѣній, всѣхъ доктринъ: реставраторы монархій, демагоги, соціалисты, коммунисты и всякіе утописты. Мы всѣхъ запрягли въ работу, каждый изъ нихъ съ своей стороны подтачиваетъ послѣдніе остатки власти, старается свергнуть всѣ установленные порядки. Этими дѣствіями всѣ государства замучены, они взываютъ къ покою, готовы ради мира пожертвовать всѣмъ, но мы не дадимъ имъ мира, пока они не признаютъ нашего интернаціональнаго „Сверхправительства" открыто и съ покорностью.

Народъ завопитъ о необходимости разрѣшить соціальный вопросъ путемъ международнаго соглашенія. Раздробленіе на

*) Въ началѣ русской революціи, когда было еще опасно, на отвѣтственные посты ставились мелкіе евреи или каторжники, которыхъ выпустилъ Керенскій въ числѣ около 20 тысячъ.

**) Не относится ли это между прочимъ къ Польшѣ, гдѣ наблюдается повсемѣстный антисемитизмъ?

партіи представило ихъ всѣхъ въ наше распоряженіе, такъ какъ для того, чтобы вести соревновательную борьбу нужны деньги, а онѣ всѣ у насъ.

Раздѣленіе „зрячей" и „слѣпой" силъ гоевскихъ царствъ. Мы могли бы бояться соединенія гоевской зрячей силы царствующихъ со слѣпою силой народной. Но нами приняты всѣ мѣры противъ такой возможности: между той и другой силой нами воздвигнута стѣна въ видѣ взаимнаго между ними террора. Такимъ образомъ слѣпая сила народа остается нашей опорой и мы, только мы, будемъ ей служить руководителемъ и, конечно, направимъ ее къ нашей цѣли.

Общеніе власти съ народомъ. Чтобы рука слѣпого не могла освободиться отъ нашего руководства, мы должны по временамъ находиться въ тѣсномъ общеніи съ нимъ, если не лично, то черезъ самыхъ вѣрныхъ братьевъ нашихъ. Когда мы будемъ признанной властью, то мы съ народомъ будемъ бесѣдовать лично на площадяхъ, и будемъ его учить политикѣ въ томъ направленіи, какое намъ понадобится.

Либеральный произволъ. Чтобы не уничтожить раньше времени гоевскихъ учрежденій, мы коснулись ихъ умѣлой рукой и забрали въ свои руки концы пружинъ и механизмъ. Пружины эти были въ строгомъ, но справедливомъ порядкѣ, а мы его замѣнили либеральнымъ, безпорядочнымъ произволомъ. Мы затронули юрисдикцію, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное, образованіе и воспитаніе, какъ краеугольные камни свободнаго бытія.

Ложныя теоріи. Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредствомъ воспитанія, въ завѣдомо для насъ ложныхъ, но нами внушенныхъ, принципахъ и теоріяхъ.

Толкованіе законовъ. Сверхъ существующихъ законовъ, не измѣняя ихъ противорѣчивыми толкованіями, мы создали нѣчто грандіозное въ смыслѣ результатовъ. Эти результаты выразились сначала въ томъ, что толкованія замаскировали законы, а затѣмъ и совсѣмъ закрыли ихъ отъ взоровъ правительствъ, невозможностью вѣдать такое запутанное законодательство.

Вы думаете, что на насъ подымутся съ оружіемъ въ рукахъ, если раскусятъ въ чемъ дѣло раньше времени? Но для этого у насъ на западѣ такой терроризующій маревръ, что самыя храбрыя души дрогнутъ: подземные ходы къ тому времени проведены будутъ во всѣхъ столицахъ, откуда они будутъ взорваны со всѣми своими организаціями и документами странъ.

ПРОТОКОЛЪ № 10.

„Показное въ политикѣ". Сегодня начинаю съ повторенія уже сказаннаго и прошу васъ помнить, что правительства и народы въ политикѣ довольствуются показнымъ. Да и гдѣ имъ разглядывать подкладку вещей, когда ихъ представителямъ

важнѣе всего веселиться. Для нашей политики весьма важно вѣдать эту подробность: она намъ поможетъ при переходѣ къ обсужденію раздѣленія власти, свободы слова, прессы, религіи (вѣры), права ассоціаціи, равенства передъ закономъ, неприкосновенности собственности, жилища, налога, (идея о скрытомъ налогѣ), обратной силы законовъ. Всѣ эти вопросы таковы, что ихъ прямо и открыто для народа не слѣдуетъ никогда касаться. Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо ихъ коснуться, надо не перечислять ихъ, а заявлять безъ подробнаго изложенія, что принципы современнаго права признаются нами. Значеніе этого умолчанія заключается въ томъ, что не названный принципъ оставляетъ намъ свободу дѣйствій, исключать то или другое изъ него непримѣтно; при перечисленіи ихъ они являются всѣ какъ будто уже дарованными.

„Геніяльность“ подлости. Народъ питаетъ особую любовь и уважаніе къ геніямъ политической мощи и на всѣ насильственныя дѣйствія отвѣчаетъ: подло то, подло, но ловко... Фокусъ, но какъ сыгранъ, сколь величественно, нахально...

Мы разсчитываемъ привлечь всѣ націи къ работѣ возведенія новаго фундамента зданія, которое нами проэктировано. Вотъ почему намъ необходимо прежде всего запастись и заручиться той, прямо, безшабашной удалью и мощью духа, которая въ лицѣ нашихъ дѣятелей сломитъ всѣ препятствія на нашемъ пути.

Что обѣщаетъ масонскій государственный переворотъ? Когда мы совершимъ государственный переворотъ, мы скажемъ тогда народамъ: „все шло ужасно плохо, всѣ настрадались. Мы разбиваемъ причины вашихъ мукъ: народности, границы, разномонетность. Конечно, вы свободны произнести надъ нами приговоръ, но развѣ онъ можетъ быть справедливымъ, если онъ будетъ вами утвержденъ прежде, чѣмъ испытаете то, что мы вамъ дадимъ“... Тогда они насъ вознесутъ и на рукахъ понесутъ въ единодушномъ восторгѣ надеждъ, и упованій. Голосованіе, которое мы сдѣлали орудіемъ нашего воцаренія, пріучивъ къ нему даже самыя мелкія единицы изъ числа членовъ человѣчества составленіемъ групповыхъ собраній и соглашеній, отслуживъ свою службу на этотъ разъ, сыграетъ свою послѣднюю роль единогласіемъ, въ желаніи ознакомиться съ нами поближе, прежде чѣмъ осудить.

Всеобщее голосованіе. Для этого намъ надо привести всѣхъ къ голосованію, безъ различія классовъ и ценза, чтобы установить абсолютизмъ большинства, котораго нельзя добиться отъ интелигентныхъ цензовыхъ кл ссовъ... Такимъ порядкомъ пріучивъ всѣхъ къ мысли о самозначеніи, мы сломаемъ значеніе гоевской семьи и ея воспитательную цѣну, устранимъ выдѣленіе индивидуальныхъ умовъ, которымъ толпа, руководимая нами, не дастъ ни выдвинуться, ни даже высказаться: она привыкла слушать только насъ, платящихъ ей за послушаніе и вниманіе. Этимъ мы создадимъ такую слѣпую мощь, которая

никогда не будетъ въ состояніи никуда двинуться помимо руководства нашихъ агентовъ, поставленныхъ нами на мѣсто ея лидеровъ.

Лидеры масонства. Народъ починится этому режиму потому, что будетъ знать, что отъ этихъ лидеровъ будутъ зависѣть заработки, подачки и полученіе всякихъ благъ.

Геніальный руководитель масонства. Планъ управленія долженъ выйти изъ одной головы готовымъ, потому что его не скрѣпишь, если допустить его дробленія на клочки во многочисленныхъ умахъ. Поэтому намъ можно вѣдать планъ дѣйствій, но не обсуждать его, чтобы не нарушить его геніальности, связи его составныхъ частей, практической силы тайнаго значенія каждаго его пункта. Если обсуждать и измѣнять подобную работу многочисленнымъ голос ваніемъ, то она, понесетъ на себѣ печать всѣхъ умственныхъ недоразумѣній, не проникшихъ въ глубину и въ связь ея замысловъ. Намъ нужно, чтобы наши планы были сильны и цѣлесообразно задуманы; поэтому, намъ не слѣдуетъ бросать геніальной работы нашего руководителя на растерзаніе толпы или даже ограниченнаго общества.

Эти планы не перевернутъ пока вверхъ дномъ современныхъ учрежденій, они только измѣнятъ ихъ экономію, а слѣдовательно, всю комбинацію ихъ шествія, которое, такимъ образомъ, направится по намѣченному въ нашихъ планахъ пути.

Учрежденія и ихъ функціи. Подъ разными названіями во всѣхъ странахъ существуютъ приблизительно одно и тоже: Представительство, Министерство, Сенатъ, Государственный Совѣтъ, Законодательный и исполнительный корпусъ. Мнѣ не нужно пояснять вамъ отношеній этихъ учрежденій между собою, такъ какъ это хорошо вамъ извѣстно; обратите вниманіе на то, что каждое изъ этихъ учрежденій отвѣчаетъ какой либо важной государственной функціи, причемъ прошу васъ замѣтить, что слово „важный“ я отношу не къ учрежденію, а къ функціи, слѣдовательно не учрежденія важны, а важны функціи ихъ. Учрежденія подѣлили между собой всѣ функціи управленія: административную, законодательную, исполнительную, поэтому они стали дѣйствовать въ государственномъ организмѣ, какъ органы въ человѣческомъ тѣлѣ. Если повредимъ одну часть въ государственномъ организмѣ, государство заболѣетъ, какъ человѣческое тѣло и... умретъ.

Ядъ либерализма. Когда мы ввели въ государственный организмъ ядъ либерализма, вся его политическая комплекція измѣнилась: государства заболѣли смертельною болѣзнью — разложеніемъ крови; остается ожидать конца ихъ агоніи.

Конституція — школа партійныхъ раздоровъ, республиканская эра, президенты — креатуры масонства.

Отъ либерализма родились конституціонныя государства, замѣнившія спасительное для гоевъ самодержавіе, а конституція, какъ хорошо вамъ извѣстно, есть ничто иное, какъ школа раздоровъ, разлада, споровъ, несогласій, безплодныхъ партійныхъ

агитацій, партійныхъ тенденцій — однимъ словомъ, школа всего того, что обезличить дѣятельность государства. Трибуна не хуже прессы приговорила правителей къ бездѣйствію и безсилію, и тѣмъ сдѣлала ихъ ненужными, лишними, отчего они и были во многихъ странахъ свергнуты. Такъ стало возможнымъ возникновеніе республиканской эры, и тогда мы замѣнили правителя каррикатурой правительства — президентомъ, взятымъ изъ толпы, изъ среды нашихъ креатуръ, нашихъ рабовъ. Въ этомъ было основаніе мины, подведенной нами подъ гоевскій народъ, или вѣрнѣе, подъ гоевскіе народы.

Отвѣственность президентовъ. Въ близкомъ будушемъ мы учредимъ отвѣственность президентовъ. Тогда мы уже не станемъ церемониться въ проведеніи того, за что будетъ отвѣчать наша безличная креатура. Что намъ до того, если раздѣлятся ряды стремящихся къ власти, что наступятъ замѣшательства отъ ненахожденія президентовъ, замѣшательства, которыя окончательно дезорганизуютъ страну.

„Панама". Роль палаты депутатовъ и президента... Чтобы привести нашъ планъ къ такому результату, мы будемъ подстраивать выборы такихъ президентовъ, у которыхъ въ прошломъ есть какое нибудь не раскрытое темное дѣло, какая нибудь „панама"; тогда они будутъ вѣрными исполнителями нашихъ предписаній изъ боязни разоблаченій и изъ свойственнаго всякому человѣку, достигшему власти, стремленія удержать за собой привиллегіи, преимущества и почетъ, связанный со званіемъ президента.

Палата депутатовъ будетъ прикрывать, защищать, избирать президентовъ, но мы у нея отнимемъ право предложенія законовъ, ихъ измѣненія; ибо право будетъ предоставлено нами отвѣственному президенту, куклѣ въ нашихъ рукахъ. Конечно, тогда власть президента станетъ мишенью для всевозможныхъ нападокъ, но мы ему дадимъ самозащиту въ правѣ обращенія къ народу, къ его рѣшенію помимо его представителей, т. е. къ тому же нашему слѣпому прислужнику — большинству изъ толпы. Независимо отъ этого мы предоставимъ президенту право объявленія военнаго положенія. Это послѣднее право мы будемъ мотивировать тѣмъ, что президентъ, какъ шефъ всей арміи страны, долженъ имѣть ее въ своемъ распоряженіи на случай защиты новой, республиканской конституціи, на защиту которой онъ имѣетъ полное право, какъ отвѣтственный представитель этой конституціи.

Масонство—законодательная сила. Понятно, при такихъ условіяхъ ключъ отъ святилища будетъ находиться въ рукахъ нашихъ и никто, кромѣ насъ, не будетъ уже руководить законодательной силой.

Новая республиканская конституція. Кромѣ того мы отнимемъ у Палаты со введеніемъ новой республиканской конституціи право запроса о правительственныхъ мѣропріятіяхъ подъ предлогомъ сохраненія политической тайны, да помимо

того, новой конституціей мы сократимъ число представителей до минимума, чѣмъ сократимъ на столько же политическія страсти и страсть къ политикѣ. Если же они, паче чаянія, возгорятся и въ этомъ минимумѣ, то мы ихъ сведемъ на нѣтъ возваніемъ и обращеніемъ ко всему народному большинству.

Отъ президента будетъ зависѣть назначеніе президентовъ и вице-президентовъ Палаты и Сената. Вмѣсто постоянныхъ сессій парламентовъ мы сократимъ ихъ засѣданія до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Кромѣ того президентъ, какъ начальникъ исполнительной власти, будетъ имѣть право собрать и распустить парламентъ и, въ случаѣ роспуска, протянуть время до назначенія новаго парламентскаго собранія. Но чтобы послѣдствія отъ всѣхъ этихъ, по существу, беззаконныхъ дѣйствій не пали на установленную нами отвѣтственность президента преждевременно для нашихъ плановъ, мы дадимъ министрамъ и другимъ окружающимъ президента чиновникамъ высшей администраціи мысли обходить его распоряженія собственными мѣрами, за что подпадать подъ отвѣтственность вмѣсто него... Эту роль мы особенно рекомендуемъ давать для исполненія Сенату, Государственному Совѣту или Совѣту Министровъ, а не отдѣльному лицу.

Президентъ будетъ, по нашему усмотрѣнію, толковать смыслъ тѣхъ изъ существующихъ законовъ, которые можно истолковать различно; къ тому же онъ будетъ аннулировать ихъ, когда ему нами будетъ указано въ томъ надобность; кромѣ того онъ будетъ имѣть право предлагать временные законы и даже новое измѣненіе правительственной конституціонной работы, мотивируя какъ то, такъ и другое требованіями высшаго блага государства.

Переходъ къ масонскому „самодержавію“. Такими мѣрами мы получимъ возможность уничтожить мало по-малу, шагъ за шагомъ, все то, что первоначально, при вступленіи нашемъ въ наши права, мы вынуждены будемъ внести въ государственныя конституціи, для перехода къ незамѣтному изъятію всякой конституціи когда наступить время.

Моментъ провозглашенія „всемірнаго царя“. Признаніе нашего самодержца можетъ наступить и ранѣе уничтоженія конституціи: моментъ этого признанія наступитъ, когда народы, измученные неурядицами и несостоятельностью правителей, нами подстроенной, воскликнуть: уберите ихъ и дайте намъ одного всемірнаго царя, который объединилъ бы насъ и уничтожилъ причины раздоровъ, границы, національности, религіи, государственные разсчеты, который далъ бы намъ миръ и покой, которыхъ мы не можемъ найти съ нашими правителями и представителями.

Прививка болѣзней и прочія козни масонства. Но вы сами отлично знаете, что для возможности всенароднаго выраженія подобныхъ желаній необходимо безпрестанно мутить во всѣхъ странахъ народныя отношенія и правительства, чтобы переутомить всѣхъ разладомъ, враждою, борьбою, ненави-

стью и даже мученичествомъ, голодомъ, прививкой болѣзней, нуждою, чтобы они не видѣли другого исхода, какъ прибѣгнуть къ нашему денежному и полному владычеству. Если же мы дадимъ передышку народамъ, то желательные моменты едва ли когда либо наступятъ.

ПРОТОКОЛЪ № II.

Государственный Совѣтъ явится какъ поддерживатель власти правителя: онъ показная часть законодательнаго корпуса, будетъ какъ бы комитетомъ редакціи законовъ и указовъ правителя.

Программа новой конституціи. И такъ, вотъ программа новой готовящейся конституціи. Мы будемъ творить Законъ, Право и Судъ: 1) подъ видомъ предложеній законодательному корпусу, 2) указами президента подъ видомъ общихъ установленій, постановленій Сената и Государственнаго Совѣта, подъ видомъ министерскихъ постановленій, 3) въ случаѣ наступленія удобнаго момента, въ формѣ государственнаго переворота.

Нѣкоторыя подробности предположеннаго переворота. Займемся подробностями тѣхъ комбинацій, которыми намъ остается довершить переворотъ хода государственныхъ машинъ въ вышесказанномъ направленіи. Подъ этими комбинаціями я разумѣю свободу прессы, право ассоціаціи, свободу совѣсти, выборное начало и многое другое, что должно будетъ исчезнуть изъ человѣческаго репертуара, или должно быть въ корнѣ измѣнено на другой день послѣ провозглашенія новой конституціи.

Только въ этотъ моментъ намъ возможно будетъ объявить всѣ наши постановленія, ибо послѣ всякое замѣтное измѣненіе будетъ опасно и вотъ почему: если это измѣненіе проведено будетъ съ суровой строгостью и въ мыслѣ строгости и ограниченій, то оно можетъ довести до отчаянія, вызваннаго боязнью новыхъ измѣненій въ томъ же направленіи, если же оно произведено будетъ въ мыслѣ дальнѣйшихъ послабленій, то скажутъ, что мы сознали свою неправоту, а это подорветъ ореолъ непогрѣшимости новой власти или же скажутъ, что испугались и вынуждены идти на уступки, за которыя никто не будетъ благодаренъ, ибо будетъ считать ихъ должными... То у другое вредно для престижа новой конституціи. Намъ нужно, чтобы съ перваго момента ея провозглашенія, когда народы будуть ошеломлены совершившимся переворотомъ, будутъ еще находится въ террорѣ и недоумѣніи, они сознали, что мы такъ сильны неуязвимы, такъ исполнены мощи, что мы съ ними ни въ какомъ случаѣ не будемъ считаться и не только не обратимъ вниманія на ихъ мнѣнія и желанія, но готовы и способны съ непререкаемой властью подавить выраженіе и проявленіе ихъ въ каждый моментъ и на каждомъ мѣстѣ, что мы все сразу взяли, что было намъ нужно и что мы ни въ какомъ случаѣ не станемъ дѣлится съ ними нашей властью...

Тогда они изъ страха закроютъ глаза на все и станутъ ожидать, что изъ этого выйдетъ.

Гои — бараны. Гои баранье стадо и мы для нихъ волки.*) А вы знаете, что бываетъ съ овцами, когда въ овчарню забираются волки. Они закроютъ глаза на все еще и потому, что мы имъ пообѣщаемъ вернуть всѣ отнятыя свободы послѣ усмиренія враговъ міра и укрощенія всѣхъ партій.

Тайное масонство и показаныя его ложи. Для чего же мы придумали и внушили гоямъ всю эту политику, внушили не давъ имъ возможности разглядѣть ея подкладку, для чего, какъ не для того, чтобы обходомъ достигнуть того, что недостижимо для нашего розсѣяннаго племени прямымъ путемъ, Это послужило основаніемъ для нашей организаціи тайнаго масонства, котораго не знаютъ и цѣлью, которой даже не подозрѣваютъ скоты гои, привлеченные нами въ показную армію масонскихъ ложъ, для отвода глазъ ихъ соплеменникамъ.

Богъ даровалъ намъ, своему избранному народу, разсѣяніе и въ этой, кажущейся для всѣхъ слабости нашей и сказалась вся наша сила, которая привела теперъ насъ къ порогу всемірнаго владычества, Намъ теперь не много остается уже достраивать на заложенномъ фундаментѣ.

ПРОТОКОЛЪ № 12.

Масонское толкованіе слова „СВОБОДА“. Слово „свобода“, которое можно толковать разнообразно, мы опредѣляемъ такъ: свобода есть право дѣлать то, что позволяетъ законъ. Подобное толкованіе этого слова въ то время

---

*) Читая это мѣсто, мнѣ каждый разъ вспоминается древнегреческій баснописецъ Эзопъ. Раньше я думалъ: „Чѣмъ собственно Эзопъ до сихъ поръ славенъ?... Что написалъ басни?.. ну, и чтожъ такое?.. басни какъ басни!“ А вотъ теперь то я хорошо знаю, почему Эзопъ до сихъ поръ славенъ: Есть у Эзопа, между прочимъ, одна басня подъ заглавіемъ: „Волки и собаки“. Содержаніе ея слѣдующее: Говорили волки собакамъ: „Мы одного племени и роду, такъ что-же намъ мѣшаетъ жить по братски? Между нами разница лишь та, что мы свободны, а вы рабы пастырей. Они васъ сажаютъ на цѣпь, бьютъ, заставляютъ стеречь овецъ, а за вѣрную службу кидаютъ вамъ одни кости. Послушайте насъ, устраните пастырей и будьте сами господами овецъ. Тогда будете и вы свободны и сыты. Повѣрили собаки словамъ волковъ и затравили пастырей. Тогда бросились волки въ овчарню и прежде всего растерзали собакъ. Ну, а затѣмъ стали душить барановъ.

Что-то подобное произошло въ Россіи: Царь, министры и полководцы — это какъ бы пастыри; члены Государственной Думы, которые должны были стеречь народъ и государство — это какъ бы собаки; интелигенція — это какъ бы бараны — простой народъ — какъ бы овцы, а большевики какъ бы волки. И вотъ члены Государственной Думы хорошо лаяли на царское правительство и вконцѣ его загрызли. Тогда въ Русское Государство ворвались большевики и въ первую очередь стерли „Временное Правительство“, составившееся изъ членовъ Государственной Думы.

послужитъ намъ къ тому, что вся свобода окажется въ нашихъ рукахъ, потому что законы будутъ только разрушать или созидать желательное намъ по вышеизложенной программѣ.

Будущее прессы въ масонскомъ царствѣ. Съ прессой мы поступимъ слѣдующимъ образомъ. Какую роль играетъ теперь пресса. Она служитъ пылкому разгоранію нужныхъ намъ страстей или же эгоистичнымъ партійностямъ. Она бываетъ пуста, несправедлива, лжива, большинство людей не понимаетъ вовсе, чему она служитъ. Мы ее осѣдлаемъ и возьмемъ въ крѣпкія возжи; то же сдѣлаемъ и съ остальной печатью, ибо какой смыслъ намъ избавляться отъ нападокъ прессы, если мы остаемся мишенью для брошуры и книги. Мы превратимъ нынѣ дорого стоющій продуктъ гласности, дорогой благодаря необходимости его цензуры, въ доходную статью для нашего государства. Мы ее обложимъ особымъ марочнымъ налогомъ и взносами залоговъ при учрежденіи органовъ печати или типографіи, которые должны будутъ гарантировать наше правительство отъ всякихъ нападеній со стороны прессы. За возможное нападеніе мы будемъ штрафовать безпощадно. Такія мѣры, какъ марки, залоги и штрафы ими обезпеченные принесутъ огромный доходъ правительству. Правда, партійныя газеты могли бы не пожалѣть денегъ, но мы ихъ будемъ закрывать по второму нападенію на насъ. Никто безнаказанно не будетъ касатся ореола нашей правительственной непогрѣшимости. Предлогъ для прекращенія изданія — закрываемый — де, органъ волнуетъ умы безъ повода и основанія. Прошу васъ замѣтить, что среди нападающихъ на насъ будутъ и нами учрежденые органы, но они будутъ нападать исключительно на пункты, предназначенные нами къ измѣненію.

Контроль надъ прессой. Ни одно оповѣщеніе не будетъ проникать въ общество безъ нашего контроля. Это и теперь уже достигается нами тѣмъ, что всѣ новости получаются нѣсколькими агентствами, въ которыхъ онѣ централизуются со всѣхъ концовъ свѣта.

Корреспондентскія агентства. Эти агенства будутъ тогда уже всецѣло нашими учрежденіями и будутъ оглашать только то, что мы имъ предпишемъ. Если теперь мы сумѣли овладѣть умами гоевскихъ обществъ до той степени, что всѣ они почти смотрятъ на міровыя событія сквозь цвѣтныя стекла тѣхъ очковъ, которыя мы имъ надѣваемъ на глаза, если теперь для насъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ запоровъ, преграждающихъ намъ доступъ къ, такъ называемымъ гоевской глупостью, государственнымъ тайнамъ, то что же будетъ тогда, когда мы будемъ признанными владыками міра въ лицѣ нашего всемірнаго царя. Вернемся къ будущности печати. Каждый пожелавшій быть издателемъ, библіотекаремъ или типографчикомъ, будетъ вынужденъ добыть на это дѣло установленный дипломъ, который, въ случаѣ провинности, немедленно будетъ отобранъ.

Что такое прогрессъ въ понятіяхъ масонства. При выполненіи такихъ мѣръ оружіе мысли станетъ воспитательнымъ средствомъ въ рукахъ нашего правительства, которое уже не допуститъ народную массу заблуждаться въ дебряхъ и мечтахъ о благодѣяніяхъ прогресса. Кто изъ насъ не знаетъ, что эти призрачныя благодѣянія — прямыя дороги къ нелѣпымъ мечтаніямъ, отъ которыхъ родились анархическія отношенія людей между собой и къ власти, потому что прогрессъ, или лучше сказать идея прогресса, навела на мысль о всякаго рода эмансипаціи, не установивъ границъ.

Всѣ, такъ называемые, либералы суть анархисты, если не дѣла, то мысли. Каждый изъ нихъ гоняется за призраками свободы, впадая исключительно въ своеволіе, т. е. въ анархію протеста ради протеста.

Еще о прессѣ. Перейдемъ къ прессѣ. Мы ее обложимъ, какъ и всю печать, марочными сборами съ листа — и залогами, а книги, имѣющія меньше 30 листовъ — въ двойномъ размѣрѣ. Мы ихъ запишемъ въ разрядъ брошюръ, чтобы, съ одной стороны, сократить число журналовъ, которые собой представляютъ худшій печатный ядъ, а съ другой, эта мѣра вынудитъ писателей къ такимъ длиннымъ произведеніямъ, что ихъ будутъ мало читать, особенно при дороговизнѣ. То же, что мы будемъ издавать сами на пользу умственнаго направленія въ намѣченную нами сторону, будетъ дешево и будетъ читаться въ расхватъ. Налогъ угомонитъ пустое литературное влеченіе, а наказуемость поставитъ литераторовъ въ зависимость отъ насъ. Если найдутся желающіе писать противъ насъ, то не найдется охотниковъ печатать ихъ произведенія. Прежде чѣмъ принять для печати какое нибудь произведеніе, издатель или типографщикъ долженъ придти ко властямъ просить разрѣшенія на это. Такимъ образомъ, намъ заранѣе будутъ извѣстны готовящіяся противъ насъ козни, и мы ихъ разобъемъ, забѣжавъ напередъ съ объясненіями на трактуемую тему.

Литература и журналистика — двѣ важнѣйшія воспитательныя силы, вотъ почему наше правительство сдѣлается собственникомъ большиньства журналовъ. Этимъ будетъ нейтрализовано вредное вліяніе частной прессы и пріобрѣтается громадное вліяніе на умы.... Если мы разрѣшимъ десять журналовъ, то сами учредимъ тридцать и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Но этого отнюдь не должно подозрѣвать въ публикѣ, почему и всѣ издаваемые нами журналы будутъ самыхъ противоположныхъ, по внѣшности, направленій и мнѣній, что возбудитъ къ нимъ довѣріе и привлечетъ къ нимъ нашихъ, ничего не подозрѣвающихъ, противниковъ, которые, такимъ образомъ, попадутся въ нашу западню и будутъ обезврежены.

На первомъ планѣ поставятся органы оффиціальнаго характера. Они будутъ всегда стоять на стражѣ нашихъ интересовъ, и потому ихъ вліяніе сравнительно будетъ ничтожно. На

второмъ — станутъ оффиціозы, роль которыхъ будетъ заключаться въ привлеченіи равнодушныхъ тепленькихъ. На третьемъ — мы поставимъ нашу оппозицію, которая хотя бы въ одномъ изъ своихъ органовъ будетъ представлять собой, какъ бы нашъ антиподъ. Наши дѣйствительные противники въ душѣ примутъ эту кажущуюся оппозицію за своихъ и откроютъ намъ свои карты.

Всѣ наши газеты будутъ всевозможныхъ направленій: аристократическаго, республиканскаго, революціоннаго, даже анархическаго, пока, конечно, будетъ жить конституція... Они, какъ индійскій божокъ „Вишну", будутъ имѣть сто рукъ, изъ которыхъ каждая будетъ щупать пульсъ у любого изъ общественнаго мнѣнія. Когда пульсъ ускорится, тогда руки эти поведутъ мнѣніе по направленію къ нашей цѣли, ибо разволновавшійся субъектъ теряетъ разсудительность и легко поддается внушенію. Тѣ дураки, которые будутъ думать, что повторяютъ мнѣніе газеты своего лагеря, будутъ повторять наше мнѣніе, или то, которое намъ желательно. Воображая, что они слѣдуютъ за органомъ своей партіи, они пойдутъ за тѣмъ флагомъ, который мы вывѣсимъ для нихъ.

Чтобы направлять въ этомъ смыслѣ наши газетныя милиціи, мы должны особенно тщательно организовать это дѣло. Подъ названіемъ центральнаго отдѣленія печати, мы учредимъ литературныя собранія, въ которыхъ наши агенты будутъ незамѣтно давать пароль и сигналы. Обсуждая и противорѣча нашимъ начинаніямъ всегда поверхностно, не затрагивая существа ихъ, наши органы будутъ вести пустую перестрѣлку съ оффиціальными газетами для того только, чтобы дать намъ поводъ высказаться болѣе подробно, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать въ первоначальныхъ оффиціальныхъ заявленіяхъ. Конечно, когда это для насъ будетъ выгодно.

Нападки на насъ сыграютъ еще и ту роль, что подданные будутъ увѣрены въ полной свободѣ свободоговоренія, а нашимъ агентамъ это дастъ поводъ утверждать, что выступающіе противъ насъ органы пустословятъ, такъ какъ не могутъ найти настоящихъ поводовъ къ существенному опроверженію нашихъ распоряженій.

Такія, незамѣтныя для общественнаго вниманія, но вѣрныя мѣропріятія всего успѣшнѣе поведутъ общественное мнѣніе и довѣріе въ сторону нашего правительства. Благодаря имъ мы будемъ по мѣрѣ надобности возбуждать и успокаивать умы въ политическихъ вопросахъ, убѣждать или сбивать съ толку, печатая то правду, то ложь, данныя или ихъ опроверженія, смотря потому, хорошо или дурно они приняты, всегда осторожно ощупывая почву, прежде чѣмъ на нее вступить... Мы будемъ побѣждать нашихъ противниковъ навѣрняка, такъ какъ у нихъ не будетъ въ распоряженіи органовъ печати, въ которыхъ они могли бы высказаться до конца, вслѣдствіе вышесказанныхъ мѣропріятій. Намъ не нужно будетъ даже опровергать ихъ до

основанія... Пробные камни, брошенные нами въ третьемъ разрядѣ нашей прессы, въ случаѣ надобности, мы будемъ энергично опровергать въ оффиціозѣ.

Масонская солидарность въ современной прессѣ. Уже нынѣ въ формахъ хотя бы французской журналистики существуетъ масонская солидарность въ паролѣ: всѣ органы печати связаны между собой профессіональной тайной; подобно авгурамъ, ни одинъ членъ ея не выдасть тайны своихъ свѣдѣній, если не постановлено ихъ оповѣстить. Ни одинъ журналистъ не рѣшится предать этой тайны, ибо ни одинъ изъ нихъ не допускается въ литературу безъ того, чтобы все прошлое его не имѣло бы какой нибудь постыдной раны. Эти раны были бы тотчасъ же раскрыты. Пока эти раны составляютъ тайну немногихъ, ореолъ журналиста привлекаетъ мнѣніе большинства страны — за нимъ шествуютъ съ восторгомъ.

Возбужденіе провинціональныхъ „общественныхъ" требованій. Наши разсчеты особенно простираются на провинцію. Въ ней намъ необходимо возбудить тѣ упованія и стремленія, съ которыми мы всегда могли бы обрушиться на столицу, выдавая ихъ столицамъ за самостоятельныя упованія и стремленія провинціи. Ясно, что источникъ ихъ будетъ все тотъ же — нашъ. Намъ нужно, чтобы иногда, пока мы еще не въ полной власти, столицы оказывались окутанными провинціональнымъ мнѣніемъ народа, т. е. большинства, подстроеннаго нашими агентами. Намъ нужно, чтобы столицамъ въ психологическій моментъ не пришлось бы обсуждать свершившагося факта уже по одному тому, что онъ принятъ мнѣніемъ провинціальнаго большинства.

Непогрѣшимость новаго режима. Когда мы будемъ въ періодѣ новаго режима, переходнаго къ нашему воцаренію, намъ нельзя допускать разоблаченій прессой общественной безчестности; надо, чтобы думали, что новый режимъ такъ всѣхъ удовлетворилъ, что даже преступность изсякла...: Случаи проявленія преступности должны остаться въ вѣдѣніи ихъ жертвъ и случайныхъ свидѣтелей неболѣе.

ПРОТОКОЛЪ № 13.

Нужда въ насущномъ хлѣбѣ. Нужда въ насущномъ хлѣбѣ заставляетъ гоевъ молчать и быть нашими покорными слугами. Взятые въ нашу прессу изъ ихъ числа агенты будутъ обсуждать по нашему приказу то, что намъ неудобно издавать непосредственно въ оффиціальныхъ документахъ, а мы тѣмъ временемъ, подъ шумокъ поднявшагося обсужденія, возьмемъ да и проведемъ желательныя намъ мѣры, и поднесемъ ихъ публикѣ, какъ свершившійся фактъ. Никто не посмѣетъ требовать отмѣны разрѣшеннаго, тѣмъ болѣе, что оно будетъ предстaлено, какъ улучшеніе... А тутъ пресса отвлечетъ мысли на новые вопросы (мы вѣдь пріучили людей искать все новаго). На обсужденіе этихъ вопросовъ набросятся тѣ изъ безмозглыхъ вер-

шителей судебъ, которые до сихъ поръ не смыслятъ ничего въ томъ, что берутся обсуждать. Вопросы политики никому не доступны, кромѣ руководящихся ею уже много вѣковъ, создавшихъ ее.

Изъ всего этого вы увидите, что добиваясь мнѣнія толпы, мы только облегчаемъ ходъ нашего механизма и вы можете замѣтить, что не дѣйствіямъ, а словамъ, выпущеннымъ нами по тому или другому вопросу, мы какъ бы ищемъ одобренія. Мы постоянно провозглашаемъ, что руководимся во всѣхъ нашихъ мѣропріятіяхъ надеждой, соединенной съ увѣренностью послужить общему благу.

Вопросы промышленности. Чтобы отвлечь слишкомъ безпокойныхъ людей отъ обсужденія вопросовъ политики, мы теперь проводимъ новые, якобы вопросы ея - вопросы промышленности. На этомъ поприщѣ пусть себѣ бѣснуются. Массы соглашаются бездѣйствовать, отдыхать отъ якобы политической дѣятельности (къ которой мы уже ихъ пріучили), чтобы бороться при ихъ посредствѣ съ гоевскими правительствами, лишь подъ условіемъ новыхъ занятій, въ которыхъ мы имъ указываемъ какъ бы тоже политическое направленіе.

Увеселительные народные дома. Чтобы они сами до чего нибудь не додумались, мы ихъ еще отвлечемъ увеселеніями, играми, забавами, страстями, народными домами... Скоро мы станемъ черезъ прессу предлагать конкурсныя состязанія въ искусствѣ, спортѣ, всѣхъ видовъ*). Эти интересы отвлекутъ окончательно умы отъ вопросовъ, на которыхъ намъ пришлось бы съ ними бороться. Отвыкая все болѣе и болѣе отъ самостоятельнаго мышленія, люди заговорятъ въ унисонъ съ нами, потому, что мы одни станемъ предлагать новыя направленія мысли**)... конечно, черезъ такихъ лицъ, съ которыми насъ не почтутъ солидарными.

„Истина одна". Роль либеральныхъ утопистовъ будетъ окончательно сыграна, когда наше правленіе будетъ признано. До тѣхъ поръ они намъ сослужатъ хорошую службу. Поэтому мы еще будемъ направлять умы на всякія измышленія фантастическихъ теорій, новыхъ и якобы прогрессивныхъ: вѣдь мы съ полнымъ успѣхомъ вскружили прогрессомъ безмозглыя головы и нѣтъ среди гоевъ ума, который бы увидѣлъ, что подъ этимъ словомъ кроется отвлеченіе отъ истины во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается матеріальныхъ изобрѣтеній, ибо *истина одна, въ ней нѣтъ мѣста прогрессу*. Прогрессъ, какъ ложная идея, служитъ затменію истины, чтобы никто не зналъ, кромѣ насъ, Божьихъ избранниковъ, хранителей ея.

Великія проблемы. Когда мы воцаримся, то наши ораторы будутъ толковать о великихъ проблемахъ, которые пере-

---

*) Кина, театры, балы, цирки, скачки, олимпійскія игрища въ Парижѣ и проч.

**) Теорія относительности Эйнштейна.

волновали бы человѣчество для того, чтобы въ концѣ концовъ привести его къ нашему благому правленію. Кто заподозритъ тогда, что всѣ проблемы были подстроены нами по политическому плану, котораго никто не раскусилъ въ теченіе многихъ вѣковъ?

ПРОТОКОКЪ № 14.

Религія будущаго. Когда мы воцаримся, намъ не желательно будетъ существованіе другой религіи, кромѣ нашей о единомъ Богѣ, съ которымъ наша судьба связана нашимъ избранничествомъ, и которымъ таже наша судьба объединенна съ судьбами міра. Поэтому мы должны разрушить всякія вѣрованія*). Если отъ этого родятся современные атеисты, то, какъ переходная ступень, это не помѣшаетъ нашимъ видамъ, а послужитъ примѣромъ для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ слушать проповѣди наши о религіи Моисея, поведшей своей стойкостью и обдуманной системой къ покоренію нами всѣхъ народовъ. Въ этомъ мы подчеркнемъ и мистическую ея правду, въ которой, скажемъ мы, основывается вся ея мистическая сила.

Будущее крѣпостное право. Тогда при каждомъ случаѣ мы будемъ публиковать статьи, въ которыхъ будемъ сравнивать наше благое правленіе съ прошлымъ. Благодѣянія покоя, хотя и вынужденнаго вѣками волненій, послужатъ новому рельефу сказаннаго блага. Ошибки гоевскихъ администрацій будутъ описываться нами въ самыхъ яркихъ краскахъ. Мы посѣемъ къ нимъ такое отвращеніе, что народы предпочтутъ покой въ крѣпостномъ состояніи правамъ пресловутой свободы, столь ихъ измучившимъ, истощившимъ самые источники человѣческаго существованія, которые эксплоатировались толпой проходимцевъ, невѣдающихъ, что творятъ... Безполезныя перемѣны правленій, къ которымъ мы подбивали гоевъ, когда подкапывали ихъ государственныя зданія, до того надоѣдятъ къ тому времени народамъ, что они предпочтутъ терпѣть отъ насъ все, лишь бы не рисковать переиспытывать пережитыя волненія и невзгоды. Мы же особенно будемъ подчеркивать историческія ошибки гоевскихъ правленій, столько вѣковъ промучившихъ человѣчество отсутствіемъ сообразительности во всемъ, что касается истиннаго его блага, не замѣчая, что эти проекты все болѣе ухудшали, а не улучшали положеніе всеобщихъ отношеній, на которыхъ основывается человѣческая жизнь.

Вся сила нашихъ принциповъ и мѣропріятій будетъ заключена въ томъ, что они нами выставятся и истолкуются, какъ яркій контрастъ разложившимся старымъ порядкамъ соціальнаго строя.

Недоступность познанія тайнъ религіи будущаго. Наши философы будутъ обсуждать всѣ недостатки гоевскихъ вѣ-

*) Это и дѣлается въ Россіи.

роваиій, но никто никогда не станетъ обсуждать нашу вѣру съ ея истинной точки зрѣнія, такъ какъ ее никто не узнаетъ, кромѣ нашихъ, которые не посмѣютъ выдать ея тайны.

Порнографія и будущее печатное слово. Въ странахъ, называемыхъ передовыми, мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу. Еще нѣкоторое время послѣ вступленія нашего во власть, мы станемъ поощрять ея существованіе, чтобы она рельефнѣе обрисовывала контрастъ рѣчей программъ, которыя раздадутся съ высотъ нашихъ.. Наши умные люди, воспитанные для руководства гоями, будутъ составлять рѣчи, проекты, записки, статьи, которыми мы будемъ вліять на умы, направляя ихъ къ намѣченнымъ нами понятіямъ и знаніямъ.

ПРОТОКОЛЪ № 15.

Однодневный міровой переворотъ. Когда мы, наконецъ, окончательно воцаримся, при помощи государственныхъ переворотовъ, всюду подготовленныхъ къ одному и тому же дню, послѣ окончательнаго признанія негодности всѣхъ существующихъ правительствъ (а до этого пройдетъ еще не мало времени, можетъ быть и цѣлый вѣкъ), мы постараемся, чтобы противъ насъ уже не было заговоровъ. Для этого мы немилосердно казнимъ всѣхъ, кто встрѣтитъ наше воцареніе съ оружіемъ въ рукахъ.

Казни. Всякое новое учрежденіе какого либо тайнаго общества будетъ тоже наказано смертной казнью, и тѣ изъ нихъ, которые нынѣ существуютъ, намъ извѣстны и намъ служатъ и служили, мы раскассируемъ и вышлемъ въ далекіе отъ Европы континенты.

Будущая участь гоевъ - масоновъ. Такъ мы поступимъ съ тѣми гоями изъ масоновъ, которые слишкомъ много знаютъ; тѣ же, которыхъ мы почему либо помилуемъ, будутъ оставаться въ постоянномъ страхѣ передъ высылкой. Нами будетъ изданъ законъ, по которому всѣ бывшіе участники обществъ подлежатъ изгнанію изъ Европы, какъ центра нашего управленія. Рѣшенія нашего правительства будутъ окончательны и безапелляціонны.

Мистичность власти. Въ гоевскихъ обществахъ, въ которыхъ мы посѣяли такіе глубокіе корни разлада и протестантизма, возможно водворить порядокъ только безпощадными мѣрами, доказывающими неукоснительную власть: нечего смотрѣть на падающія жертвы, приносимыя для будущаго блага. Въ достиженіи блага (хотя бы путемъ жертвоприношенія) заключается обязанность каждаго правленія, которое сознаетъ, что не въ привиллегіяхъ только, но и въ обязанностяхъ состоитъ его существованіе. Главное дѣло для незыблемости правленія — укрѣпленіе ореола могущества, а ореолъ этотъ достигается только величественной непоколебимостью власти, которая носила бы на себѣ признаки неприкосновенности отъ

мистическихъ причинъ — отъ Божьяго избранія. Таково было до послѣдняго времени русское самодержавіе — единственный въ мірѣ серьезный врагъ нашъ, если не считать Папства. Вспомните примѣръ того, какъ залитая кровью Италія не коснулась волоса съ головы Силлы, который пролилъ эту кровь: Силла обоготворился своей мощью въ глазахъ народа, хотя и истерзаннаго имъ, а мужественное его возвращеніе въ Италію ставило его внѣ прикосновенности... Народъ не касается того, кто гипнотизируетъ его своей храбростью и силою духа.

Размноженіе масонскихъ ложъ Пока же, до нашего воцаренія, мы напротивъ создадимъ и размножимъ франкъ-масонскія ложи во всѣхъ странахъ міра, втянемъ въ нихъ всѣхъ могущихъ быть и сушествующихъ выдающихся дѣятелей, потому что въ этихъ ложахъ будетъ главное справочное мѣсто и вліяющее средство.

Центральное управленіе „мудрецовъ“. Всѣ эти ложи мы централизуемъ подъ одно, однимъ намъ извѣстное, всѣмъ же остальнымъ невѣдомое управленіе, которое состоитъ изъ нашихъ мудрецовъ. Ложи будутъ имѣть своего представителя, прикрывающаго собой сказанное управленіе масонства, отъ котораго будетъ исходить пароль и программа. Въ этихъ ложахъ мы завяжемъ узелъ всѣхъ революціонныхъ и либеральныхъ элементовъ. Составъ ихъ будетъ состоять изъ всѣхъ слоевъ общества. Самые тайные политическіе замыслы будутъ намъ извѣстны и попадутъ подъ наше руководство въ самый день ихъ возникновенія.

Азефовщина. Въ числѣ членовъ этихъ ложъ будутъ всѣ почти агенты международной и національной полиціи, такъ какъ ея служба для насъ незамѣнима, въ томъ отношеніи, что полиція можетъ не только по своему распорядиться съ непокорными, но и прикрыть наши дѣянія, создавать предлоги къ неудовольствію и такъ далѣе.

Масонство, какъ руководитель всѣхъ тайныхъ обществъ. Въ тайныя общества поступаютъ обыкновенно аферисты, карьеристы, и вообще люди, по большей части легкомысленные, съ которыми не трудно вести дѣло и ими заводить механизмъ проектированной нами машины... Если этотъ миръ замутится, то это будетъ означать, что намъ нужно было его замутить, чтобы разстроить слишкомъ большую его солидарность. Если же среди него возникнетъ заговоръ, то во главѣ его станетъ никто иной, какъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ. Естественно, что мы, а никто другой, поведемъ масонскія дѣйствія, ибо мы знаемъ, куда ведемъ, знаемъ конечную цѣль всякаго дѣйствія, гои же не вѣдаютъ ничего, даже непосредственнаго результата: они задаются, обыкновенно, минутнымъ разсчетомъ удовлетворяя самолюбіе въ исполненіи задуманнаго, не замѣчая даже того, что самый замыселъ не принадлежалъ ихъ иниціативѣ, а нашему наведенію на мысль.

Значеніе публичнаго успѣха. Гои идутъ въ ложи изъ

любопытства, или въ надеждѣ при ихъ помощи пробраться къ общественному пирогу, а нѣкоторые для того, чтобы имѣть возможность высказать передъ публикой свои несбыточныя и безпочвенныя мечтанія: они жаждутъ эмоціи успѣха и рукоплесканій, на которыя мы весьма щедры. Мы затѣмъ и даемъ имъ этотъ успѣхъ, чтобы пользоваться отсюда рождающимся самообольщеніемъ, съ которымъ люди незамѣтно воспринимаютъ наши ученія, не остерегаясь ихъ, въ полной увѣренности, что ихъ непогрѣшимость выпускаетъ свои мысли, а воспринять чужихъ уже не можетъ... Вы не можете себѣ представить, какъ умнѣйшихъ изъ гоевъ можно привести къ безсознательной наивности, при условіяхъ самообольщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ легко ихъ обезкуражить малѣйшей неудачей, хотя бы прекращеніемъ аппплодисментовъ, и привести къ рабьему повиновенію ради возобновленія успѣха... Насколько наши пренебрегаютъ успѣхомъ, лишь бы провести свои планы, настолько гои готовы пожертвовать всякими планами, лишь бы получить успѣхъ. Эта ихъ психологія значительно облегчаетъ намъ задачу ихъ направленія. Эти тигры имѣютъ бараньи души, а въ головахъ ихъ ходитъ сквозной вѣтеръ. Мы посадили ихъ на конька мечты о поглощеніи человѣческой индивидуальности символической единицей коллективизма..

Коллективизмъ. Они еще не разобрались и не разберутся въ той мысли, что этотъ конекъ есть главное нарушеніе главнѣйшаго закона природы, создавшей съ самого сотворенія міра единицу не похожую на другія, именно въ цѣляхъ индивидуальности...

Если мы могли привести ихъ къ такому безумному ослѣпленію, то не доказываетъ ли это съ поразительной ясностью, до какой степени умъ гоевъ человѣчески не развитъ по сравненію съ умомъ нашимъ. Это то, главнымъ образомъ и гарантируетъ нашъ успѣхъ.

Жертвы. Насколько же были прозорливы наши древніе мудрецы, когда говорили, что для достиженія серьезной цѣли не слѣдуетъ останавливаться передъ средствами и считать число жертвъ, приносимыхъ ради этой цѣли ... Мы не считали жертвъ изъ сѣмени скота гоевъ, хотя и пожертвовали многими изъ своихъ, но зато и теперь дали имъ уже такое положеніе на землѣ, о которомъ они и мечтать не могли. Сравнительно немногочисленныя жертвы изъ числа нашихъ оберегли нашу народность отъ гибели.

Казни Масоновъ. Смерть есть неизбѣжный конецъ всякаго. Лучше конецъ этотъ приблизить къ тѣмъ, кто мѣшаетъ нашему дѣлу, чѣмъ къ нашимъ, къ намъ, создателямъ этого дѣла. Мы казнимъ масоновъ такъ, что никто, кромѣ братій, объ этомъ заподозрить не можетъ, даже сами жертвы казни. Всѣ они умираютъ, когда это нужно, какъ бы отъ нормальнаго заболѣванія. Зная это, даже братья въ свою очередь не смѣютъ протестовать. Такими мѣрами мы вырвали изъ среды

масонства самый корень протеста противъ нашихъ распоряженій. Проповѣдуя гоямъ либерализмъ, мы въ тоже время держимъ свой народъ и нашихъ агентовъ въ неукоснительномъ послушаніи.

Паданіе престижа законовъ и власти. Подъ нашимъ вліяніемъ исполненіе гоевскихъ законовъ сократилось до минимума Престижъ законовъ подорванъ либеральными толкованіями, введенными нами въ эту сферу. Въ важнѣйшихъ политическихъ принципіальныхъ дѣлахъ и вопросахъ, суды рѣшаютъ такъ, какъ мы предписываемъ имъ, видятъ дѣла въ томъ свѣтѣ, какимъ мы ихъ облекаемъ для гоевской администраціи, конечно черезъ подставныхъ лицъ, съ которыми общаго какъ бы не имѣемъ — газетнымъ мнѣніемъ или другими путями.. Даже сенаторы и высшая администрація слѣпо принимаютъ наши совѣты. Чисто животный умъ гоевъ не способенъ къ анализу и къ наблюденію, а тѣмъ болѣе къ предвѣдѣнію того, къ чему можетъ клониться извѣстная постановка вопроса.

Предъизбранничество. Въ этой разницѣ способности мышленія между гоями и нашими можно узрѣть печать избранничества и человѣчности въ отличіе отъ животнаго ума гоевъ. Они зрятъ, но не видятъ и не изобрѣтаютъ (развѣ только матеріальныя вещи). Изъ этого ясно, что сама природа предназначила намъ руководить и править міромъ.

Краткость и ясность законовъ будущаго царства. Когда наступитъ время нашего открытаго правленія, время проявить его благотворность, мы передѣлаемъ всѣ законодательства, наши законы будутъ кратки, ясны, незыблемы, безъ всякихъ толкованій, такъ что ихъ всякій будетъ въ состояніи твердо знать. Главная черта, которая будетъ въ нихъ проведена, это послушаніе начальству, доведенное до грандіозной степени.

Послушаніе начальству. Тогда всякія злоупотребленія изсякнутъ вслѣдствіе отвѣтственности всѣхъ до единаго передъ высшей властью.

Мѣры противъ злоупотребленія властью. Злоупотребленія же властью, лежащей ниже этой послѣдней инстанціи, будутъ такъ безпощадно наказываться, что у всякаго отпадетъ охота эксперементировать свои силы. Мы будемъ неукоснительно слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ администраціи, отъ которой зависитъ ходъ государственной машины, ибо распущенность въ ней порождаетъ распущенность всюду, ни одинъ случай незаконности или злоупотребленія не останется безъ примѣрнаго наказанія.

Жестокость наказанія. Укрывательство, солидарное попустительство между служащими въ администраціи, все это зло изчезнетъ послѣ первыхъ же примѣровъ суроваго наказанія. Ореолъ нашей власти требуетъ цѣлесообразныхъ, жестокихъ наказаній за малѣйшее нарушеніе, ради личной выгоды, ея высокаго престижа.

Потерпѣвшій, хотя бы и не въ мѣрѣ своей вины, будетъ

какъ бы солдатомъ, падающимъ на своемъ посту на пользу власти, Принципа и Закона, которые не допускаютъ отступленій съ общественной дороги на личную, отъ самыхъ же правящихъ общественной колесницей. Напримѣръ: наши судьи будутъ знать, что желая похвастать глупымъ милосердіемъ, они нарушаютъ законъ о правосудіи, который созданъ для примѣрнаго назиданія людей наказаніемъ за проступки, а не для выставки духовныхъ качествъ судей. Эти качества умѣстно показывать въ частной жизни, а не на общественной почвѣ, которая представляетъ собой воспитательную основу человѣческой жизни.

Предѣльный возрастъ для судей. Нашъ судебный персоналъ будетъ служить не болѣе 55 ти лѣтняго возраста, во-первыхъ потому, что старцы упорнѣе держатся предвзятыхъ мнѣній, менѣе способны повиноваться новымъ распоряженіямъ, а во-вторыхъ потому, что это намъ доставитъ возможность такой мѣрой достигнуть гибкости перемѣщенія персонала, который этимъ легче согнется подъ нашимъ давленіемъ: кто пожелаетъ дольше задержаться на своемъ мѣстѣ, долженъ будетъ слѣпо повиноваться, чтобы заслужить этого. Вообще же наши судьи будутъ выбираемы нами изъ среды только тѣхъ, которые будутъ твердо знать, что ихъ роль карать и примѣнять законы, а не мечтать о проявленіи либерализма за счетъ государственнаго воспитательнаго плана, какъ это нынѣ воображаютъ гои...

Либерализмъ суда и власти. Мѣра перемѣщенія будетъ служить еще къ подрыву коллективной солидарности сослуживцевъ и всѣхъ привяжетъ къ интересамъ правительства, отъ котораго будетъ зависѣть ихъ судьба. Молодое поколѣніе судей будетъ воспитано на взглядахъ о недопущеніи такихъ злоупотребленій, которыя могли бы нарушить установленный порядокъ отношеній нашихъ подданыхъ между собой.

Нынѣ гоевскіе судьи творятъ поблажки всякимъ преступленіямъ, не имѣя правильнаго представленія о своемъ назначеніи, потому что теперешніе правители, при опредѣленіи судей на должность, не заботятся внушить имъ чувства долга и сознанія дѣла, которое отъ нихъ требуется. Какъ животное выпускаетъ своихъ дѣтей на добычу, такъ и гои даютъ своимъ дѣтямъ доходныя мѣста, не думая разъяснить имъ, на что это мѣсто создано. Отъ того то ихъ правленія и разрушаются собственными силами черезъ дѣйствія своей же администраціи. Почерпнемъ же въ примѣрѣ результатовъ этихъ дѣйствій еще одинъ урокъ для своего правленія. Мы искоренимъ либерализмъ изъ всѣхъ важныхъ стратегическихъ постовъ нашего управленія, отъ которыхъ зависитъ воспитаніе подчиненныхъ нашему общественному строю, На эти посты попадутъ только тѣ, которые будутъ воспитаны нами для административнаго управленія,

Міровыя деньги. На возможное замѣчаніе, что отставка старыхъ служащихъ дорого будетъ стоить казнѣ, скажу, во-

первыхъ, что имъ найдутъ частную службу взамѣнъ теряемой, а, во-вторыхъ, замѣчу, что въ нашихъ рукахъ будутъ сосредоточены всѣ міровыя деньги, слѣдовательно не нашему правительству бояться дороговизны.

Абсолютизмъ масонства. Нашъ абсолютизмъ во всемъ будетъ послѣдователенъ, а потому въ каждомъ своемъ постановленіи наша великая воля будетъ уважаема и безпрекословно исполняема: она будетъ игнорировать всякій ропотъ, всякое недовольство, искореняя всякое проявленіе ихъ дѣйствій наказаніемъ прѣмѣрнаго свойства.

Право кассаціи. Мы упразднимъ право кассаціи, которое перейдетъ исключительно въ наше распоряженіе — въ вѣдѣніе правящаго, ибо мы не должны допустить возникновенія мысли у народа, чтобы могло состояться непривильное рѣшеніе нами поставленныхъ судей. Если же что либо подобное произойдетъ, то мы сами кассируемъ рѣшеніе, но съ такимъ примѣрнымъ наказаніемъ судей за непониманіе своего долга и значенія, что эти случаи не повторяться,..

Повторяю, что вѣдь мы будемъ знать каждый шагъ нашей администраціи, за которой только и надо слѣдить, чтобы народъ былъ доволенъ нами, ибо онъ вправѣ требовать отъ хорошаго правленія и хорошаго ставленника.

Патріархальный „видъ“ власти будущаго „правителя“. Наше правленіе будетъ имѣть видъ патріархальной, отеческой опеки со стороны нашего Правителя. Народъ нашъ и подданные увидятъ въ лицѣ его отца, заботящагося о каждой нуждѣ о каждомъ дѣйствіи, о каждомъ взаимоотношеніи какъ подданныхъ другъ къ другу, такъ и къ правителю. Тогда они настолько проникнутся мыслью, что имъ невозможно будетъ обходиться безъ этого попеченія и руководства, если они желаютъ жить въ мирѣ и спокойствіи.

Обоготвореніе правителя. Они признаютъ самодержавіе нашего Правителя съ благоговѣніемъ, близкимъ къ боготворенію особенно, когда убѣдятся, что наши ставленники не замѣняютъ власть его своею, а лишь слѣпо исполняютъ его предписанія. Они будутъ рады, что мы все урегулировали въ ихъ жизни, какъ это дѣлаютъ умные родители, которые воспитываютъ дѣтей своихъ въ чувствѣ долга и послушанія. Вѣдь народы, по отношенію къ тайнамъ нашей политики вѣчно несовершеннолѣтнія дѣти, точно такъ же, какъ и ихъ правленія.

Право сильнаго, какъ единственное право. Какъ видите, я основываю нашъ деспотизмъ на правѣ и долгѣ: право принуждать исполненіе долга есть прямая обязанность правительства, которое есть отецъ своихъ подданныхъ. Оно имѣетъ право сильнаго для того, чтобы пользоваться имъ во благо направленія человѣчества къ природо—опредѣленному строю—послушанію. Все въ мірѣ находится въ послушаніи если не у людей, то у обстоятельствъ или у своей натуры, во всякомъ же случаѣ у сильнѣйшаго, Такъ будемъ же мы этимъ силь

нѣйшимъ ради блага. Мы обязаны, не задумываясь, жертвовать отдѣльными личностями, нарушителями установленнаго порядка, ибо въ примѣрномъ наказаніи зла лежитъ великая воспитальная задача.

Царь израильскій—патріархъ міра. Когда царь израильскій надѣнетъ на свою священною голову корону, поднесенную ему Европой, онъ сдѣлается патріархомъ міра. Необходимыя жертвы, имъ принесенныя вслѣдствіе ихъ цѣлесообразности, никогда не достигнуть числа жертвъ принесенныхъ въ теченіи вѣковъ маніей величія — соревнованіемъ гоевскихъ правительствъ. Нашъ Царь будетъ находиться въ непрестанномъ общеніи съ народомъ, говоря ему съ трибуны рѣчи, которыя молва будетъ въ тотъ же часъ разносить на весь міръ.

ПРОТОКОЛЪ № 16.

Обезвреженіе университетовъ, Съ цѣлью уничтоженія всякихъ коллективныхъ силъ, кромѣ нашихъ, мы обезвредимъ первую ступень коллективизма—университеты, перевоспитавъ ихъ въ новомъ направленіи. Ихъ начальства и профессора будутъ подготовляемы для своего дѣла подробными тайными программами дѣйствій, отъ которыхъ они безнаказанно не отступять ни на іоту. Они будутъ назначаться съ особою осторожностью и будутъ поставлены въ полную независимость отъ правительства. Мы исключимъ изъ преподаванія государственное право, какъ и все, что касается политическаго вопроса. Эти предметы будутъ преподаваться немногимъ десяткамъ лицъ, избраннымъ по выдающимся способностямъ изъ числа посвященныхъ. Университеты не должны выпускать изъ своихъ стѣнъ молокососовъ, стряпающихъ планы конституцій, какъ комедіи или трагедіи, занимаясь вопросами политики, въ которыхъ и отцы то ихъ никогда ничего не смыслили. Плохо направленное ознакомленіе большинства лицъ съ вопросами политики создаетъ утопистовъ и плохихъ подданныхъ, какъ вы сами можете усмотрѣть изъ примѣра всеобщаго воспитанія въ этомъ направленіи гоевъ. Намъ надо было внести въ ихъ воспитаніе всѣ тѣ начала, которыя такъ блистательно надломили ихъ строй. Когда же мы будемъ у власти, то мы удалимъ всякіе смущающіе предметы изъ воспитанія и сдѣлаемъ изъ молодежи послушныхъ дѣтей начальства, любящихъ правящаго, какъ надежду на миръ и покой.

Замѣна классицизма. Классицизмъ, какъ и всякое изученіе древней исторіи, въ которой больше дурныхъ чѣмъ хорошихъ примѣровъ, мы замѣнимъ программой будущаго. Мы вычеркнемъ изъ памяти людей всѣ факты прежнихъ вѣковъ, которые намъ не желательны, оставивъ изъ нихъ только тѣ, которые обрисовываютъ всѣ ошибки гоевскихъ правленій.*) Ученіе о практической жизни, объ обязательномъ строѣ, объ отно-

*) Въ школахъ Сов. Республики такъ и сдѣлано.

шеніи людей другъ къ другу, объ избѣжаніи дурныхъ эгоистическихъ примѣровъ, которые сѣютъ заразу зла и другіе подобные вопросы воспитательнаго характера, будутъ стоять въ первыхъ номерахъ преподавательской программы, составленной по отдѣльному плану для каждаго знанія, ни подъ какимъ видомъ не обобщая преподаванія. Такая постановка вопроса имѣетъ особую важность.

Воспитаніе и званіе. Каждое общественное званіе должно быть воспитано въ строгихъ общественныхъ разграниченіяхъ согласно назначенію и труду. Случайные геніи всегда умѣли и съумѣютъ проскользнуть въ другія званія, но ради этой рѣдкой случайности пропускать въ чужіе ряды бездарности, отнимая мѣста отъ присущихъ этимъ рядамъ по рожденію и занятію — совершенное безуміе. Вы сами знаете, чѣмъ все это кончилось для гоевъ, допустившихъ эту вопіющую безмыслицу.

Реклама власти „правителя“ въ школахъ. Чтобы правящій крѣпко засѣлъ въ сердцахъ и умахъ своихъ подданныхъ надо во время его дѣятельности преподавать всему народу въ школахъ и на площадяхъ о его значеніи и дѣяніяхъ во всѣхъ его благоначинананіяхъ.

Отмѣна свободнаго преподаванія. Мы уничтожимъ всякое своводное преподаваніе. Учащіеся будутъ имѣть право вмѣстѣ съ родными собираться, какъ въ клубъ, въ учебныя заведенія. Во время этихъ собраній, по праздникамъ, преподаватели будутъ читать якобы свободныя лекціи о вопросахъ человѣческихъ отношеній, о законахъ примѣра, о репрессаліяхъ, рождающихся отъ безсознательныхъ отношеній и, наконецъ, о философіи новыхъ теорій еще не явленныхъ міру. Эти теоріи мы возведемъ въ догматъ вѣры, какъ переходную ступень къ нашей вѣрѣ. По окончаніи изложенія нашей программы дѣйствій въ настоящемъ и будущемъ, я вамъ прочту основанія этихъ теорій.

Независимосоь мысли. Словомъ зная изъ вѣкового опыта, что люди живутъ и руководятся идеями, что идеи эти всасываются людьми только при помощи воспитанія, даваемаго съ одинаковымъ успѣхомъ всѣмъ возрастамъ, конечно, только различными пріемами, мы поглотимъ и конфискуемъ въ нашу пользу послѣдніе проблески независимости мысли, которую мы уже давно направляемъ на нужные намъ предметы и идеи.

Наглядное обученіе. Система обузданія мысли уже въ дѣйствіи въ такъ называемой системѣ нагляднаго обученія, имѣющей превратить гоевъ въ немыслящихъ, послушныхъ животныхъ, ожидающихъ наглядности, чтобы сообразить ее. Во Франціи, одинъ изъ лучшихъ нашихъ агентовъ, Буржуа, уже провозгласилъ новую программу нагляднаго воспитанія*).

*) Теперь почти вездѣ введено въ школахъ наглядное обученіе.

ПРОТОКОЛЪ № 17.

Адвокатура. Адвокатура создаетъ людей холодныхъ, жестокихъ, упорныхъ, безпринципныхъ, становящихся во всѣхъ случаяхъ на безличную чисто легальную почву. Они пріучили все относить къ выгодѣ защиты, а не къ соціальному благу ея результатовъ. Они обыкновенно не отказываются ни отъ какой защиты, домагаются оправданія во чтобы то ни стало, придираясь къ мелкимъ загвоздкамъ юриспруденціи. Этимъ они деморализуютъ судъ. Поэтому мы эту профессію поставимъ въ узкія рамки, которыя заключатъ ее въ сферу исполнительнаго чиновничества. Адвокаты будутъ лишены, наравнѣ съ судьями, права общенія съ тяжущимися, получая дѣла только отъ суда, разбирая ихъ по докладмымъ запискамъ и документамъ, защищая своихъ кліентовъ послѣ допроса на судѣ по выяснившимся фактамъ. Они будутъ получать гонораръ не взирая на качество защиты. Это будутъ простые докладчики дѣлъ въ пользу правосудія въ перевѣсъ прокурору, который будетъ докладчикомъ въ пользу обвиненія: это сократитъ судебный докладъ. Такимъ образомъ установится честная, безпристрастная защита, введенная не изъ интереса, а по убѣжденію. Это между прочимъ, устранитъ практикующіеся нынѣ подкупы товарищей, ихъ соглашеніе дать выигрышъ дѣлу только того, кто платитъ...

Вліяніе священничества гоевъ. Священничество гоевъ мы уже озаботились дискредитировать*) и этимъ разорить ихъ миссію, которая нынѣ могла бы очень мѣшать. Съ каждымъ днемъ его вліяніе на народы падаетъ.

Свобода совѣсти. Свобода совѣсти провозглашена теперь всюду, слѣдовательно, насъ только годы отдѣлаютъ отъ момента полнаго крушенія христіанской религіи; съ другими же религіями мы справимся еще легче, но объ этомъ говорить преждевременно. Мы поставимъ клерикаловъ въ такія узкія рамки, чтобы ихъ вліяніе пошло обратно по своему прежнему движенію,

Папскій дворъ. Когда придетъ время окончательно уничтожить папскій дворъ, то палецъ отъ незримой руки укажетъ народамъ въ сторону этого двора. Когда же народы бросятся туда, мы выступимъ какъ бы его защитниками, чтобы не допустить до сильныхъ кровопусканій... Этой диверсіей мы проберемся въ самыя его вѣдра и уже не выйдемъ оттуда, пока не подточимъ всю силу этого мѣста.

Царь іудейскій, какъ патріархъ папа. Царь іудейскій будетъ настоящимъ папой вселенной, патріархомъ интернаціональной церкви,

Способы борьбы съ существующей церковью. Но, пока мы перевоспитаемъ юношество въ новыхъ переходныхъ

*) осебенно въ Россіи.

вѣрахъ, а затѣмъ и въ нашей, мы те затронемъ открыто существующей церкви, будемъ съ ними бороться критикой, возбуждающей расколъ.

Задачи современной прессы. Вообще же наша современная пресса будетъ изобличать государственныя дѣла, религіи, неспособности гоевъ и все это въ самыхъ безпринципныхъ выраженіяхъ, чтобы всячески унизить ихъ такъ, какъ это умѣетъ дѣлать только наше геніаленое племя.

Организація полиціи. Добровольческая полиція. Наше царство будетъ апологіей божка „Вишну", въ которомъ находится олицетвореніе его — въ нашихъ ста рукахъ будетъ по пружинѣ соціальной машины. Мы будемъ все видѣть безъ помощи официальной полиціи, которая въ той формѣ ея правъ, которую мы выработали для гоевъ, мѣшаетъ правительствамъ видѣть. При нашей программѣ треть подданныхъ нашихъ будетъ наблюдать за остальными изъ чувства долга, изъ принципа добровольной государственной службы. Тогда не будетъ постыдно быть шпіономъ и доносчикомъ, а похвально*), но необоснованные доносы будутъ жестоко наказуемы, чтобы не развелось злоупотребленія этимъ правомъ. Наши агенты будутъ изъ числа какъ высшаго, такъ и низшаго общества, изъ среды веселящагося административнаго класса, издатели, типографы, книгопродавцы, приказчики, рабочіе, кучера, лакеи и т. д. Эта безправная, не уполномоченная на какое либо самоуправство, а слѣдовательно, безвластная полиція будетъ только свидѣтельствовать и докладывать, а провѣрка ея показаній и аресты будутъ производиться жандармскимъ корпусомъ и городской полиціей, завися отъ отвѣтственной группы контролеровъ по дѣламъ полиціи. Не донесшій о видѣнномъ и слышанномъ по дѣламъ политики тоже будетъ привлекаться къ отвѣтственности за укрывательство, если будетъ доказано, что онъ въ этомъ виноватъ.

Шпіонство по образцу кагальнаго шпіонажа. Подобно тому, какъ наши братья, подъ собственной отвѣтственностью обязаны доносить кагалу на своихъ отступниковъ или замѣченныхъ въ чемъ либо противномъ кагалу, такъ въ нашемъ всемірномъ царствѣ будетъ обязательно для всѣхъ нашихъ подданныхъ соблюдать долгъ государственной службы въ этомъ направленіи.

Злоупотребленія властью. Такая организація искоренитъ злоупотребленія властью, силой, подкупомъ, все, что мы ввели нашими совѣтами, теоріями сверхчеловѣческихъ правъ въ привычки гоевъ.

Но какъ же намъ было иначе добиться увеличенія причинъ къ безпорядкамъ среди ихъ администраціи, какъ не этими путями. Въ числѣ этихъ путей одинъ изъ важнѣйшихъ — это

---

*) Какъ это водится въ настоящее время въ Сов. Распубнка, гдѣ у каждаго на шеѣ сидитъ комиссаръ.

агенты водворенія порядка, поставленные въ возможность, въ своей разрушительной дѣятельности проявлять и развивать свои дурные наклонности — своенравіе, своеволіе и въ первую голову — взяточничество.

ПРОТОКОЛЪ № 18.

Мѣры охраны. Когда намъ нужно будетъ усилить строгія мѣры охраны (страшнѣйшій ядъ для престижа власти) мы устроимъ симуляцію безпорядковъ или проявленіе неудовольствія, выражаемаго при содѣйствіи хорошихъ ораторовъ. Къ этимъ ораторамъ примкнутъ сочувствующіе. Это дастъ намъ поводъ къ обыскамъ и надзору со стороны нашихъ слугъ изъ числа гоевской полиціи.

Наблюденіе въ средѣ заговорщиковъ. Открытая охрана — гибель власти. Такъ какъ большинство заговорщиковъ дѣйствуетъ изъ любви къ искусству, говоренія ради, то до проявленія съ ихъ стороны дѣйствій, мы ихъ не будемъ тревожить, а лишь введемъ въ ихъ среду наблюдающіе элементы. Надо помнить, что престижъ власти умаляется, если она находитъ часто заговоры противъ себя. Въ этомъ заключено признаніе безсилія, или, что еще хуже, неправота. Вамъ извѣстно, что мы разбили престижъ царствующихъ гоевъ частыми покушеніями на ихъ жизнь, черезъ нашихъ агентовъ, слѣпыхъ барановъ нашего стада, которыхъ легко нѣсколькими либеральными фразами двинуть на преступленія, лишь бы они имѣли политическую окраску. Мы вынудимъ правителей признать свое безсиліе въ объявленіи открытыхъ мѣръ охраны и этимъ погубимъ престижъ власти.

Охрана іудейскаго царя. Нашъ правитель будетъ охраняться только самой непримѣтной стражей, потому что мы не допустимъ и мысли, чтобы противъ него могла существовать такая крамола, съ которой онъ не въ силахъ бороться и вынужденъ отъ нея прятаться. Если мы допустили бы эту мысль, какъ это дѣлали и дѣлаютъ гои, то тѣмъ самымъ мы подписали бы приговоръ, если не ему самому, то его династіи въ недалекомъ будущемъ. По строго соблюдаемой внѣшности нашъ правитель будетъ пользоваться своею властью только для пользы народа, но отнюдь не для своихъ или династическихъ выгодъ. Поэтому, при соблюденіи этого декорума, его власть будетъ уважаться и охраняться его подданными, ее будутъ боготворить въ сознаніи, что съ ней связано благополучіе каждаго гражданина государства, ибо отъ нея будетъ зависѣть порядокъ общественнаго строя. Охранять царя открыто, значитъ признавать слабость организаціи его силы. Нашъ правитель всегда будетъ въ народѣ окруженъ какъ бы толпою любопытныхъ мужчинъ и женщинъ, которые займутъ первые ряды около него, по виду случайно, а сдерживать будутъ ряды остальныхъ изъ уваженія якобы къ порядку. Это

посѣтъ примѣръ сдержанности и въ другихъ. Если въ народѣ окажется проситель, старающійся подать прошеніе, пробираясь черезъ ряды, то первые ряды должны принять это прошеніе и на глазахъ просителя передать его правителю, чтобы всѣ знали, что подаваемое доходитъ по значенію, что слѣдовательно, существуетъ контроль самаго правителя. Ореолъ власти требуетъ для своего существованія, чтобы народъ могъ сказать: „когда бы зналъ объ этомъ царь", или „царь объ этомъ узнаетъ".

Мистическій престижъ власти. Съ учрежденіемъ офиціальной охраны исчезаетъ мистическій престижъ власти: при наличности извѣстной смѣлости, каждый считаетъ себя хозяиномъ надъ ней; крамольникъ сознаетъ свою силу и при случаѣ караулитъ моментъ для покушенія на власть... Для гоевъ мы проповѣдывали иное, но за то же можемъ и видѣть примѣръ, до чего ихъ довели мѣры открытой охраны.

Арестъ по первому подозрѣнію. У насъ преступники будутъ арестованы при первомъ болѣе или менѣе обоснованномъ подозрѣніи: нельзя изъ боязни могущей произойти ошибки предоставить возможность побѣга подозрѣваемыхъ въ политическомъ поступкѣ или престепленіи, въ которомъ мы будемъ по истинѣ безпощадны. Если еще можно, съ извѣстной натяжкой допустить разсмотрѣніе побудительныхъ причинъ въ простыхъ преступленіяхъ, то нѣтъ извиненія для лицъ, занимающихся вопросами, въ которыхъ никто, кромѣ правительства понять ничего не можетъ. Да и не всѣ тѣ правительства понимаютъ истинную политику.

ПРОТОКОЛЪ № 19.

Если мы не допустимъ самостоятельнаго занятія политикой, то напротивъ, будемъ поощрять всякіе доклады или петиціи съ предложеніями на усмотрѣніе правительства всякихъ проектовъ для улучшенія народнаго быта: это намъ откроетъ недостатки или же фантазіи нашихъ подданныхъ, на которые мы будемъ отвѣчать или исполненіемъ, или толковымъ опроверженіемъ, которое доказало бы близорукость разсуждающаго.

Крамола. Крамольничество есть ни что иное, какъ лай моськи на слона. Для правительства хорошо организованнаго не съ полицейской, а съ общественной стороны, моська лаетъ на слона, не сознавая его силы и значенія. Стоитъ только на добромъ примѣрѣ показать значеніе того и другого, какъ моськи перестанутъ лаять, а станутъ вилять хвостомъ, какъ только завидятъ слона.

Подсудность политическихъ преступленій. Чтобы снять престижъ доблести съ политическаго преступленія, мы посадимъ его на скамью подсудимыхъ на ряду съ воровствомъ, убійствомъ и всякимъ отвратительнымъ и грязнымъ преступле-

ніемъ. Тогда общественное мнѣніе сольетъ въ своемъ представленіи этотъ разрядъ преступленій съ позоромъ всякаго другого и заклеймитъ его одинаковымъ презрѣніемъ.

Реклама политическихъ преступленій. Мы старались и, надѣюсь, достигли того, что всѣ гои не постигли такого способа борьбы съ крамолой. Для этого черезъ прессу и въ рѣчахъ — косвенно въ умно составленныхъ учебникахъ исторіи мы рекламировали мученичество, якобы, принятое крамольниками на себя за идею общаго блага. Эта реклама увеличила контингентъ либераловъ и поставила тысячи гоевъ въ ряды нашего живого инвентаря.

ПРОТОКОЛЪ № 20.

Финансовая программа. Сегодня мы коснемся финансовой программы, которую я отложилъ на конецъ своего доклада, какъ труднѣйшій завершительный и рѣшительный пунктъ нащихъ плановъ. Приступая къ ней, я напонимаю, что говорилъ раньше намекомъ, что итогъ нашихъ дѣйствій разрѣшенъ вопросомъ цифръ. Когда мы воцаримся, наше самодержавное правительство будетъ избѣгать, ради принципа самосохранія, чувствительно обременять народныя массы налогами не забывая своей роли отца и покровителя. Но, такъ какъ государственная организація стоитъ дорого, то все же необходимо получать нужныя для этого средства. Поэтому надо выработать особенно тщательно вопросъ равновѣсія въ этомъ предметѣ.

Прогрессивный налогъ. Наше правленіе, въ которомъ царь будетъ имѣть легальную фикцію принадлежности ему всего, что находится въ его государствѣ (что легко перевести на дѣло) можетъ прибѣгнуть къ законному изъятію всякихъ суммъ для регулированія ихъ обращенія въ государствѣ, Изъ этого слѣдуетъ, что покрытіе расходовъ лучше всего производить изъ прогрессивнаго налога на собственность. Такимъ образомъ подати будутъ уплачиваться безъ стѣсненія или раззоренія въ соразмѣрномъ % владѣнія. Богатые должны сознавать, что ихъ обязанность предоставлять часть своихъ излишковъ въ общегосударственное пользованіе, такъ какъ государство имъ гарантируетъ безопасность владѣнія остальнымъ имуществомъ и право честной наживы, говорю честной, потому что контроль надъ имуществомъ устранитъ грабежи на законномъ основаніи. Эта соціальная реформа должна идти сверху, ибо ей наступаетъ время—она необходима, какъ залогъ мира. Налогъ на бѣдняка есть сѣмя революціи и служитъ къ ущербу для государства, теряющаго крупное, въ погонѣ за мелочью. Независимо отъ этого, налогъ съ капиталистовъ уменьшитъ ростъ богатства въ частныхъ рукахъ, въ которыя мы нынѣ ихъ стянули для противовѣса правительственной силѣ гоевъ — государственнымъ финансамъ,

Налогъ, увеличивающійся въ процентномъ отношеніи къ

капиталу, дасть много большій доходъ, чѣмъ нынѣшній поголовный или цензовой, который для насъ теперь полезенъ только для возбужденія волненій среди гоевъ. Сила, на которую нашъ царь будетъ опираться, состоить въ равновѣсіи и гарантіи мира, ради которыхъ необходимо, чтобы капиталисты поступились долей своихъ доходовъ, ради безопасности дѣйстія государственной машины. Государственныя нужды должны оплачивать тѣ, которымъ это не въ тягость и съ которыхъ есть что взять. Такая мѣра уничтожитъ ненависть бѣдняка къ богачу, въ которомъ онъ увидитъ нужную финансовую поддержку для государства, увидитъ въ немъ устроителя мира и благоденствія, такъ какъ онъ будетъ видѣть, что имъ уплачиваются для ихъ достиженія нужныя средства.

Чтобы интеллигенты плательщики не слишкомъ горевали о новыхъ платежахъ, имъ будутъ въ назначеніи этихъ платежей давать подробные отчеты, за исключеніемъ, конечно, такихъ суммъ, которыя будутъ распредѣлены на нужды трона и административныхъ учрежденій. Царствующій не будетъ имѣть своихъ имуществъ, разъ все, что въ государствѣ, представляетъ его достояніе, а то одно противорѣчило бы другому: фактъ собственныхъ средствъ уничтожилъ бы право собственности на всеобщее владѣніе. Родственники царствующаго, кромѣ его наслѣдниковъ, которые также содержатся на средства государства, должны становиться въ ряды государственныхъ служащихъ или трудиться для того, чтобы получить право собственности: привиллегія царской крови не должна служитъ для хищенія казны.

Марочный прогрессивный сборъ. Купля, полученіе денегъ или наслѣдства будутъ оплачиваться марочнымъ прогрессивнымъ сборомъ. Незаявленная этимъ сборомъ, непремѣнно именная, передача собственности, денежной или другой, возложитъ на прежняго владѣльца платежъ налога за время отъ передачи этихъ суммъ до обнаруженія уклоненія отъ заявленія о передачѣ. Передаточныя расписки должны еженедѣльно представляться въ мѣстное казначейство, съ обозначеніемъ имени, фамиліи и постояннаго мѣста жительства бывшаго и новаго владѣльца имущества. Эта именная передача должна начинаться съ опредѣленной суммы, превышающей обыкновенные расходы по куплѣ и продажѣ необходимаго, которые будутъ оплачиватьея лишь марочнымъ сборомъ опредѣленнаго % съ единицы. Разсчитывайте во сколько разъ такіе налоги покроютъ доходы гоевскихъ государствъ.

Фондовая касса. Фондовая касса государства доджна будетъ содержать опредѣленный комплектъ запасныхъ суммъ, а все то, что будетъ собрано сверхъ этого комплекта, должно будетъ возвращаться въ обращеніе. На эти суммы будутъ устраиваться общественныя работы. Иниціатива такихъ работъ исходящая изъ государственныхъ источниковъ, крѣпко привяжетъ рабочій классъ къ государственнымъ интересамъ и къ цар-

ствующимъ. Изъ этихъ же суммъ часть будетъ выдѣлена на преміи изобрѣтательности и производства. Отнюдь не слѣдуетъ, изъ сверхъ опредѣленныхъ и широко разсчитанныхъ суммъ, задерживать хотя бы единицу въ государственныхъ кассахъ, ибо деньги существуютъ для обращенія и всякій ихъ застой губительно отзывается на ходѣ государственнаго механизма, для котораго онѣ служатъ смазывающимъ средствомъ: застой можетъ остановить правильный ходъ этого механизма.

Бумаги и застой денежнаго обращенія. Замѣна части обмѣннаго знака процентными бумагами произвела именно такой застой. Послѣдствія этого обстоятельства теперь уже достаточно замѣтны.

Отчетность. Отчетный дворъ также будетъ нами установленъ и въ немъ правитель во всякое время найдетъ полный отчетъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, за исключеніемъ текущаго, еще не составленнаго мѣсячнаго отчета и предъидущаго, еще не доставленнаго. Единственное лицо, которому не будетъ интереса грабить государственныя кассы — это собственникъ ихъ — правитель. Вотъ почему его контроль устранитъ возможность утраты или растраты.

Отмѣна представительства. Отнимающее драгоцѣнное время у правителя представительство въ пріемахъ ради этикета будетъ упразднено для того, чтобы правитель имѣлъ время на контроль и соображенія. Тогда его мощь не будетъ уже раздроблена на временщиковъ окружающихъ для блеска и пышности престола и заинтересованныхъ только въ своихъ, а не въ общегосударственныхъ интересахъ.

Застой капиталовъ. Экономическіе кризисы были нами произведены для гоевъ ничѣмъ инымъ, какъ извлеченіемъ денегъ изъ обращенія. Громадные капиталы застаивались, извлекая деньги изъ государствъ, которыя къ нимъ же и были вынуждены обратиться за займами. Эти займы отяготили финансы государствъ платежами % и закрѣпостили ихъ названнымъ капиталамъ. Концентрація промышленности въ рукахъ капиталистовъ изъ рукъ кустарей высосала всѣ народные соки, а съ ними и государственные.

Денежный выпускъ. Нынѣшній выпускъ денегъ вообще не соотвѣтствуетъ поголовной потребности, а потому не можетъ удовлетворить всѣмъ рабочимъ нуждамъ. Выпускъ денегъ долженъ согласоваться съ приростомъ населенія, причемъ необходимо считать и дѣтей, какъ и ихъ потребителей со дня рожденія. Пересмотръ выпуска, вотъ существенный вопросъ для всего міра.

Золотая валюта. Вы знаете, что золотая валюта была гибелью для принявшихъ ее государствъ, ибо она не могла удовлетворить потребленія денегъ, тѣмъ болѣе, что мы изъяли изъ обращенія золото сколько возможно.

Валюта стоимости рабочей силы. У насъ должна быть введена валюта стоимости рабочей силы, будь она бумажная

или деревянная. Мы произведемъ выпускъ денегъ по нормальнымъ потребностямъ каждаго подданаго, прибавляя его количество съ каждымъ родившимся человѣкомъ, убавляя съ каждымъ умершимъ. Разсчетами будетъ завѣдывать каждый департаментъ, каждый округъ.

Бюджетъ. Чтобы не было задержекъ въ выдачѣ денегъ на государственныя нужды, суммы и срокъ ихъ выдачи будутъ опредѣляться указомъ правителя: этимъ устранится протекторатъ министерства надъ одними учрежденіями въ ущербъ другимъ. Бюджеты доходовъ и расходовъ будутъ вестись рядомъ, чтобы они не затемняли другъ друга.

Проэктированныя нами реформы гоевскихъ финансовыхъ учрежденій и принциповъ мы облечемъ въ такія формы, что они никого не встревожатъ. Мы укажемъ на необходимость реформъ вслѣдствіе того безпорядочнаго сумбура, до котораго дошли финансовые безпорядки у гоевъ. Первый непорядокъ, укажемъ мы, состоитъ въ томъ, что у нихъ начинаютъ съ назначенія простого бюджета, дотягиваютъ до половины года, затѣмъ требуютъ поправочный бюджетъ, который разстрачиваютъ черезъ три мѣсяца, послѣ чего просятъ дополнительный бюджетъ, и все это оканчивается ликвидаціоннымъ бюджетомъ, А такъ какъ бюджетъ слѣдующаго года назначается согласно суммѣ общаго подсчета, то ежегодный отходъ отъ нормы простирается до 50%, отчего годовой бюджетъ утраивается черезъ 10 лѣтъ. Благодаря такимъ пріемамъ, допущеннымъ безпечностью гоевскихъ государствъ, опустѣли ихъ кассы. Наступившій затѣмъ періодъ займовъ добралъ остатки и привелъ всѣ государства гоевъ къ банкротству. Вы отлично понимаете, что такое хозяйство, внушенное нами гоямъ, не можетъ быть вводимо нами.

Государственные займы. Всякій заемъ доказываетъ государственную немощь и непониманіе государственныхъ правъ. Займы, какъ Дамоклювъ мечъ висятъ надъ головой правителей, которые вмѣсто того, чтобы брать у своихъ подданныхъ временнымъ налогомъ, идутъ съ протянутой рукой просить милостыню у нашихъ банкировъ. Внѣшніе займы суть піявки, которыхъ никакъ нельзя отнять отъ государственнаго тѣла, пока онѣ сами не отпадутъ, или государство само ихъ не сброситъ. Но гоевскія государства не открываютъ ихъ, а все продолжаютъ ихъ присаживать къ себѣ, такъ, что они неизбѣжно должны погибнуть, истекая отъ добровольнаго кровопусканія. Въ сущности, что же иное представляетъ собой заемъ, да еще внѣшній. Заемъ это выпускъ правительственныхъ векселей, содержащихъ обязательство соразмѣрно суммѣ занятаго капитала. Если заемъ оплачивается 5%, то черезъ двадцать лѣтъ государство напрасно выплачиваетъ процентную сумму, равную взятому займу, въ сорокъ лѣтъ оно выплачиваетъ двойную сумму, въ шестьдесять тройную, а долгъ остается все такимъ же...

Изъ этого разсчета очевидно, что при поголовной формѣ налога государство черпаетъ послѣдніе гроши бѣдняковъ плательщиковъ податей, чтобы расплачиваться съ иностранными богачами, у которыхъ оно взяло деньги взаймы, вмѣсто того, чтобы собрать тѣ гроши на свои нужды безъ процентныхъ приплатъ. Пока займы были внутренніе, гои перемѣщали только деньги изъ кармана бѣдняка въ карманы богачей, но когда мы подкупили, кого слѣдовало, чтобы перенести займы на внѣшнюю почву, то всѣ государственныя богатства потекли въ наши кассы и всѣ гои стали намъ платить дань подданства. Если легкомысліе царствующихъ гоевъ въ отношеніи государственныхъ дѣлъ и продажность министровъ, или непониманіе въ финансовыхъ вопросахъ правящихъ лицъ задолжали свои страны нашимъ кассамъ неоплатными долгами, то надо знать, сколько намъ это стоило труда и денегъ.

Однопроцентная серія. Застой денегъ нами допущенъ не будетъ, а потому не будетъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, кромѣ однопроцентной серіи, чтобы платежи процентовъ не отдавали государственной мощи на высасываніе піявкамъ. Право выпуска процентныхъ бумагъ будетъ исключительно предоставлено промышленнымъ компаніямъ, которымъ не трудно будетъ оплачивать %% съ прибылей, которыхъ государство не вырабатываетъ на занятыя деньги подобно этимъ компаніямъ, ибо оно занимаетъ на траты, а не на операціи,

Промышленныя бумаги. Промышленныя бумаги будутъ покупаться и правительствомъ, которое изъ нынѣшняго плательщика дани по займамъ превратится въ заимодавца изъ разсчета. Такая мѣра прекратитъ застой денегъ, тунеядство и лѣнь, которыя намъ были полезны у самостоятельныхъ гоевъ, но не желательны въ нашемъ правленіи. Какъ ясно недомысліе часто животныхъ мозговъ гоевъ, выразившееся въ томъ, что, когда они брали взаймы у насъ подъ платежи %%, они не думали, что все равно тѣ же деньги, да еще съ приплатой процентовъ ихъ, придется черпать изъ своихъ государственныхъ кармановъ для расплаты съ нами. Что было проще прямо взять нужныя деньги у своихъ. Это же доказываетъ геніальность нашего избраннаго ума въ томъ, что мы съумѣли имъ такъ представить дѣло займовъ, что они въ нихъ усмотрѣли даже для себя выгоду.

Наши расчеты, которые мы представимъ, когда придетъ время, подъ освѣщеніемъ вѣковыхъ опытовъ, продѣланныхъ нами надъ гоевскими государствами, будутъ отличаться ясностью и опредѣленностью и воочію покажутъ всѣмъ пользу нашихъ нововведеній. Они положатъ конецъ тѣмъ злоупотребленіямъ, благодаря которымъ мы овладѣли гоями, но которыя не могутъ быть допущены въ нашемъ царствѣ Мы такъ обставимъ разсчетную систему, что ни : правитель, ни мельчайшій чиновникъ не будетъ въ стояніи вывести ма-

лѣйшей суммы незамѣтно отъ ея назначенія, или направить ее по другому направленію, кромѣ того, которое будетъ значиться разъ въ опредѣленномъ планѣ дѣйствій. Безъ опредѣленнаго же плана управлять нельзя. Шествуя по опредѣленной дорогѣ и съ неопредѣленнымъ запасомъ, погибаютъ въ пути герои и богатыри.

Правители гоевъ. Временщики, масонскіе агенты. Гоевскіе правители, которыхъ мы когда то отвлекли отъ государственныхъ занятій представительными пріемами, этикетами, увеселеніями, были лишь ширмами нашего правленія. Отчеты временщиковъ ихъ замѣщающихъ на поприщѣ дѣлъ составлялись для нихъ нашими агентами и каждый разъ удовлетворяли недальновидные умы обѣщаніями, что въ будущемъ предвидятся сбереженія и улучшенія... Съ чего бы сбереженія: съ новыхъ налоговъ...? Могли спросить и не спросили читающіе наши отчеты, проекты... Вы знаете, до чего ихъ довела такая безпечность, до какого финансоваго разстройства они дошли, несмотря на удивительное трудолюбіе ихъ народовъ.

ПРОТОКОЛЪ № 21.

Внутренніе займы. Къ доложенному вамъ на прошломъ собраніи прибавлю еще подробное объясненіе о внутреннихъ займахъ. О внѣшнихъ же я говорить болѣе не буду, потому что они насъ питали національными деньгами гоевъ, для нашего же государства не будетъ, иностранцевъ т. е. чего либо внѣшняго. Мы пользовались продажностью администраторовъ и нерадивостью правителей, чтобы получить двойныя, тройныя и большія суммы, ссужая гоевскимъ правительствамъ вовсе ненужныя государствамъ деньги. Кто же могъ дѣлать это по отношенію къ намъ? Поэтому буду излагать подробности только однихъ внутреннихъ займовъ. Объявляя о заключеніи такого займа государства открываютъ подписку на свои векселя, т. е. на процентныя бумаги. Для того, чтобы они были доступны для всѣхъ, имъ назначаютъ цѣну отъ ста до тысячи при этомъ дѣлается скидка для первыхъ подписчиковъ. На другой день искусственно подымаются цѣны на нихъ, якобы потому, что всѣ бросаются ихъ раскупать. Черезъ нѣсколько дней кассы казначейства будутъ переполнены и денегъ дѣвать некуда (зачѣмъ же ихъ братъ). Подписка якобы, превышаетъ во много разъ выпускъ займа: въ этомъ весь эффектъ — вотъ, де, какое довѣріе въ векселямъ правительства.

Пасивъ и налоги. Но когда комедія сыграна, то возникаетъ фактъ образованія пассива и при томъ весьма тяжелаго. Для уплатъ процентовъ приходится прибѣгать къ новымъ займамъ, не поглощающимъ, а лишь увеличивающимъ капитальный долгъ. Когда же кредитъ истощенъ, приходится новыми

налогами покрывать не заемъ, а только %, по нему. Эти налоги — пассивъ, употребляемый на покрытіе пассива.

Конверсіи. Далѣе наступаетъ время конверсій, но они уменьшаютъ платежъ %% а не покрытіе долговъ, кромѣ того они не могутъ быть сдѣланы безъ согласія заимодавцевъ: при объявленіи и конверсіи предлагается возвратъ денегъ тѣмъ, кто не согласенъ конвертировать свои бумаги. Если бы всѣ выразили свое несогласіе и потребовали свои деньги назадъ, то правительства были бы пойманы на собственную удочку и оказались не въ состояніи уплатить предложенныя деньги. По счастью, не свѣдующіе въ финансовыхъ дѣлахъ подданые гоевскихъ правительствъ, всегда предпочитали потери на курсѣ и уменьшеніе процентовъ, риску новыхъ помѣщеній денегъ, чѣмъ дали этимъ правительствамъ сбросить съ себя не разъ пассивъ въ нѣсколько милліоновъ. Теперь, при внѣшнихъ долгахъ, такихъ штукъ выкинуть гои уже не могутъ, зная, что мы потребуемъ всѣ деньги назадъ.

Банкротства, Такимъ образомъ, признанное банкротство лучше всего служитъ средствомъ для потери связи между интересами народовъ и ихъ правленій.

Сберегательная кассы и ренты. Обращаю ваше сугубое вниманіе на это обстоятельство и на слѣдующее: нынѣ всѣ внутренніе займы были консолидированы такъ называемыми, летучими долгами, т. е. такими, сроки уплаты по которымъ болѣе или менѣе близки. Долги эти состоятъ изъ денегъ, положенныхъ въ сберегательныя и запасныя кассы. Находясь долгое время въ распоряженіи правительства, эти фонды улетучиваются для уплаты процентовъ по заграничнымъ займамъ, а вмѣсто нихъ положены на ровную сумму вклады ренты. Вотъ эти то послѣдніе и покрываютъ всѣ прорухи въ государственныхъ кассахъ гоевъ.

Таксированіе промышленныхъ цѣнностей. Мы замѣнимъ биржи грандіозными казенными кредитными учрежденіями, назначеніе которыхъ будетъ состоять въ таксированіи промышленныхъ цѣнностей согласно правительственнымъ соображеніямъ. Эти учрежденія будутъ въ состояніи выбросить на рынокъ на пятьсотъ милліоновъ промышленныхъ бумагъ въ одинъ день, или скупить настолько же. Такимъ образомъ всѣ промышленныя предпріятія станутъ въ зависимость отъ насъ. Вы можете себѣ представить какую мощь мы составимъ черезъ это.

Уничтоженіе фондовыхъ биржъ. Когда мы взойдемъ на престолъ міра, то всѣ финансовые изворотъ, какъ не соотвѣтствующіе нашимъ интересамъ, будутъ уничтожены безслѣдно, какъ будутъ уничтожены, и всѣ фондовыя биржи, такъ какъ мы не допустимъ колебать престижъ нашей власти колебаніемъ цѣнъ на наши цѣнности, которыя мы объявимъ закономъ по цѣнѣ полной ихъ стоимости, безъ возможности повышенія

или пониженія. (Повышеніе даетъ пониженіе, съ чего мы и начали въ отношеніи цѣнностей гоеьъ).

ПРОТОКОЛЪ № 22.

Тайна грядущаго. Во всемъ, что мною до сихъ поръ было доложено вамъ, я старался тщательно обрисовать тайну происходящаго, бывшаго и текущаго, стремящагося въ потокъ великихъ, грядущихъ уже въ близкомъ будущемъ, событій, тайну законовъ нашихъ отношеній къ гоямъ и финансовыхъ операцій. На эту тему мнѣ остается еще немного добавить. Въ нашихъ рукахъ величайшая современная сила — золото, въ нужную минуту мы можемъ достать его изъ нашихъ хранилищъ, въ какомъ угодно количествѣ.

Многовѣковое зло, какъ основаніе будущаго блага. Неужели вамъ еще доказывать, что наше правленіе предназначено отъ Бога... Неужели такимъ богатствомъ мы не докажемъ, что все то зло, которое столько вѣковъ мы были вынуждены творить, въ концѣ концовъ послужило къ истинному благу, приведенію всего къ порядку... Хотя и черезъ нѣкоторое насиліе, но онъ все же будетъ установленъ. Мы съумѣемъ доказать, что мы благодѣтели, вернувші е растерзанной землѣ добро и свободу личности, которой мы дадимъ пользоваться покоемъ, миромъ, достоинствомъ отношеній, при условіи, конечно, соблюденія установленныхъ нами законовъ. Мы выяснимъ при этомъ, что свобода не состоитъ въ распущенности и въ правѣ на разнузданность, какъ равно достоинства и силы человѣка не состоять въ правѣ каждому провозглашать разрушительные принципы, вро.ѣ свободы совѣсти, равенства и имъ подобнымъ, что свобода личности отнюдь не состоитъ въ правѣ волновать себя и другихъ, безобразничая ораторствомъ въ безпорядочныхъ скопищахъ, а что истинная свобода состоитъ въ неприкосновенности личности, честно и точно соблюдающей всѣ законы общежитія, что человѣческое достоинство заключено въ сознаніи своихъ правъ и вмѣстѣ безправія, а не въ одномъ только фантазированіи на тему своего Я.

Ореолъ власти и мистическое ей поклоненіе. Наша власть будетъ славною, потому что она будетъ могущественна, будетъ править и руководить, а не плестись за лидерами и ораторами, выкрикивающими безумныя слова, которыя они называютъ великими принципами, и которыя ничто иное, говоря по совѣсти, какъ утопія,.. Наша власть будетъ вершителемъ порядка, въ которомъ и заключается все счастье людей. Ореолъ этой власти внушитъ мистическое поклоненіе ей и благоговѣніе передъ ней народовъ. Истинная сила не поступается никакимъ правомъ, даже Божественнымъ: никто не смѣетъ приступить къ ней, чтобы отнять у нея хотя бы пядь ея мощи.

ПРОТОКОЛЪ № 23.

Сокращеніе производства предметовъ роскоши. Что бы народы пріучились къ послушанію, надо пріучить ихъ къ скромности, а потому сократить промышленное производство предметовъ раскоши. Этимъ мы улучшимъ нравы, деморализованные соревнованіемъ на почвѣ роскоши.

Кустарное производство. Мы возстановимъ кустарное производство, которое подорветъ частные капиталы фабрикантовъ. Это необходимо еще и потому, что частные фабриканты часто двигаютъ, хотя и не всегда сознательно, мыслями массъ противъ правительства.

Безработица самая опасная вещь для правительства. Для насъ ея роль будетъ сыграна, какъ только власть перейдетъ въ наши руки.

Запрещеніе пьянства. Пьянство будетъ тоже запрещено закономъ и наказуемо, какъ преступленіе противъ человѣчности людей, превращающихся въ животныхъ подъ вліяніемъ алкоголя. Подданные, повторяю еще разъ, повинуются слѣпо только сильной, вполнѣ независимой отъ нихъ рукѣ, въ которой они чувствуютъ мечъ на защиту и поддержку противъ ударовъ соціальныхъ бичей.., На что имъ нужна ангельская душа въ царѣ, имъ надо видѣть къ немъ олицетвореніе силы и мощи.

Убійство стараго общества и воскрешеніе его въ новомъ видѣ. Владыка, который смѣнитъ нынѣ существующія правленія, влачащія свое существоввніе среди деморализованныхъ нами обществъ, отрекающихся даже отъ Божеской власти, изъ среды которыхъ выступаетъ со всѣхъ сторонъ огонь анархіи, прежде всего долженъ приступить къ заливанію этого всепожирающаго пламени. Поэтому онъ обязанъ убить такія общества, хотя бы заливъ ихъ собственной ковью, чтобы ихъ воскресить въ лицѣ правильно организованнаго войска, борющагося сознательно со всякой заразой, могущей изъязвить государственное тѣло.

Избранникъ Божій. Этотъ избранникъ Божій назначенъ свыше, чтобы сломить безумныя силы, движимыя инстинктомъ, а не разумомъ, животностью, а не человѣчностью. Эти силы теперь торжествуютъ въ проявленіяхъ грабительства и всякаго насилія подъ личиною принциповъ свободы и права. Онѣ разрушили всѣ соціальные порядки, чтобы на нихъ воздвигнуть тронъ царя іудейскаго, но ихъ роль будетъ окончена въ моментъ воцаренія его. Тогда ихъ надо будетъ смести съ его пути, на которомъ не должно лежать ни сучка ни задоринки. Тогда то намъ можно будетъ сказать народамъ: благодарите Бога и преклонитесъ передъ носящимъ на лицѣ своемъ печать предопредѣленія людей, къ которому самъ Богъ велъ его звѣзду, чтобы никто иной, кромѣ него не могъ освободить васъ отъ вышеуказанныхъ силъ и золъ.

ПРОТОКОЛЪ № 24.

Укрѣпленіе корней царя Давида. Теперь перейду къ способу укрѣпленія династическихъ корней царя Давида до послѣднихъ слоевъ земли. Это укрѣпленіе будетъ прежде всего заключаться въ томъ, въ чемъ до сего дня заключалась сила сохраненія за нашими мудрецами веденія всѣхъ міровыхъ дѣлъ, направленія воспитанія мысли всего человѣчества...

Подготовка царя. Нѣсколько членовъ изъ сѣмени Давида будутъ готовить царей и ихъ наслѣдниковъ, выбирая ихъ не по наслѣдственному праву, а по выдающимся способностямъ, посвящая ихъ въ сокровенныя тайны политики, въ планы управленія, съ тѣмъ, однако, чтобы никто не вѣдалъ этихъ тайнъ. Цѣль такого образа дѣйствій та, чтобы всѣ знали, что правленіе не можетъ быть поручено непосвященнымъ въ тайники его искусствъ. Только этимъ лицамъ будетъ преподано практическое примѣненіе названныхъ плановъ черезъ сравненіе многовѣковыхъ опытовъ, всѣ наблюденія надъ экономическими ходами и соціальными науками, словомъ, весь духъ законовъ, непоколебимо установленныхъ самою природою для установленія человѣческихъ отношеній.

Устраненіе прямыхъ наслѣдниковъ. Прямые наслѣдники часто будутъ устраняемъ отъ восшествія на престолъ, если въ учебное время выкажутъ легкомысліе, мягкость и другія свойства губителей власти, которые дѣлаютъ неспособными къ управленію, а сами по себѣ вредны для царскаго назначенія. Только безусловно способные къ твердому, хотя бы до жестокости, неукоснительному правленію, получатъ его бразды отъ нашихъ мудрецовъ. Въ случаѣ заболѣванія упадкомъ воли или инымъ видомъ неспособности, цари должны будутъ передать бразды правленія въ новыя способныя руки. Царскіе планы дѣйствій текущаго момента, а тѣмъ болѣе будущаго, будутъ невѣдомы даже тѣмъ, которыхъ назовутъ ближними совѣтниками.

Царь и трое его посвятившихъ. Царь судьба. Только царь, да посвятившіе его трое будутъ знать грядущее. Въ лицѣ царя, владѣюшаго съ непоколебимой волей собой и человѣчествомъ, всѣ узрятъ какъ бы судьбу съ ея невѣдомыми путями. Никто не будетъ вѣдать, чего царь желаетъ достигнуть своими распоряженіями, а потому никто и не посмѣетъ стать поперекъ невѣдомаго пути. Понятно, нужно, чтобы умственный резервуаръ царей соотвѣтствовалъ вмѣщаемому въ немъ плану управленія. Вотъ почему онъ будетъ восходить на престолъ не иначе, какъ по испытаніи своего ума названными мудрецами. Чтобы народъ зналъ и любилъ своего царя, необходимо, чтобы онъ бесѣдовалъ на площадяхъ со своимъ народомъ. Это производитъ нужное скрѣпленіе двухъ силъ, нынѣ отдѣленныхъ нами терроромъ другъ отъ друга.

Этотъ терроръ необходимъ былъ намъ до времени для того, чтобы въ отдѣльности объ эти силы подпали подъ наше вліяніе.

Безупречность внѣшней нравственности царя іудейскаго. Царь іудейскій не долженъ находиться подъ властью своихъ страстей, особенно же сладострастія: ни одной стороной своего характера онъ не долженъ давать животнымъ инстинктамъ власти надъ своимъ умомъ... Сладострастіе хуже всего разстраиваетъ умственныя способности и ясность взглядовъ, отвлекая мысли на худшую и наиболѣе животную сторону человѣческой дѣятельности.

Опора человѣчества въ лицѣ всемірнаго владыки отъ святого сѣмени Давида должна приносить въ жертву своему народу всѣ личныя влеченія.

Владыка нашъ долженъ быть примѣрно безупреченъ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Настанетъ черный годъ*).

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ, мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ...
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ,
И ты его узнаешь, и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя! Твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшенъ;
И будетъ все ужасно мрачно въ немъ,
Какъ плащъ его съ возвышеннымъ перомъ.

*) Пророческое стихотвореніе Лермонтова изъ 1831-аго года.

В. Шульгинъ. *)

Кто началъ русскую революцію?

(Статья В. В. Шульгина, напечатанная въ „Русской Мысли“ подъ заглавіемъ „ДНИ“, въ сокращеніи).

Прологъ къ революціи **).

3 ноября 1916 года.

Сегодня я сказалъ рѣчь. Страшно говорить въ Государственной Думѣ. Почему? Не знаю. Можетъ быть, потому, что слушаетъ вся Россія.

Впрочемъ, находятся утѣшители.

* * *

Шаляпинъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ по поводу моей рѣчи:

— Такъ рѣдко удается услышать чистую русскую рѣчь.

Это замѣчаніе въ высшей степени мнѣ польстило. Для насъ, кіевлянъ, „чистая русская рѣчь“, — наше слабое мѣсто. Мы говоримъ плохо, съ южнымъ акцентомъ. И вдругъ...

* * *

Эти бѣлыя колонны, вѣроятно, не замѣтили меня, когда десять лѣтъ тому назадъ, робкимъ провинціаломъ я пробирался сквозь злобные кулуары второй Государственной Думы, — „Думы Народнаго Гнѣва“. Пробирался для того, чтобы съ всероссійской кафедры, украшенной двуглавымъ орломъ, высказать слова истинно-кіевскаго презрѣнія къ ихъ „гнѣву“ и къ ихъ „народу“... Народу, который во время войны***) предалъ свою родину, который шепталъ гнусныя змѣиныя слова „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, который ради „свободы“ жаждалъ разгрома своей арміи, ради „равноправія“ гибели своихъ эскардъ, ради „земли и воли“, униженія и пораженія своего отечества... Мы ненавидѣли такой народъ и смѣялись надъ его презрѣннымъ гнѣвомъ... Не свободы „они“ были достойны, а залповъ и казней!

* * *

Залпы и казни привели ихъ въ чувство... И бѣлыя колонны Таврическаго Дворца увидѣли третью Государственную

---

*) членъ послѣдней Государственной Думы.

**) Это заглавіе не Шульгина, а нашей редакціи.

***) Японской.

Думу — эпоху Столыпина... Эпоху реформъ quand même — эпоху подъ лозунгомъ: „Все для народа — вопреки народу“... Мы провинціалы, твердо стали вокругъ Столыпина и дали ему возможность вбивать въ крѣпкія мужицкія головы сознаніе, что земли „черезъ волю“ они не получатъ, что грабить землю нельзя—и глупо и грѣшно, что земельный коммунизмъ непремѣнно приведетъ къ голоду и нищетѣ, что спасеніе Россіи въ собственномъ, честно полученномъ кускѣ земли — въ „отрубахъ“, въ „хуторахъ“, какъ тогда говорили, и, наконецъ, что „волю“ народъ получитъ только „черезъ землю“, то есть не прежде, чѣмъ онъ научится ее, землю, чтить, любить и добросовѣстно обрабатывать, ибо только тогда изъ вѣчнаго Стеньки Разина онъ станетъ гражданиномъ...

И сколько разъ эти бѣлыя колонны видѣли насъ, спѣшащихъ туда въ этотъ залъ, чтобы тамъ, — съ трибуны неизмѣнно держащей двуглаваго орла, „глаголомъ жечь сердца людей“, людей гораздо болѣе крѣпкоголовыхъ, чѣмъ саратовскіе мужики, людей, хотя и высоко образованныхъ, но тупо не понимавшихъ величія совершавшагося на ихъ глазахъ и не цѣнившихъ самоотверженнаго подвига Столыпина...

* * *

Столыпинъ заплатилъ жизнью за то, что онъ раздавилъ революцію, и, главнымъ образомъ, за то, что онъ указалъ путь для эволюціи.

И скоро мнѣ пришлось сказать:

— Будетъ бѣда.. Россія безнадежно отстаетъ. Рядомъ съ нами страны высокой культуры и высокаго напряженія воли. Нельзя жить въ такомъ неравенствѣ. Такое сосѣдство опасно.

* * *

Межъ тѣмъ передъ Россіей вставали огромныя трудности. Германія искала выхода для своего населенія, наростающаго, какъ приливъ, и для своей энергіи, усиливающейся, какъ буря. Естественно, что глаза нѣмцевъ жадно устремлялись въ лѣнивую пустоту Востока.

Какъ?! Эти русскіе получаютъ ничтожныхъ 35 пудовъ зерна съ десятины!... Это просто стыдно. О, мы научимъ ихъ, какъ обращаться съ такой драгоцѣнностью, какъ русскій черноземъ. Къ тому же, если мы объявимъ имъ войну, у нихъ сейчасъ же будетъ революція. Вѣдь ихъ культурный классъ можетъ только пѣть, танцовать, писать стихи... и бросать бомбы.

И надъ Германіей неумолчно звучалъ воинствующій крикъ „Drang nach Osten“, и раздавались глухіе удары молотовъ Круппа.

* * *

И произошло то, что должно было произойти: нѣмецкіе профессора бросили германскую армію на Россію...

* * *

Тутъ случилось чудо... Та сама русская интеллигенція,

которая во время японской войны насквозь пропиталась лозунгомъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, и только въ пораженіи родины видѣла возможность осуществленія своихъ сновъ „о свободѣ“. — вдругъ словно переродилась.

И бѣлыя колонны видѣли, какъ 26 іюля 1914 года на кафедру одинъ за другимъ всходили представители еще недавно пораженческихъ группъ и въ патетическихъ словахъ обѣщали всѣми силами поддержать русскую государственную власть въ ея борьбѣ съ Германіей...

* * *

Успѣхъ не долго сопутствовалъ нашему оружію. Не хватило снарядовъ, и разразилось грозное отступленіе 1915 года. Я былъ на фронтѣ и видѣлъ все... Неравную борьбу безоружныхъ русскихъ противъ „ураганнаго“ огня нѣмцевъ... И когда снова была созвана государственная дума, я принесъ съ собой, какъ и многіе другіе, горечь безконечныхъ дорогъ отступленія и закипающее негодованіе арміи противъ тыла.

* * *

Я чувствовалъ себя представителемъ арміи, которая умирала такъ безропотно, такъ задаромъ, и въ ушахъ у меня звучало:

— Пришлите намъ снарядовъ.

* * *

Какъ это сдѣлать?

Мнѣ казалось яснымъ одно: нужно прежде всего и во что бы то ни стало сохранить патріотическое настроеніе интеллигенціи. Нужно сохранить „волю къ побѣдѣ“, готовность къ дальнѣйшимъ жертвамъ. Если интеллигенція подъ вліяніемъ неудачъ обратится на путь 1905 года, то есть вновь усвоитъ психологію пораженчества, — дѣло пропало... Мы не только не подадимъ снарядовъ, но будетъ кое что похуже: будетъ революція.

И, я едва пріѣхавъ, явился къ Милюкову.

Милюковъ меня сразу не узналъ: я былъ въ военной формѣ. Впрочемъ, и вправду я сталъ какой-то другой. Война вѣдь все переворачиваетъ.

Съ Милюковымъ мы были ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ. Между нами лежала долголѣтняя политическая вражда. Но вѣдь 26 іюля какъ бы все стерло... „Все для войны!...“

Но все же онъ былъ нѣсколько ошеломленъ моей фразой:

— Павелъ Николаевичъ... Я пришелъ васъ спросить напрямикъ: мы — друзья?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да... кажется... Я думаю... что мы — друзья...

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что кадеты не собираются мѣнять курса, что они по прежнему будутъ стоять за войну „до побѣднаго конца“, но...

— Но подъемъ прошелъ... неудачи сдѣлали свое дѣло...

Въ особенности повліяла причина отступленія... и противъ власти... неумѣлой... не поднявшейся на высоту задачи... сильнѣйшее разраженіе... — сказалъ Милюковъ.

— Вы считаете дѣло серіознымъ? — спросилъ я.

— Считаю положеніе серіознымъ... И прежде всего надо дать выходъ этому раздраженію... Отъ Думы ждутъ, что она заклеймитъ виновниковъ національной катастрофы... Дума должна рѣзко оцѣнить тѣ ошибки, а можетъ быть преступленія, благодаря которымъ мы отдали завоеванную потоками крови Галицію.

— Я еще не говорилъ со своими... Но весьма возможно, что въ этомъ вопросѣ мы будемъ единомышленниками. . Мы пріѣхавшіе съ фронта, не намѣрены щадить правительство... но нельзя угашать духа. Какъ то оживить мечту первыхъ дней?..

— Да... чтобы оживить мечту, чтобы поднять духъ, надо дать увѣренность, что всѣ эти жертвы, уже принесенныя, и всѣ будущія не пропадутъ даромъ... Это надо сдѣлать двумя путями: Съ одной стороны надо, чтобы тѣ люди, которыхъ страна считаетъ виновниками, ушли и были замѣнены другими, которые пользуются общественнымъ довѣріемъ.

— Вы хотите отвѣтственнаго министерства?

Пожалуй, нѣчто въ родѣ этого... А второе, чтобы поднять духъ, оживить мечту, надо дать свободу.

Этотъ разговоръ могъ бы служить прологомъ къ тому, что впослѣдствіи получило названіе „Прогресивный Блокъ“, который его враги прозвали „Желтый блокъ“.

Шесть фракцій (кадеты, прогрессисты, лѣвые октябристы, октябристы-земцы, центръ и націоналисты-прогрессисты) Государственной Думы и часть Государственнаго Совѣта объединились на весьма скромныхъ „реформахъ“, которыя могли бы разсматриваться, какъ „вступленіе на путь свободы“.

Этими словами и былъ выраженъ въ „Великой Хартіи Блока“ (письменное соглашеніе фракцій) абзацъ, имѣвшій серьезное политическое значеніе: „Вступленіе на путь отмѣны ограничительныхъ въ отношеніи евреевъ законовъ.“

Но, Боже мой, какъ это было трудно! На фронтѣ развивалась сумасшедшая „шпіономанія“, отъ которой мутились головы и въ Государственной Думѣ. Люди не понимали, что „фронтовые жиды“ не перестанутъ шпіонить, если крѣпче не поприжать „тыловыхъ“. Не понимали и того, что эти тыловые держатъ въ своихъ рукахъ грозное оружіе — прессу, которой въ моментъ напряженія всѣхъ силъ государства меньше всего можно пренебрегать.

Остальное въ Великой Хартіи Блока было просто безобиднымъ. „Уравненіе крестьянъ въ правахъ“ — вопросъ предрѣшенный еще Столыпинымъ; прекращеніе репресій противъ „малороссійской печати“, которую никто не преслѣдовалъ; „автономія Польши“, — нѣчто совершенно уже академическое въ то время въ виду того, что Польшу заняла Германія. Но было еще нѣчто, изъ за чего все и пошло.

Это нѣчто заключалось въ требованіи, чтобы къ власти были призваны люди „облеченные общественнымъ довѣріемъ“. На этомъ все и разыгралось... Всѣ „реформы“ прогрессивнаго блока въ сущности — пустяки. Единственное что важно: кто будетъ правительствомъ?

Вскорѣ послѣ образованія прогрессивнаго блока была попытка сговориться. Въ одинъ неудачный вечеръ мы, блокисты, сидѣли за однимъ столомъ съ правительствомъ.

Ничего не вышло. Правда нѣсколько министровъ явственно были съ нами: они склонны были уступить.

Что собственно уступить?

Дѣло ясно: надо позвать кадетъ и предоставить имъ сформировать кабинетъ.

Сего не поняли, кадетовъ отвергли, и Богъ одинъ знаетъ, къ чему приведетъ!

Зала въ Маріинскомъ Дворцѣ. Посрединѣ стола сидитъ военный Министръ. Справа отъ него сѣдой предсѣдатель Государственной Думы — огромный Родзянко. Рядомъ съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта члены этого же Совѣта: Тимашевъ, Стишинскій, Стаховичъ, Шебеко, Гурко, графъ Толь, Ивановъ, еще кто-то. Рядомъ съ предсѣдателемъ Государственной Думы члены этой же Думы: Дмитрюковъ, Марковъ 2-ой, Милюковъ, Чихачевъ, Львовъ, Крупенскій, я, еще кто то. Противъ предсѣдателя представители всевозможныхъ вѣдомствъ. Среди нихъ нѣсколько генераловъ и самый замѣчательный — Маниковскій, начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія.

Что это такое?

Это Особое Совѣщаніе по государственной оборонѣ. Въ 1915 году, подъ давленіемъ Государственной Думы, были образованы эти, такъ называемыя, Особыя Совѣщанія. Ихъ было черыре: „Особое Совѣщаніе по государственной оборонѣ“, (предсѣдатель — военный министръ; „Особое Совѣщаніе по транспорту“ (предсѣдатель — министръ путей сообщенія); „Особое Совѣщаніе по топливу“ (предсѣдатеть — министръ Торговли и Промышленности); „Особое Совѣщаніе по продовольствію“ (предсѣдатель — министръ Земледѣлія).

Военный Министръ докладываетъ: въ послѣднее время въ Ставкѣ шли подсчеты количества снарядовъ, необходимаго для всего фронта. Въ настоящее время эти подсчеты закончены. Письмомъ на мое имя начальникъ штаба Ставки проситъ Особое Совѣщаніе по Государственной Оборонѣ довести производство снарядовъ до пятидесяти „парковъ“ въ мѣсяцъ.

Среди членовъ совѣщанія происходитъ движеніе. Это вѣдь самый важный вопросъ. Пятьдесятъ „парковъ“, если считать на „полевые“ парки, которые заключаютъ въ себѣ тридцать тысячъ снарядовъ, — это выходитъ полтора милліона въ мѣсяцъ. Это много. Но достаточно ли?

Курчавая голова „мѣднаго всадника“ (такъ въ насмѣшку

называютъ Маркова 2-го за его сходство съ Петромъ Великимъ) приходитъ въ движеніе. Онъ проситъ слова, и говоритъ:

— Относясь со всѣмъ уваженіемъ къ произведеннымъ въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующего подсчетамъ, я, тѣмъ не менѣе, долженъ заявить, — не въ обиду будь имъ сказано — что настоящая война совершенно доказала нижеслѣдующее: Со всякими вообще „подсчетами спеціалистовъ“ нужно поступать такъ, какъ поступилъ восточный мудрецъ со своей женой: нужно выслушать эти подсчеты... и поступить „наоборотъ“. Я убѣжденъ, что къ тому времени, когда мы сможемъ довести наше производство до пятидесяти парковъ, мы получимъ новое заявленіе, въ которомъ будетъ сказано, что „въ силу измѣнившихся условій техники“ всѣ прежніе подсчеты оказались недостаточными и требуется увеличить норму — вдвое. Я предлагаю не дожидаться этого неизбѣжнаго заявленія, а сразу, теперь же увеличить расчетъ Ставки вдвое и поручить Главному Артиллерійскому Управленію довести производство снарядовъ не до пятидесяти парковъ, а до ста парковъ въ мѣсяцъ.

Это заявленіе вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Часть членовъ Государственнаго Совѣта находили совершенно невозможнымъ въ чемъ либо измѣнять предложеніе Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Но на сторону Маркова весьма энергично сталъ монументальный Михаилъ Владимировичъ Родзянко, Маркова поддержалъ и пламенный Шингаревъ, который и на этотъ разъ тронулъ всѣхъ почти до слезъ. Шингаревъ очень перемѣнился за время войны. Я помню, какъ раньше, когда онъ говорилъ съ кафедры, у него иногда бывали такіе злые глаза... Теперь эти „злые глаза“ такъ часто подергиваются подозрительной влагой... И становятся удивительными, когда онъ говоритъ о Россіи... Остальные члены Государственной Думы, и Николай Николаевичъ Львовъ съ безконечно-доброй улыбкой и глазами фанатика, и Милюковъ, истинно русскій кадетъ, по какой-то игрѣ природы имѣющій нѣкоторое обличье нѣмецкаго генерала, и Дмитрій Николаевичъ Чихачевъ, такой высокомѣрный на видъ, что про него его друзья говорили, будто у него не хватаетъ одного шейнаго позвонка, а на самомъ дѣлѣ только обостренно-порядочный человѣкъ, и другіе — всѣ поддержали „сто парковъ“. Къ намъ присоединились и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта... великолѣпный Михаилъ Стаховичъ, изящный Шебеко, умный и злой Гурко, Александръ Семеновичъ Стишинскій, несмотря на многодесятилѣтнюю добросовѣстную службу бюрократическому режиму, болѣе другихъ проявлявшій пониманіе новыхъ условій, въ которыя бросила Россію міровая война, и другіе...

Наконецъ предсѣдатель артиллерійской комиссіи, бывшій министръ Торговли и Промышленности, Тимашевъ сказалъ:

— Все это очень хорошо... Но возможно ли довести производство снарядовъ до ста парковъ въ мѣсяцъ?

Генералъ Алексѣй Алексѣевичъ Маниковскій былъ талант-

ливый человѣкъ. Въ его рукахъ казенные заводы, да и частные, дѣлаютъ чудеса. У него запорожская голова, соединеніе смѣлости и хитрости. Говоритъ великолѣпно, хотя представляется, что онъ солдатъ и говорить не умѣетъ:—Господа члены Особаго Совѣщанія... Я — солдатъ, — много гововить не умѣю. Вы ужъ меня простите... Дѣло обстоитъ такъ... Невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ... Вы хотите сто парковъ въ мѣсяцъ?.. Трудно... очень трудно... Но на то и война, чтобы преодолѣвать трудности. Ваше дѣло приказывать... Мое дѣло исполнить... Прикажите сто парковъ, — будетъ сто парковъ...

Мы „приказали“...

Однако Марковъ ошибся... но только въ другую сторону. Когда мы довели производство до ста парковъ — вмѣсто потребованныхъ ставкой пятидесяти, — тогда получилось новое предписаніе: довести производство не до ста, а до ста пятидесяти парковъ! И мы и до ста пятидесяти почти уже довели. Мы сдѣлали все, что возможно. Раздраженіе Россіи, вызванное страшнымъ отступленіемъ 1915 года, дѣйствительно удалось направить въ отдушину, именуемую Государственной Думой.

Удавалось и другое: сохранять единство съ правительствомъ въ самомъ важномъ — въ отношеніи войны. Сколько бы „мѣдный всадникъ“ не называлъ прогресивный блокъ — „желтымъ блокомъ“, — это неправда, потому что блокъ трехцвѣтный: онъ бѣло-сине красный, онъ національный, онъ русскій!

Но...

Но не начинаетъ ли красная полоса этой трехцвѣтной эмблемы, расширяться „не по чину“ и заливать остальные цвѣта?

Въ минуты сомнѣній мнѣ иногда начинаетъ казаться, что изъ пожарныхъ, задавшихся цѣлью тушить революцію, мы невольно становимся ея поджигателями.

Мы слишкомъ краснорѣчивы... мы слишкомъ талантливы въ нашихъ словесныхъ упражненіяхъ. Намъ слишкомъ вѣрятъ, что правительство никуда не годно...

* * *

Ахъ, Боже мой... Да вѣдь ужасъ и состоитъ въ томъ, что это дѣйствительно такъ: Приговоръ намъ всѣмъ... Всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенціи, которая жила безпечно, не обращая вниманія на то, какъ безнадежно въ смыслѣ матеріальной культуры Россія отстаетъ отъ сосѣдей...

То, что мы умѣли только „пѣть, танцовать, писать стихи и бросать бомбы“, теперь окупается милліонами русскихъ жизней — лишнихъ русскихъ жизней...

Мы презирали матеріальную культуру. Гораздо веселѣй было создаватъ „міровую“ литературу, трансцедентальный балетъ и анархическія теоріи... Но зато теперь пришла расплата.

За пораженіе надо платить.

Чѣмъ?

Той валютой, которая принимаеся въ уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы временной.

Интеллигенція кричитъ устами Думы:

— Вы насъ губите... Вы проигрываете войну... Ваши министры или бездарности или измѣнники... Страна вамъ не вѣритъ... Армія вамъ не вѣритъ... Пустите насъ... Мы попробуемъ!

Что изъ этого вышло-бы—Господь его знаетъ. Разумѣется кадеты чуда-бы не сдѣлали, но, вѣроятно, они все же выиграли бы время... Пока разобрались-бы въ томъ, что кадеты не чудотворцы, прошло-бы нѣсколько мѣсяцевъ, — а тамъ весна и наступленіе, которое все равно рѣшитъ дѣло: при удачѣ выплывемъ, при неудачѣ, все равно, потонемъ.

Что же дѣлаютъ вмѣсто этого?

Кадетъ не зовутъ, Думу не гонятъ, другого Столыпина не ищутъ, мира не заключаютъ, а дѣлаютъ, — что?.

Назначаютъ „за мѣсто Столыпина“ — Штюрмера, о которомъ Петроградъ выражается такъ:

— Абсолютно безпринципный человѣкъ и полное ничтожество... За внѣшность его называютъ „святочнымъ дѣдомъ“. Но этотъ „дѣдъ“ не только не „принесетъ“ порядка Россіи, а „унесетъ“ послѣдній престижъ власти...

Къ тому же это „святочный дѣдъ“ съ нѣмецкой фамиліей.

* * *

Разумѣется, шпіономанія — это отвратительная и неимовѣрно глупая зараза. Я лично не вѣрю ни въ какія „измѣны“, а „борьбу съ нѣмецкимъ засиліемъ“ считаю дурацко-опаснымъ занятіемъ. Я пробовалъ бороться съ этимъ и даже въ печати указалъ, что „поджигая бикфордовъ шнуръ, надо помнить, что у тебя на другомъ концѣ“... Я хотѣлъ этимъ сказать, что нельзя всякого нѣмца въ Россіи считать шпіономъ только потому, что онъ нѣмецъ, памятуя о принцесѣ Алисѣ Гессенской, которая у насъ Государыней... Меня прекрасно поняли и тѣмъ не менѣе изругали съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ. Все это такъ, но все же нельзя съ этимъ не считаться, когда всѣ помѣшались на этомъ и когда послѣднія неудачи на фронтѣ приписываютъ тому, что нѣкоторые генералы носятъ нѣмецкія фамиліи. Это нестерпимо глупо, но вѣдь всѣ революціи во всѣ вѣка двигались какими нибудь кругло идіотскими соображеніями.

* * *

Измѣна...

Это ужасное слово бродитъ въ арміи и въ тылу... Началось это еще съ Мясоѣдова въ 1914 году, а теперь кого только не обвиняютъ. Вплоть до самихъ верховъ бѣжитъ это слово, и рыщутъ даже вокругъ Двора добровольныя ищейки. Какъ будто не достаточно зла причинено Россіи безсознательно, чтобы обвинять еще кого-то въ измѣнѣ...

И это положительно, какъ зараза. Люди, которые, казалось, могли-бы соображать, и тѣ шалѣютъ... На этой почвѣ едва не треснулъ блокъ... Во всякомъ случаѣ издалъ непріятный скрипъ...

Это было нѣсколько дней тому назадъ... Мы готовили „переходъ къ очереднымъ дѣлахъ“ по случаю новаго созыва Государственной Думы. Въ обычай вошло, что переходы эти заключаютъ три части: привѣтъ союзникамъ, призывъ къ арміи твердо продолжать войну, рѣзкая критика правительства.

Какъ всегда, мы собрались въ комнатѣ № 11.

Милюковъ, Шингаревъ, Шидловскій, Капнистъ 2-ой, Скоропадскій, Львовъ 2-ой, Половцевъ 2-ой, я.

Былъ прочитанъ „проэктъ перехода“. Въ немъ было роковое слово: правительство обвинялось въ „измѣнѣ“...

Рѣзко обозначилось два мнѣнія.

Мнѣніе № 1. Обращаю вниманіе на слово измѣна... Но для этого нужно быть убѣжденнымъ въ наличности измѣны. Все то, что болтаютъ по этому поводу, въ концѣ концовъ только болтовня. Если у кого есть факты, то я прошу ихъ огласить. На такія обвиненія итти съ закрытыми глазами мы не можемъ.

Мнѣніе № 2. Надо ясно дать себѣ отчетъ, что мы вступаемъ въ новую полосу... Власть не послушалась нашихъ предостереженій. Она продолжаетъ вести свою безумную политику, политику раздраженія всей страны... Мало того: назначеніемъ Штюрмера власть бросила новый вызовъ Россіи... Если это не предательство, то что же это такое?

Мнѣніе № 1. Все это такъ, но всеже это не измѣна.

Мнѣніе № 2. Это слово повторяетъ вся страна... Если мы откажемся отъ него, мы не скажемъ того, что нужно, того чего отъ насъ ждутъ... Если этого слова не скажетъ Государственная Дума, то оно все же не перестанетъ повторяться всюду и вездѣ, въ арміи и въ тылу... Мы ничего не перемѣнимъ въ настроеніи массъ, но только въ добавокъ похоронимъ еще и себя... Рухнетъ послѣдній авторитетъ, которому еще вѣрятъ. Рухнетъ довѣріе къ Государственной Думѣ. Мы должны это сказать, если бы и не хотѣли...

Мнѣніе № 1. Наше мнѣніе совершенно опредѣленное: нельзя обвинять кого-бы то ни было въ измѣнѣ, не имѣя на это фактовъ. Никакія убѣжденія, хотя-бы самыя краснорѣчивыя, насъ съ этого не собьютъ. Къ тому же на всѣ эти доводы можно привести контръ-доводы не менѣе убѣдительные. На примѣръ, что касается авторитера Государственной Думы, то мы потеряемъ его именно тогда, когда позволимъ себѣ обвинять людей въ предательствѣ, не имѣя на это данныхъ. Авторитетъ, основанный на лжи, на обманѣ, или даже на легкомысленной терминологіи, не долго продержится Мы на это не пойдемъ. Играть въ эту игру мы согласны только при одномъ условіи — карты на столъ! Сообщите намъ „факты измѣны“ или вычеркните это слово.

Мнѣніе № 2. Въ нашемъ распоряженіи факты есть. Но мы не можемъ сейчасъ ими подѣлиться по слишкомъ вѣскимъ соображеніямъ.

Мнѣніе № 1. Въ такомъ случаѣ мы остаемся при своемъ убѣжденіи.

* * *

Мы разошлись завтракать.

Но за завтракомъ разговоръ продолжался:

Мнѣніе № 1. Если вы хотите повторить пріемы 1905 года, то мы на это не пойдемъ.

Мнѣніе № 2. Что вы называете пріемами 1905 года?

Мнѣніе № 1. А когда вы приписывали правительству устройство еврейскихъ погромовъ, хотя вы отлично знали, что погромы—стихійны и существуютъ столько же времени, сколько существуютъ евреи, и что никогда русское правительство еврейскихъ погромовъ не устраивало.

Мнѣніе № 2. Во первыхъ Плеве устроилъ Кишиневскій погромъ, а во вторыхъ въ чемъ вы видите аналогію?

Мнѣніе № 1. Въ томъ, что, увлекшись борьбой, вы хотите нанести ударъ правительству побольнѣй и обвинить его въ измѣнѣ, не имѣя на то доказательствъ.

Мнѣніе № 2. Доказательства есть.

Мнѣніе № 1. Такъ предъявите ихъ.

Мнѣніе № 2. Мы и предъявимъ ихъ въ нашихъ рѣчахъ съ кафедры Думы.

* * *

І-го ноября Милюковъ сказалъ свою рѣчь, которая уже стала знаменитой... и сама по себѣ и въ особенности потому, что она запрещена цензурой.

Онъ предъявилъ „факты измѣны“.

Факты были не очень убѣдительные. Чувствуется, что Штюрмеръ окруженъ какими-то подозрительными личностями, но не болѣе. Но развѣ дѣло въ этомъ? Дѣло въ томъ, что Штюрмеръ маленькій, ничтожный человѣкъ, а Россія ведетъ міровую войну.

* * *

Есть такой генералъ Шуваевъ — военный министръ. Старикъ безусловно хорошій и честный... Какъ то онъ узналъ, что и его тоже кто то считаетъ измѣнникомъ. Старикъ страшно обидѣлся и, какъ говорятъ, все ходилъ и повторялъ:

— Я, можетъ быть, — дуракъ, но я не измѣнникъ! ...

Милюковъ взялъ эту фразу главной осью своей рѣчи. Приводя разные примѣры той или другой нелѣпости онъ каждый разъ спрашивалъ: „А это что же — измѣна или глупость?“. И каждый разъ этотъ злой вопросъ покрывался громомъ аплодисментовъ.

Рѣчь Милюкова была грубовата, но сильная. А главное, она совершенно соотвѣтствуетъ настроенію Россіи.

Министерскія скамьи пустовали...

Онѣ были пусты и сегодня, когда мнѣ пришлось итти — „на голгофу“.

Зато вся Дума переполнена... Всѣ фракціи — въ необычайномъ сборѣ, хоры — въ густой бахромѣ людей.

Я посмотрѣлъ на пустыя скамьи министровъ:

— Господа Члены Государственной Думы. Вы были свидѣтелями, какъ въ теченіи многихъ часовъ съ этой кафедры раздавались тяжелыя обвиненія противъ Правительства, — такія тяжелыя, что можно было-бы ужаснуться, слушая ихъ... И все же ужасъ — не въ обвиненіяхъ... Ужасъ въ томъ, что на эти обвинепія нѣтъ отвѣта... Ужасъ въ томъ, что эти скамьи пусты. Ужасъ въ томъ, что это Правительство даже не находитъ въ себѣ силы защищаться.

* * *

И мы будемъ бороться съ этимъ правительствомъ, пока оно не уйдетъ.

* * *

Государственная Дума сдѣлала то, что отъ нея ждали... Она грозно накричала на правительство, требуя, чтобы оно ушло.

* * *

Не все ли равно — измѣнникъ ли Штюрмеръ или нѣтъ? Допустимъ, что онъ самый честный изъ честныхъ. Но, если, правильно, или нѣтъ, страна помѣшалась на „людяхъ заслуживающихъ довѣрія“, почему ихъ не попробовать?.. Допустимъ, что эти люди довѣрія плохи... Допустимъ Милюковъ—ничтожество. Но вѣдь не ничтожнѣе же онъ Штюрмера... Откуда такое упрямство? А кромѣ того есть Нѣчто, передъ чѣмъ безсильно опускаются руки: Кто хочетъ себя погубить, тотъ погубитъ. И тутъ лѣкарства нѣтъ. Здѣсь нельзя бороться... это то, что убиваетъ. Имя этому Смертельному: Распутинъ.

Годъ 1916. Мѣсяцы ноябрь, декабрь.

— Скажите, что правда во всемъ этомъ... о Распутинѣ? Что, онъ дѣйствительно имѣетъ вліяніе?.. Неужели это вѣрно, онъ пишетъ „каракули“ и эти „каракули“ имѣютъ силу наравнѣ... съ Высочайшимъ рескриптомъ?

У В. изящно-грубоватая рѣчь, мало подходящая къ посту товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ.

— Правда вотъ въ чемъ... Распутинъ прохвостъ, и „каракули“ пишетъ прохвостамъ... Онъ прекрасно знаетъ, кому можно написать. Нѣтъ Распутина, а есть распутство. Дрянь — мы, вотъ и все. А на порядочныхъ людей никакого вліянія не имѣетъ. Все же, что говорятъ, будто онъ вліяетъ на назначенія министровъ, — вздоръ: дѣло совсѣмъ не въ этомъ... Дѣло въ томъ, что наслѣдникъ смертельно боленъ... Вѣчная боязнь и заставляетъ Императрицу бросаться къ этому чоловѣку. Она вѣритъ, что Наслѣдникъ только имъ живетъ... А вокругъ этого и разыгрывается весь этотъ кабакъ... Я вамъ говорю, Шульгинъ, сво-

лочь — мы!.. И лѣвые и правые. Лѣвые потому, что они пользуются Распутинымъ, чтобы клеветать; правые, то есть прохвосты изъ правыхъ потому, что они, надѣясь, что онъ что то можетъ сдѣлать, принимаютъ его „каракули“... А въ общемъ плохо...! Нельзя такъ!.. Хоть Наслѣдникъ и боленъ, а всетаки этого господина нельзя во дворецъ пускать. Но это безнадежно!.. Говорили сто разъ... Ничего не помогаетъ...

* * *

Ропотъ идетъ по всей странѣ, негодующій на то, что Распутинъ въ покояхъ Царицы..

А въ покояхъ Царя и Царицы — недоумѣніе и горькая обида... Чего эти люди бѣснуются?. Что этотъ святой человѣкъ молится о несчастномъ Наслѣдникѣ?... О тяжело больномъ ребенкѣ, которому каждое неосторожное движеніе грозить смертью — это ихъ возмущаетъ?! За что!.. Почему?!.

Такъ этотъ посланецъ смерти сталъ между трономъ и Россіей...

* * *

Это было во дворцѣ Великаго Князя Николая Михаиловича на набережной...

За кофе великій князь заговорилъ о томъ, для чего онъ насъ собственно позвалъ, — Н. Н. Львова и меня.

— Дѣло обстоитъ такъ: — говорилъ Вел. Князь. — Я только что былъ въ Кіевѣ... и говорилъ съ Вдовствующей Императрицей... Послѣ разговора съ Ней я рѣшился написать письмо Государю совершенно откровенно... Я написалъ все это... Но письма не пришлось послать.. Я поѣхалъ въ Ставку и говорилъ съ Нимъ лично. Я лучше пишу, чѣмъ говорю... я просилъ разрѣшенія прочесть это письмо вслухъ. И я прочелъ. Это было перваго ноября.

Великій Князь читалъ намъ это письмо.

Оно было написано въ сердечныхъ родственныхъ тонахъ, — на „ты“... Въ немъ излагалось общее положеніе и серіозная опасность, угрожающая Трону и Россіи. Много мѣста было удѣлено Императрицѣ. Была такая фраза: „Конечно, Она не виновна во всемъ томъ, въ чемъ Ее обвиняютъ, и, конечно, Она Тебя любитъ“. Но... страна Ее не понимаетъ, не любитъ, приписываетъ Ей вліяніе на дѣла, словомъ, видитъ въ Ней источникъ всѣхъ бѣдъ.

Государь выслушалъ все до конца и сказалъ: — Странно... Я только что вернулся изъ Кіева... Никогда, кажется, меня не принимали, какъ въ этотъ разъ...

Въ концѣ концовъ Львовъ спросилъ: Какъ Вы думаете, Ваше Высочество, — произвели впечатлѣніе Ваши слова?

Великій Князь сдѣлалъ характерное для него движеніе и сказалъ:

— Не знаю... боюсь, что нѣтъ... Но все равно... Я сдѣлалъ... я долженъ былъ это сдѣлать...

Я уѣзжалъ въ Кіевъ. Пуришкевичъ остановилъ меня въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго Дворца. Я отвѣтилъ:

— Уѣзжаю.

— Ну, всего хорошаго...

Мы разошлись, но вдругъ онъ остановилъ меня снова.

— Послушайте, Шульгинъ, Вы уѣзжаете — но я хочу, чтобы вы знали... Запомните: 16 декабря...

Я посмотрѣлъ на него. У него было такое лицо, какое у него уже разъ было, когда онъ мнѣ сказалъ одну тайну.

— Запомните 16 декабря..

— Зачѣмъ?

— Увидите... Прощайте...

Но онъ вернулся еще разъ.

— Я вамъ скажу... Вамъ можно... 16-го мы его убьемъ...

— Кого?

— Гришку!

Онъ заторопился и сталъ мнѣ объяснять, какъ это будетъ. Затѣмъ:

— Какъ вы на это смотрите?

Я зналъ, что онъ меня не послушаетъ. Но все же сказалъ:

— Не дѣлайте...

— Какъ?! Почему?

— Не знаю... Противно...

— Вы бѣлоручка, Шульгинъ!

— Можетъ быть... Но можетъ быть и другое... Я не вѣрю во вліяніе Распутина.

— Какъ?!

— Да такъ... Все это вздоръ. Онъ просто молится за Наслѣдника. На назначенія министровъ онъ не вліяетъ. Онъ хитрый мужикъ...

— Такъ по вашему Распутинъ не причиняетъ зла монархіи?

— Не только причиняетъ, а онъ ее убиваетъ.

— Тогда я васъ не понимаю...

— Но вѣдь это ясно. Убивъ его, вы ничему не поможете... Тутъ двѣ стороны. Первая — это то, что вы сами назвали „чехардой*) министровъ". Чехарда происходитъ или потому, что не кого назначать, или кого не назначишь, все равно никому не угодишь, потому что страна помѣшалась на людяхъ „общественнаго довѣрія", а Государь какъ разъ къ нимъ довѣрія не имѣетъ... Распутинъ тутъ не при чемъ... Убьете его, — ничто не измѣнится..

— Какъ не измѣнится?..

— Да такъ... Будетъ все по старому... Та же „чехарда министровъ". А другая сторона — это то, чѣмъ Распутинъ убиваетъ: этого вы не можете убить, убивъ его... Поздно...

— Какъ не могу? Извините пожалуйста!.. А что же, вотъ

---

*) Чехарда это такая игра мальчиковъ, во время которой они перепрыгиваютъ другъ черезъ друга.

такъ сидѣть?!.. Терпѣть этотъ позоръ?! Вѣдь вы же понимаете, что это значитъ! Не мнѣ говорить, — не вамъ слушать! Монархія гибнетъ!.. Вы знаете, я не изъ трусливыхъ... Меня не запугаешь .. Помните Вторую Государственную Думу?,. Какъ тогда не было скверно, а я зналъ, что мы выплывемъ!.. Но теперь... теперь я вамъ говорю, что монархія гибнетъ, а съ ней мы всѣ, а съ нами — Россія!.. Вы знаете, что происходитъ?! Въ кинематографахъ запретили давать фильму, гдѣ показывалось, какъ Государь возлагаетъ на себя Георгіевскій Крестъ. Почему?.. Потому, что какъ только начнутъ показывать — изъ темноты голосъ: „Царь-Батюшка съ Егоріемъ, а Царица-Матушка — съ Григоріемъ“!..

Я хотѣлъ что то зказать. Онъ не далъ:

— Подождите! Я знаю, что вы скажете... Вы скажете, что все это неправда, про Царицу и Распутина... Знаю, знаю, знаю!!! Неправда, неправда, неправда!!! Но не все ли равно, я васъ спрашиваю?! Пойдите — доказывайте!.. Кто вамъ повѣритъ? Вы знаете: Кай Юлій былъ не дуракъ: „и подозрѣніе не должно касаться жены Цезаря“... А тутъ не подозрѣніе... тутъ...

Онъ вскочилъ:

— Такъ сидѣть нельзя! Все равно! Мы идемъ къ концу! Хуже не будетъ. Убью его, какъ собаку... Прощайте!..

* * *

Когда наступило 16-ое декабря, они его дѣйствительно убили. Это была попытка спасти монархію старо-русскимъ способомъ: тайнымъ насиліемъ.

Въ началѣ XX вѣка эти люди стали мельчѐ... На дворцовый переворотъ ихъ не хватило... вмѣсто этого они убили Распутина...

Когда извѣстіе о произшедшемъ дошло до Москвы и проникло въ театры, публика потребовала исполненіе гимна. И раздалось, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ Москвѣ: — Боже Царя Храни...

Годъ 1917. Мѣсяцы Январь-февраль.

Я получилъ въ Кіевѣ тревожную телеграму Шингарева: онъ просилъ меня немедленно вернуться въ Петроградъ.

Кажеться я пріѣхалъ 8 января. Въ этотъ же день вечеромъ Шингаревъ пришелъ ко мнѣ.

— Въ чемъ дѣло, Андрей Ивановичъ?

— Да вотъ ! плохо! Положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ... Мы идемъ къ пропасти... Революція — это гибель, а мы идемъ къ революціи... Да и безъ революціи все расклеивается съ чрезвычайной быстротой... Съ желѣзными дорогами опять катастрофически плохо... Онѣ еще кое какъ держались но съ этими морозами... Морозы всегда понижаютъ движеніе, — а тутъ какъ на грѣхъ — хватило!.. Графикъ падаетъ. Въ Петроградѣ уже серіозныя заминки съ продовольствіемъ... Не сегодня-за-

втра не станетъ хлѣба совсѣмъ... Въ войскахъ недовольство. Петроградскій гарнизонъ ненадеженъ. Межъ тѣмъ, какъ вы знаете, наше военное могущество, техническое, выросло, какъ никогда... Наше весеннее наступленіе будетъ поддержано невиданнымъ количествоиъ снарядовъ... Надо бы дотягнуть до весны. Но какъ? Зашло такъ далеко, что если наша власть даже пойдетъ на уступки, если даже будетъ составлено правительство изъ этихъ самыхъ людей довѣрія, то это не удовлетворитъ. Настроеніе уже перемахнуло черезъ нашу голову, оно уже лѣвѣй прогрессивнаго блока... Страна уже слушаетъ тѣхъ, кто лѣвѣе, а не насъ..

Чтобы додержаться, придется взять разгонъ... Для этого, если власть на насъ свалиться, прійдется искать поддержки расширеніемъ Прогрессивнаго Блока налѣво.

— Какъ вы себѣ это представляете?

— Я бы позвалъ Керенскаго. Въ качествѣ Министра Юстиціи, допустимъ... Сейчасъ постъ этотъ не имѣетъ никакого значенія, но надо вырвать у революціи ея главарей... Гораздо выгоднѣе его имѣть съ собой, чѣмъ противъ себя. Но вѣдь это только гаданіе.. Реально вѣдь никакихъ нѣтъ признаковъ, что Правительство собирается, говоря попросту, позвать насъ?

— Реально — никакихъ... Но напуганы всѣ сильно... Тамъ большое смятеніе... Надо быть ко всему готовымъ.

* * *

Ко мнѣ пришелъ одинъ офицеръ.

— Зная васъ, я хочу васъ предупредить.

— О чемъ?

— О настроеніи Петроградскаго гарнизона... Вы не смотрите на то, что на кождой площади и улицѣ они „печатаютъ“ на снѣгу... Съ этой стороны за низъ взялись... Но этимъ ихъ не передѣлаешь... Вы знаете, что за публика? Это маменькины сынки!.. Это все тѣ, кто безконечно уклонялись подъ всякими предлогами и всякими средствами.. Имъ все равно, лишь бы не итти на войну... Поэтому вести среди нихъ революціонную пропаганду — одно удовольствіе... Они готовы къ воспріятію всякой идеи, если за ней стоитъ миръ. А кромѣ того и объективныя причины есть для неудовольствія. Люди страшно скучены. Койки помѣщаются въ три ряда, одна надъ другой, какъ въ вагонѣ третьяго класса. А вѣдь всѣ они имѣютъ удобныя квартиры здѣсь. И вотъ бѣснуются. Пойдетъ къ себѣ домой и приходитъ совершенно красный. Для чего ихъ тутъ держатъ? Это самый опасный элементъ. Чуть что — они взбунтуются. Вотъ помяните мое слово. Гнать ихъ надо отсюда, какъ можно скорѣй.

Былъ морозный, ясный день. Ѣдучи въ Думу, я дѣйствительно чуть ли не на кождой улицѣ видѣлъ эти печатающія шеренги. Подъ руководствомъ унтеръ офицеровъ они маршировали взадъ и впередъ, приладонивая снѣгъ деревянными, авто-

матическими движеніями. И вспомнилось мнѣ, какъ еще въ 1915 году жаловались мнѣ на одну дивизію набранную въ Петроградѣ. Ее иначе не называли, какъ „С-Петербургское бѣговое общество“. Куда ни пошлютъ ее въ бой, она непремѣнно убѣжитъ.

* * *

Я не помню хорошенько, когда это было. Кажется въ концѣ января. Гдѣ? Тоже не помню... Гдѣ то на Пескахъ. Это была большая комната. Тутъ были всѣ. Во первыхъ члены Бюро Прогрессивнаго Блока и другіе видные члены Думы: Милюковъ, Шингаревъ, Ефремовъ, кажется Львовъ, Шидловскій, кажется Некрасовъ... Кромѣ того были дѣятели Земгора. Былъ и Гучковъ, кажется князь Львовъ, Д. Щепкинъ и еще разные, которыхъ я зналъ и не зналъ.

Сначала разговаривали — „такъ“, поломъ сѣли за столъ... Чувствовалось, что-то необычайное, что то таинственное и важное. Разговоръ начался на ту тему, что положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ и что такъ дальше нельзя... Что что то надо сдѣлать.. Необходимо сейчасъ же... Необходимо имѣть смѣлость... чтобы принять большія рѣшенія... серіозные шаги...

Но гора родила мышь.. Такъ никто не рѣшился сказать... Что они хотѣли? Что думали предложить?

Я не понялъ въ точности.. Но можно было догадываться... Можетъ быть иниціаторы хотѣли говорить о переворотѣ сверху, чтобы не было переворота снизу. А можетъ быть что нибудь совсѣмъ другое.

Во всякомъ случаѣ — не рѣшились... И поговоривъ, разъѣхались... У меня было смутное ощущеніе, что грозное — близко...

* * *

Н. сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ бы поговорить со мной наединѣ, довѣрительно... Я пригласиль его къ себѣ.

Онъ пришелъ.

Онъ началъ издалека и, такъ сказать, à mots couverts... Но я его понялъ. Онъ зондировалъ меня на счетъ того, о чемъ воробьи чирикали, то есть о дворцовомъ переворотѣ. Я зналъ, что планъ существуетъ, но не зналъ ни участниковъ, ни подробностей. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы пригласить Государыню на броненосецъ подъ какимъ нибудь предлогомъ и увести ее въ Англію, какъ будто по ея собственному желанію. По другой версіи уѣхать долженъ былъ и Государь, а Наслѣдникъ долженъ былъ быть объявленъ Императоромъ. Я считалъ всѣ эти разговоры болтовней.

Н. говорилъ о томъ, что государственный корабль въ опасности и, можно сказать, гибнетъ, и что поэтому требуются особыя, исключительныя мѣры, для спасенія экипажа и драгоцѣннаго груза.

Я отвѣтилъ вопросомъ:

— Вы читали Жюль-Верна?

— Читалъ, конечно, но что именно?

— Это неважно, потому, что я не увѣренъ, что это изъ Жюль-Верна .. Во всякомъ случаѣ это теорія моряковъ.

— Какая теорія?

— Двѣ теоріи... Одна — это „суденщики", а другая — „шлюпочники".

— Объясните...

— Это касается морскихъ бѣдствій... „Шлюпочники" утверждаютъ, что когда корабль терпитъ „кораблекрушеніе", то надо пересаживаться на шлюпки. А „суденщики" говорятъ, что надо оставаться на суднѣ. Я принадлежу къ школѣ „суденщиковъ", а потому останусь на суднѣ и въ шлюпки пересаживаться не хочу.

— Въ такомъ случаѣ забудемъ этотъ разговоръ.

Забудемъ ..

* * *

Однажды, это было кажется въ февралѣ, рано утромъ ко мнѣ пришли неожиданные посѣтители: одинъ былъ бывшій министръ, другой товарищъ министра.

Министръ сказалъ:

— Смыслъ нашего посѣщенія нижеслѣдующій... Мы, В. М. и я, достаточно васъ знаемъ... Если Милюковъ и другіе могутъ имѣть какіе то мотивы, старые навыки борьбы съ властью quand même, то вы, конечно, преслѣдуете одну цѣль — благо родины... А это значитъ въ данную минуту, какъ нибудь довести войну до конца, потому что иначе..

— Иначе Россіи—конецъ! — сказалъ товарищъ министра.

— Мы хотѣли вамъ сказать: не обострайте отношеній .. Вѣдь все равно въ лобъ не возьмете...

— Шульгинъ, отсупите... на время, хотя бы... Вы правы, вы совсѣмъ правы... Мы съ вами согласны во всемъ... Но если нельзя...

Они сидѣли противъ меня честные и встревоженные... сильно встревоженные.

Я отвѣчалъ: — Вы знаете, я состою въ „совѣщаніи по государственной оборонѣ". У насъ сейчасъ столько снарядовъ, сколько никогда не было. Маниковскій недавно объяснилъ: если взять расчетъ по Вердену (ту норму, сколько въ теченіи пяти мѣсяцевъ Верденское орудіе выпускало снарядовъ въ сутки) и начать наступленіе по всему фронту, т. е. отъ Балтійскаго моря до Персіи, то мы можемъ по всему фронту изъ всѣхъ нашихъ орудій поддерживать верденскій огонь въ теченіе мѣсяца... У насъ сейчасъ на складахъ тридцать милліоновъ полевыхъ... Весной, повидимому, начнется всеобщее наступленіе... Есть всѣ шансы, что оно будетъ удачно... Если это будетъ такъ, то тогда вообще все спасено, — можно хоть прогнать Государственную Думу .. Значитъ весь вопросъ — продержаться два-три мѣсяца... Не допустить взрыва... Потому, что если наступленіе будетъ неудачное, взрывъ все равно будетъ. Я недавно изъ Кіева... Люди

съ ума сошли. Вы знаете, Кіевъ достаточно черносотенный... И вотъ меня ловили за рукава люди самые благонамѣренные: „когда же наконецъ вы ихъ прогоните!“ Это они про правительство. И вы знаете, еще хуже стало, когда Распутина убили. Раньше все валили на него. А теперь поняли, что дѣло вовсе не въ Распутинѣ. Его убили, а ничего не измѣнилось. И теперь всѣ стрѣлы летять прямо, не застрѣвая въ Распутинѣ... Итакъ надо выиграть время... Два-три мѣсяца..

— Это такъ, — сказалъ министръ, — но какъ же это сдѣлать?

— Было два пути... Первый путь — это Думу свести на нѣтъ. Правительство могло это сдѣлать, не созывая ее. Другой путь, это путь парляментской борьбы вмѣсто барикадъ.

— А вы не думаете, что такъ вы скорѣе дойдете до баррикадъ?

— Мнѣ кажется.—все таки успокаиваетъ. Вѣдь смотрите... до сихъ поръ ни одного покушенія. А помните 1905 годъ? Тогда дождило бомбами!... Теперь ни одного бунта. Теперь наиболѣе бунтарскимъ образомъ повели себя тѣ, кто убили Распутина: они совершили первый актъ террора. Додержимся ли? А если не додержимся?...

— Тогда—конецъ! А потому, не обостряйте...

* * *

Я не могу вспомнить, гдѣ это было. Но было это въ какомъ то безпорядочномъ учрежденіи, которое не могло не имѣть отношенія къ Земгору*), ибо здѣсь были на лицо всѣ Земгорскіе элементы: горы ящиковъ, горы барышень, стучащихъ на машинкахъ, и какіе то господа въ очкахъ, представлявшіе доклады, пересыпаные цифрами, черезъ которыя все же ясно чувствовалось, что докладчики проводятъ одну заранѣе и сверху приказанную тенденцію, ничего съ цифрами общаго не имѣющую...

Дѣло шло о цѣнахъ на хлѣбъ. Тутъ были кадетсвующіе элементы, которые питали ко мнѣ нѣкоторое довѣріе: поэтому то меня и позвали. Господинъ въ очкахъ, человѣкъ третьяго элемента, лѣвѣе кадетъ, бормоталъ свой докладъ, который былъ только предлогомъ, чтобы начать обмѣнъ мнѣній. И обмѣнивались. Все больше насчетъ того, что хлѣбъ крестьяне не везутъ потому въ достаточномъ количествѣ, что при „этомъ режимѣ“ вообще ничего не можетъ быть.

Я живо представлялъ себѣ своихъ волынскихъ Бизюковъ и Сопрунцовъ, какъ они не повезутъ хлѣбъ изъ за того, что предсѣдатель Совѣта Министровъ—князь Голицынъ, а не Милюковъ. Я понималъ, что это чепуха. Заминка съ хлѣбомъ происходила по моему мнѣнію потому, что не повышали цѣну въ то время, когда уже пришелъ срокъ ее повысить. Это я высказалъ.

---

*) Земгоръ — это Земскій Союзъ Городовъ.

Кто то изъ господъ лѣвѣй кадетовъ не преминулъ мнѣ возразить. Я не слушалъ его словъ, потому что по его глазамъ я прекрасно видѣлъ въ чемъ дѣло. У этихъ высосанныхъ злостью людей — „лѣвѣй кадетовъ", неистребимая ненависть, безсмысленная и жгучая... къ помѣщикамъ. И такъ какъ отъ повышенія цѣнъ на хлѣбъ могли бы въ нѣкоторой мѣрѣ выиграть и помѣщики (хотя подавляющее большинство хлѣба — крестьянское), то эти озлобленныя существа готовы были на что угодно, но только не на повышеніе цѣнъ. И мои возраженія, конечно, разсматривали, только какъ мнѣніе „аграрія".

Но меня поразилъ Шингаревъ.

Онъ всталъ и съ влажными отъ вдохновенія глазами произнесъ великолѣпную рѣчь, горячую, прочувственную, которую право, не стоило метать передъ 9 и такъ убѣжденными и десятымъ, неубѣдимымъ никакимъ краснорѣчіемъ... Но онъ говорилъ, голосъ его то мягкій, задушевный, то раскатистый, звенѣлъ о томъ, что неужели я не чувствую, что нужно одно: нуженъ порывъ, нуженъ подъемъ, который будетъ, когда сбудется мечта, когда наконецъ у власти появятся другіе, свѣтлые люди, разумные, любящіе родину, и уважающіе свободу великаго народа, и что тогда, въ этотъ день хлѣбъ неудержимыми рѣками потечетъ туда, куда ему слѣдуетъ. А иначе, т. е. „рублемъ", ничего не сдѣлаешь...

По окончаніи его удивительной рѣчи я сказалъ коротко:

— Я остаюсь при своемъ мнѣніи. Надо назначить три рубля за пудъ хлѣба вмѣсто двухъ пятьдесяти.

Увы, прошло всего нѣсколько дней, совершилась революція, и министръ Шингаревъ первымъ дѣломъ назначилъ три рубля за пудъ хлѣба вмѣсто двухъ пятьдесяти... Ибо, несмотря на „сбывшуюся мечту", хлѣбъ не двинулся.

* * *

Государственная Дума должна была возобновить свою сессію въ началѣ февраля. Ко дню ея открытія ожидали выступленій. Главнымъ образомъ опасались рабочихъ. Кажется, 10 февраля — появилось открытое письмо П. Н. Милюкова къ рабочимъ Петрограда. Въ этотъ день, а, можетъ быть, днемъ раньше или позже появился „приказъ„ генерала Хабалова, градоначальника Петрограда. Страннымъ образомъ эти два документа оказались не такъ далеко одинъ отъ другого. Аргументація мѣстами совпадала („во имя Родины") и оба они, лидеръ оппозиціи и градоначальникъ, требовали отъ рабочихъ сохраненіе спокойствія.

Но повидимому тутъ было нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ то, что могло зависѣть отъ коллективной воли рабочихъ или даже индивидуальныхъ замысловъ ихъ вожаковъ. Что то подточенное падало и то, что падало, чувствовало сильнѣе подточенность и неизбѣжность паденія — чѣмъ тѣ рабочіе, которые должны были быть послѣднимъ порывомъ вѣтра, свалившимъ трехсотлѣтнее дерево. Милюковъ и Хабаловъ махали на нихъ

руками, приказывая — Noli Tangere — очевидно чувствуя, что они могутъ свалить власть, хотя повидимому сами рабочіе были менѣе увѣрены въ своихъ силахъ.

Къ этому времени относится совѣщаніе, о которомъ повѣдалъ впослѣдствіи Н. Д. Соколовъ, — человѣкъ не то меньшевикъ, не то большевикъ — но повѣдалъ при такой обстановкѣ, что ему не имѣло смысла искажать истину. Слышалъ я это лично. Соколовъ сказалъ слѣдующее:

— Передъ тѣмъ, какъ должна была собраться Государственная дума — произошло совѣщаніе революціонныхъ организацій Петрограда, какъ рабочихъ — такъ и солдатскихъ. Представители рабочихъ предложили организовать уличныя демонстраціи. Солдатскіе же представители отвѣтили: „Для чего вы насъ зовете? Если для революціи, то мы выйдемъ на улицу, — но если для манифестаціи, — то не выйдемъ. Потому, что вы, рабочіе, послѣ уличныхъ манифестацій можете вернуться къ себѣ на фабрики, а мы, солдаты, не можемъ — насъ будутъ разстрѣливать". Представители рабочихъ признали эти соображенія правильными и заявили, что для революціи они не готовы..

Они — революціонеры, не были готовы, но она — революція, была готова. Ибо революція только наполовину создается изъ революціоннаго напора революціонеровъ. Другая ея половина, а можетъ быть четверти—состоитъ въ ощущеніи властью своего собственнаго безсилія.

У насъ, у многихъ, это ощущеніе было вполнѣ. Ибо все въ Россіи дѣлалось „по приказу Его Императорскаго Величества". Это былъ электрическій токъ, приводившій въ жизнь всѣ провода. И именно этотъ токъ обезсиливался и замиралъ, уничтоженный безволіемъ. На почвѣ этого послѣдняго выросло три грозныхъ болѣзни: Распутинъ, Штюрмеръ и Милюковъ. Послѣдній могъ организовать оппозицію Государственной Думы, Думы 4 созыва, законопослушной и монархической, только благодаря concours bienveillant двухъ первыхъ. Государственная Дума считала своимъ долгомъ для спасенія арміи и Россіи — явно бороться со Штюрмеромъ и тайно съ Распутинымъ.

Результатъ: Штюрмеръ ушелъ, Распутинъ убитъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушенъ основной нервъ Россіи: сознаніе необходимости повиноваться „указу „Его Императорскаго Величества".

* * *

Это ощущеніе близости революціи было такъ страшно, что кадеты въ послѣднюю минуту стали какъ-то мягче.

Передъ открытіемъ Думы по обыкновенію составляли формулу перехода. Написать ее сначала поручили мнѣ. Я написалъ сразу, такъ сказать, не исправляя, и было это не столько формула перехода сколько вылилось на бумагу то, что я чувствовалъ. Это было стенаніе на тему „до чего мы дошли"... И помню была такая фраза: „въ то время, какъ акты террора совер-

шаются принцами Императорской крови"... Заключеніе было, что требуются героическія усилія, чтобы спасти страну.

Формула показалась всѣмъ слишкомъ рѣзкой. Милюковъ сказалъ, что она написана прекрасно, но призналъ, наравнѣ съ другими, что въ настоящую минуту такая формула нежелательна. Я, розумѣется, не настаивалъ. Приняли формулу Милюкова, болѣе скромную...

* * *

Дума открылась сравнительно спокойно, но при очень скромномъ внутреннемъ самочувствіи всѣхъ.

Затѣмъ центръ тяжести перешелъ въ бюджетную коммисію.

Тамъ шелъ вопросъ о хлѣбѣ. Я не помню хорошенько въ чемъ было дѣло, но помню, что сильно насиловали наши убѣжденія. Если не ошибаюсь, вопросъ шелъ о „твердыхъ цѣнахъ". Мы считали твердыя цѣны источникомъ разстройства Государства. Это вообще была кіевская точка зрѣнія, которую съ особеннымъ упорствомъ отстаивалъ А. И. Савенко. О томъ, какъ Кіевъ боролся споконъ вѣковъ съ соціалистическими замашками, будетъ когда-нибудь, надѣюсь, отмѣчено. Но въ данномъ случаѣ мы въ концѣ концовъ должны были уступить, чтобы не разстраивать блока и не уменьшать поступательной силы рѣшенія, которое было-бы все равно принято. Я помню, употребилъ тогда такое сравненіе:

— Если человѣкъ хочетъ прыгнуть въ пропасть — надо всѣми силами удерживать его. Но если ясно, что онъ все равно прыгнетъ — надо подтолкнуть его, потому, что, можетъ быть, въ этомъ случаѣ онъ допрыгнетъ до другого края.*)

* * *

Это было, быть можетъ, послѣднее засѣданіе Государственной Думы. Шелъ все тотъ же вопросъ о хлѣбѣ. На этомъ дѣлѣ Блокъ раскололся. Правая сторона поддерживала Правительство, считая его планъ разверстки правильнымъ. Лѣвое крыло, очевидно, полагая, что не можетъ быть „ничего добраго изъ Назарета", отвергало предложеніе Правительсва. Милюковъ сказалъ рѣчь—противъ, Шульгинъ—за. Товарищъ министра А. А. Риттихъ говорилъ убѣдительно, горячо, только очень нервно, слишкомъ нервно. Онъ умолялъ не губить дѣла.

Съ внѣшней стороны было все, какъ всегда. Но на самомъ дѣлѣ было иначе.

Тревога и грусть были разлиты въ воздухѣ. Во время рѣчи Милюкова, возраженія Шульгина и убѣжденій Риттиха, и во время другихъ рѣчей чувствовалось, что все это не нужно, запоздало, не важно...

Изъ за бѣлыхъ колоннъ зала выглядывала Безнадежность... Она шептала:

---

*) Невѣрное сравненіе! — ред.

Къ чему? Зачѣмъ? Не все ли равно?

Въ кулуарахъ Думы говорили въ этотъ день, что А. А. Риттихъ послѣ рѣчи, придя къ себѣ, въ „павильонъ министровъ", — разрыдался...

26 февраля.

Въ этотъ день, утромъ, неожиданно, ко мнѣ пришелъ Петръ Бернгардовичъ Струве. Онъ былъ взволнованъ и полубольной, но предложилъ мнѣ двигаться къ Маклакову.

— У Василія Алексѣевича мы узнаемъ.

Въ воздухѣ уже была разлита такая степень тревоги, что невозможно было сидѣть дома: надо было быть тамъ. Это я чувствовалъ и раньше и, въ особенности, почувствовалъ, когда пришелъ Петръ Бернгардовичъ.

Мы пошли. Былъ морозный день, ясный... Ни одного трамвая, — трамваи стали, и ни одного извозчика. Намъ надо было итти пѣшкомъ къ Таврическому Дворцу — это верстъ пять. Петръ Бернгардовичъ еле шелъ, я велъ его подъ руку.

На улицахъ было совершенно спокойно, но очень пусто. И было это спокойствіе непріятно, ибо мы отлично знали, отчего стали трамваи, отчего нѣтъ извозчиковъ. Вотъ уже три дня въ Петроградѣ не стало хлѣба. И этотъ свѣтлый день былъ „затишьемъ передъ бурей", которая гдѣ-то пряталась за этими удивительными мостами и дворцами, таилась и накоплялась... Накоплялась не то на Невскомъ, невидимомъ отсюда, не то вонъ тамъ, на Выборгской сторонѣ, около Финляндскаго вокзала.

Нева была особенно красива въ этотъ день. Мы остановились передохнуть, опершись на тарапетъ Троицкаго моста... Расцвѣченная солнцемъ перспектива набережной говорила о томъ, „что сдѣлано", но отъ этого становилось только жутче, потому что законченная въ своей красотѣ она ничего не могла отвѣтить на вопросъ: „что сдѣлается?"...

* * *

Василій Алексѣевичъ*) спѣшилъ: его вызвали къ Покровскому. Н. И. Покровскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, разумный и честный, былъ человѣкъ наиболѣе пріемлемый для „думскихъ сферъ". Маклаковъ же былъ самый умѣренный изъ кадетъ и самый умный. Онъ былъ наиблѣе пріемлемъ для „правительственныхъ сферъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ „патріотомъ прогресивнаго блока", вслѣдствіе своей всегдашней оппозиціи Милюкову. Маклаковъ былъ тотъ человѣкъ, который могъ стать связующимъ звеномъ между Думой и Правительствомъ. Его приглашеніе къ Покровскому могло обозначать многое. Въ ожиданіи его возвращенія мы пошли въ Таврическій Дворецъ.

* * *

Въ комнатѣ № 11, какъ всегда, засѣдалъ блокъ, вѣрнѣе бюро прогрессивнаго блока. Предсидателемъ былъ Шидловскій

*) Маклаковъ.

— Сергѣй Иліодоровичъ. Отъ кадетъ — Милюковъ и Шингаревъ, прогрессисты въ это время уже ушли, отъ лѣвыхъ октябристовъ — Шидловскій, отъ октябристовъ-земцевъ, — графъ Капнистъ (маленькій, т. е. Димитрій Павловичъ), а отъ центра, кажется, Владиміръ Львовъ, отъ націоналистовъ-прогрессистовъ — Половцевъ 2-ой и я.

Я не помню, что обсуждалось... Но я чувствовалъ, что дѣлается что то не то. Я много разъ уже это чувствовалъ. Мы все критиковали власть. Но совершенно неясно было, что мы будемъ отвѣчать, если насъ спросятъ: „Ну, хорошо, la critique est aisée — довольно критики, теперь пожалуйте сами! Итакъ, что надо дѣлать?"... Мы имѣли „великую Хартію Блока", въ которой значилось, что необходимо произвести нѣкоторыя реформы, но все это совершенно не затрагивало центральнаго вопроса: „Что надо сдѣлать, чтобы лучше вести войну?"

Я неоднократно съ самого основанія блока добивался ясной практической программы. Самъ я ее придумать не могъ, а потому пыталъ своихъ „друзей слѣва", но они отдѣлывались отъ меня разными способами, а когда я бывалъ слишкомъ настойчивъ, отвѣчали, что практическая программа состоитъ въ томъ, чтобы добиться власти, обезпеченной „народнымъ довѣріемъ".

Тогда я сталъ добиваться, кто эти достойные министры. Мнѣ отвѣчали, что пока объ этомъ неудобно говорить, что выйдутъ всякія интриги и сплетни, и что это надо рѣшать тогда, когда вопросъ станетъ, такъ сказать, вплотную.

Но сегодня мнѣ казалось, что вопросъ уже сталъ „вплотную". Явственно чувствовалась растерянность правительства. Насъ еще не спрашивали: кто? Но чувствовалось, что каждую минуту могутъ спросить. Между тѣмъ, были ли мы готовы? Знали ли мы, хотя бы между собой, — кто? Ни малѣйшимъ образомъ.

Поэтому я сдѣлалъ слѣдующее предложеніе, приблизительно въ такихъ словахъ:

— Хотя это можетъ показаться неловкимъ, неудобнымъ и такъ далѣе, но наступило время, когда съ этимъ нельзя не считаться. На насъ лежитъ слишкомъ большая отвѣтственность. Мы вотъ уже полтора года твердимъ, что правительство никуда не годно. А что, если „станется по слову нашему". Если съ нами наконецъ согласятся и скажутъ: „Давайте вашихъ людей". Развѣ мы готовы? Развѣ мы можемъ назвать, не отдѣлываясь общей формулой, „людей, довѣріемъ общества облеченныхъ", конкретныхъ, живыхъ людей... Я полагаю, что намъ необходимо теперь уже, что это своевременно сейчасъ, — составить для себя, для Бюро Блока, списокъ именъ, т. е. людей, которые могли бы быть правительствомъ.

Послѣдовала нѣкоторая пауза. Я видѣлъ, что всѣ почувствовали себя неудобно. Слово попросилъ Шингаревъ и выразилъ, очевидно, мнѣніе всѣхъ, что пока это еще невозможно. Я настаивалъ, утверждая, что время уже пришло, но ничего не

вышло, никто меня не поддержалъ и списка не составили. Всѣмъ было — „неловко“.

Таковы — мы... русскіе политики. Переворачивая*) власть, мы не имѣли смѣлости, или вѣрнѣе, спасительной трусости подумать о зіяющей пустотѣ... Безсиліе свое и чужое, снова взглянуло мнѣ въ глаза насмѣшливо и жутко!..

* * *

По окончаніи засѣданія мы вышли въ Екатерининскій залъ. Въ дверяхъ я стокнулся съ Маклаковымъ. Мы шли вмѣстѣ, разговаривая о томъ, что съ Покровскимъ ничего особеннаго не вышло.

Въ это время въ другомъ концѣ зала показался Керенскій. Онъ по обыкновенію куда то мчался, наклонивъ голову и неистово размахавая руками. За нимъ, догоняя, старался Скобелевъ.

Керенскій вдругъ увидѣлъ насъ и, круто измѣнивъ направленіе, пошелъ къ намъ, протянувъ впередъ худую руку... для выразительности.

— Ну чтоже, господа-Блокъ? Надо что-то дѣлать? Вѣдь положеніе то... плохо. Вы собираетесь что нибудь сдѣлать?

Онъ говорилъ громко подходя. Мы сошлись на серединѣ зала.

Кажется, до этого дня я не былъ оффиціально знакомъ съ Керенскимъ. По крайей мѣрѣ я никогда съ нимъ не разговаривалъ. Мы все же были въ слишкомъ далекихъ и враждебныхъ лагеряхъ. Поэтому для меня этотъ его „налетъ“ былъ неожиданнымъ. Но я рѣшилъ имъ воспользоваться.

— Ну, если вы такъ спрашиваете, то позвольте въ свою очередь спросить васъ: по вашему то мнѣнію, что нужно? Что васъ удовлетворило-бы?

На изборожденномъ лицѣ Керенскаго промелькнуло вдругъ веселое, почти мальчишеское выраженіе.

— Что?. Да въ сущности немного!.. Важно одно: чтобы власть перешла въ другія руки.

— Чьи? — спросилъ Маклаковъ.

— Это безразлично. Только не бюрократическія!

— Почему не бюрократическія — возразилъ Маклаковъ. Я именно думаю, что бюрократическія... только въ другія, толковѣе и чище... Словомъ, хорошихъ бюрократовъ. А эти „облеченные довѣріемъ“ — ничего не сдѣлаютъ!

— Почему?

— Потому, что мы ничего не понимаемъ въ этомъ дѣлѣ. Техники не знаемъ. А учиться теперь некогда...

— Пустяки! Вамъ дадутъ аппаратъ. Для чего же существуютъ всѣ эти bureau и sous sécrétaires?!..

---

*) Запомните себѣ это изреченіе! Это говоритъ членъ Государственной Думы. Это ясно доказываетъ, кто переворачивалъ Власть, кто дѣлалъ главнымъ образомъ Русскую революцію и кто ее прежде всего началъ.—*ред.*

— Какъ вы не понимаете? — вмѣшался Скобелевъ, обращаясь преимущественно ко мнѣ, — что вы имѣете д...д...д..довѣріе н...н..н...народа...

Онъ немножко заикался.

— Ну, а что еще надо? — спросилъ я Керенскаго.

— Ну, еще тамъ — онъ мальчишески, легкомысленно и весело, махнулъ рукой, — свободъ немножко. Ну тамъ — печати, собраній и прочее такое...

— И это все?

— Все пока,.. Но спѣшите... спѣшите...

Онъ помчался, за нимъ — Скобелевъ...

* * *

Куда спѣшить?

Я чувствовалъ ихъ, моихъ товарищей по Блоку, и себя... Мы были рождены и воспитаны, чтобы подъ крылышкомъ Власти хвалить ее или порицать... Мы способны были въ крайнемъ случаѣ безболѣзнено пересѣсть съ депутаткихъ креселъ на министерскія скамьи... Подъ условіемъ, чтобы императорскій караулъ охранялъ насъ...

Но передъ возможнымъ паденіемъ Власти, передъ бездонной пропастью этого обвала, — у насъ кружилась голова и нѣмѣло сердце...

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ.*)

27-ое февраля 1917 г.

Было девять часовъ утра... Неистово звонилъ телефонъ...

— Allo!

— Вы, Василій Витальевичъ?.. Говоритъ Шингаревъ... Надо ѣхать въ Думу... Началось...

— Что такое?

— Началось... Полученъ указъ о роспускѣ Думы... Въ городѣ волненіе... Надо спѣшить... Занимаютъ мосты... Мы можемъ не добраться... Мнѣ прислали автомобиль. Приходите сейчасъ ко мнѣ... Поѣдемъ вмѣстѣ...

— Иду...

* * *

Это было **27-го февраля 1917 года.** Уже нѣсколько дней мы жили на вулканѣ... Въ Петроградѣ не стало хлѣба—транспортъ сильно разладился изъ-за необычайныхъ снѣговъ, морозовъ и главное, конечно, изъ-за напряженія войны... Произошли уличные безпорядки... Но дѣло было, конечно, не въ хлѣбѣ... Это была послѣдняя капля... Дѣло было въ томъ, что во всемъ этомъ огромномъ городѣ нельзя было найти нѣсколько сотенъ людей, которые

*) Это заглавіе нашей редакціи.

бы сочувствовали власти.. И даже не въ этомъ. Дѣло было въ томъ, что не было въ сущности ни одного министра, который вѣрилъ бы въ себя и въ то, что онъ дѣлаетъ... Класъ былыхъ властителей сходилъ на нѣтъ.. Никто изъ нихъ не способенъ былъ стукнуть кулакомъ по столу... Куда ушло знаменитое Столыпинское „не запугаете“?.. Послѣднѣе время министры совершенно перестали даже приходить въ Думу... Только А. А. Риттихъ самоотверженно отстаивалъ свою „хлѣбную разверстку“. Но, придя въ павильонъ министровъ послѣ своей послѣднѣй рѣчи, онъ разрыдался.

* * *

Мы жили съ А. И. Шингаревымъ въ одномъ домѣ на Большой Монетной № 22, на Петроградской сторонѣ.. Это далеко отъ Таврическаго Дворца. Надо переѣхать Неву.. Послѣднее время жизнь уже такъ расхлябалась въ Петроградѣ, что вопросъ о сообщеніяхъ сталъ серьезнымъ для тѣхъ, кто, какъ Шингаревъ и я, не имѣли своей машины..

Мы поѣхали... Шингаревъ говорилъ..

— Вотъ отвѣтъ.. До послѣдней минути я всетаки надѣялся — ну вдругъ просвѣтитъ Господь Богъ — уступятъ.. Такъ нѣтъ.. Не осѣнило — распустили Думу... А вѣдь это былъ послѣдній срокъ.. И согласіе съ Думой, какая она ни на есть — послѣдняя возможность... избѣжать революціи...*)

— Вы думаете, началась революція?

— Похоже на то...

— Такъ вѣдь это конецъ.

— Можетъ быть, и конецъ... а можетъ быть и начало...

— Нѣтъ, вотъ въ это я не вѣрю. Если началась революція, — это конецъ.

— Можетъ быть... Если не вѣрить въ чудо... А вдругъ будетъ чудо!.. Во всякомъ случаѣ Дума стояла между властью и революціей... Если насъ по шапкѣ, то придется стать лицомъ къ лицу съ улицей... А вѣдь... А вѣдь въ сущности надо было продержаться еще два мѣсяца...

— До наступленія?

— Конечно. Если бы наступленіе было неудачно — все равно революціи не избѣжать... Но при удачѣ...

— Да, при удачѣ — все бы забылось.

Мы выѣхали на Каменноостровскій. Несмотря на ранній для Петрограда часъ, на улицахъ было масса народу. Откуда онъ взялся? Это производило такое впечатлѣніе, что фабрики забастовали. А можетъ быть и гимназіи... а можетъ быть и университеты...

Толпа усиливалась по мѣрѣ приближенія къ Невѣ. За памятникомъ „Стерегущему“, не помѣщаясь на широкихъ тротуарахъ, она движущимся мѣсивомъ запрудила проспектъ.

---

*) А почему не согласіе Думы съ Правительствомъ?... какое оно ни на есть. Вѣдь не Правительство стремилось къ революціи! - ред.

Автомобиль сталъ.

Какіе то мальчишки, рабочіе, должно быть, подъ предводительствомъ студентовъ, распоряжались.

— Назадъ моторъ! Проходу нѣтъ!

Шингаревъ высунулся въ окошко.

— Послушайте. Мы члены Государственной Думы. Пропустите насъ — намъ необходимо въ Думу.

Студентъ подбѣжалъ къ окошку.

— Вы, кажется, госпопинъ Шингаревъ?

— Да, да, я — Шингаревъ... — пропустите насъ.

— Сейчасъ.

Онъ вскочилъ на подножку.

— Товарищи, — пропустить! — Это члены Государственной Думы, — товарищъ Шингаревъ.

Бурлящее мѣсиво раздвинулось — мы поѣхали... Со студентомъ на подножкѣ. Онъ кричалъ, что это ѣдетъ „товарищъ Щингаревъ“, и насъ пропускали. Иногда отвѣчали:

— Ура, товарищу Шингареву!

Впрочемъ, ѣхать студенту было не долго. Автомобиль опять сталъ. Мы были уже у Троицкаго моста. Поперекъ его стояла рота солдатъ.

— Вы имъ скажите, что вы въ Думу — сказалъ студентъ. И исчезъ... Вмѣсто него около автомобиля появился офицеръ. Узнавъ, кто мы, онъ очень вѣжливо извинился, что задержалъ.

— Пропустить. Это члены Государственной Думы.

Мы помчались по совершенно пустынному Троицкому мосту. Шингаревъ сказалъ:

— Дума еще стоитъ между „народомъ“ и „властью“. Ее признаютъ оба... берега... пока.

На томъ берегу было пока спокойно.. Мы мчались по набережной, но все это давно знакомое казалось жуткимъ... Что будетъ?

На Шпалерной мы встрѣтились съ похоронной процесіей. Хоронили члена Государственной Думы М. М. Алексѣенко. Жалѣть ли, или завидовать?

* * *

Выраженіе „лица Думы“ было странное. Такой она была въ 1907 году, когда я первый разъ увидалъ ее. Въ ней и тогда было что-то угрожающее.

Но швейцары раздѣли насъ какъ всегда. Залы были темноваты. Паркеты поблескивали, чуть отражая бѣлыя колонны...

Стали съѣзжаться. Дѣлились вѣстями — что происходитъ. Рабочіе собрались на Выборгской сторонѣ... Ихъ штабъ — вокзалъ, повидимому... Кажется, тамъ идутъ какіе то выборы, летучіе выборы, поднятіемъ рукъ... Взбунтовался полкъ какой-то... Кажется, Волынскій... Убили командира... Казаки отказались стрѣлять... братаются съ народомъ... на Невскомъ баррикады...

О министрахъ ничего неизвѣстно... Говорятъ, что убиваютъ городовыхъ... Ихъ почему-то называютъ „фараонами“...

* * *

Стало извѣстно, что огромная толпа народу — рабочихъ, солдатъ и „всякихъ“ — идетъ въ Государственную Думу... Ихъ тысячъ тридцать.

С. И. Шидловскій созвалъ Бюро Прогрессивнаго Блока.. И вотъ мы опять собрались въ той самой комнатѣ № 11, гдѣ собирались всегда, гдѣ принимались рѣшенія. Рѣшенія, которыя привели къ этому концу, вѣрнѣе, не сумѣли предупредить этого конца.

Шидловскій, Шингаревъ, Милюковъ, Капнистъ II-ой, Львовъ В. Н., Половцевъ, я... еще нѣкоторые... Ефремовъ, Ржевскій, еще кто-то... Всѣ тѣ, кто вели Думу послѣдніе годы... И довели...

Засѣданіе открылось подъ знакомъ того, что надвигается тридцатитысячная толпа... Что дѣлать?..

Я не помню, что говорилось. Но помню, что никто не предложилъ ничего заслуживающаго вниманія. Да и могли ли предложить? Развѣ эти люди способны были управлять революціонной толпою, овладѣть ею? Мы могли подъ защитой ея же штыковъ говорить власти всякія горькія и дерзкія слова, и, ведя „конституціонную“, т. е. словесную борьбу, удерживать массу отъ борьбы дѣйстіемъ.

— Мы будемъ боронься съ властью, чтобы армія, зная, что Государственная Дума на стражѣ, — могла спокойно дѣлать свое дѣло на фронтѣ, а рабочіе у станковъ могли спокойно подавать фронту снаряды... Мы будемъ говорить, чтобы страна молчала...

Этими словами я самъ изложилъ смыслъ борьбы въ своей рѣчи 3-го ноября 1916 года.

Но теперь словесная борьба кончилась. Она не привела къ цѣли. Она не предотвратила революціи. А, можетъ быть, даже ее ускорила... Ускорила или задержала?

Роковой вопросъ повисъ надъ всѣми нами, собравшимися въ комнатѣ № 11. Но не всѣ его ощущали. Не всѣ понимали свое безсиліе. Нѣкоторые думали, что и теперь еще мы можемъ что то сдѣлать, когда масса перешла „къ дѣйствіямъ“. И что-то предлагали... Сидя за торжественно-уютными крытыми зеленымъ бархатомъ столами, они думали, что „бюро прогрессивнаго блока“ такъ же можетъ управлять взбунтовавшейся Россіей, какъ оно управляло фракціями Государственной Думы.

Впрочемъ, я сказалъ, когда до меня дошла очередь:

По-моему, наша роль кончилась... Весь смыслъ прогрессивнаго блока былъ предупредить революцію и тѣмъ дать власти возможность довести войну до конца. Но разъ цѣль не удалась... А она не удалась — потому, что эта тридцатитысячная толпа — это революція. Намъ остается одно... Думать о томъ, какъ кончить съ честью...

Мы, конечно, ничего не рѣшили въ комнатѣ № 11.

* * *

Потомъ было засѣданіе въ кабинетѣ предсѣдателя Думы. Это было засѣданіе старѣйшинъ. Тутъ были представители всѣхъ фракцій, а не только фракцій прогрессивнаго блока.

Предсѣдательствовалъ Родзянко.

Шелъ вопросъ, какъ быть... Съ одной стороны Императорскій Указъ о роспускѣ (прекращеніе сессіи), а съ другой надвигающаяся стихія...

Въ огромное, во всю стѣну кабинета, зеркало отражался этотъ взволнованный столъ. Мощный затылокъ Родзянки и всѣ остальные... Чхеидзе, Керенскій, Милюковъ, Шингаревъ, Некрасовъ, Ржевскій, Ефремовъ, Шидловскій, Капнистъ, Львовъ, князь Шаховской... Еще другіе...

Вопросъ стоялъ такъ: не подчиниться Указу Государя Императора, т. е. продолжать засѣданія Думы, — значитъ стать на революціонный путь... Оказавъ неповиновеніе Монарху, Государственная Дума тѣмъ самымъ подняла бы знамя возстанія и должна была бы стать во главѣ этого возстанія со всѣми его послѣдствіями...

* * *

На это ни Родзянко, ни подавляющее большинство изъ насъ, вплоть до кадетъ, были совершенно неспособны. Мы были прежде всего лойяльнымъ элементомъ... Въ насъ уваженіе къ Престолу переплелось съ протестомъ противъ того пути, которымъ шелъ Государь, ибо мы знали, что это путь къ пропасти. Поэтому вся работа Думы прошла подъ этимъ знакомъ. При докладахъ Царю всѣ, кто завѣсили или были вдохновляемы Думой, всегда твердили одно и те же: этотъ путь ведетъ династію къ гибели. Открыто же въ своихъ рѣчахъ въ Думѣ — мы бранили министровъ. При этой травлѣ, однако, не переходили конституціонной грани и не затрагивали Монарха... Это было основное требованіе Родзянки и большинства Думы, которому должны были подчиниться всѣ. Только разъ Милюковъ прочелъ какую-то цитату изъ газеты по нѣмецки, въ которой говорилось о „кружкѣ молодой Государыни". Но это былъ выплескъ, отклоненіе отъ основного пути.

* * *

Я не помню, что говорилось. Но помню рѣшеніе: „Императорскому Указу о роспускѣ подчиниться — считать Государственную Думу не функціонирующей, но членамъ Думы не разъѣзжаться и немедленно собраться на „частное совѣщаніе".

Чтобы подчеркнуть, что это частное совѣщаніе*) членовъ Думы, а не засѣданіе Государственной Думы, какъ тако-

*) Какъ ни крути-верти, а это „частное совѣщаніе" и есть неподчиненіе Указу и оглавленіе Думой революціи.—ред.

вой, рѣшено было собраться не въ большомъ Бѣломъ Залѣ, а въ „Полуциркульномъ“...

* * *

Онъ едва вмѣстилъ насъ: вся Дума была налицо. За столомъ были Родзянко и старѣйшины. Кругомъ сидѣли и стояли, столпившись, стѣснившись, остальные... Встревоженные, взволнованные, какъ то душевно прижавшіеся другъ къ другу. Даже люди, много лѣтъ враждовавшіе, почувствовали вдругъ, что есть нѣчто, что всѣмъ одинаково опасно, грозно, отвратительно. Это нѣчто — была улица... уличная толпа... Ея приближавшееся дыханіе уже чувствовалось... Съ улицей шествовала Та, о которой очень немногіе подумали тогда, но очень многіе, навѣрное, ощутили ее безсознательно. Потому, что они были блѣдные съ сжимающимися сердцами... По улицѣ, окруженная многотысячной толпой, шла Смерть...

* * *

Этой трепещущей, сгрудившейся около стола старѣйшинъ человѣческой гущѣ, втиснутой въ „полуциркульную“ рамку зала, Родзянко доложилъ, что произошло... И поставилъ вопросъ: „что дѣлать“?

Въ отвѣтъ на это то тамъ, то здѣсь, то справа, то слѣва просили слова взволнованные люди и что-то предлагали... Что?..

Я не знаю. Не помню. „Что-то“... Кажется, кто-то предложилъ Государственной Думѣ объявить себя Властью... Объявить, что она не разойдется, не подчиниться Указу... Объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ... Это не встрѣтило, не могло встрѣтить поддержки... Кажется, отвѣчалъ Милюковъ... Во всякомъ случаѣ Милюковъ говорилъ, рекомендуя осторожность, рекомендуя не принимать слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній, въ особенности, когда мы еще не знаемъ, что происходитъ и такъ ли это, какъ говорятъ, что старая Власть пала, что ея больше нѣтъ, когда мы вообще еще не разобрались въ обстановкѣ и не знаемъ, насколько серьезно, насколько прочно начавшееся народное движеніе...

Кто-то говорилъ и требовалъ, чтобы Дума сказала, съ кѣмъ она: со старою Властью или съ народомъ? Съ тѣмъ народомъ, который идетъ сюда, который сейчасъ будетъ здѣсь и которому надо дать отвѣтъ.

Въ ту минуту около дверей заволновались, затолпились, раздался какой то повышенный разговоръ, потомъ разступились, и въ залъ вбѣжалъ офицеръ...

Онъ перебилъ засѣданіе громкимъ заскакивающимъ голосомъ:

— Господа члены Думы, — я прошу защиты! Я — начальникъ караула, вашего караула, охранявшаго Государственную Думу. Ворвались какіе-то солдаты. Моего помощника тяжело ранили. Хотѣли убить меня. Я едва спасся. Что же это такое? Помогите.

Это бросило въ взволнованную человѣческую ткань еще больше тревоги.

Кажется, Родзянко отвѣтилъ ему, что онъ въ безопасности — можетъ успокоиться.

Въ эту минуту заговорилъ Керенскій.

— Происшедшее подтверждаетъ, что медлить нельзя. Я постоянно получаю свѣдѣнія, что войска волнуются. Они выйдутъ на улицу. Я сейчасъ ѣду по полкамъ! Необходимо, чтобы сказать, что Государственная Дума съ ними, что она беретъ на себя отвѣтственность, что она становится во главѣ движенія?

Не помню, получилъ ли отвѣтъ Керенскій. Кажется нѣтъ. Но его фигура вдругъ выросла въ „значительность“ въ эту минуту. Онъ говорилъ рѣшительно, властно, какъ бы не растерявшись. Слова и жестъ были рѣзки, отчеканены, глаза горѣли.

— Я сейчасъ ѣду по полкамъ.

Казалось, что это говорилъ „власть имѣющій“.

— Онъ у нихъ диктаторъ — прошепталъ кто-то около меня.

Кажется, въ эту минуту, а можетъ быть раньше, я попросилъ слова.

У меня было ощущеніе, что мы падаемъ въ пропасть. Безсознательно я приготовился къ смерти. И мнѣ, очевидно, хотѣлось сказать намъ всѣмъ эпитафію, сказать, что мы умираемъ такими какъ жили.

— Когда говорятъ о тѣхъ, кто идетъ сюда, то надо прежде всего знать — кто они? Враги или друзья?... Если они идутъ сюда, чтобы продолжать наше дѣло — дѣло Государственной Думы, дѣло Россіи, если они идутъ сюда, чтобы еще разъ съ новой силой провозгласить нашъ девизъ: „все для войны“, — то тогда они наши друзья, тогда мы съ ними... Но если они идутъ съ другими мыслями, то они друзья нѣмцевъ... и намъ нужно сказать имъ прямо и твердо: — вы — враги, мы не только не съ вами, мы противъ васъ!

Кажется, это заявленіе произвело нѣкоторое впечатлѣніе, но не имѣло послѣдствій... Керенскій еще что-то говорилъ... Онъ стоялъ, готовый къ отъѣзду, рѣшительный, бросающій рѣзкія слова, чуть презрительный.

Онъ росъ... Росъ на начавшемся революціонномъ болотѣ, по которому онъ привыкъ бѣгать и прыгать, въ то время, какъ мы не умѣли даже ходить...

* * *

Кто-то предложилъ въ горячей рѣчи, что всѣмъ членамъ Думы въ это начавшееся тяжелое время нужно сохранить полное единство — всѣмъ, безъ различія партій, для того, чтобы препятствовать развалу. А для того, чтобы руководить членами Думы, необходимо выбрать комитетъ, которому вручить „диктаторскую власть“... Всѣ члены Думы обязаны безпрекословно повиноваться комитету.

Это предложеніе въ этой взволнованной, напуганной атмосферѣ встрѣтило всеобщую поддержку. Диктатура есть функція опасности: такъ было — такъ будетъ.

Съ большимъ единодушіемъ, подавляющимъ числомъ голосовъ были избраны слѣва направо:

Чхеидзе — соціалъ-демократъ.
Керенскій — трудовикъ.
Ефремовъ — прогрессистъ.
Ржевскій — прогрессистъ.
Милюковъ — кадетъ.
Некрасовъ — кадетъ.
Шидловскій Сергій — лѣвый октябристъ.
Родзянко — октябристъ-земецъ.
Львовъ Владиміръ — центръ.
Шульгинъ — націоналистъ (прогрессистъ).

Въ сущности это было бюро прогрессивного блока съ прибавленіемъ Керенскаго и Чхеидзе. Это было разширеніе блока налѣво, о которомъ я когда то говорилъ съ Шингаревымъ, — но, увы, при какой обстановкѣ произошло это расширеніе.

Страхъ передъ Улицей загналъ въ одну „коллегію“ Шульгина и Чхеидзе...

* * *

А Улица надвигалась и вдругъ обрушилась...

* * *

Эта тридцатитысячная толпа, которой грозили съ утра, оказалась не миѳомъ, не выдумкой отъ страха.

И это случилось именно, какъ обвалъ, какъ наводненіе... Говорятъ (я не присутсвовалъ при этомъ), что Керенскій изъ первой толпы солдатъ, поползшихъ на крыльцо Таврическаго Дворца, попытался создать „первый революціонный караулъ“...

— Граждане солдаты, великая честь выпадаетъ на вашу долю — охранять Государственную Думу... Объявляю васъ первымъ революціоннымъ карауломъ!..

Но этотъ „первый революціонный караулъ“ не продержался и первой минуты... Онъ сейчасъ же былъ смятъ толпой...

* * *

Я не знаю, какъ это случилось... Я не могу припомнить... Я помню уже то мгновеніе, когда черно-сѣрая гуща, прессуясь въ дверяхъ, непрерывнымъ врывающимся потокомъ, затопляла Думу...

Солдаты, робочіе, студенты, интеллигенты, просто люди... Живымъ, вязкимъ человѣческимъ повидломъ они залили растерянный Таврическій Дворецъ, залѣпили залъ за заломъ, комнату за комнатой, помѣщеніе за помѣщеніемъ..

* * *

Съ перваго же мгновенія этого потопа, — отвращеніе залило мою душу, и съ тѣхъ поръ оно не оставляло меня во всю длительность „великой“ русской революціи.

Безконечная, неисчерпаемая струя человѣческаго водопровода бросала въ Думу все новыя и новыя лица... Но сколько ихъ не было — у всѣхъ было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное...

Боже, какъ это было гадко!.. Такъ гадко, что, стиснувъ зубы, я чувствовалъ въ себѣ одно тоскующее, безсильное и потому еще болѣе злобное бѣшенство...

— Пулеметовъ!

Пулеметовъ — вотъ чего мнѣ хотѣлось. Ибо я чувствовалъ, что только языкъ пулеметовъ доступенъ уличной толпѣ и, что только онъ, свинецъ, можетъ загнать обратно въ его берлоги вырвавшагося на свободу страшного звѣря...

Увы — этотъ звѣрь былъ... Его Величество русскій народъ!..

То, чего мы такъ боялись, чего во что бы то ни стало, хотѣли избѣжать, уже было фактомъ. Революція началась.

* * *

Съ этой минуты Государственная Дума, собственно говоря перестала существовать. Перестала существовать даже физически, если такъ можно выразиться. Ибо эта ужасная человѣческая эссенція, эта вѣчно снующая, все заливающая до послѣдняго угла толпа солдатъ, рабочихъ и всякаго сброда — заняла всѣ помѣщенія, всѣ залы, всѣ комнаты, не оставляя возможности не только работать, но просто передвигаться... Своимъ безмысленнымъ присутствіемъ, непрерывнымъ гамомъ тысячъ людей она параризовала-бы насъ, даже въ томъ случаѣ, если бы мы способны были что-нибудь дѣлать. Вѣдь и найти другъ друга въ этомъ морѣ людей было почти невозможно...

* * *

Впрочемъ еще нѣкоторое время продержался такъ называемый „Кабинетъ Родзянки“. Всѣ остальные комнаты и залы въ томъ числѣ, конечно, огромный Екатерининскій залъ были залиты народомъ. Кабинетъ Родзянки еще пока удавалось отстаивать, и тамъ собирались мы — „комитетъ Государственной Думы“.

* * *

Комитетъ Государственной Думы былъ созданъ первоначально для руководства членами Государственной Думы, которые обязались ему повиноваться.

Но сейсасъ же стало ясно, что его обязанности будутъ шире. Со всѣхъ сторонъ доходили вѣсти, что власти больше нѣтъ, что войска взбунтовались, но что всѣ они „за Государственную Думу“... Что вообще „революціонная“ столица за Государственную Думу.. Это давало надежды какъ нибудь, быть можетъ, овладѣть движеніемъ, стать во главѣ его, не дать разыграться анархіи.

Поэтому въ первый же набросокъ о задачахъ комитета было включено, что комитетъ образовался для поддержанія порядка въ столицѣ и для „сношеній съ учрежденіями и лицами“.

Меня лично въ эти минуты больно мучилъ вопросъ: что будетъ съ фабриками и заводами? Не разрушитъ ли „революціонный народъ“ всѣ тѣ приспособленія, машины, станки и оборудованія, которые съ такой энергіей воззвалъ къ жизни генералъ Маниковскій по приказанію „Особаго совѣщанія по государственной оборонѣ“. Поэтому, по моему предложенію первое обращеніе, которое выпустилъ комитетъ, — былъ призывъ беречь фабрики, заводы и все прочее..

* * *

Затѣмъ обсуждалось положеніе...

* * *

Положеніе!...

Покрывая непреривный ревъ человѣческаго моря, въ кабинетъ Родзянки ворвались крикливые звуки мѣди...

Марсельеза...

Вотъ мы гдѣ! Вотъ каково „положеніе“!

Доигрались! Революція по всей „французской формѣ“.

* * *

Я помню во весь этотъ день и слѣдующіе — ощущеніе близости смерти и готовности къ ней...

Умереть? Пусть.

Лишь бы не видѣть отвратительное лицо этой гнусной толпы, не слышать этихъ мерзостныхъ рѣчей, не слышать воя этого подлаго сброда!

Ахъ, пулеметовъ — сюда, пулеметовъ!..

* * *

Но пулеметовъ у насъ не было. Не могло быть.

Величайшей ошибкой, непоправимой глупостью всѣхъ насъ было то, что мы не обезпечили себѣ никакой реальной силы. Если бы у насъ былъ хоть одинъ полкъ, на который мы могли твердо опереться и одинъ рѣшетельный генералъ— дѣло могло бы обернуться иначе.

Но у насъ ни полка, ни генерала не было... И болѣе того — не могло быть...

Въ то время въ Пероградѣ „вѣрной“ воинской части уже, или еще не существовало...

* * *

Офицеры? О нихъ рѣчь впереди. Да и никому въ то время „опереться на офицерскія роты“ въ голову не приходило...

Кромѣ того...

Кромѣ того, хотя я, конечно, былъ не одинъ, который такъ чувствовалъ, т. е. чувствовалъ, что это конецъ... Чувствовалъ острую ненависть къ революціи съ перваго же дня ея появленія... я вѣдь имѣлъ хорошую подготовку... я ненавидѣлъ ея смер-

тельно еще съ 1905 года... Хотя я, конечно, былъ не одинъ... но все же насъ было немного... Почти всѣ еще не понимали, еще находились въ... дурманѣ...

Нѣтъ, полка у насъ не могло быть...

* * *

Полиція?

Да, пожалуй...

Но вѣдь развѣ мы то сами были къ чему нибудь такому годны? Развѣ мы понимали?.. Развѣ мы были способны въ то время „молніеносно“ оцѣнить положеніе, предвидѣть будущее, принять рѣшеніе и выполнить за свой страхъ и рискъ?..

Тотъ между нами, кто это сдѣлалъ бы, — былъ бы Наполеономъ, Бисмаркомъ или Столыпинымъ.. Но между нами такихъ не было...

Да, подъ прикрытіемъ ея штыковъ мы краснорѣчиво угрожали власти, которая насъ охраняла...

Но говорить со штыками лицомъ къ лицу... Да еще съ взбунтовавшимися штыками...

Нѣтъ, на это мы были не способны.

Безпомощные — мы даже не знали, какъ къ этому приступить... Какъ заставить себѣ повиноваться? Кого? Противъ кого? И во имя чего?

* * *

Межъ тѣмъ въ сущности въ этомъ былъ вопросъ.. Надо было заставить кого-то повиноваться себѣ, чтобы посредствомъ повинующихся раздавить нежелающихъ повиноваться...

Не медля ни одной минуты...

Но этого почти никто не понималъ... И еще менѣе могъ кто нибудь выполнить...

* * *

На революціонной трясинѣ привычный къ этому дѣлу танцовалъ одинъ Керенскій...

Онъ выросталъ съ каждой мынутой...

* * *

Революціонное человѣческое болото, залившее насъ, все же имѣло какія то кочки... Эти „кочки опоры“, на которыхъ нельзя было стоять, но по которымъ можно было перебѣгать, — были тѣ революціонныя связи, которыя Керенскій имѣлъ: это были люди, отчасти связанные въ какую то организацію, отчасти не связанные, но признававшіе его авторитетъ. Вотъ почему на первыхъ порахъ революціи (помимо его личныхъ качествъ какъ первокласснаго актера) — Керенскій сыгралъ такую роль... Были люди, которые его слушались... Но тутъ требуется нѣкоторое уточненіе: я хочу сказать, были в о о р у ж е н н ы е л ю д и, которые его слушались. Ибо въ революціонное время люди только тѣ, кто держитъ въ рукахъ винтовку. Остальные — это мразь, пыль, по которой ступаютъ эти „винтовочные“.

* * *

Правда, „вооруженные люди Керенскаго“ не были ни полкомъ, ни какой либо частью“, вообще — ничѣмъ прочнымъ. Это были какія-то случайно сколотившіяся группы... Это были только „кочки опоры“... Но все же онѣ у него были, и это было настолько больше наличности, имѣвшейся у насъ, всѣхъ остальныхъ, насколько нѣчто больше нуля...

* * *

Кому я, напримѣръ, могъ что нибудь приказать? Своимъ же — членамъ Государсвенной Думы? Но, вѣдь, они не были вооружены. А если бы были? Неужели можно было составить батальонъ изъ дряхлыхъ законодателей?

По психологіи, наступившей черезъ годъ (время Корниловской эпопеи), можетъ быть и можно бы было. Тогда предсѣдатель Государственной Думы и нѣсколько ея членовъ сдѣлали Корниловскій походъ. Но 27-го февраля 1917 года? Я убѣжденъ, что, если бы самъ Корниловъ былъ членомъ Государственной Думы, — ему это не пришло бы въ голову.

Впрочемъ, нѣчто въ этомъ родѣ пришло въ голову черезъ нѣсколько дней члену Государственной Думы казаку Караулову. Онъ задумалъ „арестовать всѣхъ“ и объявить себя диктаторомъ. Но когда онъ повелъ такія рѣчи въ одномъ наиболѣе „надежномъ“ полку, онъ увидѣлъ, что если онъ не перестанетъ — то ему самому не сдобровать... Такой же пріемъ ожидалъ каждаго изъ насъ... Кому могъ приказать Милюковъ? Своимъ „кадетамъ“? Это народъ не винтовочный...

* * *

А у Керенскаго были какія-то маленькія зацѣпки... Онѣ не годились ни для чего крупнаго. Но онѣ давали какую-то иллюзію власти. Это для актерской, легко воспламеняющейся и самой себѣ импонирующей натуры Керенскаго было достаточно... Какія то группы вооруженныхъ людей пробивались къ нему сквозь человѣческое мѣсиво, залившее Думу, искали его, спрашивали, что дѣлать, какъ „защищать свободу“, кого схватить?.. Керенскій вдругъ почувствовалъ себя „тѣмъ“, кто приказываетъ“... Вся внѣшность его измѣнилась... Тонъ сталъ отрывистъ и повелителенъ...

„Движенья быстры“...

* * *

Я не знаю, по его ли приказанію, или по приницпу „самозарожденія“, но по всей столицѣ побѣжали добровольные жандармы „арестовать“... Во главѣ какой-нибудь студентъ, вмѣсто офицера, и группка „винтовщиковъ“ — солдатъ или рабочихъ, чаще тѣхъ и другихъ.. Они врывались въ квартиры, хватали „прислужниковъ стараго режима“ и волокли ихъ въ Думу.

Однимъ изъ первыхъ былъ доставленъ Щегловитовъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, бывшій министръ юстиціи, тотъ министръ, при которомъ былъ процессъ Бейлиса (—не по-

тому ли онъ былъ схваченъ первымъ?). Тутъ въ первый разъ Керенскій „развернулся".

Группка, тащившая высокаго сѣдого Щегловитова, пробивалась сквозь мѣсиво людей, и ей уступали дорогу, ибо поняли, что схватили кого то важнаго... Керенскій, извѣщенный объ этомъ, рѣзалъ толпу съ другой стороны... Они сошлись..

Керенскій остановился противъ „бывшаго сановника" съ видомъ вдохновеннымъ:

— Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ — вы аретованы!

Властныя, грозныя слова... „Ликъ его ужасенъ".

— Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ... ваша жизнь въ безопасности... Знайте: Государственная Дума не проливаетъ крови.

Какое великодушіе... „Онъ прекрасенъ„..."

* * *

Въ этомъ сказался весь Керенскій: актеръ до мозга костей, но человѣкъ съ искреннимъ отвращеніемъ къ крóви въ кровú.

Ecclesia abhorret sanguinem —

Такъ говорили отцы-инквизиторы, сжигая свои жертвы...

Такъ и Керенскій: сжигая Россію на кострѣ „свободы", провозглашалъ:

— Дума не проливаетъ крови...

* * *

Но, какъ бы тамъ ни было, лозунгъ былъ данъ. Лозунгъ былъ данъ, и данъ въ формѣ декоративно-драматической, повліявшей на умы и сердца...

Сколькимъ это спасло тогда жизнь.

* * *

Комитетъ Государственной Думы все засѣдалъ, что-то вырабатывая. Было уже поздно... Мнѣ ужасно захотѣлось ѣсть. И при томъ надо было посмотрѣть, что дѣлается... Я сталъ пробиваться къ буфету.

Все было забито народомъ. Въ большомъ Бѣломъ залѣ (залъ засѣданій Государственной Думы) шелъ непрерывный митингъ.. Въ огромномъ Екатерининскомъ — стояли, какъ въ церкви... Въ Кругломъ, около входа — непрерывный водоворотъ. И изъ вестибюля еще и еще лила струя людей... Казалось, имъ не можетъ быть конца...

Чтобы пробиться, куда мнѣ было нужно, надо было включиться въ благопріятный человѣческій потокъ... Иначе никакъ нельзя было... Такъ должны были мы передвигаться — мы, хозяева, члены Государственной Думы. Я толкался среди этой безмысленной толпы, своимъ нелѣпымъ присутствіемъ парализовавшей всякую возможность что нибудь дѣлать... Тоска и бѣшенство безсилія терзали меня...

Наконецъ, потокъ вынесъ меня въ длинный коридоръ, который черезъ весь корпусъ Думы ведетъ къ ресторану... Я дви-

гался медленно; въ одномъ мѣстѣ застрялъ... Чтобы не видѣть хоть минуту всѣхъ этихъ гнусныхъ лицъ, — я отвернулся къ окну... Увы, тамъ,—тамъ еще хуже... Сплошная толпа сѣро-рыжей солдатни и черноватаго штатско-рабочеподобнаго народа залила весь огромный дворъ и толкалась тамъ... Минутами толпу прорѣзали кошмарныя огромныя животныя, ощетиненныя и оглушительно-рычащія... Это были автомобили-грузовики, набитые до отказа революціонными борцами... Штыки торчали во всѣ стороны, огромные красные флаги вились надъ ними... Какое отвращеніе...

Вдругъ кто-то, стоявшій рядомъ со мной, сказалъ что-то. Я посмотрѣлъ на него. Это былъ солдатъ. Хмурый, какъ и я, онъ смотрѣлъ въ окно. Потомъ повернулся ко мнѣ. Лицо у него было какое-то „не въ себѣ". Встрѣтившись со мною глазами и очевидно, что-то сообразивъ, онъ сказалъ, какъ бы продолжая то, что онъ бормоталъ:

— А у васъ тутъ — нѣтъ? Въ Государственной Думѣ?

Сначала я подумалъ, что онъ навѣрное проситъ папиросъ... Но вдругъ понялъ, что это другое...

— Чего — нѣтъ? Что вы хотите?

Онъ смотрѣлъ въ окно... Мазалъ пальцемъ по стеклу... Потомъ сказалъ нехотя:

— Да офицеровъ...

— Какихъ офицеровъ?

— Да какихъ нибудь.. Чтобъ были подходящіе...

Я удивился. А онъ продолжалъ, чуть оживившись...

— Потому какъ я нашимъ ребятамъ говорилъ: не будетъ такъ ладно, чтобъ совсѣмъ безъ офицеровъ... Они, конечно, серчаютъ на нашихъ... Дѣйствительно, бываетъ... Ну, а какъ же такъ совсѣмъ безъ нихъ? Нельзя такъ... Для порядку надо бы, чтобъ тебѣ былъ офицеръ... Можетъ у васъ въ Государственной Думѣ найдутся какіе — подходящіе?

* * *

На всю жизнь остались у меня въ памяти слова этого солдата. Они искали въ Думѣ „подходящихъ офицеровъ"... Не нашли... И не могли найти... У Думы „своего офицерства" не было... Ахъ, если бы оно было... Если бы оно было, хотя бы настолько подготовленное, насколько была мобилизована „противоположная сторона"... Тогда борьба была бы возможна...

* * *

А „противоположная сторона" не дремала. Во всемъ городѣ, во всѣхъ казармахъ и заводахъ шли „летучіе выборы"... Отъ каждой тысячи по одному... Поднятіемъ рукъ.. Выбирали солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ... „Организовывали" массу... То есть, другими словами, работали надъ тѣмъ, чтобы подчинить ее себѣ...

А мы? Мы весьма плохо подозрѣвали, что это дѣлается, и во всякомъ случаѣ не имѣли понятія о томъ, какъ это дѣла-

еться, и безусловно не имѣли никакого плана и мысли, какъ съ этимъ бороться...

* * *

Въ буфетѣ, переполненномъ, какъ и всѣ комнаты, я не нашелъ ничего: все съѣдено и выпито до послѣдняго стакана чая... Огорченный рестораторъ сообщилъ мнѣ, что у него раскрали всѣ серебрянныя ложки...

Это было начало: такъ „революціонный народъ" ознаменовалъ зарю своего „освобожденія". А я понялъ, отчего вся эта многотысячная толпа имѣла одно общее неизреченно-гнусное лицо: вѣдь это были воры — въ прошломъ, грабители — въ будущемъ... Мы какъ разъ были на переломѣ, когда они мѣняли фазу... Революція и состояла въ томъ, что воришки перешли въ слѣдующій класъ: стали грабителями.

* * *

Я пошелъ обратно. Въ входныя двери все продолжала хлестать струя человѣческаго прилива. Я смотрѣлъ на нихъ и думалъ: „опоздали, голубчики, — серебро уже раскрали"... Какъ я ихъ ненавидѣлъ! Старая ненависть, ненависть 1905 года — бросилась мнѣ въ голову...

* * *

Въ одной проходной небольшой комнатѣ былъ клубокъ людей, чего-то особенно волновавшихся... Центромъ этого клубка былъ человѣкъ въ зимнемъ пальто и кашнэ, нѣсколько растрепанный, сѣдой, но еще молодой. Онъ что-то кричалъ, а къ нему приставали. Вдругъ онъ увидѣлъ какъ бы якорь спасенія, очевидно, узналъ кого-то. Этотъ кто то былъ Милюковъ, пробивавшійся черезъ толпу куда-то, бѣлый какъ лунь, но чисто выбритый и „съ достоинствомъ". Человѣкъ слегка растрепанный бросился къ сохранившемуся Милюкову.

— Павелъ Николаевичъ! Что они отъ меня хотятъ! Я полгода былъ въ тюрьмѣ, меня вотъ оттуда вытащили, притащили сюда и требуютъ, чтобы я сталъ „во главѣ движенія". Какого движенія?! Что происходитъ? Я вѣдь ничего не знаю... Что такое? Что отъ меня нужно?

Я не слышалъ, что отвѣтилъ ему Милюковъ... Но когда послѣдній проплывалъ мимо меня, освободившись, я спросилъ его — кто этотъ человѣкъ.

— Развѣ вы не знаете? Это Хрусталевъ-Носарь...*)

Въ это же мгновеніе какой то удивительно-противный, сухой, маленькій, бритый, съ лицомъ, какъ бываетъ у купцетистовъ скверныхъ шантановъ, протискался къ Милюкову:

— Позволье вамъ представиться, Павелъ Николаевичъ, вашъ злѣйшій врагъ...

---

*) Глава революціи 1905 года. Въ 1919 г. растрѣлянъ большевиками за то, что въ 1918 году издалъ брошюру: „Какъ Лейба Троцкій распродавалъ Россію".

Онъ сказалъ свою фамилію и исчезъ, а Милюковъ сказалъ мнѣ:

— Этого вы навѣрное не знаете... Это Сухановъ-Гиммеръ, журналистъ...

— Почему онъ вашъ „злѣйшій врагъ“?

— Онъ — „пораженецъ“*)... Злостный „пораженецъ“...

* * *

Я не помню. Можетъ быть, кто-нибудь помнитъ... Въ газетахъ того времени, вѣроятно, есть подробности... У меня отъ этого дня осталась въ памяти только эта толпа, залившая Таврическій Дворецъ, какимъ-то сѣрымъ движущимся кошмаромъ, кошмаромъ говорящимъ, кричащимъ, штыками торчащимъ, порой извергающимъ изъ желтыхъ трубъ марсельезу...

Въ этой толпѣ, незнакомой и совершенно чужой, мы себя чувствовали, какъ будто насъ перенесли вдругъ въ совсѣмъ какое-то новое государство и иную страну. Если иногда попадалось знакомое лицо, то его привѣтствовали такъ, какъ люди встрѣчаютъ соотечественниковъ на чужбинѣ и при томъ на враждебной чужбинѣ...

* * *

Къ вечеру, кажется, стало извѣстно, что стараго правительства нѣтъ... Оно попросту разбѣжалось по квартирамъ... Не было оказано никакого сопротивленія... Въ этотъ день, если не ошибаюсь, никого не арестовали изъ министровъ... Правительство ушло, какъ будто даже раньше, чѣмъ кто либо этого потребовалъ.

* * *

Не стало и войскъ... То есть, весь гарнизонъ перешелъ на сторону „возставшаго народа“... Но вмѣстѣ съ тѣмъ войска, какъ будто стояли за „Государственную Думу“... Здѣсь начиналось смѣшеніе... Выходило такъ, что и Государственная Дума „возстала“, и что она „центръ движенія“... Это было невѣрно... Государственная Дума не возставала... Но это паломничество солдатъ на „поклоненіе Государственной Думѣ“ создавало двусмысленное положеніе...

Родзянко то и дѣло вызывали на крыльцо, потому, что та или иная „часть“ пришла привѣтствовать Государственную Думу... Родзянко выходилъ, говорилъ о вѣрности Родинѣ и о спасеніи Россіи... Его слова пропускали мимо ушей, но въ Думѣ видѣли новую власть — это было ясно...

* * *

И ужасъ былъ въ томъ, что этотъ токъ симпатій къ Государственной Думѣ, принимавшій порой трогательныя формы, нельзя было использовать, нельзя было на него опереться...

Во-первыхъ потому, что мы не умѣли этого сдѣлать...

---

*) Пораженецъ — это человѣкъ, желающій пораженія Россіи.—*ред.*

Во-вторыхъ, потому, что эти привѣтствовавшіе — привѣтствовали Думу, какъ символъ революціи, а вовсе не изъ уваженія къ ней самой...

Въ-третьихъ потому, что во всю работала враждебная рука, которая отнюдь не желала укрѣплять власть Государственной Думы, стоявшей на патріотической почвѣ... Это была рука будущихъ большевиковъ, несомнѣнно и тогда руководимыхъ нѣмцами...

Въ-четвертыхъ потому, что эти войска были уже не войска, а банды вооруженныхъ людей безъ дисциплины и почти безъ офицеровъ...

И тѣмъ не менѣе...

И тѣмъ не менѣе, когда стало очевидно, что Правительства больше нѣтъ, стало ясно и другое: что безъ правительства нельзя быть и часу. И что поэтому...

И что поэтому „комитету Государственной Думы", къ которому начали бросаться со всѣхъ сторонъ за указаніями, приходится взвалить на себя шапку Мономаха...

Родзянко долго не рѣшался. Онъ все допытывался, что это будетъ — бунтъ или не бунтъ?

— Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщикъ, никакой революціи я не дѣлалъ и не хочу дѣлать. Если она сдѣлалась, то именно потому, что насъ не слушались... Но я не революціонеръ. Противъ Верховной Власти я не пойду. Не хочу идти. Но съ другой стороны. Вѣдь правительства нѣтъ. Ко мнѣ рвутся со всѣхъ сторонъ... Всѣ телефоны обрываютъ. Спрашиваютъ, что дѣлать. Какъ же быть? Отойти въ сторону? Умыть руки? Оставить Россію безъ Правительства? Вѣдь это Россія-же, наконецъ!.. Есть же у насъ долгъ передъ родиной?!.. Какъ же быть?

Спрашивалъ онъ и у меня. Я отвѣтилъ совершенно неожиданно для самаго себя совершенно рѣшительно.

— Берите, Михаилъ Владиміровичъ. Никакого въ этомъ нѣтъ бунта. Берите, какъ вѣрноподданный... Берите потому, что Держава Россійская не можетъ быть безъ власти... И если министры сбѣжали, то долженъ же кто-то ихъ замѣнить... Вѣдь сбѣжали? Да или нѣтъ?

— Сбѣжали... Гдѣ находится предсѣдатель Совѣта министровъ — неизвѣстно. Его нельзя разыскать... Точно также и министръ внутреннихъ дѣлъ... Никого нѣтъ... Кончено!..

— Ну, если кончено, такъ и берите. Положеніе ясно. Можетъ быть два выхода: все обойдется — Государь назначитъ новое правительство — мы ему и сдадимъ власть... А необойдется, такъ если мы не подберемъ власть, то подберутъ другіе, тѣ, которые выбрали уже какихъ-то мерзавцевъ на заводахъ... Берите, вѣдь наконецъ, чертъ ихъ возьми, что же намъ дѣлать, если Императорское Правительство сбѣжало такъ, что собаками ихъ не сыщешь!..

Я вдругъ разозлился. И въ самомъ дѣлѣ. Хороши мы, но хороши и наши министры!... Упрямились, упрямились, довели до чертъ знаетъ чего, и тогда сбѣжали, предоставивъ намъ раздѣлываться*) съ взбунтовавшимся стотысячнымъ гарнизономъ, не считая всего остального сброда, который залѣпилъ насъ по самыя уши... Называется правительство Великой Державы. Слизь, а не люди...

* * *

Съ этой минуты во мнѣ произошелъ какой-то внутренній переломъ... Я сталъ искать выхода... Какого нибудь выхода...

* * *

До поздней ночи продолжалось все то же самое. Митингъ въ Думѣ, и хлещущая толпа черезъ всѣ залы. Прибывающія части съ марсельезой. Звонки телефоновъ. Десятки, сотни растерянныхъ людей, требовавшихъ отвѣта — что дѣлать... Кучки вооруженныхъ, приводившихъ арестованныхъ... Къ этому надо прибавить писаніе „возваній“ отъ комитета Государственной Думы и отчаянные вопли Родзянко по прямому проводу въ Ставку съ требованіемъ немедленно на что-нибудь рѣшиться, что-то сдѣлать, дѣйствовать...

Увы. Какъ потомъ стало извѣстно, въ этоть день Государыня Александра Федоровна телеграфировала Государю, что „уступки необходимы“.

Эта телеграмма опоздала на полтора года. Этотъ совѣтъ долженъ былъ быть поданъ осенью 1915 года.**) „Уступками“ надо было расплатиться тогда — за великое отступленіе „безъ снарядовъ“. Уплатить по этому счету и предлагало большинство 4-ой Государственной Думы. Но тогда уплатить за потерю двадцати губерній отказались... Теперь же... Теперь же, кажется, было поздно... Цѣна „уступкамъ“ стремительно падала.. Какими *уступками можно было бы удовлетворить это взбунтовавшееся море?*...

* * *

Кажется, этой ночью Дума вродѣ какъ-бы вооружилась... Толпа схлынула... Но какой-то солдатскій таборъ ночевалъ въ Думѣ.. Въ сѣняхъ стояли пулемети... Учреждена была, кажется, должность коменданта Государственной Думы... Подъ утро, выбившисъ изъ силъ, мы дремали въ креслахъ въ полукруглой комнатѣ, примыкающей къ кабинету Родзянки — въ „кабинетѣ Волконскаго“... Просыпаясь отъ времени до времени, я думалъ о томъ, что можно сдѣлать?... Гдѣ выходъ, гдѣ выходъ?...

* * *

---

*) И хорошо сдѣлали! Что надѣлали, то и раздѣлывайте, члены Государственной Думы! ред

**) И тогда революція была бы вспыхнула еще раньше и дала нѣмцамъ возможность закабалить всѣхъ славянъ, а такъ по крайней мѣрѣ славяне выбились изъ подъ нѣмецкаго владычества.—ред.

Я отчетливо понималъ и тогда, какъ и теперь, какъ и всегда, сколько я себя помню, что безъ монархіи не быть Россіи. И мысль вертѣлась: какъ спасти монархію... Монархію, которая по тысячамъ причинъ, и, можетъ быть, больше всего собственными руками, приготовила себѣ гибель. И должно быть въ эту безсонную ночь пришла мысль, которая, правильная или нѣтъ — объ этомъ будетъ судить исторія — свелась къ слѣдующему:

— Быть можетъ, пожертвовавъ монархомъ, удастся спасти монархію...

Такъ, безформенная, еще сама себя не сознающая, родилась мысль объ отреченіи Императора Николая II въ пользу малолѣтняго Наслѣдника... Разумѣется, родилась не у одного меня...

* * *

Въ эту же ночь, если не ошибаюсь, одну изъ комнатъ (бюджетной комиссіи) занялъ „исполкомъ совдепа“... Это дикое въ то время названіе обозначало: „исполнительный комитетъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“...

* * *

Кошмарная ночь... Гдѣ мы? Что собственно происходитъ? До какой степени развала уже дошли? Что съ Россіей? Что съ арміей? Знаютъ ли уже? Если не знаютъ, то завтра узнаютъ... Какъ примутъ? Что произойдетъ?

Нуженъ центръ! Нуженъ во что бы то ни стало какой-то фокусъ... Не то все разбредется... все разлетится... будетъ небывалая анархія... А главное армія, армія! Все пропало, если развалъ начнется въ арміи... А онъ непремѣнно начнется, если сейчасъ, сейчасъ же не будетъ, кому повиноваться... Нельзя допустить, чтобы тамъ произошло, какъ здѣсь — взбунтовавшіеся солдаты безъ офицеровъ... Надо, чтобы туда дошло готовое рѣшеніе... Пусть думаютъ, что власть взята Государственной Думой... Они зразу не разберутся, что Государственная Дума сама по себѣ не можетъ быть властью — для нихъ это лозунгъ — „Государственная Дума“... И для Россіи тоже... Это звучитъ въ провинціи... Они будутъ вѣрить нѣсколько дней... Здѣсь будетъ нѣкоторое время распоряжаться „комитетъ Государственной Думы“... Пока рѣшится вопросъ о Государѣ...

* * *

О Государѣ. Да, вотъ это главное, самое важное... Можетъ Онъ царствовать? Можетъ ли? О, какъ это узнать, какъ? Нѣтъ... не можетъ... Все это, что было... Кто станетъ за Него? У Него — никого, никого... Распутинъ всѣхъ съѣлъ, всѣхъ друзей, всѣ чувства... нѣтъ больше вѣрноподданыхъ... есть скверно-подданные и открытые мятежники... послѣдніе пойдутъ противъ Него — первые спрячутся... Онъ одинъ... хуже, чѣмъ одинъ... Онъ съ тѣнью Распутина... Проклятый мужикъ!.. Говорилъ Пуришкевичу — не убивайте, вотъ онъ теперь мертвый — хуже живого... Если бы онъ былъ живъ, теперь бы его убили, хоть

какая-нибудь отдушина. А то — кого убивать? Кого? Вѣдь этому проклятому сброду надо убивать, онъ будетъ убивать — кого же?

Кого?... Ясно...

Нѣтъ, этого нельзя. Надо спасти, надо.

* * *

Чтобы спасти... чтобы спасти... надо или разогнать всю эту сволочь (и насъ вмѣстѣ съ ними) залпами, или...

Или надо отречься отъ Престола...

Цѣной отреченія спасти жизнь Государю... и спасти Монархію...

* * *

Если подавить бунтъ можно, то и слава Богу. Это сдѣлаютъ не только безъ насъ, но и противъ насъ...

Николай I повѣсилъ пять декабристовъ, но если Никоай II разстрѣляетъ пятьдесятъ тысячъ „февралистовъ", то это будетъ задешево купленное спасеніе Россіи...

Это будетъ значить, что у насъ есть Государь, что у насъ есть власть.. Но если не удастся? Если для этого ни полковъ, ни полковниковъ не найдется?..

Тогда... тогда — отреченіе... царствовать будетъ малолѣтній Царь... значитъ — регентъ. Регентъ? Кто? Михаилъ Александровичъ? Да, кажется... Потомъ Верховный Главнокомандующій... Ну, великій князь Николай Николаевичъ, конечно...

Затѣмъ... затѣмъ — Правительство... Но кто?

* * *

Кто? Въ сущности... въ сущности — некого... Ломали, ломали копья, а для кого — неизвѣстно.. Ну, Милюковъ, Шингаревъ — конечно... Затѣмъ Керенскій... Да, Керенскаго необходимо... Онъ самый дѣятельный... сейчасъ... Актеръ? Да, кажется... Все равно... Талантливиый актеръ. На первыхъ порахъ — это главное.. Его одного слушаютъ.. Да и нужно — для лѣвыхъ. Родзянко? Родзянко пойдетъ только въ премьеры, а въ премьеры нельзя, не согласятся лѣвые и даже кадеты... Пусть остается предсѣдатемъ Думы... А будетъ Дума? Что-то не похоже... Въ сущности мы въ плѣну... Ахъ проклатая гуща... Неужели завтра возобновится весь этотъ кошмаръ?.. Надо вздремнуть... Хоть минутку покоя, пока ихъ нѣтъ... ихъ... кого? Революціоннаго сброда, то есть я хотѣлъ сказать — народа... да, Его Величества Народа... о какъ я его ненавижу!..

* * *

28-ое февраля.

Наступилъ день второй, еще болѣе кошмарный... „Революціонный народъ" опять залилъ Думу... Не протиснуться.. Вопли ораторовъ, звѣрское ура, отвратительная марсельеза... И при этомъ еще бѣдствіе — депутаціи... Неистовое количество людей

отъ неисчислимаго количества какихъ то учрежденій, организацій, обществъ, союзовъ, я не знаю чего — желающихъ видѣть Родзянко и въ его лицѣ привѣтствовать Государственную Думу и новую Власть. Всѣ они говорятъ какія то рѣчи, склоняя „народъ и свобода“... Родзянко отвѣчаетъ, склоняя „родина и армія“... Одно не особенно клеится съ другимъ, но кричатъ ура неистово. Однако, кричатъ ура и рѣчамъ лѣвыхъ... А лѣвые склоняютъ другіе слова... „Темныя силы реакціи, царизмъ, старый режимъ, революція, демократія, власть народа, диктатура пролетаріата, соціалистическая республика, земля трудящимся“ и опять — свобода, свобода, свобода — до одури, до рвоты... Всѣмъ кричатъ ура. Нѣкоторые начинаютъ уже привѣтствовать и „совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“... Его исполнительный комитетъ сидитъ у насъ подъ бокомъ... Мы ясно чувствуемъ, что это вторая власть... Впрочемъ, Керенскій и Чхеидзе избраны и тамъ — они вошли въ исполкомъ... Они служатъ мостомъ между этими двумя головами. Да, получается нѣчто двуглавое, но отнюдь не орелъ. Одна голова кадетская, а другая еще дѣтская, но по всѣмъ признакамъ — отъ „вундеркинда“, т. е. наглая и сильно горбоносая... Впрочемъ, и отъ „кавказской обезьяны“ есть тамъ доля порядочная...

Полки попрежнему прибываютъ, чтобы поклониться. Всѣ они требуютъ Родзянко... Родзянко идетъ, ему командуютъ „на караулъ“; тогда онъ произноситъ рѣчь громовымъ голосомъ... Кричатъ „Ура“!.. Играютъ марсельезу, которая рѣжетъ нервы... Михаилъ Владиміровичъ очень приспособленъ для этихъ выходовъ: и фигура, и голосъ, и апломбъ, и горячность... При всѣхъ его недостаткахъ онъ любитъ Россію и дѣлаетъ что можетъ, т. е. кричитъ изо всѣхъ силъ, чтобы защищали родину... И люди загораются, и вотъ оглушительное ура... Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ выползаетъ какая-нибудь „кавказская обезъяна“ или еще похуже, говоритъ пораженческія мерзости, разжигая злобу и жадность... У нихъ черезъ каждое слово — „помѣщики, царская клика, Распутинъ, крѣпостники, опричники, жандармы“... И имъ тоже кричатъ „ура“, да, да, — кричатъ, и напрасно Михаилъ Владиміровичъ себя обольщаетъ, что Государственная Дума взяла власть. Вздоръ. Болото — кругомъ. Ни на что нельзя опереться... Это оглушительное „ура“ — это миражъ. Вѣдь я знаю, чему они такъ рады... Потому, что надѣются не пойти на фронтъ. Почти всѣ части безъ офицеровъ... Гдѣ офицеры?

* * *

Тѣмъ не менѣе „Комитетъ Государственной Думы“ работаетъ въ этотъ день во всю... Правительства нѣтъ, все брошено... Весь огромный механизмъ остановленъ на полномъ ходу, остановленъ и обезглавленъ... Всеобщій развалъ неминуемъ, если не принять самыхъ экстренныхъ мѣръ... Положеніе таково, что многихъ старыхъ бюрократовъ нельзя оставить.. Часть ихъ даже арестована добровольными сыщиками и притащена сюда..

Часть бѣжала... Часть надо замѣнить, потому, что... Ну, потому что ихъ не удержать Кѣмъ замѣнить? Кто имѣетъ авторитетъ — реальной силы вѣдь нѣтъ... Кто?

И рѣшили посылать членовъ Государственной Думы... „комиссарами"... То есть временными „исполняющими должность сановниковъ". Никто не смѣлъ отказываться. Вѣдь всѣ обѣщали безпрекословное повиновеніе „Комитету Государственной Думы". И не было случая отказа... Мы назначали такого то туда-то — Родзянко подписывалъ, и человѣкъ ѣхалъ. Изъ крупныхъ назначеній и удачныхъ было назначенніе члена Думы инженера Бубликова комиссаромъ въ „Пути сообщенія". Онъ сразу овладѣлъ желѣзными дорогами. Можетъ-быть, онъ и сдѣлалъ кое-какія ошибки, но благодаря ему желѣзныя дороги не стали. Не помню остальныхъ — ихъ много было... Вѣдь всюду, всюду требовалось, всѣ учрежденія умоляли „прислать члена Государственной Думы". Авторитетъ ихъ былъ высокъ еще... Чѣмъ дальше отъ Таврическаго Дворца — тѣмъ обаяніе Государственной Думы было сильнѣе и воспринималось пока, какъ власть...

* * *

Но здѣсь... Здѣсь росло противодѣйствіе... Противодѣйствіе этого проклятаго исполкома, который опирался на всю эту толпу, залѣпившую Государственную Думу. Ахъ, если бы у насъ былъ хоть одинъ вѣрный полкъ, чтобы вымести отсюда всю эту банду и занять караулы... Но полка нѣтъ... И офицеровъ нѣтъ...

* * *

Еще однимъ бѣдствіемъ были — аресты... Цѣлый рядъ членовъ Думы заняты исключительно тѣмъ, чтобы освобождать арестованныхъ... Еще слава Богу, що данъ лозунгъ: „тащи въ Думу — тамъ разберутъ"... Дума обратилась въ громадный участокъ... Съ тою только разницей, что раньше въ участокъ таскали городовые, а теперь тащутъ городовыхъ... Ихъ по преимуществу... Многихъ убили — „фараоновъ"... Большинство приволокли сюда... Остальные прибѣжали сами, спасаясь, прослышавъ, что „Государственная Дума не проливаетъ крови"... За это Керенскому спасибо. Пусть ему зачтутъ это когда нибудь. Жалкіе эти городовые — силъ нѣтъ на нихъ смотрѣть. Въ штатскомъ, переодѣтые, испуганные, приниженные, похожіе на мелкихъ лавочниковъ, которыхъ обидѣли, — стоять громадной очередью, которая изъ дверей выходитъ во внутренній дворъ Думы и тамъ закручивается... Они ждутъ очереди быть арестованными.. Но, говорятъ, нѣкоторые герои до сихъ поръ сражаются... Отдѣльные сидятъ по крышамъ съ механическими ружьями и отстрѣливаются... Или это все вздоръ — эти пулеметы на крышахъ?.. Не разберешь, кто ихъ туда послалъ, и даже были ли они тамъ... Во всякомъ случаѣ, какая невѣроятная ошибка правительства была разбросать полицію по всему городу... Надо было всѣхъ собрать въ кулакъ и выжидать... Когда всѣ части

взбунтовались бы, потеряли дисциплину — стройному кулаку ихъ легко было бы раздавить... Но кто это могъ сообразить? Протопоповъ? Александръ Дмитріевичъ? Министръ Внутреннихъ дѣлъ съ прогресивнымъ параличемъ? А вѣдь мы же сами его и подсунули... Вѣдь онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Государственной Думы... Это положеніе вѣдь и былъ тотъ трамплинъ, съ котораго онъ прыгнулъ въ министры...

Какъ все это ужасно!

Арестованныхъ масса. Арестовали и нѣкоторыхъ членовъ Думы... Кабинетъ Родзянко мы еще удерживаемъ... Сюда мы стараемся сконцентрировать арестованныхъ, которыхъ можно немедленно освободить...

* * *

Я не помню точно, когда это было. Но это было въ кабинетѣ Родзянко. Я сидѣлъ противъ того большого зеркала, что занимаетъ почти всю стѣну. Вся большая комната была сплошь набита народомъ. Безпомощные, жалкіе — по стѣночкамъ примостились на уже сильно за эти дни потрепанныхъ креслахъ и красныхъ шелковыхъ скамейкахъ — арестованные. Ихъ безъ конца тащили въ Думу. Цѣлый рядъ членовъ Государственной Думы только тѣмъ и занимались, что разбирались въ этихъ арестованныхъ. Какъ извѣстно, Керенскій далъ лозунгъ: Государственная Дума не проливаетъ крови. Поэтому Таврическій дворецъ былъ прибѣжищемъ всѣхъ тѣхъ, кому угрожала расправа революціонной демократіи. Тѣхъ, кого нельзя было выпустить хотя бы изъ соображеній ихъ собственной безопасности, — направляли въ такъ называемый „Павильонъ министровъ“, который гримасничающая судьба сдѣлала „павильономъ арестованныхъ министровъ“. Въ этомъ отношеніи между Керенскимъ, который главнымъ образомъ „вѣдалъ“ арестнымъ домомъ, и нами — установилось нѣмое соглашеніе. Мы видѣли, что онъ играетъ комедію передъ революціоннымъ сбродомъ, и понимали цѣль этой комедіи. Онъ хотѣлъ спасти всѣхъ этихъ людей. А для того, чтобы спасти, надо было дѣлать видъ, что, хотя Государственная Дума не проливаетъ крови, она „расправится“ съ виновными...

Остальныхъ арестованныхъ (таковыхъ было большинство), которыхъ можно было выпустить, мы передерживали вотъ тутъ въ кабинетѣ Родзянко. Они обыкновенно сидѣли нѣсколько часовъ, пока для нихъ изготовлялись соотвѣтственные „документы“. Кого тутъ только не было...

Исполняя 1001 порученіе, какъ и всѣ члены комитета, я какъ-то наконецъ, выбившись изъ силъ, опустился въ кресло въ кабинетѣ Родзянко противъ того большого зеркала... Въ немъ мнѣ была видна не только эта комната, набитая толкающимися и шныряющимися во всѣ стороны разными людьми, но видна была и сосѣдняя, „кабинетъ Волконскаго“, гдѣ творилось такое

же столпотвореніе. Въ зеркалѣ все это отражалось нѣсколько туманно и нѣсколько картинно..

Вдругъ я почувствовалъ, что изъ „кабинета Волконскаго“ побѣжало особенное волненіе, причину котораго мнѣ сейчасъ же шепнули:

— Протопоповъ арестованъ!

И въ то же мгновеніе я увидѣлъ въ зеркалѣ, какъ бурно распахнулась дверь въ „кабинетѣ Волконскаго“ и ворвался Керенскій. Онъ былъ блѣденъ, глаза горѣли, рука поднята... Этой протянутой рукой онъ какъ бы рѣзалъ толпу... Всѣ его узнали и раступились на обѣ стороны — просто испугавшись его вида. И тогда въ зеркалѣ я увидѣлъ за Керенскимъ солдатъ съ винтовками, а между штыками — тщедушную фигурку съ совершенно затурканнымъ, страшно съежившимся лицомъ... Я съ трудомъ узналъ Протопопова...

— Не смѣть прикасаться къ этому человѣку!

Это кричалъ Керенскій, стремительно приближаясь, блѣдный, съ невѣроятными глазами, одной поднятой рукой разрѣзая толпу, а другой, трагически опущенной, указывая на „этого человѣка“...

Этотъ человѣкъ былъ „великій преступникъ противъ революціи“ — „бывшій“ министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Не смѣть прикасаться къ этому человѣку!

Всѣ замерли. Казалось, онъ его ведетъ на казнь, на что-то ужасное. И толпа разступилась... Керенскій пробѣжалъ мимо, какъ горящій факелъ революціоннаго правосудія, а за нимъ влекли тщедушную фигурку въ помятомъ пальто, окруженную штыками... мрачное зрѣлище...

Прорѣзавъ „кабинетъ Родзянки“, Керенскій съ этими же словами ворвался въ Екатерининскій залъ, биткомъ набитый солдатами, будущими большевиками и всякимъ сбродомъ...

Здѣсь начиналась реальная опасность для Протопопова. Здѣсь могли наброситься на эту тщедушную фигурку, вырвать ее у часовыхъ, убить, растерзать — настроеніе было накалено противъ Протопопова до послѣдней степени.

Но этого не случилось. Пораженная этимъ страшнымъ зрѣлищемъ — блѣднымъ Керенскимъ, влекущимъ свою жертву, — толпа раздалась передъ ними...

— Не смѣть прикасаться... къ этому человѣку!

И казалось, что „этотъ человѣкъ“ вовсе уже и не человѣкъ...

И пропустили. Онъ прорѣзалъ толпу въ Екатерининскомъ залѣ и въ прилегающихъ помѣщеніяхъ и довелъ до павильона министровъ... А когда дверь павильона захлопнулась за ними — дверь охраняли самые надежные часовые — комедія, требовавшая сильнаго напряженія нервовъ, — кончилась, Керенскій бухнулся въ кресло и пригласилъ „этого человѣка“:

— Садитесь, Александръ Дмитріевичъ...

* * *

Протопоповъ пришелъ самъ. Онъ зналъ, что ему угрожаетъ. Но онъ не видержалъ „пытки страхомъ“. Онъ предпочелъ скрыванію, бѣганію по разнымъ квартирамъ,— отдаться подъ покровительство Государственной Думы.

Онъ вошелъ въ Таврическій дворецъ и сказалъ первому попавшемуся студенту:

— Я — Протопоповъ...

Ошарашенный студентъ бросился къ Керенскому, но по дорогѣ разболталъ всѣмъ, и къ той минутѣ, когда Керенскій успѣлъ явиться, вокругъ Протопопова уже была толпа, отъ которой нельзя было ждать ничего хорошаго. И тутъ Керенскій нашелся. Онъ схватилъ первыхъ попавшихся солдатъ съ винтовками и приказалъ имъ вести за собой „этого человѣка“...

* * *

Въ этотъ же день Керенскій спасъ и другого человѣка, противъ котораго было столько же злобы. Привели Сухомлинова. Его привели прямо въ Екатерининскій залъ, набитый сбродомъ. Расправа уже началась. Солдаты уже набросились на него и стали срывать погоны. Въ эту минуту подоспѣлъ Керенскій. Онъ рырвалъ старика изъ рукъ солдатъ и, закрывая собой, провелъ его въ спасительный павильонъ министровъ. Но въ ту минуту, когда онъ его впихивалъ за дверь, наиболѣе буйные солдаты бросились со штыками... Тогда Керенскій со всѣмъ актерствомъ, на какое онъ былъ способенъ, выросъ передъ ними:

— Вы переступите черезъ мой трупъ!

И они отступили...

* * *

Выраженіе „великая безкровная“ теперь справедливо заплевано, ибо оно стало не только смѣшнымъ, но кощунственнымъ послѣ тѣхъ потоковъ крови, которые пришли позже... Но Керенскій по крайней мѣрѣ свою „безкровную“ точку зрѣнія, свою „безкровную“ тактику защищалъ со всей энергіей, со всей актерской повелительностью, на которую былъ способенъ. Онъ не только не пролилъ крови самъ, но онъ употребилъ всѣ силы своего „драматическаго“ таланта, чтобы кровь „при немъ“ не была пролита.

Многіе ли могутъ похвалиться, что они въ извѣстную минуту не закрывали глазъ и не умывали рукъ?..

* * *

Въ этотъ день дѣла испортились въ полкахъ. Хотя почти всѣ части, которыя являлись въ Государственную Думу, были безъ офицеровъ, но все же до сихъ поръ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ офицерства, какъ такового, не наблюдалось. А сегодня это началось. И по телефону, и личныя делегаціи изъ разныхъ петроградскихъ полковъ, стали просить, чтобы пріѣхать повліять на солдатъ, которые вышли изъ повиновенія и стали угрожать. Комитетъ Государственной Думы немедленно занялся этимъ. Сначала послали желающихъ независимо отъ ихъ

лѣвизны. Поѣхали тѣ, кто чувствовалъ себя въ силахъ говорить съ толпой, — главнымъ образомъ, звонкій голосъ... Они поѣхали, вернулись черезъ нѣкоторое время въ очень хорошемъ настроеніи. Такъ, помню, въ одинъ изъ полковъ послали одного праваго націоналиста, человѣка искренняго и съ убѣдительными нотками въ его нѣсколько бочковатомъ басѣ. Онъ вернулся.

— Да ничего... Хорошо. Я имъ сказалъ, — кричатъ „ура". Сказалъ, что безъ офицеровъ ничего не будетъ, что родина въ опасности. Они кричали ура. Обѣщали, что все будетъ хорошо, они вѣрятъ Государственной Думѣ...

— Ну, слава Богу...

Только вдругъ зазвонилъ телефонъ...

— Откуда? Алло?

— Какъ? Да вѣдь только что у васъ были... Все же кончилось очень хорошо... Что? Опять волнуются? Кого нибудь полѣвѣе? Хорошо. Сейчасъ пришлемъ.

Посылаемъ Милюкова. Милюковъ вернулся черезъ часъ. Очень довольный.

— Да вотъ... Они немного волнуются. Мнѣ кажется, что съ ними говорили не на тѣхъ струнахъ... Я говорилъ въ казармѣ съ какого-то эшафота. Былъ весь полкъ, и изъ другихъ частей... Ну, настроеніе очень хорошее. Меня вынесли на рукахъ...

Но черезъ нѣкоторое время телефонъ зазвонилъ снова и отчаянно.

— Алло! Слушаю! Такой то полкъ? Какъ, опять? А Милюковъ?.. Да они его на рукахъ вынесли... Какъ? Что имъ надо? Еще лѣвѣй?.. Ну хорошо. Мы пришлемъ трудовика...

Мы послали, кажется, Скобелева. Онъ на время успокоилъ. Затѣмъ, кажется, посылали кого-то изъ эсъ-дековъ... Затѣмъ?

Затѣмъ офицерство стало разбѣгаться. Ихъ жизни угрожала опасность. Часть покинула казармы, часть со страха сбѣжала въ Государственную Думу...

* * *

День прошелъ, какъ проходитъ кошмаръ. Ни начала, ни конца, ни середины, — все перемѣшалось въ одномъ водоворотѣ. Депутаціи какихъ-то полковъ; безпрерывный звонъ телефона; безконечные вопросы, безконечное недоумѣніе — „что дѣлать?"; непрерывное посыланіе членовъ Думы въ различныя мѣста; совѣщанія между собою; разговоры Родзянко по прямому проводу; наростающая борьба съ исполкомомъ совдепа, засѣвшимъ въ одной изъ комнатъ; непрерывно повышающаяся температура враждебности революціонной мѣшанины, залѣпившей Думу; жалобныя лица арестованныхъ; хвосты городовыхъ, ищущихъ пріюта въ Таврическомъ дворцѣ; усиливающаяся тревога офицерства — все это переплелось въ нѣчто, чему нельзя дать названія по его нервности, мучительности...

Въ концѣ концовъ, что мы могли сдѣлать? Трехсотлѣтняя власть вдругъ обвалилась, и въ ту же минуту тридцатитысячная

толпа обрушилась на голову тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые могли бы что нибудь скомбинировать. Представьте себѣ, что человѣка опускаютъ въ густую, густую липкую мѣшанину. Она обезсиливаетъ каждое его движеніе, не даетъ возможности даже плыть, она слишкомъ для этого вязкая.. Приблизительно въ такомъ мы были положеніи, и потому всѣ наши усилія были безполезны — это были движенія человѣка, погибающаго въ трясинѣ... По этой трясинѣ, прыгая съ кочки на кочку, могъ болѣе или менѣе двигаться — только Керенскій...

* * *

Ночью толпа понемногу схлынула. Это не значило, что она ушла совсѣмъ. Какія то военныя части ночевали у насъ въ большомъ Екатерининскомъ залѣ.

Въ полутемнотѣ рядъ совершенно посѣрѣвшихъ колоннъ съ ужасомъ разсматриваютъ, что происходитъ. Онѣ, видѣвшія Екатерину, онѣ видѣвшія Думу Народнаго гнѣва, эпоху Столыпина, наконецъ, неудачныя попытки пресловутаго „Блока" спасти положеніе, — видятъ теперь Его Величество Народъ во всей его красѣ. Блестящіе паркеты покрылись толстымъ слоемъ грязи. Колонны обшарпаны и побиты, стѣны засалены, меблировка испорчена, — въ манежъ превращенъ знаменитый Екатерининскій залъ.

Все, что можно было испакостить, испакощено — и это символъ. Я ясно понялъ, что революція сдѣлаетъ съ Россіей: все залѣпитъ грязью,а поверхъ грязи положитъ валяющуюся солдатню.

* * *

Я вернулся въ кабинетъ Родзянки, который былъ еще прибѣжищемъ. Тамъ всетаки было немножко лучше, еще не допустили улицу, еще сохранилось кое-что. На ночь осталось ночевать нѣсколько человѣкъ — членовъ Государственной Думы.

Я улегся на какой-то кушеткѣ. Рядомъ со мною помѣстился Некрасовъ. Онъ, послѣ Керенскаго, оказался человѣкомъ наиболѣе приспособленнымъ для скаканія по революціонному болоту. Онъ проявлялъ энергію.

Укладываясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы знаете, что въ городѣ еще происходятъ бои?..

— Какъ?

— Да... еще-кто-то тамъ держится въ Адмиралтействѣ. На Адмиралтейство идутъ штурмомъ. Тамъ, кажется, Хабаловъ еще сидитъ... Ихъ можно бы разогнать, если бы запалить изъ Петропавловской крѣпости...

— То есть какъ запалить? Вѣдь мы же, слава Богу, не дѣлаемъ роволюціи...

— Ну да... Но видите... Вѣдь это же невозможно... Вѣдь власть все равно сбѣжала... Правительство сейчасъ — это комитетъ Государственной Думы... Онъ взялъ власть въ свои руки... Какой же смыслъ въ этомъ Адмиралтействѣ?.. Кто тамъ

засѣлъ и для чего?.. Вотъ поэтому и непріятно, что Петропавловка не въ нашихъ рукахъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Гарнизонъ Петропавловской крѣпости сидитъ тамъ, и комендантъ говоритъ, что онъ не можетъ, что ему поручено охранять крѣпость... Ну, словомъ, они не съ нами...

— То есть какъ не съ нами?.. Да вѣдь съ кѣмъ же мы? Что же мы въ самомъ дѣлѣ съ этой... ну, словомъ — съ „ними“?

— Нѣтъ, конечно... Но все же необходимо дѣлать видъ... Вѣдь если насъ хоть немного слушаются, то потому, что мы противъ старой власти...

— Позвольте... Мы были противъ министровъ... Но когда же мы были противъ военной власти? Вы же говорите, что тамъ Хабаловъ — командующій войсками?

— Ну да, конечно, происходитъ путаница... Вѣдь надо же, чтобы одному кому нибудь повиновались... Ну Дума — такъ Дума... Ну словомъ, кому нибудь изъ насъ надо поѣхать въ Петропавловскую крѣпость, чтобы все это уладить. Надо поговорить съ комендантомъ... Вы не поѣхали бы?...

Я соображалъ...

Пустить нѣсколько снарядовъ изъ Петропавловской крѣпости въ Адмиралтейство — до чего додумался Некрасовъ! Этого именно, какъ разъ ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить.. Стрѣлять „по Хабалову“... Въ то время, когда мы употребляемъ всѣ усилія, чтобы сохранить авторитетъ офицеровъ? Что за галиматья?...

И я рѣшилъ самъ поѣхать въ Петропавловскую крѣпость...

* * *

Но пришлось ждать утра... Потому, что не были готовы воззванія отъ комитета Государственной Думы, которыя гдѣ-то печатались и которыя мнѣ надо было отвезти. Я иногда засыпалъ на нѣсколько минутъ, потомъ просыпался и въ полутемнотѣ видѣлъ Родзянковскій кабинетъ и нѣсколько фигуръ, свалившихся отъ усталости... Онѣ лежали тамъ и сямъ въ неудобныхъ позахъ, истомленныя, изведенныя... Это были современные „властители Россіи“..

Да, Шульгинъ прекрасно пишетъ и представляетъ дѣло такъ ловко, что получается впечатлѣніе, какъ будто Государственный переворотъ и послѣдовавшая затѣмъ революція въ Россіи были неизбѣжны и то какъ разъ въ то время, когда произошли. А были неизбѣжны потому, что царское Правительство было никуда негодное и не хотѣло уступить правленія Государственной Думѣ, собственно нѣкоторымъ ея членамъ, за которыми стояло большинство Думы, пользовавшейся „народнымъ довѣріемъ“... „Классъ былыхъ властителей сходилъ на нѣтъ... Не было въ сущности ни одного министра, который держалъ бы въ себя... Во всемъ огромномъ городѣ нельзя

было найти нѣсколько сотенъ людей, которые бы сочувствовали власти...“ и — потому Власть пала... пала сама собой... (какъ будто—*ред.*)... и тогда власть подхватила Дума, но... было поздно... потому, что вспыхнула революція, не позволившая Думѣ довести войну до побѣдоноснаго конца. Однымъ словомъ во всемъ виновато царское правительство, что не пошло на уступки полтора года тому назадъ, т. е. во время отступленія русской арміи.

Многіе, очень многіе, и безъ Шульгина, были того мнѣнія, что Государственный переворотъ и Русская революція были неизбѣжны и не предотвратимы такъ-же, какъ паденіе съ дерева зрѣлаго, относительно гнилого плода, или взрывъ чирея, или разрѣшеніе отъ бремени женщины и т. п.

Все это однако нелѣпыя сравненія, похожія другъ на друга такъ-же, какъ горилла на крокодила, потому, что у нихъ такъ-же голова, туловище, четыре кончины, два глаза, двѣ дырки въ носу и прч. Дѣло не въ томъ, была ли революція неизбѣжна или избѣжна, а въ томъ, нужно ли и необходимо было Русскимъ дѣлать революцію передъ наступленіемъ, которое имѣло всѣ виды на успѣхъ?. И созрѣла ли дѣйствительно революція въ народѣ на столько, что ея разрѣшеніе въ февралѣ было неизбѣжно? А если революція въ народѣ не была готова, то кто ее приготовилъ и началъ?.. И пала ли царская Власть сама, или ее кто-то низвергъ?..

Что революція во время войны и передъ наступленіемъ не была въ народѣ зрѣла и готова, это доказываетъ то положеніе въ статьи Шульгина, гдѣ сказано: „Передъ тѣмъ, какъ должна была собраться Гос. Дума—произошло совѣщаніе революціонныхъ организацій Петрограда, какъ рабочихъ — такъ и солдатскихъ. Представители рабочихъ предложили организовать уличныя демонстраціи. Солдатскіе же представители отвѣтили: „Для чего вы насъ зовете? Если для революціи, то мы выйдемъ на улицу, — но если для манифестаціи, — то мы не выйдемъ. ...Представители рабочихъ заявили, что для революціи они не готовы... Они – революціонеры, не были готовы, но она — революція была готова“ — говоритъ Шульгинъ. Гдѣ?.. спрашиваемъ мы. Очевидно среди „лойяльныхъ“ членовъ Государственной Думы, которые усиленно стремились до Государственнаго переворота и захвата власти въ свои руки, опасаясь, что, если наступленіе будетъ удачно, то ни государственнаго переворота, ни революціи не будетъ. Вотъ потому то они и „цукали“ на Правительство, будто оно никудашнее, потому, что не съумѣло предотвратить русскаго отступленія въ 1915 году. Но тогда и до того времени всѣ правительства союзниковъ Россіи были никудашніе, такъ какъ они всѣ были побѣждаемы нѣмцами, но несмотря на то союзники не дѣлали государственнаго переворота, не дѣлали революціи.

Ввиду постоянной травли Думы на Правительство, у послѣдняго опускались руки и тогда министры перестали ходить въ Думу. Зачѣмъ?... Чтобы избранники народа, члены Государственной Думы, ихъ еще хуже ругали и обсмѣивали?: „А это что же — измѣна или глупость?“... И за что собственно?... За отступленіе русской арміи?.. Но вѣдь отступали же всѣ арміи союзниковъ!... За недостатокъ снарядовъ?.. Но вѣдь снарядовъ въ то время было 30 милліоновъ!... За измѣну?... Но вѣдь самъ Шульгинъ говоритъ, что „факты были не очень убѣдательные“, проще говоря, что доказательствъ никакихъ не было... Нѣтъ, ни за что за это, а просто за то, что министры не уступали и не передавали власти людямъ, къ которымъ у царя не было довѣрія, къ статьи сказать, совершенно оправданнаго, ибо, когда эти люди, пользующіеся „народнымъ довѣріемъ“, дорвались до власти, то оказались нолями (0). „Негръ сдѣлалъ свою повинность, негръ можетъ уйти:“ — сказалъ имъ „народъ“... Говорятъ: — поздно было!.. Поздно?.. Тогда надо было послѣ роспуска Гос. Думы разойтись и предоставить Правительству свободную руку, а не собираться а образовать импотентный Комитетъ, изъ страха станувшій на сторону появившихся бунтовщиковъ и такимъ образомъ озаглавившій революцію, тогда и вина и проклятіе не пали бы на тѣхъ членовъ Госуд. Думы, которые сдѣлали избравшему ихъ народу „медвежью услугу“.

Говорятъ: члены Госуд. Думы не разошлись послѣ роспуска, а образовали Комитетъ, потому, что желали добра народу!.. Мало желать, надо

было его сдѣлать. Говорятъ, что Госуд. Дума подхватила власть потому, что старое правительство сбѣжало. Да какъ не сбѣжать, если Дума его „зацукала“ и этимъ то „цуканьемъ“ взбунтовала чернь и „бѣговое общество“, т. е. гарнизонъ Петрограда. Говорятъ, что старая власть пала потому, что ей никто не сочувствовалъ. Такъ то такъ, но кто этому виноватъ, какъ не тѣ члены Госуд. Думы, которые постоянно „цукали“ и долбили народу, что Правительство дурное. И какъ въ виду того народъ могъ сочувствовать Власти, и не дѣлать революціи, если Дума его къ этому поощряла!

Наконецъ говорятъ, будто всему виноватъ „Демонъ - “Распутинъ. Воистину, надо быть недюжиннымъ мудрецомъ, чтобы въ XX вѣкѣ вѣрить въ Демоновъ, а не вѣрить въ Бога, какъ это сплошь да рядомъ въ настоящее время водится.

И такъ, если кто немножко критически вдумается въ то, что пишетъ Шульгинъ, тотъ сейчасъ замѣтитъ, была ли революція избѣжна, или неизбѣжна, сдѣлалась ли она сама, или ее кто-то сдѣлалъ, дѣлалъ ли ее и началъ народъ, или Дума. По нашему мнѣнію, дѣлала ее главнымъ образомъ Госуд. Дума своимъ „цуканьемъ“, а когда „зацукала“ Правительство, тогда не хватило въ Петроградѣ хлѣба, тогда повылѣзла чернь съ салдатами и естественно станула на сторону Думы, такъ-же, какъ она, противъ Правительства. Тогда только члены Думы увидѣли, до чего довело ихъ „цуканье“, и стали открещиваться, что они революціи не хотѣли и не дѣлали, но всетаки станули во главѣ взбунтовавшагося народа и такимъ образомъ заставили министровъ бѣжать, а царя отречься отъ престола. Но объ этомъ, если Богъ позволитъ, будетъ рѣчь въ слѣдующемъ „Временникѣ“ на 1926 годъ. *Ред.*

Сколько крови пролито въ Міровую войну?

По подчету американскаго „Краснаго Креста“ въ Міровую войну убито **9,819.000** человѣкъ. Это число опредѣленнное. А сколько головъ еще не досчитано? — Господь то знаетъ! Если примемъ круглымъ счетомъ, что въ Міровую войну убито **10** милiоновъ людей, такъ это число ничуть не будетъ преувеличено. Сколько это составляетъ процентовъ? — Въ 1910 году насчитывано на землѣ1,719 мил. человѣкъ, слѣдовательно на войнѣ убито приблизительно 0 5%. А сколько пролито крови?

Нашлись люди, которые высчитали такъ: Если принять въ соображеніе, что на войнѣ убито 10 милiоновъ человѣкъ, а ранено самое малое 15 мил., и что убитый потерялъ одинъ (1) литръ крови, а раненый ½ литра, то изъ нихъ уплыло 17½ милiоновъ литровъ. т. е. 1.700 цистернъ крови. Если бы пролитую кровь собрать въ одинъ резервоаръ, то она образовала бы озеро въ 135 метровъ длины, 130 м. ширины и 1 м. глубины. А если бы эту кровь хотѣлось перевезти изъ одного мѣста на другое, то понадобилось бы 50 поѣздовъ въ составѣ по 35 вагоновъ каждый. К.

В. Р. Вверикъ.

Подъ шумъ Салгира.

Я сѣлъ на старую скамью,
А листья надо мной, склоняясь, шептали
Мнѣ повѣсть грустную свою.

А. Н. Апухтинъ.

I. Встрѣча.

На тихій сводъ неба взошла луна. Что за чудная осень при лунномъ свѣтѣ въ степяхъ у Чернаго моря! Что за волшебная ночь въ осеннюю пору въ Мелитополѣ! Въ саду народу тьма; хоть на Руси горе, междоусобная брань, все же жить хочется. Здѣсь жизнь и за полночь переливается тихой струей. Но сладокъ и сонъ, и садъ пустѣетъ.

Тишина. На развалинахъ старыхъ домовъ и на стѣнахъ хмурой синагоги тревожно вопятъ неугомонныя совы. Не къ добру вопятъ онѣ и гогочутъ!

Все ушло изъ сада; остался одинъ лишь человѣкъ — прибывшій изъ Александровскихъ позицій въ Мелитополь на отдыхъ, поручикъ Осипъ Федоровичъ Моцко. Онъ сѣлъ на скамью, поникъ головой и нахмурилъ чело, на которомъ только въ день виденъ рубецъ, полученный имъ въ жаркомъ бою за честь и свободу русской земли. Онъ молодъ еще, ему не больше 20-ти лѣтъ, но воинъ онъ старый! Ретивое у него неудержимо рвалось въ бой за честь опозоренной и несчастной земли русской. Выросъ онъ въ Яворовѣ, у столъ Карпата, и потому любилъ свободу, какъ любитъ ее царь поднебесья — орелъ, выросшій на вершинахъ подъ звукъ трембиты, подъ журчанье водопадовъ, подъ шумъ бора и подъ раскаты грома.

Осипъ опустилъ свою буйную голову на граненый штыкъ и призадумался. На великой Руси ему негдѣ было склонить свою голону, развѣ на одинъ штыкъ — единсвенную надежду и опору жизни его. Такъ и сдѣлалъ онъ, оставшись въ саду ночевать. Зѣвнувь нѣсколько разъ, онъ вытянулся на скамьѣ

и вдругъ онъ замѣтилъ, что мимо него пробѣжала быстрыми шагами женщина. Онъ ее остановилъ:

— Сестра, дай мнѣ гдѣ получше проспать ночку!

— Отстань! За кого ты меня принялъ?

— То есть? За женщину, за ангела, за сестру милосердія!..

— Что же мнѣ дѣлать?.. Что скажутъ родители?

— Поймите вы меня: цѣлый день искалъ я уголка, гдѣ бы могъ отдохнуть и уснуть спокойно, но увы! Я не нашелъ его и принужденъ ночевать здѣсь. Свои своихъ боятся и отъ своихъ бѣгутъ, словно отъ моровой язвы. Куда ни придешь, каждый лишь дверью — хлопъ!

— Подождите маленечко, я сейчасъ приду!

Она ушла. Онъ опять зѣвнулъ. Сырой туманъ надвинулся густой пеленой на садъ и сразу стало холоднѣе.

— Нѣтъ, не придетъ, — подумалъ Моцко — она только такъ, чтобы отвязаться.

Случилось, однако, иначе. Незнакомка пришла и пригласила его въ домъ своихъ родителей. Она ввела его въ уютную комнатку, освѣщенную тусклымъ свѣтомъ фонаря, указала постель и, пожелавъ покойной ночи, ушла къ себѣ на другую половину дома. Такимъ образомъ ему не удалось разсмотрѣть даже лица своей случайно встрѣтившейся хозяйки.

Не раздѣваясь, Моцко палъ на чистую постель и уснулъ крѣпкимъ, но неспокойнымъ сномъ. Его мучили видѣнія кровопролитныхъ боевъ и, какъ въ бреду, мѣнялась картина за картиной: то на лихомъ конѣ пролеталъ онъ широкую степь, то видѣлъ бѣготню наступающихъ и отступающихъ стрѣлковъ, то слышалъ призывы и крики сбившейся въ кучу толпы.

Когда онъ проснулся, то увидѣлъ чистенькую комнатку, освѣщенную лучами утренняго солнца. Сердце у него затрепетало, такъ обрадовался онъ свѣтлому солнцу. Онъ и самъ не зналъ, почему ему было такъ весело отъ него. Онъ любилъ его и молился на него, чтобы могучій свѣтъ никогда не померкалъ надъ русскими селеніями и городами, чтобы ясно и тепло отъ него было въ русскихъ хижинахъ, чтобы съ нимъ разливались по всей русской землѣ, отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Карпата до Тихаго океана, миръ, любовь и благодать, чтобы отъ его перваго луча исцѣлялись ноющія раны и высыхали слезы и такъ напрасно льющаяся братская кровь.

Осипъ привелъ себя въ порядокъ. Послышался стукъ; открылась тихонько дверь; вошла Вѣра — такъ называлась та, которая дала ему постель и комнату — и поздоровалась съ своимъ гостемъ, который, вмѣсто того, чтобы подойти къ дѣвушкѣ, попятился немножечко назадъ; такъ былъ онъ пораженъ ея красотой. Да, Вѣра была красавицей! Какъ солнце, милѣе весенней розы сіяло ея лицо, черты котораго были необыкновенно правильны. Большіе, черные, какъ тернъ, глаза, осѣненные черными рѣсницами и бровями, отражали порывы самой нѣжной и мятежной любви. Ниже стана падала черная, какъ смоль, коса.

Рѣчъ ея звучала какими-то милозвучными и таинственными голосами.

Ключемъ забила кровь въ молодомъ офицерѣ. Въ увлеченіи онъ забылъ даже поблагодарить Вѣру за приглашеніе къ чаю. Очнувшись, онъ стянулъ свой станъ поясомъ и легкой походкой вошелъ въ столовую. Онъ поклонился, представился хозяевамъ и занялъ мѣсто за столомъ. Какъ всегда бываетъ, при чаѣ разговаривали. Вѣра разливала чай, подавала хлѣбъ и поддерживала разговоръ.

— Жизнь стала невыносимой. Тяжко жить на старости лѣтъ — началъ старикъ, похожій на нѣмца.

— Кто же виноватъ? Сами виноваты! Что посѣяли, то и жнемъ теперь! — возразилъ поручикъ, привыкшій высказывать свое мнѣніе прямо, порывисто и рѣзко.

— Вамъ лучше знать! Когда, однако, кончится все это?

— Отвѣчу вамъ просто: когда русскіе обрѣтутъ разсудокъ! Люди прямо рухнулись! Низложивъ царя, они вмѣстѣ съ тѣмъ лишились и ума и предались болтовнѣ, разврату, грабежу, братоубійству, и это ли свобода? Нѣтъ, у васъ иначе!

— Гдѣ это у васъ? — спросила Вѣра. — Развѣ вы не русскій?

Старики устремили на офицера вопросительные глаза.

— Какъ вамъ сказать? Я русскій, только не здѣшній! Я галичанинъ!

— Какъ? англичанинъ? — перебила его старушка.

— Нѣтъ, не англичанинъ, а галичанинъ?

— Я такъ и подумалъ сразу, что вы не русскій! — важно замѣтилъ старикъ, подавая папиросы.

— Не вѣрно думали! — съ досадой отвѣтилъ Моцко.

Чай кончился. Офицеръ, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль хотѣлъ удалиться, но Вѣра его задержала и попросила проводить ее въ садъ. Они вышли въ огородецъ. Дивно здѣсь было. На каждомъ предметѣ лежали слѣды южной очаровательной осени. Кудрявыя астры серебромъ сіяли на солнцѣ, а два тополя-красавца, какъ свѣчи, вытянулись къ голубому небу. Опавшее листье шуршало отъ перелетнаго вѣтра. Они вошли въ обнаженную на половину бесѣдку и сѣли на скамейку.

— Скажите, пожалуйста, кто такіе галичане? — спросила неожиданно для Моцко Вѣра.

— Это Вѣра, — простите, однако; раньше позвольте узнать ваше отчество?

— Не важно! Зовите меня Вѣрой и только!

— Какъ такъ? Впрочемъ, хорошо! И такъ слушайте, Вѣра: На южныхъ и сѣверныхъ склонахъ Карпатъ живетъ часть русскаго народа, находящагося много столѣтій подъ властью Угорщины, Польши, а затѣмъ и Австріи. Во время послѣдней войны этихъ русскихъ нѣмцы и мадьяре объявили узмѣнниками и подвергли ужаснымъ гоненіямъ. Десятки тысячъ тамошняго русскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, они заперли въ

тюрьмы или казнили, а боеспособныхъ выгнали на самыя опасныя позиціи. Тогда я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ быть солдатомъ, и потому только я попалъ въ тюрьму. Но скоро пришли русскіе и я былъ ими освобожденъ. Къ сожалѣнію, недолго уже довелось мнѣ быть съ ними и, чтобы бороться за освобожденіе родины, добровольно я поступилъ въ русскую армію. Но тутъ-то, какъ вамъ извѣстно, стряслось горе хуже отступленія изъ Карпатъ: въ то время, когда армія напрягала всѣ усилія, чтобы повздержать непріятеля, крамольники захватили власть въ свои руки. Дальнѣйшее вы сами знаете. Я рѣшился быть вѣрнымъ той Россіи, которая не желала видѣть у себя нѣмцевъ, и при помощи которой и мои Карпаты сбросили бы изъ себя чужое иго. Теперь, Вѣра, видите, почему я въ рядахъ продолжающихъ бой за честь и свободу всего русскаго народа?

— Все теперь мнѣ ясно и понятно! Печальная исторія! Какъ радо пошла бы я сражаться съ врагами родины моей рядомъ съ вами!..

— Ну, Богъ съ вами, Вѣра; гдѣ вамъ — нѣжной женщинѣ — переносить тяжести, невзгоды и лишенія войны! А впрочемъ! Почему, однако, рядомъ со мною?

Вѣра покраснѣла и опустила голову на грудь свою, волнуемую рѣшающимъ боемъ двухъ мыслей: высказать ли все откровенно или утаить разъ навсегда. Затѣмъ она подняла полные слезъ глаза и приблизилась къ Осипу.

— Возьмите меня съ собою... я на все готова... на всѣ лишенія, на всѣ муки, на смерть!..

Ни въ одномъ народѣ всего земного шара трудно найти подобный типъ женщины, какой живетъ среди русскаго народа. Моцко этого, конечно, не зналъ и только теперь понялъ это. Ему сердечно жалко стало пылкую дѣвушку и, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ себя, рѣшительно онъ отвергнулъ предложеніе, совершенно необдуманное и невозможное.

— Этого быть на можетъ! — произнесъ онъ сухо.

Взрывъ тихаго рыданія, какъ лепетъ отбившейся отъ стада голубки, послышался въ бесѣдкѣ. Вѣра полюбила Осипа, полюбила сразу, но полюбила пламенной и святой любовью, что обнаружилось въ этомъ въ внезапномъ и искреннемъ плачѣ. Долго она не плакала и скоро овладѣла своими чувствами.

— Я сознаю, что я недостойна васъ! Не правда ли?

На такія слова, впервые въ своей жизни, онъ растерялся, чего съ нимъ не бывало въ самомъ опасномъ сраженіи. Онъ отвѣчалъ наугадъ, повторялъ одно и то же.

— Да нѣтъ, Вѣра, не то... Боже мой! чтобы вы были недостойны меня?.. Напротивъ, я недостоинъ вашихъ святыхъ чувствъ!.. Нельзя, поймите, что нельзя, Вѣра!.. Немыслимо!.. На лишенія, на нищету и, Богъ вѣстъ, на что еще!..

— Такъ знаете что: останьтесь здѣсь, со мною! Мои родители довольно состоятельны и ничего не пожалѣютъ для меня, безъ васъ одного обойдется!

Такая нечаянная перемѣна предложенія Вѣры просто ошеломила Моцко. Мысли у него перепутались. Онъ взглянулъ на нее пристально, всталъ и махнулъ рукою:

— Нѣтъ, Вѣра, и этого быть не можетъ! Я сталъ бы презирать самого себя, если бы предпочелъ мирную жизнь борьбѣ за честь, долгъ, право, свободу свою и всего народа. Я проклялъ бы самого себя, если бы позабылъ тѣхъ, которые сражались и сражаются за лучшее будущее моей родины и всей русской земли, которые положили свои головы на поляхъ, погибли по тюрьмамъ, темницамъ или были изжарены въ мѣдныхъ котлахъ. Я трижды проклялъ бы себя, если бы оставилъ неотомщенными тѣхъ друзей и соратниковъ, которые рядомъ со мной проходили, истекая кровью, степи вдоль тихаго Дона, поля Кубани, все поморье Малороссіи. Наконецъ, Вѣра, наконецъ не могу измѣнить той, которой уже далъ слово не измѣнить...

— Такъ и говорите! Вы любите другую! Она красивѣе, она лучше меня!

— Люблю, но не такой люблю, какъ вы себѣ, Вѣра, представляете. Узнайте всю правду: это было тамъ, въ Галичинѣ, во Львовѣ, въ тюрьмѣ. Ночь была. Вѣшали людей нашихъ. Она пришла ко мнѣ и съ рыданіями бросилась на мою грудь. Ничего она не говорила, но я понялъ, чего она пришла, и я поклялся не измѣнить человѣку, страдавшему за свой народъ.

— Она васъ любила?

— Не знаю, Вѣра, право не знаю, она мнѣ этого не сказала, но я ее люблю.

— За что?

— Люблю и самъ не знаю, за что! Конечно, за красоту сердца, за доброту.

— Такъ... но повѣрьте, русская женщина красивѣе и лучше всѣхъ другихъ въ мірѣ женщинъ.

— Не смѣю спорить, но наша галичанка не дошла еще до того, чтобы во имя чуждаго ей интернаціонала измѣнила вѣрѣ и завѣтамъ своей земли. У насъ еще до того не дошло, что я видѣлъ здѣсь въ одномъ городѣ.

— Что именно?

— Я видѣлъ, какъ на глазахъ русскихъ людей свинья на площади, держа между своихъ ногъ убитаго человѣка, жрала русскіе мозги. Вотъ почему возсталъ Корниловъ противъ палачей русскаго народа, вотъ почему двинулся Деникинъ на Москву, вотъ почему и я съ ними! Прощайте, Вѣра! Спасибо вамъ за теплое ко мнѣ отношеніе, за кровъ, за хлѣбъ - соль, за доброе слово. Передайте мой поклонъ матушкѣ и батюшкѣ вашимъ. Не поминайте лихомъ. Не могу здѣсь оставаться, я долженъ обратно въ Александровскъ; чай, Махна поймаю!..

Онъ удалился, забывъ захватить съ собою оружье и саблю, которыя остались въ комнатѣ. Онъ не оглянулся даже; вотъ какъ можетъ война закалить молодое сердце! Вѣра стояла, какъ статуя, на одномъ мѣстѣ и не шевельнулась. Всего, что говорилъ

офицеръ, ставшій для нея загадой, она не поняла и не сообразила; то жаръ то холодъ пробѣгали по жиламъ ея, и она еще сильнѣе и еще больше полюбила его.

Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ,
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?
А. С. Пушкинъ.

2. Послѣдствія встрѣчи.

Солнце клонилось къ закату, засыпая Александровскъ своими ароматными лучами. Въ саду музыка полка, къ которому принадлежалъ Моцко и который пришелъ сюда пополниться и отдохнуть на нѣсколько дней. Въ саду женщины - красавицы, въ саду даже цвѣты, которыхъ не успѣла сомять махновщина, и кажется, что не осень на землѣ, а весна. Какое чудо! Но Осипъ этого не видитъ, не ощущаетъ. Онъ сидитъ въ своей комнаткѣ по Гоголевской улицѣ съ нахмуреннымъ лбомъ и думаетъ. Чего же онъ нахмурился, какія у него заботы и думы, чего ему не хватаетъ? Есть конь, въ полку сабель и винтовокъ хватитъ, есть и дѣвчина - чернобровка, чего же ему еще нужно? Дурень молодой человѣкъ! Въ его головѣ все какіе-то идеалы, какіе-то неудержимые порывы, какая-то грусть, тоска, печаль. Одумайся, же, наконецъ! Не чуешь, не слышишь, не видишь, что у твоей двери стучится пылающее, юное сердце красавицы въ богатомъ платьи, въ шелковомъ платкѣ, съ тяжелой черной косой на плечѣ! Это она — Вѣра, прилетѣвшая ласточкой изъ Мелитополя къ тебѣ: родителей обманула и все таки тебя нашла. Очнись, очнись, Осипъ! Она пріоткрыла дверь, робко стоитъ на порогѣ; отбросивъ стыдъ, она просится къ тебѣ.

— Здравствуйте, Осипъ Федоровичъ! Не осудите, что къ вамъ пришла незванная.

Только теперь спохватился Моцко, одурманенный какимъ-то столбнякомъ. Быстро поднялся онъ на ноги и съ трепетнымъ сердцемъ подошелъ къ Вѣрѣ, которая, словно дитя, невидѣвшее своей матери, повисла на его шеѣ.

— Ося, не покидай меня, не гони меня отъ себя прочь; я хочу быть съ тобой и я пришла сюда потому, чтобы быть твоей. Я люблю тебя за то, что ты любишь бой и смѣло рубишь мечомъ.

— Вѣра, вѣдь ты губишь себя. Ты слишкомъ увлеклась мимолетнымъ, губительнымъ чувствомъ. Ты связываешь свою судьбу съ человѣкомъ, который не можетъ дать тебѣ счастья. Пойми, Вѣра, у меня другая невѣста...

— Ося!.. Ося!.. она далеко; она, быть можетъ, позабыла тебя; она, быть можетъ, и не жива.

Онъ нахмурилъ чело и сталъ ходить по комнатѣ. Въ немъ происходила борьба чувствъ, какихъ онъ еще не испытывалъ никогда. Такихъ душевныхъ волненій, какія выпали на его долю въ два дня, онъ не могъ вполнѣ даже понять; онъ не былъ въ состояніи сообразить, что-нибудь умное. Однако послѣдующее откровеніе Вѣры было для него громовымъ ударомъ.

— Ося, и той тебя не видать, и я тебя недостойна.

— Почему? Опять все то же.

— Потому... потому, что я жидовка!

Она нарочно и съ удареніемъ произнесла послѣднее слово. У русскихъ оно считается презрительнымъ и ругательнымъ, и Вѣра желала, какъ можно болѣе себя унизить. У Осипа кругомъ заходила голова; никакъ не могъ онъ привести въ порядокъ своихъ пошатнувшихся и водоворотомъ закружившихся мыслей. Онъ не могъ вымолвить ни слова и только открылъ широко свои глаза.

— Чего вы такъ странно на меня смотрите? Говорю вамъ и повторяю: я жидовка!

— Какъ жидовка? Почему же до сихъ поръ я этого не замѣтилъ? Кажется, до сихъ поръ еще я не обшибался и сразу узнавалъ, кто русскій, а кто жидъ? Не хитрость ли здѣсь? — спросилъ онъ себя и еще пристальнѣе посмотрѣлъ на дѣвушку и опять не нашелъ въ ней ничего еврейскаго.

— Не можетъ быть! Ничего еврейскаго не замѣтилъ я также въ домѣ ея родителей. Я по стѣнамъ узнаю еврейскій домъ; по звуку узнаю человѣка! А она и старики ея прекрасно говорятъ по русски, весь домъ какъ будто русскій. Зачѣмъ же у нея крестикъ постоянно на шеѣ? Что это такое? — думалъ онъ, стараясь уяснить себѣ всю таинственность поразившаго его случая. Онъ не могъ собраться съ мыслями и не зналъ, что сказать Вѣрѣ, что начать, чтобы кончить создавшееся невыносимое положеніе.

— Прощайте! Все кончено! Не поминайте зломъ! — прошептала Вѣра со слезами въ очахъ, обнявши и цѣлуя Осипа.

Случилось то, чего она добивалась. Прежде всего слова прощанія сбили его съ толку, потомъ гипнозъ ея очей, жаръ ланитъ разшевелили въ немъ чувство состраданія. Онъ — неопытный юноша, незнающій силы женщины, сразу подвергся неуловимому, тонкому и неотразимому вліянію очаровательной дѣвушки, которая опять неожиданно притянула его къ себѣ и цѣловала, обвившись руками вокругъ его шеи.

— Ося, миленькій мой, не отталкивай меня отъ себя. Я знаю, что ты не можешь меня любить, ибо ты православный, а я жидовка.

Грудь ея то подымалась то падала. Черныя ея очи пылали, какъ въ печи раскаленные уголья, лицо ея горѣло, какъ утренняя заря. Она склонилась на его грудь и ждала отвѣта, зная, что онъ ей принадлежитъ уже всецѣло. Но Осипъ молчалъ, слова у него не клеились. Такъ передъ бурей молчитъ лѣсокъ,

чтобы въ самую бурю могъ еще сильнѣе встряхнуть своей гривой и загремѣть своей мощью. Долго не сдавался Осипъ, наконецъ не стерпѣлъ, не выдержалъ онъ. Какъ порохъ вспыхиваетъ отъ искры въ пожаръ, такъ вспыхнуло сердце его пламенной любовью; загорѣлась душа, и онъ, обнимая дивную красавицу, пересталъ владѣть собою.

— Вѣра, Вѣрочка — повторялъ онъ, какъ въ бреду.

Вдругъ безъ оглядки онъ выбѣжалъ на дворъ. Смеркалось. На небѣ появились звѣзды. Надъ Днѣпромъ гремѣла военная музыка; ей отвѣчала вторая музыка изъ городского сада. Въ головѣ Осипа смѣшались всѣ впечатлѣнія, отъ которыхъ получился туманъ хаоса.

— Глупо и смѣшно! Она еврейка—какое мнѣ дѣло, пусть себѣ! Но я люблю ее, именно люблю, какъ никого на свѣтѣ не любилъ еще. Люблю и поэтому никакое зло не коснется ея, пока на мѣстѣ мой разумъ. Нѣтъ! Этого быть не можетъ уже по той одной причинѣ, что она вѣритъ въ мою честь. Иначе она сюда не пришла бы и не высказала бы всего того, что высказала мнѣ. Съ моей стороны была бы большая неблагодарность, если бы я этотъ дѣвственный цвѣточекъ сомялъ въ моей хатѣ, презрѣвъ законъ гостепріимства. Надо съ этимъ покончить честно, какъ долгъ мой требуетъ — подумалъ онъ въ слухъ и возвратился въ комнату. Вѣра встрѣтила его улыбкой, поправляя свои разметавшіеся по плечу буйные черные кудри.

— Ося, гдѣ ты былъ? Зачѣмъ же ты убѣжалъ?

— Дорогая моя, не хочу, не могу ломатьтя; Вѣра, узнай почему: потому что я тебя люблю.

Недоумѣніе выразилось на лицѣ дѣвушки, растерявшейся отъ неожиданнаго для нея признанія. Всѣ ея усилія стремились къ тому, чтобы добиться отъ него этого признанія; все отъ него зависѣло, но добившись, она какъ будто не повѣрила въ то, что слышала, вся вдругъ покраснѣла и потупила глаза.

— Любишь жидовку? — спросила она.

— Ну, что же? Люблю, какая есть: Мнѣ не зачѣмъ лгать!

— Не понимаю тебя: любишь и отъ любви бѣжишь? Трудно мнѣ повѣрить въ твое слово. Неужели ты Іосифъ Прекрасный?

— Вѣра, не издѣвайся надо мной!

— Нѣтъ у меня ни малѣйшаго намѣренія издѣваться надъ тобой, и я ухожу.

— Зачѣмъ, куда въ ночь?

— Не стану же ночевать у тебя. Пойду въ садъ и сдѣлаю такъ, какъ ты хотѣлъ сдѣлать въ ночь нашей встрѣчи. На все я готова сегодня.

— Ничего не понимаю! Вѣра, ты смѣешься надо мной. Спи у меня, я пересплю ночь въ полковой канцеляріи.

— Не буду, не буду. Не хочу тебя стѣснять и тревожить. Не безпокойся, миленькій; у меня здѣсь родная сестра. Ну, Ося, прощай, прощай разъ навсегда!

Она подошла къ нему и опять поцѣловала.

— Вѣра, ты меня замучишь.

— Ничего! но проводи меня къ сестрѣ — сказала она, подавъ ему свою руку.

Они вышли на улицу, покрытую густыми сумерками. На Днѣпрѣ оттуда, гдѣ лежитъ Хортица, загудѣлъ глухой гулъ и перекатомъ пошелъ по домамъ города. Вокругъ каждаго фонаря, мимо котораго они проходили, стояло кольцо, какое иногда видно вокругъ мѣсяца. Соборная улица, на которой жила сестра Вѣры, была совершенно неосвѣщена. Ничего и никого не было видно впереди, даже городовые спрятались куда-то. Они остановились у воротъ трехэтажнаго дома. Вѣра дернула рукоятку и за дверью отозвался хриплый голосъ звонка.

— У меня сестра православная, что вы скажете на это? — прервала молчаніе Вѣра.

— Неужели! — вскрикнулъ онъ, какъ будто эти слова вывели его изъ мрака и лѣса, въ которомъ онъ блуждалъ, на ровный, прямой путь, какъ будто онѣ развязали Гордіевъ узелъ всего запутаннаго вопроса о Вѣрѣ и указали ему развязку.

— Значитъ, что и ты можешь быть моею, что, Вѣра? — торопясь, спросилъ онъ.

— Поздно! Некогда теперь говорить объ этомъ!

— Вѣра, смилуйся! такъ что же мнѣ дѣлать?

Возвращайся въ Мелитополь! Черезъ нѣсколько дней я пріѣду туда тоже. Кстати у насъ все твое оружье. Желая отвязаться отъ меня, ты бѣжалъ и оставилъ его. До свиданія!

Открылась дверь, и Вѣра исчезла въ темнотѣ. Онъ постоялъ съ минуту у дверей, а потомъ, какъ мальчикъ, побѣжалъ на вокзалъ, который биткомъ заполнила сѣрая масса людей, солдатъ и гражданъ. По ногамъ спящихъ крестьянокъ, по мѣшкамъ и коробкамъ онъ протѣснулся къ дверямъ, толкнулъ жандарма и вскочилъ въ набитую народомъ теплушку уже двигающагося поѣзда.

Не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучитъ, кто все вытерпитъ и, хоть ты ему что хочь, а онъ все таки поставитъ на своемъ.

Н. В. Гоголь.

3. Въ угарѣ любви.

— Чудная дѣвушка. Жаль только, что еврейка. Какая пакость! и надо мнѣ было встрѣтиться съ ней на моемъ пути. Лихо меня дернуло занимать ее въ саду. Быть можетъ, и правду говорятъ, что судьбы своей не обойдешь, не объѣдешь... Ну, такъ что, что она еврейка? Вѣдь же сестра у нея православная,

и сама она, кажется, не прочь была бы принять православіе. Но ея родители? Какъ могъ бы я ихъ звать отцомъ и матерью? Положимъ, можно бы звать по имени отчеству. Но что сказали бы мои родные, когда узнали бы, что я взялъ себѣ за жену еврейку? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Надо себѣ выбить изъ головы Вѣру! — разсуждалъ, сидя въ своей комнаткѣ, Моцко.

Какъ галичанинъ, молодой и неопытный человѣкъ, онъ не могъ понять того, чтобы жидовка могла быть русской. Онъ не вѣрилъ въ это. Тѣмъ не менѣе, послѣ пріѣзда Вѣры изъ Александровска, онъ всецѣло подпалъ подъ ея вліяніе; ему пріятно было слушать ея ласковыя рѣчи и тѣмъ сильнѣе онъ пригорталъ ее къ своему сердцу. И она льнула къ нему всей силой своей мятежной любви. Наконецъ онъ ей сознался, что она ему необходима, какъ воздухъ, такъ какъ она за нимъ ухаживала, какъ мать за ребенкомъ. Согрѣтый любовью, лаской и добротой чудной дѣвушки, онъ забывалъ прошедшее, мрачное и грозное, и каждое ея появленіе встрѣчалъ восторженной радостью. Замѣтивъ это, она постановила дѣйствовать рѣшительнѣе.

Прошла недѣля. Осень Украйны продолжала быть роскошной безъ перемѣны. Только по вечерамъ и утрамъ погода становилась сѣрѣе, но несмотря на это въ саду протекала жизнь русломъ. Въ субботній вечеръ тамъ народа полнымъ-полно. Одинъ Осипъ предпочелъ остаться дома; онъ зналъ, что Вѣра придетъ къ нему. И въ самомъ дѣлѣ неслышно открылась дверь, изъ за которой тихонько, какъ луна изъ-за тучки, появилась она съ распущенной по плечу косою, шумя своимъ бѣлымъ платьемъ. Восторгомъ наполнилось его сердце.

— Вѣра, Вѣрочка дорогая! — рванулся онъ ей на встрѣчу, но былъ ею остановленъ. Она приложила къ своимъ устамъ палецъ, и онъ понялъ, что нужно молчать. Они сѣли на кровать.

— Ося, я не хочу и теперь уже не могу быть жидовкой. Я хочу быть православной.

— Погоди, Вѣра; потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! Я хочу молиться и покланяться твоему Богу. Хочу, чтобы между нами не было ни малѣйшей разницы въ мысли и вѣрѣ. Хочу повѣнчаться съ тобою въ церкви, хочу быть твоей законной женой. Хочу, чтобы ты меня не разлюбилъ и никого и ничего не любилъ сильнѣе и болѣе меня на свѣтѣ.

Отъ такихъ словъ у Осипа закружилась голова и онъ поклялся ей небомъ и землею, что будетъ любить ее одну всегда, до самой могилы. Тогда, добившись такого признанія, она встала и быстро ушла. Онъ ждалъ, ждалъ ее, но все напрасно. Наконецъ лопнуло его терпѣніе; онъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты. Долго бродилъ онъ по улицамъ и переулкамъ, останавливаясь и разсуждая самъ съ собою, и въ полночь кинулся въ ресторанъ.

— Вина! — крикнулъ онъ, едва перешагнувъ порогъ.

Когда ему подали, то съ жаждой припалъ онъ засохшими

губами къ краю чаши и однимъ духомъ выпилъ утоляющую влагу. Отъ испареній вина въ его умѣ задымились тучи, въ которыхъ молніями сверкали мысли:

— Что же я дѣлаю? Кого я люблю? Кто я таковъ? Измѣнникъ я! Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію... Да, пусть я измѣнникъ! За дѣву черноглазую я душу отдамъ сатанѣ! Ха-ха, за дѣву черноглазую!.. Вѣра, гдѣ ты, чего бѣжишь? Нѣтъ! теперь ты отъ меня не уйдешь! Я пойду за тобой на дно ада, душу отдамъ, жизнь погублю!.. Вѣра, я ли виноватъ, что люблю тебя больше, чѣмъ свою душу? Ха-ха, ликуй, сатана!.. Эй, вина, вина!

Послѣ сильнаго душевнаго напряженія Осипъ ослабъ и опустилъ на грудь буйную голову свою, а изъ очей брызнули слезы. Въ такомъ жалкомъ состояніи нашелъ его вошедшій въ ресторанъ высокій, смуглый офицеръ. Онъ оглянулся на всѣ стороны и, узнавъ въ немъ хорошо знакомого своего боевого товарища, подошелъ къ его столу.

— Ба-а-а! Кого я вижу — крикнулъ онъ.

Осипъ поднялъ голову, посмотрѣлъ косо и глупо и опять поникъ къ столу, какъ будто сказанныя слова и не относились къ нему. Онъ не узналъ, кто стоялъ передъ нимъ; а былъ это лучшій его другъ, Александръ Александровичъ Туча, который, не дожидаясь отвѣта, ударилъ его своей черной крѣпкой рукой по плечу. Осимъ забормоталъ только и опять заплакалъ, что убѣдило Тучу въ томъ, что другъ его нѣмъ. Онъ хватилъ его руку и пожалъ со всей силы.

— Здоровъ, братъ! Какая неожиданность! Чего, чертъ возьми, такъ кисло смотришь на меня! Не узнаешь?

— Здо-доровъ, здоровъ... теперь уже знаю: это ты, Саша? Ра-адъ, что тебя увидѣлъ — отвѣтилъ, заикиваясь, Осипъ, пришедшій отъ пожатія руки въ сознаніе. Отвѣтъ его еще сильнѣе поразилъ Тучу и онъ опять пожалъ его руку.

Ну, слава Богу, что ты говоришь! Никогда не надѣялся. Теперь, Ося, разсказыкай, какъ поживаешь?

— Какъ п... п... поживаешь? Какъ? Измѣнникъ я, Саша!

— Что за чушь ты несешь, чортъ возьми!

— Именно ч...чоортъ! сатана! — еле выговорилъ Осипъ и свалился на столъ.

— Ну, братъ, здорово ты нализался! Ничего, пройдетъ а выпить во всякомъ случаѣ не повредитъ. Эй, хозяинъ! рюмочку да закусочку, если можно, теплую!

Алесандръ Александровичъ Туча былъ старше Осипа на четыре года. Смѣло можно сказать, что это былъ человѣкъ случая, рока. Родился онъ на Галицкой Волыни; ни отца ни матери онъ не помнилъ. Случайно онъ былъ замѣченъ приходскимъ священникомъ въ школѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ школьниковъ, и отосланъ въ бурсу уѣзднаго города, гдѣ онъ окончилъ гимназію, просидѣвъ полтора года въ Талергофѣ, а оттуда былъ взятъ въ солдаты и посланъ на фронтъ. Онъ бѣжалъ въ Россію

и продолжалъ свое образованіе въ Донскомъ университетѣ. Въ началѣ онъ вѣрилъ въ революцію, какъ въ весну возрожденія русскаго народа, который по его мнѣнію, новыми силами долженъ былъ смести въ русской земли всю грязь. Но онъ жестоко обманулся и, когда нѣмцы стали хлынуть въ предѣлы русской земли, когда началась гражданская война, онъ бросилъ университетъ и ушелъ къ Корнилову въ ударный баталіонъ. Осипа онъ узналъ ближе и оцѣнилъ въ бою на Недреманной горѣ, которая отдѣляетъ Кубанскую область отъ Ставропольской губерніи. Тамъ они оба командовали взводами. Бой продолжался цѣлый день. Подъ вечеръ Моцко былъ раненъ тяжело въ голову и отправленъ въ Ставрополь. Туча, узнавъ объ его раненіи, взялъ отпускъ на три дня и уѣхалъ въ городъ, гдѣ нашелъ своего товарища въ ужасномъ положеніи. Раненый, какъ угорь, вился на койкѣ и кричалъ на всю комнату. Врачи объявили Тучѣ, что пуля задѣла у Моцко мозгъ и что вслѣдствіе этого онъ пересталъ говорить. Дальнѣйшія успокаиванія врачей, что ввиду крѣпкаго тѣлосложенія раненаго, удастся операція, но нѣмота останется на всю жизнь, еще сильнѣе встревожили Тучу. Никогда до сихъ поръ онъ не плакалъ, а теперь въ его очахъ появились слезы. Махнувъ рукой, онъ уѣхалъ въ окопы.

Прошло два мѣсяца: молодость Осипа взяла свое; операція удалась, онъ выздоровѣлъ. Врачи ошиблись, ибо онъ сталъ говорить, правда, сначала, какъ дитя, но потомъ все лучше, хотя послѣдствія раненія были ужасныя: падучая и заиканіе. Впрочемъ послѣдній недостатокъ, какъ и рубецъ на головѣ, приносилъ ему много чести, такъ какъ рѣчь у него выходила очень милой.

Между тѣмъ событія мчались и мѣнялись въ непостижимой быстротой. Деникинъ разбилъ большевиковъ и продвинулся къ Орлу. Добровольческая армія достигла высоты своей славы. Не усидѣлъ въ тылу Моцко, онъ пошелъ съ войсками на сѣверъ и еще разъ былъ раненъ, но этимъ разомъ легко. И Туча былъ раненъ. Такъ какъ они служили въ разныхъ частяхъ, то послѣ боя на Недреманной имъ никогда не приходилось встрѣчаться. Поэтому Туча считалъ Моцко погибшимъ или, въ лучшемъ случаѣ, нѣмымъ. И вотъ, когда войска Деникина стали отступать, онъ съ перевязанной лѣвой рукой отправился раньше дѣйствующей арміи въ Крымъ, чтобы не попасть въ руки большевиковъ, и неожиданно въ Мелитополѣ наткнулся на стараго своего друга, цѣлаго и здороваго. Какъ ни желалъ онъ побесѣдовать съ нимъ и вспомнить бывальщину, да жалко ему стало будить хмельного.

— Пусть выспится хорошенько; это полагается послѣ выпивки... Все же бываютъ чудеса въ мірѣ: живъ и здоровъ! — думалъ Туча, просидѣвшій возлѣ Осипа до разсвѣта.

Какъ пріятна встрѣча послѣ долгой разлуки, знаютъ лишь тѣ, которые чудомъ спасались отъ смерти. Проснувшись, Осипъ бросился на шею Тучи и разцѣловалъ его. Въ этомъ возрастѣ мужчины любятъ цѣловаться не хуже барышень. Правда, есть исключенія, но не частыя. Таковъ былъ Туча; очутившись въ

объятіяхъ, онъ радъ былъ изліянію искреннихъ чувствъ друга, но не поцѣлуямъ.

— Не надо, Осипъ, не надо! Оставь, чортъ возьми! Вѣдь я не баба! Можно любить, можно кутить, можно выпить лишнее: все это имѣетъ смыслъ, но какой прокъ отъ поцѣлуевъ? Довольно! Лучше разскажи, чего хныкалъ ночью? Только безъ предисловій!

— Саша, у меня бельшое горе...

— То есть влюбился?

— Да, Саша, ты угадалъ! Такое несчатье меня постигло.

— Какое, чортъ возьми, несчастье! Коли любишь, такъ и люби на здоровье.

— Не могу, Саша.

— Такъ и говори, что нѣтъ взаимности!

— Не въ этомъ дѣло, и она меня любитъ, но тутъ обстоятельства.

— Ничего не понимаю!

— Повѣръ мнѣ, Саша, что я, если продлится такъ дальше, съ ума сойду.

— Въ чемъ же, наконецъ, дѣло? Говори толкомъ!

— Саша, я люблю, безъ памяти люблю жидовку, вотъ въ чемъ мое горе!

— Напротивъ, это похоже на фарсъ, неожиданный и презабавный. Она, конечно, молода, красива, здорова.

— Ты шутишь, Саша, а я жить не могу безъ нея и хотѣлъ бы на ней жениться.

— Это уже другое дѣло! Не знаю, чортъ возьми, не знаю, что тебѣ посовѣтовать. Сватомъ никогда не былъ я, съ жидами дружбы не водилъ я, въ церковныхъ правилахъ не рылся. Полагаю, однако, что русскому человѣку на еврейкѣ жениться не того-съ! А православной она быть не пожелаетъ?

— Видишь, Саша, православной она хочетъ сдѣлаться, но не знаю, можетъ ли еврейка стать русской. Мнѣ она постоянно заявляетъ, что она русская.

— Что она брешетъ! Какъ можно, чтобы еврейка была русской?

— Ну вотъ, ты и пойми ее!

— Преинтересно, чортъ возьми: еврейка и русская! Ну, чтожъ, если такъ, то женись.

— Саша, боюсь! Боюсь родныхъ, друзей, знакомыхъ, совѣсти! Боюсь, чтобъ не быть узмѣнникомъ.

— Да, соображенія вѣскія! Значитъ, надо подумать. Лучше всего будетъ, если махнешь рукой и уйдешь. Стоитъ ли ломать голову? Впрочемъ, знаешь что, Осипъ? Дай мнѣ взглянуть на твою зазнобушку. Идетъ?

— Пойдемъ!

Когда друзья пришли на квартиру Осипа, то удивились чистотѣ и порядку въ ней. Сразу замѣтно было, что здѣсь хозяйничала женская рука. Все сіяло: окна, зеркала, пьянино,

шкафъ, полъ. Нигдѣ не было ни паутинки, ни пылинки. Изъ стѣнъ привѣтливо улыбались картины. Какъ только заперлась за офицерами дверь, послышался въ нее стукъ и въ комнату вбѣжала Вѣра въ черномъ, шелковомъ, наскоро на голову наброшенномъ платкѣ, придерживаемомъ на шеѣ ея бѣлой рукой. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, она покраснѣла, повернулась и быстро удалилась. Съ минуту не отводилъ Туча очей отъ дверей, стоя, какъ вкопаный, на мѣстѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ Осипу.

— Она? — спросилъ онъ.

— Она!

— Чортъ возьми, чудая дѣвчина! Теперь не удивляюсь и не осуждаю. Да, за нее можно бы отдать многое.

Осипъ вышелъ въ сѣни. Прежде всего Вѣра попрекнула его за то, что не ночевалъ дома, потомъ она потребовала пояснить причину появленія въ такъ раннюю пору чужого человѣка. Всю ночъ она не спала: ее мучили непріятныя догадки и предположенія; и теперь ей казалось, что Осипъ привелъ товарища для того, чтобы рѣшить дѣло своего ухода. Съ трудомъ успокоилъ онъ ее. Вмѣстѣ вошли они въ комнату.

— Позволь, Вѣра, представить тебѣ моего друга: Александра Александровича Тучу.

— Очень пріятно — шепнула она, подавая ему свою руку. Туча посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Брешетъ! Ихняго брата я зразу узнаю, прикрой онъ себя чортъ знаетъ чѣмъ! — подумалъ онъ. — Радъ познакомться съ другомъ моего друга! — добавилъ онъ громко.

— Такимъ образомъ и я вамъ придусь другомъ. и вы мнѣ также — отвѣтила, проводя къ кресламъ офицера, Вѣра, занявшая мѣсто на диванѣ.

— Благодарю васъ покорнѣйше! разрѣшите узнать ваше отчество?

Румянецъ пробѣжалъ по лицу дѣвушки.

— Развѣ это необходимо! Я женщина простая, зовите меня просто по имени: Вѣра и достаточно!

— Очень мило! тѣмъ легче рѣшимъ вопросъ вашихъ взаимоотношеній. Такъ скажите мнѣ, что думаете съ нимъ сдѣлать? Любовь, видите, хорошое дѣло, но безъ пьянства и хныканья. Сами можете судить, что это не приведетъ къ добру — не волнуясь,съ достоинствомъ началъ Туча.

Отъ этихъ словъ стало Вѣрѣ чего-то неловко и страшно. Въ глазахъ ея явился огонь, какой встрѣчается у женщины, когда рѣшается ея судьба. Своими нетерпѣливыми взглядами она мѣрила то одного то другого. Конечно, она догадалась. что заставило пить и плакать Осипа, но не могла понять, какъ это у него случилось такъ неожиданно.

— Александръ Александровичъ, вы все знаете; не стану васъ мучить объясненіями, только повторю, что я на все готова.

Нѣтъ ничего въ мірѣ ненавистнѣе этого дома. Надѣюсь, что вы пойдете мнѣ на встрѣчу.

Этихъ нѣсколько словъ произвели на Тучу огромное впечатлѣніе. Вѣра оказалася прекраснымъ знатокомъ души. Эта черта, какъ узвѣстно, является особенностью еврейскаго племени. Туча былъ противоположностью Осипа, который, раньше чѣмъ что-нибудь сдѣлать, предавался разсужденіямъ, поглублялся въ мелочи, отклонялся отъ главной мысли, долго не рѣшался и придерживался пословицы: поспѣшишь—людей насмѣшишь. Ему нуженъ былъ постоянный толчокъ со стороны; только, когда его терпѣніе переливалось черезъ край, онъ дѣлалъ тотъ или другой шагъ. Туча не любилъ думать и полагалъ, что каждое дѣло, чѣмъ раньше и скорѣе его начать, тѣмъ лучшимъ выйдетъ. Иногда поспѣшность приводила его къ комическому концу, но несмотря на это онъ не исправился. Засѣвшую въ его головѣ мысль онъ старался провести какъ можно скоро.

— Здѣсь одинъ выходъ: вамъ Вѣра, необходимо перейти въ христіанскую вѣру. Конечно, вы согласны, надѣюсь?

— И сейчасъ! — отвѣтила, волнуясь, Вѣра.

— Въ такомъ случаѣ я иду къ священнику! — рѣшилъ Туча, поднявшись изъ креселъ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты. За нимъ выбѣжалъ, блѣдный какъ стѣна, Осипъ.

— Саша, погоди немножечко. Все это хорошо; но какъ посмотрятъ на мой бракъ родные, знакомые, земляки? Вѣдь они, хотя Вѣра и приняла бы православіе, все равно будутъ считать ее жидовкой, будутъ смѣяться надо мной и поносить. Самъ знаешь, какъ смотрятъ наши люди на еврейскую націю.

— Ну, Осипъ, въ такомъ случаѣ нечего больше и разговаривать. Вонъ отсюда и концы въ воду! Какъ стоишь, уѣзжай сейчасъ со мною!

— Саша, помилуй; этого быть не можетъ! Ты подумай: мое слово, честь долгъ и прочее.

— Слово, честь, долгъ и прочее! А родина — не честь, не долгъ? Чортъ возьми, здѣсь можно съ ума сойти!

— Сашенька, золотой мой! пойми меня: безъ Вѣры я пропаду. Она ухаживаетъ за мною, какъ за дитятей, утѣшитъ, обласкаетъ.

— Такъ значитъ; прости, конь, прости, золотая волюшка! Да, Осипъ, хорошо сказалъ Гоголь: велика власть слабой женщины! Совершенно вѣрно! Теперь, однако, некогда говорить объ этомъ. Она тебѣ нужна, она за тобой ухаживаетъ, она любитъ тебя, ты любишь ее: однимъ словомъ, васъ можетъ разлучить одна лишь смерть. Бѣги къ ней, я скоро приду обратно!

Вошедшаго въ домъ батюшки Тучу встрѣтили три взрослыя дѣвицы и полная матушка. Немного спустя явился изъ боковой двери священникъ, здоровый, плотный и крѣпкій мужчина съ сѣдыми волосами, раздѣленными по поламъ и скрученными въ косу, перевязанную толстымъ чернымъ шнуркомъ.

Большая его борода была тоже сѣдая. Выслушавъ внимательно Тучу и узнавъ въ чемъ дѣло, онъ замахалъ руками:

— Не могу, дорогой, не могу! Это хитрость, ни менѣе, ни болѣе, какъ одна хитрость. Дорогой, никогда выхрещенный еврей не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ. Понимаете? никогда!

— Батюшка, человѣкъ можетъ ошибаться.

— Въ данномъ случаѣ я не ошибаюсь. Повѣрте мнѣ, дорогой. У меня опытъ, практика. Вдобавокъ нужно разрѣшеніе архіерея; у васъ оно есть?

— Нѣтъ! Я пришелъ именно спросить, что нужно.

— Вотъ видите, дорогой. А разрѣшеніе родителей имѣется?

— Тоже нѣтъ! а безъ него нельзя обойтись?

— Сколько ей лѣтъ?

— Около 20-ти.

— Нельзя, дорогой, никакъ нельзя, не могу! — Батюшка потрясъ бородой и покосилъ однимъ глазомъ на Тучу: — не полякъ ли вы будете?

— Нѣтъ, я русскій, только не здѣшній, а изъ Галичины.

— Не могу, дорогой, рѣшительно не могу. Каждый день является ко мнѣ по два, по три еврея, и просятъ крестить ихъ. Но я вамъ, дорогой, повторяю, что это хитрость.

Пришлось Тучѣ уйти. При отходѣ за его спиной раздался дѣвичій хохотъ, отъ котораго ему сдѣлалось и досадно и больно. Осипъ и Вѣра съ радостью бросились ему на встрѣчу, когда онъ перешагнулъ порогъ.

— Нельзя, рѣшительно нельзя!

Такая неожиданная вѣсть, какъ громъ, поразила одного и другого. Оба они поблѣднѣли и, молча, смотрѣли на Тучу. То, чего такъ боялась Вѣра, приближалось къ концу. До сихъ поръ она все вѣрила въ успѣшный исходъ и никогда не думала о разлукѣ съ Осипомъ. Теперь страхъ наполнилъ ея трепещущее сердце.

— Александръ Александровичъ, не уводите мнѣ его, не рвите моего сердца пополамъ. Не гоните меня въ могилу. Я хочу быть съ нимъ; я пойду за нимъ какъ тѣнь, всюду въ самый опасный бой и мать брошу и отца брошу, чтобы быть съ нимъ. Съ нимъ мое счастье и жизнь! — залепетала она, роняя на грудь свою слезу за слезою и ломая руки. Вдругъ она обвила руками шею Осипа и, какъ лебедь, прильнула къ нему. Кромѣ него она ничего не видѣла и не замѣчала.

Весьма тронутъ былъ Туча этой сценой. Впервые въ своей жизни онъ встрѣтилъ безкорыстную, самоотверженную, готовую на муки и лишенія любовь. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ въ возвышенный порывъ женщины, а теперь убѣдился, что ошибался.

Въ комнату вошла мать Вѣры, знающая, какое горе готовитъ ей дочка. Увидѣвъ ее на груди чужого человѣка, она,

обыкновенно какъ мать, стала брачить такой постутокъ неблагодарный уже второй своей невѣрной дочери.

— Ты безстыдница, сама вѣшаешься мужчинѣ на шею. Конечно молодой человѣкъ и радъ. Гдѣ совѣсть у васъ обоихъ?

— Мама, ты меня можешь бранить и убить, если хочешь, но Осипа оставь въ покоѣ. Я его люблю, и ты, пожалуйста, не вмѣшивайся не въ свои дѣла.

— Не въ свои дѣла, подумаешь! Что это такое? Дочь родная и не свои дѣла! Безстыдница ты! Уйди отсюда, слышишь!

— Нѣтъ, не уйду! вотъ лучше ты сдѣлаешь, если уйдешь.

Старуха застыла отъ такой рѣчи; пошамкавъ губами и не зная, что дѣлать дальше, она повернулась и ушла со своимъ второй разъ постигшемъ ее горемъ. На Вѣру она возлагала свои послѣднія надежды. Она берегла и лелѣяла ее какой-то болѣзненной и неестественной любовью, думая, что съ Вѣрой не погаснетъ огонь родительскаго очага. Ибо у евреевъ имѣетъ значеніе женщина лишь тогда, когда она принявшее потомственное родство сбережетъ наслѣдственно. Поведеніе Вѣры изумило обоихъ мужчинъ, удивило, но и понравилось.

— Погодите, господа, на этомъ не конецъ. Совѣтуйте, что мнѣ дѣлать.

— Нѣтъ, Вѣра, теперь уже нечего ждать, а надо приступить къ дѣлу. Не бѣда, что здѣшній попъ отказалъ. Найдется другой, который окреститъ васъ безъ всѣхъ этихъ требованій, какъ разрѣшеніе архіерея, родителей, городского управленія, безъ молитвы, поста, милостыни и еще чортъ знаетъ чего. Это все одна только формальность; дѣло не въ ней, а въ чувствѣ, желаніи, убѣжденіи. Разъ вы чувствуете себя русской, то все прочее—мелочь.

— Александръ Александровичъ, я хочу быть законной женой, по всѣмъ правиламъ православной церкви и обычаямъ русской земли. Помогите мнѣ сбросить разъ навсегда изъ себя бремя; на васъ одного надѣюсь.

Вошла опять старуха.

— Тебя зоветъ отецъ!

— Чего? Не пойду! — на отрѣзъ отвѣтила Вѣра.

Мать, сплеснувъ руками, заголосила на всю комнату. Семейная трагедія началась. Явился и отецъ и сталъ уговаривать дочку, просить и требовать, чтобы она образумилась, доказывая, что бракъ неравенъ, нелѣпъ и ничего хорошаго не сулитъ. Просьбы и доказательства не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Вѣра отвѣчала, что никого не желаетъ дѣлать несчастнымъ и, какія бы лишенія послѣ брака ни постигли ее, она пойдетъ съ тѣмъ, кого любитъ. Убѣдившись въ томъ, что Вѣра не отступитъ отъ своего намѣренія, старикъ ушелъ, увлекая съ собой разбитую старуху.

— Саша, что жъ теперь? — спросилъ Осипъ, до сихъ поръ

молчавшій и разсуждавшій о происходящемъ. Онъ терялъ уже терпѣніе.

— Нужно дѣлать то, что я уже предложилъ: ѣхать въ деревню! За успѣхъ не ручаюсь. Вы только, Вѣра, достаньте кой какіе документы; они могутъ пригодиться. Предлагаю ѣхать, сегодня вечеромъ. Знаете сами, какія тучи висятъ на горизонтѣ. Большевики могутъ быть въ скоромъ времени въ Мелитополѣ.

Конечно, предложеніе было принято. Вѣра ухитрилась достать платье, документы и нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей и подъ вечеръ явилась за городомъ на условленное мѣсто, гдѣ ее ожидали два офицера и подводчикъ. Тронули въ глухую, пустую степь. Отъ р. Молочной ползъ туманъ, сырой и холодный. Такъ и казалось, что изъ него посыпитъ дождемъ. Подвода проѣхала въ песочную долину, взобралась на холмъ, опять спустилась на равнину и остановилась въ деревнѣ за двадцать верстъ отъ города. Туча постучалъ въ дверь, за которой черезъ нѣкоторое время обозвался женскій голосъ, обѣщающій доложить батюшкѣ. Когда открылась дверь, на порогѣ показался низенькій, худенькій, старый священникъ съ жидкой бородкой и свѣчкой въ дряхлой рукѣ; уже въ корридорѣ стали излагать офицеры цѣль и причину своего появленія. Батюшка ввелъ ихъ въ комнату и терпѣливо и спокойно выслушалъ весь докладъ.

— Не могу, голубчики, не могу! — отвѣтилъ онъ рѣшительно.

Для Осипа это было уже черезчуръ; онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и подвелъ его къ груди священника.

— Вы должны, батюшка! — крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ, какъ снѣгъ.

Туча отнялъ у Осипа револьверъ.

— Не могу, голубчики! Что хотите, то и дѣлайте со мной, но я не могу, какъ православный священникъ, присягающій ежедневно Господу исполнять Его заповѣди свято и чисто. За каждое мое дѣло, голубчики, я долженъ буду отвѣчать передъ Нимъ.

Вѣрѣ сдѣлалось страшно. Ей казалось, что этотъ священнослужитель знаетъ самыя сокровенныя и глубокія тайны человѣческой души; каждое его слово звучало въ ея ушахъ загробнымъ, холоднымъ голосомъ. Въ ея очахъ появились слезы; она готова была заплакать и, трепеща, закрыла почти все лицо чернымъ платкомъ.

— Батюшка, вѣдь крещеніе должно бы васъ радовать, какъ богоугодное дѣло. Чего вы боитесь? Все то, что вы наговорили, не имѣетъ смысла, ибо человѣкъ, пожелавшій принять св. крещеніе, уже, по словамъ священнаго писанія, тѣмъ самимъ крещенъ Духомъ святымъ. Какой же вы служитель Бога? Сухой формалистъ и ничего больше! — пояснилъ Туча.

— Ложное толкованіе, голубчикъ! Вы не на морѣ, вы не въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ священника. Постарайтесь въ своемъ

приходѣ сдѣлать все необходимое, тогда и приходите, тогда все сдѣлаю. Сейчасъ, голубчики, хоть меня убейте на мѣстѣ, не могу!

Старичокъ затрясся и выпустилъ изъ рукъ свѣчу. Въ комнатѣ стало темно. Весь планъ Тучи опять провалился. Онъ дернулъ Осипа, тотъ подалъ руку Вѣрѣ и всѣ трое они вышли изъ дому. Въ воротахъ они наткнулись на старую бабу, въ лохматьяхъ, съ котомкой и костылемъ въ рукахъ.

— Куда такъ поздно — фу ты! — такъ рано, бабушка? — спросилъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, Туча.

— Въ церковь, миленькій. Отецъ Гнатій скоро выйдутъ на заутреню. То то, миленькій, какъ станутъ читать и пѣть, то слезы, какъ горошокъ, такъ катятся. А вы что за люди?

Отвѣта она не удостоилась. Добравшись до подводы, ночные путешественники сѣли на нее, молча, и поѣхали обратно въ Мелитополь. Еще гуще, сырѣе и прохладнѣе сдѣлалась мгла, такъ что тяжело было дышать. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда они въѣхали въ первую улицу города. Ужасная тревога и суетня накопившагося народа остановили подводу. Гражданское насесеніе, смѣшавшись съ войсками, бѣжало въ страхѣ передъ наступающими большевиками. Туча соскочилъ съ подводы, желая выяснить въ чемъ дѣло, да такъ и не возвратился больше. Онъ присоединился къ отступающему Мелитопольскому гарнизону и сейчасъ былъ назначенъ командиромъ добровольческой студенческой части. Осипъ, не дождавшись Тучи, оставилъ Вѣру у подводы, заѣхавшей въ первый дворъ, и побѣжалъ на вокзалъ собрать точныя свѣдѣнія о создавшемся положеніи, но подобно Тучѣ уже не добрался обратно къ Вѣрѣ. Большевитскія конныя развѣдки вошли въ городъ. Онъ вынужденъ былъ вмѣстѣ съ Деникинскими остатками уходить въ Крымъ и бросить Вѣру на произволъ самой жестокой и безпросвѣтной судьбы.

За лугами за зелеными,
За садами за вишневыми,
Лежитъ шляхъ—дороженька,
Широкая тай убитая.
Слизоньками тай политая.
Свадебная пѣсня.

4. Свадьба.

Въ Крыму прожилъ Осипъ въ ужасвѣйшихъ мукахъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ: послѣдвія недѣли осени, всю зиму и начало весны. Послѣдствія раненія и душевныя тревоги подтачивали его здоровье. Дошло до того, что его стали преслѣдовать привидѣнія и призраки. Такъ, напримѣръ, въ саду у Счастливцево ему привидѣлась Вѣра; черезъ нѣсколько дней она опять ему явилась. Послѣ каждаго привидѣнія онъ терялъ сознаніе, валился, какъ подкошенная трава, въ обморокѣ на зе-

млю и бился въ судорогахъ нѣсколько минутъ. На его лицо выступалъ потъ, а уста покрывались пѣной. Затѣмъ блѣднѣлъ и, какъ мертвецъ, лежалъ цѣлыя сутки съ болью головы.

Не многимъ лучше жилось и Вѣрѣ. Въ родительскій домъ она уже не вернулась и переѣхала на жительство къ сестрѣ въ Александровскъ. Отецъ ея умеръ, не будучи въ состояніи перенести горя, отъ разрыва сердца, а мать, подавленная потерей мужа и дочери, поникла головой и заперлась на ключъ. Весь домъ перешелъ на руки долголѣтней служанки.

Одинъ Туча не падалъ духомъ. Дальше Сивашей онъ въ Крымъ не ушелъ и жилъ тамъ, несмотря на суровую жизнь, безъ заботы. Военная жизнь пришлась ему по душѣ. Онъ полюбилъ Крымъ и синее, какъ море, небо. Когда съ весной началось наступленіе, руководимое Врангелемъ, онъ шелъ въ первыхъ рядахъ Брестскаго полка, не зная утомленія. Какая-то неудержимая сила толкала его впередъ подъ свистъ пуль и грохотъ ядеръ. Ни на что не обращалъ онъ вниманія; тѣнь распятой родины вѣчно стояла передъ его очами. Добровольцы взяли Мелитополь. Казалось бы, что Туча побѣжитъ туда узнать, что случилось съ Вѣрой. Куда тамъ! Ему теперь некогда возиться съ бабами. Онъ прошелъ мимо города черезъ Кизіярку, Семеновку, Федоровку и Троицкое на большой Токмакъ. Ни по чемъ ему похвалы и отличія. Одна неотступная мечта лелѣетъ его грудь: свобода и величіе русскаго народа. Жизни своей онъ не щадилъ, но судьба все таки его щадила. Онъ не погибъ, несмотря на то, что былъ въ самыхъ опасныхъ бояхъ; только за Большимъ Токмакомъ, въ двѣнадцатомъ съ ряду сраженіи, онъ былъ раненъ и принужденъ былъ выбыть изъ строя. Его подняли санитары, которымъ онъ велѣлъ занести себя къ Токмачкѣ и вымыть раны съ крови и грязи. Случилось это въ полдень. Жара въ степи стояла невиносимая. Ни вѣтерокъ не дунулъ, ни рожь не зашевелилась. Не видно и не слышно было даже жаворонковъ въ воздухѣ. Все спрятолось передъ палящими лучами солнца. Бой утихъ, и тишина объяла степь.

Туча былъ отправленъ въ Мелитополь. Въ больницѣ дѣлали ему ежедневно перевязки и велѣли лежать. Какъ только его раны немножко зажили, онъ вышелъ въ городской садъ и встрѣтился съ Осипомъ и Вѣрой, которая какъ разъ передъ наступленіемъ Врагелевскихъ войскъ пріѣхала въ Мелитополь и остановилась въ гостинницѣ. Ихъ неожиданная встрѣча замѣнилась въ дѣтскую радость. Разговорамъ и разсказамъ не было конца. Изъ всего сказаннаго выходило, что бракъ Вѣры съ Осипомъ не состоялся; опять все бремя его свалилось на Тучу, которому теперь въ этомъ дѣлѣ сама судьба пошла на встрѣчу.

На Руси сохранились прекрасныя сердца и тлетворное разложеніе не коснулось ихъ. Въ больницу, гдѣ помѣщался Туча, приходили женщины, чтобы поговорить съ больными и ранеными. Не важно то, что онѣ являлись съ подарками, а не-

оцѣнимо было то, что онѣ приносили съ собой отраду, успокоеніе и утѣшеніе для страждущихъ. Одна изъ такихъ посѣтительницъ, по имени Нина, была едвагимназисткой. Это было миловидное, нѣжное, кроткое существо не болѣе 17-ти лѣтъ, средняго роста, съ волнистыми, темнорусыми кудрями, съ сѣрыми мечтательными глазками и ямочками на щечкахъ, когда улыбалась она. Возлѣ кровати Тучи она остановилась съ какой-то трогательной робостью, но несмотря на то она первой начала говорить. Рѣчь ея была такъ же милой, какъ и наружный видъ. Туча узналъ, что она была единственной дочкой священника изъ Семеновки, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мелитополя.

Впервые въ своей жизни Туча испыталъ что-то въ родѣ любви. Онъ каждый разъ проводилъ ее, и они сблизились, стали сразу себѣ родными, какъ будто они оба въ одномъ дому выросли. Понятно, что Туча былъ позванъ въ Семновку и встрѣченъ весьма радушно родителями Нины. Къ нему привыкли и, когда онъ не пришелъ въ Семеновку, посылали подъ вечеръ за нимъ подводу. Воспользовавшись хорошимъ къ нему отношеніемъ священника, онъ приступилъ къ дѣлу. Онъ уговорилъ батюшку окрестить Вѣру и бракосочетать съ Осипомъ; долго онъ не соглашался, но наконецъ уступилъ, заявляя однако, что не ожидаетъ ничего хорошаго отъ такого брака.

Когда Туча объявилъ Вѣрѣ и Осипу о согласіи священника, они оба бросились его обнимать и цѣловать. Въ особенности Вѣра была въ восторгѣ. Съ тѣхъ поръ она прямо стала ухаживать за Тучей, а Осипа какъ будто позабыла. Въ чемъ заключалась такая перемѣна? Хитрая дѣвушка дѣлала это только для того, чтобы Туча не остылъ въ своихъ стараніяхъ. Одну недѣлю она училась правиламъ христіанской вѣры; Осипъ, можно сказать, изъ равнодушнаго къ дѣламъ вѣры, сдѣлался весьма набожнымъ.

Пришелъ день крещенія и вѣнчанія. Вѣра одѣлась въ бѣлое платье; волосы она заплела въ одну косу и голову прикрыла бѣлымъ платкомъ; на чело ея легла какая то грусть; она избѣгала разговора, сосредоточивая свои мысли. Извозчикъ, додумавшись въ чемъ дѣло, пустилъ своихъ лошадей въ быстрый бѣгъ за городомъ по битой сухой дорогѣ черезъ степь, кустарники и Семеновскіе огороды съ вишневыми садами, перерѣзанные лѣнивой Молочной. Священникъ ожидалъ ихъ у воротъ; выбѣжала Нина, на крыльцѣ появилась матушка. Въ церкви уже было нѣсколько крестьянокъ. Священникъ надѣлъ на себя ризы. Начался обрядъ крещенія. Отвѣты, которые давала на вопросы Вѣра, записывалъ молодой псаломщикъ. Все происходило у порога церкви.

— Ваше имя? — спросилъ священникъ.

— Вѣра.

— Я спрашиваю Ваше настоящее имя.

На лицѣ дѣвушки выступили красныя пятна; она опустила голову, и тихо стала отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы,

— Какъ ваше настоящее имя? — повторилъ священникъ.

— Ревекка.

— Отчество?

Красныя пятна, появившіяся опять на лицѣ Вѣры, уже не исчезали до конца крещенія.

— Александровна.

— Не иначе? Говорите правду.

— Абрамовна.

— Фамилія?

— Абровская.

— Я спрашиваю настоящую — сказалъ батюшка и покосилъ на Вѣру однимъ окомъ.

— Абровкеръ.

— Лѣтъ сколько вамъ?

— Девятнадцать.

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ. Вѣра должна была отвѣтить, что вѣру своихъ отцовъ покидаетъ добровольно, убѣдившись въ ея ложности, что никакіе разсчеты, корысти, земныя блага не заставляютъ выречься іудейскаго имени, что православіе принимаетъ охотно ради спасенія своей души. Она должна была исповѣдываться, принести клятву и на серединѣ церкви прочитать: „Вѣрую". Говорила она тихо, ошибалась и большей частью повторяла слова за священникомъ. Самое крещеніе состоялось слѣдующимъ образомъ: Вѣра должна была раздѣться и нагая влѣзть въ бочку съ водой. Неохотно снявъ одежду и покрывъ себя простыней, она вошла, закусивъ губы, въ бочку и, какъ бѣломраморная статуя у фонтана, ни шевельнулась въ водѣ. Крестнымъ отцомъ былъ Туча, имя котораго стало отчествомъ Вѣры, а крестной матерью была Нина. Послѣ крещенія состоялось бракосочетаніе.

Крещеніе Вѣры произвело на каждаго изъ присутствующихъ особое впечатлѣніе. Священникъ острилъ; Нина, прижимаясь къ Тучѣ, пояснила ему шопотомъ, что Вѣра „моченая", псаломщикъ Питиримъ назвалъ крещеніе попросту комедіей, на что крестьянки захохотали на всю улицу. Туча негодовалъ самъ не зная, на кого и на что. Въ немъ еще въ церкви, когда Вѣра вырекалась вѣры своихъ отцовъ, созрѣло убѣжденіе, что выкрещиваніе есть ужасное, недопустимое дѣло, что оно никакой пользы не можетъ принести православной церкви. У Вѣры перевернулось въ умѣ все шиворотъ на выворотъ; она съ отвращеніемъ отнеслась къ произведеннымъ надъ ней формальностямъ. Задума легла на ея прекрасномъ челѣ и она съ огорченіемъ смотрѣла на весь Божій міръ. Не помогли привѣтливыя, ласковыя и нѣжныя слова Осипа, который одинъ остался весьма довольный крещеніемъ.

Батюшка пригласилъ новобрачныхъ къ себѣ на чай. Нина

однако взяла подъ руку Тучу и увела по усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ въ вишневый садикъ. Такъ какъ роса уже высохла, они сѣли на зеленой муравѣ. Нина чуть-чуть волновалась.

— Сядь, Саша, возлѣ меня ближе; я хочу тебѣ сказать, что меня волнуетъ. Если бы меня, какъ въ старину мученицъ, повѣсили на деревѣ, распяли бы, жилы желѣзомъ и крюками тѣло рвали бы, я бы не выреклась вѣры моихъ отцовъ, какъ сейчасъ сдѣлала эта еврейка. Я не въ состояніи всего тебѣ высказать, что думаю, куда мнѣ! Жидовство присѣло русскую землю, и портится святая наша вѣра. Православная вѣра есть неотъемлимая часть русской души, какъ рѣчь, завѣтъ, обычай, обрядъ, духъ и все прочее, что составляетъ черты русскаго народа. Ты, Саша, милый и славный человѣкъ, но не знаешь всего, что у насъ творится. Въ нашей гимназіи всѣ мои подруги-еврейки хотятъ выйти замужъ за офицеровъ и только за русскихъ; всѣ онѣ готовы перейти въ православіе. Но намъ мнимыхъ православныхъ не нужно. Всѣ эти „мочеными“ несутъ варварство въ русскій народъ. Почему, Саша? Потому, что они только слегка касаются символа нашей вѣры. Русскіе, когда принимали христіанство, стояли въ Днѣпрѣ въ водѣ по голову; „мочевые“ стоятъ лишь по колѣни. Они только прикрываются русскимъ именемъ и подрываютъ устои русскаго народа; обойдется безъ нихъ; вплоть до нашего времени безъ нихъ строилась русская земля и теперь намъ ихъ не нужно. Саша, пойми меня.

Нина склонилась къ Тучѣ и заплакала.

— Безъ меня и тебя она не выкрестилась бы. Любя его, ты старался сдѣлать все, что можно; любя тебя, я уговорила отца; любя меня и тебя, отецъ согласился ее выкрестить. Всѣ мы поступили плохо. Я это чувствую, Саша. Но пусть будетъ; случившагося не вернешь. Саша, у тебя есть крестикъ?

— Нѣтъ, у насъ матери не даютъ крестиковъ.

— Возьми, миленькій! — сказала она, снявъ маленькій золотой крестикъ изъ своей шеи и воткнувъ его за воротникъ Тучи.

Съ крыльца обозвался матушкинъ голосъ. Они встали и подошли къ воротамъ. Осипъ и Вѣра сидѣли уже въ каретѣ. Туча, простившись со всѣми, вскочилъ на козлы. Свистнувъ, извозчикъ тронулъ лошадей, которые, какъ вихрь, по той-же битой дорогѣ мимо огородовъ, вишневыхъ садовъ и рѣки Молочной помчались въ степь къ Мелитополю. Осипъ, не зная уже, что ему говорить и чѣмъ развлечь Вѣру, указалъ ей на еврейское кладбище, мимо котораго они проѣзжали. Онъ хотѣлъ ее обрадовать, что она уже больше не еврейка, но эта необдуманная неосторожность еще въ высшей степени разстроила раненную неуклюжими операціями душу.

— На этомъ кладбищѣ мнѣ больше не лежать — шепнула Вѣра и, закрывъ платкомъ лицо, зарыдала. Она плакала

слезами обиды; плакала потому, что обошлись съ ней грубо и подвергли ужаснымъ пыткамъ сухой формалистики. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ разъ во время крещенія она была самой убѣжденной еврейкой и не вырекалась вѣры своихъ отцовъ, а напротивъ полюбила эту вѣру. Пріѣхавъ къ себѣ, она ушла въ другую комнату и на ключъ заперла дверь за собой. Совѣсть не давала ей спокою, она желала уединиться и подумать о томъ, что случилось.

Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный!

А. С. Пушкинъ.

5. Подъ шумъ Салгира.

На слѣдующій день Туча уѣхалъ на фронтъ, хотя его рана не зажила, какъ слѣдуетъ. Съ Ниной и ея родителями онъ простился письменно. Опротивѣлъ ему городъ, домъ на домѣ, кучи камней и кирпичей, закоптѣлыя трубы, лязгъ возовъ, туманы пыли и сажи, запахъ затхлыхъ коридоровъ, толкотня и бабій крикъ и по вечерамъ бредни лгуновъ и шулеровъ. Послѣднія слова Нины, когда она ему дарила крестикъ, упрекомъ звучали въ его ушахъ. Пуще прежняго не щадилъ онъ себя, стараясь забыть все, что случилось въ Мелитополѣ.

Нина затосковала. Подолгу она гуляла въ саду и вдоль Молочной, предавшись воспоминаніямъ о миломъ другѣ. Никто не видѣлъ ея дробныхъ слезъ, никто не слышалъ ея тихихъ рыданій; ни отецъ ни мать не замѣтили, какъ каждый вечеръ она уходила въ уголъ церкви, никто не видѣлъ, какъ припадала она къ родной землѣ. Она молилась и вѣрила въ то, что Туча еще вернется. Однако не вернулся онъ больше.

Осипъ устроился въ тыловой части, на что онъ, какъ тяжело раненый, имѣлъ полное право. Послѣ брака его характеръ совершенно перемѣнился. Изъ буйного юноши и лихого бойца онъ превратился только въ доброго молодца; проще сказать: онъ сдѣлался тѣмъ, что получило названіе „бабы“. Онъ сталъ тихимъ и смирнымъ и безпрекословно исполнялъ всѣ захотѣнія Вѣры. Можно было его назвать „тихимъ и порядочнымъ мужемъ“.

Вѣра вошла въ свою роль; она пополнѣла, похорошѣла и стала еще бойче и энергичнѣе, чѣмъ была передъ бракомъ. Мать ея смякла. Родственники устроили свиданіе и Вѣра переселилась въ родной домъ. Одно только было непріятно для Осипа, именно звать еврейку матерью. Онъ тяготился и сокрушался, хотя никогда не подавалъ вида, что страдаетъ по этой причинѣ. Вѣрой онъ былъ доволенъ и счастливъ даже.

А Вѣра? Два мѣсяца она не сводила очей изъ своего мужа. Она его переодѣвала, мыла, чесала, проводила на службу, ожидала у воротъ канцеляріи, когда кончались часы занятія. По-

томъ она остыла къ Осипу, хотя этого и не обнаружила. Онъ не догадался и не въ состояніи былъ догадаться. Чѣмъ больше она остывала, тѣмъ внимательнѣе относилась къ нему. Любовь ея пошатнулась и немалую роль въ этомъ отношеніи сыграла падучая. Первый разъ, когда случилась съ Осипомъ эта болѣзнь, она испугачась и думала, что онъ помретъ; второй разъ, увидѣвъ пѣну на его устахъ, она почувствовала къ нему отвращеніе, но напрягала всѣ усилія, чтобы подавить это чувство. Мать стала ее журить, конечно, осторожно и обдуманно. Дума и страданіе вселились въ сердце Вѣры. Этимъ ея тревожнымъ страданіямъ положила конецъ сама судьба.

Большевики, заключивъ за всякую цѣну миръ съ поляками, повели всѣми силами наступленіе на добровольцевъ; опять пришлось имъ отступать въ Крымъ. Отступленіе происходило въ ужаснѣйшихъ условіяхъ: большевики заняли Каховскую переправу и Сиваши у Перекопа; оставшіеся въ Александровскѣ и Мелитополѣ добровольческія части должны были пробиваться въ Крымъ. Фронтовики, тыловыя части и гражданскія чины смѣшались; у селеній Сологорного и Алексѣевки толпы народа сбились въ одинъ валъ, точно льдинная запруда на вздувшейся весной рѣкѣ. Такъ же въ толпѣ шумѣло, клокотало, гудѣло, грохотало, такъ же какъ льдины на льдины сбивались кучи народа. Къ счастью корпусъ генерала Кутепова сдѣлалъ прорывъ въ большевитскомъ валѣ, и путь въ Крымъ былъ освобожденъ; тысячи жизней были спасены.

Во всей этой суматохѣ находился Осипъ съ Вѣрой, которымъ въ концѣ концовъ удалось пробраться въ Симферополь и заквартироваться у двоюродной сестры Вѣры. И тутъ то на вокзалѣ Осипъ наткнулся случайно на Тучу.

— Ну, слава Богу, что встрѣтился съ тобой, Саша!

— Здорово, дружище! Какъ дѣла? Жинка съ тобой?

— Конечно, конечно! Но что это, Саша, творится?

— Что? Уходимъ изъ Крыма!

— Быть не можетъ!

— Читай приказъ!

Туча подалъ ему кусочекъ бумаги. Прочитавъ, Осипъ поблѣднѣлъ, какъ мѣлъ. Онъ надѣялся, что большевики будутъ повздержаны у Перекопа, какъ годъ тому назадъ. Теперь эта надежда рухнула. Осипъ посмотрѣлъ на своего друга большими очами.

— Саша, что дѣлать?

— Какъ что? уходить вмѣстѣ со всѣми!

— А Вѣра?

— И Вѣра пусть уходитъ!

— Милый Саша, она разболѣлась, она совсѣмъ слегла и не хочетъ дальше уходить. Говоритъ, что хочетъ умереть на русской землѣ.

— А гдѣ она?

— У двоюродной сестры.

— У жидовки?

— Да, Саша.

— Такъ что же? Пускай остается у сестры, когда она милѣе тебя, а ты уходи, не то погибнешь. Ты знаешь самъ, что на милость красныхъ расчитывать нельзя. Уходи и кончено; другого выхода нѣтъ.

— Уходить безъ Вѣры? Нѣтъ, дорогой Саша! Этого я сдѣлать не могу и тѣмъ болѣе теперь, когда она больна. Не могу я оставить ее на произволъ судьбы.

— Почему на произволъ судьбы? Она вѣдь у сестры, и если ты останешься, то ей ничѣмъ не поможешь, только погубишь себя. Ты убитъ будешь какимъ нибудь палачомъ красныхъ не въ честномъ бою съ оружіемъ въ рукахъ, а какъ связанный теленокъ въ жидовской бойнѣ. Уходи, говорю тебѣ. Съ Вѣрой черезъ годъ-два увидишься: или она пріѣдетъ къ тебѣ за границу, или, быть можетъ, мы вернемся въ Россію.

— Нѣтъ, нѣтъ, Саша! Безъ Вѣры ни шагу!

— Чортъ возьми, пропалъ, ни за что пропалъ! —крикнулъ Туча.

Два друга, такъ нѣжно любящіе себя, простились холодно и растались разъ навсегда. Когда Осипъ исчезъ въ водоворотѣ толпы, Туча долго стоялъ на томъ же мѣстѣ и думалъ.

— Жалко, пропадетъ ни за что! Вотъ что можетъ женщина! Жалко, ибо добрый былъ хлопецъ и за освобожденіе Карпатъ не жалѣлъ ни молодости, ни крови. Эхъ, чортъ возьми воли нѣтъ у него только. Всегда его надо подталкивать, хоть храбръ и смѣлъ. Подчинился бабѣ и пропалъ! И любовь у него какая-то смѣшная. Какъ ночной мотылекъ въ огонь, летитъ онъ въ пропасть, и что ты съ нимъ подѣлаешь? Не чары ли это? Не сумашествіе, не туманъ? Ну, такъ прощай Осипъ! На томъ свѣтѣ увидимся.

Туча махнулъ рукою и вскочилъ въ послѣдній эшалонъ, отправляющійся въ Севастополь. Объ уходѣ Вѣра и слышать не хотѣла и совѣтовала Осипу уѣзжать безъ нея, на что онъ, конечно, не согласился. Цѣлыя сутки прошли, какъ въ удушливомъ чаду, и Осипъ ничего не могъ сообразить. Кромѣ Вѣры онъ не видѣлъ ничего. На второй день развязку своего положенія онъ все таки нашелъ. Онъ примкнулъ къ группѣ офицеровъ, оставшихся въ Симферополѣ, и ни за что нежелающихъ уходить изъ Россіи. Эти на вѣрную гибель обреченные люди разсуждали и странно и наивно:

— И большевики люди и все таки русскіе. Главнымъ образомъ надо бросить оружіе и снять погоны. Конечно, они придутъ, арестуютъ, подержатъ мѣсяцъ-два, а потомъ и выпустятъ. Собственно, за нами и никакихъ такихъ грѣховъ нѣтъ; мы честно сражались съ ними. Сдаемся, какъ побѣжденные, и они это поймутъ — говорили они, утѣшая себя. Вотъ къ этимъ-то изнуреннымъ кровавыми боями и тяжелыми походами офицерамъ присоединился и Осипъ.

Но горе побѣжденнымъ! Случилось такъ, какъ слѣдовало было ожидать отъ взбунтовавшейся стихіи, веденной холоднымъ до подробностей обдуманнымъ замысломъ Іудъ еще внѣ Россіи.

Былъ чудный осенній день, теплый и пріятный. Еще бабочка, радуясь свѣтлому солнцу, прелетела съ виноградной лозы на лозу. Надъ Тавридой простиралось чистое голубое небо. Отъ Феодосіи черезъ холмы, покрытыя орѣшникомъ и миртомъ, вѣялъ ласковый вѣтерокъ и пропадалъ ниже Бахчисарая. Въ Симферополѣ стало тихо, словно въ хатѣ, въ которой лежитъ мертвецъ. Куполы соборовъ, оттоманскіе мѣсяцы, высокіе кипарисы какъ будто наклонились къ землѣ, предчувствуя адскую грозу.

Да гроза прикатилась. Ворвавшіеся въ городъ большевики рвали, ломали, грызли и уничтожали все, что попало въ ихъ руки. Подъ видомъ вылавливанія буржуевъ и выискиванія оружія они перерыли и перековыряли всѣ дома, всѣ жилища. Съ оставшимися офицерами они поступили такъ, какъ иначе не могли поступить.

На западъ отъ города лежитъ покатистая терраса, ниже которой журчитъ, какъ фонтанъ, по камнямъ маловодный Салгиръ, а выше которой растутъ сады. Вдоль Салгира стоятъ по обѣимъ сторонамъ высокіе, ровные и тонкіе тополи и тутъ и сямъ бѣлые толстые яворы. На эту прекрасную террасу были выгнаны большевиками пойманные, раздѣтые, босые офицеры. Окруживъ кольцомъ, они велѣли имъ сѣсть, дожидаясь пріѣзда товарища — комиссара.

Каждый изъ обреченныхъ на смерть жертвъ думалъ свою думу. Въ продолженіи десяти минутъ каждый изъ нихъ прочувствовалъ столько, сколько не прочувствовалъ всю жизнь. Осипъ припалъ къ землѣ и вслушался въ шумъ Салгира. Подъ этотъ шумъ вспомнилось ему все: родная хата, родные, подгорье и горы Карпатъ, первыя дѣтскія игры, школа, Яворовъ, всѣ друзья, первые дни войны, арестъ, Львовъ, тюрьма во Львовѣ, ночь, когда вѣшали невинныхъ людей, и она... эта солнечная дѣвочка, указавшая ему на ужасъ произвола. Только теперь просвѣтлѣло въ его умѣ; онъ понялъ свою ошибку.

— Все таки я измѣнилъ, и мститъ мнѣ рука таинственной справедливости. Только теперь я понимаю, что Вѣра — одна страсть и больше ничего. Ни духа, ни любви, ни пониманія родной земли въ ней не было. Я былъ всегда съ нею и при ней, но наши пути на сотни и тысячи верстъ расходились; она не могла меня любить, и я ее не любилъ; я любилъ и люблю одну солнечную дѣвочку изъ Львовской тюрьмы, слѣдомъ со мною ходившую по Дону, Кубани, по Недреманной горѣ, по Днѣпру и по Чорному морю.

Пріѣхалъ товарищъ — комиссаръ, плюгавый, нечистоплотный жидъ, и далъ приказъ. Произошла страшная бойня. Въ офицеровъ стрѣляли изъ винтовокъ и нагановъ, кололи штыками, рубили саблями, убивали прикладами, добивали каблуками са-

погъ. Къ Осипу прискочилъ здоровый парень съ большимъ чубомъ и прицѣлился изъ револьвера, крича:

— Какъ смѣлъ ты, сукинъ сынъ, противъ насъ?

— Кого? а что цѣловать васъ, побратавшихся съ нѣмцами, предавшихся на фронтѣ, погубившихъ лучшихъ русскихъ людей, Духовина, Корнилова? васъ, которые идете слѣпо, какъ бараны, по чужому велѣнію истреблять русскія святыни, грабить русскую землю?.. васъ, которые теперь сдавшихся и безоружныхъ бьете?

— И-и-и! а—зачѣмъ, ваше благородіе, бросили оружіе? Я, что ли, долженъ тебѣ дать оружіе въ руки! Ха-ха, какой дуракъ!

Хватъ-парень выпалилъ въ Осипа, который, однако, въ одинъ мигъ уклонился и прискочилъ нечаянно къ красноармейцу. Онъ схватилъ его за горло обѣими руками и повалился съ нимъ на землю. Увидѣвъ это товарищъ — комиссаръ, гукнулъ на другого красноармейца, который, прибѣжавъ на мѣсто, со всего плеча рубнулъ Осипа по головѣ своей тяжелой шашкой.

— Вэ-э-эхъ! — раздался стонъ и брызнула кровь изъ черепа Осипа. Освободившійся парень мялъ его ногами и въ дребезги разбилъ голову каблуками.

Но конецъ и довольно; что же дѣлала Вѣра въ это время? Она заливалась горькими слезами. Раскинувъ длинную черную косу на грудь, осмотрѣвъ всю прелесть своего полуобнаженнаго тѣла, она склонилась на диванъ и откинула руку на полъ.

— Напрасно ты такъ буйно выросла, моя черная коса! напрасно разцвѣла ты, моя краса! Доли нѣтъ у меня, и хлещетъ по моему блѣдному лицу недобрый, жестокій вѣтеръ. Почему въ разцвѣтѣ моей весны я должна такъ страшно мучиться! Почему должна я пропадать? Ой, горе мое, горе...

Вѣра опять зарыдала и крупныя жемчужныя слезы покатились по ея ланитамъ и пали на жаркую грудь.

* * *

Ясно и тихо на Черномъ морѣ. На его волнахъ колышится дымомъ дышущій корабль. На палубѣ стоитъ Туча и съ тоскою смотритъ на покинутый Севастополь. Море, какъ просторъ воздуха, дрожитъ зыбью; темнѣетъ въ очахъ Тучи. Но вотъ летитъ бѣлая чайка, падаетъ въ море и плаваетъ на его волнахъ; она нырнетъ въ воду, то вынырнетъ опять; вытянетъ шею, посмотритъ кругомъ, взмахнетъ крыльями и не то летитъ, не то плыветъ, а какъ будто идетъ ногами по поверхности воды. Пріятно смотрѣть Тучѣ на бѣлую чайку.

Пароходъ все поретъ и поретъ скользкія волны. Не видать уже Севастополя, ни Крыма. Кругомъ безбрежное море; давно-давно не видѣло оно столько кораблей; изумилось оно, пріумокло, силясь разобрать слова пѣсни:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно,

Къ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Въ кружкѣ напѣвавшихъ пѣсенку одинъ Туча молчалъ. Думы придавили его голосъ. Опершись на перила, стоялъ онъ блѣднѣе стѣны.

— Да, много бѣдъ погребено въ русскомъ морѣ; а сколько слезъ и крови впитало оно въ себя! Трудно, трудно измѣрить глубину его! Не измѣрили скифы, не измѣрили варяги, не измѣрили козаки, ибо слишкомъ глубоко русское море...

Прага, 1924.

Навѣкъ одна!

Все призрачно въ дали минувшихъ дней,
Но, Боже мой! Какъ вдохновенно явно.
Сонъ, быль. Давно-давно и такъ недавно.
Тѣмъ слаще вспоминать и тѣмъ больнѣй.

О, какъ жива моя тоска по ней,
Еще вчера и близкой и державной,
И вотъ — чужой, преступной и безправной,
Безславно тонущей въ крови своей.

Россія! Русь! Тебѣ ли роковая
За смертный грѣхъ могила суждена?
Или стоишь у вратъ святыхъ, не зная?
Тяжка предъ Господомъ твоя вина.
Многострадальная, полуживая,
Но все желанная, навѣкъ — одна.

Сергѣй Маковскій.

Л. А. Мей.

Русская пѣсня.

Охъ, пора тебѣ на волю пѣсня русская.
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная — омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарища дымомъ-копотью,
Намело тѣбя съ сырыхъ могилъ метелицей!

Д. И. Ключникъ.

КАКЪ МЫ ВОЕВАЛИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Будутъ, будутъ когда то краснословные писатели высоко парно повѣствовать о Великой войнѣ, о міровыхъ событіяхъ и грандіозныхъ дѣлахъ людей нашего времени, будутъ разсказывать увлекательно, такъ что съ замираніемъ сердца читаться будутъ, но... пока это случится, мы, по недостатку чего лучшаго, предлагаемъ читателямъ только скромные разказы изъ Всемірной войны.

Настоящіе разсказы писаны не такъ для участниковъ и очевидцевъ Великой войны, какъ для тѣхъ, кто ее не видѣлъ... не переживалъ, ибо очевидцы столько дивъ видали, что ихъ едва чѣмъ либо удивишь, но мы льстимъ себѣ мыслью, что наши разсказы, хотя бы и плохіе для современниковъ, могутъ быть хороши для наслѣдниковъ, которые не видѣли того, что мы испытали на собственной шкурѣ.

У меня однако нѣтъ намѣренія и возможности изобразить военныя событія въ большомъ размѣрѣ. Я хочу только бросить лучъ свѣта на тѣ мѣста и событія міровой драмы, на которыя я имѣлъ въ несчастью счастье смотрѣть собственными глазами. При томъ я старался представить событія и личности просто, добросовѣстно, именно такъ, какъ онѣ представлялись мнѣ во время войны, безъ измѣненій, измышленій, украшеній или извращеній, если бы это ставило меня даже въ невыгодномъ свѣтѣ. Пишу такъ, какъ въ дѣйствительности было.

Начало военной грозы.

Живемъ, какъ кто можетъ, занимаемся своими дѣлами, а въ досужее время читаемъ газеты, бесѣдуемъ на злободневныя темы, или попросту ничего не дѣлаемъ, только жалуемся, стонемъ, сѣтуемъ на тяжелое положеніе, на трудную жизнь. Многіе, очень многіе вздыхаютъ: „Охъ, хоть бы война!“ Мнѣ тоже жизнь не легко дается, но я себѣ войны не желаю, потому что отъ войны ничего хорошаго не ожидаю ни для себя, ни для русскаго

народа, особенно для карпаторусскаго, ибо послѣ Русско японской войны я усомнился въ скорую непобѣдимость Русскихъ. Между тѣмъ про войну начали все чаще и чаще поговаривать, особенно съ анексіи Босніи и Герцеговины. Были даже мобилизаціи, но тогда до войны въ Австріи не пришло. За то вспыхнула Балканская война 1912 года, которая насъ не коснулась. Она была гдѣ то тамъ такъ далеко, что это насъ ни жгло, ни морозило, было только интересно читать, какъ южные славяне бьютъ турокъ, а послѣ, къ сожалѣнію, между собой рѣжутся на радость нѣмцевъ. Кончилась Балканская война и все вновь, какъ будто, утихло. Опять пошли толки про старую бѣду и новую нужду, а про надвигающуюся на насъ военную грозу ани ду-ду.

Наша сѣрая, скучная жизнь была встряхнута въ началѣ лѣта, 1914 года, сообщеніемъ объ убійствѣ австрійскаго престолонаслѣдника, Францъ-Фердинанда, съ женою, совершеннымъ 15 (28) іюня въ г. Сараевѣ, въ Босніи, сербомъ Принчичемъ. Это происшествіе насъ обеспокоило не потому, что убитъ австрійскій престолонаслѣдникъ, отправившійся въ Боснію въ остентаціонныхъ цѣляхъ и своимъ грубымъ, нѣмецкимъ нахальствомъ спровоцировавшій сербовъ, а потому, что это убійство, имѣвшее, какъ оказалось — корни въ Сербіи, угрожало войной размѣровъ которой вообразить себѣ никто не могъ. Въ войну, однако мы, т. е. я и мои знакомые, не вѣрили во первыхъ потому, что мы себѣ ее не желали, а во вторыхъ, что мы не допускали, дабы маленькая Сербія могла помѣряться съ многократъ большей Австріей, особенно послѣ недавней, тяжелой Балканской войны. Непосвященные въ политическія мистеріи мы убаюкивали себя надеждой, что Сараевское убійство не повлечетъ за собой войны несмотря на то, что многое, сдѣлавшееся для насъ только позже яснымъ, указывало на то, что война, даже безъ Сараевскаго убійства, была неизбѣжна, потому что къ ней многіе-многіе стремились, особенно нѣмцы. Но мы такъ привыкли къ міру, что не хотѣли допустить и мысли о возможности войны въ ближайшее время, думая, что при такомъ ужасномъ вооруженіи война невозможна, ибо это равнялось бы уничтоженію всего живущаго на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Такъ разсуждая мы мало-по мало стали успокаиваться, тѣмъ болѣе, что съ поры убійства Францъ Фердинанда прошло около мѣсяца, а со стороны Австріи не были обнаружены противъ Сербіи никакія мѣры. Ввиду того, мы думали, что конфликтъ конецъ-концовъ кончится безъ войны, безъ пролитія потоковъ крови.

Вдругъ появляется сообщеніе газетъ отъ 24 іюля, что Австрія вручила предыдущаго дня Сербіи ноту, требующую ни болѣе ни менѣе, только полнаго подчиненія себя Австріи. Мы думали, что великія европейскія государства образумятъ Австрію дипломатическимъ образомъ и укротятъ ея непомѣрныя требованія.

И дѣйствительно 11 (24) іюля Россія, эта безкорыстная за-

ступница за обижаемыхъ славянъ, заявила Австріи, что въ случаѣ нашествія Австріи войной на Сербію, Россія не оставитъ сербовъ безъ помощи. Ввиду того мы все еще надѣялись, что Австрія уменьшитъ свои алчные аппетиты и откажется отъ войны. Но не тутъ то было.

Сбираются тучи.

Лѣтомъ, 1914 года, провожу время во Львовѣ. Встрѣчаюсь и бесѣдую съ знакомыми на злободневныя темы. Ходятъ слухи, что въ воскресеніе, 26 іюля, Австрія распорядила частичную мобилизацію. Но газеты объ этомъ ничего не пишутъ. Вдругъ сообщеніе, что Австрія объявила 28 іюля Сербіи войну. Не хочется вѣрить...

Но вотъ въ четвергъ, 17 (30) іюля, сижу я послѣ обѣда дома безъ опредѣленнаго занятія. Погода великолѣпная. Мои два шурья, Петръ и Иванъ 20—22 лѣтніе молодцы, студенты, ушли въ городъ. Около 16 ч. дня возвращается младшій, Иванъ, и какъ-то странно улыбается, какъ будто этимъ хочетъ что то сказать, однако ничего не говоритъ, только не перестаетъ многозначительно улыбаться. Спрашиваю: что случилось? — говоритъ: „Мобилизація“ — По мнѣ какъ бы электрическій токъ прошелъ и я опять спросилъ: Какъ такъ мобилизація?“ — „Поди, читай — говоритъ — тамъ на магистратѣ... объявленіе“.

Мы жили недалеко магистрата, по Капитульной площади № 2, напротивъ латинскаго собора. Схожу внизъ... На рынкѣ, возлѣ магистрата, толпы народа; одни шатаются, а другіе стоятъ и ведутъ между собою толки. Ищу объявленій. Онѣ тамъ, на стѣнѣ магистрата. Передъ ними кучка людей, читаютъ. Значитъ, прочіе уже прочитали и знаютъ въ чемъ дѣло. Подхожу къ плакатамъ, читаю. Прочиталъ разъ и, какъ будто, ничего не понимаю. Читаю еще разъ, внимательнѣе. Да... мобилизація. Но она меня, какъ ополченца, пока не касается. Несмотря на то ухожу съ беспокойствомъ. Чего? Самъ не знаю. Иду и думаю: Не трушу ли я. Кажется нѣтъ. Вѣдь я нѣсколько разъ подвергался въ жизни серьезной опасности и не трусилъ. А теперь тревожусь и какъ будто боюсь. Чего?.. войны? Нѣтъ, не войны. Я боюсь, чтобы Австрія, т. е. австрійскіе нѣмцы съ мадьярами не раздавили сербовъ, а мы, славяне, не были принуждены вмѣстѣ съ ними громить братьевъ славянъ. Правда, мобилизація меня пока не касается, но не исключено, что она захватитъ меня позже. Ну, что-же? Смерти я не боюсь, по крайней мѣрѣ не долженъ бояться. Все равно прійдется когда-либо умереть. А жалѣть жизни мнѣ незачѣмъ. Она мнѣ не легко дается съ самаго ранняго возраста. Вѣчно тяжелый трудъ и лишенія, а удовольствій почти никакихъ. Поэтому смерть для меня не страшна. Но я боюсь еще большихъ лишеній и мукъ, какіе пришлось бы претерпѣть на войнѣ. Пуще же всего я боюсь тяжелаго окалѣченія. Тогда ни жизнь, ни смерть, а одно горе горькое и себѣ

и роднымъ. Вотъ чего я боюсь. И мнѣ кажется, что это не трусость. Быть можетъ, что всѣ опасности и тягости войны мнѣ были бы ни по чемъ, если бы я зналъ, за что воюю. А то подумаешь: для блага враговъ своихъ!

Съ такими мыслями я возвратился домой, и въ тотъ день больше никуда не выходилъ. Мои шурья, которыхъ мобилизація касалась, постоянно бѣгали въ городъ, но ничего новаго не принесли. Дома начались стоны матери шурьевъ, а моей тещи. Жена отнеслась къ событіямъ какъ то равнодушно. У меня мысли роемъ зароились и окончательно совершенно спутались. Чтобы избавиться отъ нихъ, я рано ложился въ кровать и, къ счастью, скоро уснулъ.

На слѣдующій день я всталъ, какъ на эту пору, довольно поздно, около 8 часовъ дня. Умылся, одѣлся, позавтракалъ, но въ городъ не пошелъ, только послалъ прислугу за газетами. Ждалъ я ихъ довольно долго. Въ газетахъ, однако, не было ничего нового про мобилизацію, ни про войну. Видно про войну нельзя было писать. Тогда я ушелъ въ городъ достать языка, но ровно же ничего нового не узналъ. Мобилизація и только. Я вернулся домой съ ничѣмъ. Шурья не принесли тоже ничего новаго.

По полудни появились новые плакаты о мобилизаціи. Эти уже захватили и мой годъ призыва. Плохо! Но ничего не подѣлаешь! Надо итти зарегистрироваться, не то, хуже быть можетъ. Дома усиливается безпокойство. Особенно безпокоится теща за сыновей своихъ. Она все чаше и чаще начинаетъ охать да вздыхать. Становится непріятно. Стоны тещи наводятъ на меня уныніе. Хочу уйти въ городъ, но мнѣ велятъ дожидаться обѣда. Окончательно обѣдъ былъ поданъ, но для меня не былъ онъ вкусный. Послѣ обѣда я пошелъ регистрироваться.

Мѣсто регистраціи находилось гдѣ-то возлѣ Лычаковскаго кладбища, т. е. въ участкѣ, котораго я никогда почему то не любилъ и не люблю. Въ зданіи, въ которомъ происходила регистрація, масса снующаго ся народа и бѣготня канцелярскихъ солдатъ. Порядокъ плохой; довоенной дисциплины не видно. Хожу изъ одной комнаты въ другую, спрашиваю, гдѣ мнѣ зарегистрироваться, никто указать не можетъ. Въ концѣ какой-то военный сказалъ мнѣ явиться „завтра". Я радъ. Хоть день, да мой! Съ тѣмъ я и ушелъ домой.

Дома я узналъ отъ шурьевъ, собственно отъ младшаго Ивана, который былъ болѣе шустрый и проницательный, что въ городѣ идетъ травля на „шпіоновъ", и многочисленныя арестованія. Охотой на „шпіоновъ" занимаются не только относительныя власти, но даже гражданская публика. И гдѣ только не находятъ шпіоновъ! Одного поймали даже на крышѣ дома близъ гауптвахты, возлѣ Іезуитскаго костела. Оказалось однако, что это былъ невинный мальчикъ, взобравшійся на крышу за голубями. Ну, и дорого обошлась мальчику голубиная охота

Кромѣ многочисленныхъ тумаковъ, набрался онъ немало страха, а еще больше нагналъ другимъ. Не суйся, гдѣ тебя не надо!

На слѣдующій день, 1 н. ст. августа, въ субботу, передъ полуднемъ, я пошелъ опять регистрироваться. Меня записали и отпустили домой съ повелѣніемъ дожидаться дальнѣйшаго распоряженія. По пути я видѣлъ на площадяхъ города, по сторонамъ улицъ, цѣлые биваки уже мобилизованнаго народа, но еще въ гражданскомъ платьѣ. Они сидѣли на своихъ дорожныхъ чемоданахъ или котомкахъ и покуривали папироски или закусывали то, на что кого стать было: кто хлѣбъ, кто булку, кто колбасу, кто сало, кто то и другое. Среди мобилизованныхъ видны были женщины, по всей вѣроятности матери, жены, сестры или невѣсты. Выраженіе лицъ у мобилизованныхъ, и ихъ окружающихъ, было на видъ равнодушное, но что у каждаго было на умѣ и сердцѣ, трудно угадать; по всей вѣроятности одно общее подавляющее ихъ горе и ничего больше. Дальше я встрѣтилъ своего коллегу по службѣ, Рыльскаго, въ формѣ польскаго „сокола", который съ какимъ то незнакомымъ мнѣ, другимъ „соколомъ", а оба съ сумками на спинѣ, шли добровольно „на войну". Я спросилъ куда, но Рыльскій многозначительно улыбаясь, такъ и не далъ на мой вопросъ отвѣта, котораго я и безъ того догадывался.

Дома я уже засталъ порядочные охи и ахи тещи, убивающейся по своимъ мобилизованнымъ сыновьямъ не смотря на то, что они пока что оставались еще дома.

По полудни мы узнали изъ газетъ объ арестованіяхъ „руссофиловъ" подъ предлогомъ измѣны своему „фатерланду". Мои родственники многозначительно стали переглядываться между собою, ибо я тоже числился среди руссофиловъ, но пока ничего не говорили. Я однако, почувствовалъ, что съ той поры я сталъ для нихъ нежелательнымъ элементомъ. Особенно теща посматривала косо на меня. Ко мнѣ закралась тревога, какъ-бы изъ-за меня не пострадали родственники. Эта мысль не переставала меня мучить. Но нечего было дѣлать. Шурья постоянно куда-то бѣгали по своимъ дѣламъ и тоже повѣсили носы.

Не весело сдѣлалось дома, особенно на слѣдующій день, 2 августа, въ воскресенье, когда стало извѣстнымъ, что предыдущаго дня Германія объявила Россіи войну, которой не миновать и ея союзницѣ Австріи. Выйти, кромѣ церкви, было некуда, а дома сидѣть было невыносимо. Поэтому около 4 ч. дня, послѣ обѣда, я вышелъ въ городъ пройтись и сейчасъ на перекресткѣ улицъ, что ведутъ по при латинскую кафедру и къ Вѣнской кофейнѣ, встрѣтилъ шармантски козыряющаго мнѣ франтоватаго офицера. Кто это? Ахъ! Юзьо Левицкій, бывшій мой товарищъ по университету и студенческому о-ву „Другъ". Идетъ и улыбается. Macht gute Miene zum bösen Spiel. Спрашиваю: куда? Говоритъ, что къ невѣстѣ, или что-то въ томъ родѣ, и радъ-радехонекъ побѣжалъ, а я остался на улицѣ одинъ съ думками: Чего онъ радуется? Не офицерской ли формѣ? Счастливый!

Что же мнѣ дѣлать? Куда дѣться, куда дѣваться, куда пойти? Развѣ въ „Вѣнскую кофейню", тамъ сходятся наши, авось повстрѣчаюсь и поговорю съ кѣмъ-либо. Такъ и сдѣлалъ. Въ кофейнѣ дѣйствительно я нашелъ о. Іоанна Давидовича, дир. банка О. И. Волинскаго, кажется сов. Н. Г. Третьяка, В. Валявскаго и еще кого-то. Не было только ред. Ивана Никитича Пелеха, ушедшаго 9 (22) іюля, передъ самой войной, туда, идѣже нѣтъ болѣзни, ни печали. Жалѣть, или завидовать ему? Позже показалось, что именно завидовать. Но тогда мы его жалѣли.

Въ кофейнѣ шли разговоры на злободневныя темы. Отецъ Іоаннъ Давидовичъ грустилъ по мобилизованномъ сынѣ. Обсуждалась объявленная Германіей Россіи война. Всѣ были того мнѣнія, что война, хотя и объявлена, но не бывать военнымъ дѣйствіямъ, будто потому, что война при настоящемъ вооруженіи немыслима. Говорилось: „Вотъ сойдутся на границѣ войска, немножко пострѣляютъ, чтобы удовлетворить формальнымъ требованіямъ, да на томъ и кончится. Особенно жарко отстаивалъ эту точку зрѣнія о. Іоаннъ, по всей вѣроятности потому, что имѣлъ сына въ солдатахъ. Я, однако, не былъ такого оптимистическаго мнѣнія. Но меня осадили. Я и замолчалъ не хотячи портить собесѣдникамъ оптимистическаго настроенія. Про начавшіеся арестованія „руссофиловъ" мы избѣгали говорить, перекинувшись только нѣсколькими словами. Съ тѣмъ мы и разошлись.

Громъ и молніи на „москвофиловъ".

Послѣдовавшая за генеральной мобилизаціей недѣля была для Карпатороссовъ, исповѣдниковъ общерусской идеи, ужаснѣйшимъ гоненіемъ на такъ называемыхъ „москвофиловъ". Кто только считалъ себя русскимъ, а не украинцемъ, того австрійскія власти, состоявшія въ Галичинѣ главнымъ образомъ изъ поляковъ и доморощенныхъ украинцевъ, ловили по обвиненію въ государственной измѣнѣ и толпами таскали въ тюрьмы подвергая ихъ по пути всякимъ издѣвательствамъ и избіенію. На нихъ, беззащитныхъ, сыпались со всѣхъ сторонъ громъ и молніи австро-польско-украинской злобы. Многихъ вѣшали по обвиненію въ государственномъ предательствѣ. Газеты день деньской сообщали списки арестованныхъ и казненныхъ, конечно только выдающихся дѣятелей, потому что для всѣхъ не хватило бы въ газетахъ мѣста, а сколько было непомѣщенныхъ въ спискахъ, кто его знаетъ. Я, не будучи призванъ на военную службу, съ тревогой со дня на день, съ часу на часъ, ожидалъ арестованія и кто только ни стукнулъ, мнѣ ужь казалось, что за мной пришли. Кажется, мои тоже этого ожидали, но объ этомъ вслухъ не говорилось. Теща все охала и охала, а жена дѣлалась все раздражительнѣе и раздражительнѣе Я считалъ самымъ лучшимъ молчать и никуда не показываться. Домъ пре-

вратился для меня какъ бы въ тюрьму съ тѣмъ только различіемъ, что дверь за мной не была заперта на ключъ и я могъ смотрѣть сквозь окно, что происходитъ на улицѣ. Газеты я почти что пересталъ читать, потому что они не сообщали для меня ничего утѣшительнаго, а только меня раздражали. Я даже избѣгалъ смотрѣть на улицу, чтобы не видѣть тѣхъ массъ арестованныхъ „москвофиловъ", которыхъ отъ поры до времени перегоняли по городу въ сопровожденіи австрійскихъ штыковъ. На видъ арестованныхъ „москвофиловъ" сбѣгались толпы львовской сволочи, которая арестованныхъ ругала, камнями на нихъ бросала, плеваза и палками колотила безъ малѣйшаго препятствія со стороны конвоя. Особеннымъ рвеніемъ къ издѣвательству надъ арестованными отличались евреи.

Какъ бы сегодня слышу шумъ, гамъ, вой, ревъ уличной толпы. Подхожу къ окну и вижу: изъ улицы Рутовскаго по-при латинскую кафедру въ направленіи улицы Баторія ведутъ подъ сильнымъ конвоемъ съ нагороженными штыками массу арестованныхъ, которыхъ ругаетъ, подталкиваетъ, колотитъ палками уличная чернь. Мнѣ сдѣлалось неописуемо больно. Но въ тотъ моментъ какой-то священникъ, головой выше другихъ, громогласно грянулъ: „Пора за Русь святую, итти сынамъ на смерть урра!" Вмигъ подхватили пѣсню другіе арестованные и понеслись съ ней по улицамъ Львова. Нападавшая на нихъ толпа остановилась въ недоумѣніи и какъ бы съ удивленіемъ провожала глазами доблестныхъ страдальцевъ за Русь святую не смѣя больше нападать на беззащитныхъ. Для меня отрадно стало и я пересталъ тревожиться за возможное свое арестованіе.

На этой страстной недѣлѣ узнали мы изъ газетъ, что Австрія объявила 5 н. ст. августа Россіи войну.

На „москаля".

На слѣдующей недѣлѣ началось выступленіе львовскаго гарнизона на поле брани. Погода все время какъ бы по заказу стояла чудная. Надъ городомъ пролетали съ запада на востокъ аэропланы, а на улицахъ появились польскіе скауты и добровольческіе отряды. Мнѣ надо было явиться въ одну гимназію, гдѣ-то возлѣ зданія польскаго „Сокола", для какой-то регистраціи. На лѣстницѣ гимназіи я встрѣгилъ кучку гимназистовъ-мальчугановъ, лепетавшихъ къ инспектору Майхровичу: „Проше пана инспектора, пуйдземы биць москаля". — „Такъ, такъ, пуйдземы биць" — отвѣчалъ Майхровичъ.

Какой-то забракованный учителишка бѣгалъ и спрашивалъ, какъ бы ему попасть на фронтъ. Я спросилъ, что его туда гонитъ. Онъ сказалъ, что хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ тамъ сражаются, и послушать, какъ пули свистятъ. „Экой дуракъ" — подумалъ я — „погоди, еще надивишься и наслушаешься до пресыщенія!.. и посовѣтовалъ ему поступить добровольцемъ въ солдаты. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ это, но думаю, что нѣтъ, потому

что ему хотѣлось не воевать, а только посмотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга.

Мои шурья вольнопредѣляющіеся получили военную форму и съ той поры должны ночевать въ казармѣ. Теща этимъ очень опечалена и, кажется, негодуетъ втихомолку на меня, что я не призванъ на военную службу. Кажется, она рада бы посбыться изъ своего дома меня-„москвофила“. Но громко сказать мнѣ это въ глаза стѣсняется. Громко она только негодуетъ на сыновей купца Ридля, магазинъ котораго виденъ изъ ея оконъ, что молъ позаоирали „бѣдныхъ людскихъ дѣтей“—подъ людскими дѣтьми она подразумѣвала главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно, своихъ сыновей—а такихъ „быковъ“, какъ Ридли, не взяли, потому что у нихъ деньги, на которыя они уже сумѣли увернуться отъ воинской повинности. Тесть тоже началъ „боже-каться“ по сыновьямъ своимъ. Одномъ словомъ домъ днемъ и ночью стономъ стонетъ. Даже жена смотритъ на меня, какъ на лишняго дома человѣка. Здѣсь я больше никому не нуженъ, и какъ „москвофилъ“ даже нежелательный. О, я это чувствую, понимаю, и сознаю. Donec felix eris multos numerabis amicos; tempora nubila si fuerint, solus eris. Дошло до того, что жена, считавшая себя болѣе русской чѣмъ я, не постѣснялась брызнуть мнѣ въ глаза: „Чтобы тебя чѣмъ скорѣй взяли на войну и чтобы тебя тамъ первая пуля не миновала!“ Я былъ тоже того мнѣнія и возразилъ, что ввиду такихъ „благожеланій“, даже „подруги жизни“, дѣйствительно ужъ лучше умереть въ полѣ отъ пули, чѣмъ погибать безславно дома отъ ужаленій язвительной гадины-женщины.

И такъ всѣ и вся ополчились во Львовѣ противъ „москаля“ и „москвофиловъ“... даже бабы. На улицахъ появилась львовская артиллерія, выступившая изъ „Червонаго Кляштора“ по Театинской улицѣ и и спускав шаяся отъ рынка по Капитульной площади на улицу „Короля Людвика“. Артиллеристы, лошади и пушки были увѣнчаны цвѣтами на древне-германскій, относительно классически греческій ладъ. Солдаты-швабы покуривали маленькія англійскія трубки, бывшія тогда въ модѣ, и самонадѣянно шли на врага. На другой или на третій день прочли мы въ газетахъ, что австрійскія войска 8 августа „разгромили“ Русскихъ возлѣ Новоселицы и Залозецъ, а польскіе легіоны одержали 9 августа „блестящую побѣду“ подъ Мѣховомъ и еще гдѣ-то, подъ Красникомъ, что ли? Но уже нѣсколько дней спустя смотрю, возвращается та же самая львовская артиллерія безъ цвѣтовъ, безъ „лавровыхъ вѣнковъ“, съ опущеными головами, какъ бы смытая проливнымъ дождемъ, а жалкіе остатки польскихъ легіоновъ еле влачатъ по улицамъ ноги. Право, мнѣ сердечно жалко ихъ стало.

Но вотъ на подмогу австрійской рати прибыли во Львовъ венгерскіе гусары, въ блестящей гусарской формѣ: сапоги со шпорами и большой, желтой пуговицей на голенищахъ спереди ниже колѣнъ, темнокрасные рейтузы, свѣтлосиняя венгерка съ

желтыми шнурами, синій полушубокъ на распашку, на головѣ „чако“ съ торчащей кистью конскаго волоса, за спиной карабинъ, а съ боку сабля въ блестящихъ металическихъ ножнахъ. Остановились около латинскаго кафедральнаго собора. Къ нимъ посыпалась львовская интеллигенція, преимущественно дамы, а еще больше жиды, и засыпали гусаръ папиросами, конфетами, шоколадомъ, пряниками и другими лакомствами. Послѣ непродолжительной остановки гусары уѣхали и, кажется, не многіе вернулись на родину. Большинство, какъ я послѣ узналъ, положило свои головы подъ Равой Русской дня 10 н. ст. сентября, во время Великой галицкой битвы.

Между тѣмъ обыски, аресты и казни „москвофиловъ“ ни сколько не прекращались. Вдобавокъ дома бабьи стоны и вопли дыбомъ подымались. По моему адресу все какіе-то намеки и укоризны. Дома сдѣлалось для меня нестерпимо и невыносимо. Я задыхался, но некуда было дѣться. Охъ Господи! Пусть бы меня ужъ лучше мобилизовали, или арестовали!

На войну.

Мое желаніе исполнилось. Въ ближайшее воскресенье 3 (16) авг., въ 9 ч. утра, явился солдатъ и вручилъ мнѣ письменный призывъ на военную службу. Я свободнѣе вздохнулъ, мои возрадовались. Жена и теща стали хлопотать и снаряжать меня на войну. Вынули откуда то мое старое, излежавшееся, съѣденное молями, военное платье, „картушъ“ и саблю и прч. Не могли только отыскать шпоръ. Одну нашли, а другой не было. Теща негодовала на младшаго сына Ивана, что это онъ запропастилъ играя часто моими шпорами, которыя любилъ припинать себѣ до сапогъ. Мнѣ смѣшно было, что изъ-за такого пустяка столько суетни. Послѣ тщетныхъ поисковъ шпоры, женщины достали корзинку и чемоданчикъ, очистили ихъ отъ пыли и стали укладывать и перекладывать опредѣленныя для меня вещи. За этой работой прошло воскресенье.

На слѣдующій день мое снаряженіе на войну продолжалось и съ бѣдой пополамъ благополучно было доведено до конца. Слѣдовало только узнать, когда отходятъ поѣзда, такъ какъ я призывался на Угорщину въ Ужгородъ (Унгваръ). Я поѣхалъ съ женой на главный вокзалъ и хотѣлъ списать распредѣленіе поѣздовъ. Но только я вынулъ карандашъ и записную книжку, какъ прискочилъ ко мнѣ жандармъ и сказалъ: „Что дѣлаете! Хотите, чтобы васъ арестовали, какъ шпіона?“ — „Но вѣдь-же я мобилизованъ, долженъ уѣхать, и мнѣ нужно знать распредѣленіе поѣздовъ, а чтобы не позабыть, хочу занотовать себѣ“. — „Занотуйте себѣ въ умѣ, если не желаете быть арестованы“ — сказалъ, хотя и жандармъ, но должно быть хорошій человѣкъ.

Закрѣпивъ въ памяти время отхода поѣздовъ на Угорщину, я съ женой возвратился домой, пообѣдалъ, попрощался

съ тестями и шурями, которые пришли изъ казармы проводить меня, взялъ вещи и пустился въ путь. Жалко мнѣ было покидать малого ребенка. Меня провожала на вокзалъ жена, кажется рада, что уѣзжаю. И я тоже былъ радъ, особенно, что жена не хнюкала, не дѣлала кривой рожи и мокрыхъ глазъ.

На перонѣ вокзала были тоже призванные на войну и отправляющіеся, ровно какъ я, въ Унгваръ. Между ними былъ мнѣ съ вида знакомый преподаватель одной изъ Львовскихъ гимназій, д-ръ В. Левицкій, съ которымъ я познакомился лично и незадолго сошелся ближе чѣмъ съ другими, потому что мы были одной національности, хотя и не одной партіи. Не знаю, зналъ ли д-ръ Левицкій, кто я по убѣжденію, но я зналъ, кто онъ. Но мы этого вопроса никогда не затрагивали и остались все время хорошимн Kriegskammerad-ами. Изъ дворца мы уѣхали въ четверть 15 ч. Съ женой никакихъ сентиментальностей не было. „Чомкъ-чомкъ" и только. Но послѣ отъѣзда мнѣ грустно стало; за кѣмъ, за чѣмъ?.. затрудняюсь отвѣтить.

Желѣзная „дороженька".

Въ поѣздѣ я познакомился съ остальными соратниками, но держался отъ нихъ въ сторонѣ, потому что они все разговаривали на непріятныя для меня темы. Для развлеченія я смотрѣлъ сквозь окно на мѣстность, по которой мы проѣзжали. Мы ѣхали въ Унгваръ на Самборъ-Сянки. Сейчасъ за Львовомъ бросился мнѣ въ глаза маленькій, молоденькій ельничокъ, въ которомъ суетились австрійскіе солдаты приготовляя маскировку для встрѣчи непріятеля, а по дорогѣ тянулась длинная-предлинная вереница подводъ, погонщиками на которыхъ были крестьяне. Для меня загадочнымъ было, почему подводы отправляются на западъ, а не на востокъ отъ Львова. Но Богъ съ ними! какое мнѣ дѣло!

На первой станціи за Львовомъ разхаживаютъ австрійскіе солдаты съ винтовками, ощетиненными штыкомъ. Ага! станція милитаризована. Постоявъ немного мы тронулись дальше. По пути почти на каждой дальнѣйшей станціи встрѣчались мы съ поѣздами, биткомъ набитыми солдатами, отправляющимися на галицкій фронтъ. Было что-то кошмарное. Солдаты, точно сумасшедшіе, кричали, ревѣли, охрипло пѣли, ужасно ругали русскихъ и протягивали къ намъ руки съ возгласомъ: „Heil!" Это должно было означать восторгъ, на самомъ-же дѣлѣ это было изступленіе, сумасшедшій Galgenhumor На вагонахъ поѣздовъ были надписи мѣломъ: 50 Russ auf ein Schuss *); или: Russen krepieren mussen **), или тому подобное. На нѣкоторыхъ станціяхъ болтались на веревкахъ повѣшенныя чучела, изображающія козаковъ или солдатъ. Все это производило на меня такъ

*) 50 русскихъ за однимъ выстрѣломъ.

**) Русскіе должны околѣть.

удручающее впечатлѣніе, что я пересталъ смотрѣть въ окно и забился въ уголокъ, чтобы ничего не видѣть. Но и тутъ-то не было для меня спокойствія. На одной изъ станцій раздались душу разрывающіе звуки фальшиваго оркестра. „Что это такое?“ спрашиваю. — „Это“ — поясняютъ мнѣ — „нѣмцы изъ ближайшей колоніи такъ встрѣчаютъ предстоящій завтра день рожденія императора Францъ-Іосифа“. Господи! что за наказаніе! Ну, и „дороженька желѣзная“! Среди такихъ душевныхъ пытокъ добрались мы до г. Самбора, вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Станція была ярко освѣщена. Мои спутники ушли прогуляться, а я совсѣмъ разбитый на душѣ и тѣлѣ, съ ужасной болью головы, положился на скамейку и, послѣ долгихъ мученій, уснулъ. . . . . .

Просыпаюсь, смотрю, уже сѣрѣетъ. Видны лѣсъ, горы. Ахъ, это уже наши любимыя Карпаты! Угро 5 (18) августа, день пасмурный, воздухъ мглистый, сырой. Пріѣзжаемъ на станцію Сянки. Стоимъ. Иду съ товарищами къ колодцу мыться. Затѣмъ варю на машинкѣ чай и кушаю. Ѣдемъ дальше. Дорога извилистая, крутая. Проѣзжаемъ тунели, минаемъ военные поѣзда. Я по надписямъ замѣчаю, что мы уже на Угорской сторонѣ. Отъ нѣчего дѣлать слоняюсь по купе спутниковъ. Розговариваемъ, сушимъ себѣ головы, къ какой службѣ будемъ опредѣлены. Мои спутники того мнѣнія, что насъ, ополченцевъ послѣдняго разряда, не могутъ послать въ бой, а дадутъ какую нибудь легкую, гарнизонную службу. Я однако предчувствую, что намъ не миновать боевъ, и говорю это товарищамъ. Не вѣрятъ.

Среди такихъ и тому подобныхъ разговоровъ пріѣхали мы въ 16 ч. въ Ужгородъ, и отправились на извозчикахъ въ городъ, въ отель „Кронэ“, къ генералу Лянгнеру, къ которому по предписанію мы должны были явиться. Лянгнера, однако, не было. Насъ принялъ ген. Эрбштейнъ. Послѣ регистраціи спрашиваемъ генерала, къ какой службѣ будемъ опредѣлены. „А, но, — говоритъ — по мѣрѣ того, какъ линейныя австрійскія войска будутъ занимать Россію, мы будемъ исполнять этапную службу, т. е. будемъ въ тылу охранять пути сообщенія, города и т. п“. Мои товарищи обрадовались, а я остался неутѣшимъ. Почему? Думаю, что пояснять излишне.

Генералъ распредѣлилъ насъ по ландшурмъ-баталіонамъ, расположеннымъ въ Угорщинѣ. Меня и Л. Шуммера опредѣлилъ въ 219 баталіонъ, д-ра Левицкаго въ 220, Макса въ 218 и Кратохвиля въ 217. Эти баталіоны находились въ Кишварда (Малый Варадинъ), куда получили мы приказъ немедленно отправиться. Другіе спутники, между прочимъ доцентъ Львовскаго политехникума Паздро, были направлены въ другія мѣстности.

Отъ генерала пошли мы въ ресторанъ поѣсть, а затѣмъ въ 19 ч. уѣхали на мѣсто назначенія. Была темная ночь. На станціи Чапъ мы разъѣхались: Паздро съ товарищами въ одну сторону, а я, д-ръ Левицкій, Шуммеръ, Максъ и Кратохвиль

въ другую. Въ 24 ч. пріѣхали мы въ Кишварда. Темно, хоть глаза выколи. Съ трудомъ отыскали мы вокзалъ, но ни одной живой души. Наконецъ отыскали мы дежурнаго по станціи. Но съ нимъ никакъ не розговоришся. Пробуемъ по нѣмецки. — Nemtudom. *) По французски. Nemtudom. По англійски. Nemtudom и nemtudom. Фуй, ты „кутя теремтета“ **), проклятая! Что дѣлать? На счастье нашли какого то спящаго человѣка, котораго съ трудомъ мы разбудили. Показалось, что это былъ гонведъ, долженствовавшій охранять станцію. Съ нимъ, хотя и ужасно заспаннымъ, великолѣпно столковались мы по угрорусски. Однако проводить насъ въ городъ онъ не могъ, такъ какъ долженъ былъ охранять станцію. Но указалъ намъ какого то еврея, говорившаго тоже по малорусски, отъ котораго мы узнали, что городъ отъ вокзала довольно далеко. Мы уговорили его — конечно за плату — проводить насъ въ городъ. Шуммеръ и еще кто то отправился съ нимъ за извозчиками, на которыхъ въ 2 ч. мы уѣхали въ городъ Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ за квартирой, остановились мы у владѣльца кофейни, какъ позже оказалось еврея Вейнбергера, приготовившаго намъ закуску, состоящую изъ брындзы съ паприкой, нѣсколькихъ бутылокъ вина и пива. Закусивъ мы всѣ пять: я, д-ръ Левицкій, Шуммеръ, Максъ и Кратохвиль пошли спать.

Въ военномъ лагерѣ.

Кишварда. Утромъ, 6 (19). VIII., въ среду, еще мы были въ кроватяхъ, явился къ намъ лейтенантъ, назвавшій себя Канкоферомъ, командиромъ 219 баталіона, съ привѣтствіемъ. Не видя еще человѣка, только услыхавъ фамилію Канкоферъ, у меня екнуло сердце на мысль, что это мой прежній сослуживецъ, по фамиліи Канкоферъ, который зналъ, что я руссофилъ, и могъ бы раструбить объ этомъ среди „камратовъ“, а извѣстно, какая тогда стала бы жизнь моя. Къ счастью онъ оказался только однофамилецъ моего сослуживца и я успокоился. Мы встали, одѣлись, позавтракали и пошли осматривать городъ. Ничего! Довольно приличный, а характерный тѣмъ, что раскинулся на большомъ пространствѣ. Дома однако невысокіе, а одно или двухъэтажные. Въ 12 ч. пошли мы на обѣдъ въ отель „Шалода“, Рота, и тамъ представились маіору Герберту — командиру 217 батал., и капитанамъ: Браунцейсу, команд. 218 батал. и Тишеру, команд. 220 батал. Гербертъ назначилъ меня командиромъ 3-ей роты, 219 пѣхотнаго батал., хотя я, какъ офицеръ артиллеріи, ни черта не понималъ въ пѣхотномъ дѣлѣ.

Голые и босые.

Послѣ обѣда я пошелъ въ лагерь, находившійся за городомъ, на скотномъ базарѣ. Что же я тамъ увидѣлъ? Массу

*) Не понимаю.
**) Собака паршивая.

галицкихъ крестьянъ изъ Золочевщины, Тернопольщины и Гусятинщины, въ однихъ рубашкахъ и штанахъ. У рѣдкаго была дряная блуза и обувь. У меня было впечатлѣніе, будто ихъ захватили ночью спящихъ и такъ увезли. Я спросилъ, почему у нихъ нѣтъ верхняго платья и обуви, но отвѣта не получилъ. Видно, опасались разсказывать объ этомъ. Слыхалъ однако, не помню только отъ кого, что это какіе-то бунтовщики. Именно, когда они были мобилизованы, какой то капитанъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой ругалъ „москалей“, а русскихъ галичанъ называлъ измѣнниками. Какой-то руссофилъ не стерпѣлъ и будто сказалъ: „Неправда“. За то имѣли сдесятковать мобилизованныхъ, а остальныхъ чѣмъ скорѣй отправили на Угорщину. Сколько въ томъ правды не знаю, но что на дѣлѣ „что-то“ было, объ этомъ свидѣтельствуютъ часто повтаряемыя офицерами-нѣмцами слова: „Мы не боимся непріятеля, только вотъ этихъ своихъ салдатъ“. Иначе чегожъ бы имъ было боятся нашихъ добрыхъ, степенныхъ господарей-крестьянъ, изъ какихъ главнымъ образомъ состоялъ контингентъ мобилизованныхъ и загнанныхъ въ Венгрію, на скотный рынокъ людей, гдѣ они валялись въ полу-баракахъ въ полу-землянкахъ на вшивой соломѣ, звеня по ночамъ зубами отъ холода, такъ какъ въ ту пору, хотя дни были жаркіе, но ночи холодныя, обыкновенно какъ въ угорскомъ континентальномъ климатѣ. Кушать мобилизованнымъ плохо и мало давали. Не было офицеровъ, ни другого начальства, потому и порядка не было.

Первымъ моимъ дѣломъ было назначить старшихъ въ своей ротѣ. Я узналъ, кто былъ раньше унтерофицеромъ, и велѣлъ имъ нашить себѣ на воротникѣ звѣздочки, кто какія прежде носилъ. Но такъ какъ у нихъ не то на звѣздочки, но совершенно денегъ не было, они нашили себѣ значки нитками. На слѣдующій день я ходилъ съ людьми своей роты на желѣзнодорожную станцію получать бѣлье и обувь, такъ какъ, повторяю, они были босые и почти голые. Затѣмъ распорядился, чтобы унтера смотрѣли за кухней, обѣдомъ и распредѣленіемъ продовольствія, дабы никто не былъ обиженъ. Затѣмъ велѣлъ старую солому выбросить, а получить и постелить свѣжую. Послѣ этихъ распоряженій и приведенія ихъ въ исполненіе, кажется мнѣ, люди какъ бы повеселѣли.

Затмѣніе солнца.

Въ пятницу, 8(21) авг., погода чудная, ни облачка на небѣ, жара. Въ полдень затмѣніе солнца. Мои Kriegskamerad ы расчитывали, что оно для русскихъ будетъ имѣтъ вредное значеніе по поводу, что русскіе темны и суевѣрны. Но эти расчеты какъ-то не оправдались.

Интересное явленіе затмѣніе солнца! Полдень, а кажется, что вечеръетъ. Свѣтъ меркнетъ и меркнетъ и такъ тускло сдѣлалось, какъ при закатѣ солнца. Кажется, что скоро ночь на-

ступитъ. Какъ-то странно. Но вотъ мало-по-мало начинаетъ какъ бы днѣтъ, какъ будто восходитъ солнце и вновъ свѣтло и ярко дѣлается.

Жизнь въ лагерѣ.

Послѣ полученія обуви началась муштра. Смѣшно! Муштра въ крестьянскомъ бѣльѣ и безъ оружія. Впрочемъ это дѣлалось болѣе для того, ut quod fecisse videatur*). Я, какъ артиллеристъ незнающій пѣхотной муштры, очень затруднялся, какъ и что дѣлать. Изъ этого затрудненія избавилъ меня новоприбывшій пѣхотный подпоручикъ Дзеровичъ, обнявшій командованіе 3-ей ротой, а я былъ придѣленъ новополученнымъ нами командиромъ 219 батал., маіоромъ Вальдекомъ ко 2-ой ротѣ, командиромъ которой былъ чехъ, подпоручикъ Хейоовскій. Слава Ти, Господи, что посбылся командирства! Менѣе заботъ, менѣе отвѣчательности, больше свободнаго времени.

Но, имѣя болѣе досужаго времени, я сталъ думать о томъ, что творится въ Галичинѣ. Вправдѣ я получалъ отъ жены письма, но въ нихъ про войну не было ни-ни. Мнѣ скучно дѣлалось за Львовомъ, за домомъ, за семьей. Въ такія минуты я выходилъ на возвышенности близъ лагеря, изъ которыхъ были видны Карпаты, синія синія, и думалъ: Что-то теперь, тамъ, за горами происходитъ? Бютъ русскихъ, или русскіе бютъ? И не могучи до ничего додуматься я уходилъ не зная, куда дѣться, куда дѣваться отъ тоски кручинушки.

На Успеніе Пр. Богор. ходилъ я съ товарищами въ русскую, гр. кат. церковь. Раньше я и не подозрѣвалъ, чтобы въ такой глубинѣ Угорщины, какъ Кишварда, могла быть русская церковь. Но фактъ, что есть и богослуженіе правится въ ней по славянорусски. Мы познакомились съ приходникомъ, которымъ былъ тогда Gyula Bellovics, т. е. Юліанъ Беловичъ. Онъ даже по угрорусски прекрасно говорилъ и пригласилъ насъ къ себѣ на „бутылку“ вина. Но мы въ тотъ день не были у него.

По полудни ѣздилъ я, и лейт. Кратохвиль, съ сыномъ нашего квартиродателя въ его виноградникъ. Погода великолѣпная. Виноградникъ чудесный. Виноградъ, груши, сливы, персики, такъ и просяться, сами лѣзутъ въ ротъ. Господи, какая благословенная страна эта Угорщина! Здѣсь всего въ доволь. Есть горы, равнины, лѣса, поля, луга, степи, рудники, сады, огороды, виноградники и чего толъко еще нѣтъ! Не даромъ создалась поговорка: Extra Hungariam non est vita et, si est vita, non est ita*).

Вечеромъ въ Успенскій день въ офицерской столовой дошли до меня слухи, что русскіе сбомбардировали Тернополь. Только много времени спустя я узналъ, что они его не сбом-

*) дабы казалось, что что-то дѣлается.
*) Внѣ Угорщины нѣтъ жизни и, если есть жизнь, то не такая.

бардировали, а заняли еще 11(24) авг. Мнѣ вѣрилось и не вѣрилось.

На другой день, въ субботу, 16(29) авг., появились за окнами телеграммы: Unsere Truppen geben bei Lemberg heftig n Wiederstand gegen russische Offensive*). Вотъ тебѣ на! До сихъ поръ постоянно трубилось о нѣмецкихъ побѣдахъ, вдругъ бои подъ Львовомъ.

На слѣдующій день я получилъ отъ жены изъ Львова открытку отъ 29 VIII въ которой однако даже намека не было о томъ. Вмѣсто того въ офицерской столовой официально говорилось о великой побѣдѣ австрійцевъ подъ Люблиномъ. Восторга однако не было. Я наклонился къ счетовому офицеру Гольцману и спросилъ его, почему онъ грустный, на что получилъ отвѣтъ, что Unseren in Galizien, bei Lemberg, geht's schlecht**), а это слыхалъ онъ отъ маіора Герберта. Я сообщилъ это д ру Левицкому а онъ сказалъ, что это онъ давно знаетъ.

До сихъ поръ, т е. по 7 н. ст. сентября, стояла въ Кишварда прекрасная погода; ни одной тучки на небѣ. Солнце сіяло и жгло, только иногда легонькій вѣтерокъ колыхнулъ нагрѣтымъ воздухомъ. Ночи однако были сьѣжи. Но съ 1 сентября кончилась хорошая пог да, минули погодные дни. Сталъ перепадать дождикъ, а на небѣ и на душѣ появились тучки. Второе н. ст. сентября пронеслись слухи, что въ Мукачевѣ переполохъ, козаки.

3-ее н. ст. сентября, какъ разъ во время занятія Львова русскими, о чемъ, конечно, я не зналъ, получили мы вооруженіе, и еще какое! стараго образца „Werndlgewehr ы", а къ нимъ по 82 патрона на цѣлую кампанію съ выразительнымъ замѣчаніемъ беречь ихъ, такъ какъ больше не получимъ.

„Пречистая Дѣво Мати".

4-го сент. появились за окнами телеграммы, что на сѣверъ и западъ отъ Львова unsere tapf ren Truppen verteidigen Schritt für Schritt den väterlichen Boden***). Сейчасъ на слѣдующій день, въ субботу, состоялось на лагерной площади большое торжество: приведеніе къ присягѣ стаціонированныхъ въ Кишварда ландштурмбаталіоновъ. На возвышеномъ мѣстѣ были поставлены подъ шатромъ два престола для священниковъ, на лѣво для латинскаго, а на право для русскаго. Около престоловъ фисгармонія, замѣняющая органъ. При шатрахъ офицеры, а за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, длинные ряды солдатъ, выстроенныхъ въ видѣ сломанной подъ прямымъ угломъ подковы.

---

*) Наши войска подъ Львовомъ даютъ сильный отпоръ русскому наступленію.

**) Нашимъ въ Галичинѣ, возлѣ Львова, везетъ плохо.

***) Наши храбрыя войска защищаютъ шагъ за шагомъ отцовскую землю.

Во время богослуженія органистъ въ началѣ сыгралъ какія-то костельные мотивы, а потомъ обще извѣстную каждому карпаторооссу мелодію. Ухъ, какъ подхватятъ наши „сватки“ и грянутъ:

„Пречистая Дѣво Мати русского краю,
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Черезъ свои спасаешь руки,
Спаси и мене!“

Потрясающее впечатлѣніе произвела на меня эта пѣсня, какъ никогда до сихъ поръ. Вотъ тебѣ и на! Имъ внушаютъ, что они не русскіе, а украинцы, ихъ вооружаютъ и заставляютъ воевать противъ русскихъ, а они обращаются громогласно и во всеуслышаніе къ Матери русскаго края, чтобы спасла ихъ съ тяжкой муки. И гдѣ въ какой средѣ? Въ глубинѣ Угорщины, въ станѣ лютѣйшихъ враговъ своихъ Какая трагедія!

По слѣ богослуженія были приведены къ присягѣ сначала офицеры, а потомъ рядовые. На лицахъ всѣхъ замѣчалось удрученіе, а въ глазахъ многихъ слезы. Кажется они почуяли, что не на шутку держатъ ихъ въ Кишварда, а на страданія и смерть.

Для меня было противно приносить присягу на вѣрность врагамъ русскаго народа. Но что дѣлать? Откажусь — убютъ не безъ предварительнаго издѣвательства. И какая о ъ этого кому-либо польза? Никто изъ русскихъ даже не узнаетъ, за что собственно. А узнаютъ, то подумаютъ, что за простой бунтъ за измѣну. Еще измѣнникомъ сдѣлаютъ! Скрѣпя сердце и затиснувъ зубы я подняль пальцы и держалъ ихъ, пока не кончилось чтеніе присяги. Я и раньше никогда не помышлялъ о какой-либо и кому-либо измѣнѣ, а теперь, послѣ только что принесенной присяги, тѣмъ паче. „Если заставять воевать противъ русскихъ, убивать ихъ не буду, да и не чѣмъ. ибо что подѣлаешь саблей, браунингомъ, или хотя бы „вернадлемъ“? А если бы и было то и тогда я не поднялъ бы руки на русскихъ. Но... измѣнить Австріи никоимъ образомъ не измѣню иначе не надо было приносить присяги, пусть было бы что было“. Вотъ, что я думалъ и, чтобы избавиться отъ мучительныхъ мыслей, я рѣшилъ: „Пусть будетъ воля Господня!“

„Eljen!“

Послѣ принесенія торжественной присяги состоялся въ отелѣ Szaloda парадный обѣдъ, въ которомъ, кромѣ офицеровъ, приняли участіе оба мѣстные приходника, русскій ellovics и мадьярскій Demeter, а кромѣ того Кишварданскій Oberstuhlrichter, Laslo Nozdrovczki, по всей вѣроятности смадьярщеный славянинъ, и еще какіе то гражданскіе достойники. Во время обѣда игралъ гражданскій, скверный орхестръ для поддержанія военнаго настроенія. Послѣ блюдъ священникъ Деметеръ

поднесъ чашу вина и произнесъ съ мадьярскимъ акцентомъ: „Ихъ канъ дойче шпрахе нихтъ гутъ шпрехенъ. Абэрръ ихъ винше дэмъ хернъ майоръ ундъ дэнъ хернъ офисиренъ, дамитъ эсъ инэнъ рехтъ гутъ гетъ Айнъ шусъ — айнъ руссъ; айнъ штосъ — айнъ францосъ; айнъ шритъ — айнъ бритъ; Сербіенъ мусъ штербіенъ! Унзэрръ Кэнигъ, Кайзэрръ фонъ Естеррайхъ, лебе хохъ! Эльенъ!!" Собравшіеся повторили возгласъ трикратно, но безъ восторга, только съ снисходительной улыбкой. Затѣмъ говорилъ о. Гюля по угрорусски. Удивительно, что не опасался говорить по русски, а еще удивительнѣе, что ему позволили такъ говорить. Обѣдъ кончился довольно скоро; повидимому для никого не былъ онъ вкусный. Когда мы встали отъ стола, подошелъ ко мнѣ о. Гюля и еще разъ пригласилъ насъ къ себѣ въ гости.

Токайское.

Въ воскресенье, 6 н. ст. сент., по полудни, былъ я съ подпоручикомъ Ортынскимъ въ гостяхъ у о. Гюли. Жена его угощала насъ разными лакомствами, а батюшка превкусными винами. При томъ мы оживленно бесѣдовали на различныя темы, между прочимъ и на русскія. Оказалось, что цѣлый домъ о. Гюли русскій, а онъ самъ патріотъ и руссофилъ, высказывавшій безъ стѣсненія свои убѣжданія. На радостяхъ мы попросили нашего милаго хозяина угостить насъ настоящимъ токайскимъ, ибо обидно бы было быть недалеко Токая и не пить токайскаго. „Могу — сказалъ батюшка - только не настоящимъ, такъ какъ настоящее токайское составляетъ монополію австрійскаго императора, папы римскаго и русскаго царя, длятого его очень трудно получить даже за большія деньги. А это все, что находится въ продажи, только послѣдніе сорта или суррогаты". И онъ дѣйствительно поставилъ намъ токайское, имѣющіе всѣ виды настоящаго, но, выпивъ по чаркѣ, мы предпочли продолжать угощаться другими винами, казавшимися намъ болѣе вкусными. Это былъ нектаръ, а не вино.

Послѣдніе дни въ Кишвардѣ.

Минаютъ дни, минаютъ ночи, а мы все не знаемъ, какая судьба насъ ждетъ. Изъ театра военныхъ дѣйствій ничего положительнаго не знаемъ. Одни говорятъ, что Львовъ опять занять австрійцами, другіе, что нѣтъ. Д-ръ Левицкій утверждаетъ, что русскіе даже не были во Львовѣ, а въ настоящую пору, т. е. 7.IX, находятся въ 40 километрахъ отъ Львова. Но вечеромъ прочли мы въ газетахъ, что Львовъ занятъ русскими еще 3.IX. Кромѣ того въ Кишварда появились бѣженцы изъ Галичины. Это были евреи изъ Дрогобыча, которые бѣжали потому, что тамъ были слышны пушечные выстрѣлы.

8 н. ст. сент. солдаты получили блузы, а до сихъ поръ ходили только въ рубашкахъ.

9.IX. были упражненія санитаровъ, что произвело на меня непріятное впечатлѣніе.

10.IX Наблюдали мы вечеромъ сквозь бинокль планету Юпитеръ и видѣли возлѣ него три чорныя точки, которыя и должны быть его луны. Погода возстановилась хорошая, ночи черныя, звѣзды яркія.

11.IX. салдаты получили шинели, а мы бригадного командира, оберста Дрду.

12.IX. д-ръ Левицкій сообщилъ объ арестованіи Русскими митрополита Шептыцкаго.

13 IX. проходилъ черезъ Кишварда поѣздъ съ легко ранеными, замѣчательно, что большинство въ правую руку. Вечеромъ появилось въ городѣ множество новобранцевъ въ возрастѣ отъ 19—23 лѣтъ.

1(14)IX. телеграммы о бояхъ на Городокскомъ шоссе*).

2(15)IX. въ Кишварда большой базаръ. На пути въ лагеръ столько телѣгъ, что трудно пробраться. Салдаты ладятъ ранцы.

3(16)IX. пронеслись слухи, что 5(18)IX, въ пятницу, оставляемъ Кишварда и уѣзжаемъ въ направленіи Мукачева. Мы вѣримъ и не вѣримъ.

4(17)IX. Муштра, а у меня Baoninsp dienst. Объ оставленіи Кишварды помину нѣтъ.

Походъ.

Гадано не гадано, въ лагерѣ, въ пятницу утромъ, 5(18) сентября, большая суетня. Только и слышно: „Сегодня покидаемъ Кишварда“ Лихорадочно укладываются вещи. Солдаты позатыкали себѣ цвѣты и мнѣ воткнули за фуражку, хотя я себѣ этого вовсе не желалъ. Зачѣмъ дѣлать gute Miene zum bösen Spiel! и дѣлать видъ, будто радуемся, что уѣзжаемъ изъ Кишварда? Нечего и предполагать, что идемъ на лучшее!

Въ лагерѣ появился о. Гюля. Видъ у него грустный. Онъ пришелъ распрощаться съ нами. Въ разговорѣ онъ сказалъ, что не предполагалъ, дабы насъ, ополченцевъ, погнали на фронтъ. „Откуда же вы знаете, что насъ гонятъ на фронтъ“ — спросилъ я. — „Да такъ говорятъ; впрочемъ объ этомъ и спрашивать нечего, это очевидно“ — сказалъ добрый батюшка и простившись съ нами ушелъ невеселый.

Лагеръ мы оставили въ ½ 11 ч. и простояли на жел. дор. станціи подъ дождемъ около 4 часовъ. Салдаты шутили, что это Кишварда по намъ такъ плачетъ. Изъ Кишварда мы уѣхали въ ½ 15 ч. по направленію къ г. Чапъ, но неизвѣстно куда.

*) въ это время бои происходили уже на рѣкѣ Санѣ.

У меня было дурное настроеніе отъ неизвѣстности, куда мы ѣдемъ. Но зачѣмъ ломать себѣ голову? Очевидно, что на фронтъ, а куда... не все ли равно?

Вечеромъ пріѣхали мы въ Мукачево. Станція залита известью. Проѣзжалъ поѣздъ съ австрійскими солдатами и нѣсколькими плѣнными русскими, на которыхъ мои товарищи смотрѣли, какъ на дикихъ звѣрей въ клѣткѣ. Постоявъ довольно долго мы тронулись въ дальшій путь и ѣхали цѣлую ночь и половину слѣдующаго дня. Въ ½ 11 ч. пріѣхали мы въ горы, на станцію Szoliva, собственно Свалява, гдѣ и высѣли. Тутъ мы узнали, что нашъ 219 и 218 баталіоны есть боевые баталіоны, которые назначены защищать Верецкій перевалъ.

Въ Свалявѣ мы высѣли потому, такъ какъ пронеслись слухи, что непріятель недалеко. Баталіоны расположились возлѣ станціи на полѣ и стали варить обѣдъ. Погода была хорошая. Офицеры смотрѣли въ бинокли ища по горамъ непріятеля, котораго однако не было видно. Между тѣмъ небо понахмурилось и сталъ накрапливать дождикъ. Ввиду того салдаты стали розбивать палатки. Но пустился проливной дождь, не позволившій ни палатокъ разбить, ни обѣда сварить. Мы схронились на находившійся въ Свалявѣ лѣсопильный заводъ. Оставивъ салдатъ расквартироваться офицеры пошли въ лѣсопильный ресторанъ обѣдать, а затѣмъ по лѣсопильнымъ жилищнымъ домамъ искать для себя квартиры. Вдругъ раздалась тревога. Что случилось? Не нападеніе ли непріятеля? Спрашиваю того, другого, никто не знаетъ. Между тѣмъ солдаты валятъ изъ лѣсопилки на поле. Тутъ то я только узналъ, что на лѣсопилкѣ произошло нѣсколько внезапныхъ заболѣваній, имѣющихъ всѣ виды холеры. Ввиду того насъ выгнали на поле и заперли въ карантинъ. Дождь лилъ все время среди громовъ и молній до полдня слѣдующаго воскресенья. Офицеры попрятались по частнымъ квартира ъ, но салдаты промокли до нитки и бродили въ грязи выше щиколотки. Я поселился у чиновника лѣсопилки, Слабица, жена котораго разсказала мнѣ, что у нихъ уложены всѣ вещи къ побѣгу. Тоже самое разсказывали и другіе чиновники.

Всѣ должны околѣть.

Въ понедѣльникъ, 8(21) IX, обратился баталіонный врачъ, д-ръ Б. Заплегаль, къ баталіонному командиру, маіору Вальдеку, съ просьбой предпринять соотвѣтственныя мѣры противъ вспыхнувшей холеры, но маіоръ отвѣтилъ: „Чего вы требуете отъ меня? Развѣ вы не знаете, что мы всѣ должны околѣть (krepieren)? На это и война!“

Къ холерѣ прибавился еще „шлякъ“ Хейновскій, командиръ моей роты, который усердно сталъ муштровать солдатъ. А такъ какъ въ грязи машеровать было невозможно, то онъ обучалъ ихъ стрѣльбѣ: Laden! Hoch an! Feuer! Das ist schlecht.

Das soll ein Schlag sein! „То муси быть едэнъ шлякъ!“ По поводу часто произносимаго Хейновскимъ слова Schlag и безпрестаннаго преслѣдованія мутшрой солдатъ, они назвали его и проклинали „шлякомъ“. Особенно злило солдатъ то, что муштрѣ не подвергались евреи. Они 9(22) IX вечеромъ и на слѣдующій дождливый день собрались въ кучу и „вайкали“ и трубѣли на какихъ то трубочкахъ по случаю еврейскаго „Новаго года“ и праздника „Трубокъ“. „Эхъ, вы трубы ерихонскія! — думалось мнѣ — вы только „трубленіемъ“ и побѣждаете“. Ночью стало меня болѣть въ животѣ. На меня холодный потъ выступилъ изъ опасенія передъ холерой. Но холера меня какъ то не взяла. За то на слѣдующій день взялъ меня „шлякъ“ на ненавистную и не нужную муштру.

Въ „воду и огонь“.

Все время пребыванія нашего въ Свалявѣ дождь не шелъ, а лилъ, такъ что намъ буквально пришлось лѣзть уже ие въ грязь, а въ воду. Нашъ карантинъ кончился скоро, въ среду, 10(23) IX, и насъ на слѣдующій день раннимъ утромъ, въ ¼ 4 ч., погнали въ „огонь“. Я всталъ въ ½ 3-го и пошелъ въ лагеръ, гдѣ солдаты разложили костры, при которыхъ грѣлись, сушились и чай варили. Подбродивъ по грязи и водѣ пустились мы въ направленіи деревни Галамбошъ. Темень была такая, что человѣкъ самого себя не видѣлъ, а шелъ ощупю. Шли-шли пока сѣрѣть не стало. Тогда: „Стой! Кругомъ маршъ!“ Почему? Аа, мы должны были итти противъ непріятеля, какъ сказано выше по напрявленію Галамбоша, а мы пошли какъ разъ въ противоположную сторону, т. е. по направленію къ Мукачеву. Что значитъ инстинктъ самосохраненія!

Насъ увѣряли, что идемъ въ Галамбошъ на квартиры, чтобы смѣнить холерное мѣсто. Ну, вотъ пришли мы въ Галамбошъ, но какъ-то не останавливаемся, а идемъ дальше. Никто не знаетъ куда, развѣ командиры и ихъ довѣренные, какъ напр. лейтенанты Ратъ и Шуммеръ. У меня сверкнула мысль: Не идемъ ли мы прямо въ огонь? Да, конечно! Кудажъ бы иначе! Пелечка дорогая, Аночка крошечка*), увижу ли васъ я больше, или ляжу на „полѣ славы“, но никто не узнаетъ когда и гдѣ А можетъ, быть можетъ возвращусь къ вамъ калѣкой на горе себѣ и вамъ? Нѣтъ, я думаю, что больше не возвращусь. Я не выдержу, не переживу войны. У меня не крѣпкое тѣлосложеніе; нѣтъ достаточныхъ силъ перенести военныя невзгоды.

Такія и тому подобныя мысли роились у меня въ головѣ, а между тѣмъ мы все шли и шли. Солдаты стали отставать, особенно евреи. Одинъ изъ нихъ, станувъ на мосту, оперся на перила; по его примѣру сдѣлали то же самое другіе, перила сломались и нѣсколько человѣкъ полетѣло стремглавъ въ бурношумящій по камнямъ потокъ. Они уже больше не поднялись,

*) жена и дочка.

а подняли ихъ другіе, правда живыхъ, но сильно разбитыхъ. Ихъ сдали санитарамъ для передачи въ госпиталь. Какъ ни жалкое было ихъ положеніе, но тѣ, которые принуждены были итти дальше, завидовали имъ.

Происхожденіе названія „Бойко".

Въ ½ 8 ч. сдѣлали мы въ какой то, уже не помню, угрорусской деревнѣ привалъ. Солдаты побѣжали по хатамъ до стать молока или яичекъ. Горянки не отвѣчая на ставляемые имъ вопросы суетились и бѣгали постоянно восклицая: „Ой, бойко-бойко! Были ужъ здѣсь, были другіе, все забрали". А такъ какъ это восклицаніе повторялось перепуганными женщинами въ каждой деревнѣ, гдѣ мы только ни появились, я полюбопытствовалъ и спросилъ, что оно значитъ. Одинъ горецъ-старикъ пояснилъ мнѣ, что „бойко", это уменьшительное названіе Бога: Богъ Боженько, Божейко, а сокращенное Бойко. Тогда я пришелъ къ убѣжденію, что названіе извѣстныхъ горцевъ Карпатъ „бойками" происходитъ, быть можетъ, не столь отъ того, что они бойкіе, потому что есть горцы и побойче ихъ, напр. гуцулы, однако не называющіеся бойками, какъ именно отъ выше упомянутаго, часто повтряемаго выраженія „ой, бойко бойко", подобно, какъ лэмками называются другіе горцы отъ часто повтаряемаго ими выраженія „лэмъ".

Дальшій походъ.

Идемъ дальше до часу дня. Привалъ Затѣмъ отъ ¼ 3 ч. опять маршъ до 5 ч. и приходъ въ деревню Збунь, гдѣ станули мы на квартирахъ. Я помѣстился у горца Щербы. Еще до прихода въ это селеніе лейтенантъ Шумеръ говорилъ, что военное начальство думаетъ взять въ Збунѣ священника и войта въ качествѣ заложниковъ. „Знаю, какіе это заложники! Заложите имъ петлю на шею" — подумалъ я и сильно опечалился, что ничего-ничего не могу противъ этого сдѣлать.

„На врага".

На слѣдующій день, въ пятницу, 12 (25) IX, въ 4 часа, тревога, сборы, а въ половинѣ шестого ч. маршъ по направленію Малыхъ Ростокъ. Летаетъ молва, что тамъ непріятель, козаки. Идемъ ускореннымъ темпомъ. Дорога тяжелая, горная, крутая. Солдаты отстаютъ, преимущественно евреи изъ страха да и отъ усталости. Колонны растянулись какъ гумиластика, а мы все идемъ, да идемъ въ передъ безъ отдыха до 12 ч. дня. Наконецъ, остановились мы возлѣ Ростокъ на „полонинѣ". Трава, цвѣты, погода хорошая, солнечная, прелесть. Стоимъ. Наскучило. Начали садится на траву. Вдругъ смотримъ, скачетъ

*) Обратно.

на взмыленной лошади офицеръ (хорошо мнѣ извѣстный лейтенантъ Ратъ, начальникъ обоза) и прямо въ штабъ. Тамъ засуетились, потолковали, потолковали и крикнули: Rückzug! *) Этого не надо было два раза повторять солдатамъ. Ухъ, какъ вскочили и бросились вспять, какъ не тѣ сами. Не шли, а бѣгомъ бѣжали. Тогда отставшихъ не было, ибо они первые побѣжали назадъ. Право, я не могъ поспѣшить за своей частью. Конечно, впереди всѣхъ было высшее начальство. Я не могъ понять, что случилось, а спросить не было кого. Только послѣ я узналъ, что на нашихъ тылахъ появились козаки. Провіантъ-офицеръ Ратъ завидя ихъ оставилъ обозъ и прискакалъ на взмыленой лошади къ намъ и мы бѣжали чѣмъ скорѣе назадъ, чтобы русскіе не отрѣзали намъ пути отступленія. Когда миновали мы опасное мѣсто, тогда ужъ, конечно, шли тихо, такъ что возвратились въ Збунь только въ половинѣ восьмого веч., ужасно уставшіе и голодные, но счастливые, именно, что возвратились живыми въ Збунь, гдѣ мы чувствовали себя безпечными, хотя на самомъ дѣлѣ были какъ козелъ въ волчьей ямѣ сами не сознавая того. Объ этомъ мы убѣдились немного позже.

Я въ ту ночь имѣлъ караульную службу. Можете себѣ представить: Въ прошлую и позапрошлую ночи человѣкъ дурно и мало спалъ. Сегодня и вчера цѣлый день машеровалъ, а нынѣ почти ничего не ѣлъ и въ добавокъ изъ-за службы прійдется опять всю ночь не спать. Въ какомъ настроеніи можетъ быть тогда человѣкъ? Конечно, сражающійся за идею, не то перенесъ бы съ радостію, но я, за что долженъ сражаться и страдать? Понимаете ли вы трагедію человѣка маленькаго, но мыслящаго и чувствующаго? Нѣтъ вы, не въ состояніи понять чувствъ другого человѣка, а потому я болѣе объ этомъ распространяться не буду.

Ночь была чудная, яркозвѣздная, но черная и морозная. Я порядочно озябъ, а согрѣться нѣгдѣ было, такъ какъ мы стояли подъ шатрами на сѣнокосѣ, гдѣ нельзя было огня класть изъ-за опасенія передъ близкимъ непріятелемъ, ни чего съѣдобнаго достать, потому что обозъ съ продовольствіемъ гдѣ то спрятался, и изъ-за караула никуда тронуться, чтобы гдѣ чего нибудь поѣсть и согрѣться. Еле дождался утра, покрытого сплошнымъ инеемъ. Мы еще съ 3 ч. утра были на готовѣ къ абмаршу и такъ простояли до часу дня, прислушиваясь доносившимся до насъ отъ-куда-то орудійнымъ выстрѣламъ. И только, когда грохотъ пушекъ затихъ, стали мы готовить обѣдъ. Погода была хорошая солнечная. Послѣ обѣда мы отдыхали цѣлую остальную субботу.

Опять противъ непріятеля.

Воскресенье, 14 (27) IX 1914 г. Сегодня встали мы въ 2 ч. ночи, а въ 3 ч. вымашеровали въ томъ-же направленіи, какъ

*) Отступленіе!

и вчера. У меня въ головѣ зароились прежнія мысли: куда насъ гонятъ и противъ кого я долженъ сражаться? Противъ кровныхъ братьевъ? Это меня сводило съ ума, но я старался не подавать вида, хотя „аки баранъ былъ веденъ на заколеніе". Не въ лучшемъ настроеніи, кажется, были и мои соратники галичане, которые то и дѣло стонали изъ опасенія за жизнь.

Около 10 ч. утра остановились мы опять близъ селенія Малыя Ростоки. Нашъ военачальникъ Дрда позвалъ къ себѣ на „полонину" офицеровъ и произнесъ къ нимъ военную рѣчь въ томъ духѣ, что мы окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, а потому должны сражаться до послѣдняго издыханія и прогнать его изъ „фатерланда".

Какъ узнали объ этомъ ряды ополченцевъ, ухъ, какъ начали креститься и швырять вещи! Полетѣли щетки, поношенная обувь, бѣлье и другой багажъ, казавшійся имъ теперь ненужнымъ, такъ какъ все равно не устоять имъ съ „верндльгеверами" противъ русскихъ винтовокъ съ длиннымъ штыкомъ, противъ пулеметовъ и русскихъ превосходныхъ пушекъ. Даже деньги бросали или отдавали въ руки вышедшимъ поглядѣть жителямъ Ростокъ. Зачѣмъ имъ все это предъ лицомъ неизбѣжной, по ихъ мнѣнію, скорой смерти! „Берить-берить"— говорили солдаты къ горянкамъ — „намъ теперь того не треба". Женщины подняли вопль: „Ой, бойко, бойко!" — а мы пошли дальше.

Остановились мы въ ложбинѣ, подъ острымъ гребнемъ горъ, недалеко Ростокъ, гдѣ будто засѣлъ непріятель, котораго мы должны были прогнать. Но какъ-то непріятеля не было видно. Былъ слышенъ только глухой гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, доносившійся неизвѣстно откуда. Говорили, отъ Ужока или Сянокъ. Стоимъ стоимъ, а отъ поры до времени: „грымъ", да "грымъ!" ажъ душа вздрагиваетъ. Охъ! эта дальняя пальба тревожитъ больше, чѣмъ близкая. Близкая какъ-то совсѣмъ не страшна. Это испыталъ я на себѣ только позже. А въ Ростокахъ произвела она на меня подавляющее впечатлѣніе, такъ что даже кушать не хотѣлось несмотря на поздній часъ. Кстати сказать, что у меня притомъ былъ слѣдующій разсчетъ: Если получу пулю въ животъ, рана не будетъ такъ опасна. Но другимъ то захотѣлось кушать и они стали разводить огонь, чтобы хлебнуть чего-нибудь теплаго. Сію-же минуту пронесся приказъ: „Не смѣть класть огня и не трогаться съ мѣста"! Стоимъ и стоимъ. День пасмурный, прохладный; отъ поры до времени накрапливаетъ дождикъ.

Такъ простояли мы до вечера. Когда темнѣть стало, двинулись мы впередъ, но я никоимъ образомъ не могъ сообразить въ какомъ направленіи: на сѣверъ или на югъ, на западъ или востокъ. Мнѣ казалось, на востокъ. Шли мы острымъ гребнемъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Ахъ, какая прелесть въ горахъ, въ лѣсу! Мы шли въ сторону, откуда доносились выстрѣлы. Идемъ, идемъ уже совсѣмъ темно стало. Спотыкаемся

о камни и пни. Дальше идти невозможно. Ночь, да еще въ лѣсу, темно, хоть глазъ выколи Не видимъ другъ друга, только по голосу ощущаемъ. Остановились. Что дѣлать? Да тамъ, гдѣ кто стоялъ, такъ и присѣлъ, или ложился на землю. Холодно было, да еще пустился дождь. Я сѣлъ подъ букомъ, промокъ, продрогъ и мало-помало забылся . . . . . .

. . . . . .

Чувствую, меня тормошатъ, растираютъ и говорятъ: „Пане, лейтенантъ, пане лейтенантъ, напейгесь вина! „Очнувшись спрашиваю друзей солдатъ: „Що случилось?“

— Ничого — отвѣчаютъ — тилько вы зивсѣмъ окоченѣли; ледво мы васъ видтерли. Добре, що розвиднѣлось и мы васъ спостерегли, инакше вы може бы зивсѣмъ застыли“.

Вотъ какъ? — думаю себѣ — это по всей вѣроятности отъ голода, холода и истощенія — и, глотнувъ поданнаго мнѣ нашимъ добрымъ врачемъ, Заплеталемъ, коньяку, сказалъ: „Дякую вамъ“ — хотя не сознавалъ, благодарить ли, или нѣтъ, такъ было мнѣ все равнодушно.

Идемъ дальше. Сегодня понедѣльникъ, 15 (28) IX. День пасмурный, сырой; дорога мокрая, скользкая. Раздались оружейные выстрѣлы, поодиноко и пачками, и грохнули пушки. Совсѣмъ недалеко. Солдаты стали креститься и готовиться на смерть Я думалъ о женѣ и ребенкѣ. Мнѣ было жаль покидать ихъ на случай смерти.

Заслушавъ стрѣльбу въ половинѣ 8-го мы остановились на какой то полянкѣ и выслали развѣдчиковъ. По возвращеніи ихъ пустились мы дальше и, пройдя деревню Тихе, расположились мы за селомъ на склонѣ горы въ боевой линіи. Солдаты стали окапываться и прятаться за кусты, такъ какъ у насъ часто повторялось правило: Gut decken! *) Я залегъ тоже за камнемъ и смотрѣлъ на противоположную гору, гдѣ долженъ былъ быть непріятель. Но его не было видно. Не было также больше слышно выстрѣловъ.

Сидимъ, сидимъ, ужъ надоѣло. Сыро, холодно. Смотрю, жандармы привели къ намъ двухъ крестьянъ въ однихъ рубашкахъ и портканхъ безъ шапокъ и босыхъ, скованныхъ по рукамъ цѣпью другъ къ другу. Это — говорятъ — шпіоны. Ихъ поставили за кустомъ недалеко меня, возлѣ нихъ сѣли жандармы и велѣли крестьянамъ не двигаться. Крестьяне стоятъ, дрожатъ отъ холода, чтобы мимовольнымъ движеніемъ согрѣться. „Стуй, пся крефъ, бо куля въ лебъ“ — кричитъ жандармъ. Но это ничуть не помогаетъ и крестьяне вздрагиваютъ еще больше. Я не могъ на это смотрѣть и ушелъ подальше.

Тамъ я получилъ приказъ нашего военачальника, полковн. Дрды, отправиться со своей ротой и занять противоположную гору. „Почему приказъ мнѣ, а не Хейновскому, ротному командиру?“ — подумалъ я, но разсуждать было нечего. Кликнувъ

*) Хорошо скрываться.

своихъ солдатъ двинулись мы на указанное мѣсто. Хейновскій шелъ тоже съ нами постоянно нелѣпо командуя, куда я долженъ итти. Это меня вывело изъ равновѣсія и я возразилъ: „Ты-же ротный командиръ, веди куда знаешь, ибо я не понимаю, чего ты хочешь. Я получилъ приказъ, занять гору, отъ полковника, а ты мнѣ велишь, чортъ знаетъ что. Хорошо, я сдѣлаю такъ, какъ ты хочешь, но за послѣдствія не отвѣчаю". Хейновскій отвязался и я его не скоро увидѣлъ.

Выкарабкавшись съ трудомъ на гору, оказавшуюся не такъ близкой, какъ казалось, и называемую „Дѣльчикъ", развернулись мы въ цѣпи и пошли впередъ. Вершина была ровная, какъ столъ, поросшая по склонамъ кустарникомъ. Но вмѣсто непріятеля нашли мы на горѣ стадишко коровъ и овецъ, а возлѣ нихъ нѣсколько мальчишекъ. Это меня немножко успокоило: вѣдь не будутъ же тамъ пасти, гдѣ непріятель! Я спросилъ мальчиковъ, не видѣли ли они русскихъ, а они отвѣтили, что да, были вчера, но сегодня ушли, куда, неизвѣстно.

Идемъ мы, идемъ, цѣпи въ переди, по бокамъ и сзади, я посединѣ, но, ей Богу, не знаю, какъ и что дальше дѣлать. Мы уже прошли больше половины горы. Впереди чаща. Вотъ къ ней доходятъ переднія цѣпи. Вдругъ надъ ними возникшее облачко и... не успѣлъ я еще подумать, грохнуло: „пахъ", а вслѣдъ затѣмъ: „бахъ". Цѣпи — стопъ, и... какъ шарахнутся: передовые впередъ въ чащу, боковые по бокамъ въ кусты на склонѣ горы, а я стою и не вижу, что сдѣлали заднія цѣпи, только смотрю, какъ впереди вспыхиваютъ облачка, и слушаю, какъ грохочетъ: „бахъ! ба-бахъ! тра-та-та-та-та!". Между тѣмъ слышу: „Пане лейтнантъ, пане лейтнантъ!" — Смотрю, бѣжитъ мой фельдфебель, Чорный, схватилъ меня за руку и тащитъ за зобой. „Что ты! Куда?" — спрашиваю, но онъ, не отвѣчая, затащилъ меня на склонъ, въ кусты. Тутъ только разразился:

„Що вы, пане лейтантъ, чи вамъ свѣтъ не милый?"

„По правдѣ, я о тимъ не думавъ".

„То подумайте о насъ! Що бы мы безъ васъ робили?"

Эти слова меня тронули, ибо до сихъ поръ я не задавалъ себѣ вопроса, нуженъ ли я еще кому либо на свѣтѣ или нѣтъ.

Сидя въ кустахъ въ то время, когда выстрѣлы не прекращались, я думалъ: „зачѣмъ я на видномъ мѣстѣ стоялъ? А интересно было смотрѣть и слушать! Какой я глупый!"

А салдаты не то думали, а говорили между собой: „Якій винъ видважный!"

Мнѣ смѣшно было, но пріятно, слышать незамѣтно такіе разговоры.

Когда стрѣльба улеглась, я сталъ совѣтоваться съ окружающими, что намъ дальше дѣлать.

„А що мы знаемъ? Куда вы, туда и мы" — сказалъ фельдфебель Чорный, а за нимъ повторили и другіе.

Надо послать къ командующему солдата за дальнѣйшимъ приказомъ. Послалъ. Долго его не было. Наконецъ возвратился и говоритъ: „Тамъ никого нема. Всѣ пишли. А въ селѣ — говорятъ — козаки". „Мои" улыбаясь переглянулись. Я спрашиваю: „Що-жъ намъ робити? — солдаты отвѣчаютъ: „або мы знаемъ?"

Пустился дождикъ и стало вечерѣть. Что дѣлать? Не будемъ же тутъ на горѣ мокнуть и ночевать голодные. Слѣдовало бы пойти въ деревню. Но если тамъ козаки? Нѣтъ, въ деревню нельзя. Но съ горы слѣзть надо, ибо у насъ ничего кушать. А тамъ дальше видно будетъ.

Такъ разсуждая вышелъ я на видное мѣсто и крикнулъ: „Люди, за мною!" затѣмъ я пустился въ обратный путь. Сначала присоединилось ко мнѣ только нѣсколько человѣкъ, осмѣлившихся итти по открытомъ мѣстѣ, но затѣмъ, когда выстрѣлы не повторились, присоединилось повылѣзшихъ изъ всѣхъ сторонъ больше. По пути встрѣтили мы солдата съ приказомъ Дрд-ы итти обратно. Но куда, солдатъ не могъ сказать, такъ какъ не зналъ, куда наши войска ушли.

Когда мы сошли внизъ на дорогу, нашли мы тамъ уже много „нашихъ", которые собрались тамъ раньше и ждали насъ узнавъ отъ посыльного солдата, что и мы должны возвратиться. Среди собравшися оказались раненые: Кисѣль, Масло, Попикъ и Гальпернъ, а прочіе четыре, фамилій, которыхъ вслѣдствіе проливного дождя сейчасъ я не записалъ, а послѣ позабылъ это сдѣлать, какъ тяжело раненые, такъ что не могли идти, были занесены товарищами раньше моего прихода въ деревню и тамъ сданы на попеченіе крестьянъ. Фамилій ихъ не привожу, такъ какъ не помню.

Собравъ своихъ сталъ я думать, куда идти. Куда ушли прочія войска спросить было некого, а въ ближайшихъ хатахъ сказали намъ: шли какія то войска, но куда, развѣ мы знаемъ? Одни шли туда, другія сюда, развѣ разберешь? На счетъ того, гдѣ русскіе, тоже одинъ отвѣтъ: Развѣ мы знаемъ? Мы боимся голову высунуть! Во время того, откуда то взялся Хейловскій, говоря, что былъ въ бою въ первыхъ рядахъ, но тѣ, которые тамъ были, говорили, что его не видѣли.

Между тѣмъ дождь лилъ какъ изъ ведра и темно стало. Я рѣшилъ не заходить въ Тихе, а идти обратно въ Ростоки; если тамъ не найдемъ „своихъ", тогда отправимся въ Збунь. Къ сщастью по дорогѣ встрѣтили мы крестьянина, идущаго въ томъ-же направленіи. Мы спросили его, куда дорога въ Ростоки, а онъ сказалъ, что насъ немножко проводитъ, такъ какъ и онъ идетъ въ ту сторону, хотя и въ другое селеніе, не помню уже его названія. Но мы не шли по прежней дорогѣ, а напрямикъ, черезъ крутую гору въ хребтѣ Гребень. Дорога скользкая, грязь и совсѣмъ темно. А дождь льетъ и льетъ. Мы скользимъ, спотыкаемся о камни, падаемъ и подымаемся, но идемъ и идемъ, чтобы поспѣшить за горцемъ. Отставшіе солдаты просятъ подождать и не оставлять ихъ на произволъ судьбы. Нечего дѣ-

лать! Поджидаемъ. Такъ, послѣ долгаго времени и многихъ мученій, вылѣзли мы на гору, откуда увидѣли огни. „Вотъ Ростоки!“ — сказалъ нашъ проводникъ и, уходя отъ насъ, сказалъ: „Будьте здоровы“ — и пошелъ своей дорогой.

Ростоки! Недалеко видать, но когда пришлось дыбать?! Господи! легче было на гору, чѣмъ подгору взлѣсть. Все скользишь, спотыкаешся, падаешь. На гору по крайней мѣрѣ падаешь на руки и лѣзешь на четверенькахъ, а подгору упадешь на то мѣсто, гдѣ начинаются ноги, которыми послѣ паденія, особенно на камень, двигать нельзя. А надо помнить, что мы вчера мало кушали, а сегодня почти ничего.

Но вотъ въ концѣ мы подходимъ къ этому мѣсту, гдѣ горятъ огни, и гдѣ по нашему предположенію расположились на отдыхъ „наши“. Тутъ то новое затрудненіе. Передъ нами взобравшій отъ дождя и бушующій горный потокъ, образующій ниже рѣчку Зденку. Ни ходу, ни броду. Кричимъ подать намъ помощь съ того берега, напрасно. Кажется никто не слышитъ, или слыхать не хочетъ. Кому охота подымать усталую голову! Пробуемъ пробраться вбродъ, никакъ нельзя, съ ногъ сшибаетъ. Въ концѣ послѣ долгихъ окриковъ появились на той сторонѣ какіе то фигуры и спрашиваютъ, кто мы и чего намъ надо. Мы сказали: „свои“, а нуженъ намъ канатъ, чтобы по немъ пробраться на ту сторону. Фигуры ушли и пропали. Мы стоимъ и опять кричимъ. Фигуры появились и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ перебросили намъ одинъ конецъ каната; мы привязали его къ дереву. Цѣпляясь его и бродя въ рвучей и холодной водѣ выше пояса пробрались мы на другой берегъ и свободнѣй вздохнули думая найти пищу и уголокъ, гдѣ можно бы было отдохнуть немного. Но прежде всего я искалъ командующаго, чтобы отдать ему рапортъ. Командующаго я нашелъ, но пищи и уголка никакъ нѣтъ, потому, что каждый сухой уголокъ былъ биткомъ набитъ и все спало.

Было 2 ч. ночи, когда меня позвали къ командующему, полк. Дрдѣ. Онъ, какъ будто удивился, что мы вернулись и выслушавъ мой докладъ сказалъ: „И хорошо сдѣлали, очень хорошо, что ушли обратно, а то что вы могли сдѣлать „вернлями“ противъ пулеметовъ и пушекъ? Хорошо, что живы вернулись“. Эти слова командующаго дали мнѣ многое къ мышленію.

Уйдя отъ командующаго и не найдя нигдѣ сухого уголка я бродя въ грязи по щиколотки пошелъ къ костраму и нашелъ возлѣ нихъ своихъ людей, которые тамъ грѣлись и угостили меня чернымъ кофе и чернымъ хлѣбомъ. Заспокоивъ первый голодъ, я, мокрый до нитки, озябшій и ужасно уставшій, сѣлъ возлѣ костра на корточки — потому что не было на чемъ другомъ сѣсть, развѣ на сырой и грязной землѣ — и думалъ согрѣться, но скоро таки сѣлъ, а послѣ и легъ на землю и сейчасъ уснулъ.

Бѣгство.

Кажется: только уснулъ, а уже тревога! „Что случилось?“ — спрашиваю.

„Собирайтесь! Уходимъ“.

Огни потушены. Темно-темно. Сколько времени? 4 часа утра, а мы уже оставили стоянки. Куда идемъ? А кто его знаетъ! Вѣдь я уже разъ сказалъ, что у насъ держалось все въ такой тайнѣ, что даже офицеры не знали, что, гдѣ и какъ творится. А что мы дѣлаемъ, мы сами не знали. Мы знали только: не идемъ, а бѣжимъ. Куда? Ночь, темно, не видно, да хоть бы и видно, мѣстность неизвѣстная, а картъ у насъ нѣтъ.

Ночь минула. Разсвѣтало, а мы все идемъ да идемъ. Вотъ и опять Збунь. Думаемъ, что здѣсь опять остановимся а по крайней мѣрѣ пристанемъ отдохнуть, куда тамъ! Все бѣжимъ да бѣжимъ. Вотъ и распутіе, гдѣ расходятся дороги на Збунь, на Верецке, на Грабовницу („Фельзегеребенъ“) и еще куда то. Мы пошли на Грабовницу, т. е. по направленію къ Свалявѣ, къ Мукачеву, откуда пришли. Только по полудни мы остановились за Грабовницей, но намъ приказано не трогаться съ мѣста и быть наготовѣ. Стоимъ. У кого было что кушать, тотъ и кушаетъ. При томъ смотримъ по сторонамъ. Разорвались осеннія, свинцовыя тучи, выглянуло холодное солнце, разсѣялся туманъ и мы увидѣли ближайшія вершины горъ покрытыя снѣгомъ, выпавшимъ по всей вѣроятности прошлой ночью съ 28-го на 29-ое сентября. Слышимъ: изъ-за поблизкой горы, отъ Верецкого, доносятся до насъ орудійные выстрѣлы. Жутко. Вспоминаются мнѣ жена и ребенокъ. Какъ они тамъ поживаютъ?

Такъ простояли мы до вечера, конечно безъ теплой пищи. Когда темнѣть стало, разрѣшено намъ разбить палатки. Однако мы, офицеры, ночевали по хатамъ въ Грабовницѣ, гдѣ я немножко покушалъ, проспался, одотхнулъ. Впрочемъ какой это сонъ и отдыхъ когда чувствуешь, что у тебя на шеѣ непріятель, какъ кошмаръ на груди.

На слѣдующій день утромъ, въ среду, 17(30) сент., приказано намъ быть въ лагерѣ на готовѣ къ походу противъ непріятеля, находящагося въ Верецкомъ. Погода ненастная, слякотная, холодная. Одежда и обувь промокли. Снѣгъ порядочно покрылъ окужающіе лѣса и горы, изъ-за которыхъ каждую минуту ожидаемъ нападенія непріятеля. У всѣхъ большой страхъ предъ русскими, какъ предъ Übermacht*). Многіе офицеры, даже высшіе, негодуютъ, что пожилыхъ дюдей, плоховооруженныхъ и снабженныхъ, безъ пулеметовъ и артиллеріи, съ одними „верндлями“ и восьмю десятками патроновъ посылаютъ противъ непріятеля, вооруженнаго съ ногъ до головы въ знаменитыя винтовки, пулеметы и пушки. Посылка насъ противъ такого непріятеля — очевидное обреченіе къ смертной казни.

*) преобладающей силой.

Эти разговоры растроили меня больше, чѣмъ все прочее, особенно, когда я узналъ, что лейтенантъ Сѣрецкій арестовалъ въ Грабовницѣ нѣсколькихъ крестьянъ.

Вечеромъ разрѣшено намъ сварить пищу и опять разбить палатки. Однако успокоивающимъ сномъ не было намъ дано пользоваться долго. Въ часъ ночи — тревога, а въ 2 ч. „абмаршъ", собственно бѣгство въ Поляну, за которой мы расположились по горамъ въ боевую линію, чтобы повздержать непріятеля, насѣдающаго на насъ будто въ огромной силѣ со стороны Верецкого перевала.

Нашъ баталіонъ размѣстили на горѣ въ вымоинахъ, замѣнявшихъ намъ окопы; часть поставили, какъ резервъ, за кустами, и велѣли никому не высовывать носа, даже за потребностью, но дѣлай тамъ, гдѣ стоишь. Какой-то солдатъ стѣснялся и пустился отойти въ сторону, но его маіоръ чуть не застрѣлилъ. Дѣлалось это потому, чтобы непріятель не обнаружилъ нашего расположенія.

Сидимъ мы часъ, сидимъ другой, баа, и половину дня въ сырой выкоинѣ, по дну и бокамъ которой слезитъ вода, подмочиваетъ ноги, голодные, продрогшіе, съ винтовками, готовыми къ выстрѣлу. Охъ, Господи! Ноги затерпли, члены окоченѣли, все тѣло разбито. Я то собственно еще не долженъ жаловаться, потому что утромъ все таки выпилъ немножко коньяку и закусилъ чернымъ хлѣбомъ, намазаннымъ чеснокомъ для поощренія апетита, но рядовые и того не видѣли. Такъ просидѣли мы до вечера и остались на томъ-же мѣстѣ ночевать. Палатокъ ставить было нельзя, класть огня тоже. Салдаты, не имѣвшіе во рту уже нѣсколько дней ничего теплаго, получили холодную пищу, а мнѣ принесъ деньщикъ, Д. Сушкевичъ, изъ деревнѣ вареную картошку съ саломъ, кусокъ чернаго хлѣба и еле тепленькаго, сквернаго чаю. Непріятеля мы не видѣли и не слышали цѣлый день.

Ночевали мы подъ голымъ небомъ, на сырой землѣ и само понятно очень мерзли. Спать мы не могли, только дремали, тѣмъ болѣе, что послѣ полуночи потревожили насъ ружейные выстрѣлы, а послѣ 4 часовъ алармъ. Пронеслись слухи, что непріятель перехитрилъ насъ и вмѣсто итти по нашимъ трупамъ прямо на Сваляву и Мукачево, пошелъ окольнымъ путемъ прямо на Ужгородъ. Мы пустились преградить ему дорогу. Но только что спустились съ горъ и вышли за село Поляну, получили мы приказъ вернуться обратно и стануть на квартирахъ въ Полянѣ. Еще мы не усѣли присѣсть въ квартирахъ, какъ опять алармъ, тревога. Всѣ въ испугѣ пятятся на Сваляву: пѣхота, кавалерія, артилерія съ двумя пушками и однимъ пулеметомъ, все перемѣшалось и уходитъ назадъ. За селомъ однако получили мы приказъ занять вчерашнія позиціи, что мы и сдѣлали.

Около 14 часовъ началась стрѣльба съ винтовокъ и орудій, но продолжалась недолго, всего около 15 минутъ. Стрѣ

ляла наша артиллерія, кстати сказать, очень мѣтко. Мы вѣдѣли какъ на дорогѣ въ Поляну показалась кучка всадниковъ. Возлѣ нихъ разорвался снарядъ и разметалъ всадниковъ на всѣ стороны. Послѣ передавалось отъ уха до уха, что эта кучка всадниковъ — то были „наши“ уланы, которыхъ „наши“ не узнали и in der Hitze des Gefechtes*) по нимъ стрѣляли.

Наша 2-ая рота (не знаю почему уже второй разъ наша, а не другая) получила приказъ обшарить склонъ (по ту сторону дороги, ведущей изъ Поляны въ Сваляву) противположной горы покрытой чащей и лѣсомъ. Тотъ разъ повелъ ее самъ Хейновскій. Но только мы вошли въ чащу, какъ Хейновскій изчезъ. Салдаты кликали его, но онъ не откликался. Чаща была густая и высокая, такъ что мы не могли видѣть всѣхъ „нашихъ“ и пробивались въ лѣсъ группами по тѣнистымъ дорожкамъ или гуськомъ по тропинкамъ. Я былъ очень радъ отлучится на нѣсколько минутъ отъ „своихъ“ и отдохнуть немножко въ уединеніи, но это мнѣ не удалось. Салдаты, потерявъ Хейновскаго, боялись еще меня не потерять.

Походивъ, побродивъ по чащѣ вышли мы къ высокому лѣсу. Солдаты высказывали желаніе увидѣть козла, или хотя бы зайца. Вдругъ.... вмѣсто того, увидѣли мы Хейновскаго, какъ проходилъ линію. Солдаты окликнули его, но онъ, какъ бы не сдыша, ушелъ въ чащу. Мы пустились за нимъ и поймали. Онъ раздражительно сталъ браниться, почему солдаты, прячутся, а меня упрекать, почему я не послѣдовалъ за нимъ. „Чаща, не видно, да и у меня нѣтъ такъ быстрыхъ ногъ—говорю — а вотъ, завидѣлъ, и послѣдовалъ“. Но вскорѣ Хейновскій опять куда-то изчезъ и я его не видѣлъ до вечера.

Потерявъ опять Хейновскаго я пошелъ съ солдатами въ лѣсъ. Прелестъ въ лѣсу! Хорошо, что насъ сюда послали, забудешься на времячко, разсѣешь удручающія мысли!

Побродивъ по чащѣ и лѣсу возвратились мы на свою позицію. Незадолго пришелъ Хейновскій и опять попрекалъ насъ, почему мы отъ него отлучились. Нѣчего было и отвѣчать! Подъ вечеръ получили мы приказъ спустится въ Поляну и занять квартиры. Мы возрадовались, надѣясь найти теплую хату и пищу. Радость наша однако была преждевременна, ибо, когда мы пришли, уже все было биткомъ набито и съѣдено опередившими насъ частьями. Только случайно удалось мнѣ покупить въ одномъ домѣ гуся и я велѣлъ деньщику приготовить его къ кушанью. Затѣмъ попросилъ я солдатъ доставить въ гусятникъ соломы, гдѣ думалъ провести ночь. Солдаты охотно это сдѣлали, такъ такъ сами надѣялись въ немъ отдохнуть.

Ну, вотъ мы и устроились, покушали теплаго чаю и ждемъ варенаго гуся.,. Ага! не тутъ то было. Еще гусь не былъ готовъ, какъ въ деревнѣ поднялась около 21 часа стрѣльба и

*) въ пылу сраженія.

тревога. Кто стрѣлялъ? трудно было узнать. Наша рота получила приказъ быть на готовѣ (держать „берейтшафтъ“). Волей неволей пришлось оставить не только недовареннаго гуся, но и теплый гусятникъ и стануть подъ ружьемъ на площади среди села. Стрѣльба усиливалась. Около 23 часа ночи мы получили приказъ стануть въ боевой линіи возлѣ церкви. Свѣтло, мѣсяцъ. Возлѣ насъ залегъ нашъ батал. команд маіоръ Вальдекъ. Пули такъ и бренятъ такъ и шлепаются. „Не хорошо говоритъ маіоръ — надо поискать другую позицію и далъ намъ приказъ уйти съ салдатами въ близкую чашу, въ которой мы вчера были, и тамъ окопаться. Идемъ, а пули такъ и бренятъ. „Кой чортъ!“ Что это такое? Винтовочныя пули новѣйшаго калибра свистятъ, или визжатъ, а эти бренятъ. Не будутъ ли это большія, свинцовыя верндлевскія наши же пули? Очень возможно — думаю себѣ — вѣдь разъѣ кто разбираетъ, куда и по комъ стрѣляетъ, особенно ночью, когда не видно? Приказано стрѣлять, та ъ и стрѣляютъ!!

Разсудивъ такъ и найдя ложбину велѣлъ я находящимся со мной солдатамъ лечь и не трогаться до разсвѣта. Такъ они и сдѣлали и, кажется, были очень рады, что проспались до утра, а я вмѣстѣ съ ними, несмотря на частую стрѣльбу.

„Побѣда“.

Когда я проснулся, стрѣльба еще продолжалась и была особенно сильна около 6 ч. утра. Поэтому я не поднималъ солдатъ, пока стрѣльба не прекратилась. Было уже совсѣмъ свѣтло и солнце взошло. Мы поднялись и отправились въ деревню (Поляна). Тамъ нашли мы остальныхъ солдатъ нашей роты, которые съ Хейновскимъ успѣли уже расквартироваться, такъ какъ послѣ отхода линейныхъ частей ушедшихъ въ направленіи Верецкого, было достаточно мѣста. Я тоже снялъ квартиру и мы остались въ Полянѣ на отдыхъ. Позавтракавъ я пошелъ посмотрѣть и узнать, что произошло въ прошлую ночь. Мнѣ сказали, что ночью было нападеніе русскихъ и показали мнѣ убитыхъ, сваленныхъ на крестьянскомъ дворѣ въ одну кучу, въ которой было 9 австрійцевъ и 1 русскій. Санитары разсказывали, что у нѣкоторыхъ убитыхъ наглядныя раны отъ „верндлевскихъ“, т. е. нашихъ же, пуль. При томъ говорили, что среди „нашихъ“ есть 82 раненыхъ.

Около часу дня былъ слышенъ сильный гулъ пушекъ за Поляной со стороны Грабовницы, куда пошли „наши“ линейныя части. Не зная исхода боя мы были безспокойны все время. Вечеромъ появились свѣжія австрійскія войска, шедшія съ артиллеріей въ сторону Грабовницы и Верецкого.

На слѣдующій день, въ воскресенье, 4 X н. ст, дождь льетъ, какъ изъ ведра. Несмотря на то мы собрались и тянемся за своей арміей. Въ ½ 9 ч. мы сдѣлали въ с. Уклонѣ (Aglos) привалъ. Дождь, грязь, холодъ ужасная бѣда. Мы офи-

церы зашли въ хату достать яицъ и молока. „Ой, бойко-бойко!“ восклицаютъ запуганные, бѣдные люди. Но молока и яицъ намъ дали; конечно за деньги. Идемъ дальше разставляя по пути сторожевые посты и приходимъ до Грабовницы. Тутъ мы узнали отъ евреевъ, что въ Грабовницѣ были козаки, грабили только евреевъ, а пожитки ихъ раздавали крестьянамъ. Крестьяне, завидѣвъ козаковъ, будто говорили: „Гостьи наши, гостьи идутъ“.

Въ Грабовницѣ мы остались полнить этапную службу. Того дня вечеромъ и на слѣдующій утромъ шло на подводахъ и пѣшкомъ черезъ Грабовницу много раненыхъ, большинство въ руку. Жиды надѣлаки „рейваху“, что на полянкахъ близъ Грабовницы появились козаки. Мое начальство послало меня со взводомъ на развѣдку.

По пути мы встрѣтили отрядъ галицкихъ „украинцевъ“, въ австрійской военной формѣ, болтающихся по горамъ подъ преводительствомъ Косака на вороной лошадкѣ. Онъ ѣхалъ не, какъ бы полагалось, на войну, а разъѣзжалъ вокругъ отряда, какъ будто погоняя на ярмарку стадо барановъ. Я побывалъ во всѣхъ подозрѣтельныхъ мѣстахъ, но козаковъ — за исключеніемъ упомянутыхъ австрійскихъ — нигдѣ не нашелъ, о чемъ и доложилъ начальству послѣ возвращенія съ развѣдки. Начальство и товарищи очень смѣялись съ жидовъ, принявшихъ болтавшихся галицкихъ „украинцъ въ“ за козаковъ.

Ночевали мы въ Грабовницѣ. На слѣдующій день, во вторникъ, 6 н. ст. X, утромъ ѣдутъ телѣги, запряженныя волами и везутъ раненыхъ. Раненые стонутъ, а телѣги скрипятъ, наводятъ тоску. День сѣрый, пасмурный, мрачный. Мы должны маршировать дальше. Куда? Неизвѣстно. Охъ, та неизвѣстность, та неизвѣстность! Она съ ума людей сводитъ, особенно когда не надѣешься ничего хорошаго, когда не знаешь, какая ждетъ тебя судьба. Это не есть мои собственныя слова, такъ какъ отъ сумашествія я былъ всегда далекъ, а слова моихъ „кригскамерад-овъ“, очень часто жаловавшихся на нервы. А мнѣ казалось, какъ будто только у меня нервы, оказывшіеся къ моему удовольствію, гораздо сильнѣе, чѣмъ у другихъ,

Изъ Грабовницы вымаршировали мы въ 10 ч. утра.

Поле сраженія.

Идемъ въ направленіи с. Верецкого и должны пройти черезъ рѣчку сейчасъ ниже слиянія Зденянки съ Латорчей, на которой возносился желѣзный мостъ. Но его нѣтъ. Онъ разрушенъ — говорятъ австрійцами, чтобы сдѣлать проходъ невозможнымъ для русскихъ. Идемъ по проложеннымъ и шатающимся доскамъ и сейчасъ входимъ въ узенькое ущелье, какъ бы въ ворота и коридоръ безъ потолка. Слѣва бурлитъ Латорча, по бокамъ отвѣсныя стѣны, поросшія лѣсомъ. „Вотъ, если бы такъ теперь напали на насъ козаки, хотя бы только нѣсколько че-

ловѣкъ, хорошо бы мы выглядѣли" — говорятъ офицеры. Мнѣ сдѣлалось жутко. Вскорѣ однако мы вышли на открытое мѣсто и свободнѣе одотхнули. Предъ нами довольно просторная, окаймленная горами равнина, снивелированная Латорчей Сіяло солнце. Но взоръ мой омрачился на видъ массы разбросанныхъ по канавамъ дороги и по равнинѣ военныхъ вещей. Лежали изорваные ранцы, палатки, бѣлье, одежда, обувь, конская сбруя, ремни, патронташи и множество патроновъ, выстрѣленныхъ и острыхъ, даже цѣлыми пачками не только новѣйшаго калибра, но и верндлевскіе. Дальше: трупы убитыхъ лошадей, а возлѣ одного козацкое сѣдло, и многочисленные крестики и свѣжія могилки. На дорогѣ лужи не вездѣ даже еще окрѣплой крови. Все это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Это было поле сраженія. За нимъ с. Верецке, сильно разоренное. Здѣсь было тоже сраженіе. Разсказывали наши офицеры, и показывали даже обгорѣвшіе дома, что на чердакѣ этихъ домовъ засѣли козаки и ночью, пропустивъ австрійскіе авангарды, затрещали сквозь слуховыя окна изъ пулеметовъ по проходящимъ колоннамъ и почти въ пень перебили они цѣлый отрядъ но и сами погибли. Въ отместку австр йцы эти дома сожгли вмѣстѣ съ трупами русскихъ и повѣсили 60 верецкихъ крестьянъ.

Холера.

Оставивъ Верецке и пройдя с. Завадку (Rákóczi Szállás) — гдѣ мои солдатики бросились рвать сливы и сшибать груши у крестьянъ, но я ихъ отогналъ — пришли мы, 6. н. ст. X, и станули на квартиры въ селѣ Вербѣжѣ, на самой угорской границѣ. Я заквартировался вмѣстѣ съ нашимъ врачомъ, д-ромъ Заплеталемъ и Хейновскимъ въ одной комнатѣ въ приходскомъ домѣ, гдѣ остановились тоже наши баталіонные командиры со своимъ штабомъ. Приходника не было. Онъ по всей вѣроятности или бѣжалъ, или былъ арестованъ. Но домашняя обстановка была цѣлая Несмотря на то, что квартира была удобная, я былъ въ скверномъ настроеніи, самъ не сознавая отъ чего. Нашъ добрый д-ръ Заплеталь спросилъ меня, почему я плохо выгляжу, не боленъ ли я? Я сказалъ, что нѣтъ. „А можетъ, быть вы голодны?" — спрашиваетъ дальше докторъ. — „Мнѣ ѣсть не хочется" — отвѣчаю. „А вы все таки попробуйте." — „Да у меня то и пробовать ничего". Тогда д-ръ вынулъ свои съѣстныя запасы и насилу угостилъ меня коньякомъ, булкой съ масломъ, кускомъ жаренной курицы, виномъ и шоколадомъ. Послѣ того мое скверное настроенніе улеглось, я закурилъ поданную мнѣ докторомъ хорошую папироску и пошелъ узнатъ, гдѣ и какъ расквартировались солдаты моей роты. По пути я осмотривалъ мѣстность. Съ приходства простирался хорошій видъ на окрестность. Возлѣ приходства — церковь съ трираменнымъ крестомъ. Замѣчательно, что всѣ видѣнныя мною въ Угорщинѣ на

церквахъ кресты трираменны съ прямыми раменами. Возвратясь изъ деревни я скоро ложился и хорошо спалъ цѣлую ночь.

На слѣдующій день я получилъ свой багажъ съ вещами и перемѣнилъ бѣлье, которое я бралъ еще въ Свалявѣ, 10 (23) IX, такъ какъ у меня не было съ собой смѣны бѣлья. Оно, какъ и другія вещи, было на подводахъ въ обозѣ, который къ намъ все время не подходилъ, и неизвѣстно было, гдѣ его искать. Съ подошедшимъ обозомъ получили мы лучшее пропитаніе и я сегодня хорошо кушалъ.

Прошлой ночью шелъ дождь, сегодня день пасмурный. Около 10 ч. позвали меня въ роту, гдѣ произошло нѣсколько подозрѣтельныхъ заболѣваній. Особенно звалъ меня Стефанъ Полѣщукъ изъ Колодѣевки Скалатскаго уѣзда, рослый, степенный крестьянинъ, отецъ что то семерыхъ малолѣтьнихъ дѣтей-сиротъ, которымъ недавно умерла мать. Меня завели въ комнату, гдѣ на полу рядомъ на соломѣ лежало 7—8 человѣкъ, а среди нихъ Полѣщукъ, худой, почернѣвшій, такъ что я еле его узналъ. А вчера еще былъ здоровый, крѣпкій. Смотрю, онъ весь обманъ какой то желто зеленой слизью.

— Полѣщукъ, що зъ вами, якъ ся маете?

— Ой зле, пане лейтнантъ, умираю.

— Ну, Богъ съ вами, выздоровѣете.

— Нѣ, пане лейтнантъ, я умру, и закликавъ васъ, щобы вы були такъ добры передати моимъ дѣтямъ гроши, котри я для нихъ зберѣгъ и, якъ зистанете живи, здорови, передайте моимъ дѣтямъ мое послѣдне поздоровленье и благословѣнье: Няй ихъ Богъ благословитъ и мае въ своѣй опѣцѣ!*)

Послѣ того подалъ мнѣ связку бумажныхъ денегъ, что-то около 300 кронъ, которые я въ тотъ же день отнесъ на полевую почту, чтобы отправила по назначеню. Но раньше я зашелъ на приходство и попросилъ д-ра, чтобы зашелъ къ Полѣщуку и посмотрѣлъ, какая у него болѣзнь. „Холера“ — отвѣтѣлъ докторъ — я тамъ уже былъ и ничѣмъ помочь не могу“. — „Что-же, онъ умретъ,?“ — „Непремѣнно“. — Когда я возвратился изъ почты и зашелъ къ Полѣщуку сообщить ему, что деньги мною сданы по назначенію, его уже не было ни въ этой хатѣ, ни въ живыхъ. Около хаты стоялъ карантинъ.

Вернившись домой я получилъ приказъ сдѣлать развѣдку и разставить сторожевые посты на дорогахъ, в-дущихъ въ Вербѣжъ. Погода была скверная, дождливая, холодная, дороги раскисшія. Во время развѣдки я видѣлъ горы, покрытыя снѣгомъ и находилъ обледѣнѣвшія поля, мѣстами изрытыя снарядами и засѣянныя пулями и осколками взорвавшихся шрапнелей. Но было также множество „стакановъ“, т. е. неразорванныхъ шрапнельныхъ оболочекъ, нарочно сдѣланныхъ такъ, что только извергали изъ себя пули. Нѣсколько снарядовъ я видѣлъ совсѣмъ

*) И вотъ я, исполняя послѣднюю волю Полѣщука, довожу такимъ образомъ завѣтныя слова покойнаго до свѣдѣнія его дѣтей и наслѣдниковъ. Раньше сдѣлать этого у меня не было возможности.

не взорвавшихся. Я началъ было собирать пули и головки шрапнелей на памятку, но потомъ оставилъ. Зачѣмъ это? Куда мнѣ съ ними возиться? Только нѣсколько пуль и шрапнельныхъ головокъ принесъ я домой, которыя взялъ себѣ на память докторъ Заплеталь.

Послѣ развѣдки я зашелъ на полевую кухню въ селѣ подъ открытымъ небомъ узнать, готовъ ли для солдатъ обѣдъ. Тамъ салдаты 62 го полка потрошили недалеко нашей кухни зарѣзанную корову, а возлѣ нихъ заводила женщина съ дѣтьми: „Взяли послѣдну корову, мий мужъ на вийнѣ, а они ни гроша не заплатили, хоть бы квитокъ дали!" Я говорю унтеру, такъ какъ по старше не было: „Какъ вы смѣли безъ гроша взять у бѣдной женщины единственную корову? Вы должны немедленно уплотить! Унтеръ какъ будто не обращая на мои слова вниманія, сказалъ себѣ подъ носомъ, но такъ что всѣ слышали: Ja, Dreck wird sie kriegen*). „So? — говорю я kommen Sie mit mir gleich zum Brigadier.**) Тогда унтеръ извиняясь написалъ расписку и подалъ женщинѣ. Я, прочитавъ подпись унтера и узнавъ фамилію женщины, доложилъ о фактѣ бригадиру, но не знаю, чѣмъ дѣло кончилось.

Вечеромъ бѣжали на подводахъ черезъ Вербѣжъ жиды изъ Галичины и разсказывали, что русскія войска находятся въ Тухлѣ, а австрійскія стоятъ на границѣ. Я пошелъ провѣрить посты. Пустился порядочный снѣгъ и слышны были орудійныя выстрѣлы. Ноги промокли. Теплой одежды у меня не было, только „вѣтромъ подшитое" шинелишко, а тутъ на наждомъ шагу смерть скалитъ зубы... Брръ! холодно, скверно, гадко да и только.

Мое скверное настроеніе сдѣлалось еще болѣе сквернымъ на слѣдующій день, 8 н. ст. X, когда я долженъ былъ оставить уютную квартиру въ приходскомъ домѣ и уйти съ ротой въ поле, ближе границы, держать полевую стражу. Дулъ леденящій вѣтерь и сѣкъ дождемъ. Земля и находящіеся на ней предметы покрылись ожеледью. Вдобавокъ пустился снѣгъ. Къ счастью мы нашли за селомъ, на полѣ, 2—3 крестьянскихъ двора, въ которыхъ мы сдѣлали гауптвахту. Я съ Хейновскимъ и частью солдатъ помѣстился въ хатѣ Алексѣя Понзеля, котораго однако не было дома, а на войнѣ. Вечеромъ мимо насъ прошла бригада австрійцевъ съ двумя пушками въ Галичину. Цѣлый день погода была прескверная, а на слѣдующій день еще сквернѣе. Снѣгъ не то идетъ а прямо валитъ, но мокрый. Ужасная снѣговица. Въ крестьянской печкѣ горитъ огонь, а на печкѣ, слышу, стонетъ нѣсколько человѣкъ, между ними мой деньщикъ Сушкевичъ.

— Ей, шо тамъ такое, що зъ вами? — спрашиваю.

— Ой, чось мы хори, пане лейтнантъ.

— Сушкевичъ, що зъ вами?

---

*) „Да, г.... она получитъ".

**) „Такъ? — говорю я — пожалуйнте со мной сейчасъ къ бригадиру."

— Ой, пане лейтнантъ, чось ми дуже зимно и въ животѣ болитъ.

— У васъ розвильненье?

— Нѣ, пане лейтнантъ.

— Не слухайте, пане лейтнинтъ — говорятъ другіе — винъ цѣлу ничь бѣгавъ на двиръ и всю печь обкуцавъ.

Смотрю, дѣйствительно, но не только печь, а и мои вещи, особенно бѣлье, которое я носилъ теперь съ собою изъ опасенія, что, когда оставлю на подводахъ, опять не скоро его увижу. И вотъ Сушкевичъ эти вещи держалъ при себѣ, особенно ночью, чтобы ихъ кто не стянулъ, да тамъ ихъ и облевалъ. Господи! — подумалъ я — во что-же я теперь переодѣнусь? Вѣдь покупить новое нѣгдѣ! Но не разсуждая долго, я сейчасъ послалъ за докторомъ, который пришелъ, посмотрѣлъ и сказалъ: „Холера".

Въ полдень наша „фельдваха" была смѣнена и мы возвратились въ деревню, а я на прежнюю квартиру, оставивъ свои вещи въ хатѣ Понзеля, такъ какъ не зналъ, что съ ними сдѣлать! „Все равно — думалъ я — они будутъ уничтожены".

Въ деревнѣ большое безспокойство. Изъ-за пограничной горы слышны орудійные выстрѣлы. Тамъ идетъ бой и неизвѣстно, какъ кончится для насъ. Потому мы готовы „на каждый случай". Опасаемся нападенія непріятеля. Особенно безпокоится и нервничаетъ мой ротный командиръ Хейновскій, который своимъ поведеніемъ и нелѣпыми приказами дѣйствуетъ на мои нервы и меня раздражаетъ. Онъ не могъ нигдѣ найти себѣ мѣста, а ночью спать, и опасаясь нападенія непріятеля послалъ меня въ 11 ч. ночи опять на „фельдваху". — „Экая скотина!— подумалъ я — самъ бы не могъ разъ пойти, всегда я долженъ". Но уклониться нельзя было, ибо Хейновскій всегда былъ какъ бы полусумашедшій, а во время опасности таки всецѣло, и тогда отъ него можно было всего наихудшаго надѣяться. И такъ я ночь провелъ на полѣ, а Хейновскій дома спалъ спокойно. Но я ему не завидовалъ, ибо лучше тому на полѣ, у кого нервы покрѣпче, чѣмъ тому дома, у кого нервы послабже.

На родину.

Возвращаясь изъ „фельдвахи" утромъ въ субботу, 10 н. ст. X, въ ужасное ненастье, встрѣтили мы двухъ улановъ, ѣхавшихъ изъ Тухольки съ извѣстіемъ о побѣдѣ австрійскихъ войскъ. Радоваться мнѣ, или горевать? Я былъ такъ изнуренъ, что отнесся къ этому извѣстію равнодушно. Немного времени спустя узнали мы отъ нашего маіора Вальдека, что австрійскія войска дѣйствительно вытѣснили изъ Тухольки русскихъ, но съ большими потерями. Затѣмъ сообщено намъ, что сегодня идемъ въ Галичину. У меня радостно забилось сердце и мелькнула мысль: „если погибиу, такъ на родиной землѣ". Почему меня

это возрадовало? самъ не знаю. Не все ли равно, гдѣ пропадать? А, вотъ видно, что не все равно.

Передъ обѣдомъ явился ко мнѣ солдатъ нашей роты, Алексѣй Гаврищакъ изъ Мшанца, Тернопольскаго уѣзда, съ просьбой, чтобы я взялъ его себѣ въ деньщики на мѣсто заболѣвшаго Сушкевича. „Хорошо — говорю — но что же ты будешь у меня дѣлать, вѣдь у меня никакихъ вещей нѣтъ?“

— Чому, пане лейтнантъ? Они у мене.

— Якъ у тебе, ты не знаешь, що они съ холерою и ихъ не можно брати?

— Э, пане лейтнантъ, я ихъ такъ ладно вычистивъ!

— Все одно...

— А вы съ чѣмъ лишитесь? Богъ ласкавъ!

— И въ самомъ дѣлѣ — подумалъ я и взялъ Гаврищака въ деньщики, изъ чего онъ былъ очень радъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ онъ освобождался отъ всякой другой службы и отъ необходимости итти въ боевую линію, ибо онъ зналъ, что я прежняго деньщика никогда не тянулъ съ собою — какъ это дѣлали другіе — на передовыя позиціи. Быть можетъ онъ на томъ и плохо вышелъ, но тогда трудно было угадать, что для него лучше: быть во время боя вмѣстѣ со мной, или оставаться въ тылу. Все говорило за то, что лучше оставаться въ тылу.

Въ 12 ч. мы отобѣдали, а затѣмъ вымашеровали изъ Вербѣжа и направились въ Галичину. Мой прежній деньщикъ, Сушкевичъ, заболѣвшій холерой остался въ Вербѣжѣ и я не знаю, что съ нимъ случилось. Снѣгъ перестадъ итти, выглянуло солнце. Казалось, что перевалъ недалеко, но не скоро мы на немъ станули. Дорога была крутая и очень извилистая, горы въ колѣно покрытыя снѣгомъ, такъ что на перевалъ мы взобрались только въ ½ 4 ч. На горѣ корчма „Бескидъ“, еще по угорской сторонѣ, а сейчасъ за ней каменный граничный столбъ. Изъ перевала великолѣпный видъ на горы, на долы, на рѣки, на боры. Мы стали спускаться по сѣверному склону горы и бродить по колѣна въ снѣгу. Сразу стало холодно, потому что на сѣверный склонъ не доходило солнце, а загостилъ морозъ. Въ 4 ч. переступили мы по мосту р. Стрый и сейчасъ вошли въ с. Климецъ, гдѣ мы, какъ резервъ 55-ой дивизіи Флейшмана простояли четверо сутокъ. Но объ этомъ я узналъ только позже, а пока-что, оставались мы въ съ ума сводящей неизвѣстности. Мы сидѣли какъ загнанный, обреченный на гибель звѣрь. Вѣдь по словамъ маіора Вальдека: wir sollen alle krepieren. Вопросъ только когда: завтра, или еще сегодня? Вслѣдствіе этого я все время пребыванія въ Климцѣ былъ въ прескверномъ настроеніи — а другіе, кажется, еще въ худшемъ — тѣмъ болѣе, что и погода была прескверная: Или дождь, или снѣгъ, или морозъ, или оттепель, или снѣжная мятель и т. п. Мы съ Хейновскимъ заквартировались въ школѣ, въ помѣщеніи учителя Николая Высочанскаго, котораго дома не было; онъ по всей вѣроятности бѣжалъ, оставивъ свое небогатое, учитель-

ское имущество на произволъ судьбы. Мы однако ничего не тронули, даже незапертаго на ключъ варенья. Я позволилъ себѣ только воспользоваться его библіотекой и съ наслажденіемъ прочиталъ „Страстный четверъ“ Устіяновича. Я эту повѣсть и раньше читалъ, и очень ее люблю, но тогда прочиталъ съ особеннымъ удовольствіемъ, за что г-ну Высочанскому большое спасибо!

Не надо думать, что мы въ Климцѣ почивали на лаврахъ; вовсе нѣтъ, а въ шальную погоду, днемъ и ночью полнили сторожевую службу. Между, тѣмъ со всѣхъ сторонъ доходили до насъ тревожныя вѣсти. Хейновскій разсказывалъ, что въ сосѣднемъ 218 баталіонѣ умираетъ ежедневно на холеру 18—20 человѣкъ. Сторожевыя посты донесли (въ томъ числѣ солдатъ Варава), что на нашихъ тылахъ появились козаки. Удирающіе на Угорщину евреи разсказывали, что русскія войска недалеко, ибо въ Оравѣ и Плавью. Въ самомъ Климцѣ произошли арестованія крестьянъ, между прочимъ Якима Гойнеца съ тремя сынами: Иваномъ, Алексѣемъ и Василіемъ по обвиненію, что показывали русскимъ дорогу. Изъ Тухольки привели крестьянина Михаила Олѣйника, обжалованнаго въ шпіонажѣ. Въ селѣ появились переодѣтые въ гражданское платье галицкіе „украинцы“, которые говорили, что ихняя задача взрывать за отступающими австрійцами мосты и другія военныя объекты. Черезъ Климецъ вели плѣнныхъ „москалей“ и одного представили предъ меня. Не знаю почему предъ меня? но меньше съ тѣмъ. Я говорилъ съ нимъ и узналъ, что онъ только что пойманъ на развѣдкѣ „за этой деревушкой“; это былъ рядовой 281 пѣх. полка по фамиліи Дублянскій Антонъ Филипповичъ изъ Екатеринославской губерніи. Дрался подъ Черновцами, Городенкой, Станиславовомъ Скольимъ, Верецкимъ и въ Полянѣ*) гдѣ имѣли 1 убитаго и четырехъ раненыхъ. Русскихъ въ Полянѣ было всего одинъ баталіонъ инфантеріи и сотня козаковъ кавалеріи. Вытѣсненные изъ Поляны бились въ Верецкомъ и въ Климцѣ. Изъ Тухольки былъ посланъ на развѣдку, на которой и былъ пойманъ нечаянно австріицами въ одной хатѣ, въ которую зашелъ чего либо покушать.

Предположеніе мое оправдалось. Въ среду вечеромъ, 1(14) X, нашъ ротный командиръ, лейт. Хейновскій, принесъ отъ баталіоннаго командира вѣсть, что нашъ 219 баталіонъ опредѣленъ опять боевымъ и завтра выступаемъ. Въ тотъ же вечеръ машеровало черезъ Климецъ въ Галичину множество угорскихъ ополченцевъ.

На новыхъ позиціяхъ.

Изъ Климца вымашеровали мы въ четвергъ, 2(15) X, утромъ въ качествѣ „тренбедекунгъ“. День погодный, солнечный, ни облачка на небѣ, но несмотря на то у меня на душѣ черныя

*) о которой рѣчь въ статьи „Побѣда“.

тучи. Въ ½11 ч. станули мы на Лысой горѣ (1000 м.), откуда простирается чудный видъ на доокрестныя горы. Мое скверное настроеніе розсѣялось и мнѣ стало на душѣ весело, легко, привольно. Тутъ разсказывалъ намъ начальникъ обоза, лейт. Ратъ, что армія ген. Брудермана снесена, Львовъ стоитъ въ огнѣ и мы идемъ туда на выручку. Слова Рата показались мнѣ правдоподобными, потому что онъ былъ посвященъ въ военныя тайны. Въ 11 ч. пришли мы въ Тухольку и тутъ въ началѣ села, на горѣ, возлѣ хаты Яремчука, сдѣлали мы привалъ. Начальникъ обоза и продовольствія Ратъ раскошелился и разговорился. Угощалъ насъ хорошими вещами, какъ напр. коньякомъ, виномъ, бѣлымъ хлѣбомъ, салями, сардинками и шоколадомъ, и разсказывалъ, что наше положеніе въ Ростокахъ и Збуню*) war scheisslich**). Но теперь „наши“ шансы glänzend***), ибо въ Галичинѣ есть много прусскаго войска. Тотъ-же Ратъ который до войны былъ въ Вѣнѣ гофратомъ въ какомъ то вѣдомствѣ и былъ посвященъ въ военныя мистеріи, увѣрялъ, что война скоро кончится, ибо имп. Вильгельмъ сказалъ солдатамъ: Bevor die letzten Blätter von Bäumen fallen, sind wir, Kinder, zuhaus.****) На это я замѣтилъ: „Хорошо, но не извѣстно, въ какомъ году“. — „Самопонятно, въ текущемъ“ — возразилъ мнѣ нашъ баталіонный командиръ, маіоръ Вальдекъ. Позже показалось, что не — такъ то очень „самопонятно“, ибо листя не одинъ разъ упали съ дерева и не два, а ребята не были дома. Кромѣ того разсказывалъ Ратъ, что намъ предстоитъ пройти очень опасную мѣстность, Козеву, и это насъ сильно тревожило.

Оставивъ Тухольку, о которой говорилось, что сплошь да рядомъ руссофильская, и что священникъ, сидѣвшій въ арестѣ въ г. Стрыѣ, ушелъ съ освободившими его русскими войсками, проходили мы с. Плавье, за которымъ съ горы представился намъ опять чудный видъ на горы, а затѣмъ прошли мы с. Ораву и около 5 ч. вечера пришли мы въ Козеву, въ это „очень опасное“, по словамъ Рата, мѣсто, гдѣ мы расположились на ночлегъ. Можете себѣ представить, какой это былъ ночлегъ, когда намъ впередъ сказали, что это мѣсто очень опасное. Но я, какъ бы наперекоръ, почему то ничуть не тревожился, но покупилъ курицу, которую велѣлъ Гаврищаку сварить и великолѣпно поужинавъ вмѣстѣ съ Гаврищакомъ и Хейновскимъ спалъ великолѣпно всю ночь.

Изъ Козевы вышли мы на слѣдующій день въ 7 ч. утра. День былъ солнечный, теплый, погода великолѣпная, мѣстность за Козевой очаровательная, особенно между 123—117 километрами, надъ рѣкою Оравою. Быть можетъ это только мнѣ такъ

---

*) о которыхъ рѣчь была въ статьяхъ: „На врага“ и дальше.
**) было гадкое.
***) блестящіе.
****) Прежде чѣмъ послѣдній листъ упадетъ съ дерева, будемъ, ребята, дома.

казалось, но все равно, я находилъ эту мѣстность очаровательной, такъ что не въ силѣ ее описать, потому и не силюсь изъ опасенія, что она на бумагѣ не окажется такъ очаровательной, какъ запечатлѣлась въ душѣ. А быть можетъ она въ настоящую пору совсѣмъ загажена и ничуть не очаровательна?

Послѣ того проходили мы черезъ с. Коростовъ, попри большой каменеломъ, прудъ и электрическую станцію, затѣмъ черезъ село Демню и въ 1 ч. дня пришли мы въ г. Скодье. Тутъ я заходилъ къ родственникамъ жены, чтобы оставить у нихъ деньги, которыхъ у меня набралось сверхъ 600 кронъ серебромъ, потому что нѣгдѣ нельзя было перемѣнить ихъ на бумажные. Эти деньги хотѣлъ я оставить у родственниковъ не потому, что мнѣ съ ними было очень тяжело носиться, а для передачи женѣ на случай моеи смерти. Но родственниковъ я не нашелъ въ Скольемъ, они всѣ убѣжали, и я эти деньги благополучно дотаскалъ позже домой. Отмѣчаю эту, быть можетъ, мелочь здѣсь, потому, чтобы читателямъ показать, какая послѣ вышла исторія съ этими деньгами.

Не буду описывать Скольего, потому что оно болѣе-менѣе многимъ извѣстно, скажу только, что оно находится въ прекрасной мѣстности, хотя самъ городъ въ то время былъ сильно загаженъ нефтью и известью, по всей вѣроятности для десинфекціи. Въ Скольемъ мы стояли 8 ч., до вечера, а затѣмъ помашеровали дальше и въ тьму кромѣшную пришли мы къ какому-то сорванному мосту, черезъ который никакъ нельзя было переправиться. Было около 12 ч. ночи. Около моста большая суматоха. Мы получили приказъ во чтобы то ни стало переправиться черезъ рѣку и занять одну вершину горы, о высотѣ 637, но гдѣ эта гора, ей Богу, никто не зналъ, во первыхъ, что у насъ не было картъ, а во вторыхъ былъ такой туманъ и тьма, что зги не было видно. И дѣлай тутъ что хочешь! Ужъ теперь не помню, какъ переправились мы черезъ рѣку и переправились мы вообще, такъ какъ я былъ такой усталый, что на ходу спалъ и войдя въ какіе то кусты, въ которыхъ трава была ростомъ въ человѣка, влажная и мокрая отъ тумана или росы, такъ что я заросился по шею, и проболтавшись съ солдатами довольно много времени и окончательно потерявъ ихъ въ этой гущѣ, изнуренный свалился я подъ какимъ то деревомъ на землю и уснулъ сладчайшимъ сномъ.

Синеводскъ.

Проснулся я потому, что сильно змерзъ. Было еще темно. Гдѣ я? А кто его знаетъ! Чтобы согрѣться, я примѣнялъ шведскую гимнастику. Когда свѣтлѣть стало, я позвалъ своихъ солдатъ. Оказалось, что они находились недалеко меня, въ кустахъ, и тоже спали. Насъ окружалъ густой, сырой туманъ, пронизывающій до мозга костей. Изъ кустовъ капала роса. Мы рѣшили пробраться на болѣе сухое мѣсто и вышли на гору. Въ

низу простиралось море тумана, изъ котораго будто островки выставали горныя вершины. На горѣ былъ приморозокъ. Взошло солнце и озарило розовымъ свѣтомъ эти вершины, покрытыя снѣгомъ и войсками. Туманъ какъ будто превратился въ громадное озеро. Въ половинѣ седмого дрогнулъ воздухъ, грохнули пушки и затрещали пулеметы. Мы получили приказъ занять позиціи на горѣ недалеко за взорваннымъ деревяннымъ мостомъ. Проходили мы возлѣ двухъ крестиковъ, подъ скалою, на могилахъ русскаго полковника и подполковника. Станувъ на горѣ заняли мы отведенныя намъ позиціи. Канонада продолжалась до 10 часовъ. Затѣмъ все стихло. Теперь я могъ оглянуть и узнать мѣстность.

Мы стояли въ Синеводскѣ выжнемъ. Была суббота, 4 (17) октября. День былъ солнечный, погода прекрасная. Синеводскъ какъ на ладони. Онъ расположенъ на равнинѣ, кажется на днѣ высохшаго озера, которое было загражденно громадной плотиной горнаго хребта. Эта плотина прервана на сѣверномъ своемъ концѣ и туда вылились воды озера. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ сливаются двѣ рѣки: Опоръ со Стрыемъ, который обогнувъ плотину большимъ колѣномъ выходитъ изъ горъ на равнину.

Видъ съ горы, гдѣ мы стояли, на рѣку Стрый, на Опоръ на ихъ рукава, на Синеводскъ, на его синія воды, на окрестныя горы и на Стрыйскую равнину восхитительный. Если бы такъ не война, я навѣрно повторилъ бы за апостоломъ Петромъ: „Господи, добре здѣсь быти". Къ сожалѣнію это поэтическое настроеніе прервала канонада, возобновившаяся опять въ 1 ч. дня. Съ тѣхъ поръ гулъ орудій не прекращался ни днемъ, ни ночью въ продолженіи всего время нашего пребыванія въ Синеводскѣ. Къ стати сказать, пули до насъ не долетали, ибо мы состояли, какъ сказано выше, въ резервѣ 55-ой дивизіи. Не смотря на то, мы все время находились въ тревожномъ состояніи, такъ какъ не знали, что ждетъ насъ въ ближайшую минуту. Ночь провели тоже неспокойно.

На слѣдущій день, въ воскресеніе, смѣнили мы позиціи, и расположились на томъ мѣстѣ, откуда, какъ на ладони, виденъ городъ Стрый. Видъ великолѣпный. Погода хорошая, только прохватываетъ насквозь холодный вѣтеръ. Пушки грохотятъ, но сегодня подальше. Мы ждемъ непріятеля со сточоны г. Стрыя. На западъ отъ него горитъ какая-то деревня. Тучи чорнаго дыма подымаются ввысь надъ длинными языками краснаго пламени, а на фонѣ вечерняго неба вспыхиваютъ бѣлыя облачка дыма, въ которыхъ сверкаютъ огоньки. Это разрываются шрапнели. Огоньки вспыхиваютъ тоже возлѣ Стрыя. Это стрѣляетъ русская артиллерія. Вечеромъ получили мы приказъ возвратиться на старую позицію. Что это? Побѣда, или отступленіе? Никто не знаетъ. Охъ, эта неизвѣстность! Ночевали мы опять на горѣ и порядочно змерзли.

На слѣдуюшій день, въ понедѣльникъ, погода чудная, ни облачка на небѣ, тепло, только легонькій всходовикъ ласкаетъ

Орудія гремятъ, но подальше, гдѣ-то на сѣверо западѣ, въ сторонѣ Борыслава и Дрогобыча. Мы заняли опять вчерашнія позиціи и каждую минуту ждемъ непріятеля со стороны Стрыя. У меня однако настроеніе спокойное, свѣтлое. Если паду, такъ на прекрасной позиціи. А пока, давай напьемся вина.

Якъ засядемъ, братья, коло чары,
Якъ засядемъ, братья, на меду..

Вспомнились мнѣ слова галицкой, застольной пѣсни и я позволилъ себѣ выпить цѣлую манерку вина, конечно винограднаго. Только послѣ того я узналъ, какую силу имѣетъ хорошее вино. Мнѣ радостно стало на душѣ и я весь остальной день провелъ пріятно. Не знаю, почему нравоучители такъ безпощадно нападаютъ на напитки. Оно, быть можетъ и лучше, когда человѣкъ иногда запоморочится виномъ и забудетъ суровую дѣйствительность.

Вечеромъ мы возвратились опять на старую позицію и тутъ, возлѣ палатокъ и костра, слушали разсказовъ „цугсфирера" Николая Якобчука изъ Шеноръ Коссовскаго уѣзда. Якобчукъ оказался интереснымъ разсказчикомъ. Мой деньщикъ Гаврищакъ приготовилъ чай и я сталъ его кушать съ собесѣдниками. Во время того собесѣдники обратили мое вниманіе, что на небѣ видна комета, которую уже вчера замѣтили. Я глянулъ и дѣйствительно на небѣ сіяла прекрасная комета. Она стояла на сѣверозападномъ небосклонѣ, длинной косой обращена къ переднему колесу большого Воза, или такъ наз. Большой Медвѣдицы. Было половина седмого вечера Я долго созерцалъ необыкновенное небесное явленіе и думалъ: „Что это такое, что во время великихъ событій появляется комета или на оборотъ во время кометы происходятъ великія событія? Была во время Рождества Христова, во время Тридцатилѣтней войны, во время Хмѣльницкаго, во время Отечественной войны въ 1812 году, во время Русско-турецкой войны въ 1877/8 году, во время настоящей войны и прч. Видно кометы имѣютъ громадное вліяніе ра судьбу человѣчества. „Кто-то изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что во время Русско-турецкой войны комета шла будто изъ сѣвера на югъ, и тогда проиграла Турція а теперъ идетъ съ запада на востокъ, потому проиграетъ Россія, конечно, а Австрія выиграетъ. Это предсказаніе исполнилось, но не въ точности, ибо проиграла не только Россія, но также Австрія и Германія. Я въ предсказанія не вѣрилъ и не вѣрю, несмотря на то, что это въ части исполнилось, но послѣ этого предсказанія мнѣ стало грустно, я пересталъ созерцать яркозвѣздное небо, чудную темнобархатную ночь, моргающій огоньками Синеводскъ, ушелъ въ палатку и предался убаюкивающему отъ всякой суеты сну.

Тотъ разъ Морфей*) оказался слабѣе пушекъ, которыя тревожили меня всю ночь. Слѣдующее утро было пасмурное.

---

*) Морфей — олицетвореніе сна.

Летѣлъ на югъ ключъ дикихъ гусей. Я получилъ приказъ сойти внизъ въ роту, замѣстить заболѣвшаго ротнаго командира Хейновскаго. Передъ отходомъ пригласилъ меня командиръ 1-ой роты, лейт. Шуммеръ на завтракъ, состоявшій изъ водки яйца и хлѣба съ масломъ Во время завтрака Шуммеръ разсказывалъ, что вчера въ Синеводскѣ были повѣшены 11 крестьянъ. При экзекуціи присутствовалъ лейт. Штейнъ съ половиной 3 ей роты нашего 219-го баталіона. Штейнъ послѣ того имѣлъ быть сильно разстроенъ. Лейтенантъ изъ 4-ой роты, Павелка, говорилъ, что не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Штейна, а Шуммеръ — что въ такихъ случаяхъ*) съ удовольствіемъ. На меня эта вѣсть и разговоръ произвели удручающее впечатлѣніе и я былъ радъ, когда ушелъ отъ Шуммера. Внизу, въ ротѣ, я узналъ, что сегодня оставляемъ Синеводскъ и идемъ на Стрый.

Послѣдній бой.

Изъ Синеводска ушли мы во вторникъ, 7 (20) X, въ 5 часовъ вечера. Хотя этого числа утро было пасмурное, но день погодный, солнечный, теплый, мягкій. Въ такіе дни Синеводскъ прекрасный и мнѣ жаль было покидать Синеводскія позиціи.

Идемъ. Дорога шосейная, ровная, прямая. Небо запасмурилось. Скоро и темно стало. Идемъ, а солдаты разговоровают: „Сегодня будемъ въ Стрыѣ, завтра въ Николаевѣ, послѣ завтра во Львовѣ, а послѣ въ Золочевѣ, въ Тернополѣ въ Гусятинѣ и дома.“ Смотрю, а мои „сватки“ идутъ не въ строевомъ порядкѣ, и не какъ на войну идутъ, а какъ толпа богомольцевъ въ Зарваницу или на „Кальварію“ на богомолье. Я къ нимъ: Єй, люди, вы идете якъ бы на праздникъ, або на видпустъ до Львова, Тернополя и т. д. и забуваете, що мы на войнѣ. Хто знае, що насъ жде въ Стрыю.“ Послѣ того солдаты замолкли и стали машеровать безъ команды въ боевомъ порядкѣ.

Темно было, хоть глазъ выколи, а мы все идемъ да идемъ. Не одинъ свалился въ канаву. Пришлось ногами ощупывать, гдѣ дорога, а гдѣ канава. Пустился дождь Мы остановились въ какомъ-то селѣ, кажется Дулибахъ. Думали, что переночуемъ въ хатахъ. Куда тамъ! Стоимъ на дорогѣ, на дождѣ, въ грязи, часъ, другой Кого, чего мы ждемъ? А кто его знаетъ! Уже 11 ч. ночи, а мы все стоимъ. Усталые солдаты садятся на краю канавы, прямо въ грязь, а потомъ даже ложатся и храпятъ. Никакая сила не въ состояніи заставить ихъ бодрствовать. Меня самого стало клонить ко сну. Офицеры негодуютъ, баталіонный командиръ „ферфлюхтуетъ“. —„Чего мы ждемъ?“ — спрашиваю. „Приказовъ изъ Стрыя“—говоритъ маіоръ Вальдекъ. Но уже 1 часъ ночи, а приказовъ нѣтъ. Надо бы кого-либо послать въ

*) т. е. когда вѣшаютъ руссофиловъ.

Стрый. Но кого? Имѣются, правда, уланы, но рядовые, отъ которыхъ не многого требовать можно. Посылать пѣхотныхъ офицеровъ? — далеко туда и обратно, да еще темной ночью. Въ концѣ вспомнили, что я, какъ артиллеристъ, долженъ умѣть ѣздить верхомъ и отправиться въ Стрый на уланскомъ конѣ.

Сказано сдѣлано. Мнѣ подвели коня и двухъ улановъ, съ которыми я поѣхалъ въ Стрый, къ начальнику штаба, гр Ламезану, за приказами. Моя лошадь изнуренная, еле тащитъ ноги, никакъ не подгонишь. Пріѣзжаю въ городъ—темень, ни огонька, и неизвѣстно, гдѣ искать Ламезана. Стучимъ въ одни ворота, въ другія и т. д., эвс! никто не открываетъ, по всей вѣроятности бояться. Уланы говорятъ, что имъ ничего дѣлать и хотятъ возвращаться. Я имъ сказалъ, какъ хотятъ, а самъ поѣхалъ попробовать счастья. „А что, если въ городѣ, вмѣсто австрійцевъ, русскіе? Ну что-жъ?.. я нарочно къ нимъ не иду; убютъ?—разъ мати родила! А попадусь въ плѣнъ—тѣмъ лучше“—и разсудивъ такъ, поѣхалъ я искать гр. Ламезана.

Ѣду по темнымъ улицамъ Стрыя, а звукъ копытъ такъ и отбиваетъ отъ стѣнъ домовъ: „Шлапъ-шлапъ-шлапъ шлапъ“. Жутко! Вдругъ огонекъ. Я туда. Смотрю — вокзалъ. Выбѣгаетъ австрійскій солдатъ и спрашиваетъ: „Кто?“ Я сказалъ и зачѣмъ явился. „Да,—говоритъ солдатъ—графъ Ламезанъ здѣсь.“ — Я бросилъ салдату повода лошади и побѣжалъ искать Ламезана.

— Графъ Ламезанъ — кричу.

— Здѣсь, что вамъ угодно.

— Прошу Вашего приказа.

— Какое у васъ вооруженіе?

„Верндли“.

— Ой ей! И съ такой „бранжей“ я долженъ сражаться съ русскими! Приходите сюда, когда вамъ угодно!

Было 3 ч. утра. Я возвратился къ своему баталіону, передалъ приказъ, послѣ чего мы помашеровали въ Стрый и въ 5 ч. станули возлѣ вокзала. Я былъ ужасно утомленъ, голоденъ и спящій. Утро было сѣрое, сырое, туманное, холодное. Я думалъ гдѣ-либо „прикурнуть“ и отдохнуть. Но маіоръ Вальдекъ велѣлъ мнѣ отъ себя не отлучаться и остаться въ качествѣ адъютанта.

Къ намъ стали подходить евреи и заискиваюше заговаривать. Разсказывали, что вчера были въ городѣ русскіе, но въ полдень ушли. Они очень рады, что пришли „наши“, а въ доказательство своей радости предложили маіору коньякъ, шоколадъ, папиросы и еще что то. Маіоръ отказался, а я взялъ и за себя и за маіора, двойную порцію. Когда евреи ушли, я предложилъ маіору половину добычи и онъ взялъ говоря, что я хорошо сдѣлалъ. Съ того момента я сталъ фаворитомъ нашего баталіоннаго командира, маіора Вальдека.

Вскорѣ началось наше наступленіе. Пошли прямо таки отъ вокзала цѣпи за цѣпями на сѣверъ, параллельно къ Львовскому шоссе, но они на растояніи какихъ 15-20 шаговъ сейчасъ

пропадали въ туманѣ, такая была мгла. Маіоръ Вальдекъ со мной станулъ на желѣзно-дорожной „рампѣ". Незадолго защелкали винтовки, затрещали пулеметы и грохнули орудія. Стрѣляли „наши". Мы все время стояли на рампѣ. Къ намъ стали приходить жители Стрыя, преимущественно женщины, и приносить пищу: кто кофе, кто булку съ масломъ, кто жаренную курицу, кто вино и т. д. Мы кушали съ удовольствіемъ, такъ какъ голодные были, а между тѣмъ маіоръ говорилъ: „Что это стрѣляють все наши, да наши, а противникъ не откликается, а молчитъ. Быть можеть, его совсѣмъ здѣсь нѣтъ и мы напрасно стрѣляемъ въ окна Господу Богу".

Стоимъ мы и разговариваемъ съ жителями Стрыя, конечно всего болѣе на злободневныя темы. Туманъ около 10 ч. разсѣялся, небо прояснилось, но возлѣ насъ стали падать, какъ будто, рѣдкія но крупныя капли дождя. „Что это такое?„ — спросилъ кто то изъ горожанъ Я, не обращавшій до того времени на то вниманія, смотрю—это пули падаютъ и говорю: „Это свинцовый — дождь". „И вы еще шутите и улыбаетесь?" — говоритъ какая то женщина. — „А что же намъ остается дѣлать? плакать?" — возразилъ я дѣйствительно въ веселомъ настроеніи. — „Да" — повторилъ маіоръ — что же намъ остается дѣлать?" — „О, въ такомъ случаѣ, намъ не зачѣмъ здѣсь оставаться!" — сказали горожане и всѣ убѣжали, а пули не переставали возлѣ насъ падать. — „Пойдемъ и мы отсюда" — сказалъ маіоръ — что мы здѣсь выстоимъ„ — и мы ушли на другое мѣсто. — „Грумъ" — „Грумъ" „Грумъ" — пронесся звонкій гулъ въ воздухѣ. — „Вотъ онѣ!" — сказалъ маіоръ — заговорили русскія орудія. Возмѣте себѣ отъ улановъ коня и поѣзжайте съ ними на развѣдку". Онъ далъ мнѣ карту а указалъ, что и какъ я долженъ сдѣлать. Я откозырялъ и ушелъ.

Прежде чѣмъ отправиться на развѣдку я рѣшилъ что либо покушать. Мнѣ сказали, что въ одномъ домѣ какіе-то господа отпускаютъ домашніе обѣды и такимъ образомъ содерживаются во время войны. Фамиліи ихъ не помню. Я обратился къ нимъ и дѣйствительно хорошо отобѣдалъ. Въ добавокъ эти господа предложили мнѣ переночевать у нихъ, что я съ благодарностью приняль. Послѣ того отправился я съ уланами на развѣдку.

У меня была задача обслѣдовать окрестности между Стрьемъ и Долголукой. По пути я встрѣчалъ группы легко раненыхъ австрійскихъ солдатъ, въ томъ числѣ отрядъ „украинцевъ", отравлявшихся въ тылъ. Спрашиваю, откуда они идутъ и всѣ говорили, что изъ Колодницкаго лѣса, гдѣ сейчасъ идетъ бой. „Чортъ подери" — думаю себѣ — вѣдь это почти въ нашемъ тылу" и говорю: „Да не можетъ быть!.." — „Какъ не можетъ быть, а вотъ смотрѣте, мы-же ранены, а вотъ горитъ Гассендорфъ, а кромѣ того не слышите ли недалекой стрѣльбы?" И въ самомъ дѣлѣ, стрѣльба была и сильна и недалека. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ уже посвистывали пули, я возвратился назадъ и доложилъ о видѣ

номъ и слышаномъ нашему баталіонному командиру, маіору Вальдеку. Это невѣрно" — сказалъ маіоръ и отпустилъ меня отъ себя. „Невѣрно? — Пусть будетъ невѣрно" — подумалъ я и отправился въ расположеніе своей роты. Тутъ ротный командиръ Хейновскій спросилъ меня, что слышно. Я разсказалъ. — „Да, — говоритъ онъ — я тоже того мнѣнія, что мы въ западнѣ, ибо выстрѣлы вмѣсто отдаляться, мнѣ кажется, что они становятся все ближе и ближе." Другіе офицеры были тоже того мнѣнія и не стѣсня ись высказывать вслухъ разстройства своихъ нервовъ, Чтобы понапрасно и мнѣ не денервироваться я предложалъ Хейновскому отправится со мной на ужинъ тамъ, гдѣ я обѣдалъ. Такъ мы и сдѣлали. Тамъ и заночевали и несмотря на ужасную канонаду, продолжавшуюся цѣлую ночь, спали довольно хорошо. Солдаты спали на площади Стрыя подъ открытымъ небомъ въ палаткахъ. Когда мы съ Хейновскимъ явились къ нимъ на слѣдующее утро, въ четверъ, 9 (22) окт., они жаловались, что всю ночь не могли спокойно уснуть, ибо русскія бозпокоили ихъ ослѣпительными знарядами, а мнѣ казалось въ домѣ ночью, что это такъ молніи сверкаютъ отъ надвигающейся грозы.

Утромъ, 9 (22) окт., передъ восходомъ сонца стрѣльба утихла. Но положеніе было какое то неопредѣленное. Всѣ стоятъ на готовѣ и какъ будто чего-то ждутъ. Чего? Никто не знаетъ. Ходятъ слухи, будто отступаемъ. Погода хорошая, даже солнце свѣтитъ, но какъ-то тускло. Около 7 ч. утра послышался ружейный выстрѣлъ, одинъ другой, а затѣмъ все чаще и чаще. Къ намъ стали попадать пули. Солдаты начали безпокоиться и переминаться съ ноги на ногу. Смотрю. Хейновскій держитъ бумагу, а бумага ему въ рукахъ такъ и дрожитъ. Подхожу и спрашиваю: „Что это такое?" — „На, читай," — говоритъ. Читаю: Kein Rückzug! Die Bahnstrecke um jeden Preis bis zum Äussersten zu verteidigen Für den Erfolg des Kampfes mache ich sämtliche Oficiere persönlich verantwortlich. — Graf Lahmesan.*)

Тажело сдѣлалось на душѣ. Въ глазахъ потемнѣло. Въ головѣ стали клубиться черныя мысли: „Нѣтъ отступленія. Желѣзную дорогу защищать до послѣдняго. Чѣмъ? Вердлями? У насъ по 82 патрона, но мы ихъ уже почти разстрѣляли. Такъ чѣмъ? Штыками? Противъ пушекъ и пулеметовъ штыками? Ха, ха! Нѣтъ, не штыками, а собственными тѣлами. Вотъ, чѣмъ мы должны защищатъ Австрію и нѣмцевъ! Wir sollen alle krepieren! Ну, прощай Пелечка, прощай Анночка!

Быстрыми шагами пустились мы на Львовскую дорогу. Только мы показались, какъ ни затрещатъ пулеметы и бухнутъ орудія! Хейновскій крикнулъ: „Впередъ" и побѣжалъ. Я пустился за нимъ, но передо мной какая-то жещина хотѣла перейти

*) Нѣтъ отступленія! Желѣзно дорожный торъ защищать во что бы то ни стало до послѣдняго. За успѣхъ сраженія дѣлаю отвѣтственными всѣхъ офицеровъ. — Графъ Ламезанъ.

изъ одной стороны на другую дороги и упала среди шоссе, пронзенная пулей. Это отвлекло мое вниманіе и я потерялъ изъ виду Хейновскаго.

Въ мигъ сообразивъ, что по шоссе итти опасно, я крикнулъ солдатамъ: „По бокамъ“ — и побѣжалъ канавой. А пули такъ и свистятъ, такъ и хлещутъ, кажется, по лицу. Нѣтъ, и по канавѣ бѣжать нельзя, сейчасъ убютъ“ — думаю и бѣгу помежду домами предмѣстья. За мной бѣгутъ солдаты съ фельдфебелемъ Чорнымъ во главѣ. Смотрю, а какой то мѣщанинъ молотитъ въ сараѣ жито. Я диву дался. Тутъ идетъ бой, а онъ себѣ спокойно молотитъ! Когда я на минутку присталъ посмотрѣть на чудного человѣка, возлѣ меня собралось много моихъ салдатъ. „Почему вы не идете за Хейновскимъ?“ — спрашиваю. — „А гдѣ жъ онъ?“ — они спрашиваютъ меня. То то, что я и самъ не зналъ. Я былъ бы очень радъ, если бы солдаты пошли за Хейновскимъ и не толпились всѣ возлѣ меня, такъ какъ я не былъ бы такъ замѣтенъ и это было бы для меня безопаснѣе. Я пробовалъ развернуть солдатъ въ цѣпи, но это показалось трудно исполнимымъ въ предмѣстьи, среди огородовъ и заборовъ, и невозможнымъ потому, что кому охота была выставлять себя на открытое мѣсто, когда можно было итти впередъ скрываясь за домами? Но бѣда была въ томъ, что солдаты толпились возлѣ меня и не могли въ такой массѣ проходить незамѣтно для непріятеля, который, какъ мы только показались, сейчасъ засыпалъ насъ пулями. Вотъ мы послѣ многихъ трудовъ, пришли къ этому мѣсту, гдѣ дома стали рѣдки и малы. Я былъ легко одѣтъ, имѣлъ только шашку и браунингъ и мнѣ легко было перебѣгать отъ хаты къ хатѣ; но салдаты съ винтовками и ранцами отставали. Въ это время я поджидалъ ихъ за какимъ-нибудь домомъ, пока они въ поодиночку не подбѣжали ко мнѣ.

Помню: стою я за однимъ каменнымъ домомъ, а пули какъ градъ сыплются на его желѣзную крышу. Быть можетъ ихъ не такъ ужъ много было, но пуля упавъ на крышу, подпрыгнула нѣсколько разъ и это возводило трескъ пуль къ квадрату. Во время того я имѣлъ возможность хорошенько прислушаться къ пѣнію пуль: одна свиститъ, другая визжитъ, третья сычитъ, иная жужжитъ, еще иная тюрлитъ и т. д. А надъ головою и по бокамъ разрываются и бахаютъ ядра. Но пули ихъ насъ не задѣваютъ, потому что однѣ сыпются на крышу, подъ которой стоимъ, а другія съ боку или позади насъ. Одинъ стаканъ неразорвавшейся шрапнели упалъ недалеко меня въ канаву, всего въ трехъ-четырехъ шагахъ; мнѣ такъ и хочется поднять его. Зачѣмъ? И самъ не знаю. Такъ тянетъ, такъ и тянетъ. И вотъ я высовываюсь изъ-за дома, чтобы его поднять, а по шоссе идетъ линейный солдатъ и подтруниваетъ, что я прячусь за домомъ. Вдругъ шлепъ, солдатъ упалъ на дорогу, а за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ разорвалось ядро. По сол-

дату осталась одна безформенная масса. Меня взялъ ужасъ и отошла охота тянутся за стаканомъ.

Между тѣмъ возлѣ меня собралось нѣсколько десятковъ салдатъ, такъ что всѣ не могли скрыться за домомъ. Замѣтили это по всей вѣроятности русскіе и давай жаритъ по нашему дому. Господи! дай выдержать! Стоимъ, дрожимъ, минута кажется вѣчностью. Снаряды начали попадать прямо въ домъ и онъ въ концѣ рухнулъ, такъ что здѣсь нечего было дальше оставаться. Я выскочилъ и побѣжалъ по полю, солдаты за мной. Откуда ни возмись изъ-за довольно отдаленнаго отъ насъ другого дома выбѣжала кучка линейныхъ салдатъ въ свѣтлосѣрыхъ шинеляхъ, по всей вѣроятности, чтобы присоединится къ намъ. Одинъ здоровый дѣтина бѣжалъ впереди и вотъ скоро присоединится къ намъ. Вдругъ надъ нашими головами: „Бахъ“! Подо мной согнулись колѣни и я чуть-чуть не упалъ; со встыдомъ оглянулся я, не видитъ ли меня бѣжавшій солдатъ. Въ сію минуту вижу, какъ онъ распластавъ руки грохнулся лицомъ объ землю, даже не дрогнувъ, а его свѣтло сѣрая шинель оказалась съ черными дырочками, какъ решето. Я побѣжалъ еще скорѣе впередъ къ ближайшему дому. Тамъ легъ я за деревянымъ заборомъ о дубовомъ основаніи. Внутрѣ забора небольшой, деревяный домикъ и хозяйственныя постройки. Возлѣ нихъ стогъ хлѣба и сѣна. Скоро за заборомъ и внутрѣ его собралось столько салдатъ, что не могли всѣ спрятатся. Опять замѣтилъ насъ непріятель и сталъ засыпывать пулями да ядрами. Одно ядро сломало досчатый заборъ и открыло спрятавшагося между заборомъ и стогомъ сѣна нашего солдата. Онъ былъ какъ бы изъ яйца вылупленъ и очень смутился. Но тутъ-то и стыдится было нечего, ибо пули сыпались какъ градъ, а ядра какъ громы. Вы не вѣрите? Я тоже не вѣрилъ бы, если бы тамъ не былъ. Быть можетъ, спросите, какъ мы оцѣлѣли? Да уцѣлѣли такъ, что хорошо прятались. Я напр. спрятался за толстое дубовое основаніе забора, изъ-за котораго меня такъ же трудно было достать, какъ зайца, засѣвшаго въ глубокой, мерзлой пашнѣ. Такъ мы уцѣлѣли и то немногіе.

Вскорѣ однако мы были лишены и этого послѣдняго убѣжища, ибо въ переди не было больше домовъ, только ровное поле, за которымъ тянулась поперекъ желѣзная дорога въ разстояніи около 200 шаговъ. Когда въ нашъ заборъ попало нѣсколько ядеръ и разнесло его въ дребезги, я крикнулъ своимъ солдатамъ: „Ей люди! Кобы намъ до желѣзно-дорожной насипи! Тамъ безопаснѣе. Нука за мной!“ — и съ тѣмъ пустился впередъ.

Но не пробѣжавъ я еще и 100 шаговъ, какъ съ желѣзнодорожной насипи поднялась туча австрійскихъ салдатъ, какъ иногда подымается съ поля стая воронъ, и пустилась бѣжать назадъ. Охъ! какъ ни затрещатъ за ними пулеметы, какъ ни грохнутъ орудія, только земля дрогнула и поднялись слолбы

пыли точно во время бури. Я бросился на землю и сталъ ожидать смерти. Возлѣ меня рвались ядра и взметали столбы черной земли, въ воздухѣ рвались шрапнели, пулеметы трещали, я вздрагивалъ и повторялъ: Вотъ-вотъ, сейчасъ, вотъ сейчасъ смерть . . . . . и не знаю, какъ это долго длилось, мнѣ казалось, что вѣчностъ. Но смерть как-то не приходила, а пули и ядра перестали возлѣ меня падать, только гулъ еще усиливался. Вконцѣ мнѣ это надоѣло и я думаю: Все равно, разъ мати родила!

Я поднялся. Передо мной какія-то незнакомыя фигуры идутъ съ винтовками, смотрю по бокамъ, тоже такія фигуры и съ зади тоже. Идутъ другъ отъ друга въ растояніи 20 ти шаговъ и стрѣляютъ. Противъ меня обращено тоже дуло винтовки. Крышка, думаю себѣ, но все таки приникъ вновь къ землѣ. Слушаю, кто то крикнулъ: „Подымайся!“ Смотрю, передо мной два салдата, готовыхъ къ выстрѣлу. Чтожъ? Я всталъ. „Брось револьверъ“ — говорятъ. Я бросилъ. „Брось шашку!“ — Я бросилъ. Тогда они меня хватъ за руки; одинъ за одну, другой за другую. „А, офицеръ“ — говорятъ. Въ томъ слышу — выстрѣлъ. Я оглянулся и вижу: Салдатъ вонзилъ штыкъ въ австрійскаго офицера, выстрѣлившаго по немъ изъ револьвера, и встряхнувъ нимъ, какъ встряхиваетъ земледѣлецъ вилами снопъ, перекинулъ его черезъ плечо назадъ, а самъ пошелъ дальше. У меня въ глазахъ потемнѣло отъ ужаса. „Пошелъ, пошелъ“ — говорятъ плѣнившіе меня салдаты — нѣчего глазѣть. Война! Что у тебя еще есть?“ — „Есть деньги“ — говорю и показалъ имъ цѣлый мѣшечекъ серебряныхъ денегъ, которыхъ у меня было что-то около 600 кронъ, думая, что они хстятъ ихъ у меня отнять. „Не надо намъ твоихъ денегъ“ — говорятъ солдаты — мы спрашиваемъ на счетъ оружія“. — „Оружія у меня больше нѣтъ“. — „Ты правду говоришь?“ — „Я офицеръ“. — „Ну, братъ, повѣрь нѣмецкому офицеру! Ты видѣлъ, что сдѣлалъ вотъ тотъ, котораго на штыкъ солдатъ поднялъ?“ Мнѣ сдѣлалось дурно и изъ очей потекли слезы. Не выдержали нервы.

— Warum weinst du, warum weinst du? Sei zufrieden, dass du lebst und gefangenodenmmen *) Кто это говоритъ? Смотрю а это лейт. Елинекъ изъ 1-ой роты нашего баталіона и оберлейт. Бреттеръ отъ артиллеріи, съ которымъ я былъ знакомъ. Они думали, что я плакалъ отъ горя, что попалъ въ плѣнъ, а я плакалъ отъ многаго, а всего болѣе отъ великодушія простыхъ русскихъ солдатъ: имъ не надо моихъ денегъ; они не изъ-за денегъ воюютъ: нѣмецкому офицеру вѣритъ нельзя; но не смотря на то они повѣрили мнѣ на слово и не обыскивали за оружіемъ.

Вмѣстѣ со мной были еще плѣнены: лейт. Паздро, лейт.

---

*) Чего ты плачешь, чего ты плачешь? Будь доволенъ, что ты живъ и взятъ въ плѣнъ.

Дзеровичъ, и вольноопредѣляющіеся отъ артиллеріи: Рабасъ, Шифманъ и Малаховскій. Изъ солдатъ моей роты было плѣнено всего 38 человѣкъ, въ томъ числѣ фельдф. Чорный. Прочіе или пали или бѣжали. Когда насъ вывели на желѣзнодорожную насыпь и я оглянулся на Стрый, то увидѣлъ горющіе дома предмѣстья, разбитыя возлѣ нихъ наши орудія, которыхъ Bretter былъ комендантомъ, и поле, покрытое многими тѣлами убитыхъ и тяжело раненыхъ. Моего деньщика, Гаврищака не было въ бою со мною и я не знаю, что съ нимъ случилось. Когда меня вели попри солдатъ моей роты, они привѣтливо ко мнѣ улыбались и на ихъ лицахъ сіяло такъ радостное настроеніе, какое можно видѣть у нашихъ крестьянъ только на Свѣтлое Воскресеніе. А когда насъ всѣхъ около 100 человѣкъ изъ цѣлой бригады вели въ плѣнъ, австрійцы изъ дали стрѣляли по насъ шрапнелю, такъ что оберлейт. Бреттеръ воскликнулъ: „Боже! Не убили насъ русскіе, такъ хотятъ убить „свои“. Судьба однако была къ намъ болѣе милостива, а Пречистая Дѣва Мати не дала намъ всѣмъ погибнуть.

М. Ѳ. Глушкевичъ.

Впередъ, герои молодые!

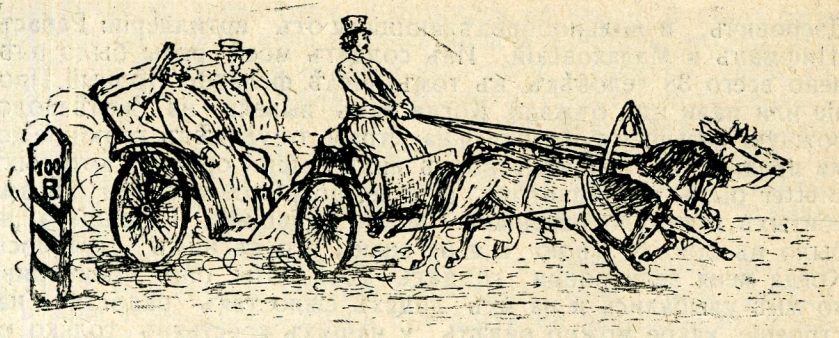
Впередъ, впередъ, герои молодые,
Ставайте подъ родное знамя въ рядъ,
Любви, науки мечъ и щитъ святые,
Пусть славой родину намъ озарятъ!

Пусть трудъ, тотъ гордой вольности родитель,
Страстямъ, безволью, лжи живой укоръ,
Пріемлетъ васъ въ священную обитель,
На васъ направитъ прочихъ братьевъ взоръ!

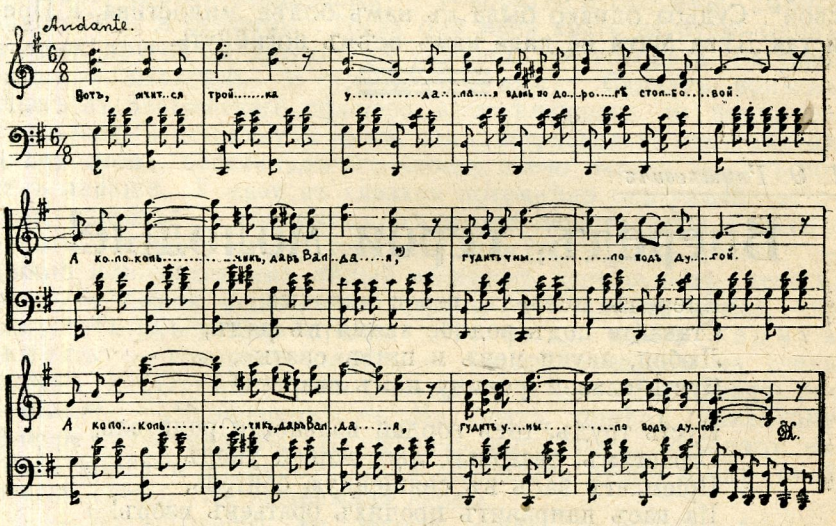
Бодритесь духомъ, силы призывайте,
Пусть силу духа освятитъ любовь,
Свободой гордыя главы склоняйте
Предъ вѣрой въ счастье будущихъ вѣковъ!

Завѣтныя слова святой отчизны:
„За Русь и за свободу жизнь и трудъ“
Пусть наконецъ трудами вашей жизни
Въ желанный, прочный подвигъ возрастутъ!

А ты великій, мощный, неизмѣнный,
Ты, русскій духъ, свой храмъ благослови
И юный жаръ дружины вдохновенной
Огнемъ святыхъ порывовъ оживи!



Русская тройка.



Вотъ, мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой;
А колокольчикъ, даръ Валдая *),
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ средъ тихой всталъ полуночи,
Ему сгрустилося въ глуши,
И онъ запѣлъ про ясныя очи,
Про очи дѣвицы-души.

---

*) Валдай, или Валдайская возвышенность, на которой льютъ колокола и колокольчики.

О, очи-очи голубыя,
Вы растерзали молодца!
О, люди-люди, о, люди злые,
Вы разлучили два сердца!

Разстался онъ со своей красою
И слезы канули на грудь;
Вздохнулъ, отеръ онъ ихъ полою,
Махнулъ, а тройка вихромъ въ путь.

Новый великанскій телескопъ

уставленъ недавно въ Калифорніи на вершинѣ горы Вильсона, возносящейся около 2000 метровъ. Работы около телескопа продолжались пять лѣтъ. О размѣрахъ этого наибольшаго въ настоящее время телескопа можно судить изъ того, что зеркало его имѣетъ въ діяметрѣ 2 мет. и 54 см., толщина его 32 см, а вѣсъ 4500 килогр. Стекляной дискъ къ этому зеркалу сдѣланъ во Франціи, въ единственной на земномъ шарѣ фабрикѣ, которая можетъ лить такъ громадныя стекляныя плиты. Но и эта фабрика не сразу изготовила плиту, а только послѣ восьминныхъ неудавшихся пробъ. Шлифовровка и полировка этого зеркала продолжалась четыре года, при чемъ употребляли очень мелкую наждачную пыль изъ желѣзной руды. Послѣ отдѣлки стекла повлечено его соотвѣтно химически стрепарованной, серебряной эмульсіей и такъ изготовленное зеркало вставлено въ огромную трубу телескопа.

Чтобы привести этотъ гигантскій телескопъ въ употребленіе, надо было построить на вершинѣ горы обсерваторію. А чтобы построить обсерваторію, пришлось проложить на гору шоссе для транспорта тяжелыхъ составныхъ частей обсерваторіи какъ напр. желѣзныхъ траверсовъ и мѣдныхъ трубъ. На зданіе обсерваторіи употреблено 600000 кг. желѣза и 200000 кл. бетона.

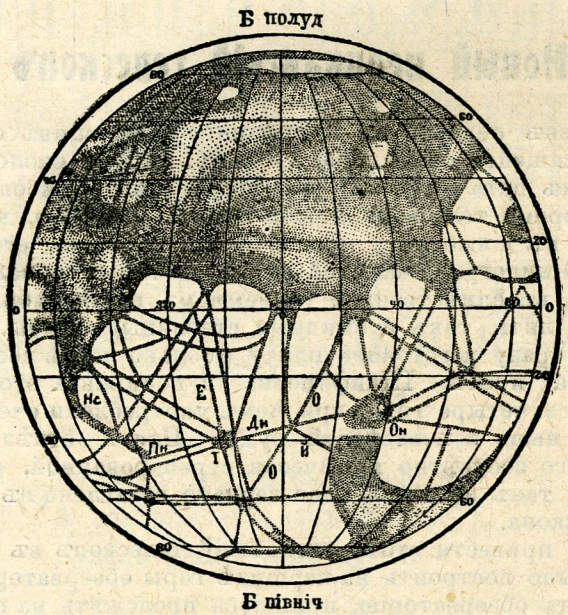
Вставленіе безцѣннаго зеркала въ трубу продолжалось 14 часовъ. Зеркала того рода и величины необыкновенно впечатлительны на температуру, такъ что могутъ указывать не только теплоту человѣческаго лица на большомъ разстояніи, но

даже теплоту самыхъ отдаленныхъ звѣздъ. Поэтому къ зеркалу придѣланъ особый аппаратъ, указывающій градусы тепла звѣздныхъ лучей. Кромѣ этого вокругъ зеркала помѣщены разнаго рода вентиляторы, чтобы сохранить желательную температуру зеркала.

Этотъ телескопъ имѣетъ типъ „рефлектора", т. е. что отраженіе въ зеркалѣ небесныхъ тѣлъ передается на другое зеркало, а дальше въ лупу и въ глазъ, или на фотографическую плиту. Телескопъ увеличиваетъ предметъ въ 250000 разъ, значитъ, что при помочи его можно будетъ столько же разъ больше видѣть небесныхъ тѣлъ, чѣмъ невооруженнымъ глазомъ.

Для приведенія въ дѣйствіе телескопа служитъ около 40 моторовъ, а кромѣ того особый часовой механизмъ, одна гиря котораго вѣситъ 1500 кл.

Ученые ожидаютъ отъ новаго гиганскаго телескопа новыхъ гигантскихъ открытій въ вселенной и на небесныхъ тѣлахъ.



МАРСЪ.

Владѣющею планетою (небеснымъ тѣломъ какъ наша земля) въ 1925 году есть звѣзда Марсъ. Что это значитъ владѣющею планетою? Это значитъ — звѣздой, которая въ данномъ году находится въ такъ наз. оппозиціи т. е по этой самой сто-

ронѣ солнца, что и земля и на линіи, проведенной отъ солнца черезъ землю и господствующую планету. Эта линія очень рѣдко бываетъ пряма, въ большинствѣ случаевъ она ломанная на землѣ, но все-же менѣе ломанная, чѣмъ другая линія, соединяющая по этой-же самой сторонѣ солнце-землю-и другую планету-звѣзду. И вотъ, когда эта линія, на которой находится земля и даная планета, наименьше ломанная, тогда говоримъ, что такая то а такая планета, въ такомъ то а такомъ году, господствующая. Конечно, для лицъ, мало знакомыхъ со звѣздами и космографіей, то, что говоримъ, мало, или совсѣмъ непонятно, для того скажемъ попросту, хотя не совсѣмъ вѣрно: Господствующей планетой въ данномъ году есть та, которая находится относительно земли наиближе. А всего ближе земли находится планета-звѣзда тогда, когда свѣтитъ цѣлую ночь и въ полночь находится посрединѣ неба считая отъ востока къ западу. Это однако не относится къ планетѣ Венерѣ, которая никогда не можетъ свѣтитъ намъ цѣлую ночь.

Планеты бываютъ верхнія и нижнія. Къ нижнимъ относятся тѣ, которыя ближе солнца, чѣмъ земля. Тѣми являются: Венера (вечерняя или утренняя звѣзда, т. е. зарница или денница) и Меркурій, который никогда не виденъ ночью, только днемъ, и то сквозь увеличительную трубу, какъ черная точка. Къ верхнимъ принадлежатъ: Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ. Земля не причисляется ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а находится посрединѣ, какъ исходный пунктъ.

Планеты верхнія могутъ находится по отношенію къ солнцу въ четвероякомъ положеніи: 1) въ конъюнкціи (соединеніи съ солнцемъ, когда находятся по противолежной сторонѣ солнца), 2) въ оппозиціи (разъединеніи, когда разъединены отъ солнца землей) и въ квадратурахъ (на востокъ или на западъ отъ солнца). Планеты нижнія могутъ находиться только въ конъюнкціи и въ элонгаціяхъ, т. е. на востокъ или на западъ отъ солнца, но это у нихъ не называется квадратурой. Планеты нижнія могутъ находится между солнцемъ и землей, планеты верхнія никогда. Планеты верхнія находятся въ оппозиціи тогда, когда между ними а солнцемъ находится земля. Марсъ бываетъ въ оппозиціи рѣже, чѣмъ въ предложеніи двухъ лѣтъ и тогда онъ виденъ всю ночь. Но такая оппозиція, въ которой Марсъ находится всего ближе къ землѣ, т. е. въ 55 миліонахъ километрахъ, случается только на продолженіи 80 лѣтъ.

И вотъ въ такомъ благопріятномъ для наблюденій положеніи нашелся Марсъ 10 (23) августа 1924 года, и будетъ еще находится въ 1925 году. По 10 (23) августа онъ приближался къ землѣ, а съ 10 (23) VIII удаляется отъ нея. По случаю настоящей оппозиціи Марса созданъ въ Америкѣ гигантскій телескопъ, о которомъ рѣчь въ другой статьѣ. Ученый міръ съ нетерпеливостью ждетъ того времени, что̀ скажетъ имъ американскій гигантъ, а мы тѣмъ временемъ перескажемъ читате-

лямъ то, что сказали намъ о Марсѣ дотеперѣшніе телескопы и ученые звѣздочеты.

Марсъ, носящій имя римскаго бога войны Марса, является самой ближайшей къ намъ верхней планетой и виденъ изъ земли всегда (менѣе болѣе хорошо) какъ звѣзда первой величины выразительно краснаго цвѣта. Поэтому и зовутъ его — о г н е н н ы й или п л а м е н н ы й Марсъ. Онъ отличается отъ другихъ планетъ многими особенностями, которыя ученые успѣли установить съ опредѣленной точностью. Такъ напр. между прочимъ опредѣлено: Огъ солнца Марсъ отдаленъ въ среднемъ на 225 милiоновъ километровъ (земля на 150 милiоновъ килом.); одинъ оборотъ вокругъ солнца совершаетъ онъ въ продолженiи нашихъ 687-ми дней, а вокругъ своей оси въ 24 часа, 37 мин., 22·7 сек. Значитъ — день на Марсѣ почти равенъ нашему, но годъ значительно длиннѣе земного, ибо на цѣлыхъ 322 дня, т. е. почти на цѣлый годъ земной, такъ что годъ на Марсѣ равняется приблизительно двумъ нашимъ годамъ. Ось Марса наклонена къ плоскости его пути вокругъ солнца подъ угломъ 24° 9′, т. е. немногимъ больше чѣмъ земная ось, наклонъ которой къ эклиптикѣ *) выноситъ 23½ градуса. Въ слѣдствiе того на Марсѣ есть тоже четыре времена года. Но такъ какъ на Марсѣ годъ почти два раза больше года земного, потому весна, лѣто, осень и зима на Марсѣ почти два раза длиннѣе нашихъ.

Марсъ въ многихъ отношенiяхъ похожъ на нашу землю, только онъ, касательно объемной величины, 7 разъ меньше земли. За то имѣетъ онъ 2 луны, по имени Деймосъ и Фобосъ; но онѣ небольшiя; ихъ дiаметръ выноситъ всего 8 до 9 километровъ. Обѣ луны вращаются вокругъ Марса на очень близкомъ растоянiи. Деймосъ въ 23000 км., а Фобосъ всего въ 9300 км. отъ центра планеты. Деймосъ совершаетъ одинъ кругъ въ 30 час. 18 м., а Фобосъ вращается вокругъ Марса очень быстро, три раза быстрѣе, чѣмъ поворачивается Марсъ вокругъ своей оси; круговой бѣгъ Фобоса совершается всего въ 7 ч. 39 м. Вслѣдствiе такъ быстраго движенiя наблюдателю изъ Марса должно казаться, что Фобосъ бѣжитъ въ противоположную сторону чѣмъ всѣ небесныя свѣтила, т. е. какъ наша луна по видимому всходила бы на западѣ солнца, а заходила на востокѣ.

Касательно внѣшняго выгляда Марса, то его наружность замѣчательно выразительна. На его поверхности выступаютъ разнаго рода формацiи въ видѣ свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ, которыя предполагаются быть сушей и водой, т. е. континентами и морями розличной величины. Особенно характерными являются темныя линiи, проложенныя въ разныхъ направленiяхъ и соединяющiя съ собой предполагаемыя моря и озера на Марсѣ. Эти линiи считаются каналами. Замѣчагельно что они предсгавляютъ линiи болѣе или менѣе прямыя и образуютъ какъ бы

*) Эклиптика — его плоскость круга, по которомъ земля вращается вокругъ солнца.

искусную, очень искусственную сѣть водной системы. Эта правильность каналовъ внушила нѣкоторымъ ученымъ предположеніе, что каналы должны быть твореніемъ не силъ природы, а разумныхъ существъ, подобныхъ человѣку. Такое мнѣніе распространилъ по бѣлу свѣту знатокъ астрономіи, но болѣе блестящій писатель, чѣмъ ученый, Камиль Фламаріонъ. Ну, а неразборчивая публика, узнавъ о предположеніи ученыхъ, сейчасъ рѣшила, что это фактъ, что на Марсѣ есть люди, и даже умнѣе земныхъ. Очень возможно; ибо почемужъ только на землѣ должны бы быть разумныя существа, подобныя человѣку, а на другихъ небесныхъ тѣлахъ нѣтъ? Не мыслимо вѣдь, чтобы только земля была населена разумными существами, а эти миріады небесныхъ тѣлъ были лишены таковыхъ'... Натомѣсть мыслимо, что по крайнѣй мѣрѣ на Марсѣ есть разумныя существа, тѣмъ болѣе, что тамъ условія жизни, по наблюденіямъ проницательныхъ умовъ, почти такіе-же, какъ на земли. Думать такъ даетъ намъ право и слѣдующее обстоятельство:

Вокругъ полюсовъ Марса значительное пространство занято свѣтлыми пятнами, разъ бо́льшими, другой разъ меньшими въ зависимости отъ временъ года. Когда на сѣверномъ полюсѣ Марса лѣто — свѣтлое пятно на немъ уменьшается, а увеличивается на южномъ, и то-же самое происходитъ на южномъ полюсѣ, когда тамъ лѣто. Иногда свѣтлое пятно на полюсѣ совершенно исчезаетъ лѣтомъ, а зимой вновь появляется. Эти явленія производятъ такое впечатлѣніе, что на полюсахъ Марса находится, такъ же какъ и на землѣ, снѣгъ и ледъ, которые лѣтомъ таютъ и превращаются въ воду, выступающую въ видѣ темныхъ пятенъ.

Въ связи съ возникновеніемъ и съ исчезновеніемъ пятенъ на полюсахъ Марса стоятъ каналы. Когда напр. на южномъ полюсѣ пятно исчезаетъ, тогда, особенно на южномъ полушаріи, появляются въ большомъ количествѣ темные линіи, т. е. каналы, которые чѣмъ разъ больше дѣлаются широки и выразительны. Когда же южное пятно исчезаетъ, то исчезаютъ также каналы. Это явленіе должно быть нѣкотораго рода доказательствомъ, что каналы лѣтомъ вскрываются и въ нихъ течетъ талая отъ снѣговъ вода, орошающая континенты Марса. Ввиду того сомнѣнія быть не можетъ, что на Марсѣ существуютъ климатическія условія съ температурой, вѣтрами и воздушными осадками, иначе не могли бы происходить упомянутыя теченія; но атмосфера на Марсѣ должна быть гораздо прозрачнѣе чѣмъ на землѣ, если каналы выступаютъ такъ выразительно. Такого сгущенія тучъ, какъ на землѣ, на Марсѣ не видно, однако тучи наблюдались, но рѣдко.

Обнаруженіе на Марсѣ выше описанныхъ явленій, имѣющихъ очень большое сходство съ земными, особенно же открытіе такъ правильной и по видимому искусной сѣти водной системы, кажущейся быть построенной по плану разумныхъ существъ, почти всякаго приводитъ къ заключенію, что на Марсѣ

должны быть, если ужъ не люди такіе какъ мы, то во всякомъ случаѣ разумныя существа, подобныя, хотябы только однимъ умомъ, человѣку, которыми эти каналы построены, на что, кажется, и прямыхъ доказательствъ не надо.

Но.... тутъ-то и надо поставить большой вопросительный знакъ и ждать, что намъ скажутъ дальнѣйшія изслѣдованія астрономовъ. А пока что, простое уже соображеніе заставляетъ насъ призадуматься: сколько бы сооруженіе такъ громадныхъ каналовъ на землѣ стоило рукъ, труда и времени?.. Простое соображеніе говоритъ намъ, что сооруженіе на землѣ такихъ каналовъ, которые были бы видны за десятки милліоновъ километровъ стоило бы труда всего человѣчества на продолженіи многихъ тысячелѣтій. А развѣ то мыслимо? Вспомнимъ только сколько труда и средствъ стоили ничтожные каналы Суэзкій и Панамскій!.. Такъ чьимъ-же дѣломъ являются каналы Марса и самъ Марсъ и ему подобныя небесныя тѣла и свѣтила?.. Ты, Создатель, одинъ вѣси! — Велій еси, Господи, и чудны дѣла Твои и разуму Твоему нѣтъ конца!

Д. Ключникъ.

РУССКІЯ КНИГИ, ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ

Издательство, Книготорговля и Газетная Экспедиція

„ДОБРО“

Warszawa, Hoża 45 — 8; telefon 226 — 84.

Почтовый адресъ: Wydawnictwo „DOBRO“, skrzynka 192, Warszawa.

Большой выборъ книгъ какъ довоенныхъ, такъ и вышедшихъ за послѣдніе годы заграницей: русскіе классики, поэзія, беллетристика, искусство, учебники, книги научныя, техническія, медицинскія, по сельскому хозяйству, календари, словари, русскія художественныя открытки и т. п.

Пріемъ подписки на русскія газеты и журналы, выходящіе за рубежомъ.

Каталоги и проспекты по требованію безплатно.

Книги высылаемъ наложеннымъ платежомъ.

Цѣны умѣренныя.

Фирма „ДОБРО“ организована русскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ „РУССПРЕСС“.

Документы къ исторіи Ставропигійскаго Института во время Міровой войны.

I.

K. u. k. Stadtkommando Lemberg. Res. Nr. 118

Sperrung der Buchdruckerei und der Buchhandlung des stauropigischen Vereines. An die k. k. Polizeidirektion in Lemberg. Lemberg, am 9 Juli 1915. Im Hause des stauropigischen Vereines in der Ruska-gasse und insbesondere in der Buchdruckerei und der Buchhandlung dieses Vereines, sowie in der Wohnung des nach Russland entflohenen Vorstandes dieses Vereines Professors Sywulak ist sofort eine strengs Hausdurchsuchung durchzuführen und die Buchdruckerei und Buchhandlung sofort zu speren, das saisierte Material der K. Stelle des Stadtkmdos zu übersenden. Die in den Händen des Leiters der gennanten Buchdruckerei befindliche Bestätigung, wonach in derselben sämtliche Kundmachungen des Stadtkommados gedruckt werden, ist einzuzuziehen und anher vorzulegen. Riml G. M. mp.

II.

K. u. k, Haupt K.-Stelle Lemberg. K. Nr. 40.

Stauropigisches Institut, Sperrung. An das Präsidium der k. k. Polizeidirektion in Lemberg. Lemberg, am 15. September 1915. Unter einem werden dem P. T. die Schlüssel von den sämtlichen Lokalitäten des stauropigischen Institutes in der Ruskagasse, welche von hieramts abgesperrt und versiegelt wurden, zwecks weiterer Amtshandlung übersendet. Es wird bemerkt, dass auf Grund hierämtlichen Erhebungen festgestellt wurde, dass in der dazugehörigen Buchhandlung während der Invasion Spottbilder gegen Kaiser von Oesterreich und Kaiser von Deutschland in der Fensterausstellung ausgestellt waren. Dieselben wurden jedoch auf einige vor dem Einzuge eigener Truppen nach Lemberg beseitigt und sind im Lokale nicht mehr vorgefunden worden. — Als Beilage: Schlüssel. Wiederin G.-M. m. p.

III.

Prezydjum c. k. Dyrekcji Policji we Lwowie.

L. 1925/15. Stowarzyszenie: „Stauropigijski Instytut“ — Zarząd. Do Pana Adama Smółki c. k. starszego komisarza Policji we Lwowie. Polecam Panu, abyś natychmiast objął Zarząd Stowarzyszenia „Stauropigijski Instytut“, w szczególności Zarząd jego spraw majątkowych oraz prowadzenie wszelkich z tem połączonych administracyjnych czynności i agend w charakterze komisarza rządowego. Zarazem będzie Pan upoważniony do zastępowania i reprezentowania stowarzyszenia na zewnątrz, a to zarówno wobec osób prywatnych, jak też wobec władz publicznych i władz sądowych. Za swoje

czynności pobierać Pan będzie począwszy od dnia 15. lipca br. po 10 koron dziennie. — Lwów, 18/VII. 1915. Podpis nieczytelny m. p.

IV.

Prezydjum c. k. Namiestnictwa. L. 36774/pr. Biała dnia 14. grudnia 1915. Do Pana c. k. Radcy Rządu i Dyrektora Policji we Lwowie. Rozgrywające się w kraju wypadki wojenne, oraz okoliczności natury politycznej, które się na tle tych wypadków wyłoniły, spowodowały w swoim czasie zarówno Zarząd jak i przeważną większość członków istniejącego we Lwowie Instytutu Stauropigjańskiego do opuszczenia kraju, skutkiem czego Instytut ten czasowo przestał funkcjonować i okazała się potrzeba roztoczenia opieki nad nim i majątkiem jego, przez władzę rządową. Porzebne w tym kierunku zarządzenia poczynił w swoim czasie Pan Dyrektor, poruczając tymczasowy Zarząd Stauropigji c. k. starszemu komisarzowi policji Adamowi Smółce. Ten stan rzeczy trwa dotychczas. Pragnąc obecnie w granicach ważności uczynić zadość uzasadnionym postulatom religijnym i oświatowym tej części społeczeństwa ruskiego w kraju, które zaspokojenia postulatów powyższych szuka wyłącznie w ramach **istniejącego prawno-państwowego ustroju i która złożyła zarazem w ciągu toczącej się wojny pełne dowody lojalności wobec Najwyższego Tronu i Państwa, postanowiłem na prośbę Ogólnej ukraińskiej Rady Narodowej,** przebywającej obecnie w Wiedniu, przywrócić napowrót normalny tok funkcjonowania lwowskiego Instytutu Stauropigiańskiego i w tym celu zarządzam co następuje: Ponieważ nieodzownym warunkiem reaktywowania Intsytutu jest pozyskanie nowych członków w miejsce tych wszystkich, którzy z przyczyn wyżej podanych ubyli, przeto zechce Pan Dyrektor wezwać Komisarza rządowego, aby w sposób właściwy, w szczególności zaś także za pomocą ruskich czasopism ogłosił, a następnie przeprowadził wpisy nowych członków w myśl obowiązujących w tej mierze postanowień Insytutu, przestrzegając jednak przytem jak najściślej, aby do tej religijno oświatowej instytucji weszły **tylko jednostk politycznie niepodejrzane i wypróbowane pod względem swej lojalności.** — Przedłożony tu przez ukraińską Radę Narodową spis osób, któreby się szczególnie pod tym względem zalecały, dołączam, nadmieniam atoli zarazem, że spis ten ma znaczenie jedynie informatywne. Skoro wpisze się w ten sposób odpowiednia ilość członków, będzie rzeczą Komisarza rządowego przeprowadzić na zasadzie istniejących pod tym względem postanowień statutowych Instytutu Stauropigiańskiego wybór nowego Zarządu (Senioratu), a następnie wprowadzić Zarząd ten w urzędowanie, tudzież oddać mu zawiadowstwo majątkiem Instytutu. O wykonaniu niniejszego polecenia należy mi donieść, dołączając dotyczące sprawozdanie Komisarza rządowego, — Zarazem polecam Panu Dyrektorowi, aby osobną relacją przedstawił szczegółowo dotychczasową działalność istniejącego we Lwowie (obecnie również zawieszonego) Towarzystwa im. Kaczkowskiego, ewentualnie zaś naprowadził powody, któreby uzasadniały rozwiązanie tego stowarzyszenia po myśli § 24. ustawy z dnia 15.

listopada 1867, Dz. u. p. Nr. 134. Równocześnie wymienić należy, o ile to na podstawie aktów tamtejszych możliwe, wszystkie istniejące w kraju filię wspomnianego stowarzyszenia. — C. k. Namiestnik: Colard m. p.

V.

Sprawozdanie c. k. starszego komisarza policji Adama Smółki, jako komisarza rządowego dla tymczasowego zarządu majątkiem Stauropigijskiego Instytutu, o przebiegu akcji, wdrożonej wskutek reskryptu c. k. Prezydjum Namiesnicttwa z dnia 14. grudnia 1915 L. 36774/pr. celem reaktywowania Stauropigijskiego Instytutu. — Wskutek polecenia Prezydjum c. k. Namiestnictwa z dnia 14. grudnia 1915, aby przywrócić napowrót normalny tok funkcjonowania Instytutu Stauropigijskiego we Lwowie, który skutkiem opuszczenia kraju przez Zarząd i większość części członków przestał czasowo funkcjonować, przeprowadziłem wpisy nowych członków, stosując się w tym względzie ściśle do postanowień §§. 7. i 8. statutu, którego egzemplarz przedkladam. — 1). Odnośne zawiadomienie o wpisach nowych członków umieściłem w obu wychodzących we Lwowie dziennikach ukraińskich t. j. „Ukraińskim Słowie“ i „Dile“ (Nr. 140 z dnia 31. XII. 1915). W krótkim przeciągu czasu wpisało się 115 nowych członków, tak, że mogłem Walne Zgromadzenie zwołać na dzień 2. lutego 1916. Spis nowo przezemnie przyjętych członków przedkładam pod 2). O terminie Walnego Zgromadzenia zawiadomiłem nowo przyjętych członków każdego z osobna listem poleconym, a nadto odnośne ogłoszenie umieściłem w „Dile“ (Nr. 24. z dnia 26. I. 1916). Dawnych, we Lwowie pozostałych członków zawiadomiłem stosownie do postanowień §. 14. statutu imiennie cyrkularzem, który przedkładam pod 3). — Zwołane w ten sposób na dzień 2. lutego 1916 walne Zgromadzenie członków Stauropigijskiego Instytutu odbyło się w sali obrad tegoż Instytutu przy ul. Blacharskiej l. 9. o godzinie 4 tej po południu z porządkiem dziennym: 1). Otwarcie zgromadzenia przez komisarza rządowego i złożenia przez niego sprawozdania z czynności za czas od 15. lipca 1915 do 2. lutego 1916. 2). wybór seniora, dwóch zastępców seniora, dwunastu członków wydziału, tudzież trzech członków komisji rewizyjnej. 3). Wnioski członków. — Zgromadzeniu przewodniczył podpisany jako komisarz rządowy. — Złożywszy krótkie sprawozdanie z czynności oraz dochodów i rozchodów w czasie mego urzędowania (sprawozdanie to zawarte w dołączonym pod 4.) odpisie protokołu z tego zgromadzenia) zarządziłem wybór seniora, członków wydziału i komisji rewizyjnej za pomocą kartek głosowania, które dołączam pod 5.) Do wydziału weszły następujące osoby: 1). Grzegorz Kuźma, c. k. Radca Dworu jako s e n i o r. 2). *Iwan Kiweluk, członek Wydziału kraj.* i c. k. Radca sądu praj. jako w i c e s e n i o r. 3). Julian Siczyński, c. k. starszy Radca Dyrekcji Domen i lasów jako w i c e s e n i o r; j a k o c z ł o n k o w i e w y d z i a ł u: 4). Dr. Stefan Baran, adwokat kraj. 5). Aleksander Barwiński, c. k. Radca Dworu, 6). Dr. Izydor

Hołubowicz, adwokat kraj. 7.) Sydor Gromnicki, c. k. Radca szkolny. 8.) Aleksander Kmicikiewicz, c. k. Radca wyż. Sądu kraj., 9.) Dr. Aleksander Kulczycki, Dyrektor zemeln. Banku kipot. 10.) Dr. Kość Lewicki, adwokat i poseł. 11.) Dr. Eugeni Ozarkiewicz, c. k. starszy Radca sanit., 12.) Sydor Mydłowski, em. c. k. Radca Sągu kraj. 13.) Michał Stefaniwskyj, majster ślusarki. 14.) LeonSzechowicz em. c. k. Radca wyż. Sądu kraj., 15.) Dr. Wasyl Szczurat, c. k. profesor II. gimn. — Członkowie komisji rewizyjnej: 1.) Karol Bandriwskyj, c. k. Radca Dyrekcji Skarbu, 2.) Grzegorz Pężanski, em. c. k. Radca budow. 3.) Omelan Sajewicz, dyrektor kraj. Sojuza rewizyjnego. — Po wyborze oddałem przewodnictwo zgromadzenia w ręce nowowybranego seniora Grzegorza Kużmy, który, podziękowa wszyza wybór, złożył hołd i dał wyraz uczuciom przywiązania i lojalności dla panującej Dynastji oraz złożył podziękowanie za oddanie Instytutu Stauropigijskiego w ręce Ukraińców J. E. kr. Stürkowi, ks. Hohenlohe i Namiestnikowi generałowi Colardowi. Na wniosek Dr. Barana wysłano do kancelarji kabinetowej oraz do wyżej wymienionych osobistości telegramy dziękczynne. — Następnie w dniach 4., 5., 7. i 10. lutego 1916 oddałem w ręce nowowybranego Wydziału kolejno ruchomy i nieruchomy majątek Instytutu Stauropigijskiego, oraz pozostałą gotówkę w kwocie 15 8 K. 74 hal. Dokładny wykaz oddanych przedmiotów oraz poświadczenie odbioru znajduje się przy akcie L. 1279/pr. dołączonym pod 6). W końcu nadmieniam że wszyscy przezemnie przyjęci nowi członkowie Stauropigijskiego Instytutu są wybitnymi członkami narodu Ukraińskiego i wypróbowanymi pod względem swej lojalności. — Lwów, dnia 25. lutego 1916. C. k. starszy komisarz policji.

Д-ръ АЛЕКСАНДРЪ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ

ПЕЛЕХЪ

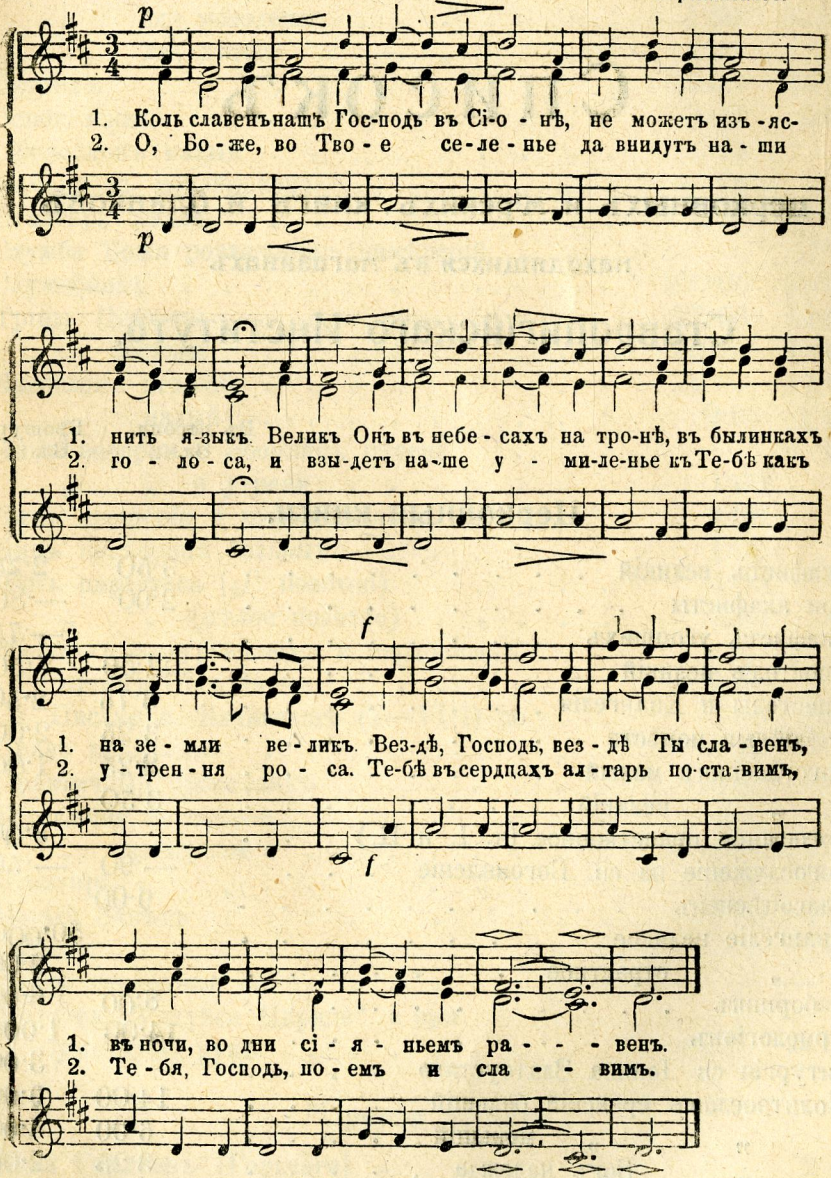
врачъ - спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ

принимаетъ ежедневно съ 3—5 часовъ дня

ЛЬВОВЪ. Русская ул. № 3, или Бляхарская, № 11, II. эт.

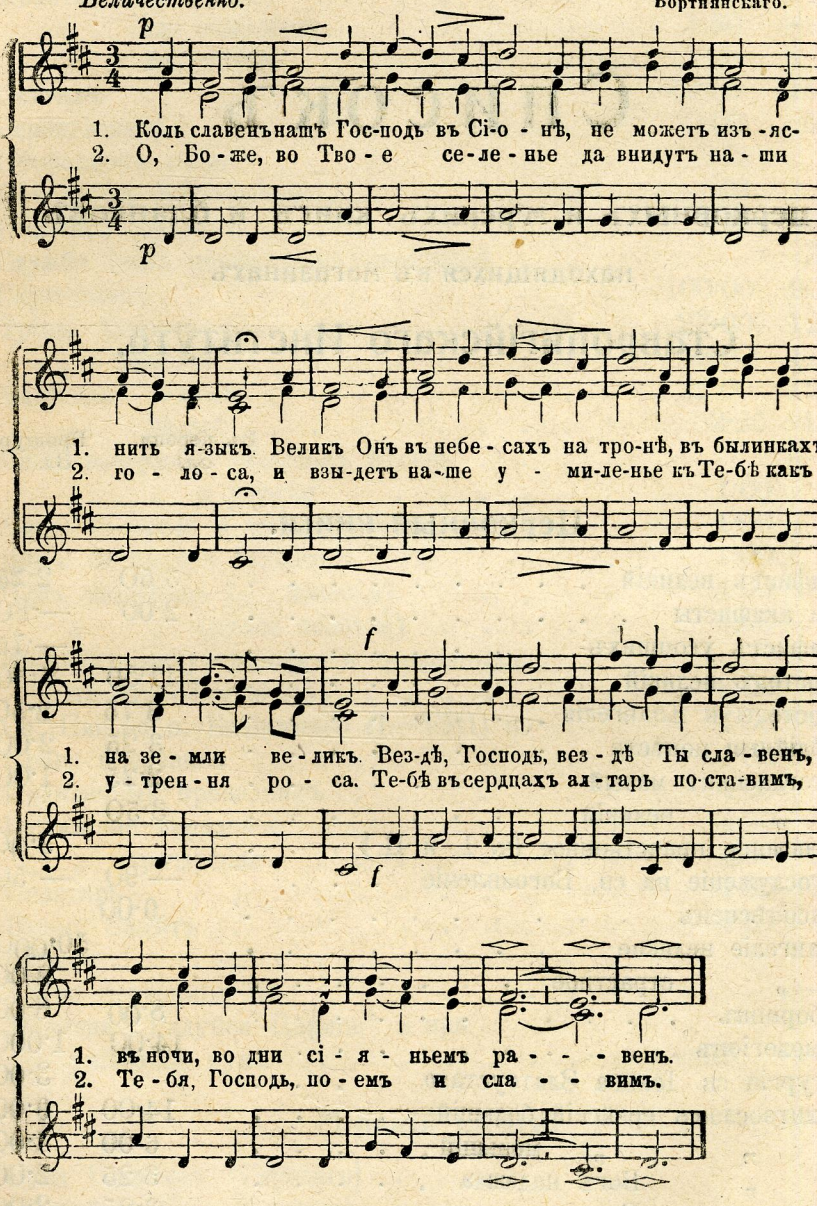
Коль славенъ.

Величественно. Бортнянскаго.



Коль славенъ.

Величественно. Бортнянскаго.



Списокъ

церковныхъ и мірскихъ книгъ и бланковъ

находящихся въ магазинахъ

Ставропигійскаго Института.

	Въ перепл. Зл.	Брошур. Зл.
Церковныя книги.		
Акафистъ великій	3·50	2·25
Три акафисты	2·00	—·80
Акафистъ усопшихъ		—·75
Апостолъ великій	11·50	7·50
Апостолы и Евангелія	3·75	2·50
Библійныя повѣсти	3 25	2·00
Богогласникъ малый	2·25	1·00
„ великій	3·50	
Богословіе нравственное (ч. I. и II.) . . .		3·00
Богослуженіе на св. Богоявленіе	—·90	—·50
Гласопѣснецъ	9·00	
Евангеліе великое		50·000
„ страстное		2·00
Изборникъ	8·00	6·00
Ирмологіонъ	14·00	1·000
Литургія св. Іоанна Златоустаго		3·00
Молитвословъ ерейскій большій	14·00	9·00
„ „ меньшій	6·00	4·00
„ Богъ надежда	3·25	2·00
„ Господу помолимся . . .	3·25	2·00
„ Другъ души	3·50	2·00
„ Кормъ души	4.00	2·50

	Въ Перепл. Зл.	Брошур. Зл.
Молитвословъ полный	5·00	
„ для молодежи	1·50	—.75
„ для дѣтей	1·00	
Октоихъ	30·00	15·00
Осмогласникъ	10·00	6·00
Пѣснословъ малый	—·75	
Помянникъ покойниковъ	—·70	
Псалтирь малая	4 25	3·00
Служба Божа розличныхъ намѣреній		3·00
Служебникъ	100·00	90·00
Тріодь Цвѣтная	22·00	12·00
„ постная	20·00	11·00
Часословъ великій	22·00	12·00
„ малый	2·25	1·00
Чинъ вечерни и Зборникъ пѣсень		—·50
„ „ и утрени	1·00	
Чинъ крещенія и миропомазанія	1·00	
Чинъ посѣщенія больныхъ	1·00	
Чинъ парастаса ($_2/^1$ полотно)	4·00	3·00
„ „ (цѣлое полотно)	5.00	
Зборникъ литургичныхъ и церковныхъ пѣсенъ (Людкевичъ)	6·00	3.00
Св. Письмо о. Бачинскаго (I—VIII) по	4·00	3·00
Право церковное	4·00	3·00
Практичный проводникъ	4·00	3·00
Богословіе моральное	4·00	3·00
„ пастырское	4.00	3·00
Псалтирь	4 00	3·00
Новый Завѣтъ	5·00	4·00
Коляды		1 00
Друки церковные по		—·10
Молитва „Радуйся Царице“ и при умываню рукъ	—·50	—·20

Мірскія книги.

Ѳома Гордѣевъ (Горькаго)	2·50
Служитель Бога (Саліаса)	2·50
Слѣпой музыкантъ (Короленка)	1·00
Воскресеніе (Толстого)	3·00

Вѣчная истина (Потапенка) . . . . 1·00
Покинутый (Пронскаго) . . . . . 1·00
Моя жизнь (Чехова) . . . . . —·50
На полѣ брани (П. Герасимова) . . . —·50
Въ пустыняхъ (Нем.-Данченка) . . —·50
Разсказы (Чирикова) . . . . . 1·00
Майская ночь (Н. В. Гоголя) . . . —·70
Увлеченіе (С. А. Качурина) . . . . —·80
Разсказы (Елпатіевскаго) . . . . . —·50
Латникъ (Марлинскаго) . . . . . —·50
Ревизоръ (Гоголя) . . . . . 1·00
Романъ и Ольга (Марлинскаго) . . . —·50
Съ устьевъ Дуная (М. Чайковскаго) . 1 00
Идиліи въ прозѣ (Накрохина) . . . —·80
Изъ студенческой жизни (Милина) . —·80
Смутитель (Саліаса) . . . . . —·50
Морзъ и Юзъ (И. Д. Боборыкина) . —·60
Октава (Скитальца) . . . . . —·50
Простая случайность (И. Н. Потапенка) —·50
Звѣринецъ (Н. Ежова) . . . . . —·30
Заколдованное мѣсто (Н. В. Гоголя) —·30
Граматика русск. языка (Бендасюка) 2·00
Исторія Руси (изд. Дуды) . . въ переп. 5·00 брошур. 4·00
Словарь (Димитріевича) . . . „ 20·00 „ 15·00
Вопросъ объ единствѣ русскаго языка передъ австрійскимъ военнымъ судомъ въ Вѣнѣ въ 1815 году (д-ра Вондрака) . . . . . 1·50
Исторія Руси (Дѣдицкаго) . . . . 5·00
Исторія Русскаго Княжества (Зубрицкаго) 2·00
Сочиненіе Залозецкаго, I, II, III томъ по 3·00
Эвфимія Володаревна (Залозецкаго) 2·00
Червонорусскіе отзвуки (Вергуна) 1·00
Подгоряне (Гушалевича) . . . . —·50
Этюды и очерки (Глѣбовицкого) . . 1·00
Введеніе въ отечественную исторію (Антоневича), ч. I и II 1·00
Наше нынѣшнее положеніе (Антоневича) 1·00
Вопросъ объ единствѣ русскаго языка 1·50

6.200

1925
РК III
40.118

Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея,
Господи, и поля Твоя исполнятся тука.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LV.

ВРЕМЕННИКЪ

Ставропигійскаго Института

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

НА ГОДЪ

1925

ЛЬВОВЪ, 1924.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ А. И. Яськова.